ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

ФИЛИП К. ДИК

Игроки с Титана

ТРИ ЛУЧШИХ РОМАНА В ОДНОМ ТОМЕ!

Игроки с Титана (сборник)
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Игроки с Титана (сборник)
Человек в Высоком замке
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- От переводчика

Игроки с Титана
- Глава 1
- Глава 2

Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Помутнение
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
От автора

Аннотация

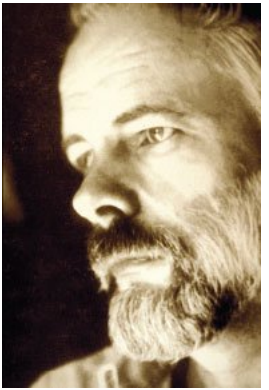
Филип К. Дик – один из главных визионеров современности, не боявшийся поднимать в своих произведениях сложные темы. Границы настоящего и виртуальной реальности, возможности разума и расширение сознания, поиск человеком Высшей силы и самого себя… Все то, что прочие писатели считают неудобным выставлять на всеобщее обозрение, Филип Дик препарирует на глазах у читателей, заставляя каждого найти свой ответ на непростые вопросы. Но не только это на протяжении уже более полувека обеспечивает автору культовый статус – мастерство писателя захватит вас и не отпустит вплоть до последней страницы.

Филип К. Дик
Игроки с Титана (сборник)

Philip K. Dick
THE MAN IN THE HIGH CASTLE
© 1962, Philip K. Dick. Copyright renewed © 1990, Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Dick. All rights reserved
THE GAME-PLAYERS OF TITAN
© 1963, Philip K. Dick. Copyright renewed © 1991, Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Hackett. All rights reserved
A SCANNER DARKLY
© 1977, Philip K. Dick. All rights reserved

© В. Баканов, С. Трофимов, Г. Корчагин, А. Круглов, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *



Филип К. Дик (1928–1982) — американский писатель, ставший классиком мировой литературы благодаря своему неповторимому стилю, оригинальным научным концепциям, которые легли в основу его парадоксальных сюжетов, и исключительно тонкому психологизму. Творчество Дика теснейше сплелось с его биографией, до предела наполненной противоречиями и загадками, — порой невозможно отличить вымысел от того, что действительно происходило с автором.

Гениальнейший писатель-фантаст в мире.

Джон Браннер

Дик показывает все те пугающие перспективы, которых старательно избегают другие авторы.

Пол Уильямс, Rolling Stone

Величайший экстраполятор всех страхов современности.

New York Daily News

Человек в Высоком замке[1]

Моей супруге Энн – без ее молчания не была бы создана эта книга

[1] Примечания: 1
Перевод Г. Корчагина.

Глава 1

«Заказчик будет очень недоволен», — хмуро подумал мистер Чилден, отворяя дверь магазина «Американские художественные ремесла».

Он всю неделю дожидался ценной посылки из Скалистогорских Штатов, и вот уже утро пятницы, а на полу под почтовой щелью одни только письма.

Бросив пятицентовик в настенный автомат и получив стаканчик быстрорастворимого чая, он взялся за метлу. Вскоре торговый зал магазина был готов к открытию: везде безукоризненная чистота, кассовый аппарат набит сдачей, в вазе свежие бархатцы, из репродуктора льется тихая музыка. Снаружи по тротуарам Монтгомери-стрит спешили в свои офисы бизнесмены. Далеко в небе проплывал вагончик канатной дороги; Чилден проводил его ласковым взглядом, полюбовался и женщинами в длинных пестрых платьях из шелка. И тут зазвонил телефон.

Владелец магазина прошел в глубь зала, взял трубку:

— Слушаю вас.

В ответ прозвучал знакомый голос. Чилден

совсем упал духом.

— Это господин Тагоми. Насчет вербовочного плаката времен Гражданской войны. Вы еще на той неделе обещали, помните? Он прибыл наконец?

Нервная, резковатая речь. Вежливость на грани срыва.

— Мистер Чилден, в чем проблема? Вы просили задаток — я оставил. Объяснял же: эта вещь предназначена в подарок важному клиенту.

— Господин Тагоми, — начал Чилден, — я несколько раз направлял на почту запрос, причем за свой счет, но вещь заказана в другом регионе, поэтому…

— Выходит, она еще не доставлена? — перебил Тагоми.

— Нет, господин Тагоми.

Наступила ледяная пауза.

— Больше я ждать не могу, — проговорил наконец Тагоми.

— Да, сэр. — Чилден уныло рассматривал через витрину залитые теплым солнцем офисные здания Сан-Франциско.

— Давайте подумаем о замене. Что посоветуете, мистер Чилден?

Тагоми, не выходя за рамки формальной веж-

ливости, произнес фамилию чуть искаженно, и у собеседника запылали уши.[2]

Вот она, горькая доля побежденных. Страхи, страдания, разбитые мечты, утраченные надежды — все взбаламучено одним-единственным обидным словом, все устремляется кверху со дна души, затопляя разум, не позволяя связно отвечать.

Роберт Чилден молчал, потела сжимавшая трубку ладонь. В торговом зале пахло бархатцами, играла музыка, но он себе казался моряком, упавшим за борт посреди чужого моря.

— Посоветую… — все же преодолел он ступор, — маслобойку. Еще есть мороженица, примерно тысяча девятисотый год…

Разум отказывался соображать. Вот как это случается, нежданно-негаданно. А ты уже было поверил, что все стерто в памяти. А ты уже было ухитрился себя оболванить. Как бы не так. Тебе тридцать восемь, и ты способен припомнить довоенные деньки. Франклина Делано Рузвельта, Всемирную ярмарку — дивный старый мир.

— Если желаете, я кое-что доставлю к вам на

---

[2] Примечания: 2

Childan (Чилден) — созвучно children, то есть «дети». Можно предположить, что Тагоми добавил в фамилию собеседника мягкий, едва заметный звук «р». *(Здесь и далее — прим. перев.)*

работу для демонстрации, — пробормотал он.

Договорились встретиться в два часа.

«Придется закрывать магазин», — сообразил Чилден, положив трубку.

А что поделаешь? С такими клиентами, как господин Тагоми, портить отношения нельзя — от них зависит бизнес.

Стоя у прилавка и дожидаясь, когда уляжется дрожь в теле, он запоздало обратил внимание на вошедшую в магазин парочку. Молодой человек и девушка, красивые, хорошо одетые. Просто идеальные. Он успокоился полностью и с профессиональной улыбкой на лице легкой походкой направился к посетителям.

Склонившись над прилавком, они рассматривали через стекло изящную пепельницу.

«Женаты, — предположил Чилден. — Живут небось в какой-нибудь роскошной новостройке вроде Города клубящихся туманов, у бульвара Скайлайн, с видом на Белмонт».

— Здравствуйте.

Чилдену уже совсем полегчало. В улыбках посетителей не было и намека на превосходство, только доброта. Его товары — а лучшей подборки не найдешь на всем побережье — привели парочку в восхищение. Чилден был польщен сходством

вкусов, и это не осталось незамеченным.

— Превосходные вещи, сэр, — сказал молодой человек.

Неожиданно для самого себя Чилден поклонился.

Глаза этих людей излучали не только тепло связующей их любви, но и благоговение перед выставленными на продажу изделиями. На Чилдена смотрели с благодарностью — ведь это он позаботился о том, чтобы в «Американских художественных ремеслах» каждый мог полюбоваться предметами искусства, подержать их в руках, даже если не собираешься покупать.

«Да, — подумалось ему, — эти ребята понимают, где находятся. Тут им не навяжут какое-нибудь барахло для туристов вроде дощечки мамонтового дерева с надписью «Муир-Вуд, округ Марин, ТША»,[3] смешного дорожного знака, девичьего колечка или открытки с мостом Золотые Ворота. У нее глаза необычные, — отметил он. — Большие, черные. С какой легкостью я бы мог влюбиться в такую женщину. И какой трагедией обернулась бы моя жизнь, и без того несладкая».

Он замечал все: уложенные в стильную при-

---

[3] Примечания: 3

Муир-Вуд — в нашем мире заповедник, секвойный лес в штате Калифорния.*)*

ческу черные волосы, лак на ногтях, проколы в ушах для серег ручной работы.

— Сережки, — пробормотал он. — Вы здесь покупали?

— Нет, — ответила девушка. — Дома.

Чилден кивнул. Да, в таком магазине, как у него, современным вещам не место. «Художественные ремесла» торгуют только антиквариатом.

— Надолго вы к нам в Сан-Франциско? — поинтересовался он.

— Бессрочно, — сказал мужчина. — Пока мои услуги нужны Комитету планирования уровня жизни на пострадавших территориях.

Увидев гордость на его лице, Чилден решил: нет, не военный. Ничего общего с мобилизованными деревенскими грубиянами, которые слоняются по Маркет-стрит, жуют жвачку, смотрят непристойные шоу и порнофильмы, стреляют в тирах, проводят ночи в дешевых клубах, где на стенах висят фотографии перезрелых томных блондинок, что держатся, кривляясь, за соски дряблыми пальцами… Почти вся равнинная часть Сан-Франциско в таких вот притонах вперемежку с лачугами из консервной жести и гнилых досок — и эти трущобы появились еще до того, как упала первая бомба.

Нет, этот молодой человек явно из элиты. Культурный, образованный. Пожалуй, даже господин Тагоми в сравнении с ним простоват, а ведь он высший чиновник могущественной Торговой миссии на Тихоокеанском побережье. Впрочем, Тагоми стар, его мировоззрение сформировалось еще в годы Военного кабинета.

— Подыскиваете что-нибудь для подарка? — спросил Чилден. — Американское традиционное этническое искусство подойдет как нельзя лучше. Или хотите украсить новое жилище? В этом случае… — У него сильнее забилось сердце.

— В самую точку, — кивнула девушка. — Надо подобрать обстановку для квартиры, но, в каком стиле, мы еще не придумали. Может, посоветуете что-нибудь?

— Конечно, ведь это моя работа, — ответил Чилден. — Готов осмотреть ваши апартаменты. Заодно мог бы прихватить несколько саквояжей с раритетами, чтобы вы сами на досуге выбрали подходящие.

Он опустил глаза, пряча азарт. Дельце сулило прибыль в тысячи долларов.

— Как насчет новоанглийского стола,[4] клен, ни единого гвоздя, только деревянные шипы? Исключительно элегантный и в превосходном состоянии. Есть зеркало эпохи Наполеоновских войн. Может быть, интересует искусство аборигенов? Могу предложить коллекцию ковриков: козья шерсть, растительные краски.

— Я предпочитаю городское искусство, — заявил мужчина.

— Вот и прекрасно, — с энтузиазмом подхватил Чилден. — Что, если я предложу настенное украшение периода АОР — почтовое панно, дерево, четыре секции[5] с портретом Горация Грили?[6] Просто мечта коллекционера!

— О! — сверкнули темные глаза посетителя.

— Виктрола[7] девятьсот двадцатого года, с тум-

---

[4] Примечания: 4

Новоанглийский мебельный стиль — одно из направлений американского кантри-стиля. Для него характерны упрощенный дизайн и интенсивные тона цветовой палитры.

[5] Примечания: 5

Администрация общественных работ — один из инструментов государственного управления экономикой в рамках рузвельтовского «Нового курса» — программы выхода из Великой депрессии. АОР действовала с 1935 по 1943 г. и занималась главным образом крупным строительством. Почтовые здания, украшенные фресками и панно со сценами из истории США, пейзажами и портретами государственных деятелей, — памятники той эпохи.

[6] Примечания: 6

Гораций Грили (1811–1872) — знаменитый американский издатель,

журналист и политик, основатель газеты «Нью-Йорк дейли трибьюн».

[7] Примечания: 7

Виктрола — стационарный граммофон, выпускавшийся в первой половине XX в. американской фирмой «Виктор Орсье». Громоздкие тумбы виктролы были вытеснены из обихода компактными патефонами.

бой, переделанной в мини-бар.

— О!

— А еще, сэр, фотография Джин Харлоу,[8] в рамке и с автографом.

Молодой человек слушал как зачарованный.

— Договариваемся о встрече? — поймал Чилден верный психологический момент. Из внутреннего кармана пиджака он достал авторучку и блокнот. — Сэр и леди, позвольте ваши имена и адрес.

Чилден попрощался с супружеской четой и постоял в дверях, сцепив кисти за спиной и глядя на улицу. Его наполняла радость. Эх, почаще бы выдавались подобные удачные деньки! Ведь для него торговля антиквариатом — не просто бизнес. Это еще и вот такие встречи с молодыми японцами, и разговоры практически на равных, когда ты для них полноценный человек, а не жалкий янки или в лучшем случае продавец туземных поделок. Да, эти молодые люди, новое, не помнящее довоенного времени и даже самой войны поколение — надежда нашего мира. Кто откуда родом, для них значения не имеет.

«Рано или поздно этому придет конец, — по-

[8] Примечания: 8

Джин Харлоу (1911–1937) — американская кинозвезда и секс-символ 30-х годов.

думал он. — Исчезнет разница между странами. Исчезнут национальности, не будет пропасти между управляемыми и управляющими, останутся только люди».

И все же он дрожал от страха, представляя, как постучится в дверь к молодой чете. Заглянул в блокнот: Касоура. Раз пригласили к себе, значит, предложат чаю. А ведь это целый ритуал. Каждый его момент требует особых действий, особых слов — удастся ли все это вспомнить? Удастся ли не опозорить себя ошибочным поступком, не показаться грубой скотиной?

Девушку зовут Бетти. Какое у нее умное лицо. И взгляд — такой нежный, сочувственный. В магазине она пробыла всего-то ничего, но и этого времени, конечно, ей хватило, чтобы прочитать на лице Чилдена его мечты и разочарования.

Мечты… Ему вдруг стало нехорошо. Какие тут могут быть мечты, он же не безумец и не самоубийца. Ну, допустим, известны случаи, когда японцы вступали в связь с янки… но чаще всего это японцы-мужчины и янки-женщины. Здесь же… Он содрогнулся от одной этой мысли.

К тому же она замужем.

Чилден выбросил из головы навязчивые фантазии и приступил к разборке утренней почты.

Но руки по-прежнему тряслись.

Он вспомнил о назначенной на два часа встрече с господином Тагоми, и дрожь наконец унялась, нервозность сменилась решимостью.

«Подберу для него подходящую штуковину», — сказал себе Чилден.

Где? Как? Что? Телефон, связи, деловые способности. Что-нибудь обязательно найдется. К примеру, полностью отреставрированный «Форд» двадцать девятого года, матерчатая крыша, цвет черный. Клиент будет покорен навеки. Или как насчет самолета, настоящего почтового трехмоторника, обнаруженного в сарае алабамского фермера, идеальная сохранность? Не желаете ли приобрести мумифицированную голову мистера Б. Билла с вьющимися седыми волосами,[9] сенсационный американский артефакт? Сэр, у меня отличная репутация в высших кругах знатоков искусства, и не только на Родных островах.

Чтобы поднять настроение, он закурил сигарету с марихуаной отличной марки «Страна улыбок».

---

[9] Примечания: 9

Буффало Билл — псевдоним Уильяма Коди (1846–1917), знаменитого охотника на бизонов и создателя шоу «Дикий Запад».

* * *

В комнате на Хэйс-стрит лежал в постели и думал, как бы подняться, Фрэнк Фринк. Сброшенную вчера на пол одежду освещало проникающее сквозь жалюзи солнце, рядом поблескивали очки — не раздавить бы ненароком.

«Надо найти другой маршрут до ванной, — подумал он. — Может, ползком? Или перекатом?»

Болела голова, но зато не было печали.

«Уходя уходи, — сказал он себе. — И не оглядывайся».

Сколько времени? Часы на туалетном столике. Ну и ну! Полдвенадцатого!

Вот и уволили меня, размышлял Фрэнк, не вставая.

Конечно, вчера на фабрике он был не прав. Зря выложил мистеру Уиндему-Мэтсону все, что о нем думает. Мистер Уиндем-Мэтсон — обладатель впалого лица с сократовским носом, кольца с бриллиантом, золотой застежки-молнии. Другими словами, обладатель власти. Трона. У Фрэнка разбредались, путались мысли.

«Вдобавок меня еще и в черный список внесут, — подумал он. — Проку теперь от моих навыков, без работы-то? Пятнадцать лет стажа

насмарку».

Придется идти в Комиссию по правам трудящихся, на переаттестацию. Фрэнку не доводилось слышать о дружбе между Уиндемом-Мэтсоном и буратинами, марионеточным правительством в Сакраменто, и уж тем более он не мог представить, чтобы влияние его бывшего босса распространялось на истинных хозяев страны, японцев. В КПТ сидят буратины. Он предстанет перед четырьмя-пятью мерзавцами средних лет и, глядя на упитанные рожи, пожалуется на Уиндема-Мэтсона. Если не добьется справедливости, то доберется до одной из Импортно-экспортных торговых миссий. Они подчиняются непосредственно Токио, филиалы разбросаны по Калифорнии, Орегону, Вашингтону и той части Невады, что досталась Тихоокеанским Штатам Америки. Но уж коли и там откажут…

Он лежал и разглядывал старую люстру, а в голове роились планы. Можно, к примеру, перебраться в Скалистогорские Штаты. Но тамошние власти повязаны с ТША и запросто могут выдать его. Как насчет Юга? От этой мысли он аж съежился. Брр!.. Только не это. Белому человеку там есть где развернуться, даже Тихоокеанские Штаты по этой части проигрывают, но… его в те

края нисколько не тянуло. Поскольку Юг был покрыт густой паутиной связей — экономических, идеологических и еще бог знает каких, и ниточки тянулись в рейх. А Фрэнк Фринк был евреем.

На самом деле имя его было Фрэнк Финк. Родился на Восточном побережье, в Нью-Йорке. В 1941 году, сразу после падения России, был призван в армию США. Когда японцы захватили Гавайи, его послали на Западное побережье. Кончилась война, и он остался на отошедшей к японцам территории. Тут и прожил пятнадцать лет.

В 1947 году, в День капитуляции, он был вне себя от ярости. Мечтал отомстить ненавистным джапам[10] и даже зарыл в подвале, на глубине десять футов, свою винтовку. Тщательно смазанная и обернутая, так и ждет она часа, когда Фрэнк и его друзья поднимут восстание.

Все же время — знатный лекарь, раньше Фрэнк этого не учитывал. Сейчас, стоило подумать о мятеже, о великой кровавой бане, об истреблении буратин и их хозяев, ему казалось, будто он листает школьный альбом-ежегодник: вот юный Финк по прозвищу Карась мечтает выучиться на палеонтолога, а вот решает жениться на Норме

---

[10] Примечания: 10
Джапами американцы презрительно называют японцев.

Праут. Норма была schönes Mädchen,[11] первая красавица в классе, и он действительно клялся взять ее замуж. Все быльем поросло: любовь к однокласснице, Фред Аллен[12] по радио, фильмы У. К. Филдса…[13] Сколько японцев он встретил после сорок седьмого, тысяч шесть, наверное, — и почему-то жажда насилия себя никак не проявляла. Разве что в самые первые месяцы. Просто это чувство внезапно сделалось неуместным.

Хотя… Был один, господин Омуро. Скупил большую часть коммерческой недвижимости в деловой части Сан-Франциско. Какое-то время Фрэнк снимал у него угол.

«Гнилое яблоко, — подумал Фрэнк. — Акула».

Домовладелец никогда не ремонтировал свою собственность, зато без конца делил комнаты на клетушки, все меньше и меньше, и задирал плату. Тяжелее всего приходилось беднякам, особенно бывшим военным, которым в депрес-

---

[11] Примечания: 11

Красивая девушка *(нем.)*.

[12] Примечания: 12

Фред Аллен (настоящее имя Джон Флоренс Салливан; 1894–1956) — знаменитый американский комик, один из самых популярных юмористов в так называемую классическую эру американского радио.

[13] Примечания: 13

У. К. Филдс (настоящее имя Уильям Клод Дьюкенфилд; 1880–1946) — американский сценарист и киноактер.

сивном начале пятидесятых почти невозможно было найти работу. Но, между прочим, свои же, японцы из Торговой миссии, отрубили голову этому спекулянту. Зато теперь подобное нарушение их жесткого, но справедливого гражданского законодательства — дело просто неслыханное. Надо отдать должное бескорыстию оккупационных властей, особенно чиновников, что сменили Военный кабинет после его падения.

Подумав о суровой и стоической честности Торговых миссий, Фрэнк приободрился. Они даже от Уиндема-Мэтсона отмахнутся как от назойливой мухи. Подумаешь, хозяин «У. — М. корпорейшн». По крайней мере, Фрэнк на это надеялся.

«Что это, неужто я начинаю всерьез верить в «Тихоокеанскую сферу сопроцветания»?[14] — спросил он себя. — Странно. Помнится, в самом начале это казалось таким явным враньем… пустой пропагандой. А сегодня…»

Все же он сумел подняться с кровати и на нетвердых ногах двинулся в ванную. Пока мылся и брился, радио сообщало дневные новости.

---

[14] Примечания: 14

В нашем мире существовала «Великая восточноазиатская сфера сопроцветания» — глобальный политический проект Японской империи в период правления Хирохито по созданию блока азиатских стран под началом Японии для противостояния любым союзам западных держав.

— Не будем осмеивать эти усилия, — проговорил репродуктор, когда Фрэнк ненадолго закрыл горячую воду.

«Хорошо, не будем», — хмуро подумал он, зная, что это за усилия.

Все же хотелось усмехнуться, представив, как сердитые крепыши маршируют по красным марсианским пескам, оставляя следы немецких сапог там, где прежде ни разу не ступала нога человека.

Намыливая щеки, Фрэнк декламировал ерническим тоном:

— Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort wo man das Konzentrationslager bilden kann? Das Wetter ist so schön. Heiss, aber doch schön…[15]

— Цивилизация сопроцветания должна сделать паузу и как следует подумать, стремимся ли мы обеспечить сбалансированное равенство взаимных обязанностей и ответственности в сочетании с вознаграждением…

«Типичный жаргон высшего уровня иерархии», — отметил Фрэнк.

— Нельзя не предвидеть, что сценой, где разыг-

---

[15] Примечания: 15

Боже мой, господин крейслейтер! Да разве здесь не идеальное место для концлагеря? И погода замечательная. Жарко, правда, но все равно хорошо… *(нем.)*

рается новый акт истории человека, к какой бы он ни принадлежал расе — нордической, японской, негроидной… — и так далее, и тому подобное.

— Погодка schön,[16] ну просто schön, природа — высший класс. Вот только жаль, что нет совсем тут воздуха для нас… — одеваясь, весело напевал он.

* * *

Все же факт есть факт: колонизацией планет «Тихоокеанская сфера сопроцветания» не занимается. Она занята, если не сказать увязла, в Южной Америке. Пока немцы деловито начиняют космос гигантскими автоматическими конструкциями, японцы выжигают в глубине Бразилии джунгли и строят для бывших охотников за головами глинобитные восьмиэтажки. Прежде чем от земли оторвется первый японский космический корабль, немцы приберут к рукам всю Солнечную систему. В довоенных учебниках истории можно прочесть, что Германия опоздала к разделу мира. Немцы спохватились, когда другие страны Европы пришивали к своим колониальным империям последние лоскуты.

---

[16] Примечания: 16
Прекрасная *(нем.)*.

«Но больше это не повторится, — размышлял Фринк, — они хорошо усваивают науку».

Тут в голову полезли мысли об Африке, о проводимом там нацистами эксперименте. И от этих мыслей на миг прекратила бежать по жилам кровь.

Великая безлюдная руина…

А радио знай ораторствовало:

— …Мы должны с гордостью признать: хотя основное внимание уделяется фундаментальным физическим потребностям населения всех без исключения территорий, все же субдуховные стремления…

Фрэнк выключил репродуктор. Но, немного успокоившись, включил вновь.

«Христа спускаем в унитаз», — подумал он.

* * *

Африка. Призраки мертвых племен. Стертых с лица земли, чтобы освободить ее… для чего? Кто это знает? Возможно, даже главные архитекторы в Берлине не знают. Нация роботов. Строят не покладая рук. Строят? Черта с два. Сносят! Перемалывают! Троглодиты из палеонтологического музея, мастерящие посуду из человеческих черепов. Все семейство людоедов деловито из-

влекает содержимое. Сначала сырой мозг, это пища; потом кости из ног, на полезную утварь. Представьте, какая экономия: сожрать недруга из его собственного черепа. Какой высокий полет инженерной мысли! Лаборатория одного из берлинских университетов, питекантропы в стерильных белых халатах выясняют экспериментальным путем, для чего можно использовать человеческие черепа, кожу, уши, жир. Ja, Herr Doktor.[17] Найдено новое применение большому пальцу ноги: из сустава получится деталь для зажигалки. И если только герр Крупп способен наладить массовое производство…

Фрэнк ужаснулся, представив, как древний великан-каннибал снова процветает, снова владычествует над миром.

«Миллион лет мы пытались от него убежать, — подумал Фринк, — но он все же вернулся. И теперь он не просто враг, а хозяин».

— …Достойно нашего сожаления, — говорило радио голосом какого-то токийского желтопузика.

«Господи, — подумал Фринк, — мы их называли мартышками, этих цивилизованных кривоногих

---

[17] Примечания: 17
Да, господин доктор *(нем.)*.

недомерков. А ведь они строили газовые печи не чаще, чем перетапливали собственных жен на сургуч!»

— …И мы в последнее время часто сожалеем об ужасном расточении человеческих жизней в этой фанатичной борьбе, о том, что огромные массы людей оказываются вне правового сообщества…

Да, япошки — известные законники.

— …Цитатой из популярного на Западе святого: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»[18]

Радио умолкло, пальцы Фрэнка замерли на узле галстука. Наступило время утреннего омовения.

«Надо договариваться с ними, — решил он. — Пусть даже попаду в черный список. Выжить можно только на японской территории. На Юге или в Европе, да где угодно в рейхе, мне сразу крышка. Значит, надо как-нибудь поладить со стариной Уиндемом-Мэтсоном».

Он сел на кровать, утвердил рядом чашку тепловатого чая и снял с полки «И-цзин». Из кожаного футляра вынул сорок девять стеблей тысячелистника. Сосредоточивался до тех пор, пока не обрел

---

[18] Примечания: 18
Евангелие от Матфея, 16:26.

способность полностью контролировать мысли и правильно формулировать вопросы.

— Как подойти к Уиндему-Мэтсону, чтобы договориться с ним на достойных условиях? — произнес он вслух.

Записал вопрос в блокноте, а затем перебрасывал черенки с ладони на ладонь, пока не получил первую черту. «Шестерка». Сразу отпала половина из шестидесяти четырех гексаграмм. Он отложил часть стебельков и получил вторую черту. А вскоре в блокноте появились и остальные четыре — опыта в гадании на «Книге перемен» Фрэнку было не занимать.

* * *

Перед ним лежала гексаграмма, и не нужно было сверяться с книгой — текст пятнадцатой он знал наизусть. Цянь, «Смирение». Ага: «Смирение. Развитие. Благородному человеку предстоит завершение».[19] Добрый знак. Оракул дал желаемый совет.

Все же Фрэнк слегка разочаровался. Было что-то приторно глуповатое, ханжеское в пятнадцатой

---

[19] Примечания: 19

Перевод «И-цзии» здесь и далее дается по: Ю. К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен».

гексаграмме. Конечно, надо быть скромным. Наверное, в этом суть пророчества. Как ни крути, он, Фрэнк, на старину У.-М. никакого влияния не имеет. Не может убедить, чтобы взял обратно на работу. Все, что он может, это послушаться пятнадцатой гексаграммы: просить, надеяться, ждать и верить. Глядишь, небеса вернут его на прежнюю должность или даже кое-что получше предложат.

Читать афоризмы к другим чертам он не стал — бессмысленно, ведь гексаграмма статична. Решил перейти к следующему вопросу. И произнес вслух, вновь сосредоточившись:

— Увижу ли я когда-нибудь Джулиану?

Фрэнк спрашивал о своей жене. Вернее, о бывшей жене. Год назад Джулиана развелась с ним, и вот уже несколько месяцев они не встречались. Он даже не знал, где она живет — скорее всего, покинула Сан-Франциско. А возможно, и ТША. Общие друзья не имели от нее вестей или не хотели ему говорить.

Он увлеченно гадал, не отрывая глаз от стеблей тысячелистника. Сколько раз он пытался узнать о Джулиане, задавая разные вопросы об одном и том же?

Вот она, гексаграмма, созданная случайными

расположениями сухих черенков. Случайными, но при этом коренящимися в прожитом им Моменте, когда его жизнь соединялась со всеми другими жизнями и со всеми частицами во вселенной. Сочетание прерванных и сплошных черт — не просто рисунок, а истинная ситуация. Он, Джулиана, фабрика на Гаф-стрит, управляющие этой страной Торговые миссии, освоение планет, миллиард кучек химических элементов в Африке — уже даже не трупы; помыслы и чаяния тысяч обитателей перенаселенных трущоб Сан-Франциско, полоумные твари в Берлине с их бесстрастными физиономиями и маниакальными планами — все соединил Момент, когда Фрэнк бросил стебельки, обращаясь к древнему источнику мудрости, книге, появившейся еще в тринадцатом веке до нашей эры, книге, вобравшей в себя пятитысячелетний опыт китайских философов, отшлифованную до идеала космологию, — задолго до того, как Европа научилась делению столбиком.

И вот — шесть линий на странице. Он упал духом. Сорок четыре. Гоу. «Перечение. У женщины сила. Не надо брать жену». Опять выпадает эта гексаграмма, и опять она связана с Джулианой.

«Ой-вэй, — подумал он, успокаиваясь. — Да,

знаю: она мне не подходит. Но ведь я спрашивал не об этом. Зачем оракулу понадобилось напоминать? Эх, злая моя судьба — встретить ее, влюбиться и до сих пор не разлюбить».

Джулиана — самая красивая из его бывших жен. Черные как сажа брови и кудри, испанская кровь, выдающая себя в оттенке кожи и яркости губ. Упругая, бесшумная походка. Она носила бело-коричневые кожаные туфли, старенькие, еще со школы. Да и вся ее одежда была изношенной, застиранной. Проклятая бедность — такой яркой женщине приходилось одеваться в хлопчатобумажный джемпер, суконный жакет на молнии, юбку из коричневого твида и короткие носочки. И она злилась на Фрэнка и на себя, говоря, что выглядит так, будто собралась играть в теннис или того хуже — собирать в лесу грибы.

Фрэнка, когда он сошелся с Джулианой, больше всего притягивало ее сумасбродство. А еще загадочная улыбка Моны Лизы, сбивавшая с толку незнакомых мужчин — пока они гадали, можно ли на эту улыбку ответить приветствием, женщина грациозно проскальзывала мимо. И была она столь обаятельна, что мужчины все-таки чаще здоровались, чем молчали. Поначалу Фрэнк списывал это на ее слабое зрение, но потом

стал считать такую манеру невольным проявлением тщательно маскируемой глупости. И в конце концов эта привычка неизвестно для чего давать посторонним мужчинам надежду, как и привычка внезапно отлучаться по каким-то там таинственным делам и возвращаться без объяснений, стала злить его. Но даже перед самым расставанием, когда они часто ссорились, он считал ее не чем иным, как уникальным божьим творением, в самом прямом смысле этих слов, — творением, сошедшим в его жизнь по соображениям, которые так и останутся загадкой. То ли интуитивное понимание небесной сущности Джулианы, то ли просто слепая вера не позволяли ему смириться с потерей этой женщины. Все время казалось, она где-то рядом, как будто и не уходила. Или как будто ее тень бродит по комнате — Джулиана постоянно искала то одну, то другую вещь. И тень делалась плотнее, стоило Фрэнку взять в руки оракул.

Сидя на кровати в окружении холостяцкого беспорядка, Фрэнк Фринк подумал о том, кто еще в громадном и сложном Сан-Франциско в этот самый миг обращается к оракулу за советом. И какой ответ получит он? Неужели такой же мрачный? Неужели и для него столь же неблаго-

приятны обстоятельства Момента?

Глава 2

Как раз в эту минуту обратиться к священной Пятой книге конфуцианской мудрости, к даосскому оракулу, носящему в веках имя «И-цзин», или «Книга перемен», решил господин Нобусукэ Тагоми. Около полудня у него появились тревожные мысли насчет встречи с мистером Чилденом, до которой оставалось менее двух часов.

Его офис располагался на Тэйлор-стрит, занимая двенадцатый этаж здания «Ниппон таймс», возвышавшегося над заливом. Стеклянные стены открывали вид на суда, проходящие под мостом Золотые Ворота. Как раз сейчас за Алькатрасом появился сухогруз, но господину Тагоми было не до него. Подойдя к стене, он потянул за шнур и опустил бамбуковые жалюзи. Просторный кабинет заполнился приятным сумраком, теперь не надо щуриться от резкого света, и размышлять легче.

«Не в его силах угодить, — подумал Тагоми о Чилдене. — Что бы он ни принес, впечатления товар не произведет. Следует четко понимать это. Но по крайней мере, у гостя не будет серьезной причины для недовольства. Мы не оскорбим его

безвкусицей, выберем самый лучший подарок».

Гость летел шикарной стратосферной ракетой. До посадки в аэропорту Сан-Франциско нового немецкого «Мессершмитта-9Е» оставалось всего ничего. Тагоми ни разу не доводилось путешествовать на подобном лайнере, но все же, догадываясь, сколь эффектное зрелище его ожидает, он дал себе слово встретить Бэйнса с самым невозмутимым видом. Решив потренироваться, он встал перед большим, от пола до потолка, зеркалом, изобразил на лице равнодушие и полускуку, вгляделся, не выдает ли какая-нибудь черточка его истинных чувств.

«Очень уж шумно, мистер Бэйнс. Не почитаешь. Конечно, скорость впечатляет: от Стокгольма до Сан-Франциско за каких-то сорок пять минут».

А может, упомянуть о частых авариях немецкой техники?

«Мистер Бэйнс, а вы слышали по радио о мадагаскарском крушении? Все-таки надежные поршневые моторы заслуживают доброго слова…»

Никаких разговоров о политике. Ведь Тагоми не знает ровным счетом ничего о взглядах и убеждениях мистера Бэйнса. Известно, что он швед, нейтрал, но все же… Сюда летит рейсом «Люфт-

ганзы», а не SAS.[20] Мера предосторожности?

«Мистер Бэйнс, говорят, герр Борман серьезно болен, и осенью Партай[21] предстоит выбирать нового рейхсканцлера. Думаете, слухи? Ох уж эта секретность, как же она усложняет отношения между Тихоокеанией и рейхом...»

В его письменном столе лежала папка с вырезкой из «Нью-Йорк таймс». Последнее интервью Бэйнса. Господин Тагоми достал его и приступил к изучению; из-за неважных контактных линз приходилось сильно сутулиться.

Бэйнс говорил о необходимости новой разведки (это которая уже, девяносто восьмая?) запасов воды на Луне.

«Мы должны наконец решить эту досадную проблему, — заявлял он. — Луна — ближайшая наша соседка, но пока она пригодна только для маловыгодных военных целей».

«Sic![22] — мелькнуло в голове Тагоми латинское

---

[20] Примечания: 20

Шведская авиакомпания SAS (Scadinavian Airlines System, «Скандинавские авиалинии») в нашем мире действует с 1946 г.

[21] Примечания: 21

Partei — партия *(нем.).* Здесь — германская Национал-социалистическая рабочая партия, НСДРП (NSDAP; National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei).

[22] Примечания: 22

Так! *(лат.)*

словечко, которым любят блеснуть аристократы. — Вот он, ключик к мистеру Бэйнсу. На тупую военщину этот швед смотрит косо».

Господин Тагоми мысленно завязал узелок на память и нажал кнопку селектора.

— Мисс Африкян, прошу зайти ко мне с диктофоном.

Дверь кабинета отъехала в сторону, и появилась мисс Африкян, высокая армянка с каштановыми волосами. Сегодня ее прическу украшали светло-фиолетовые соцветия.

«Сирень», — отметил Тагоми.

Когда-то на родном Хоккайдо он профессионально занимался цветоводством.

Мисс Африкян поклонилась.

— Ваш двухдорожечный «Спидмастер» к бою готов?

— Да, господин Тагоми.

Она уселась в кресло и включила портативный, на батарейке, ленточный магнитофон.

— Я спросил у оракула, — начал Тагоми, — принесет ли пользу моя встреча с мистером Чилденом. И был глубоко разочарован, получив зловещую гексаграмму Да-го. «Переразвитие великого. Стропила прогибаются. Благоприятно иметь куда выступить». Несомненно, я удаляюсь

от Дао.

Шуршала лента диктофона.

Тагоми задумался. Выжидающе глядя на него, мисс Африкян прекратила запись.

— Попросите мистера Рэмси зайти на минутку, — распорядился Тагоми.

— Да, господин Тагоми.

Секретарша отложила диктофон и, стуча каблучками, вышла из кабинета.

На пороге возник мистер Рэмси с толстой папкой под мышкой, молодой, улыбчивый. Пижонский галстук-шнурок из Соединенных Штатов Равнин Среднего Запада, ковбойка, облегающие синие джинсы без ремня — самый высокий крик самой высокой моды.

— Здравствуйте, господин Тагоми, — поздоровался Рэмси. — Отличный денек выдался, сэр.

Господин Тагоми поклонился. Спина юноши сначала напряглась, затем согнулась в ответном поклоне.

— Я советуюсь с оракулом, — сообщил ему Тагоми, когда мисс Африкян вновь села и взяла диктофон. — Вы уже в курсе, что вскоре нас посетит мистер Бэйнс. Вероятно, он придерживается нордической идеологии и сквозь ее призму смотрит на так называемую восточную культуру.

Можно было бы открыть ему глаза на истинное положение вещей с помощью подлинных китайских орнаментов или керамики эпохи Токугава,[23] но мы не уполномочены обращать его в свою веру.

— Понимаю, — кивнул Рэмси. Его красивое европеоидное лицо исказилось от мучительной мысленной работы.

— Так что данью его предубежденности станет дорогой предмет американской культуры.

— Понятно.

— Сэр, вы по происхождению американец, но почему-то постарались сделать свою кожу более темной. — Тагоми внимательно рассматривал юношу.

— Загар от кварцевой лампы, — пробормотал Рэмси. — Говорят, от него повышается содержание витамина В. — Но юноше не удалось скрыть свое унижение. — Сэр, уверяю, я не потерял родственные связи с... — Рэмси замялся, не находя правильных слов. — Я вовсе не порывал с культурой моего народа.

---

[23] Примечания: 23

Эпоха Токугава (1603–1867) — период правления сёгунов из Дома Токугава, крупнейших феодалов, опиравшихся на вассальных князей-даймё и сословие воинов-самураев. Абсолютистское правление сёгунов, с одной стороны, изолировало Японию, но с другой — обеспечило ей долговременный мир, экономический подъем и расцвет искусств.

— Продолжим, пожалуй, — сказал Тагоми секретарше, и диктофон снова зашелестел. — Обратившись к оракулу, я получил гексаграмму двадцать восемь, Да-го. Хочу обратить особое внимание на неблагоприятную пятую черту. Афоризмы таковы: «На иссохшем тополе вырастают цветы. Старая женщина получает этого служивого мужа. Хулы не будет. Хвалы не будет». Это со всей определенностью означает, что в два часа мистер Чилден не предложит нам ничего подходящего. Посмотрим правде в глаза. Полагаться на свое суждение о предметах американской культуры я не могу. Вот почему… — Тагоми помолчал, подбирая слова. — Вот почему мне понадобился местный житель, американец по происхождению, то есть вы, мистер Рэмси. Согласитесь, мы должны сделать все от нас зависящее.

Рэмси не ответил. Как он ни старался, скрыть боль, гнев, обиду и разочарование не удалось.

— После этого, — продолжал Тагоми, — я задал оракулу еще один вопрос. Из политических соображений я не хотел доводить его до вашего сведения, мистер Рэмси.

Юноше следовало это понимать так: вам и вашим буратинам ни к чему знать важные секреты японцев.

— Но полученный ответ оказался весьма странным, и мне пришлось крепко задуматься.

Мистер Рэмси и мисс Африкян напряженно внимали.

— Это имеет отношение к мистеру Бэйнсу, — пояснил Тагоми.

Подчиненные кивнули.

— Благодаря тайному действию Дао я получил в ответ гексаграмму Шен, сорок шесть. Хороший прогноз. На первом месте «шестерка», вторая черта — «девятка». Пройдет ли наша с мистером Бэйнсом встреча успешно, вот о чем я спросил. И «девятка» на втором месте обещала положительный результат. «Будь правдивым, и тогда это будет благоприятствовать приношению незначительной жертвы. Хулы не будет».

Вероятно, мистера Бэйнса удовлетворит любой подарок, врученный ему от лица Торговой миссии ее высокопоставленным представителем господином Тагоми. Но господин Тагоми, обращаясь к оракулу, сам того почти не осознавая, хотел выяснить кое-что еще. Как это нередко бывает в таких случаях, «И-цзин» ответил на оба вопроса, причем второй, подсознательный, был сочтен более важным.

— Насколько нам известно, — вновь заговорил

Тагоми, — Бэйнс везет подробный доклад о недавно сконструированных в Швеции пресс-формах для литья под давлением. Если удастся заключить договор с его фирмой, мы сможем заменить пластмассами многие дефицитные металлы.

Тихоокеания много лет убеждала рейх помочь ей с развитием производства синтетических материалов. Но крупнейшие химические картели Германии, такие как «ИГ Фарбен», крепко держались за свои патенты. По сути, они создали мировую монополию на пластмассы и особенно дорожили секретами производства полистиролов. Рейх вполне устраивало, что Тихоокеания плетется у него в хвосте, отставая по части технологий лет на десять. Взлетавшие с космодромов Festung Europa[24] ракеты почти целиком состояли из жаростойких пластмасс — легких, но настолько прочных, что выдерживали удар метеорита. Ничем подобным Тихоокеания не располагала, японцам по-прежнему приходилось использовать в авиастроении природные материалы, такие как растительные волокна, в частности древесину, и металлические сплавы.

Тагоми нахмурился от таких мыслей. Ему

---

[24] Примечания: 24
Европейская твердыня (*нем.*).

доводилось видеть на промышленных ярмарках некоторые плоды германской инженерной мысли, в том числе цельносинтетический автомобиль DSS — Der schnelle Spuk,[25] стоивший шесть тысяч долларов TLLIA.

Вопрос, не предназначенный для ушей буратин из штата Торговой миссии, но считанный оракулом прямо из мозга господина Тагоми, касался особы Бэйнса. Возник он после того, как из Токио пришла шифрованная каблограмма.[26] Секретные депеши поступали к Тагоми нечасто и в основном касались интересов безопасности, а не торговли. Высокое начальство использовало шифр метафорического типа, состоящий из поэтических аллюзий, — контрразведчики рейха могли разгадать буквенные комбинации любой сложности, но толкование литературных образов представляло для них серьезную проблему. Тагоми не сомневался, что токийские власти остерегались именно немцев, а не мнимых оппозиционных сил на Родных островах, ибо ключевая фраза «В его диету входит снятое моло-

---

[25] Примечания: 25

«Быстрый призрак» *(нем.).*

[26] Примечания: 26

Каблограмма — телеграмма, передаваемая по подводному кабелю связи. *(Прим. ред.)*

ко» подразумевала «Фартук», грустную песенку, утверждавшую, что снятое молоко притворяется сливками, то есть на самом деле вещи редко таковы, какими выглядят.

«И-цзин» только подтвердила это предположение. В комментарии говорилось: «Подразумевается сильный человек. Пусть он не соответствует своему окружению ввиду того, что слишком резок и мало внимания уделяет формальностям. Но, обладая прямым характером, он встречает отклик».[27]

Из этого следовал вывод: Бэйнс не тот, за кого себя выдает, и прибывает в Сан-Франциско не за тем, чтобы подписывать договоры о поставке пресс-форм. Но как Тагоми ни ломал голову, он не мог догадаться, кому служит этот шпион и с какими целями прибывает.

---

[27] Примечания: 27

Отрывок взят из английского классического издания «И-цзин», то есть немецкоязычной версии Р. Вильгельма, переведенной К. Бэйнс и послужившей автору «Человека в Высоком замке» основой для построения сюжета. Не совпадает по смыслу с использованной Ф. Диком цитатой комментарий Ю. Шуцкого: «Умение подыматься правильно — это самое главное свойство, которое является иной формой внутренней правдивости, отмечаемой на второй позиции. При подъеме совершенно не существенно, сколько жертв человеком будет вложено в этот подъем. Существенно только правильное его проведение и движение неуклонно вверх».

* * *

В час сорок Роберт Чилден с огромной неохотой повесил замок на дверь «Американских художественных ремесел», подтащил тяжелые саквояжи к проезжей части, остановил велотакси и велел доставить его к зданию «Ниппон таймс».

— «Ниппон таймс», — повторил, как полагалось, исхудалый, сутулый и потный китаеза и с трудом загрузил в кузов тяжелый багаж. Затем рикша помог Чилдену добраться до прикрытого ковром сиденья, включил счетчик, устроился на седле и налег на педали.

Такси двинулось по Монтгомери-стрит, лавируя меж легковушек и автобусов.

Глядя на проплывающие мимо здания, Чилден испытывал раздражение и усталость. Полдня потрачено на поиски вещи для господина Тагоми. Но все же — победа! Пришлось здорово похлопотать, зато найден отличный подарок, японец должен сменить гнев на милость, а его клиент будет на седьмом небе от счастья.

«Мои заказчики всегда получают то, что хотят», — с гордостью подумал Чилден.

Это сущее чудо, что удалось раздобыть почти идеально сохранившийся экземпляр самого

первого номера «Тип-топ комикс», забавного журнальчика, выходившего в тридцатых годах. Теперь этот предмет искусства, яркий образчик культуры «Американа» и объект вожделения коллекционеров, уложен в кожаный футляр, обернут коричневой бумагой и заточен в самый большой саквояж. Разумеется, Чилден везет и другие вещи — не начинать же, в самом деле, с комиксов. Нет, сначала он хорошенько раздразнит аппетит японца.

Радио рикши извергало популярные мелодии, соревнуясь в громкости с приемниками других веломобилей, легковых машин и автобусов. Чилден не вслушивался — давно привык. Не замечал он и огромных, круглосуточно горящих неоновых вывесок и реклам, за которыми терялся фасад почти каждого крупного здания. Такая же вывеска мигала ночами и над его магазином. А иначе как привлечь покупателей? Приходится быть реалистом.

Чилдена даже убаюкивали голоса радио, шум транспорта, сверкание реклам и мельтешение прохожих, отвлекая от душевных тревог и забот. Да и разве не удовольствие, когда тебя везет другое человеческое существо и ты чувствуешь легкую дрожь — это усилия мускулов рикши

передаются механизму.

«Как машина для релаксирующего массажа», — подумал Чилден.

Приятно все-таки, когда не ты везешь, а тебя везут. Приятно хоть недолго побыть господином.

Он встрепенулся: нельзя дремать перед столь важной встречей, надо о многом подумать. Подходяще ли он одет для визита в «Ниппон таймс»? А вдруг в скоростном лифте закружится голова? Впрочем, это не страшно — в кармане лежат немецкие таблетки от укачивания.

Ко всем обращаться соответственно, напомнил он себе. К этим — вежливо, к тем — грубо. Со швейцаром, лифтером, портье, гидом и прочей мелкой сошкой не церемониться. Каждому японцу кланяться, даже если придется сгибаться сто раз кряду. Но как вести себя со служащими-буратинами? Это он представлял себе смутно.

«Ладно, — решил Чилден, — буду кивать, но с рассеянным видом, будто едва их замечаю».

Ничего не упущено? А если попадется иностранец? Говорят, в Торговой миссии часто можно встретить немца или нейтрала.

А еще там можно увидеть раба.

В порт Сан-Франциско то и дело заходят суда немцев и южан; случается, черномазых ненадол-

го отпускают группками не более трех человек на берег, и, конечно, днем, ведь даже в Тихоокеании для негров действует комендантский час. Бывает, их селят на какое-то время в ночлежках под причалами. Им не полагается заходить в Торговые миссии, но нередко их берут туда в качестве носильщиков. Кстати, разве можно явиться к Тагоми, собственноручно неся саквояжи? Ни в коем случае! Надо во что бы то ни стало отыскать невольника, пусть даже придется на час опоздать. Если его, Чилдена, увидят в Торговой миссии с багажом в руках, это будет непростительной ошибкой. Потеря авторитета — опасная вещь.

«Вообще-то я бы охотно вошел в «Ниппон таймс» с саквояжами среди бела дня, — размышлял Чилден. — Сделал бы резкий жест. В тюрьму за такое, конечно, не посадят — в этом нет ничего противозаконного. Но зато я бы продемонстрировал свои истинные чувства, обиду человека, у которого нет общественной жизни… Я бы смог на это решиться, — сказал он себе, — если бы кругом не сновали проклятые черные рабы. Можно стерпеть косые взгляды знати — в конце концов, с ее спесью я сталкиваюсь каждый день. Но испытывать на себе презрение черни, вроде этого китайца, крутящего педали, выше моих сил. Не

поймай я велотакси, подобные ему голодранцы любовались бы, как я тащусь с саквояжами по улице…»

В том, что жизнь такова, виновата, конечно, проклятая немчура — вечно норовит откусить больше, чем способна проглотить. С огромными потерями немцы выиграли войну и не успели очухаться, как ринулись покорять Солнечную систему. А на родной планете ввели законы, которые… Впрочем, замысел был неплох, и, надо признать, немцы лихо разделались с евреями, цыганами и христианскими сектами. Славян они отбросили на два тысячелетия назад, на их прародину Азию. Ну и правильно, без славян в Европе как-то спокойнее. Пусть себе ездят на яках и охотятся с луками. Зато теперь в любом книжном магазине, в любой библиотеке можно полистать изданный в Мюнхене толстый полноцветный журнал и полюбоваться, как синеглазые белокурые арийцы-фермеры пашут, сеют и жнут на полях всемирной житницы Украины. Вооруженные до зубов новейшей техникой, эти ребята выглядят счастливчиками, а их фермы и коттеджи чисты и ухоженны. В таких журналах не увидишь поляка с опухшей от пьянства рожей, понуро сидящего на гнилом крыльце своей

лачуги или ворующего гнилую репу на деревенском рынке. Он ушел в прошлое, как и ухабистые грунтовые дороги, на которых, стоило зарядить дождям, намертво вязли колеса телег.

И еще — Африка. Вот где они развернулись с энтузиазмом, достойным восхищения. Хотя, будь немцы чуть предусмотрительнее, они бы сначала завершили проект «Фармлянд».[28] Воистину, это зримое воплощение нацистского гения; вот где германец смог показать себя истинным художником! Запрудить и осушить Средиземное море, а затем с помощью атомной энергии превратить его в сельскохозяйственные угодья — какая смелость, какой размах! Все насмешники, в том числе некоторые брюзгливые лавочники на Монтгомери-стрит были посрамлены. В Африке немцы показали себя молодцами, но, к сожалению, подобные грандиозные мероприятия всегда сопровождаются зловещими слухами. А началось все в пятьдесят восьмом, с нашумевшей брошюры Розенберга: «Что касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей, но, к сожалению…»

И все-таки на то, чтобы избавиться от абори-

---

[28] Примечания: 28
Страна ферм *(нем.). (Прим. ред.)*

генов, американцам понадобилось два века, а наци в Африке получили практически те же результаты за пятнадцать лет. Так что скепсис здесь неуместен. Недавно за завтраком Чилден поспорил со знакомыми бизнесменами, очевидно считавшими, что у немцев есть волшебная палочка и они в одну минуту могут преобразить мир. Нет у них волшебной палочки, зато есть наука, техника и знаменитая любовь к труду. За любое дело они берутся с огоньком и доводят его до конца. Впрочем, полеты на Марс отвлекли внимание мировой общественности от африканских проблем.

В том достопамятном разговоре с приятелями-коммерсантами последнее слово осталось за Чилденом:

«Что есть у немцев и чего недостает нам, так это величие духа. Можно восхищаться их трудолюбием и рационализмом, но не им обязаны немцы своими успехами, а мечте, не дающей им покоя. Покорение планет! Сначала Луна, потом Марс. Все дальше и дальше… Разве это не древнейшая мечта человечества, не высочайшее стремление к славе? Теперь возьмем японцев. Я прекрасно знаю их натуру, мне через день приходится иметь с ними дело. Что ни говори, а они — азиаты.

Желтые. Мы, белые, вынуждены кланяться им, поскольку они — власть. Но, глядя на Германию, мы видим, какие вершины способна покорить белая раса…»

— Подъезжаем к «Ниппон таймс», сэр, — сообщил рикша. Его грудь бурно вздымалась — веломобиль только что преодолел крутой подъем и теперь сбросил скорость.

Чилден попробовал представить клиента господина Тагоми. Наверняка какая-нибудь шишка — он перестал в этом сомневаться, услышав по телефону возбужденный голос японца.

В этой связи он вспомнил одного очень важного клиента, точнее, посетителя его магазина, благодаря которому «Американские художественные ремесла» приобрели репутацию в кругу ряда высокопоставленных жителей района залива Сан-Франциско.

Всего четыре года назад Чилден содержал не престижный антикварный магазин, а крошечную букинистическую лавку на бульваре Гири — темную, тесную. В соседних магазинчиках торговали подержанной мебелью и скобяными товарами, рядом примостилась прачечная. Приятное соседство, нечего сказать. Ночами на улице кого-то грабили, а то и насиловали,

хотя департамент полиции Сан-Франциско и даже шефствующая над ним кэмпетай — японская жандармерия — не жалели сил на борьбу с преступностью. После закрытия лавки окна приходилось забирать железными решетками, иначе не избежать вторжения.

И вот как-то раз в этот район забрел старый отставной офицер японской армии, майор Ито Хумо — высокий, седой, с отменной выправкой и твердой поступью. Он и натолкнул Чилдена на мысль, какой торговлей заняться.

«Я коллекционер», — пояснил майор Хумо.

Он полдня провел, роясь в кипах старых журналов. Прислушиваясь к его неторопливой рассудительной речи, Чилден понял удивительную вещь: оказывается, многих состоятельных, образованных японцев наряду с обычным антиквариатом интересуют предметы уходящей в историю «американской популярной культуры». Сам майор любовно собирал журналы с рекламой американских медных пуговиц, да и пуговицы тоже.

Подобно любому коллекционеру монет или марок, Хумо не смог бы объяснить, почему в нем родилась эта страсть, но утверждал, что богачи не жалеют денег на самые, казалось бы, беспо-

лезные вещи.

«Приведу пример, — говорил он. — Вам известно, что такое «Ужасы войны»? Я имею в виду вкладыши».

Чилден порылся в памяти. Да, когда он был маленьким, эти картинки распространялись вместе с жевательной резинкой, по центу штука. Их была целая серия, каждый вкладыш посвящен конкретному «ужасу». Хумо с плохо скрываемой алчностью следил за его лицом.

«Мой близкий друг собирает «Ужасы войны», — продолжал японец. — Осталось найти только «Гибель «Паная».[29] Он готов хорошо заплатить».

«Перевертыши», — сказал вдруг Чилден.

«Простите?»

«У нас была такая игра. Если вкладыш положить на ладонь и щелкнуть по краю, он переворачивается и ложится либо лицевой стороной, либо рубашкой. Каждый мальчишка носил в кармане пачку «ужасов». Играли вдвоем; чей вкладыш падал картинкой вверх, тот и выигрывал».

---

[29] Примечания: 29

В ходе японо-китайской войны 12 января 1937 г. группа японских самолетов атаковала канонерку США «Панай», сопровождавшую три американских танкера на реке Янцзы. В течение получаса тонущий корабль был оставлен экипажем.

Чилдену в ту пору было восемь лет. Как все-таки приятно вспомнить далекие счастливые дни детства!

Подумав, Хумо произнес: «Странно. Мой приятель не рассказывал ничего подобного. Возможно, просто не знает».

Вскоре друг майора Хумо, тоже отставной офицер Императорской армии, наведался в книжную лавку за исторической справкой из первых рук. Рассказ мистера Чилдена заворожил его.

«Бутылочные крышки!» — неожиданно воскликнул Чилден.

Японец непонимающе заморгал.

«В детстве мы собирали крышки от молочных бутылок, — пояснил торговец. — Круглые такие, с названиями фирм-производителей. В Соединенных Штатах были тысячи молокозаводов, и для каждого выпускались свои крышки».

В глазах отставника зажегся охотничий инстинкт: «Вы располагаете подобной коллекцией, сэр?»

Разумеется, Чилден не располагал, но… возможно, у кого-нибудь сохранились забавные кругляшки, напоминающие о довоенных временах, когда молоко разливали в стеклянные бутылки, а не в одноразовые картонные короб-

ки.

Так, мало-помалу, он втянулся в новый бизнес. Позже в стране стали появляться другие такие магазины, ибо день ото дня все больше японцев увлекалось «Американой»… Но Чилден всегда ухитрялся опередить конкурентов.

— С вас доллар, сэр. — Голос рикши вывел его из задумчивости. Оказывается, китаец уже выгрузил чемоданы.

Чилден рассеянно заплатил.

«Да, вполне вероятно, что клиент Тагоми похож на майора Хумо, во всяком случае, похож для меня», — подумал он.

Чилден встречал немало японцев, но до сих пор не научился их толком различать, поэтому для удобства делил на разновидности. Одни, мускулистые коротышки, напоминали ему борцов, другие — аптекарей, третьи — садовников… Встречались и непохожие на японцев, особенно среди молодежи. Наверное, клиент Тагоми — осанистый делец, курит филиппинские сигары.

Стоя перед зданием «Ниппон таймс», Чилден вдруг обмер от неожиданной мысли: а вдруг клиент — иностранец?! Вещи, заботливо уложенные в саквояжи, рассчитаны на вкус японца.

«Не может быть, — успокоил себя Чилден. —

Наверняка японец. Иначе зачем было Тагоми заказывать вербовочный плакат времен Гражданской войны? Кому еще нужен такой хлам? Японцы обожают тривиальщину. Только этот законопослушный до крайности народ способен благоговеть перед документами, прокламациями и рекламой».

Чилден знавал одного чудака, собиравшего вырезки из газет начала века, где расхваливались американские патентованные средства.

Впрочем, все это пустяки. Впереди у него безотлагательные дела.

Высокие двери «Ниппон таймс» постоянно впускали и выпускали хорошо одетых мужчин и женщин; их голоса достигли ушей Чилдена и побудили его двигаться дальше. Но прежде чем направиться к подъезду, он задрал голову. Стеклянная стена уходила в небо. «Ниппон таймс билдинг», самое высокое здание Сан-Франциско, сказочный шедевр японской архитектуры, стояло в окружении парков с карликовыми вечнозелеными кустами, валунов и карэсансуй, причем имитация «сухого сада» была выполнена столь искусно, что петлявшая между обнаженными корнями и уложенными в «естественном беспорядке» плоскими камнями желтая змейка песка

выглядела очень правдоподобно.

Чилден увидел черного носильщика с пустыми руками и подозвал его. Негр подбежал, подобострастно улыбаясь.

— Двадцатый этаж. — Чилден указал на саквояжи и добавил, стараясь, чтобы голос звучал как можно резче: — Апартаменты В. И побыстрее!

Он решительно направился к дверям. Разумеется, не оглядываясь.

Спустя секунду он оказался в битком набитой кабине скоростного лифта. Почти все пассажиры были японцы, их чисто выбритые подбородки сияли в ярком свете ламп. Тошнотворный рывок, и Чилдена понесло сквозь стремительно мелькающие этажи. Он закрыл глаза и получше утвердился на ногах, молясь, чтобы подъем закончился быстрее.

«Носильщик, конечно, поднимается на грузовом лифте, — мелькнуло в мозгу. — Еще бы, кто пустит сюда черномазого?..»

Он открыл глаза и окинул кабину взглядом. Белых в лифте было раз-два и обчелся.

Выходя на площадку двадцатого этажа, Чилден уже мысленно кланялся, готовясь к встрече с Тагоми.

Глава 3

Подняв глаза к закатному небу, Джулиана Фринк увидела крошечный огонек, прочерчивающий широкую дугу к западу.

«Нацистская ракета, — подумала она. — Летит к побережью. В ней полным-полно всяких шишек. А я здесь, внизу».

Она помахала вслед, хотя ракетоплан уже исчез.

Тени Скалистых гор подступали все ближе. Синие вершины растворялись в ночи. Вдоль гряды медленно проплывала в сумраке стая перелетных птиц. У проносившихся мимо машин загорались фары, и вскоре по шоссе потянулась цепочка двойных огоньков. Вспыхнули лампы бензоколонки, засветились окна домов.

Несколько месяцев Джулиана жила в Каньон-Сити, штат Колорадо, работая инструктором дзюдо. На сегодня тренировки закончились, и она хотела принять душ, чтобы снять усталость. Но все душевые кабинки «Спортзала Рэя» были заняты, пришлось ждать снаружи, наслаждаясь тишиной, прохладой и горным ветерком. Слышался только слабый рокот громадного

дизельного грузовика, остановившегося у придорожной закусочной.

«Помнится, Дизель выбросился из иллюминатора своей каюты в Атлантике, покончил с собой.[30] Может, последовать его примеру? Не получится — далеко до океана. Хотя способ всегда найдется… Например, заколоться, как шекспировская героиня. Воткнуть спицу прямо через блузку, и — прощай, Фринк. Девчонка, которой не страшны даже бродяги-мародеры из пустыни, которая ходит с высоко поднятой головой, потому что умеет ловко заламывать брызжущих слюнями противников. В самом деле, не лучше ли умереть, чем всю жизнь дышать выхлопными газами в придорожном городишке? Это у меня от японцев, — решила она. — Вместе с прибыльным дзюдо я переняла у них спокойное отношение к смерти. Умение убивать, умение умирать. Ян и инь. Но все это позади. Я в протестантской стране».

Все-таки на душе спокойнее, когда ракеты нацистов проносятся над головой, а не садятся

---

[30] Примечания: 30

Рудольф Дизель (1858–1913) — немецкий инженер и изобретатель, создатель дизельного двигателя. В сентябре 1913 г. при загадочных обстоятельствах исчез с борта парохода «Дрезден», следовавшего из Антверпена в Лондон. Тело было обнаружено через несколько недель немецкими рыбаками.

поблизости. К счастью, немцам нет дела до Каньон-Сити и Колорадо. Как и до Юты, Вайоминга и восточной части Невады — малонаселенных штатов, где одни пустыни, горы да пастбища.

«Тут нечем поживиться, — сказала она себе, — поэтому каждому позволено прожить свою жалкую жизнь. Если он захочет. Если жизнь для него что-то значит».

Она услышала, как открывается дверь одной из кабинок. Вышла мисс Дэвис, полноватая молодуха, одетая, со свертком под мышкой.

— О, вы ждали, мисс Фринк? Простите.

— Ничего.

— Мисс Фринк, хочу вам сказать, что дзюдо — это великолепно. Оно мне дает даже больше, чем дзен.

— «Хотите стройные бедра — вам поможет дзен, — процитировала Джулиана. — Потеряйте лишние фунты в безболезненных сатори».[31] Простите мою рассеянность, мисс Дэвис.

— Вам часто делали больно?

— Кто?

---

[31] Примечания: 31

Сатори — в дзенской традиции самая главная цель религиозной практики, измененное состояние сознания, в котором адепт сливается с объектом отождествления (мирозданием), реализует природу Будды, которой изначально обладает любой человек.

— Япошки. Когда вы у них учились.

— О, это было ужасно. Желаю вам никогда не попадать к ним в лапы. Держитесь подальше от побережья.

— Я еще ни разу не уезжала из Колорадо, — дрогнувшим голосом призналась женщина.

— Они могут и здесь до вас добраться, — предупредила Джулиана. — Вдруг им взбредет в голову оккупировать эту территорию.

— Но война так давно закончилась! — воскликнула Дэвис.

— Откуда нам знать, что у них на уме, — задумчиво произнесла Джулиана. — Японцы — скрытный народ.

— А… что они с вами делали? — с интересом спросила женщина и подступила ближе.

— Все, — ответила Джулиана.

— О господи! Я бы им без боя не далась. — Дэвис обеими руками прижала сверток к телу.

Джулиана попросила извинения, спеша занять кабину: кто-то приближался с полотенцем на плече.

Потом она сидела за столиком «Вкусных гамбургеров Чарли» и без интереса просматривала меню. Из музыкального автомата в углу доносилось что-то фольклорное — гавайская гитара и

надрывные стоны. В воздухе стоял запах горелого жира.

Все же у Чарли было тепло и светло, и Джулиана повеселела. Водители около стойки, официантка, хозяин-ирландец в белой поварской куртке, позвякивающий мелочью за кассой…

Заметив ее, Чарли сам подошел, чтобы обслужить.

— Мисси жела-ает ча-аю? — протянул он, ухмыляясь.

— Кофе, — ответила Джулиана, не реагируя на шутливый тон.

— Ах, даже так? — наклонил голову Чарли.

— И горячий стейк-сэндвич с соусом.

— Может, лучше тарелочку супа из крысиных гнезд? Или козлиных мозгов на оливковом масле?

Водители повернулись на вращающихся сиденьях, чтобы поухмыляться заодно с хохмачом. Попутно они смогли полюбоваться внешностью Джулианы. Впрочем, их интерес она чувствовала с первой минуты. Вот уже несколько месяцев она занималась дзюдо и пребывала в отличном тонусе, зная, как благотворно это сказывается на ее фигуре и движениях.

«Все дело в плечевых мышцах, — думала она,

встречая мужские взгляды. — У танцовщиц они тоже развиты. А размеры бюста не имеют значения. Присылайте ваших жен в спортзал, и мы их всему научим…»

— Держитесь от нее подальше, — подмигнул хозяин водителям. — А то зашвырнет вас обратно в фуру.

— Откуда вы? — обратилась она к шоферу помоложе.

— Из Миссури, — ответили оба.

— Из Соединенных Штатов? — спросила она.

— Я — да, — ответил старший. — Из Филадельфии. У меня там трое детей, старшему одиннадцать.

— А скажите-ка, у вас легко найти приличную работу?

— Конечно, — ответил молодой водитель. — Если у тебя подходящая кожа.

У него было смуглое лицо и вьющиеся черные волосы. Ответив Джулиане, он сразу нахмурился.

— Макаронник, — пояснил старший.

— Да? — удивилась Джулиана. — А разве Италия не победила в войне?

Она улыбнулась молодому шоферу, но тот на улыбку не ответил. Вместо этого помрачнел еще

больше и резко отвернулся.

«Ну, извини, — подумала она, но вслух ничего не сказала. — Если бы от меня зависело, кому рождаться темным, а кому белым… — Ей вспомнился Фрэнк. — Интересно, жив ли? Может, брякнул что-нибудь, чего говорить нельзя? Нет, к япошкам он относится терпимо. Даже с симпатией. Наверное, потому, что они такие же уроды. — Джулиана все время внушала Фрэнку, что он некрасив: крупные поры, большой нос… Ее кожа была идеальной. — Неужто умер один, без меня? Финк — зяблик, птичка-невеличка. Говорят, певчие птахи долго не живут».

— Сейчас поедете? — спросила Джулиана у молодого водителя.

— Завтра.

— Если вам не нравится в Соединенных Штатах, почему не переселитесь? Я уже давно в Скалистых горах, здесь неплохо. А раньше жила на побережье, в Сан-Франциско. Там цвет кожи тоже много значит.

Сгорбившись у стойки, итальянец метнул в нее хмурый взгляд:

— Леди, в вашем городе не то что жить — на одну ночь остаться противно. Господи, чего бы я не отдал за любую другую работу, лишь бы не

мотаться месяцами по дорогам и не травиться в таких… — Он умолк, заметив, как побагровели щеки хозяина, и отхлебнул кофе.

— Джо, да ты сноб? — ухмыльнулся его спутник.

— Не перебраться ли вам в Денвер? — предложила Джулиана. — Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, восточноамериканцев, — подумала она. — Любите жить с размахом, вынашиваете великие замыслы. Скалистогорские Штаты для вас дыра, да и только. Здесь же ничего не изменилось с довоенной поры. Безработные старики, тупые фермеры. Лень, нищета. Молодежь посмышленее норовит перебраться за восточную границу, легально или нелегально. Ее тянет в Нью-Йорк. Там деньги. Большие деньги, большой бизнес. Германские инвестиции. Благодаря им Соединенные Штаты возродились в считаные годы».

— Вот что, приятель, — зло прохрипел хозяин закусочной, — я не любитель евреев, но тебе так скажу: видел я, как они драпали из ваших Соединенных Штатов в сорок девятом. И если нынче у вас много новостроек и шальных денег, то все это за счет тех, кто был ограблен и вышвырнут из Нью-Йорка нацистами. Мальчишкой я жил

в Бостоне и особой пользы от евреев не видел, но если бы мне кто сказал, что в Америке будут действовать нюрнбергские расовые законы, пусть мы и проиграем войну… Вот скажи, почему бы тебе не завербоваться в армию твоих Соединенных Штатов? Сейчас бы готовился захватить какую-нибудь южноамериканскую республику, чтобы потеснить япошек и порадовать немчуру.

Оба шофера вскочили с окаменевшими от злости лицами. Старший схватил со стойки бутылку кетчупа, замахнулся. Повар, не поворачиваясь к ним спиной, нашарил большую двузубую вилку и приготовился к защите.

— В Денвере строят огнестойкую взлетно-посадочную полосу, там будут садиться ракеты «Люфтганзы», — проговорила Джулиана.

Никто из троих мужчин не пошевелился и не подал голоса. Посетители тоже помалкивали.

Наконец повар произнес:

— Одну я видел на закате.

— Эта ракета летела не в Денвер, — сказала Джулиана. — Она села на Западном побережье.

Водители понемногу успокоились. Старший проворчал:

— Вечно забываю, что народ здесь малость желтоват.

— Япошки не губили евреев, ни в войну, ни после, — сказал повар. — И не строили печей.

— То-то и беда, что не строили, — буркнул старший водитель и принялся за еду.

«Желтоват, — подумала Джулиана. — Пожалуй, он прав. Мы к японцам относимся хорошо».

— Где будете ночевать? — спросила она у Джо, молодого водителя.

— Не знаю, — ответил тот. — Только что вылез из грузовика. Мне тут не нравится. Вся ваша страна не нравится. Может, в кабине лягу спать.

— В мотеле «Медоносная пчела» вполне прилично, — проворчал повар.

— Ну что ж, — сказал молодой водитель, — может, там и заночую. Если мне не будут глаза колоть, что я итальянец. — Он говорил с явным акцентом, хотя и старался его скрывать.

«Идеалист, — решила, глядя на него, Джулиана. — Поэтому такой озлобленный. Слишком многого хочет от жизни. Не знает покоя и отдыха, вечно брюзжит. Да я и сама такая же. Не могла усидеть на Западном побережье, наверное, и здесь не усижу. А разве прежде, во времена Дикого Запада, люди были иными? Но сейчас

фронтир[32] проходит не здесь, — мелькнула у нее мысль, — а через другие планеты. И он, и я могли бы попроситься на корабль, который отвозит колонистов. Нет — нам бы отказали. Ему — из-за смуглой кожи, мне — из-за черных волос. Уж эти мне бледные нордические феи из эсэсовских училищ в замках Баварии!

У этого парня, Джо, или как его там, неправильное выражение лица. Нет бы принять холодный, но одухотворенный вид, будто он ни во что не верит и при этом видит перед собой некую высшую цель. Да, у наци именно такие физиономии. Они не идеалисты, как я или Джо, они циники и фанатики. Это дефект мозга, как будто немецкие психиатры не только душевнобольным, а всему своему народу сделали лоботомию. Их беды — из-за секса, — решила Джулиана. — Еще в тридцатые у них началась всякая мерзость, а потом все хуже и хуже… Гитлер забавляется со своей… сестрой, кажется? Или теткой? Или племянницей? Да и его собственные родители были двоюродными братом и сестрой. Немцы не считают кровосмешение пороком, многие впали в первородный грех и вожделеют своих

[32] Примечания: 32

Фронтир — во время покорения Дикого Запада граница отвоеванных у индейцев территорий.

матерей. Вот почему у этих белокурых эсэсовских фей такой невинно-кукольный облик, такие ангельские, жеманные улыбки. Они берегут себя для Мамочки. Или друг для дружки. А кого они считают Мамочкой? — подумала она. — Лидера, герра Бормана, который, говорят, на ладан дышит? Или Доходягу? Ходят слухи, старик Адольф, разбитый сенильным парезом,[33] доживает последние деньки в одном из санаториев рейха. Сифилис мозга — память о нищей жизни венского бродяги… Черное долгополое пальто, грязное исподнее, ночлежки… Наверное, это месть злорадного Боженьки. Совсем как в немом кино, злодей купается в нечистотах. Историческая кара за подлость. И что самое жуткое — вся нынешняя Германия порождена этим больным мозгом. Сначала он создал партию, потом — нацию, потом — государство на полпланеты. И не кто-нибудь, а сами нацисты выявили болезнь, поставили диагноз. Шарлатан-гомеопат Морель, пичкавший Гитлера патентованными пилюлями “Антигаз доктора Кестера”, раньше лечил венериков. Об этом знает весь мир, и тем не менее любой бред рехнувшегося вождя по-прежнему считается

---

[33] Примечания: 33
Старческий паралич. *(Прим. ред.)*

откровением мудреца, Священным Писанием. Мало того, что его идеи заразили весь мир, — их, как споры зла, разносят по планетам незрячие белесые пчеломатки. Вот плоды кровосмешения: безумие, слепота, смерть. Брр!» — содрогнулась Джулиана.

— Чарли! — окликнула она повара. — Как там мой заказ?

Ей было очень одиноко. Она встала, подошла к стойке и уселась около кассы. Никто, кроме молодого итальянца, не обращал на нее внимания. А он прямо-таки глаз не сводил.

«Его зовут Джо, — вспомнила она. — А дальше?»

Вблизи она увидела, что он не так молод, как показалось вначале. Трудно было угадать возраст — мешала нервозность, с которой он держался, то и дело зачесывая волосы назад жесткими скрюченными пальцами.

«Очень непростой человек, — решила она. — Он как будто выдыхает смерть».

Джулиану это одновременно тревожило и привлекало. Старший водитель шепнул что-то на ухо итальянцу и тоже уставился на нее.

— Мисс, — произнес старший водитель, и оба мужчины напряглись, — вам известно, что это та-

кое? — Он показал небольшую плоскую коробку.

— Да, — ответила Джулиана. — Нейлоновые чулки. Синтетическое волокно производится только картелем «ИГ Фарбен» в Нью-Йорке. Очень дефицитные и дорогие.

— Надо отдать немцам должное: монополия — не такая уж плохая штука. — Старший водитель положил коробочку перед своим спутником, и тот локтем придвинул ее к Джулиане.

— У вас есть машина? — спросил Джо, прихлебывая кофе.

Из кухни появился Чарли с полной тарелкой.

— Вы меня не подвезете? — Джулиану сверлили темные глаза Джо, и ей стало не по себе. — В мотель или еще куда. Лишь бы переночевать. Подбросите?

— Да, — ответила она. — У меня есть машина. Старый «Студебеккер».

Переведя взгляд с Джулианы на молодого водителя, повар молча поставил перед ней тарелку.

* * *

— Achtung, meine Damen und Herren,[34] — произнес динамик в конце прохода.

---

[34] Примечания: 34
Внимание, дамы и господа *(нем.).*

Мистер Бэйнс вздрогнул и открыл глаза. Справа в иллюминаторе, далеко внизу, плыла зелено-коричневая земля и морская синь. Тихий океан. Он понял, что ракета заходит на посадку. По-немецки, затем по-японски и наконец по-английски громкоговоритель попросил пассажиров не курить и не отстегиваться от кресел. До посадки осталось восемь минут, сообщил он.

Корабль накренился и затрясся — с ревом включились тормозные двигатели. Многие пассажиры испуганно заахали. Бэйнс улыбнулся, вызвав ответную улыбку молодого человека с коротко стриженными светлыми волосами, сидевшего через проход.

— Sie fürchten dass…[35] — заговорил молодой человек, но Бэйнс перебил его по-английски:

— Простите, я не говорю по-немецки. — Поймав вопросительный взгляд попутчика, он повторил то же самое по-немецки.

— Вы не немец? — с сильным акцентом спросил по-английски удивленный блондин.

— Швед, — ответил Бэйнс.

— Но ведь вы сели в Темпельхофе.[36]

---

[35] Примечания: 35
Они боятся, что… *(нем.)*

[36] Примечания: 36
Темпельхоф — аэропорт в Берлине. *(Прим. ред.)*

— Да, я был в Германии по делам. Такой уж бизнес — приходится кочевать по разным странам.

В глазах немца мелькнуло недоверие: как человек, занимающийся международным бизнесом, летающий новейшими ракетами «Люфтганзы», может не знать немецкого?

— А чем вы занимаетесь, мистер Бэйнс? — поинтересовался он.

— Пластмассы. Полиэстеры. Искусственные смолы. Заменители обычного промышленного сырья, а не потребительские товары, понимаете?

— В Швеции делают пластмассы? — явно не поверил немец.

— Да, и превосходные. Если дадите адрес, я с удовольствием вышлю проспект нашей фирмы. — Мистер Бэйнс извлек авторучку и блокнот.

— Ну что вы! Не стоит раздаривать проспекты кому ни попадя. Я не коммерсант, а художник, Алекс Лотце. Не доводилось видеть мои картины? Они выставлялись на Континенте.

— К сожалению, я равнодушен к современной живописи, — сказал Бэйнс. — Мне нравятся довоенные кубисты и абстракционисты. Люблю, когда картина несет глубокий смысл, а не просто представляет идеал.

— Но ведь это и есть сверхзадача искусства, — возразил Лотце. — Возвышение духовного над чувственным. Ваш абстракционизм — это пережиток периода декаданса, духовного хаоса, он отражает процессы разложения общества, старой плутократии. Декадентов поддерживали еврейские капиталисты-миллионеры, опутавшие своими сетями весь мир. Те времена ушли, искусство стало иным, оно не может стоять на месте.

Бэйнс кивнул, глядя в иллюминатор.

— Вам случалось бывать в ТША? — спросил Лотце.

— Несколько раз.

— А я лечу впервые. В Сан-Франциско при содействии ведомства доктора Геббельса и японских властей открывается выставка моих работ, так сказать, культурный обмен в целях укрепления дружбы и взаимопонимания. Необходимо снижать напряженность между Востоком и Западом. А для этого нужно больше общаться, и искусство тут как нельзя кстати.

Бэйнс опять кивнул. Внизу, за огненной ракетной струей, показались город и залив.

— А где в Сан-Франциско можно поесть? — спросил Лотце. — Для меня заказан номер в «Палас-отеле», но я слышал, в национальных

районах вроде Чайнатауна кормят лучше.

— Верно, — кивнул Бэйнс.

— А цены там не кусаются? Я ведь почти все отдал за билет. У нас очень экономное министерство. — Лотце засмеялся.

— Смотря как обменять деньги. У вас, надо полагать, переводные векселя Рейхсбанка? Рекомендую Токийский банк на Сэмсон-стрит.

— Danke sehr,[37] — поблагодарил Лотце. — А то бы я обналичил их в гостинице.

* * *

Ракета почти достигла земли. Бэйнс увидел взлетное поле, ангары, автостоянки, протянувшееся к городу шоссе, дома…

«Красиво, — подумал он. — Горы и вода, и клочки тумана, уплывающие к Золотым Воротам».

— Что за огромное сооружение? — спросил Лотце. — Вон там, внизу. Космопорт? Я думал, у японцев нет космических ракет.

Улыбаясь, Бэйнс пояснил:

— Стадион «Золотой мак». Бейсбольное поле.

— Ну да, они без ума от бейсбола, — рассмеялся Лотце. — А по мне, так нет спорта скучнее и бес-

---

[37] Примечания: 37
Большое спасибо *(нем.)*.

смысленнее. Взбрело кому-то в голову начать это недоразумение…

— Он уже достроен, — раздраженно перебил Бэйнс. — Таким и был задуман, открытым с одной стороны. Новый архитектурный стиль. И горожане очень гордятся им.

— Такое впечатление, будто его еврей проектировал, — пробормотал Лотце, глядя вниз.

Бэйнс пристально посмотрел на него. На мгновение он отчетливо ощутил перекос в немецком мозгу. Психотическое расстройство. Неужели Лотце действительно так считает? Или просто брякнул первое, что в голову взбрело?

— Надеюсь, мы еще встретимся в Сан-Франциско, — сказал Лотце, когда ракета коснулась земли. — Плохо, если рядом нет соотечественника, не с кем поговорить.

— Мы не соотечественники, — возразил Бэйнс.

— Вы правы. Но расово мы очень близки. Да и цели наши, и намерения совпадают. — Лотце заерзал в кресле, расстегивая хитросплетение ремней.

«И это с ним я расово близок?! — ужаснулся Бэйнс. — Близок до того, что совпадают наши цели и намерения? Тогда и у меня психотическое расстройство. Мы живем в психотическом мире,

где у власти безумцы. Как давно мы знаем об этом? Как давно смотрим правде в глаза? И главное, сколько нас, понимающих? Не таких, как Лотце? Может быть, если ты знаешь о своем безумии, ты не сумасшедший? Или идешь на поправку? Просыпаешься? Наверное, нас, понимающих, всего лишь горстка. И мы разбросаны по всему миру. Но массы… они-то что думают? Сотни тысяч жителей этого города? Неужели верят, что живут в нормальном мире? Или все-таки видят правду, хоть изредка, хоть мельком? Но что значит — безумие? Какой смысл принято вкладывать в это слово? Какой смысл вкладываю в него я? Я его вижу, я его чувствую, но чем оно является по своей сути? Безумие — в их деяниях, — подумал он. — В их природе. В умственной ограниченности. В их закрытости от знаний. В непонимании тех, кто их окружает, в равнодушии, с которым они несут гибель другим. Нет, не то. Я не знаю. Я лишь чувствую. Интуитивно. Они целенаправленно жестоки… Нет. Боже, помоги, самому не добраться до сути! Они частично игнорируют действительность? Да. Но не только это. Безумие в их замыслах. Да, в замыслах! Освоение планет. Те же бешеные усилия, та же маниакальность, что и при покорении Африки, а еще раньше

Европы и Азии. Они мыслят в космических масштабах. Для них нет человека, нет ребенка; есть абстракции: раса, страна. Volk, Land, Blut, Ehre.[38] Нет честных личностей, есть только сама Ehre — честь. Абстракция для них суть реальность, реальное же невидимо. Die Güte, доброта, а не добрый человек, добрый поступок. Безумны представления о времени и пространстве; их взоры устремлены сквозь “здесь” и “сейчас” в лежащую впереди черную бездну, в вечное и неизменное. И это — угроза жизни. Потому что рано или поздно жизнь исчезнет, вновь не останется ничего, кроме космической пыли и раскаленного водорода. “Сейчас” — это промежуток между началом и концом, ein Augenblick.[39] Космический процесс ускоряется, сокрушая все живое, обращая его в гранит и метан. И они, эти безумцы, тоже спешат обратить нас в камень и пыль. В мертвую материю. Хотят помочь Natur.[40] Я знаю почему, — размышлял Бэйнс. — Они не хотят быть жертвами, они хотят быть движущей силой ис-

---

[38] Примечания: 38
Народ, страна, кровь, честь *(нем.).*

[39] Примечания: 39
Момент *(нем.).*

[40] Примечания: 40
Природа *(нем.).*

тории. Они приравнивают свое могущество к Божьему, считают себя подобными Богу. Вот где коренится безумие. Все они одержимы одним архетипом. У каждого психотическое эго расширено настолько, что не способно определить, где кончается Бог и начинается оно. Это не гордыня и не спесь — это раздувание собственного “я” до той крайности, когда исчезает разница между поклоняющимся и предметом поклонения. Не человек съедает Бога, а Бог съедает человека. Чего они не осознают, так это людской беспомощности. Я слаб, я мал, и вселенной нет до меня никакого дела. Она не замечает меня; я живу невидимкой. Но что в этом плохого? Разве так — не лучше? Кого боги замечают, того уничтожают. Будь мал — и не коснется тебя ненависть сильных мира сего».

Расстегивая ремень, Бэйнс произнес:

— Герр Лотце, я никому еще этого не говорил, но вам скажу. Я еврей. Вы поняли?

Лотце ошалело взглянул на него.

— Самому бы вам не догадаться, ведь я ничуть не похож на еврея. Изменены форма носа и черепа, уменьшены поры, осветлена кожа. Другими словами, по внешним признакам меня не опознать. Я даже вхож в высшие круги нацистского общества. Никто не заподозрит во мне чужака.

И… — Сделав паузу, он подался к Лотце и зашептал: — И я не один. Есть другие. Слышите? Мы не погибли. Мы существуем. Живем невидимками.

— Наша служба безопасности… — выдавил Лотце, но Бэйнс его перебил:

— Можете сообщить, СД проверит мое досье. Но учтите: у меня связи. Очень серьезные. Среди моих покровителей есть арийцы, есть и евреи, занимающие высокие посты в Берлине. Ваш донос оставят без внимания, а потом я и сам донесу на вас. Глазом не успеете моргнуть, как окажетесь под превентивным арестом.

Он улыбнулся, кивнул и зашагал меж кресел следом за выходящими пассажирами.

Они спустились по трапу на продуваемое холодным ветром поле. Внизу Бэйнс снова оказался рядом с Лотце.

— Знаете, герр Лотце, — он взял художника под локоть, — мне не понравились ваши взгляды. Думаю, я в любом случае донесу на вас.

И он прибавил шагу, оставив немца позади.

На краю поля, у дверей вокзала, собралась большая толпа родственников и друзей пассажиров. Высматривающие нетерпеливые глаза, улыбки, машущие руки. Чуть впереди стоял невысокий плотный японец средних лет в добротном пальто

английского покроя, остроносых оксфордах и котелке, рядом — японец помоложе. На пальто коренастого блестел значок Тихоокеанской Торговой миссии Имперского правительства.

«Меня встречает господин Тагоми собственной персоной», — подумал Бэйнс.

Шагнув вперед, коренастый громко произнес:

— Герр Бэйнс? Добрый вечер! — и выжидающе вскинул голову.

— Добрый вечер, господин Тагоми.

Они пожали друг другу руки, затем раскланялись. Молодой японец тоже поклонился, приветливо улыбаясь.

— Холодновато на открытом поле, сэр, — сказал Тагоми. — В нашем распоряжении геликоптер миссии. Не возражаете? Или вам необходимо посетить удобства? — Он напряженно всматривался в лицо Бэйнса.

— Готов лететь, — сказал Бэйнс. — Хотя надо бы зарегистрироваться в гостинице. И багаж…

— Господин Котомити обо всем позаботится, — заверил Тагоми. — Багаж выдадут через час, не раньше. Ждать дольше, чем вы летели.

Котомити улыбнулся и кивнул.

— Отлично, — сказал Бэйнс.

— Сэр, у меня для вас незначительная жерт-

ва, — заявил Тагоми.

— Простите?

— Чтобы снискать вашу благосклонность… — Тагоми сунул руку в карман пальто и достал коробочку. — Из лучших objects d'art[41] Америки, — и подал коробочку Бэйнсу. — Наши сотрудники полдня ломали голову, что бы вам подарить. Решили остановиться на этом типичнейшем артефакте угасающей североамериканской культуры, на этой редкой вещи, сохранившей ауру далеких счастливых дней.

Бэйнс открыл коробочку. В ней на черном бархате лежали наручные часы с Микки-Маусом на циферблате.

Неужто Тагоми захотелось пошутить? Бэйнс поднял глаза и увидел серьезное, озабоченное лицо японца. Нет, это не шутка.

— Большое спасибо, — поблагодарил Бэйнс. — Действительно, отменный подарок.

— Во всем мире не наберется и десятка настоящих часов «Микки-Маус» выпуска тридцать восьмого года, — произнес Тагоми, внимательно наблюдая за лицом Бэйнса, пытаясь понять его реакцию, его эмоции. — Их нет ни у одного из

---

[41] Примечания: 41
Произведений искусства *(фр.)*.

моих знакомых коллекционеров.

Они вошли в здание вокзала и стали подниматься по лестнице. Следовавший позади Котомити произнес:

— Харусаме ни нурецуцу яне но темари кана…

— Что это? — спросил Бэйнс у Тагоми.

— Старинное стихотворение, — пояснил Тагоми, — хайку середины эпохи Токугава.

Под весенним дождем
Мокнет забытый на крыше
Тряпочный мячик.[42]

[42] Примечания: 42
Из сборника «Ёса Бусон. Хайку». Перевод Т. Соколовой-Делюсиной.

Глава 4

Уиндем-Мэтсон вразвалку шел по коридору в направлении главного цеха «У.-М. корпорейшн». Провожая его взглядом, Фрэнк подумал, что бывший работодатель вовсе не похож на фабриканта. Легче принять его за жителя трущоб, за пьянчугу, которого вымыли, побрили, причесали, одели во все новое, накачали витаминами и выпроводили с пятью долларами и советом начать жизнь с чистого листа. Старик всегда ловчил, суетился, заикался перед каждым встречным и даже заискивал, будто видел в нем сильного врага, которого необходимо умилостивить. Манерой держаться он как бы говорил: «Всем от меня, бедного, чего-нибудь нужно».

На самом деле старина У.-М. был куда круче, чем казался с виду. Он контролировал несколько предприятий, играл на бирже, приторговывал недвижимостью.

Фрэнк двинулся за ним следом, отворил большую металлическую дверь и шагнул навстречу грохоту машин, ставшему привычным за многие годы; его окружали люди и механизмы, сверкала электросварка, в воздухе висела техническая

пыль. Фрэнк ускорил шаг.

— Эй, мистер У-Эм! — позвал он.

Уиндем-Мэтсон остановился возле человека с волосатыми руками; его звали Эд Маккарти, он был начальником цеха. Оба повернулись к Фрэнку.

— Извини, Фрэнк, — произнес Уиндем-Мэтсон, нервно облизывая губы, — но принять тебя обратно не смогу. Уже взял человека на твое место. Ты столько всего наговорил — мне и в голову не приходило, что ты захочешь вернуться.

Его черные глазки так и бегали.

«Это наследственное, — подумал Фрэнк. — Изворотливость у старика в крови».

— Заберу свои инструменты, больше мне ничего не нужно, — произнес Фрэнк, с удовольствием слушая свой уверенный голос.

— Ну, посмотрим, — промямлил Уиндем-Мэтсон, явно сомневаясь в том, что инструменты — имущество Фрэнка. И обратился к Маккарти: — Эд, вроде это по твоей части? Разберись с Фрэнком, пожалуйста. У меня дел по горло. — Он глянул на карманные часы. — Вот что, Эд, позже обсудим твое предложение. Мне надо бежать.

Он похлопал Маккарти по плечу и, не оглядываясь, затрусил прочь.

Эд Маккарти и Фрэнк остались вдвоем.

— Хотел вернуться? — помолчав, спросил Маккарти.

— Да, — ответил Фрэнк.

— Ты молодец. Здорово вчера выдал.

— Молодец-то молодец, — пробормотал Фрэнк, — но где еще найдешь такую работу? — Он чувствовал себя разбитым и беспомощным. — Ты-то меня понимаешь.

Они часто делились друг с другом заботами.

— Чепуха, ты отличный мастер. За шлифовальной машиной тебе нет равных. Я видел, как ты за пять минут подогнал деталь, включая грубую шлифовку. И это крупным наждаком! Вот только со сваркой…

— Я и не говорил, что умею сваривать, — перебил Фрэнк.

— А тебе не приходило на ум начать собственное дело?

— Что начать? — изумленно пробормотал Фрэнк.

— Заняться ювелирным делом.

— А, ради бога!

— Делать на заказ оригинальные вещи, не серийные.

Маккарти направился в угол цеха, подальше

от шума.

— Примерно за две тысячи баксов ты сможешь устроить мастерскую где-нибудь в подвальчике или в гараже. Одно время я подумывал о сережках и кулонах. Ну, ты помнишь — в современном стиле.

Эд взял листок бумаги для заметок и стал рисовать — медленно, сосредоточенно.

Заглянув ему через плечо, Фрэнк увидел абстрактный, с плавными линиями эскиз браслета.

— А где продавать? — спросил он.

Он давно не видел ничего подобного. Только довоенные вещи. Но все они — даже старинные — были стандартными.

— Кому нужно современное американское искусство?

— Создадим рынок, — состроил зверскую гримасу Маккарти.

— Сами, что ли, будем продавать?

— Нет, через магазины розничной торговли. Вроде той роскошной лавки на Монтгомери-стрит. Как бишь ее…

— «Американские художественные ремесла», — припомнил Фрэнк.

Он никогда не посещал такие шикарные магазины, да и мало кто из американцев заходил в

них: выставленные там вещи были по карману только японцам.

— Известно ли тебе, чем торгуют в таких заведениях? — осведомился Маккарти. — И на чем делают состояния? На дурацких серебряных нашлепках от индейских поясов из Нью-Мексико. На всякой дряни для туристов, якобы туземном искусстве.

Фрэнк долго не сводил глаз с Маккарти. Наконец произнес:

— Мне известно, что еще они продают. И тебе тоже.

— Да, — подтвердил Маккарти.

К тому, чем торговали в магазинах редкостей, они имели самое непосредственное отношение. И не первый год. Официально «У.-М. корпорейшн» специализировалась на изготовлении кованых перил для лестниц и балконов, решеток для каминов и оград для новых фешенебельных домов. Изделия производились крупными партиями по типовым чертежам, например сорок каминных решеток для сорокаквартирного дома. Но «У.-М. корпорейшн» выпускала не только кованые изделия — основные прибыли приносила деятельность иного рода. Используя большой арсенал инструментов, станков и материалов,

корпорация подделывала предметы довоенной Америки в широком ассортименте. Эти подделки, разбавленные подлинными вещами, очень осторожно и расчетливо поставлялись на оптовый рынок предметов искусства и сбывались коллекционерам по всему континенту. Как и в филателии, как и в нумизматике, невозможно было подсчитать, сколько фальшивок ходит по свету. Да никто и не пытался. Прежде всего, это не нужно было продавцам и коллекционерам.

Вчера, уходя с работы, Фрэнк оставил на верстаке недоделанный револьвер, «кольт» эпохи покорения Дикого Запада. Он сам изготовил форму и отливки, оставалось довести до ума детали. Для стрелкового оружия времен Гражданской войны и фронтира рынок был неограничен; все, что мастерил Фрэнк, «У.-М. корпорейшн» сбывала без всяких хлопот.

Фрэнк неторопливо приблизился к верстаку и снял заусенцы с шомпола. Еще три дня, и револьвер был бы готов.

«Да, — подумал он, — я потерял хорошую работу. Только эксперт сможет отличить… Но японские коллекционеры — не знатоки… Вернее, у них нет образцов и стандартов, не с чем сравнивать».

Насколько ему было известно, они даже не задумывались над необходимостью устанавливать подлинность так называемых исторических произведений искусства, которыми торговали на Западном побережье. Когда-нибудь, возможно, задумаются… и тогда рынок лопнет как мыльный пузырь, даже подлинники никто не рискнет покупать. Закон Грешама гласит: подделки снижают ценность подлинников. Может быть, поэтому никто и не проверяет. Боятся правды. А так вроде все довольны.

Разбросанные по городам фабрики выпускают продукцию, оптовики ее распределяют по магазинам, а розничные торговцы рекламируют и выкладывают на прилавки. Коллекционеры платят денежки и, довольные, увозят покупки домой — восхищать коллег, друзей, любовниц.

Вот так и с послевоенными деньгами все было в порядке, пока не возник вопрос: а чего на самом деле они стоят?

До поры до времени подделки будут в цене. Потом придет час расплаты. Пока же все помалкивают, особенно те, кто кормится на этой ниве. Они просто стараются не думать о грядущих неприятностях, сосредоточившись на сиюминутных технических проблемах.

— Давно ли ты пробовал сделать что-нибудь оригинальное? — спросил Маккарти.

— Уже сколько лет… — пожал плечами Фрэнк. — Зато копировать научился здорово.

— Знаешь, о чем я думаю? Ты поверил нацистам, будто евреи не способны созидать, а могут только имитировать и торговать. Не творцы, а лишь посредники. — Безжалостный взгляд Эда буравил друга.

— Может, так оно и есть, — проворчал Фрэнк.

— А ты попробуй. Придумай что-нибудь новенькое. Или сразу поработай по металлу. Поиграй. Как дети играют.

— Не хочу, — сказал Фрэнк.

— В тебе нет азарта, — заключил Маккарти. — Полностью утрачена вера в себя. Угадал? Вот и плохо. Ведь я знаю, на что ты способен.

«Плохо — не то слово, — подумал Фрэнк. — Да, ты угадал. Ни веры, ни азарта.

Маккарти — отличный начальник. Ему не откажешь в умении завести работягу, заставить его выложиться. Прирожденный руководитель — чуть не вдохновил меня. И все испортил, отойдя раньше времени.

Жаль, нет при мне оракула. Как бы помог сейчас источник пятитысячелетней мудрости».

Фрэнк вспомнил, что видел «И-цзин» в вестибюле административного корпуса, и направился туда чуть ли не бегом. Устроившись в кресле из хромированной стали и пластика, написал на оборотной стороне конверта: «Только что мне предложили творческий бизнес — стоит ли попробовать?» — и стал подбрасывать три монеты.

Первой выпала сплошная черта, потом еще две. Нижняя триграмма. Цянь, неплохо. Цянь означает творчество. Четвертая черта — «шестерка», инь. Пятая — тоже прерванная.

«О господи! — разволновался он. — Еще одна иньская черта, и я получу одиннадцатую гексаграмму Тай — “Расцвет”! Очень добрый знак. Или… — руки дрожали, когда он тряс монеты, — если выпадет ян, получится гексаграмма двадцать шесть, Дачу — “Воспитание великим”. Обе гексаграммы благоприятны».

Он кинул монетки.

Инь. «Расцвет».

Открыв книгу, он прочел:

«Расцвет. Малое уходит, великое приходит. Счастье. Развитие».

Значит, надо поступить, как советует Эд Маккарти. Открыть свое маленькое предприятие.

Его беспокоила только верхняя «шестерка».

Фрэнк перевернул страницу. Что там за текст? Он не мог вспомнить. Должно быть, благоприятный, поскольку вся гексаграмма добрая. Единение неба и земли… Но смысл первой и последней черт всегда лежит вне гексаграммы, так что, возможно, верхняя «шестерка»…

Пойманные глазами строки вспыхнули в мозгу:

«Городской вал падает обратно в ров. Не применяй войско. Из мелких городов будет изъявлена собственная их воля. Стойкость — к сожалению».

— Ох, влип! — воскликнул он и прочел комментарий:

«В середине гексаграммы упоминались силы тьмы; теперь они начинают проявлять себя. Городская стена погружается обратно в ров, из которого она была поднята. Близится роковой час…»[43]

Несомненно, это едва ли не самое мрачное толкование из трех с лишним тысяч, содержащихся в книге. И все же гексаграмма в целом была благоприятной.

Как быть? Прежде не бывало, чтобы оракул пророчил ему беду и счастье одновременно. А

---

[43] Примечания: 43
R. Wilhelm The I Ching or Book of Changes.

нынче будто выгреб со дна своего кладезя всякую дрянь: тряпье, кости и черный ил — и вывалил на стол, точно сдуревший повар.

«Видать, от меня требуются две вещи, — подумал Фрэнк — И за работу взяться, и посмотреть на происходящее глазами шлимазла.[44] К счастью, второе дело — секундное.

Вот же черт! — мысленно выругался он. — Либо одно, либо другое. Не могут беда и удача ходить рука об руку. Или… могут? Ювелирное дело обеспечит мне будущность — никак иначе пророчество не истолковать. Но эта проклятая шестая строка… У нее глубокий смысл, она предупреждает о катастрофе, возможно, даже не связанной с ювелирным делом. В любом случае для меня припасена какая-то гадость».

«Война! — предположил Фрэнк — Третья мировая! Два миллиарда трупов, цивилизация стерта с лица Земли. Водородные бомбы сыплются градом».

«Ой, гевальт![45] — подумал он. — Что происходит? Из-за меня война начнется, что ли? Или кто-нибудь другой, о ком я даже не знаю ничего,

---

[44] Примечания: 44
Шлимазл — придурок *(идиш).*

[45] Примечания: 45
О, горе мне! *(идиш)*

заварит кашу? Или — все мы? Во всем виноваты физики с их теорией синхронности: каждая частица связана со всеми остальными — нельзя даже пукнуть, не изменив равновесия Вселенной. Они превратили жизнь в хохму, но только над этой хохмой некому будет посмеяться. Я открываю книгу и получаю прогноз событий, о которых даже Господь Бог хотел бы забыть. А кто я такой? Посторонний. Случайный человек. Который тут вовсе ни при чем.

Надо забрать инструменты, оборудовать мастерскую и возиться в ней день-деньской, как будто и не выпадала мне роковая черта. Надо работать. Творить, ничего не боясь. До самого конца. Жить на всю катушку, пока стена не рухнет в ров вместе с нами, со всем человечеством. Вот о чем говорит оракул. Рано или поздно рок доберется до каждого из нас. Но пусть до тех пор мои руки и голова не ведают праздности.

Комментарий предназначен только для меня и относится к моей работе. А последняя черта касается нас всех».

«Я слишком мал, — продолжил он мысль. — Могу лишь прочесть написанное и глянуть вверх, а потом опустить голову и поплестись дальше своей дорогой, как будто я невидим. Не бегать же

по улицам, крича во всю глотку, чтобы привлечь внимание прохожих.

А существует ли вообще человек, способный изменить ход событий? Некто великий?.. Или, может, мы все вместе… Или в решающий момент начнет действовать тот, кого внедрили заранее, согласно тайному стратегическому плану… В общем, остается уповать на случай. На счастливое стечение обстоятельств. Лишь от него зависит жизнь — моя и всего человечества».

Фрэнк закрыл книгу и вернулся в цех. Заметив Маккарти, указал ему на тихий уголок.

— Чем больше думаю над твоей идеей, тем больше она мне нравится, — сказал он.

— Вот и отлично, — кивнул Маккарти. — А теперь слушай. Надо заставить Уиндема-Мэтсона рассчитаться сполна. — Он медленно, напряженно опустил веко — подмигнул. Это выглядело довольно жутко. — Я тут прикинул… В общем, решил уволиться и составить тебе компанию. Вот, погляди на эскизы. Чем плохи?

— Хороши, — подтвердил несколько сбитый с толку Фрэнк.

— Заходи вечерком ко мне, часам к семи, — предложил Маккарти. — Джин приготовит поесть… Если только сможешь вытерпеть мою

детвору.

— Договорились, — сказал Фрэнк.

Маккарти хлопнул его по плечу и отошел.

«За какие-то десять минут я проделал большой путь. Как быстро это случилось, — размышлял Фрэнк, не испытывая тревоги и страха, только возбуждение. — Впрочем, такие события и должны происходить быстро. — Он направился к верстаку, чтобы собрать свои инструменты. — Подворачивается возможность, и… А ведь я ждал этой минуты всю жизнь. Оракул сказал: “Счастье, развитие”, и надо ему верить. Значит, оно пришло, великое? Время больших свершений? Пришел нужный Момент? “Шестерка” наверху одиннадцатой гексаграммы все меняет, гексаграмма приобретает смысл двадцать шестой, “Воспитание великим”. Инь превратился в ян; сменилась черта, и возник новый Момент. А я до того рассеян, что даже не заметил этого!»

«Теперь ясно, почему мне досталась эта грозная черта, — сделал вывод Фрэнк. — Одиннадцатая гексаграмма может превратиться в двадцать шестую единственным способом: получив наверх подвижную линию. Стало быть, вполне достаточно, чтобы я просто не подставлялся, не искал на свою задницу лишних проблем».

Но, несмотря на волнение и оптимизм, Фрэнк не мог выбросить из головы плохую черту.

«Хотя пытаюсь изо всех сил, — с горькой иронией отметил он. — Глядишь, к семи вечера начисто о ней позабуду. Ну что ж, будем надеяться. Потому что работать с Эдом на паях — это здорово. А идея заняться ювелирным делом — просто золотая. И я не вправе упустить такой шанс. Сейчас я — ничто, но, если встану на ноги, может быть, сумею вернуть Джулиану. Ведь я знаю, что ей нужно — быть женой не какого-нибудь мешугенера,[46] а человека, чье имя что-то значит, влиятельной персоны. Мужчина должен быть мужчиной. Во всяком случае, когда-то было так. До войны. Сейчас она, должно быть, мечется с места на место, от мужика к мужику. Сама не знает, чего ищет. Но я-то знаю, и, когда мы с Эдом добьемся успеха, она получит то, что ей нужно».

* * *

Собираясь перекусить, Роберт Чилден запер дверь «Американских художественных ремесел» и, как всегда, зашел в кафе напротив. Обычно на завтрак уходило около получаса; на этот раз

---

[46] Примечания: 46
Мешугенер — сумасшедший *(идиш).*

Чилден уложился в двадцать минут. Стоило вспомнить о встрече с Тагоми и его подчиненными, как желудок устраивал бунт.

По возвращении из Торговой миссии Чилден сказал себе: пора менять политику. Никаких доставок на дом. Все сделки — исключительно в магазине.

Подумать только, битых два часа он провел в кабинете заказчика. А на все про все ушло целых четыре часа! Когда он вернулся, открывать магазин было уже поздно. За весь день удалось продать только часы «Микки-Маус». Конечно, он не остался внакладе, но…

Чилден отворил дверь и прошел в подсобку — повесить пальто. Возвратясь в зал, обнаружил, что его ждет посетитель. Белый.

«Ого, — подумал Чилден, — сюрприз!»

— Добрый день, сэр, — с легким поклоном поздоровался он.

«Буратина, что ли?» — мелькнула мысль.

Чилден окинул посетителя внимательным взглядом: худощавый, смуглый, довольно элегантно одет. Но держится натянуто, даже слегка вспотел от волнения.

— Добрый день, — пробормотал посетитель, топчась у витрин.

Вдруг он резко устремился к прилавку и достал маленькую визитницу из лакированной кожи, а из нее красивую пеструю карточку с гербом Империи и эмблемой. ВМФ. «Адмирал Харуся».

Роберт Чилден уважительно вернул карточку.

— Корабль адмирала стоит в гавани Сан-Франциско, — пояснил посетитель. — Авианосец «Сёкаку».[47]

— Ясно, — кивнул Чилден.

— Адмирал Харуся впервые на Западном побережье, — продолжал незнакомец. — Одна из его целей — посетить ваш знаменитый магазин. На Родных островах наслышаны об «Американских художественных ремеслах».

Чилден вновь поклонился.

— К сожалению, — продолжал гость, — обстоятельства сложились так, что адмирал не нашел времени для личного визита и направил в ваш магазин меня, своего поверенного.

— Адмирал — коллекционер? — Мозг Чилдена заработал на полных оборотах.

— Не коллекционер, но увлечен искусством и неплохо разбирается в нем. Вещи, которые он

---

[47] Примечания: 47

В нашем мире авианосец «Сёкаку» потоплен американской подлодкой «Кавелла» летом 1944 г. в сражении у Марианских островов. Адмирал Харуся в списке командовавших им адмиралов не значится.

хотел бы у вас приобрести, будут подарены офицерам флагмана. Адмирал решил вручить каждому офицеру ценный раритет времен Гражданской войны — оружие для ношения на поясе. — Сделав паузу, посетитель добавил: — Двенадцати офицерам.

«Двенадцать револьверов времен Гражданской войны, — затрепетал от волнения Чилден. — Дорогое удовольствие. Почти десять тысяч долларов!»

— Всем известно, что вы торгуете бесценными предметами старины, в буквальном смысле сошедшими со страниц американской истории, — продолжал смуглый человек. — Истории, увы, быстро исчезающей в чертогах времени.

Тщательно подбирая слова (ни в коем случае не допустить оплошности, не отпугнуть покупателя!), Чилден произнес:

— Да, вы правы, такого выбора оружия времен Гражданской войны, как здесь, не найти ни в одном магазине ТША. Счастлив услужить адмиралу Харусе. Если угодно, я доставлю отменную коллекцию прямо на борт «Сёкаку». Может, сегодня во второй половине дня?

— Я бы хотел посмотреть здесь, — сказал посетитель.

Чилден быстро прикинул в уме. У него не было двенадцати револьверов в наличии, только три. Но если повезет, он соберет дюжину за неделю. В крайнем случае закажет на Востоке, оплатив пересылку авиапочтой. Обзвонит местных оптовиков.

— Вы разбираетесь в подобном оружии, сэр? — спросил Чилден.

— Более-менее, — ответил посетитель. — Я собрал небольшую коллекцию пистолетов и револьверов. Есть даже крошечный потайной пистолет в форме костяшки домино, выпущенный году этак в сороковом прошлого века.

— Прелестная вещица, — кивнул Чилден и направился к сейфу.

Вернувшись с револьвером, он увидел, что посетитель заполняет чек.

— Адмирал предпочел бы заплатить авансом, — сказал буратина. — Депозит на пятнадцать тысяч тихоокеанских долларов.

Комната закружилась перед глазами Чилдена, но он сумел ответить ровно, даже с оттенком скуки:

— Как угодно. В этом нет особой необходимости, так, формальность. — Положив на прилавок футляр из фетра и кожи, он добавил: — Вот, реко-

мендую. Превосходный «кольт» сорок четвертого калибра. Тысяча восемьсот шестидесятый год. — Он открыл футляр. — Черный порох и пули. Этот шестизарядник был на вооружении у армии северян. Из него какой-нибудь парень в синем палил во второй битве при Булл-Ране.[48]

Посетитель долго рассматривал «кольт». Затем, подняв глаза, тихо произнес:

— Сэр, это подделка.

— Что? — не понял Чилден.

— Сэр, вы предлагаете фальшивый экземпляр. Этой вещи нет и шести месяцев. Весьма досадно. Вот, поглядите на дерево, оно подвергалось искусственному старению, обрабатывалось едким химическим веществом. — Посетитель положил револьвер на прилавок.

Чилден схватил «кольт» и принялся вертеть в руках. Наконец хрипло произнес:

— Этого не может быть!

— Имитация редкого старинного револьвера. Я совершенно уверен. Боюсь, вас обманули, сэр. Какой-нибудь мошенник. Следует заявить в полицию. — Посетитель поклонился. — Сожалею, сэр. Возможно, среди ваших товаров есть и другие

---

[48] Примечания: 48

Эпизод Гражданской войны в Америке, битва при реке Булл-Ран весной 1862 г., закончившаяся тяжелым поражением армии северян.

копии. Неужели вы, владелец магазина, в своем роде специалист, не способны отличить подделку от подлинника?

Наступила тишина.

Гость взял с прилавка наполовину заполненный чек, убрал в карман вместе с авторучкой и поклонился.

— Мне жаль, сэр, но я не могу иметь дела с «Американскими художественными ремеслами». Адмирал Харуся будет разочарован. Но войдите в мое положение.

Чилден тупо смотрел на револьвер.

— Всего хорошего, сэр, — сказал посетитель. — Последуйте моему совету, привлеките эксперта. Ваша репутация… Уверен, вы понимаете.

— Сэр, пожалуйста… — забормотал Чилден. — Я вас очень прошу…

— Не волнуйтесь, сэр. Никто не узнает. Адмиралу я скажу, что ваш магазин оказался закрыт. В конце концов… — Он помолчал, остановившись в дверях. — В конце концов, мы с вами белые. — Еще раз поклонившись, он ушел.

Чилден остался у прилавка с револьвером в руке.

«Этого не может быть, — подумал он. — Но это случилось. Господи боже! Я погиб. Упустил пят-

надцать тысяч долларов. И потерял репутацию, а это — куда хуже. Если этот человек, порученец адмирала Харуси, не сдержит обещания… Я разорен! — решил он. — Покончу с собой. Но может быть, посетитель ошибся? Или солгал? Возможно, он подослан хозяином “Исторических ценностей Соединенных Штатов”, чтобы погубить меня. Или “Художественными редкостями Западного побережья”. Кем-нибудь из конкурентов. Револьвер настоящий, наверняка. А как убедиться? — Чилден лихорадочно соображал. — Ага! Отправлю его на проверку в лабораторию пенологического[49] факультета Калифорнийского университета. У меня там знакомые, по крайней мере были. Один раз пришлось к ним обращаться, чтобы проверить подлинность армейской казнозарядки раннего образца».

Он торопливо набрал номер одной из городских курьерских служб и велел немедленно прислать человека. Затем упаковал револьвер и написал записку, в которой просил сотрудников университетской лаборатории срочно установить возраст оружия и сообщить результат по телефону. Потом отдал пакет и записку подошедшему

[49] Примечания: 49

Пенология — учение об исполнении наказания, частная дисциплина криминологии. *(Прим. ред.)*

курьеру. Тот отбыл, а Чилден принялся расхаживать по магазину в нервозном ожидании.

В три часа позвонили из лаборатории.

— Мистер Чилден, вы желаете знать, является ли подлинным «кольт-армии сорок четыре» тысяча восемьсот шестидесятого года? — Пауза, во время которой Чилден едва не раздавил трубку. — Сообщаю лабораторное заключение. Все детали, кроме ореховых накладок, изготовлены с помощью пластмассовых форм. Серийные номера не соответствуют подлинным. Цементация поверхности проходила без участия цианида. Коричневый и синий оттенки поверхностей получены в результате скоростной обработки по современной технологии, револьвер целиком подвергался искусственному старению.

— Человек, который мне его предложил… — хрипло произнес Чилден.

— Его обвели вокруг пальца, так ему и скажите, — посоветовал эксперт. — Причем ловко обвели. Отличная работа. Профессиональная. Вам известно, что у настоящих «кольтов» синеватый оттенок? А доводилось ли слышать о том, как он получался? Стальные детали укладывали в ящик, сделанный из кожаных ремней, герметизировали его вместе с цианидом и нагревали.

Довольно хлопотная процедура, по нынешним-то временам. А эту штуку сработали в превосходно оснащенной мастерской. Мы изучили частицы веществ, применявшихся для шлифовки и полировки, — есть кое-что весьма необычное. Не возьмусь доказывать в суде, но теперь нам известно, что выпуск подделок поставлен на промышленную основу.

— Нет! — воскликнул Чилден. — Это всего лишь слухи. Могу утверждать со всей ответственностью, сэр. Кому и знать об этом, как не мне! — Его голос поднялся до истерической ноты и надломился. — Как вы думаете, почему я отправил к вам револьвер? Я много лет торгую подобными вещами и сразу же заподозрил неладное. Такие подделки очень редки. Похоже на розыгрыш. Кто-то решил пошутить. — Тяжело дыша, он попрощался: — Благодарю вас. Вы подтвердили мою догадку. Пришлите счет. До свидания!

Чилден бросил трубку и уселся просматривать бухгалтерские записи — надо было выяснить, откуда у него этот фальшивый «кольт».

Он установил, что револьвер продал крупнейший в Сан-Франциско оптовик, владелец фирмы «Рэй Калвин и партнеры», находящейся на Ван-Несс. Чилден немедленно набрал номер.

— Мне мистера Калвина. — Теперь его голос звучал тверже.

Ответом был грубый тон вечно занятого дельца:

— Слушаю.

— Это Боб Чилден — «АХР, инк», на Монтгомери. Рэй, у меня к вам деликатная просьба. Надо поговорить с глазу на глаз, лучше всего сегодня, у вас в конторе. Поверьте, это очень важно. — Чилден вдруг понял, что кричит в трубку.

— Ладно, — буркнул Рэй Калвин.

— И никому не говорите. Это должно остаться между нами.

— В четыре устроит?

— Хорошо, в четыре, — согласился Чилден. — У вас. Всего доброго.

Он с такой яростью кинул трубку на рычаг, что телефон слетел на пол. Опустившись на колени, хозяин магазина поставил аппарат на место.

Выходить нужно через полчаса, и есть перспектива провести это время в бесполезном ожидании. Что же делать? Идея! Он позвонил в филиал «Токио геральд» на Маркет-стрит.

— Будьте добры, — произнес он, — скажите, находится ли в порту авианосец «Сёкаку», а если находится, то как давно он прибыл? Буду очень

благодарен вашей уважаемой газете за эту информацию.

Тоскливое ожидание. Девичий голос:

— Как утверждает наша справочная служба, авианосец «Сёкаку» находится на дне Филиппинского моря. — Девушка хихикнула. — Он потоплен американской подлодкой в сорок пятом. Чем еще мы могли бы вам помочь, сэр? — Похоже, в газете его приняли за оригинального шутника.

Он положил трубку. Стало быть, никакого «Сёкаку» не существует вот уже семнадцать лет, как и адмирала Харуси, надо полагать. А его «доверенное лицо» — просто жулик. И все же этот тип оказался прав. «Кольт-арми-44» — подделка.

Бессмыслица.

Может, спекулянт? Пытается отхватить кусочек рынка пистолетов Гражданской войны? Однако он эксперт. Профессионал из профессионалов. Как быстро сумел распознать подделку!

Значит, и обращаться за помощью нужно к профессионалу. Знающему бизнес изнутри. Не к простому коллекционеру.

У Чилдена слегка отлегло от сердца.

В этом узком кругу все друг друга знают. И вдобавок умеют хранить тайны.

Или плюнуть и забыть?

Подумав, Чилден решил:

«Нет. Нужно выяснить все до конца. Но прежде всего надо заставить Рэя Калвина возместить убытки. И еще раз обратиться в университетскую лабораторию. Пусть проверят весь товар.

Но… вдруг они установят, что я торгую только фальшивками?

М-да… Проблема».

«Остается одно, — мрачно подумал он. — Пойти к Рэю Калвину. Взять за грудки. Вытрясти всю правду. Может, он тут ни при чем. А может, наоборот. Неважно. Сказать ему: “Еще одна подделка, и я у вас больше ничего не возьму!”

Пусть он терпит убытки, — сказал себе Чилден. — Он, а не я. Если откажется, я обойду все магазины и испорчу ему репутацию. Почему я должен страдать в одиночку? Пускай те, кто заварил кашу, сами ее и расхлебывают. Но действовать нужно очень осторожно. И ни слова посторонним».

Глава 5

Телефонный звонок Рэя Калвина озадачил Уиндема-Мэтсона. Он ничего толком не понял — отчасти из-за быстрой и отрывистой речи Калвина, отчасти потому, что тот позвонил в полдвенадцатого ночи, когда Уиндем-Мэтсон развлекался с гостьей в своем номере отеля «Муромати».

— Вот что, приятель, — сказал Калвин, — мы возвращаем последнюю партию. Вернули бы и остальную дрянь, если бы уже за нее не заплатили.

Естественно, Уиндему-Мэтсону захотелось узнать, в чем дело.

— В том, что весь ваш товар — туфта.

Уиндем-Мэтсон оторопел.

— Но ведь вы знали, Рэй, вы всегда были в курсе! — Он оглянулся. Девицы поблизости не было, наверное, ушла в ванную.

— Да, я знал, что вы штампуете подделки, — сказал Калвин. — Но речь о другом. О паршивом качестве последней партии товара. Короче, мне наплевать, стреляли из револьвера, который вы нам подсунули, в Гражданскую войну или нет.

Для меня важно, чтобы ни у кого не возникало сомнений, что это «кольт» сорок четвертого калибра, такой-то номер по каталогу. Он должен отвечать стандартам, ясно? Вы знаете Роберта Чилдена?

— Да. — Фамилия была знакомой, хотя в эту минуту Уиндем-Мэтсон не мог вспомнить человека, которому она принадлежит. Какой-то сошке не из самых мелких.

— Сегодня Чилден был здесь, у меня в офисе. Он только что ушел, я звоню из конторы, не из дома. Вломился и давай буянить. Он вне себя от злости. Будто бы некий важный посетитель — джапов-ский адмирал, ни больше ни меньше — то ли приходил к нему, то ли присылал своего холуя. Чилден говорил о сделке на двадцать тысяч. Тут он, конечно, приврал, но в остальном я верю: к нему приходил япошка, хотел что-то купить, одним глазком взглянул на ваш «кольт-арми», назвал его липой, убрал деньги в карман и был таков. Что вы на это скажете?

Сказать Уиндему-Мэтсону было нечего, но он сразу подумал о Фрэнке и Маккарти. Они обещали кое-что предпринять — вот оно, это «кое-что».

Но зачем им понадобилось пугать Чилдена? Его охватил чуть ли не суеверный страх. Как они

пронюхали, куда ушел револьвер, сработанный еще в феврале? Можно было ожидать от них обращения в полицию, или в газеты, или даже в муниципалитет Сакраменто, к буратинам; но по всем этим направлениям он бы смог нанести эффективные контрудары. Просто мистика какая-то! Он не знал, как ответить Калвину, — долго бормотал оправдания, пока наконец не сумел закруглить беседу.

Положив трубку, Уиндем-Мэтсон осознал, что Рита давно вышла из спальни и слышала весь разговор. Она нетерпеливо расхаживала по комнате в комбинации из черного шелка. По плечам в редких крапинках веснушек рассыпались светлые волосы.

— Позвони в полицию, — предложила она.

«А может, дешевле обойдется, если я предложу им тысячу-другую отступных? — подумал он. — Они не откажутся. Наверное, как раз этого и добиваются. У такой мелочи и запросы невелики, две тысячи кажутся им громадными деньгами. Ну да, вложат их в свое дело, через месяц прогорят, и опять в кармане ни гроша».

— Нет, — ответил он.

— Почему? Шантаж — это преступление.

«Ей трудно понять», — подумал Уиндем-Мэтсон.

Он привык платить, привык нести производственные расходы. Хочешь стоять над другими — не жалей денег. Да и сумма на сей раз смешная. Но в чем-то она права.

«Я заплачу им две тысячи, — решил Уиндем-Мэтсон. — А еще свяжусь со знакомым полицейским, инспектором из городской администрации. Пусть посмотрят, нет ли у них чего-нибудь на Фрэнка и Маккарти. На тот случай, если они снова придут вымогать».

«Кто-то мне говорил, что Фрэнк — жид, изменивший форму носа и фамилию, — вспомнил он. — Тем лучше, надо только известить германское консульство. Чего проще. Консул потребует у япошек выдачи Фрэнка, и, как только этот педрила окажется за демаркационной линией, его засунут в газовую камеру. Вроде у них в Нью-Йорке есть такой лагерь, — подумал он. — С печами».

— Удивляюсь, — сказала Рита, пристально глядя на него, — как можно безнаказанно шантажировать парня с твоим-то положением.

— А я объясню, — рассеянно ответил Уиндем-Мэтсон. — Дело в том, что весь этот бизнес, связанный с историей, — сущая чепуха. Просто япошки — олухи. Сейчас докажу. — Он быстро

прошел в свой кабинет, вернулся с двумя зажигалками и положил их на кофейный столик — Вот, глянь. На вид не отличить. Но историческую ценность имеет только одна. — Он ухмыльнулся. — Возьми. Пойдем дальше. На рынке одна из них стоит тысяч сорок-пятьдесят.

Рита робко взяла зажигалки и поднесла к глазам.

— Ну? — подзадорил ее Уиндем-Мэтсон. — Чувствуешь историчность?

— Что еще за «историчность»?

— Так говорят о вещах, содержащих в себе историю. Слушай дальше. Одна из этих «Зиппо» лежала в кармане Франклина Рузвельта в момент его убийства. А другая — нет. Одна имеет историческую ценность, да еще какую. Другая выеденного яйца не стоит. Ну, ты чувствуешь? — допытывался он. — Ничего ты не чувствуешь. Нет тут ни «мистической тонкой материи», ни «ауры».

— Ух ты! — благоговейно воскликнула Рита. — Правда, что ли, одна из них была у Рузвельта?

— Да. И я знаю которая. Понимаешь теперь? Все это большое надувательство, люди сами себя обманывают. Скажем, твой пистолет побывал в какой-нибудь знаменитой битве, например в Ма-

ас-Аргоннской операции,[50] но если ты об этом не знаешь, то и пистолет кажется тебе самым обыкновенным. Все это вот здесь! — Он постучал себя по лбу. — В уме, а не в пистолете. Я тоже был коллекционером. В сущности, поэтому и занялся нынешним бизнесом. Собирал ранние марки британских колоний.

Сложив руки на груди, Рита стояла у окна и смотрела на огни центра Сан-Франциско.

— Не погибни он, мы бы выиграли войну, — задумчиво произнесла она. — Так говорили мои родители.

— Так вот, — продолжал Уиндем-Мэтсон, — представь, что в прошлом году кто-нибудь — неважно кто, хотя бы правительство Канады — обнаружил клише старинных марок. И не только клише, но и краску. И запас…

— Я не верю, что одна из этих зажигалок принадлежала Франклину Рузвельту, — перебила его Рита.

Уиндем-Мэтсон хихикнул.

— В том-то и дело! Мне придется доказать это с помощью документа. Понимаешь? Вещь не

---

[50] Примечания: 50

Одна из крупных операций Первой мировой войны, в 1918 г., на реке Маас и в Аргоннском лесу, проведенная против немцев французами и американцами. *(Прим. ред.)*

говорит сама за себя, ее ценность должна подтверждаться бумагой. А следовательно, вся возня с историческими редкостями не имеет смысла. Это массовый самообман.

— Покажи бумагу!

— Пожалуйста.

Он снова прошел в кабинет и снял со стены листок в рамке — сертификат Смитсоновского института.[51] Зажигалки и сертификат стоили целого состояния, но Уиндем-Мэтсон не жалел — они позволяли ему доказать свою правоту, доказать, что слово «подделка» — пустой звук, поскольку слово «оригинал» тоже ничего не значит.

— «Кольт сорок четыре» — это «кольт сорок четыре», — провозгласил он, возвратясь в гостиную. — Важны система и калибр, а не год изготовления. Поскольку значение имеет лишь то…

Рита протянула руку. Он отдал сертификат.

— Значит, одна из них все-таки подлинная, — сказала она наконец.

---

[51] Примечания: 51

Смитсоновский институт — в нашем мире один из крупнейших научно-исследовательских и культурных центров США. Основан в 1846 г. в Вашингтоне на средства английского химика и минералога Дж. Смитсона (1765–1829).

— Да. Вот эта. — Он подал ей зажигалку с длинной царапиной на боку.

— Пожалуй, мне пора, — сказала Рита. — Как-нибудь вечерком еще увидимся.

Она вернула сертификат и зажигалку и направилась в спальню, где осталась ее одежда.

— Почему?! — раздраженно крикнул он, идя следом. — Чего бояться? Нам никто не помешает, жена в клинике, приедет через несколько недель… Я же тебе объяснил ситуацию. Отслоение сетчатки…

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Будь любезен, вызови велотакси, пока я одеваюсь, — попросила Рита.

— Я сам тебя отвезу, — буркнул Уиндем-Мэтсон.

Она оделась. Вернувшись из прихожей с ее пальто, Уиндем-Мэтсон застал Риту в кабинете, погруженную в раздумья. Казалось, ее что-то гнетет.

«Прошлое, — понял он. — Оно навевает грусть на многих. И я-то хорош, что завел этот разговор! — упрекнул он себя. — Но ведь она такая молоденькая — я думал, она и не слышала о Рузвельте ничего».

Рита опустилась на колени возле книжного стеллажа и взяла с нижней полки книгу.

— Ты читал?

Он напряг близорукие глаза. Яркая обложка. Роман.

— Нет, — ответил он. — Это жена купила. Она много читает.

— Тебе бы следовало прочесть.

Уиндем-Мэтсон неохотно взял книгу.

— «И наестся саранча», — прочитал он вслух. — Это не из тех ли книг, что запрещены в Бостоне?

— Не только в Бостоне, но и во всех Соединенных Штатах. Ну и в Европе, разумеется. — Рита вышла в прихожую и остановилась у двери.

— Слыхал я об этом Готорне Эбендсене.

На самом деле Уиндем-Мэтсон ничего о нем не слышал. И о романе знал только то, что он очень популярен. Еще одна причуда, еще одно массовое безумие. Он наклонился и воткнул книгу обратно.

«Некогда мне глотать модную беллетристику. Дел по горло. Конечно, секретарши любят читать всякую дрянь, — сердито подумал он. — Дома, в постели перед сном. Их это возбуждает. Нет бы все делать по-настоящему, но настоящего они боятся. И хочется и колется…»

— Любовная история? — проворчал он, отворяя входную дверь.

— Нет. Роман о войне.

На пути к лифту она добавила:

— Он пишет то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Этот Эбботсон?

— Да. Предлагает гипотезу: если бы Джо Зангара промахнулся,[52] Рузвельт вытащил бы Америку из Депрессии и вооружил ее так, что… — Рита умолкла — они подошли к лифту, где в ожидании стояли люди.

Позже, когда «Мерседес-Бенц» Уиндема-Мэтсона катил по ночной улице, она снова заговорила о книге:

— Идея Эбендсена в том, что Рузвельт был очень сильным президентом, не слабее Линкольна. Фантастическая гипотеза изложена в форме романа. Рузвельт не гибнет в Майами, а живет дальше и переизбирается на второй срок в тридцать шестом, и вплоть до сорокового он все еще президент. Понимаешь теперь? Ко-

---

[52] Примечания: 52

В нашем мире 15 февраля 1933 г. в городе Майами, штат Флорида, безработный каменщик, итальянец по происхождению Джозеф (Джузеппе) Зангара стрелял в Рузвельта. В президента он не попал, но случайно убил мэра Чикаго и ранил четырех журналистов.

гда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу, Рузвельт у власти. И он все понимает и принимает меры. При нем Америка становится сильной державой. Гарнер[53] вообще-то был никчемным президентом. Наделал уйму ошибок. А так в сороковом вместо Брикера[54] избрали бы демократа…

— Это по мнению твоего Эдельсона. — Уиндем-Мэтсон холодно взглянул на нее.

«Боже, — подумал он, — прочтут какую-то книжонку и разглагольствуют, словно…»

— Так вот, вместо изоляциониста Брикера в сороковом президентом становится Рексфорд Тагуэлл.[55] — Ее гладкая кожа блестела в свете уличных фонарей, глаза широко распахнулись. Рита возбужденно жестикулировала. — Он ока-

---

[53] Примечания: 53

Джон Нэнси Гарнер (1868–1967) — американский политический деятель. Вице-президент с 1932 по 1941 г. В 1937 г. стал одним из лидеров консервативной антирузвельтовской оппозиции. В 1940 г. неудачно выдвигал свою кандидатуру на пост президента.

[54] Примечания: 54

Джон Уильям Брикер (1947–1959) — американский политический деятель. Республиканец, сенатор от штата Огайо. В нашем мире никогда не баллотировался на пост президента, но безуспешно пытался стать вице-президентом в 1944 г.

[55] Примечания: 55

Рексфорд Тагуэлл (1891–1979) — американский политический деятель. Советник Рузвельта и один из архитекторов его экономической политики. В нашем мире президентом не стал, но с 1942 по 1946 г. был

губернатором Пуэрто-Рико.

зался активным приверженцем антифашистской политики Рузвельта. Поэтому в сорок первом Германия побоялась прийти на помощь Японии. Не выполнила своих обязательств. Соображаешь? — Она повернулась к Уиндему-Мэтсону и вцепилась в его плечо. — И в результате Германия и Япония проиграли войну!

Он засмеялся.

Спутница не сводила с Уиндема-Мэтсона глаз, словно пыталась отыскать что-то в его лице. Он не мог понять что, к тому же надо было следить за дорогой.

— Это не смешно, — холодно произнесла Рита. — Такое вполне могло случиться. Штаты побили бы японцев, и…

— Как? — заинтересовался Уиндем-Мэтсон.

— Как раз об этом и он пишет. — Она помолчала секунду и добавила: — В форме романа. В книге много художественного вымысла, для занимательности. Его герои — двое влюбленных, как раз то, что нужно читателю. Парень служит в американской армии, а девушка… Впрочем, неважно. Так вот, президент Тагуэлл — далеко не дурак и прекрасно понимает, что затеяли японцы. Ничего, — поспешила добавить она, — об этом можно говорить, в ТША «Саранча» не запрещена.

Я слышала, она очень популярна среди япошек, даже на Родных островах. Нашумевшая книга.

— Слушай, а как насчет Пёрл-Харбора? — спросил Уиндем-Мэтсон.

— Президент Тагуэлл заранее увел все корабли в море, и флот США не погиб.

— Ну конечно…

— Так что Пёрл-Харбора, можно сказать, не было. Японцы напали, но смогли потопить лишь несколько небольших кораблей.

— Как, ты говоришь, он назвал книгу? «Саранча»?..

— «И наестся саранча». Это из Библии.[56]

— Значит, япошки проиграли, потому что не было Пёрл-Харбора? Послушай, что я тебе скажу. Япония победила бы в любом случае.

— В книге флот США не дает им захватить Филиппины и Австралию.

— Так то в книге. А на деле их флот был не чета нашему. Я хорошо знаю джапов, они бы из кожи вон вылезли, но завладели Тихим океаном. А Штаты после Первой мировой переживали упадок. В той войне пострадали все страны.

Рита упрямо возразила:

---

[56] Примечания: 56
Екклезиаст, 12:5.

— Если бы немцы не захватили Мальту, Черчилль остался бы у власти и привел Англию к победе.

— Да неужели?

— В конце концов он бы разгромил Роммеля в Северной Африке.

Уиндем-Мэтсон ответил на это грубым хохотом.

— А победив Роммеля, англичане могли двинуться через Турцию на соединение с остатками русских армий. В книге они останавливают рвущихся в глубь России немцев у одного города на Волге. Этот город никому не известен, но он существует, я нашла его в старом атласе.

— Как он называется?

— Сталинград. Там британцы добились перелома в войне. А Роммелю так и не удалось прорваться к отступающим из России армиям, которыми командовал фон Паулюс. Помнишь его? И немцы не сумели выйти ни на Ближний Восток — к нефти, ни в Индию — на соединение с японцами. И…

— Ни один военачальник не смог бы победить Эрвина Роммеля, — возразил Уиндем-Мэтсон. — И не могло быть событий, примерещившихся твоему писаке. Как бы ни защищали англичане

русский город с геройским названием Сталинград, большего, чем недолгой отсрочки своей гибели, они бы не добились. Да будет тебе известно, я встречался с генералом Роммелем. В сорок восьмом, будучи по делам в Нью-Йорке. (На самом деле он лишь издали видел военного губернатора США на приеме в Белом доме.) Вот это человек! Какое достоинство, какая стать! В общем, я знаю, о чем говорю.

— Да, ужасно было, когда генерала Роммеля отозвали и на его место прислали это чудовище Ламмерса.[57] До него не было ни казней, ни концлагерей.

— При Роммеле лагеря были.

— Но… — Рита запнулась. — Неофициально. Возможно, подлецы из СС и творили мерзости, но… Роммель был не такой, как другие. Он походил на старых пруссаков — суровый…

— Хочешь знать, кому США обязаны своим возрождением? — спросил Уиндем-Мэтсон. — Кто не пожалел труда для воссоздания американской

---

[57] Примечания: 57

Ханс Генрих Ламмерс (1879–1962) — в нашем мире рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии. Советник Гитлера. В 1949 г. на Нюрнбергском процессе Ламмерс был обвинен в подготовке и юридическом обосновании мероприятий по уничтожению евреев и приговорен к двадцати годам тюремного заключения, но уже в 1952 г. вышел на свободу.

экономики? Альберт Шпеер.[58] Не Роммель и не Организация Тодта.[59] Шпеер оказался самым полезным из тех, кого Партай послала в Северную Америку. При нем снова заработали заводы, корпорации — вся промышленность, и неплохо заработали. Хотел бы я, чтобы и у нас было то же самое. А то какую отрасль ни возьми, везде конкурируют не меньше пяти компаний, неся ужасающие убытки. Ничего глупее, чем соперничество в экономике, не придумаешь.

— Моя подруга жила в трудовых лагерях и рабочих поселках, что построили на Востоке, — сказала Рита. — Я бы на ее месте не выдержала. Представляешь, там вскрывают почту. Она ни о чем не могла рассказать мне, пока не вернулась сюда. Их будили оркестром в полседьмого…

— Ничего, привыкла бы. Тебе бы обеспечили чистое жилье, сносное питание, медицинское

---

[58] Примечания: 58

Альберт Шпеер (1905–1981) — один из высших деятелей Третьего рейха, личный архитектор Гитлера, рейхсминистр вооружений и военной промышленности с 1943 по 1945 г.

[59] Примечания: 59

Фриц Тодт (1891–1942) — государственный и политический деятель Третьего рейха, рейхсминистр вооружения и боеприпасов с 1940 по 1942 г. В 1933 г. возглавил Организацию Тодта, занимавшуюся строительством важных военных объектов, железных дорог и скоростных автомагистралей. Погиб в авиационной катастрофе в феврале 1942 г. Его преемником на посту рейхсминистра стал Альберт Шпеер.

обслуживание и условия для отдыха. Чего еще требовать, яйца в пиво?[60]

Большой немецкий автомобиль бесшумно пронизывал холодный ночной туман Сан-Франциско.

* * *

Господин Нобусукэ Тагоми сидел на полу, подобрав под себя ноги, и дул в пиалу с китайским чаем, с улыбкой поглядывая на Бэйнса.

— А вы здесь неплохо устроились, — нарушил молчание Бэйнс. — И вообще, на Тихоокеанском побережье очень спокойно. Совсем не так, как… там. — Он не стал уточнять.

— «Гром приходит, и оживаешь. Если он подтолкнет тебя к действиям, будешь свободен от неудач».[61]

— Простите?

— Это оракул. Один из его афоризмов. Я, как здесь говорят, парю в небесах…

---

[60] Примечания: 60

От яйца вкус пива не улучшится, так что «требовать яйца в пиво» — значит требовать чего-то заведомо бесполезного. Идиома родилась в США приблизительно в 1940 г. и широко распространилась в годы Второй мировой войны.

[61] Примечания: 61

Афоризм к третьей черте 51-й гексаграммы. Чжоу Цзунхуа, «Дао И-цзина». Перевод А. Костенко.

«Витаю в облаках, — мысленно поправил Бэйнс и усмехнулся. — Да, верно, именно этим они тут и занимаются».

— Мы выглядим нелепыми, поскольку живем по книге, которой пять тысяч лет. Задаем ей вопросы так, будто она живая. А она действительно живая, как Библия христиан. На свете много живых книг. Это не метафора: книга обладает душой. Вы понимаете? — Тагоми внимательно следил за лицом Бэйнса.

Тщательно подбирая слова, Бэйнс ответил:

— Знаете, я не силен в религиях. Это не моя специальность. Предпочитаю обсуждать темы, в которых я худо-бедно разбираюсь.

Действительно, он почти не понимал господина Тагоми.

«Наверное, я устал, — решил Бэйнс. — С той минуты, как я здесь оказался, все как будто приобрело карликовые размеры. Все кажется мелким, незначительным… нелепым, что ли. При чем тут книга, которой пять тысяч лет, при чем тут часы “Микки-Маус”, при чем тут Тагоми, при чем тут хрупкая чашка в его руке… и огромная, уродливая голова бизона, злобно глядящая на меня со стены?»

— Что символизирует эта голова? — спросил

он вдруг.

— Ничего, — ответил Тагоми. — Просто зверь, один из тех, что в былые времена помогали выживать аборигенам.

— Ясно.

— Показать вам охоту на бизонов? — Тагоми опустил пиалу на столик и встал. Дома по вечерам он носил шелковый халат, белый пояс и шлепанцы. — Это целое искусство. Вот я еду на «железном коне». — Он опустился на корточки. — На коленях — верный винчестер шестьдесят шестого года из моей коллекции. — Он вопросительно посмотрел на Бэйнса. — Вы, наверное, устали с дороги, сэр?

— Боюсь, что да, — ответил Бэйнс. — Слишком много впечатлений. Да и дела висят тяжким грузом…

«И кое-что еще, — добавил он мысленно. У него раскалывалась голова. — Интересно, можно ли здесь раздобыть обезболивающие таблетки фирмы “ИГ Фарбен”?»

Он привык к ним с тех пор, как приобрел хронический фронтит.

— Все мы должны во что-то верить, — сказал Тагоми. — Нам не дано заглянуть в будущее. Мы не знаем ответов.

Бэйнс кивнул.

— Моя жена найдет какое-нибудь лекарство от головной боли, — пообещал Тагоми, видя, что гость снял очки и трет лоб. — Это у вас от напряжения глазных мускулов. Извините. — Он поклонился и вышел из комнаты.

«Что действительно нужно, так это выспаться, — подумал Бэйнс. — Всего-навсего провести ночь в постели. А может, мне просто не по плечу дело, за которое я взялся? Инстинктивно хочется спрятать голову в песок».

Когда Тагоми вернулся с таблеткой и стаканом воды, Бэйнс произнес:

— Видимо, мне действительно придется пожелать вам спокойной ночи и отправиться в гостиницу. Мы могли бы встретиться завтра и решить все вопросы. Сейчас я должен лишь кое-что уточнить. Вам не говорили о третьем лице, которое примет участие в наших беседах?

Мелькнувшее на лице Тагоми удивление тут же сменилось напускной беззаботностью.

— Мне об этом ничего не известно. Было бы интересно узнать.

— Это человек с Родных островов.

— Вот как? — На сей раз Тагоми не выдал удивления. Он вполне владел собой.

— Бизнесмен в летах, отошедший от дел, — пояснил Бэйнс. — Путешествует морем и уже две недели в пути. У него предубеждение к полетам.

— Видимо, в больших летах, — заметил Тагоми.

— Он по-прежнему в курсе всего, что касается экономики Родных островов, и может предоставить нам необходимую информацию. Сан-Франциско он выбрал для отдыха. Наверное, мы могли бы обойтись и без его услуг, но при его участии наша беседа окажется более плодотворной.

— Да, — кивнул Тагоми, — скорее всего, его помощь будет не лишней. Я два года не был на Родных островах и плохо представляю, как обстоят дела с рынком сбыта.

— Вы хотели дать мне таблетку.

Спохватившись, Тагоми опустил глаза и увидел, что таблетка и стакан все еще у него в руках.

— Простите. Это очень сильное средство, заракаин. Его выпускает фармацевтическая фирма в Китайском регионе. — Протягивая руку ладонью вверх, он добавил: — Не вызывает привыкания.

— Возможно, этот пожилой господин напрямую свяжется с вашей Торговой миссией. Чтобы ему не отказали в приеме, я на всякий случай напишу его имя. Мне не доводилось с ним встречаться, но,

по моим сведениям, он глуховат и эксцентричен. Я бы хотел быть уверен, что с ним обойдутся вежливо. — Казалось, Тагоми понял, что Бэйнс имеет в виду. — Он любит рододендроны и будет просто счастлив, если кто-нибудь из ваших помощников в течение получаса, пока мы готовимся к беседе, поговорит с ним о рододендронах.

Бэйнс проглотил таблетку, запил водой и достал авторучку и блокнот.

— Господин Синхиро Ятабэ, — прочитал Тагоми и бережно положил записку в бумажник.

— И еще одно.

Господин Тагоми замер с пиалой у рта.

— Деликатный нюанс. Видите ли, этот господин… несколько стеснен в средствах. Ему под восемьдесят. В конце карьеры некоторые из затеянных им предприятий оказались не слишком удачными. Вы понимаете?

— То есть теперь он небогат, — сказал Тагоми, — вероятно, даже живет на пенсию.

— Именно. И пенсия плачевно мала. Поэтому ему приходится немного… подрабатывать.

— Нарушая некоторые мелочные постановления, — подхватил Тагоми. — Ох уж это мне Родное правительство и его чиновники-бюрократы. Я понял вас. Пожилой господин получает за

консультации гонорар и не отчитывается перед Пенсионным фондом. А для этого нужно, чтобы мы никого не ставили в известность о цели его визита. Пусть считают, что эта цель — всего лишь отдых.

— Вы проницательны, — улыбнулся Бэйнс.

— Я сталкивался с подобной ситуацией. К сожалению, наше общество не решило проблему стариков. А их число растет по мере совершенствования медицины. У китайцев мы научились чтить и ценить старость. В этом отношении немцы вызывают у нас неприятие, близкое к возмущению… Я слышал, стариков они уничтожают.

— Немцы… — промямлил Бэйнс и снова потер лоб. Подействовало ли лекарство? Он пока чувствовал лишь легкую сонливость.

— Вы родом из Скандинавии и, несомненно, часто бываете в Festung Europa. Даже сюда прилетели из Темпельхофа. Там к ним такое же отношение? Что вы, нейтрал, об этом думаете?

— Простите, я не понял, — пробормотал Бэйнс. — Какое отношение? К кому?

— К старым, больным, немощным, умственно неполноценным и так далее. «А какая польза от новорожденного младенца?» — спросил когда-то

известный англосаксонский философ.[62] Я запомнил этот вопрос и многократно задумывался над ним. В общем-то, никакой пользы, сэр.

Бэйнс что-то невнятно пробормотал. Очевидно, это было проявлением уклончивой вежливости.

— Должен ли человек служить орудием для удовлетворения нужд ближнего? — спросил японец и наклонился к мистеру Бэйнсу. — А какова точка зрения нейтрала?

— Не знаю, — сказал мистер Бэйнс.

— Во время войны я служил в Шанхае, занимал незначительный пост в Китайском регионе, — сообщил господин Тагоми. — Там, в квартале Хоньоо, поселили евреев, интернированных Имперским правительством. Они жили на средства «Джойнта».[63] Советник нацистского посольства в Шанхае потребовал, чтобы мы их уничтожили. Помню ответ моего начальника: «Это противоречит нашим представлениям о человечности». Требование посла было отвергнуто как варвар-

---

[62] Примечания: 62

Высказывание принадлежит Бенджамину Франклину. Находясь в 1783 г. в Париже и будучи свидетелем испытания летательного аппарата Шарля, на возглас одного из зрителей «Какая польза от этих воздушных шаров?» он ответил вопросом: «А какая польза от новорожденного младенца?»

[63] Примечания: 63

«Джойнт» — американский объединенный еврейский комитет по распределению благотворительных фондов. Создан в 1914 г.

ское. На меня это произвело впечатление.

— Понимаю, — пробормотал Бэйнс.

«Прощупывает», — подумал он и насторожился.

Ему стало легче, голова уже не болела, мысли перестали путаться.

— Нацисты всегда считали евреев небелыми, азиатами. Но никто из высокопоставленных японцев, даже членов Военного кабинета, не разделял этого мнения. Я никогда не беседовал на эту тему с гражданами рейха, с которыми мне доводилось…

— Простите, но я не немец, — перебил его мистер Бэйнс, — и вряд ли могу говорить за них.

Он встал и направился к выходу. Задержавшись в дверях, произнес:

— Завтра мы продолжим нашу беседу. А сейчас прошу меня простить. Что-то голова плохо соображает. — На самом деле голова соображала прекрасно.

«Надо убираться отсюда, — решил он. — Этот человек слишком круто за меня взялся».

— Простите меня за глупый фанатизм, — произнес Тагоми, спеша распахнуть перед Бэйнсом дверь. — Увлекшись философскими рассуждениями, я забыл об элементарной вежливости.

Прошу сюда.

Он выкрикнул что-то по-японски, и внизу отворилась парадная дверь. Появился юный азиат, слегка поклонился, глядя на мистера Бэйнса.

«Шофер», — предположил тот.

«Наверное, мои донкихотские разглагольствования в ракете “Люфтганзы” каким-то путем дошли до японцев, — подумал он вдруг. — Зря я разболтался с этим, как его… Лотце. Зря. Но сейчас поздно жалеть.

Напрасно я ввязался в это дело. Не подхожу я для него. Вообще ни для чего подобного не гожусь».

Но тут пришли другие мысли, успокаивающие:

«Швед вполне мог разговаривать с Лотце в таком духе. Все в порядке. Я не допустил промашки. Пожалуй, я излишне осторожничаю. Не могу избавиться от привычек, выработанных в прежней ситуации. Здесь о многом можно говорить открыто. К этому еще надо привыкнуть».

Но этому противилось все его естество. Кровь в венах, кости, мышцы.

«Открой рот, — твердил он себе. — Скажи что-нибудь. Любой пустяк. Выскажи свое мнение. Не молчи, если не хочешь уйти ни с чем…»

— Возможно, ими движет некий мощный под-

сознательный архетип, по Юнгу.

Тагоми кивнул:

— Понимаю вас. Юнга я читал.

Они пожали друг другу руки.

— Завтра утром я вам позвоню, — пообещал мистер Бэйнс. — Доброй ночи, сэр.

Они раскланялись.

Молодой японец улыбнулся, прошел вперед и произнес несколько слов.

— Что? — переспросил Бэйнс, сняв с вешалки пальто и выходя на крыльцо.

— Он обратился к вам по-шведски, сэр, — пояснил Тагоми. — Он изучал историю Тридцатилетней войны в Токийском университете и восхищен вашим героем Густавом Адольфом.[64] — Тагоми сочувственно улыбнулся. — Но очевидно, что его попытки овладеть столь чуждым для японского уха языком оказались безуспешными. Наверное, пользовался грампластинками. Он ведь студент, а среди студентов, благодаря дешевизне, грампластинки весьма популярны.

Похоже, молодой японец не понимал по-английски. Он с улыбкой поклонился.

— Ясно, — пробормотал Бэйнс. — Ну что ж, по-

---

[64] Примечания: 64

Густав II Адольф (1594–1632) — король Швеции, прозванный Северным львом. *(Прим. ред.)*

желаю ему удачи.

«Боже мой! — подумал он. — Никаких сомнений — этот юнец всю дорогу будет приставать ко мне с вопросами на шведском».

Бэйнс с трудом понимал этот язык, и то лишь когда слова произносились правильно и внятно. А тут — японец, кое-как изучивший шведский по грампластинкам!

«Ничего у нас с ним не получится, — подумал Бэйнс. — Но он от меня не отстанет, пока не довезет до гостиницы, — ведь ему, быть может, никогда в жизни не доведется встретить другого шведа. — Бэйнс мысленно застонал. — Какие муки нас ждут!»

Глава 6

Ранним утром, радуясь нежарким солнечным лучам, Джулиана Фринк отправилась за продуктами. Она брела по тротуару с двумя коричневыми бумажными сумками в руках, останавливаясь возле каждого магазина поглазеть на витрину. Спешить было некуда.

«Может, купить что-нибудь в аптеке?» — подумала она и, помедлив, шагнула через порог.

До полудня, когда начнутся занятия дзюдо, оставалась уйма времени.

Усевшись на стул возле стойки и опустив на пол сумки, она придвинула к себе кипу журналов.

В свежем «Лайфе» Джулиана наткнулась на статью «Телевидение в Европе: взгляд в будущее».

Заинтересовавшись, она посмотрела на фотографию: немецкая семья в гостиной у телевизора.

«Берлинские передачи идут уже по четыре часа в день, — говорилось в статье. — Когда-нибудь телестанции появятся во всех крупных городах Европы, а нью-йоркская башня будет возведена к семидесятому году».

Другая фотография посвящалась инжене-

рам-электронщикам рейха, которые помогали американским строителям нью-йоркской телестанции. Отличить немцев было проще простого: ухоженные, уверенные в себе, энергичные. Американцы были ничем не примечательны — люди как люди.

Один из немцев стоял с вытянутой рукой, а американцы, напряженно всматриваясь, пытались понять, на что он указывает.

«Да и зрение у них лучше, чем у нас, — подумала Джулиана. — Еще бы, двадцать лет отменного питания! Говорят, они видят то, чего никто из нас не разглядит. Это из-за витамина А, наверное.

Интересно, каково это — сидеть у себя в гостиной и видеть в сером стеклышке целый мир? Если немцы так богаты, что летают на Марс, почему они не возьмутся всерьез за телевидение? Я бы предпочла прогулкам по Марсу юмористические шоу. Ужасно хочется увидеть Боба Хоупа и Дюранта.[65]

А впрочем, зачем нацистам телевидение, если у них нет чувства юмора? К тому же они погубили почти всех выдающихся комиков. Потому что почти все комики были евреями. В сущности,

---

[65] Примечания: 65

Боб Хоуп (Лесли Тауэнс Хоуп, 1903–2003) и Джимми Дюрант (Джеймс Фрэнсис Дюрант, 1893–1980) — знаменитые американские комики.

они угробили индустрию развлечений. Странно, как это Хоупу сходят с рук его шутки? Впрочем, он выступает по канадскому радио, а в Канаде немного посвободнее. Но все-таки он смельчак. Взять хотя бы его шутку о Геринге — ту, где Геринг покупает Рим, перевозит его к своему логову в горах, отстраивает заново и возрождает раннее христианство, чтобы его любимым львам было чем заняться».

— Мисс, хотите купить журнал? — подозрительно спросил маленький сморщенный старикашка, хозяин аптеки.

Она с виноватым видом отложила «Ридерз дайджест», который начала было просматривать.

И снова, погруженная в раздумья, Джулиана шагала по улице.

«Вероятно, после смерти Бормана новым фюрером будет Геринг. Кажется, он малость отличается от других. Он бы давно возглавил рейх, если бы не сидел у себя в горах, когда Гитлер спохватился, что быстро сдает. В тот день под рукой у Гитлера оказался проныра Борман. Геринг должен стать фюрером хотя бы потому, что его Люфтваффе разбомбили радарные станции англичан, а потом разделались с королевскими ВВС. Не сумей он настоять на своем, Гитлер, скорее всего, приказал

бы бомбить Лондон, как Роттердам.

Но не исключено, что фюрером станет Геббельс — так все говорят. Лишь бы не страшилище Гейдрих. Он всех нас угробит. Сущий психопат. Кто мне нравится, так это Бальдур фон Ширах. Из них он один не выглядит сумасшедшим. Но у него никаких шансов».

Она поднялась на крыльцо своего старого деревянного дома. Джо Чиннаделла по-прежнему лежал на животе, свесив руки с кровати. Он спал.

«Почему он еще здесь? Его грузовик ушел. Неужели он опоздал? Похоже».

Джулиана прошла на кухню и поставила сумки на стол, где с утра оставалась грязная посуда.

«А случайно ли он опоздал? Хотелось бы мне знать… Какой необыкновенный мужчина!»

Он был неутомим, почти всю ночь не давал ей покоя. Но при этом будто не сознавал, что лежит в постели с женщиной. Сжимал ее в объятиях, а мыслями был где-то далеко.

«А может, он просто часто этим занимается? — предположила Джулиана, перекладывая продукты в старенький, с цилиндром компрессора наверху, холодильник фирмы «Дженерал электрик». — Сила привычки: тело работает само,

как мои руки, складывающие тарелки в мойку. Извлеки из его черепа три четверти мозга — все равно будет двигаться, точно лягушачья лапка на уроке биологии…»

— Эй! — крикнула она. — Пора вставать!

Джо пошевелился и захрапел.

— Слушал вчера Боба Хоупа? — громко спросила Джулиана, убирая со стола. — Я чуть со смеху не померла, когда он рассказывал о немецком майоре, устроившем марсианам допрос. Дело в том, что у марсиан не оказалось документов об арийском происхождении. Поэтому майор рапортует в Берлин, что Марс населен евреями… — она вошла в спальню, — двухголовыми, ростом один фут… ну, ты знаешь, как это умеет подать Боб Хоуп.

Джо открыл глаза и уставился на нее, не мигая. Черный от щетины подбородок, темные, полные муки глаза…

Джулиана умолкла.

— Что с тобой? — спросила она, помолчав. — Чего ты боишься?

И тут же подумала: «Нет, я знаю, что значит бояться, видела, как боится Фрэнк. Здесь что-то другое».

— Уехал старый плут, — буркнул Джо, усажи-

ваясь.

— И что ты собираешься делать? — Вытирая руки кухонным полотенцем, она опустилась на край кровати.

— Перехвачу на обратном пути. Он никому не расскажет. Я тоже кое-что знаю о его проделках.

— У тебя уже бывали такие вот задержки?

Джо не ответил.

«Предпочитаешь об этом молчать, — подумала Джулиана. — Но я-то сразу все поняла».

— Думаешь, обратно он поедет этой же дорогой?

— Он всегда возвращается по Пятидесятой и никогда — по Сороковой. На Сороковой он однажды угодил в аварию — врезался в табун лошадей, переходивших шоссе. Это было в Скалистых горах. — Джо сгреб в охапку одежду со стула и начал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо? — спросила Джулиана, разглядывая его смуглое тело.

— Тридцать четыре.

«Значит, ты был на войне».

Но Джулиана не замечала у него физических дефектов — мускулистое стройное туловище, длинные ноги.

Под ее внимательным взглядом Джо нахмурил-

ся и отвернулся.

— Что, нельзя посмотреть? — обиженно спросила она. Странно, вместе провели ночь, и вдруг — такая стеснительность. — Мы что, клопы? При свете дня пугаемся друг друга и прячемся по щелям?

Он что-то пробурчал и двинулся в трусах и носках к ванной, потирая небритые щеки.

«Это мой дом, — подумала Джулиана. — Я позволила тебе остаться, а ты не разрешаешь даже смотреть на тебя. В таком случае зачем понадобилось оставаться?»

Она прошла вслед за ним в ванную. Джо наполнял раковину горячей водой.

На его плече Джулиана увидела татуировку — синюю букву «К».

— Что это? — спросила она. — Имя твоей жены? Конни? Коринн?

Джо, плеснув воды на лицо, буркнул:

— Каир.

«Какое экзотическое имя, — подумала она с завистью и вдруг почувствовала, что краснеет. — Я просто дура!»

Итальянец, тридцати четырех лет, из нацистской части континента… Ну конечно, он был на войне, но сражался на стороне Оси. Воевал в

Каире, а татуировка — символ кампании, знак совместной победы над британо-австралийской армией генерала Готта.[66] Выходит, Джо служил в Африканском корпусе Роммеля.

Выйдя из ванной, Джулиана прошла в спальню — застелить кровать. Руки не слушались.

На стуле аккуратной стопкой лежали пожитки Джо: одежда, маленький саквояж, кое-какие мелочи. Ей бросилась в глаза коробочка наподобие футляра для очков.

«Ты и в самом деле сражался под Каиром, — подумала Джулиана, открыв коробочку и увидев Железный крест второй степени с выгравированной надписью: «Каир» и датой: «10 июня 1945». — Такую награду получили не все, а только самые доблестные. Интересно, что ты там натворил?.. Тебе ведь было тогда лет семнадцать…»

Когда Джулиана извлекла орден из бархатного футляра, в дверях показался Джо. Она даже подскочила, заметив его. Но он не рассердился.

— Я только посмотрела, — виновато произнесла

---

[66] Примечания: 66

Готт Уильям Генри Эуорт (1897–1942) — британский военачальник, генерал-лейтенант. Во время боевых действий в Северной Африке сначала возглавлял 7-ю бронетанковую дивизию, затем 8-й корпус. В августе 1942 г. получил назначение на должность командующего 8-й армией, но спустя три дня погиб. Преемником Готта стал генерал Монтгомери.

Джулиана. — Никогда не видела такой награды. Тебе ее сам Роммель вручил?

— Генерал Байерляйн.[67] Роммеля к тому времени послали в Англию добивать британцев. — Он говорил спокойно, но машинально водил скрюченными пальцами по темени, будто расчесывал волосы. Это было похоже на хронический нервный тик.

— А ты мне расскажешь? — спросила Джулиана, когда Джо вернулся в ванную.

За бритьем и после, долго моясь под горячим душем, Джо Чиннаделла скупо рассказал ей о войне. Но его история была не из тех, которые любила слушать Джулиана.

Когда двое его старших братьев отправились в Эфиопию, он, тринадцатилетний мальчишка, вступил в Милане в молодежную фашистскую организацию. Позже братьев зачислили в знаменитую артиллерийскую батарею майора Рикардо Парди, а вскоре после начала Второй мировой к ним присоединился и Джо. Они дрались под

---

[67] Примечания: 67

Фриц Байерляйн (1899–1970) — видный военачальник Третьего рейха, генерал танковых войск.

командованием маршала Грациани.[68] Техника, особенно танки, у них была хуже не придумаешь. Британцы расстреливали их как кроликов, даже старших офицеров. В бой танки ходили с мешками песка на башне — иначе люки распахивались от тряски. Солдатам майора Парди приходилось собирать неразорвавшиеся снаряды, чистить их и снова пускать в дело. Однако в сорок третьем батарея остановила отчаянное танковое наступление генерала Уовелла.[69]

— А твои братья живы? — спросила Джулиана.

Его братьев в сорок четвертом задушили проволокой британские коммандос из «Пустынной группы дальнего действия», которые устраивали диверсии в тылах войск Оси. В конце войны, когда стало ясно, что союзники проиграют, они дошли до последней степени фанатизма.

— А как ты сейчас относишься к британцам? —

---

[68] Примечания: 68

Родольфо Грациани (1882–1955) — итальянский военачальник, маршал Италии, вице-король Эфиопии. В нашем мире после поражения у Мерса-Матрух в феврале 1941 г. отстранен от командования и предан суду.

[69] Примечания: 69

Арчибальд Уовелл (1883–1950) — фельдмаршал Британии, командующий английскими войсками на Среднем Востоке в годы Второй мировой войны. В нашем мире одерживал громкие победы над итальянскими армиями Муссолини, но затем потерпел несколько серьезных поражений от германских войск и был снят с должности в июле 1941 г.

перебила его Джулиана.

— Хотел бы я увидеть, как англичанам воздают сполна за Африку, — холодно ответил Джо.

— Но ведь… прошло восемнадцать лет, — сказала Джулиана. — Я знаю, британцы много всяких ужасов натворили, но…

— Все говорят о том, что нацисты делали с евреями, — проворчал Джо, — но англичане были еще хуже. Взять хотя бы битву за Лондон. — Помолчав, он добавил: — Видела бы ты их огнеметы… видела бы, как горят фосфор и нефть, как вспыхивают лодка за лодкой… Мне попадались обугленные тела немцев-десантников… А трубы под водой, зажигающие, казалось, само море! А массированные налеты бомбардировщиков на беззащитные города, благодаря которым Черчилль надеялся добиться перелома в конце войны… А то, что осталось от Гамбурга, Эссена…

— Давай не будем об этом, — перебила его Джулиана из кухни, где жарила ветчину, и включила маленький пластмассовый «Эмерсон», подаренный ей на день рождения Фрэнком. — Сейчас приготовлю что-нибудь поесть. — Она покрутила ручку, пытаясь найти легкую музыку.

— Взгляни-ка, — сказал Джо из спальни. Он сидел на кровати, рядом стоял раскрытый сакво-

яж. Ухмыляясь, он достал старую потрепанную книгу, видимо побывавшую во многих руках. — Иди сюда. Знаешь, что пишет один человек? Вот тут. — Он ткнул пальцем в книгу. — Очень смешно. — Он схватил ее за руку и заставил сесть рядом. — Предположим, они бы победили. Как бы это выглядело? Незачем ломать голову, парень обо всем за нас подумал. — Джо раскрыл книгу и стал медленно переворачивать страницы. — Вся Европа под контролем Британской империи. И все Средиземноморье. Италии нет и в помине, Германии тоже. До самой Волги — только полисмены-бобби, смешные солдатики в высоких меховых шапках и власть короля.

— По-твоему, это было бы плохо? — тихо спросила Джулиана.

— А ты читала эту книгу?

— Нет. — Джулиана наклонилась, чтобы рассмотреть обложку. Она не читала, но слышала. От многих. — Мы с Фрэнком… с моим бывшим мужем часто размышляли о том, что было бы, если бы союзники победили в войне.

Джо как будто не слышал ее. Он смотрел на страницу книги «И наестся саранча».

— А знаешь, почему побеждает Англия? Как ей это удается?

Джулиана отрицательно покачала головой, чувствуя, как в душе сидящего рядом человека закипает злость. У него задрожал подбородок. Джо часто облизывал губы, запускал пятерню в волосы… и вдруг хрипло произнес:

— У него Италия предает Ось.

— Ого! — воскликнула Джулиана.

— Италия переходит на сторону союзников. В результате перед англосаксами открыто, как он пишет, «мягкое подбрюшье Европы». Впрочем, неудивительно, что он так считает. Всем известна трусость итальянских солдат: едва завидев британцев, они давали деру. Весельчаки-пьяницы, рожденные не для драк. Этого парня… — Джо закрыл книгу, взглянул на обложку, — Эбендсена, я не виню. Он записывал свои фантазии, выдумывал мир, в котором Ось — проигравшая сторона. А как бы еще она могла проиграть, не предай ее Италия? — В его голосе прорезалась злость. — Всем же известно, каким клоуном был дуче.

— Пойду переверну ветчину. — Джулиана поспешила на кухню.

Джо встал и с книгой в руках последовал за ней.

— После того как наголову разбили япошек, в войну вступают США. Победившие Штаты и

Британия делят мир между собой. Точь-в-точь как поделили его Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия, — поправила Джулиана.

Джо непонимающе уставился на нее.

— Ты пропустил Италию, — сказала Джулиана, спокойно встретив его взгляд.

«Выходит, ты тоже забыл? — мысленно произнесла она. — Как и все остальные? Забыл маленькую империю на Ближнем Востоке… Опереточный Новый Рим».

Она поставила перед ним поднос с ветчиной, яйцами, гренками, мармеладом и кофе. Он жевал, не отрываясь от чтения. Джулиана села рядом.

— Чем тебя кормили в Северной Африке? — спросила она.

— Тухлой ослятиной, — кратко ответил Джо.

— Ужас!

Его губы растянулись в улыбке.

— «Азино Морте». Говяжья тушенка с этикеткой «АМ» на банке. Немцы называли ее Alter Maim — «старикашка». — Он вернулся к еде.

«Надо бы почитать. — Джулиана протянула руку к книге. — Долго ли он у меня проживет, успею ли?»

Книга была в сальных пятнах, со следами гряз-

ных пальцев, с рваными страницами.

«Ее брали в дальние рейсы шоферы грузовиков, — подумала она. — Могу поспорить, Джо читает очень медленно. А этот роман мусолит уже несколько недель, если не месяцев».

Она раскрыла книгу наугад и прочла:

«…И теперь, в старости, он взирал на царство покоя, о котором издавна мечтали люди, но которое так долго не могли создать. На корабли, ходящие от Крыма к Мадриду, на великую Империю, во всех уголках которой — одна и та же монета, одна и та же речь, один и тот же флаг — знаменитый Юнион Джек, реющий от восхода до заката. Наконец-то обрели реальный смысл слова об империи, над которой никогда не заходит солнце…»

— У меня тоже есть книга, правда только одна, — сказала Джулиана. — Собственно, это даже не книга, а оракул, «И-цзин». Меня к нему Фрэнк пристрастил. По любому поводу обращаюсь к оракулу, даже не расстаюсь с ним. — Она закрыла «Саранчу». — Хочешь, покажу? И погадать можно.

— Нет, — сказал Джо.

Она опустила подбородок на кулачки и произнесла, косясь на него:

— Ты решил поселиться у меня насовсем? И чем намерен заниматься?

«Дуться и переживать, вспоминая обиды и унижения, — подумала она. — Поразительно, сколько в тебе ненависти к жизни. Но есть что-то еще. Ты похож на зверька, маленького, но смышленого. — Она изучающе посмотрела на его смуглое умное лицо. — С чего это я взяла, будто ты моложе меня? Впрочем, есть с чего. Из тебя еще не выветрилось детство. Ты — малыш, боготворящий своих старших братьев, майора Парди и генерала Роммеля. Спишь и видишь, как бы удрать из дому на войну с томми. Интересно, правда ли, что твоих братьев задушили проволочными удавками? После войны об этих зверствах много писали и снимки печатали… — Она вздрогнула. — Но британские коммандос давным-давно осуждены и наказаны…»

Звучавшая по радио музыка умолкла. Судя по обилию помех, на коротких волнах передавали новости из Европы. Голоса то и дело пропадали или становились неразборчивыми. Затем вдруг все разом смолкло. Затянувшейся паузе положил конец четкий близкий голос денверского диктора. Джулиана потянулась было к ручке настройки, но Джо ее остановил.

«Сообщение о кончине канцлера Бормана потрясло германский народ, которого не далее как вчера уверяли в том, что…»

Джулиана и Джо вскочили.

«Все радиостанции рейха прекратили трансляцию радиопрограмм, и в зале торжественно зазвучал Horst Wessel Lied,[70] партийный гимн, в исполнении хора дивизии СС Das Reich. Позже, в Дрездене, на совещании исполняющего обязанности секретаря Партай с руководителями национальной службы безопасности Зихерхайтстдинст,[71] пришедшей на смену гестапо…»

Джо увеличил громкость.

«…о реорганизации правительства по инициативе прежнего рейхсфюрера Гиммлера, Альберта Шпеера и других, а также о двух неделях всеобщего траура. Как сообщают корреспонденты, большинство магазинов и учреждений уже закрыто. Однако до сих пор не поступило сведений об ожидаемом заседании Рейхстага, а без одобрения официальным парламентом Третьего

---

[70] Примечания: 70

«Песня Хорста Весселя» *(нем.).*

[71] Примечания: 71

Sicherheitsdienst *(нем.)* — СД. В нашем мире сначала внутрипартийная служба безопасности НСДРП, затем служба безопасности рейхсфюрера СС.

рейха…»

— Выберут Гейдриха, — сказал Джо.

— По мне, лучше бы этого белобрысого здоровяка Шираха, — задумчиво произнесла Джулиана. — Господи, наконец-то помер. Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет, — коротко ответил Джо.

— Теперь может вспыхнуть гражданская война, — предположила Джулиана. — Впрочем, они ведь совсем старые… Геринг, Геббельс, да вся партийная верхушка.

«…добралась до его альпийского поместья близ Бреннера…»

— Это о Жирном Германе, — пояснил Джо.

«…лишь сказал о своей глубокой скорби из-за потери не только солдата, патриота и доблестного вождя Партай, но и близкого друга, которого он никогда не чурался, а, напротив, всячески поддерживал в наступивший вскоре после победы период безвластия, когда элементы, враждебные герру Борману, пытались помешать ему встать во главе…»

Джулиана выключила радио.

— Пустая болтовня, — раздраженно сказала она. — Почему эти нелюди, эти убийцы говорят теми же словами, что и все мы?

— А чем они отличаются от нас? — Джо снова уселся и набил рот пищей. — На их месте мы бы вели себя точно так же. А они, между прочим, спасли мир от коммунизма. Не победи Германия, мы бы сейчас жили под красными. А это куда хуже.

— Ты тоже болтун, — бросила Джулиана. — Как радио. Трепло.

— Я жил под нацистами, — сказал Джо, — и знаю, что это такое. В сорок седьмом я получил в Организации Тодта трудовую книжку и вкалывал на стройках двенадцать… нет, тринадцать… почти пятнадцать лет. В Северной Африке и США. Представь себе, — он ткнул в сторону Джулианы пальцем, — у меня в крови итальянский талант к земляным работам, и в ОТ меня ценили. Не заставляли кидать асфальт и месить бетон для автобанов, а допустили к проектированию. Сделали из меня инженера. Однажды проверять работу моей группы явился сам доктор Тодт. Он мне сказал: «У тебя хорошие руки». Это был великий момент, Джулиана. Знала бы ты, что это такое — гордость труженика. Нет, нацисты — не болтуны. До них все, и я в том числе, чурались черной работы. Аристократы! Трудовой фронт положил этому конец. Я как будто впервые увидел свои

руки. — Он так частил, что акцент брал верх; Джулиана уже с трудом разбирала слова. — В лесных лагерях штата Нью-Йорк мы жили как братья. Пели песни. На работу ходили строем. Дух войны, только созидательный, а не разрушительный. Какое было время! Каждый день как грибы вырастали новенькие красивые жилые дома, один за другим, квартал за кварталом. Как мы отстроили Нью-Йорк и Балтимор — это ж просто загляденье! Сейчас там, конечно, тодтовцев нет. Бал правят картели вроде «Нью-Джерси Крупп и Sohnen[72]». Их хозяева — не нацисты, а старые европейские воротилы. Но при них стало куда хуже. Роммель и Тодт просто ангелочки в сравнении с промышленниками вроде Круппа и пруссаками-банкирами. Все эти господа в жилетках… вот бы кого в газовку!

«Господа в жилетках были и будут, — мысленно ответила Джулиана, — а вот твои идолы, Роммель и Тодт, явились к нам после побоища разгребать обломки, прокладывать автострады, восстанавливать промышленность. Даже евреев не трогали, вот уж чего от них никто не ожидал… Объявили евреям амнистию, чтобы не прятались

---

[72] Примечания: 72
Сыновья *(нем.)*.

по щелям… А потом наступил сорок девятый… и прощай, Роммель, прощай, Тодт, ступайте пастись на лужок. Разве я не знаю, как живется под нацистами? Разве Фрэнк не рассказывал? Мой муж был евреем. То есть он еврей. Я знаю, доктор Тодт был самым скромным и добрым человеком на свете. Я знаю, единственное, о чем он мечтал, — дать надежную, достойную работу несчастным отчаявшимся американцам, миллионы которых ютились среди руин. Обеспечить медицинским обслуживанием, сносным жильем, условиями для отдыха каждого, к какой бы расе он ни принадлежал.

Тодт был строителем, а не философом… и сумел добиться многого. Но…»

Смутная мысль, блуждавшая в глубинах сознания, обрела форму.

— Слушай, Джо, а ведь на Восточном побережье эта «Саранча» под запретом.

Он кивнул.

— Почему же ты ее читаешь? Разве у вас не расстреливают за чтение таких…

— Все зависит от расовой группы, к которой ты принадлежишь. От эмблемы на твоей нарукавной повязке.

Так и было. Меньше всех читать, говорить и

слушать разрешалось русским, полякам, пуэрториканцам. У англосаксов дела обстояли получше: их допускали в библиотеки, музеи и на концерты, их дети учились в общественных школах. Однако… «Саранча» была не просто внесена под гриф, она была запрещена для всех без исключения.

— Я читал ее в сортире, — признался Джо. — Прятал под подушкой. Честно говоря, потому и читал, что нельзя.

— Да ты смельчак, — улыбнулась Джулиана.

— Издеваешься? — с подозрением спросил он.

— Нет.

— Вам здесь легко живется, — с усмешкой глядя на Джулиану, проговорил Джо. — Никаких проблем, целей, трудов и забот. Плывешь себе по течению, словно с довоенных лет ничего не изменилось…

— Решил убить себя цинизмом, — перебила его Джулиана. — Идолов отобрали одного за другим, теперь некому подарить свою любовь!

Она держала вилку острием вперед, и это от него не укрылось.

«Ешь, — мысленно приказала она, — или откажись даже от биологических процессов».

Джо кивнул на книгу:

— Если верить тексту на обложке, этот Эбендсен

живет неподалеку отсюда, в Шайенне. Спокойное местечко нашел для раздумий над судьбами мира… Прочти вот здесь. Вслух прочти.

Она взяла книгу и прочитала на обороте обложки:

— «Он — бывший сержант морской пехоты США, участвовал во Второй мировой войне. В Англии был ранен в поединке с фашистским танком “Тигр”. Ходят слухи, что его дом набит оружием и превращен в неприступную крепость». — Она закрыла книгу. — Тут не написано, но мне говорили, что он немного свихнулся. Живет высоко в горах, окружил свой дом колючей проволокой под током. До него непросто добраться.

— А может, он прав, что опасается? — заметил Джо. — Шишки из Партай небось до потолка прыгали от злости, когда прочли эту книгу.

— Он и раньше так жил, еще до того, как написал «Саранчу». Его дом называется… — она взглянула на обложку, — Высокий замок. Название он сам придумал.

— Да, немцам его не сцапать, — пробормотал Джо, торопливо жуя, — он всегда начеку. Хитрый, черт.

— А все-таки надо быть не робкого десятка, чтобы издать такое. Не победи Ось, мы бы могли

говорить и писать все, что угодно, как до войны. И страна была бы цела, и законы куда справедливей. И одни для всех.

К ее удивлению, Джо согласно кивнул.

— Не пойму я тебя, — сказала Джулиана. — Во что ты веришь? Чего хочешь? Защищаешь этих чудовищ, этих психов, которые истребляли евреев, и тут же… — Она яростно схватила его за уши и потянула вверх. От изумления и боли у него глаза вылезли из орбит.

Тяжело дыша, они стояли и молча смотрели друг на друга.

— Дай доесть твою стряпню, — наконец вымолвил Джо.

— Что ты сказал? Не хочешь со мной разговаривать? Понимаешь, о чем я спрашиваю, и жрешь как ни в чем не бывало?! — Джулиана изо всех сил выкрутила ему уши и отпустила. Они мгновенно побагровели.

— Пустой разговор, — буркнул Джо. — Не о чем спорить. Болтовня, как по радио. Знаешь, как коричневые рубашки прозвали когда-то трепачей-интеллигентов? Eierkopf, яйцеголовые. Потому что их огромные пустые черепа легко раскалывать в уличных заварушках.

— Если ты и обо мне такого мнения, почему бы

тебе не убраться? — разозлилась Джулиана.

У нее мороз пошел по коже от его зловещей гримасы.

«Какая я дура, что пустила его к себе, — горько подумала она. — Теперь поздно. Мне от него не отделаться. Слишком силен».

Джулиане казалось, произойдет что-то страшное и это будет связано с ним. И при ее участии.

— Ну, в чем дело? — Он приподнял ее подбородок, погладил шею, сунул руку под рубашку и стал с вожделением ласкать плечи. — Это нервы. Груз проблем. Сеанс психоанализа — и мы снимем тяжесть с вашей души.

— И тебя назовут евреем-психоаналитиком. — Она вяло улыбнулась. — Хочешь вылететь в трубу крематория?

— Ты боишься мужчин. Верно?

— Не знаю.

— Это я еще ночью понял. Если бы я не… — Он осекся. — Не старался угадывать все твои желания…

— Если бы ты не переспал до меня с кучей баб, — перебила его Джулиана. — Вот что ты хотел сказать.

— Но ведь я знаю, что угадал. Поверь, Джулиана: я никогда тебя не обижу. Даю слово, больше того:

прахом матери клянусь. Я буду очень внимателен, позабочусь о тебе, всегда приду на помощь, если что… Забудь свои тревоги. Пусть ненадолго, но я смогу утешить и приободрить. Тебе пока просто-напросто не везло.

Слегка успокоенная, она кивнула. Но в душе оставались холод и тоска, и Джулиана не понимала, откуда они взялись.

* * *

В начале рабочего дня господин Нобусукэ Тагоми улучил минутку, чтобы поразмыслить в одиночестве.

Он находился в здании «Ниппон таймс», у себя в офисе.

Утром перед уходом на работу он ознакомился с докладом Ито. Молодой студент был уверен, что Бэйнс — не швед. Скорее всего, он немец.

Впрочем, ни в Торговой миссии, ни в токкоке — японской тайной полиции — не питали иллюзий относительно способностей Ито к германским языкам.

«Похоже, это все-таки его нелепые домыслы, — подумал Тагоми. — Олух-энтузиаст с романтическими наклонностями. Игра в сыщиков плюс чрезмерная подозрительность».

Но кто бы ни был Бэйнс по национальности, совещание с ним и пожилым господином с Родных островов произойдет в условленное время.

И, надо сказать, этот человек пришелся Тагоми по душе.

«Возможно, главный талант ответственного руководителя в том и заключается, чтобы распознавать хороших людей при первой встрече, — подумал Тагоми. — Интуитивно понимать их; не отвлекаясь на внешнюю форму и всяческие церемонии, проникать прямо в сердце. Белое сердце, окруженное черной иньской мглой. Порой кажется, вот-вот эта светлая точка сгинет без следа — но нет, она по-прежнему сияет непокорной искоркой ян».

«Он мне нравится, — сказал себе Тагоми. — Кем бы он ни был, немцем или шведом. Надеюсь, заракаин помог от головной боли. Вот о чем надо его спросить первым делом».

Загудел селектор.

— Нет, — буркнул он в микрофон. — Никаких вопросов. Я погружен в себя. Время постижения срединной истины.

Из крошечного динамика зазвучал голос Рэмси:

— Сэр, снизу, из пресс-службы, поступила

новость. Умер рейхсканцлер Мартин Борман. — Голос Рэмси оборвался.

«На сегодня все дела закончены, — подумал Тагоми. Он вышел из-за стола и принялся быстро ходить по кабинету, до хруста сжимая сцепленные пальцы. — Так-так… Надо немедленно отправить рейхсконсулу соболезнования. Впрочем, это пустяки. Подчиненные и без меня справятся. Глубоко скорбим, вся Япония с немецким народом в этот тяжелый час и тэ дэ. Потом? Ждать. Сосредоточиться и ждать. Чтобы отреагировать сразу, как только придут директивы из Токио».

Нажав кнопку селектора, он сказал:

— Мистер Рэмси, проверьте надежность связи с Токио. Скажите телефонисткам, пусть будут повнимательнее. Сейчас самое важное — связь.

— Да, сэр, — ответил Рэмси.

— С этой минуты я не покину кабинета. Все текущие дела отложить. На обычные звонки не отвечать. Мне не нужны лишние заботы.

— Что еще, сэр?

— Возможно, придется действовать, и действовать быстро.

— Понял, сэр.

Через полчаса, в девять, от высшего представителя Имперского правительства на Западном

побережье Америки, японского посла в Тихоокеанских Штатах, высокочтимого барона Л. Б. Кэлемакуле пришла телефонограмма. Министерство иностранных дел извещало о срочном заседании в здании посольства на Саттер-стрит. От каждой Торговой миссии должен присутствовать кто-нибудь из руководства.

У господина Тагоми не оставалось времени, чтобы сменить костюм. Он поспешил к скоростному лифту и вскоре мчался по улице в машине миссии — черном «Кадиллаке» сорокового года. За рулем сидел опытный водитель-китаец в форме.

Возле здания посольства стояла дюжина автомобилей высокопоставленных особ. Их владельцы — с некоторыми он был знаком — поднимались по широким ступенькам парадной лестницы. Шофер распахнул дверцу, Тагоми быстро вышел из машины, схватил портфель (пустой, поскольку на этот раз от него не требовалось отчетов, но ему не хотелось выглядеть сторонним зрителем) и двинулся наверх по ступенькам с таким видом, будто играл в происходящем не последнюю роль. Хотя на самом деле он даже не знал, о чем пойдет речь на совещании.

В вестибюле толпились, вполголоса переговариваясь, приглашенные. Господин Тагоми

подошел к группе, в которой приметил знакомых, раскланялся и обменялся с ними многозначительными взглядами.

Появился служащий посольства и пригласил всех в огромный зал. Там стояли кресла с откидными сиденьями. Чиновники вошли и в молчании расселись, слышались только покашливание и скрип кресел.

На помост, к столу президиума, поднялся с пачкой бумаг человек в полосатых брюках — представитель министерства иностранных дел.

Гул в зале. Сдвинутые друг к другу головы. Перешептывание.

— Господа! — звонким начальственным голосом заговорил чиновник МИДа, мгновенно приковав к себе внимание зала. — Как вам известно, мы получили сообщение из Берлина, официально подтверждающее смерть рейхсканцлера. На нашем совещании — оно не затянется, смею вас заверить, — мы проинформируем вас о социально-политическом положении в рейхе и дадим оценку соперничающим группировкам немецкой верхушки, которые могут вступить в открытую борьбу за власть.

Коротко о вождях. Самый вероятный претендент — Герман Геринг. Если не возражаете, начну

с общеизвестных фактов. Жирный Боров, как его прозвали за тучность, отважный летчик-ас Первой мировой войны, в дальнейшем — создатель гестапо. Занимал видный пост в правительстве Восточной Пруссии. Во время становления Партай — один из самых безжалостных лидеров, хотя позднее сибаритские наклонности создали ему ложную репутацию добродушного пьянчуги. Господа, правительство настоятельно советует вам не питать подобных иллюзий. По слухам, Геринг нездоров, даже тяжело болен, учитывая его склонность к излишествам; но эта же склонность напоминает нам о дряхлеющих римских цезарях, чья власть при этом ничуть не ослабевала. Зловещий портрет Геринга, где он, облаченный в тогу, прогуливается в сопровождении львов по огромному замку, набитому охотничьими трофеями и произведениями искусства, несомненно, соответствует истине. В войну он приказывал вне очереди пропускать в Германию поезда с награбленными сокровищами, оседавшими затем в его поместьях. Наша оценка: этот человек стремится к неограниченной власти и способен добиться цели. Он, как никто другой из нацистской верхушки, потворствует своим слабостям и в этом отношении совсем не похож на Гиммлера,

которому в конце жизни вполне хватало скромного жалованья.

Герр Геринг — человек с извращенным умом, для него власть — средство удовлетворения своего ненасытного тщеславия. Это свидетельствует о примитивном, даже вульгарном мировоззрении; тем не менее он далеко не глуп, возможно, даже умнее остальных нацистских лидеров. Его главная цель — сравняться в величии с древними императорами.

Следующий претендент: герр Йозеф Геббельс. В детстве перенес полиомиелит. Родители католического вероисповедания. Блестящий оратор, писатель, обладает гибким фанатичным умом. Изысканные манеры, находчивость, широкий кругозор. Весьма активен в отношениях с дамами. Элегантен, высокообразован. Недюжинные организаторские способности. Трудолюбив, отдает предпочтение административной работе. По слухам, никогда не отдыхает. Снискал всеобщее уважение, умеет завоевывать симпатии. Предположительная идеологическая ориентация — иезуитские взгляды Средневековья с примесью германского постромантического нигилизма. Считается единственным настоящим интеллектуалом Партай и в этом отношении, несомненно,

являет собой драгоценный камень, отшлифованный лучшими течениями европейской культуры. В молодости мечтал о лаврах драматурга. Не пользуется любовью подчиненных, которыми управляет классическими прусскими методами. Никакого потакания собственным слабостям, главное стремление Геббельса — власть в ее чистом виде.

Рейнхард Гейдрих. — Чиновник МИДа сделал паузу, окинул взглядом зал. — Значительно моложе, чем Геринг и Геббельс. Участник революции тридцать второго года, сделал карьеру в элите СС. Подчинялся непосредственно Гиммлеру, возможно, загадочная смерть постигла Гиммлера в сорок восьмом не без его содействия. Устранил из аппарата полиции своих главных соперников, таких как Эйхман и Шелленберг. По нашим сведениям, в Партай его многие боятся. Гейдриху было поручено контролировать ключевые фигуры вермахта, после того как долгое противостояние армии и полиции закончилось знаменитым столкновением, из которого победителем вышла НСДРП. Во время этих событий поддерживал Мартина Бормана. Получил превосходное образование еще до того, как СС перешла на так называемую замковую систему обучения.

В традиционном смысле его психика лишена эмоциональной восприимчивости. Устремления Гейдриха неясны. Вероятно, развитие общества видится ему некой игрой, точнее, серией игр. Подобная псевдонаучная отрешенность встречается в технократических кругах. В идеологических диспутах он не участвует. Вывод: его склад ума наилучшим образом соответствует нашей «эпохе постпросвещения». Он избавлен от так называемых необходимых иллюзий — таких как вера в Бога, гуманизм и тому подобное. Определение «реалистический склад ума» все еще остается загадкой для токийских социологов, так что рядом с именем этого человека можно поставить знак вопроса. Тем не менее не следует снимать со счетов низкую эмоциональность, возможно свидетельствующую о патологической шизофрении.

Тагоми начало подташнивать.

— Бальдур фон Ширах. Бывший вожак гитлеровской молодежи. Считается идеалистом. Внешне привлекателен, но об его опыте и компетентности сложилось невысокое мнение. Искренне верит в идеалы НСДРП. В число его заслуг входят осушение Средиземноморского бассейна и создание там огромных сельскохозяйственных площадей. В начале пятидесятых

добивался смягчения человеконенавистнической политики и отмены расовых экспериментов на славянских землях. Обратился непосредственно к народу Германии с тем, чтобы уцелевшим славянам позволили жить в резервациях в глухих углах рейха. Призывал к прекращению некоторых форм «убийств милосердия» и медицинских экспериментов над людьми, но безуспешно.

Доктор Зейсс-Инкварт. Из австрийских нацистов, ныне управляет колониями рейха, отвечает за колониальную политику. Пожалуй, на территории рейха ни к кому другому не относятся с такой ненавистью. Говорят, он был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер против завоеванных народов. Вместе с Розенбергом добивался утверждения самых чудовищных кампаний, таких как попытка стерилизовать все уцелевшее население России. Считается, хотя тому нет документальных подтверждений, что решение очистить Африку от негритянского населения, создав невыносимые условия для жизни туземцев, было принято с его подачи. Темпераментом очень напоминает бывшего фюрера — Адольфа Гитлера.

Докладчик замолчал.

«Кажется, я схожу с ума, — подумал Тагоми. —

Надо уйти отсюда. У меня приступ. Тошнит, рвет… я умираю!»

Он с трудом поднялся, выбрался в проход и побрел, почти ничего и никого не видя.

«В уборную!»

Он побежал по проходу.

К нему повернулось несколько голов.

«Какой позор! Не мог найти другого времени и места для обморока? Уволят…»

Он выскочил в дверь, распахнутую перед ним служащим.

Сразу прошла дурнота. Вернулось зрение. Перестали вращаться стены и пол.

«Всего лишь приступ головокружения. Функциональное расстройство вестибулярного аппарата. Диэнцефалон, промежуточный мозг, доставшийся в наследство от пращуров, дает о себе знать.

Подумать о чем-нибудь успокаивающем. За что ухватиться? За религию? Или за прошлое? “Ну а сейчас — гавот, решительно… Вам это дело по плечу. Обе танцуете изумительно, именно так, как я учу”. “Гондольеры” Гилберта и Салли-

вана».[73]

Он закрыл глаза и представил «Оперную труппу Дойли Карта», какой ее видел на послевоенных гастролях. Мир конечный, мир замкнутый…

— Сэр, вам помочь? — спросил служащий посольства.

— Благодарю, — с поклоном ответил Тагоми. — Я пришел в себя.

Внимательное, участливое лицо швейцара. Ни тени насмешки.

«Может, все они смеются надо мной? — подумал он. — В глубине души?

… Зло — везде! Воистину, оно как цемент!

Не могу в это поверить. Не могу этого вынести. Зло прячется от глаз…»

Он расхаживал по вестибюлю, слушал гул транспорта, доносящийся с Саттер-стрит, и голос выступавшего в зале.

«Вся наша религия ошибочна. Что мне делать?» — спросил он себя, направляясь к выходу из посольства.

---

[73] Примечания: 73

Английский либреттист У. С. Гилберт (1836–1911) и композитор Артур Салливан (1842–1900) в промежутке между 1871 и 1896 гг. написали и поставили четырнадцать оперетт (комических опер). Их импресарио был Ричард О'Дойли Карт (1844–1901), владелец театра «Савой» (благодаря чему работы Гилберта и Салливана прославились как «савойские оперы») и основатель «Оперной труппы Дойли Карта».

Привратник отворил двери, и господин Тагоми сошел по ступенькам к стоянке лимузинов, возле которых топтались шоферы.

«Зло — неотъемлемая часть каждого из нас. Часть нашего мира. Изливается на нас, разъедает мозги, тела, сердца и впитывается в дорожное покрытие.

Почему?

Мы — слепые кроты. Копошимся в земле, тычемся рыльцами в потемках. Мы ничего не знаем. Я понимаю это… но не знаю, куда ползти. Остается верещать от страха. И удирать.

Я жалок».

«Смеются надо мной, — подумал он, идя к машине. — Где мой портфель? Ах да, остался возле кресла».

Все смотрели, как он кивает шоферу и неуклюже садится в автомобиль.

«Отвезите меня в больницу», — хотел сказать он. А вслух сказал:

— «Ниппон таймс». Помедленнее, пожалуйста.

Он смотрел в окно на машины, магазины, ультрасовременные высотные здания. На безликий поток пешеходов.

Добравшись до кабинета, он поручил Рэмси позвонить в один из отделов Торговой миссии

— «Добычу полиметаллических руд» — и попросить, чтобы по возвращении из посольства заведующий отделом связался с ним.

Ответный звонок раздался около полудня.

— Наверное, вы заметили, что на собрании мне стало дурно, — сказал в трубку Тагоми. — Очевидно, это всем бросилось в глаза. Особенно мое поспешное бегство.

— Я ничего не заметил, — ответил чиновник из «Полиметаллических руд». — Но, не увидев вас после заседания, встревожился, не случилось ли чего.

— Вы очень любезны, — уныло поблагодарил господин Тагоми.

— Вовсе нет. Я уверен, все были поглощены докладом мидовца и ничего кругом не замечали. Вас, наверное, интересует, о чем говорилось после вашего ухода? Вы успели выслушать первую половину доклада, об участниках борьбы за власть?

— Да, вплоть до доктора Зейсс-Инкварта.

— Затем докладчик подробно осветил экономическую ситуацию в рейхе. На Родных островах сложилось мнение, что затея Германии обратить население Европы и Северной Азии в рабов, при этом уничтожив всю интеллигенцию, буржу-

азию, патриотически настроенную молодежь, грозит экономической катастрофой. До сих пор немцев спасали только значительные достижения в науке и технике. Образно выражаясь, чудо-оружие.

— Да, — подтвердил Тагоми. В одной руке он держал телефонную трубку, а другой наполнял чашку горячим чаем. — Как спасли их в войну снаряды ФАУ и реактивные истребители.

— Немцы — мастера на подобные штучки, — продолжал чиновник из «Полиметаллических руд». — Но сейчас они опережают нас только в области атомной энергетики и развлечений — согласитесь, запуск ракет на Венеру и Марс очень напоминает цирк. При всех объемах германского импорта, как подчеркнул докладчик, снаряжение подобных экспедиций не дает никакой экономической выгоды.

— Но со стороны выглядит эффектно, — заметил Тагоми.

— У докладчика мрачные прогнозы. По его убеждению, большинство высокопоставленных нацистов боятся смотреть правде в глаза. Тем самым они усугубляют тенденцию к меропри-

ятиям, для которых требуется tour de force,[74] — мероприятиям авантюрным, с непредсказуемыми последствиями. Сначала — приступ маниакального энтузиазма, затем страх и отчаянные шаги Партай. Вывод докладчика: подобная ситуация способствует приходу к власти самых безответственных и безрассудных претендентов.

Господин Тагоми кивнул.

— Нам следует готовиться к худшему. Судя по всему, ответственные и здравомыслящие элементы потерпят поражение в начавшейся борьбе.

— А кого он считает худшими? — Тагоми глотнул чая.

— Гейдриха. Доктора Зейсс-Инкварта. Геринга. Такова точка зрения Имперского правительства.

— А лучшими?

— Бальдура фон Шираха и доктора Геббельса. Но на этот счет он был очень краток.

— Что он еще говорил?

— Сказал, что сейчас мы больше, чем когда-либо, должны сплотиться вокруг императора и кабинета. Мы должны верить в свое правительство.

— А потом, видимо, была минута молчания в

---

[74] Примечания: 74
Большое усилие, напряжение *(фр.)*.

знак соболезнования?

— Да.

Тагоми поблагодарил собеседника и положил трубку. Но звук селектора не дал ему спокойно допить чай.

— Сэр, вы хотели выразить соболезнования германскому консулу, — напомнила Африкян. И добавила после паузы: — Мне зайти с диктофоном?

«А ведь верно, — подумал Тагоми. — Совсем из головы вылетело».

— Да, зайдите.

Она тотчас явилась и спросила с улыбкой:

— Вам лучше, сэр?

— Да. Благодаря уколу витаминов. — Безуспешно порывшись в памяти, он попросил: — Напомните, как зовут консула.

— Пожалуйста, сэр. Барон Гуго Рейс.

— Mein Herr, — начал диктовать господин Тагоми, — известие о безвременной кончине вашего вождя герра Мартина Бормана повергло нас в пучину скорби. Эти слова я пишу со слезами на глазах. Вспоминая доблестные подвиги герра Бормана, не жалевшего усилий для защиты германского народа от внешних и внутренних врагов, вспоминая его жесткую, бескомпромисс-

ную борьбу с малодушными, готовыми предать мечты человечества о космосе, куда наконец, спустя тысячелетия, устремилась светловолосая голубоглазая нордическая раса в своей…

Он замолчал. Надо было как-то закончить фразу. Африкян ждала с выключенным диктофоном.

— Мы живем в великое время, — задумчиво произнес он.

— Записывать, сэр? Это текст? — Она нерешительно нажала клавишу.

— Нет. Я обращался к вам, — ответил Тагоми.

Она улыбнулась.

— Перемотайте назад, — попросил он.

Зашуршала пленка. Из двухдюймового динамика зазвучал тонкий металлический голос: «… не жалевшего усилий для защиты…» — казалось, в диктофоне бьется и пищит насекомое.

— Закончим так, — произнес он, дослушав запись: — …решимости возвеличить и принести себя в жертву и тем самым занять нишу в истории, из которой никто во всей вселенной не сможет ее вытеснить, я испытываю невыразимую горечь утраты… — Тагоми умолк и задумался. — Мы все — насекомые, — сказал он вдруг. — Слепо ползем к чему-то ужасному или, наоборот, высокому, чистому. Вы согласны? — Он поклонился.

Африкян, сидевшая с диктофоном в руках, слегка поклонилась в ответ.

— Напечатайте и отправьте, — велел он. — С подписью и всем прочим. Если сочтете нужным добавить смысла в мои слова, сделайте это. Не сочтете — и так сойдет.

В дверях секретарь остановилась и с интересом посмотрела на него.

Африкян ушла, и Тагоми стал разбирать накопившиеся бумаги. Но почти тотчас из селектора донесся голос Рэмси:

— Сэр, вас просит мистер Бэйнс.

«Это хорошо, — подумал Тагоми. — Теперь можно начинать важный разговор».

— Соедините. — Он взял трубку.

— Господин Тагоми? — послышался голос Бэйнса.

— Добрый день. Простите, в связи с известием о смерти канцлера Бормана утром я был вынужден уехать…

— Господин Ятабэ еще не дал о себе знать?

— Еще нет, — ответил Тагоми.

— А вы предупредили своих подчиненных? — Похоже, Бэйнс волновался.

— Да. Его немедленно проводят в мой кабинет. — На самом деле Тагоми напрочь забыл об

этом и теперь мысленно сделал заметку: проинструктировать Рэмси.

«Выходит, без пожилого господина мы не можем начать переговоры?»

Тагоми встревожился.

— Сэр, мне не терпится начать. Не могли бы вы продемонстрировать ваши пресс-формы? Хотя у нас такой сумасшедший день…

— Произошли изменения, — сказал мистер Бэйнс. — Будем ждать господина Ятабэ. Вы уверены, что его еще нет? Обещайте поставить меня в известность, как только он появится. Пожалуйста, господин Тагоми. — У него была напряженная, отрывистая речь.

— Даю слово. — Тагоми тоже разволновался.

«Смерть Бормана. Вот в чем причина отсрочки».

— А пока, — быстро добавил он, — буду рад, если вы согласитесь позавтракать со мной. Время позднее, но мне еще не удалось поесть. — Он продолжал, импровизируя: — Не касаясь конкретных вопросов, мы могли бы обсудить общую ситуацию…

— Нет, — перебил его Бэйнс.

«Нет?» — мысленно переспросил Тагоми.

— Сэр, я сегодня не очень хорошо себя чув-

ствую, — сказал он вслух. — Произошел весьма досадный случай, и я надеялся поделиться с вами…

— Извините, я позвоню позже. — Трубка щелкнула.

«Обиделся, — подумал Тагоми. — Видимо, догадался, что я забыл предупредить подчиненных о визите старика. Пустяки, все уладится».

Он нажал на клавишу селектора:

— Мистер Рэмси, зайдите ко мне, пожалуйста.

«Я немедленно все исправлю. Дело не только во мне, — решил он. — Бэйнс потрясен смертью Бормана. Пустяки… но не совсем. Я таки показал себя безответственным и глупым. — Тагоми устыдился. — Неудачный день. Надо посоветоваться с оракулом, выяснить, что сейчас за Момент. Я удаляюсь от Дао, это очевидно. Которая из шестидесяти четырех гексаграмм нынче так сильно влияет на меня?»

Выдвинув ящик стола, он выложил оба тома «И-цзина».

«Слишком много накопилось вопросов, и я даже не в силах сформулировать часть из них…»

Когда вошел Рэмси, перед Тагоми уже лежал ответ.

— Взгляните, мистер Рэмси. — Он показал моло-

дому человеку книгу, раскрытую на гексаграмме сорок семь: Кунь — «Истощение».

— Обычно это плохое предзнаменование, сэр. — Рэмси склонился над книгой. — Какой вопрос вы задали? Если, конечно, не секрет.

— Меня интересовал данный Момент, — ответил Тагоми. — Ситуация для всех нас. Нет подвижных линий. Статичная гексаграмма. — Он закрыл книгу.

* * *

В три часа того же дня Фрэнк Фринк, ожидавший со своим компаньоном ответа Уиндема-Мэтсона, решил посоветоваться с оракулом.

«Чего нам следует ждать?» — спросил он и подбросил монетки.

Выпала гексаграмма сорок семь. Он получил одну подвижную линию, «девятку», на пятом месте.

«Казня, отрежут нос и ноги. Будет трудность от человека в красных наколенниках. Но вот понемногу наступит радость. Благоприятствует необходимость возносить жертвы и моления».

Очень долго — не менее получаса — он изучал текст и комментарии, пытаясь понять смысл пророчества. Гексаграмма, особенно подвижная

линия, встревожила его. Наконец он с сожалением пришел к выводу, что денег они с Маккарти от Уиндема-Мэтсона не получат.

— Слишком уж ты полагаешься на эту книгу, — заметил Эд.

В четыре часа курьер из «У.-М. корпорейшн» вручил Фрэнку и Маккарти коричневый конверт, из которого они извлекли чек на две тысячи долларов.

— Выходит, ты был не прав, — сказал Маккарти.

Фрэнк задумался. Значит, оракул указывает на некие будущие последствия их поступка. Это обеспокоило. Когда они скажутся, эти последствия, станет ясно, что оракул имел в виду. А пока…

— Можно браться за мастерскую, — сказал Маккарти.

— Сегодня? Сейчас? — У Фрэнка сильнее забилось сердце.

— Ну да. Заявки на материалы готовы, остается бросить их в почтовый ящик. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Что сможем, раздобудем здесь. — Эд надел пиджак и направился к выходу.

Владелец дома, в котором жил Фрэнк, согласился сдать под мастерскую подвал. Пока подвал

служил им кладовой, но скоро они выбросят картонные коробки, соорудят верстак, протянут проводку, ввернут лампочки и установят точильные станки. У них готовы эскизы, разработана технология и составлены списки всего необходимого.

«По сути, мы уже начали», — подумал Фрэнк.

Они с Маккарти даже название сочинили: «Эдфрэнк. Ювелирные изделия ручной работы».

— Ну, досок на верстак и кое-что из электрики мы, может, сегодня купим, — сказал Фрэнк. — А вот материалы для украшений — вряд ли.

Они отправились на рынок пиломатериалов на южной окраине Сан-Франциско и через час приобрели доски.

— Что тебе покоя не дает? — спросил Эд Маккарти, когда они входили в мелкооптовый магазин скобяных товаров.

— Деньги. Мне не нравится добывать их такими путями.

— Зато старине У-Эм утерли нос, — сказал Маккарти.

«Знаю, — подумал Фрэнк. — Именно это мне и не нравится.

Поступая так, мы уподобляемся ему. Что тут хорошего?»

— Сделав выбор, не оглядывайся, — назидательно произнес Маккарти. — Смотри вперед. Думай о деле.

«А я и гляжу вперед, — подумал Фрэнк. Он размышлял о пророчестве. — Интересно, какие от меня требуются жертвы и моления? И кому я должен их адресовать?»

Глава 7

В конце недели Роберту Чилдену позвонил Касоура и пригласил на ужин. Чилден пришел в восторг — все эти дни он с нетерпением ждал, когда молодая и красивая супружеская чета даст о себе знать.

Он раньше обычного запер дверь «Американских художественных ремесел», взял велотакси и направился в фешенебельный район, где жили Касоура. В этом районе белые не обитали, однако Чилден ориентировался здесь неплохо. Проезжая по петляющим улицам с ухоженными газонами и склонившимися над ними ивами, он восхищался шикарными ультрасовременными многоэтажками, балконами с перилами из кованого железа, высокими оригинальными колоннами, пастельными тонами, новыми строительными материалами… Короче говоря, не район, а произведение искусства. А ведь совсем недавно здесь дымились развалины.

Игравшие на улицах в футбол или бейсбол японские дети провожали Чилдена равнодушными взглядами и тут же забывали о нем. Зато взрослые, хорошо одетые молодые бизнесме-

ны, парковавшие автомобили и входившие в элитные дома, смотрели на него с интересом. Наверное, удивлялись: неужели он здесь живет?

«Тут поселились даже главы Торговых миссий», — думал он, замечая стоящие у тротуаров «Кадиллаки».

Чем ближе Чилден подъезжал к дому Касоура, тем сильнее нервничал.

«Вот я и приехал. И приглашен, между прочим, не по делам, а на ужин», — отметил он, поднимаясь по лестнице.

Прежде чем отправиться в гости, Чилден изрядно намучился, выбирая костюм, зато теперь был уверен, что выглядит безукоризненно.

«Безукоризненно, — с горечью подумал он. — Что с того? Кого обманет моя внешность? Я здесь посторонний. Когда-то белые люди расчистили эти земли и построили на них прекрасные города. А теперь я чужой в собственной стране».

По устланному ковром коридору он подошел к двери квартиры Касоура и нажал кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась. На пороге стояла юная миссис Касоура в шелковом кимоно и широком поясе-оби. Длинные, с блеском, черные волосы были стянуты в узел на затылке. Она приветливо улыбалась. В гостиной за ее спиной

с бокалом в руке сидел господин Касоура. Он помахал рукой:

— А, мистер Чилден. Входите.

Чилден поклонился и вошел.

«Вкус выше всяческих похвал, — отметил он, окинув комнату взглядом. — И какая аскетичность! Совсем немного вещей: лампа, стол, книжный шкаф, эстамп на стене. Непередаваемое японское чувство ваби.[75]

В домах англосаксов подобный интерьер найти невозможно. Только японцы способны увидеть красоту в самых простых вещах, а главное, умеют их расположить».

— Что-нибудь выпьете? — спросил Касоура. — Шотландское с содовой?

— Господин Касоура… — начал Роберт Чилден.

— Пол, — поправил японец и указал на жену: — Бетти. А вас…

— Роберт, — тихо ответил Чилден.

Они уселись на мягкий ковер с бокалами в руках. По комнате плыли звуки кото — японской тринадцатиструнной арфы. Эта пластинка,

---

[75] Примечания: 75

Ваби — важная часть японского эстетического мировоззрения, главным образом ассоциируется со скромной простотой, естественностью и внутренней силой. Происходит из буддистских отшельнических традиций Средневековья.

недавно выпущенная фирмой НМУ, была очень популярна. Проигрыватель был укрыт от глаз, и Чилден не мог понять, откуда звучит музыка.

— Мы не знаем ваших вкусов и поэтому решили перестраховаться, — сказала Бетти. — Сейчас на кухне в электропечи готовятся стейки на косточке. На гарнир будет томленый картофель с зеленым луком и сметанным соусом. Говорят, если хочешь наверняка угодить новому гостю, зажарь для него стейк.

— Это замечательно, — сказал Чилден. — Обожаю стейки.

Он говорил правду. ТША от огромных скотоводческих хозяйств Среднего Запада перепадали жалкие крохи, и Чилден даже не мог припомнить, когда ел хорошее мясо в последний раз.

Настало время вручить хозяевам подарок.

Он достал из кармана пиджака и осторожно положил на низкий столик маленький сверток. В глазах супругов появилось удивление, и он поспешил объяснить:

— Мой скромный дар. Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить за покой и радость, которые мне дарит ваш дом. — Он развернул бумагу и показал японцам желтоватую вещицу, столетие назад побывавшую в умелых руках китобоя из Новой

Англии. Это искусство называлось «резьбой по моржовой кости».

По лицам молодых супругов он понял, что им известно, как старые мореходы коротали свой досуг. Видимо, не так уж мало осталось от культуры Соединенных Штатов.

— Спасибо, — поблагодарил Пол.

Роберт Чилден поклонился.

В его душе воцарился покой. Говоря языком «И-цзин», этот подарок — малая жертва. Он все делает правильно. Неловкость и волнение окончательно покинули его.

От Рэя Калвина он получил возмещение за поддельный «культ», а также клятвенное письменное заверение в том, что подобное не повторится. И все же от сердца не отлегло. Только здесь, в этой умиротворяющей атмосфере, он избавился от ощущения, что жизнь идет наперекосяк.

Это ваби, эта гармония, которой дышало все кругом…

«Вот в чем дело, — решил он. — В пропорциональности. В равновесии. Они очень близки к Дао, эти молодые японцы. Вот почему они мне с первого взгляда понравились. Я почувствовал в них Дао — сам заметил его мельком».

«Интересно, — подумал Чилден, — каково это,

знать, не догадываться, а на самом деле знать, что такое Дао? Дао есть то, что сначала выпускает свет, а затем тьму. Взаимовлияние двух первичных сил; перетекая друг в друга, они постоянно обновляются. Вот что удерживает мир от старения и распада. Вселенная никогда не исчезнет, ибо в то мгновение, когда тьма, кажется, готова овладеть всем и вся, в ее самых мрачных глубинах появляются ростки света. Таков Путь. Семена падают в землю и там, скрытые от глаз, обретают жизнь».

— Закуски, — прервала его раздумья Бетти.

Опустившись на колени, она поставила перед гостем поднос с сырными крекерами и другими яствами. Чилден с благодарностью взглянул на хозяев.

— Сейчас многих интересуют международные события, — сказал Пол, потягивая виски. — Возвращаясь сегодня домой, я слушал прямую трансляцию из Мюнхена, с национальных похорон. Пышное зрелище. Пятидесятитысячная процессия, флаги и прочее. Снова и снова звучит Ich hatt' einen Kamerad.[76] Всем верноподданным разрешено проститься с вождем.

---

[76] Примечания: 76

«Был у меня товарищ» *(нем.).*

— Да, все это очень печально, — тяжело вздохнул Роберт Чилден. — Сколько неожиданного случилось на этой неделе…

— В сегодняшнем выпуске «Ниппон таймс» со ссылкой на достоверные источники сообщили, что Бальдур фон Ширах взят под домашний арест, — сказала Бетти. — По распоряжению СД.

— Плохо, — покачал головой Пол.

— Очевидно, власти хотят сохранить порядок, — пояснил Роберт. — А фон Ширах склонен к скороспелым, непродуманным, даже авантюрным решениям. Он очень похож на позднего Гесса. Вспомните безумный побег Гесса в Англию.

— А о чем еще пишут в «Ниппон таймс»? — спросил Пол у жены.

— Сплошная сумятица и интриги. Подняты по тревоге воинские части. Отменены увольнения, закрыты пропускные пункты на границах. В Рейхстаге — срочная сессия, речи звучат без перерыва.

— Я припоминаю великолепную речь доктора Геббельса, — сказал Роберт Чилден. — Ее передавали по радио год или два тому назад. Сколько остроумных выпадов! Как всегда, он держал аудиторию в руках. Так сказать, дирижировал

ее чувствами. Бесспорно, с тех пор как Адольф Гитлер отошел от дел, у нацистов нет оратора, равного доктору Геббельсу.

— Вы правы, — кивнули супруги.

— У доктора Геббельса очень милые дети и жена, — продолжал Чилден. — И очень способные.

— Верно, — снова согласились Пол и Бетти.

— Он примерный семьянин, — сказал Пол, — в отличие от большинства этих великих моголов с подозрительными сексуальными наклонностями.

— Я бы не очень доверял слухам, — возразил Чилден. — Вы имеете в виду Рема и присных? Это старая, давно позабытая история.

— Мои слова скорее относятся к Герингу, — сказал Пол, рассматривая виски на свет. — О его римских оргиях ходят фантастические истории. Просто ужас, что он вытворяет.

— Это неправда, — произнес Чилден.

— Ну вот, нашли тему для разговора, — поспешила вмешаться Бетти.

Они допили виски, и молодая женщина вновь наполнила бокалы.

— Споры о политике чересчур горячат кровь, — заметил Пол. — И завести могут куда угодно. Очень важно не терять голову.

— Да, — кивнул Чилден. — Выдержка и спокойствие. Только так можно расставить все на свои места.

— Период после смерти вождя — всегда кризисный для тоталитарной системы, — сказал Пол. — Это связано с отсутствием традиций и влияния среднего класса на… — Он запнулся. — Пожалуй, не стоит о политике. А то прямо как в старые добрые студенческие времена.

Глядя на улыбающееся лицо Пола, Роберт Чилден почувствовал, что краснеет. Он стыдливо опустил глаза и склонился над бокалом.

«Боже, какое ужасное начало! По-дурацки, во весь голос, затеял спор о политике, да еще имел наглость не согласиться с хозяином! Только врожденная вежливость японцев спасла вечер. Сколько же мне еще надо учиться! — подумал он. — Они такие гостеприимные, тактичные, а я… вот уж действительно белый варвар».

Он еще долго бранил себя, с деланым удовольствием потягивая виски.

«Пускай они сами ведут беседу, — решил Чилден, — а я буду со всем соглашаться. — И тут же ворвалась паническая мысль: — Но ведь спиртное туманит мозги! Вдобавок я устал и нервничаю! Наделаю глупостей, и они больше

никогда меня не пригласят. Да что там — слишком поздно, уже наделал!»

Из кухни вернулась Бетти и снова уселась на ковер.

«Какая обаятельная! — подумал Роберт. — Фигурка просто точеная. Все японки стройны, ни лишнего жира, ни чрезмерных округлостей. Им не нужны пояса и бюстгальтеры. — Он спохватился: — Надо скрывать влечение во что бы то ни стало. — И все же он не мог удержаться от того, чтобы не бросать на нее вороватые взгляды. — Какие чудесные темные волосы, какие глаза! А прелестная смуглость кожи! В сравнении с этими людьми мы выглядим недоделанными. Словно нас вынули из печи, поленившись как следует пропечь. Как в древней индейской легенде.[77] Надо думать о чем-нибудь другом. — Он шарил глазами по комнате, ища, за что бы ухватиться. Тишина давила на психику, невыносимо действовала на нервы. — Черт возьми, о чем говорить? О чем-нибудь нейтральном».

---

[77] Примечания: 77

По этой легенде, Бог вылепил из теста и положил в жаровню три человеческие фигурки. Первая, вынутая раньше времени, оказалась непропеченной и стала основательницей белой расы. Второго человечка, красивого и здорового, то есть коричневого снаружи и «спелого» внутри, Бог сделал основателем индейского рода. Третья фигурка тем временем успела подгореть, и от нее пошел род чернокожих людей.

Чилден заметил книгу на невысоком черном бюро из тикового дерева.

— Вижу, вы читаете роман «И наестся саранча»? — спросил он. — Мне о нем многие говорили, но все как-то не хватало времени ознакомиться. — Убедившись, что хозяева не имеют ничего против, он встал и направился к бюро. Похоже, они сочли это проявлением вежливости. — Детектив? Простите мое дремучее невежество.

Он перевернул несколько страниц.

— Нет, не детектив, — ответил Пол. — Напротив, весьма любопытная литературная форма. Укладывается в жанр научной фантастики.

— Ну нет, — возразила Бетти. — Наука тут ни при чем. Фантасты описывают такое будущее, в котором развита техника. Ничего подобного в этом романе нет.

— Зато в нем есть альтернативное настоящее, — возразил Пол. — Моей супруге известно, что я давно увлекаюсь научной фантастикой, с двенадцати лет. С самого начала войны, — пояснил он Чилдену.

— Ясно, — вежливо произнес Роберт Чилден.

— Хотите прочесть «Саранчу»? — спросил Пол. — Через день-другой мы ее осилим. Мое учреждение находится в деловой части города,

неподалеку от вашего магазина, и я с удовольствием загляну к вам в перерыве. — Он сделал паузу, затем (возможно, по сигналу Бетти) добавил: — Роберт, мы бы с вами могли вместе позавтракать.

— Спасибо, — пробормотал Чилден. Других слов он не нашел.

«Подумать только: позавтракать в модном ресторане для бизнесменов! Вместе с элегантным высокопоставленным японцем!»

От одной этой мысли голова шла кругом. Однако он сумел сохранить бесстрастный вид и кивнул, глядя в книгу.

— Да, наверное, это интересно. С удовольствием прочту. Я стараюсь быть в курсе того, о чем много говорят. («Что я несу?! Признался, что интересуюсь книгой, потому что она в моде! А вдруг для них это признак плебейства? Скорее всего, так оно и есть».) Как известно, популярность книги — не самый верный признак ее достоинства. Многие бестселлеры — редкостная дрянь. Но эта вещь… — Он замялся.

— Вы совершенно правы, — пришла ему на помощь Бетти. — У обывателя всегда испорченный вкус.

— Также и в музыке, — заметил Пол. — Взять,

например, народный американский джаз — кто им сейчас интересуется? А вам, Роберт, нравятся Банк Джонсон[78] и Кид Ори?[79] А ранний диксиленд? Я собираю джаз, у меня даже есть настоящие диски фирмы «Дженет».

— Боюсь, я недостаточно знаком с негритянской музыкой, — ответил Чилден. Похоже, его слова покоробили хозяев. — Предпочитаю классику: Баха, Бетховена…

«Вот вам! — Он был обижен. — Попробуйте только сказать, что музыка великих европейских композиторов хуже какого-то джаза, родившегося в бистро и ночных клубах цветных кварталов Нового Орлеана».

— Может, вам поставить для пробы что-нибудь из «Новоорлеанских королей ритма»? — неуверенно предложил Пол.

Он двинулся к выходу из комнаты, но Бетти бросила на него предостерегающий взгляд. Пол пожал плечами и сел на место.

— Скоро будем ужинать, — сказала Бетти.

---

[78] Примечания: 78

Банк Джонсон (Улли Гэри Джонсон, 1879–1949) — звезда раннего новоорлеанского джаза, трубач.

[79] Примечания: 79

Кид Ори (Эдвард Ори, 1886–1973) — тромбонист и лидер одного из самых прославленных новоорлеанских джаз-бандов в первой половине XX в.

Пол натянуто, как показалось Чилдену, произнес:

— Новоорлеанский джаз — самая что ни на есть народная музыка Америки. Она зародилась на этом континенте. Все остальное — например, слащавые баллады в английском стиле, которые исполнялись под лютню, — пришло из Европы.

— Мы с ним вечно спорим на эту тему, — с улыбкой сказала Бетти Роберту. — Я не разделяю его любви к джазу.

Все еще держа в руках книгу, Роберт Чилден спросил:

— А о каком альтернативном настоящем идет здесь речь?

Чуть помедлив, Бетти ответила:

— В котором Германия и Япония проиграли войну.

Наступила тишина.

— Пора есть. — Бетти плавно поднялась. — Вставайте, господа голодные бизнесмены. Прошу к столу.

На большом столе, накрытом белоснежной скатертью, блестели серебро и фарфор. Из костяных колец («Ранняя американская культура», — машинально отметил Чилден) торчали большие грубые салфетки. Столовое серебро — тоже аме-

риканской работы. Темно-синие с желтым чашки и блюдца — фирмы «Ройял Альберт». Такая посуда была большой редкостью, и Роберт смотрел на нее с профессиональным восхищением. А подобных тарелок он прежде не видел и не мог с уверенностью сказать, откуда они. Наверное, из Японии.

— Фарфор Имари, — заметив его любопытный взгляд, пояснил Пол. — Из Ариты.[80] Считается одним из лучших.

Они уселись за стол.

— Кофе? — спросила Бетти у Роберта.

— Да, — ответил он. — Спасибо.

— К концу ужина. — Она вышла на кухню и прикатила сервировочный столик.

Ужин был очень вкусным. Бетти оказалась великолепной хозяйкой. Особенно Чилдену понравился салат: авокадо, артишоки, поверх — тертый голубой сыр… Хорошо, что его не потчевали японскими кушаньями — с тех пор как окончилась война, мешанина из овощей и мяса успела ему осточертеть. И эти вездесущие морепродукты! Казалось, даже под пыткой он не сможет проглотить креветку или моллюска.

---

[80] Примечания: 80

Арита — городок на острове Кюсю. *(Прим. ред.)*

— А все-таки интересно, — нарушил молчание Чилден, — как бы выглядел мир, в котором Япония и Германия проиграли войну?

Его вопрос повис в воздухе. Спустя некоторое время Пол ответил:

— Совершенно иначе. Хотя все далеко не так просто. Лучше самому прочесть «Саранчу». Если я перескажу сюжет, вам будет неинтересно.

— Я часто размышлял на эту тему, — сказал Чилден, — и у меня сложилось вполне определенное мнение. Мир был бы хуже. — Его голос звучал уверенно, даже жестко. Он сам это чувствовал. — Намного хуже.

Его слова удивили молодых супругов. А может быть, не слова, а тон.

— Повсюду правили бы коммунисты, — продолжал Чилден.

Пол кивнул:

— Автор книги, мистер Эбендсен, самым тщательным образом рассмотрел вопрос о беспрепятственной экспансии Советской России и пришел к выводу: даже будучи на стороне победителей, отсталая и в основном аграрная Россия неизбежно потерпела бы провал, как в Первую мировую. Это же не страна, а просто посмешище, взять хотя бы ее войну с Японией, когда…

— А в действительности страдать и расплачиваться приходится нам, — перебил его Чилден. — Но иначе не удалось бы остановить славянское нашествие.

— Не верю я ни в какие нашествия, — тихо произнесла Бетти. — Ни в славянские, ни в китайские, ни в японские. Все это истерия, пропаганда. — Ее лицо оставалось безмятежным. Она превосходно владела собой — только пятнышко румянца появилось на каждой щеке. И ничуть не волновалась, просто высказывала свое мнение.

Некоторое время они ели молча.

«Опять ты свалял дурака! — выругал себя Роберт Чилден. — Никак не удается избежать скользкой темы. Потому что она везде — в книге, случайно попавшейся на глаза, в коллекции грампластинок, в костяных колечках для салфеток… во всей этой добыче победителей, награбленной у моих соотечественников. Да-да, надо смотреть правде в глаза. Я пытаюсь убедить себя, что я — такой же, как эти японцы. Но даже если рассыпаться перед ними мелким бесом — какое счастье, благодетели мои, что вы победили, а мой народ проиграл! — между нами не возникнет духовного родства. Одни и те же слова мы воспринимаем совершенно по-разному. У них

другие мозги. И души. Вот они, сидят передо мной, пьют из английских фарфоровых чашек, едят с американского серебра, слушают негритянскую музыку. Они могут себе это позволить — у них есть деньги и власть. Но ведь все это — эрзац! Даже книга “И-цзин”, которую они запихали нам в глотку, — китайская. Позаимствованная без отдачи. Крадут у кого ни попадя обычаи, одежду, речь… С каким смаком эта парочка уплетает томленую картошку со сметанным соусом и луком-резанцом — исконно американское блюдо, которое они запросто присовокупили к своему меню! Кого они хотят обмануть? Себя? Но меня вам не одурачить, уж поверьте! Только белым дано творить. И тем не менее я, плоть от плоти белой расы, должен поддакивать этим… Как тут не задуматься: а что, если бы мы победили? Стерли их с лица земли? Только представить: Япония канула в небытие, а США — единые, могучие — в одиночку правят планетой».

«Мой долг патриота — прочитать “Саранчу”, — решил он, — как бы глупо это ни выглядело».

— Роберт, вы совсем не едите. Невкусно? — участливо просила Бетти.

Он торопливо ткнул вилкой в салат.

— Нет, что вы. Я уже лет сто ничего вкуснее не

пробовал.

— Спасибо. — Она явно была польщена. — Я очень старалась, чтобы все было по-настоящему… продукты покупала на Мишн-стрит, на крошечных американских рынках.

«Ты превосходно готовишь наши национальные блюда, — мысленно обратился к ней Роберт Чилден. — Вот уж правду говорят, подражать вы мастера. Яблочный пирог, кока-кола, прогулка после кино, Глен Миллер… При желании вы могли бы соорудить искусственную Америку из жести и рисовой бумаги… На кухне — мом из рисовой бумаги, на диване с газетой — дэд из рисовой бумаги. В ногах у него — пап[81] из рисовой бумаги. И все остальное — из рисовой бумаги».

Пол не сводил с него глаз. Спохватившись, Роберт Чилден решил думать о чем-нибудь другом. Он положил себе на тарелку еды.

«А вдруг Пол умеет читать мысли? — мелькнуло в голове. — Да ну, чепуха. А по лицу ему ни о чем не догадаться. Я все время храню бесстрастный вид».

Но в этом он вовсе не был уверен.

— Роберт, — обратился к нему Пол, — поскольку

---

[81] Примечания: 81

Mom, Dad, pup — мама, папа, щенок *(амер. разг.).*

вы родились и выросли здесь и с детства говорите на английском, не могли бы вы разъяснить мне отдельные места из одной американской повести тридцатых годов?

Чилден ответил легким поклоном.

— Это очень редкая книга, но мне посчастливилось ее приобрести. Она называется «Подруга скорбящих». Автор — Натанаэл Уэст.[82] Я с удовольствием ее прочитал, но понял не все.

Неожиданно для себя Роберт Чилден признался:

— Боюсь… я не читал этой книги.

(«И слыхом о ней не слыхивал», — мысленно добавил он.)

На лице Пола мелькнуло разочарование.

— Какая жалость! Это небольшая повесть о человеке, ведущем рубрику в газете. Он получает письма с жалобами незнакомых людей и мучительно переживает за них, и в конце концов сходит с ума, возомнив себя Христом. Не припоминаете? Может быть, все-таки читали когда-то давно?

— Увы.

---

[82] Примечания: 82

Натанаэл Уэст (Натан Вайнстайн, 1903–1940) — американский писатель и киносценарист. «Подруга скорбящих» (1933) — его самое известное произведение, считается шедевром американской прозы.

— У автора очень странный взгляд на страдания, — сказал Пол. — На проблему, которую легко решает любая религия. Христианская, например, утверждает, что иначе как страданием не искупить грех. А Уэст, видимо, имеет на этот счет другое мнение, коренящееся в более древних предрассудках. Его герою судьбой предопределено мученичество, поскольку он — еврей.

— Проиграй Германия с Японией войну, евреи сегодня правили бы миром. Из Москвы и с Уолл-стрит.

Казалось, молодые японцы съежились. Точь-в-точь цветы, тронутые морозом, — увяли, поникли, поблекли. В комнате как будто упала температура. Чилден остро почувствовал одиночество.

«Что опять не так? Ох уж эта неспособность понять чужую культуру, образ мыслей западного человека! Чуть что им наперекор — сразу дуться. Подумаешь, трагедия! И все-таки надо что-то делать. Во что бы то ни стало вернуть ясность между нами. — Роберту Чилдену в жизни не бывало так плохо, как сейчас, когда он расставался со своей нелепой мечтой. — С каким нетерпением я ждал этой встречи, — вспомнил он. — Точно юный романтик! Как в тумане поднимался по лестнице.

Но нельзя закрывать глаза на действительность. Человек должен взрослеть. А сегодняшний вечер — хорошее отрезвляющее средство. Эти люди — на самом деле не люди. Во что бы ни рядились, они напоминают цирковых мартышек. Способные и все схватывают на лету — но и только.

Зачем я стелюсь перед ними? Лишь потому, что они — победители?

Сегодня я обнаружил серьезный изъян в своем характере. Но ничего не поделаешь. Оказывается, у меня трогательная склонность… ну, скажем, безошибочно выбирать меньшее из двух зол и все равно оставаться в дураках. Так корова, заметив корм, тотчас пускается в галоп, не задумываясь о последствиях.

А ведь всего-то и нужно — вести себя как подсказывают здравый смысл и вежливость. Так безопаснее. Как ни крути, они победители. Им — приказывать, мне — выполнять. Чего это я так расстроился? Они всего-навсего попросили, чтобы я разъяснил сюжет старой американской книги. Надеялись от меня, белого человека, получить ответ. А я? Разве пытался им помочь? Нет, это бесполезно, я не читал этой книжицы. Иначе, конечно, все бы им объяснил».

— Может, когда-нибудь я прочитаю «Подругу

скорбящих», — сказал он Полу, — и мы ее обсудим.

Пол кивнул.

— К сожалению, сейчас у меня много работы, — продолжал Роберт Чилден. — Возможно, позднее… Уверен, это не займет много времени.

— Не займет, — пробормотал Пол. — Повесть совсем короткая. — И он, и Бетти выглядели опечаленными.

«Неужели они тоже почувствовали непреодолимую пропасть между нами? — подумал Чилден. — Хотелось бы. Они этого заслуживают. Стыд — именно то, что поможет им понять смысл книги».

И в эту минуту к нему пришел аппетит.

* * *

В тот вечер между ними больше не возникало трений.

Около десяти вечера, выходя из квартиры Касоура, Чилден пребывал в приподнятом настроении и чувствовал себя уверенно. Он бодро спустился по лестнице, ничуть не боясь попасться на глаза какому-нибудь японцу, возвращавшемуся домой из общественной бани. Выйдя на темную улицу, остановил велотакси.

«Меня всегда интересовало, как ведут себя в быту клиенты. И ничего предосудительного в этом нет, наоборот, полезно для дела. Тесное общение с людьми, стоящими выше тебя по социальной лестнице, благотворно влияет на психику. И робость перед ними проходит».

Погруженный в такие мысли, он подъехал к своему дому и выбрался из такси. Расплатившись с китайцем, Роберт Чилден поднялся по знакомым ступенькам.

В его гостиной сидел белый. Он удобно устроился на диване и читал газету. Увидев Чилдена, неохотно поднялся, сунул руку во внутренний карман пальто и достал бумажник с удостоверением:

— Кэмпетай.

Перед Чилденом стоял буратина — сотрудник государственной тайной полиции, организованной в Сакраменто японскими властями.

Чилден не на шутку испугался.

— Вы — Эр Чилден?

— Да, сэр. — У него заколотилось сердце.

— Недавно вас посетил один человек. — Полицейский вынул из кожаной папки, лежащей на диване, планшет с зажимом, полистал бумаги. — Белый, назвавшийся доверенным лицом офицера

Императорского ВМФ. Нами установлено, что он не тот, за кого себя выдавал. Ни названного им офицера, ни корабля не существует.

— Это верно, — подтвердил Чилден.

— К нам поступило заявление о попытке вымогательства, имевшей место в районе залива, — продолжал полицейский. — Очевидно, в ней участвовал ваш знакомый. Можете сообщить его приметы?

— Невысокий, довольно смуглый… — начал Чилден.

— Еврей?

— Да! Теперь я понял! Как я сразу не догадался…

— Взгляните. — Сотрудник кэмпетай показал фотографию.

— Он самый, — подтвердил Чилден. Сходство было полное. При мысли о могуществе кэмпетай, в считаные дни вышедшей на след преступника, у него мороз прошел по коже. — А как вы его разыскали? Я не заявлял на него, только позвонил Рэю Калвину, своему поставщику, и сказал…

Полицейский жестом велел ему замолчать.

— Мне от вас нужна только подпись. Вот тут. Простая формальность, зато вам не надо являться в суд. — Он вручил Роберту Чилдену бумагу и

авторучку. — Здесь говорится, что этот человек приходил к вам, выдавал себя за другого и так далее. Да вы сами прочтите. — Полицейский отогнул рукав и, пока Чилден пробегал глазами документ, смотрел на часы. — По существу верно?

— По существу — да.

Чилден не успел как следует вчитаться в казенные строки, к тому же он порядком устал за день. Но он точно знал: к нему под чужим именем приходил жулик, тот самый, что на фотографии. Вдобавок этот жулик, по словам сотрудника кэмпетай, еврей. Внизу на снимке стояли имя и фамилия: «Фрэнк Фринк. Урожденный Фрэнк Финк». В общем, чистокровный жид, пробу негде ставить. Да еще и фамилию изменил!

Чилден поставил подпись.

— Спасибо. — Полицейский взял папку, нахлобучил шляпу, пожелал спокойной ночи и удалился. На все дело ушли считаные минуты.

«Похоже, его сцапают, — подумал Чилден. — Кем бы он ни прикидывался… Ну и славно. Хорошо ребята работают, быстро. Мы живем в обществе, где царят закон и порядок, нам не страшны паучьи сети еврейских заговоров. У нас есть надежная защита. Удивительно, как я сра-

зу не определил его расовую принадлежность? Неужели меня так легко обвести вокруг пальца? Наверное, это потому, что я не умею хитрить. Не будь закона, евреи сожрали бы меня с потрохами. Тот жид мог убедить в чем угодно. Они же гипнотизеры, все без исключения. Целыми народами помыкать ухитрялись».

«Утром поеду покупать “Саранчу”, — решил он. — Интересно, как автор представляет себе мир под пятой иудеев и коммунистов? Рейх у него, понятное дело, в развалинах, Япония — провинция России, а сама Россия раскинулась от Атлантики до Тихого океана. Не удивлюсь, если этот, как бишь его… сочинил войну между США и Россией. Должно быть, занятная книжка, — подумал он. — Странно, почему об этом раньше никто не написал?

И все-таки эта книга дает возможность понять, как нам повезло. Несмотря на крайне невыгодное положение… Да, все могло кончиться гораздо хуже. Из “Саранчи” можно извлечь хороший нравственный урок. Что с того, что мы под япошками и вынуждены восстанавливать разрушенное? Зато теперь началась эпоха великих свершений — взять хотя бы колонизацию планет».

Он вспомнил: сейчас по радио должны передавать новости. Усевшись, включил репродуктор.

«Возможно, уже выбрали нового рейхсканцлера. По мне, так лучше бы Зейсс-Инкварта — он самый энергичный и с огоньком возьмется за дело. Вот бы там побывать, — мечтательно подумал он. — А что, глядишь, разбогатею да и махну в вояж по Европе. Сижу тут на Западном побережье, кругом такое болото… А история проходит мимо».

Глава 8

В восемь утра барон Гуго Рейс, рейхсконсул в Сан-Франциско, вышел из «Мерседеса-Бенц 220-Е» и взбежал по ступенькам консульства. Вслед за ним поднялись двое молодых служащих МИД. Шагнув через порог, Рейс вскинул руку, приветствуя двух телефонисток, вице-консула герра Франка и, уже в кабинете, своего секретаря Пфердхофа.

— Барон, — обратился к Рейсу Пфердхоф, — только что поступила шифрованная радиограмма из Берлина. Первая категория.

Это означало: надо снять пальто и отдать его Пфердхофу.

— Десять минут назад звонил герр Кройц фон Меерс. Просил, чтобы вы с ним связались.

— Благодарю. — Рейс уселся за столик у окна, снял салфетку с завтрака — булочка, яичница-болтунья, колбаса, — налил из серебряного кофейника горячего кофе и развернул утреннюю Frankfurter Zeitung.[83]

Звонивший перед его приходом Кройц фон

---

[83] Примечания: 83
«Франкфуртская газета» *(нем.).*

Меерс был шефом СД на территории ТША. Его штаб-квартира (разумеется, под «липовой» вывеской) находилась в здании аэровокзала. Отношения между Рейсом и Кройцем фон Меерсом оставляли желать лучшего, а все потому, что их полномочия пересекались в великом множестве случаев. Вне всяких сомнений, этим они были обязаны расчетливой политике берлинских верхов. Несколько лет назад, получив почетное звание штандартенфюрера СС, Рейс формально оказался в подчинении у фон Меерса. Рейс уже давно понял смысл этого хода, но так и не привык к тому, что с Кройцем фон Меерсом необходимо считаться.

Рейс внимательно просмотрел первую страницу газеты, доставленной из Европы «Люфтганзой» и прибывшей в здание консульства к шести утра. Фон Ширах под домашним арестом, а может, уже убит. Паршиво. Геринг засел на учебной базе Люфтваффе, окружив себя преданными ветеранами. Туда теперь даже мышь не проскользнет, не то что мясники из СД. А как дела у доктора Геббельса? Он, наверное, в самом центре Берлина. Как всегда, полагается только на свои мозги и безотказное красноречие. Если Гейдрих пошлет к нему взвод солдат, Геббельс не только уговорит

их нарушить приказ, но еще того гляди переманит к себе на службу. Сделает из них сотрудников министерства пропаганды и общественного просвещения.

Рейс представил Геббельса в квартире какой-нибудь шикарной кинозвезды, с пренебрежением глядящего в окно на грохочущую сапожищами солдатню. Нет, этот Kerl[84] не испугается. Будет стоять со своей знаменитой ухмылочкой… левой рукой лаская дамскую грудь, а правой строча статейку для ближайшего выпуска Angriff.[85]

В дверь постучал секретарь, прервав раздумья Рейса.

— Прошу прощения. Опять звонит Кройц фон Меерс.

Консул поднялся, подошел к рабочему столу и взял трубку.

— Рейс слушает.

В ответ — голос шефа СД с густым баварским акцентом:

— Что-нибудь слышно об этом типе из абвера?

Вопрос фон Меерса застал Рейса врасплох.

— Ммм… — промычал он. — По моим сведени-

---

[84] Примечания: 84
Парень *(нем.)*.

[85] Примечания: 85
«Натиск» *(нем.)*.

ям, сейчас на Тихоокеанском побережье трое или четверо «типов из абвера».

— Я о том, который на прошлой неделе прилетел рейсом «Люфтганзы».

— А! — Прижав телефонную трубку плечом к уху, Рейс достал портсигар. — Он к нам не заходил.

— Что он сейчас делает?

— Черт, ну откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Давай-ка лучше звякни в МИД, попроси их связаться с Канцелярией, а те пускай прижмут Адмиралтейство и потребуют от абвера либо отозвать своих людей, либо сообщить нам, какого черта им здесь нужно.

— А вы не можете сами это сделать?

— По-твоему, у меня других забот нет?

«Ну, ясно, прозевали абверовца, — решил Рейс. — Кто-то из ведомства Гейдриха велел им глаз не спускать с парня, а тот отделался от “хвоста”. И теперь я должен вытаскивать их из дерьма».

— Если придет, я кого-нибудь к нему приставлю, — пообещал Рейс.

И подумал: «Интересно, с какой стати он должен сюда явиться?»

— Он прибыл под чужой фамилией, это как пить дать, — угрюмо произнес Кройц фон Меерс. — Под какой — мы не знаем. Ему лет сорок. Капитан. Аристократическая внешность. Настоящее имя Рудольф Вегенер. Он из Восточной Пруссии, из старинного дворянского рода. Возможно, поддерживал фон Папена в Системцайт.[86]

Рейс поудобнее устроился за столом. Фон Меерс зудел:

— Будь моя воля, я бы давно урезал флоту бюджет, чтобы эти дармоеды-монархисты не лезли…

Положив наконец трубку, Рейс с облегчением вздохнул и уселся завтракать. Булочка успела остыть, но кофе в кофейнике остался горячим. Выпив чашку, Рейс снова взял газету.

«И так без конца, — вздохнул он, мысленно возвращаясь к разговору с Кройцем фон Меерсом. — Этим типам ничего не стоит позвонить и в три часа ночи — ведь в СД дежурят круглосуточно».

Приоткрылась дверь, появилась голова Пфердхофа. Увидев, что Рейс закончил телефонный разговор, секретарь сообщил:

---

[86] Примечания: 86

Sistemzeit («Системное время») — так в Германии называли Веймарскую республику, созданную на основе Версальской системы пактов и договоров.

— Только что звонили из Сакраменто. У них там паника. Оказывается, по улицам Сан-Франциско разгуливает живой еврей.

Они посмеялись.

— Да ладно, — сказал Рейс, — позвони им, пусть успокоятся и пришлют на него бумаги. Что еще?

— Соболезнования.

— Много?

— Не очень. Если хотите прочитать, они у вас на столе. Я уже разослал ответы.

— Сегодня в час дня у нас встреча с бизнесменами, — сказал Рейс. — Мне нужно подготовиться.

— Я вам напомню, — пообещал Пфердхоф.

Рейс устроился в кресле поудобнее.

— Хочешь пари?

— Только не по поводу решения Партай. Вы об этом, полагаю?

— Изберут Вешателя.

Помявшись, Пфердхоф сказал:

— Гейдрих достиг своего потолка. Таких, как он, ни за что не допустят к прямому руководству партией — их слишком боятся. При одной мысли об этом у партийных тузов волосы встают дыбом. Не пройдет и получаса после отъезда первого эсэсовского автомобиля от дома на Принцальбертштрассе, как сложится мощная коалиция.

Финансовые воротилы вроде Круппа, Тиссена…

Он умолк. В кабинет вошел шифровальщик с конвертом.

Это была срочная радиограмма, расшифрованная и отпечатанная на машинке.

Прочитав ее, Рейс увидел вопросительно-нетерпеливое выражение на лице Пфердхофа. Рейс скомкал листок, опустил в глиняную пепельницу и щелкнул зажигалкой.

— По их сведениям, к нам инкогнито направляется японский генерал Тедеки. Вот что, поезжай-ка в публичную библиотеку и полистай японские военные журналы, может, наткнешься на его фото. Особенно не светись. У нас здесь вряд ли найдутся сведения о нем. — Рейс встал, направился было к набитому папками шкафу, но передумал. — В общем, собирай любую информацию. В библиотеке должны быть статистические отчеты, не поленись заглянуть. Может, ты хоть что-нибудь о нем помнишь?

— Кое-что помню. Большой забияка. Сейчас ему, наверное, лет восемьдесят. Кажется, он отстаивал японскую космическую программу, которая потом с треском провалилась.

— Да, тут он дал маху, — кивнул Рейс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда лечиться, —

продолжал Пфердхоф. — В клинике Калифорнийского университета полно старых вояк из Японии. Здесь к их услугам немецкая хирургическая техника, которой на Родных островах днем с огнем не сыщешь. Конечно, сами они об этом не распространяются — патриотические чувства и все такое. Пожалуй, мы могли бы внедрить в университетскую больницу нашего человека, если Берлину так интересен этот японец.

Рейс кивнул. Возможно, старый генерал участвует в коммерческих спекуляциях. Сан-Франциско ими славится. Налаженные во время службы связи могут очень пригодиться в отставке. Но в шифровке не сказано, что генерал в запасе.

— Как только раздобудешь снимок, разошли копии нашим людям в гавани и аэропорту, — велел Рейс секретарю. — Возможно, он уже здесь. Сам знаешь, как в Берлине умеют канителиться. Если генерал уже в Сан-Франциско, Берлин придет в ярость — и нам влетит за то, что не перехватили японца, прежде чем получили на это приказ.

— Я зарегистрирую радиограмму, — сказал Пфердхоф. — Если возникнут вопросы, мы сможем указать точное время ее получения.

— Спасибо, — буркнул Рейс. Берлинские начальники — мастера перекладывать ответствен-

ность, а ему надоело быть мальчиком для битья. Сколько ж можно? — Да, подстраховаться не мешает. Пожалуй, стоит дать им ответ. Примерно такой: «Ваши указания запоздали. Объект уже прибыл. На данной стадии возможность перехвата исключительно мала». Сформулируй это как полагается и отправь. Понял?

Пфердхоф кивнул.

— Отправлю немедленно. И потребую квитанцию.

Секретарь вышел.

«Надо держать ухо востро, — подумал Рейс. — Не то, чего доброго, окажешься консулом у черномазой сволочи где-нибудь на острове возле Южной Африки. Возьмешь себе в любовницы черную “мамми”, и десять негритят будут называть тебя папочкой».

Он закурил египетскую сигарету «Саймон Арц-70» и аккуратно закрыл портсигар. Надеясь, что в ближайшее время его никто не потревожит, вытащил из портфеля книгу и раскрыл на закладке.

«Неужели когда-то он бродил по тихим улочкам, где неторопливо катили машины? Неужели то далекое воскресное утро в безмятежном Тиргартене не вымысел?.. Другая жизнь. Вкус мороженого — его уже никогда не ощутить. Теперь

он радовался, когда удавалось поесть вареной крапивы.

— Боже! — кричал он. — Неужели они никогда не кончатся?

По городу шли огромные английские танки.

Еще одно здание — жилой дом, а может, магазин, или школа, или контора — отсюда было не разобрать, — вздрогнуло и превратилось в груду обломков. Под ними нашла могилу горстка бедолаг — и ни криков о помощи, ни предсмертных стонов. Гибель раскинула свои крылья над здоровыми, увечными и над мертвыми, от которых уже исходило зловоние. Смердящий, разлагающийся на глазах труп Берлина, беззвучно рассыпающиеся старинные башни, гордость города…

Мальчик взглянул на свои руки, серые от пепла. Все — живое и неживое — сгорело дотла. Все перемешано и отнято у него.

Так думал мальчик. Больше он ни о чем не мог думать, вернее, в этой сумятице, среди воплей и канонады, все мысли сводились к одному — к еде.

Шесть дней он не ел ничего, кроме крапивы. А теперь и ее не осталось — парк превратился в огромную воронку, на краю которой призрачно маячили человеческие силуэты: женщина со

старушечьим платком на голове и пустой корзинкой под мышкой, однорукий инвалид с такими же пустыми, как и корзина, глазами. И девочка. Вскоре все они беззвучно растаяли среди пней и нагромождения стволов погибшей рощи, где прятался маленький Эрих.

А вереница танков все ползла и ползла.

— Неужели это не кончится? — спросил мальчик, ни к кому не обращаясь. — А если кончится, что тогда? Удастся ли нам наполнить желудки...»

— Барон, — раздался над ухом голос Пфердхофа, — ужасно не хочется вас отвлекать, но...

Рейс подпрыгнул как ужаленный и захлопнул книгу.

— Ничего, я слушаю!

«Ну и здорово мужик пишет! — восхитился он. — Совсем меня заморочил. Я ведь будто своими глазами увидел падение Берлина под ударом британцев. Брр! — Он поежился. — Удивительно все-таки, как сильно литература может действовать на психику. Даже бульварщина вроде этой "Саранчи". Дураку ясно, почему ее запретили на германской территории. Я бы и сам запретил. Зря, конечно, я за нее взялся, но теперь делать нечего, нужно дочитать».

— В приемной моряки с немецкого корабля, —

сообщил секретарь. — Пришли отметиться.

— Хорошо. — Рейс торопливо вышел.

В приемной сидели трое моряков в толстых серых свитерах, с густыми светлыми волосами и волевыми, слегка взволнованными лицами.

Рейс поднял правую руку и с дружелюбной улыбкой приветствовал их:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответили они вразнобой и вручили Рейсу документы.

Отметив им явку в консульство, он вернулся в кабинет и снова раскрыл «Саранчу».

Раскрыл на случайной странице и не смог оторваться, вернуться туда, где остановился. Глаза сами забегали по строчкам, он почувствовал жар в затылке.

«Суд над Гитлером, — догадался он. — После капитуляции Гитлер попадает в лапы союзников. Господи боже! И Геббельс, и Геринг, и все остальные! Процесс в Мюнхене. Гитлер отвечает обвинителю-американцу».

«…в черном воспаленном мозгу, казалось, на миг ожил прежний боевой дух. Трясущееся дряблое тело выпрямилось, голова поднялась. Со слюнявых уст сорвался сиплый полулай-полуше-

пот: “Deutschland, ich bin mit dir”.[87]

И сразу тех, кто смотрел и слушал, охватило оцепенение, они плотнее прижали к ушам головные телефоны, лица русских и американцев, британцев и немцев напряглись.

“Да, — подумал Карл, — снова мы слышим его… Нас не только разбили — перед нами раздели догола этого сверхчеловека, показав, кто он на самом деле. Всего-навсего…”»

— Барон.

В кабинет вновь вошел секретарь.

— Я занят, — бросил Рейс. — Пытаюсь прочесть эту книгу, черт бы ее побрал!

Но злиться было бессмысленно, он это знал.

— Снова Берлин, — сообщил Пфердхоф. — Сообщение в расшифровке; судя по началу, оно касается политической ситуации.

— А подробнее? — Рейс потер лоб.

— По радио неожиданно выступил доктор Геббельс. С очень важной речью. — Секретарь был порядком взволнован. — Нам предлагается опубликовать ее текст в здешней прессе.

— Да-да, — сказал Рейс.

Как только секретарь затворил за собой дверь,

---

[87] Примечания: 87
«Германия, я с тобой» *(нем.)*.

Рейс снова раскрыл книгу.

«Опять, наплевав на мои инструкции, сует нос куда не следует», — подумал он о Пфердхофе и перевернул несколько страниц.

«…в тишине Карл взирал на покрытый знаменем гроб.

“Вот он лежит передо мной, но на самом деле он ушел, ушел навсегда. И никакая в мире сила не вернет нам этого человека”.

Человека — или все-таки Übermensch,[88] в которого Карл слепо верил и которого боготворил даже на краю могилы.

Адольф Гитлер почил навеки, но Карл цеплялся за жизнь.

“Ты не пойдешь за ним следом, — шептал ему внутренний голос. — Ты будешь жить. И восстанавливать разрушенное. Мы все будем строить. Мы должны”.

Как же далеко, как чудовищно далеко завела его колдовская власть вождя?! И теперь, когда наконец поставлена точка в невероятной летописи, остается спросить: как этому человеку удалось пройти путь из захолустного австрийского городка через тлетворную нищету в Вене, через

---

[88] Примечания: 88
Сверхчеловек *(нем.)*.

окопные ужасы, через политические интриги, через создание Партай — к посту канцлера, к тому краткому мигу, когда он считал себя чуть ли не властелином мира?

Карл знал: благодаря лжи. Адольф Гитлер лгал. Лгал всегда. Вел народ за собой, соблазняя его пустыми речами.

“Мы раскрыли твой блеф, Адольф Гитлер. И наконец узнали, кто ты на самом деле, что такое нацистская партия и для чего тебе потребовалась жуткая эпоха убийств и мегаломаниакальных фантазий. Мы поняли”.

Карл повернулся и пошел прочь от безмолвствующего гроба…»

Закрыв книгу, Рейс некоторое время сидел неподвижно. Он с удивлением обнаружил, что расстроился.

«Надо бы хорошенько нажать на япошек, чтобы запретили чертову книжонку. И вообще, они без труда могут арестовать писаку, как там его… Эбендсен, кажется? Власти у них на Среднем Западе хоть отбавляй. Похоже, нарочно смотрят сквозь пальцы…»

Его огорчила смерть Адольфа Гитлера, гибель Партай и самого рейха в книге Эбендсена. Но не только это. В романе звучал истинный пафос,

утраченный в мире, которым правила Германия.

Как ему это удалось? Неужели дело только в таланте?

В арсенале этих беллетристов миллион всяких приемчиков. Взять того же доктора Геббельса — начал свою карьеру с художественной литературы, обращался к самым потаенным страстишкам, гнездящимся в любом человеке, какую бы респектабельность он ни изображал. Да, писатель должен разбираться в людях. Видеть всю их никчемность, трусость, похотливость и продажность. Стоит только писателю ударить в барабан, а уж отклик будет. Ему останется лишь похихикать над произведенным эффектом.

«Нет, вы только поглядите, как он играет на моих чувствах! — возмутился Рейс. — Именно на чувствах, а не на рассудке. И уж конечно, не за так. Свои денежки он наверняка огреб, Hundsfott.[89] Кто-то, несомненно, подговорил шельму, проинструктировал, что и как писать. Эти подонки чего угодно насочиняют, лишь бы платили. Наворотят гору дерьма — публика сожрет, не поморщится. Ну-ка, где ее тиснули? — Рейс глянул на последнюю страницу. — Омаха,

---

[89] Примечания: 89
Вонючий пес *(нем.)*.

Небраска. Последний оплот издательской плутократии США, некогда процветавшей в Нью-Йорке на золото жидов и коммунистов… Может, и этот Эбендсен — жид? Они еще не все передохли, еще пытаются нас отравить. Jüdisches Buch![90] — Он яростно захлопнул книгу. — Наверняка его фамилия — Эбендштейн. Как пить дать, за ним охотится СД.

Надо обязательно послать кого-нибудь в СГШ с визитом к герру Эбендштейну. Не исключено, что Кройц фон Меерс уже получил на этот счет инструкции. А может, и нет — в Берлине сейчас кавардак… Кому есть дело до какого-то еврея? А зря. Эта книга очень опасна. И если одним прекрасным утром мистера Эбендштейна найдут подвешенным к потолку, то на тех, кто проникся его идеями, это подействует отрезвляюще. За нами останется последнее слово. Постскриптум, так сказать.

Само собой, для такой задачи нужен белый человек. Интересно, что сейчас поделывает Скорцени?»

Рейс перечитал текст на задней обложке.

«А ведь боится, жидюга, — забаррикадировался

---

[90] Примечания: 90
Еврейская книга *(нем.).*

в своем Высоком замке. Черта с два, мы тоже не вчера родились. Тому, кто до тебя доберется, возвращаться необязательно.

Может, конечно, это глупо. В конце концов, книга издана и разошлась. Да и территория под-контрольна японцам, случись что, желтопузые такой хай подымут…

Но дельце можно обтяпать так, что комар носа не подточит. Нужен толковый парень…»

Барон Гуго Рейс сделал пометку в записной книжке:

«Обсудить этот вопрос с группенфюрером СС Отто Скорцени, а еще лучше — с Отто Олендорфом из Reichssicherheitshauptamt.[91] Кажется, это он возглавляет Einsatzgruppe D[92] в третьем Amt».[93]

И тут его вдруг замутило от бешенства.

«Неужели это будет продолжаться вечно? — подумал он. — Сколько лет прошло с войны; казалось, самое главное сделано. И вот теперь — фиаско в Африке и полоумный Зейсс-Инкварт,

---

[91] Примечания: 91
Главное управление имперской безопасности *(нем.).*

[92] Примечания: 92
Оперативная группа Д *(нем.).*

[93] Примечания: 93
Отдел *(нем.).*

осуществляющий идиотские замыслы Розенберга. Герр Хоуп был прав, издеваясь над нашей марсианской эпопеей. Надо же было придумать — Марс заселен евреями! А ведь мы их наверняка там встретим. Именно двухголовых и в фут ростом. Впрочем, мне на это наплевать, — решил Рейс. — Своих дел по горло, на авантюры, вроде посылки айнзатцкоманды за Эбендсеном, просто нет времени. Хватит с меня возни с немецкими моряками и шифрованными радиограммами, пускай Эбендсена ловят ищейки из СД. Им за это деньги платят. А если бы я и провернул это дельце, то еще неизвестно, где бы очутился — может, в следственном изоляторе генерал-губернатора США или сразу в камере с Циклоном Б».

Он тщательно стер карандашную запись, а потом и вовсе вырвал листок и сжег его в глиняной пепельнице.

В дверь постучали, вошел секретарь с пачкой бумаг.

— Речь доктора Геббельса, целиком. — Пфердхоф положил бумаги на стол. — Очень рекомендую ознакомиться. Отличное выступление, из лучших.

Закурив «Саймон Арц», Рейс углубился в речь доктора Геббельса.

Глава 9

Через две недели почти непрерывной работы компания «Эдфрэнк» уже располагала первой партией товара. Украшения были разложены на двух лотках из фанеры, обтянутой черным бархатом. Эд Маккарти и Фрэнк Фринк обзавелись даже визитными карточками, вырезав клише своих фамилий на пластиковых стирательных резинках, а рамки оттиснув с помощью детского ротапринта. Получилось очень красиво — красные фамилии в узорных рамках на плотной разноцветной бумаге для рождественских открыток.

За что бы ни брались Эд и Фрэнк, все удавалось на славу. Никакой кустарщины — украшения, визитка и лотки говорили о высоком мастерстве изготовителей.

«Да и как иначе? — думал Фрэнк. — Ювелирное дело — сложная штука, но мы же профессионалы, всю жизнь не вылезали из цеха».

Он еще раз глянул на украшения. Большой выбор: браслеты из меди, бронзы и латуни, даже кованные из черного железа; кулоны, по большей части латунные с серебряным узором;

серьги из серебра; серебряные и медные броши. Серебро обошлось недешево, даже серебряный припой увеличивал себестоимость изделий. Да и несколько полудрагоценных камней, вправленных в броши, стоили изрядно. Зато как красиво смотрелись жемчуг «барокко», шпинель, яшма и осколки дымчатого опала! А если дела пойдут на лад, Эд и Фрэнк раскошелятся на золото и пятишестипойнтовые бриллианты.

Да, на золоте можно делать большие деньги. Компаньоны уже искали, где бы купить золотой лом и старинные слитки, не имеющие художественной ценности, — это куда дешевле, чем новое золото. Все-таки без солидного капитала к благородным металлам не подступишься. С другой стороны, продать красивую, умело сработанную золотую брошь выгодней, чем сорок латунных. За нее в розницу можно заломить любую цену… Если только их продукция вообще будет пользоваться спросом.

Они еще не пытались торговать, зато разделались с основными техническими проблемами: установили на верстаке электроточила с дисками для черновой шлифовки и полировки. «Эдфрэнк» располагал полным комплектом инструментов и материалов, от проволочных щеток и грубых

наждачных кругов до основ из хлопка, льна, кожи и замши, которые можно было покрыть разными абразивами, от корунда и пемзы до самых мягких. И главное, у них был ацетиленовый сварочный аппарат, с баллонами, манометром, шлангами и масками, и превосходные ювелирные инструменты из Германии и Франции: микрометры, алмазные сверла, пилки, клещи, пинцеты, паяльные станки, тиски, ножницы, молоточки с заостренными бойками. Был запас сырья и фурнитуры: разнокалиберные стержни припоя, фольга, заколки для брошей, застежки для сережек. На банковском счете компании «Эдфрэнк» осталось всего двести пятьдесят долларов, зато производство было полностью организовано, причем легально; они даже получили разрешение от министерства труда. Требовалось наладить сбыт.

«Ни один розничный торговец не станет проверять наш товар тщательнее нас самих», — подумал Фрэнк, разглядывая лотки с изделиями.

Вещицы, отобранные для демонстрации, и в самом деле выглядели неплохо. Сколько труда ушло на удаление заусенцев, изъянов сварки, пятен, оставленных огнем… Ведь, чтобы забраковать вещь, достаточно обнаружить небольшое

пятнышко или царапину от щетки.

«Мы не можем схалтурить даже в мелочах, — подумал Фрэнк. — Одна черная крапинка на серебряном колье, замеченная продавцом, — и все труды прахом».

Магазин Роберта Чилдена стоял первым в их списке. Но туда мог идти только Эд; Фрэнка Чилден наверняка запомнил.

— В основном сбыт ляжет на тебя, — сказал Фрэнку Маккарти, однако идти к Чилдену согласился.

Чтобы выглядеть солиднее, он купил добротный костюм, новый галстук и белую сорочку. Но от робости избавиться не мог.

— Наш товар — загляденье, — в сотый раз повторил он, — но чем черт не шутит…

Большинство изделий имело абстрактную форму: свитая в спирали и петли проволока, произвольно застывший металл. Некоторые были тонкими и воздушными, как паутина, другие — по-варварски массивными. На бархатных лотках лежало не так много вещей, но создавалось впечатление большого разнообразия форм.

«Вот бы нашелся магазин, где все это возьмут! — мечтал Фрэнк. — С Чилденом ничего не получится — обойдем все лавки одну за другой.

Если удача нам улыбнется и вещи придутся покупателю по вкусу, нас завалят заказами на всю оставшуюся жизнь».

Эд и Фрэнк уложили обтянутые бархатом фанерки на дно изящной японской корзины.

«Если ничего не выйдет, продадим металлы, — решил Фрэнк, — да и оборудование. Всех денег не вернем, но хотя бы часть».

Самое время обратиться к оракулу. Спросить, чем закончится первая попытка Эда. Зря он, Фрэнк, так нервничает. Возможно, это дурной знак. Но что бы ни сказал «И-цзин», выбор уже сделан: мастерская открыта, украшения готовы.

«Оракул не будет продавать за нас вещи. Он не может принести нам удачу».

— В общем, первым делом я наведаюсь к Чилдену, — прервал раздумья Фрэнка Маккарти. — Может, и удастся что-нибудь ему сбыть. А после ты заглянешь к двум другим. Ты ведь поедешь со мной? Подождешь в машине за углом?

Когда они садились в пикап, Фрэнк подумал:

«Одному богу известно, какие из нас с Эдом торговцы. Чилдену, конечно, можно что-нибудь продать, но для этого нужно произвести на него впечатление. Как говорится, устроить презентацию. Будь здесь Джулиана, она бы окрутила

Чилдена в полминуты. Она такая хорошенькая, бойкая на язык, а главное — она женщина».

Закрыв глаза, Фрэнк попытался представить, как смотрелся бы на ее руке один из браслетов. Или большое колье. Да, было бы здорово, если бы Джулиана отправилась к Чилдену с их вещичками. Ведь это женская бижутерия. Чилден просто упал бы в обморок при виде ее черных волос, бледной кожи, меланхоличного манящего взгляда, безупречной груди, чуть туже, чем следует, обтянутой джемпером, в вырезе которого поблескивает серебро, приподнимаясь и опускаясь с ее дыханием.

Он представил ее так живо, будто они расстались вчера. Представил, как сильными тонкими пальцами она берет безделушку и, запрокинув голову, любуется. У Джулианы хороший вкус, и она всегда была в курсе дел Фрэнка.

«Больше всего ей подошли бы сережки, — размечтался он. — Яркие, броские, из латуни. Волосы лучше постричь покороче или стянуть на затылке заколкой, чтобы видны были серьги и колье. А еще неплохо бы сделать для рекламы несколько ее фотоснимков. (У них с Эдом заходила речь о каталоге для рассылки в другие города и страны.) Она бы выглядела сногсшибательно… Красивая,

очень здоровая кожа, никакой дряблости и морщин, и оттенок превосходный… Интересно, если я ее разыщу и предложу с нами работать, она не откажется? Неважно, что она обо мне думает, мы же не будем лезть в личную жизнь друг друга. Только общие деловые интересы. Я даже не стану ее сам фотографировать — найдем профессионального фотографа. А что, наверное, ей бы моя затея пришлась по душе. Она всегда любила, чтобы на нее глазели и восхищались. Точно дитя малое, которому всегда надо быть в центре внимания, иначе как-то не по себе. Все женщины таковы. Я был ей нужен, чтобы ежеминутно сыпать комплиментами. Наверное, и сейчас кто-то рядом, говорит ей, какая она милашка. Какие у нее чудесные ноги и гладкий плоский живот».

— Что с тобой? — искоса взглянул на него Маккарти. — Нервничаешь?

— Нет, — ответил Фрэнк.

— Я не собираюсь стоять там дурак дураком, — сказал Маккарти. — Кое-какие мыслишки имеются. Не думай, я вовсе не боюсь. Да, я не люблю рядиться под джентльмена, и мне немного не по себе. Но это пустяки. Я все равно пойду и продам наш товар этому хлыщу.

«Дай-то бог», — подумал Фрэнк.

— Эх, если б ты мог пойти к Чилдену, как в тот раз, и снова прикинуться поверенным японского адмирала, которому нужна бижутерия… Ведь у нас отменные вещицы, согласись! Оригинальной формы, самодельные…

— Не самодельные, а ручной работы, — поправил Фрэнк.

— Ну да, ручной работы. Так вот, я не отстану от Чилдена, пока он не получит полное удовольствие за свои денежки. Дурак он будет, если откажется, вот что я тебе скажу. Где еще делают такую бижутерию, как у нас? Да я как представлю, что он посмотрит и не купит, — у меня кулаки чешутся…

— Не забудь ему сказать, что это не покрытие. Латунные украшения целиком из латуни, медные — из меди.

— Ты уж дай мне самому решать, что говорить, — обиделся Маккарти. — Не волнуйся, молчать не буду.

«А я сделаю вот что, — подумал Фрэнк. — Выберу тайком от Эда две-три побрякушки и пошлю Джулиане. Пусть знает, чем мы занимаемся. Пошлю по прежнему адресу, а на почте разберутся. Интересно, что она скажет, распечатав бандероль? Надо приложить записку — моя,

мол, работа, а сам я — партнер в небольшом предприятии по производству бижутерии. Распалю ее воображение и намекну: если хочешь участвовать… Расскажу что-нибудь интересное о драгоценных камнях и металлах…»

— Кажется, здесь? — Маккарти притормозил. Они находились в деловом центре, по улице плотным потоком шли машины, дома целиком заслоняли небо. — Пожалуй, пора искать стоянку.

— Еще пять кварталов, — сказал Фрэнк.

— У тебя найдется сигарета с марихуаной? — спросил Эд. — Надо бы малость успокоиться.

Фрэнк протянул ему пачку сигарет «Небесная музыка», к которым пристрастился в «У.-М. корпорейшн».

«Да, наверняка она с кем-нибудь живет, — со вздохом сказал себе Фрэнк, — как жена. Я ее знаю. Джулиана никак не может по-другому. С наступлением сумерек, когда на улице темно и холодно и все порядочные семьи собираются в гостиной, она просто чокнутая становится… Она не рождена для одиночества. Да и я тоже. Может, ее парень и неплохой, — подумал он. — Джулиане ничего не стоит подцепить какого-нибудь студентика. Этакого маменькиного сынка, которому

и невдомек, как к бабе подойти. Она не грубая и не циничная, она может дать парнишке много хорошего. Чертовски хочется верить, что не нашла себе кого постарше, какого-нибудь жлоба с вечно торчащей изо рта зубочисткой…»

Фрэнк заметил, что стал тяжело дышать, вообразив мясистого волосатого мужика, который обращается с Джулианой как с вещью, всячески унижает и оскорбляет ее…

«Я знаю — рано или поздно она покончит с собой, — подумал он. — Это у нее на роду написано. Если только не найдет себе настоящего друга, то есть нежного, внимательного, интеллигентного, способного понять и оценить ее. Я был слишком груб с ней. — Фрэнк печально вздохнул. — Хотя я не такой уж плохой, бывают хуже. Я всегда понимал, о чем она мечтает, чего хочет, когда ей одиноко, тоскливо… И нянчился, и успокаивал… Но этого мало. Она заслуживала большего».

— Я тут остановлюсь. — Маккарти высмотрел свободное место и, оглядываясь, дал задний ход.

— Послушай, — сказал Фрэнк, — можно, я пошлю одну-две вещицы своей жене?

— Я и не знал, что ты женат, — рассеянно произнес Маккарти, глуша мотор. — Пожалуйста, только не серебряные. Приехали. — Затянувшись

напоследок, он раздавил окурок о приборный щиток и бросил на пол. — Пожелай мне удачи.

— Удачи, — сказал Фрэнк Фринк.

— Гляди, тут, на пачке, вака[94] — японское стихотворение.

Маккарти прочитал вслух:

Пока повторяла я:
«О кукушка, кукушка!» —
Рассвет уже наступил.

Он вернул Фрэнку пачку сигарет, хлопнул по спине, сказал «Христос с нами!», ухмыльнулся, открыл дверцу и, подхватив корзину, вышел.

— Тебе предоставляю заплатить десять центов.

Миг спустя он затерялся среди пешеходов.

«Джулиана! — мысленно воззвал Фрэнк. — Может быть, тебе сейчас так же одиноко, как и мне?»

Он вылез из пикапа и бросил монетку — плату за стоянку — в счетчик.

«Боюсь, — подумал Фрэнк. — Боюсь за наше дело. А вдруг — неудача? Что тогда? Жалобы, и стоны, и слезы — до насморка, как говорит

---

[94] Примечания: 94

Вака — японский средневековый поэтический жанр, включавший в себя танка, тека и другие направления. Хайку «Сочиняя стихи» создано поэтессой XVIII в. Тиё, перевод В. Марковой.

оракул?[95]

Человек видит сгущающиеся впереди тени. Путь его ведет к могиле. Эх, если бы Джулиана была сейчас рядом… Да, боюсь, — решил он. — Вдруг Эд ничего не сумеет продать? А если над нами посмеются…»

* * *

Джулиана лежала на простыне, на полу гостиной, в объятиях Джо Чиннаделлы. В комнате, залитой лучами послеполуденного солнца, стояла духота. Тела были скользкими от пота. Со лба Джо скатилась капля, задержалась на скуле и упала Джулиане на шею.

— С тебя капает, — прошептала она.

Джо промолчал. Он ровно, глубоко дышал.

«Как океан, — подумала Джулиана. — У нас внутри нет ничего, кроме воды».

— Ну, как тебе? — спросила она.

Он пробормотал, что все о’кей.

«Я тоже так думаю, — сказала себе Джулиана. — Я чувствовала. А теперь надо вставать, отлипать друг от дружки. Или все-таки тебе не понравилось? Есть ли признаки подсознательно-

---

[95] Примечания: 95
«Книга перемен», гексаграмма 45.

го неодобрения?»

Джо пошевелился.

— Уже встаешь? — Она прижала его к себе. — Погоди.

— Тебе не пора в спортзал?

«Не пойду в спортзал, — решила Джулиана. — Неужели ты еще не понял? Мы не останемся здесь, мы куда-нибудь уедем. Куда-нибудь, где не были прежде. Пора…»

Она чувствовала, как Джо поднимается на колени. Ладони Джулианы скользнули по его влажным бокам. Джо зашлепал по полу босыми ногами. В ванную, конечно. Душ принимать.

«Все кончилось, — вздохнула Джулиана. — Ну и ладно».

— Слышу, слышу, — сказал Джо из ванной. — Опять стонешь. Постоянная депрессия. Тревога, страх и подозрительность. По отношению ко мне и ко всему миру… — Он появился в дверях весь в мыле, улыбающийся. — Как насчет путешествия?

У нее быстрее забилось сердце.

— Куда?

— В какой-нибудь большой город. Можно махнуть на север, в Денвер. Гульнем на всю катушку. Будет тебе и концерт, и ресторан, и такси, и ве-

чернее платье — все, что захочешь. О'кей?

В это было трудно поверить. Но поверить очень хотелось.

— Твой «студик» не развалится по дороге?

— Еще чего! — возмутилась она.

— Купим приличную одежду и кутнем, может, впервые за всю жизнь. Тебе надо хорошенько отдохнуть, не то сломаешься.

— А где мы денег возьмем?

— У меня есть, — улыбнулся Джо. — Погляди в саквояже.

Джо затворил дверь в ванную. Он что-то еще говорил, но Джулиана за шумом воды не слышала.

Отворив дверцу платяного шкафа, она достала обшарпанный, засаленный саквояж. Запустив в него руку, почти сразу наткнулась на конверт с крупными банкнотами Рейхсбанка, имеющими хождение практически везде.

«Да, на это можно кутнуть, — подумала она, считая деньги. — А мне казалось, он просто лапшу на уши вешает. Вот бы забраться к нему в башку, поглядеть, что там творится».

Под конвертом лежала огромная поршневая авторучка цилиндрической формы. Во всяком случае, внешне предмет походил на авторучку. Но был непривычно тяжелым. Джулиана

поспешно отвинтила колпачок. Да, с золотым пером. Но…

— Что это? — спросила она, когда Джо вышел из ванной.

Он забрал авторучку и положил в саквояж.

«Как бережно он с ней обращается!» — мелькнула у нее мысль.

— Опять болезненная мнительность? — спросил Джо.

Таким беззаботным она его еще не видела. С громким возгласом он схватил ее за талию, поднял и закружил по комнате. Потом поставил на ноги и прижимал к себе, пристально глядя в глаза и обдавая теплым дыханием, пока она не ответила:

— Нет. Просто я тяжелая на подъем.

«Все-таки я тебя побаиваюсь, — подумала Джулиана. — Так побаиваюсь, что даже признаться тебе в этом не могу».

— В окно! — воскликнул Джо, неся ее на руках через всю гостиную. — Вот куда мы выйдем!

— Ну пожалуйста! — взмолилась она.

— Шучу, — хмыкнул он. — Вот что: мы с тобой отправляемся в поход, вроде марша на Рим! Помнишь? Их вел сам дуче, моего дядю Карло в том числе… А теперь и у нас будет свой маленький

марш, но не такой знаменитый, не для учебников истории. — Наклонившись, он так крепко поцеловал Джулиану, что они стукнулись зубами. — До чего же шикарно мы будем смотреться в обновках! И ты мне объяснишь, как надо себя вести в обществе, договорились? Научишь хорошим манерам.

— Ты нормально держишься, — сказала Джулиана. — Даже лучше, чем я.

— Нет! — Он сразу помрачнел. — Я паршиво говорю. За версту слыхать макаронника. Разве не заметила акцента еще в кафе?

— Вроде есть немножко. — Для нее это не имело значения.

— Только женщины разбираются в светских условностях. — Джо отнес Джулиану назад и с шумом уронил на кровать. — Без женщин не было бы культуры. Мы бы только и говорили о лошадях и гоночных машинах да несли похабщину.

«Что это на тебя нашло? — размышляла Джулиана. — Пока не придумал этот "марш", ходил как неприкаянный. А теперь прыгаешь по комнате, ошалев от радости. Что в самом деле тебе нужно? Ты бы мог спокойно смыться, бросив меня здесь. Да я и не стала бы тебя удерживать, мне не впервой».

— Это твой заработок? — Она кивнула на конверт. — Сбережения? — Денег в конверте было слишком много. Впрочем, говорят, на востоке их куры не клюют. — Мне случалось разговаривать с водителями-дальнобойщиками. Им столько не…

— С чего ты взяла, что я водитель? — перебил ее Джо, одеваясь. — У меня в этом рейсе другая работа. Я охраняю груз от бандитов, а прикидываюсь вторым водителем, дрыхнущим в кабине. — Он рухнул в кресло, откинул голову, приоткрыл рот и захрапел. — Понятно?

Вдруг она увидела в его руке нож — тонкий, вроде кухонного для чистки картофеля.

«О господи! — испугалась Джулиана. — Откуда он взялся? Из рукава? Из воздуха?»

— Вот почему меня приняли в «Фольксваген». Служебная анкета помогла. Во время войны мы столкнулись с Хейзельденом и его коммандос. — Черные глаза Джо заблестели. — Угадай, кто в конце концов прикончил полковника? Как-то ночью, спустя несколько месяцев после каирской битвы, мы встретились с англичанами на Ниле. У них кончился бензин, и Хейзельден с четырьмя своими «крысами пустыни» напал на нас. Я стоял часовым. Хейзельден подполз, как змея, весь в черной краске, даже руки. В этот раз у них не

было проволоки, только гранаты и автоматы. Слишком шумное оружие. Он попытался сломать мне шею, да не вышло. — Джо вскочил со стула и, хохоча, бросился к Джулиане. — Давай собирайся. Позвони в спортзал, скажи, что берешь отпуск на несколько дней.

Рассказ показался Джулиане неубедительным.

«Какие бандиты? — недоумевала она. Ей никогда не приходилось слышать, чтобы проходящие через Каньон-Сити грузовики с Восточного побережья сопровождала профессиональная охрана из бывших солдат. — Может, он и в США никогда не жил? И в Северной Африке не был, не сражался на стороне Оси и вообще не воевал? Просто сочинил романтическую историю, чтобы запудрить мне мозги? Не исключено, он сумасшедший… Смешно, — подумала Джулиана. — Спрашивается, зачем мне дзюдо, если я не пытаюсь защититься? Защититься — от чего? От посягательства на невинность? Нет, — сказала она себе, — на жизнь. Впрочем, скорее всего, он просто полунищий макаронник, всю жизнь месивший грязь в мечтах о сладкой жизни. Теперь ударится в загул, промотает денежки и вернется в свое болото. А помочь ему в этом должна шикарная баба».

— Хорошо, — сказала она, — я позвоню в спортзал.

По пути в коридор, где стоял телефон, Джулиана думала:

«Ну ладно, он оденет меня с иголочки и поселит в роскошном отеле. Каждый мужик мечтает хотя бы раз в жизни пройтись с хорошо одетой женщиной, пусть даже самому придется раскошелиться и нарядить ее. Наверное, такой кутеж — давнишняя мечта Джо Чиннаделлы. А ведь он умный — умеет заглянуть в душу. Стоит мне увидеть мужественного парня, как начинается мандраж. Это еще Фрэнк замечал. Потому-то мы и расстались. Потому-то я и маюсь последние годы и не доверяю никому».

Вернувшись, Джулиана увидела, что Джо снова углубился в «Саранчу». Читая, он хмурился и не замечал ничего вокруг.

— Кажется, ты хотел, чтобы я ее прочла? — сказала она.

— Давай по дороге, — не отрываясь от страницы, буркнул он.

— Ты собираешься вести? Но ведь это моя машина.

Он не ответил. Похоже, просто не услышал.

* * *

Стоя за кассовым аппаратом, Роберт Чилден поглядел на высокого худощавого темноволосого человека, переступившего порог магазина.

Гость был в костюме, недавно вышедшем из моды, в руке держал большую плетеную корзину. Мелкий торговец. Однако вместо заискивающей улыбки на его лице было решительное, даже мрачное выражение. Он скорее напоминал водопроводчика или электрика.

Рассчитавшись с покупателем, Чилден обратился к вошедшему:

— Вы от кого?

— «Эдфрэнк. Ювелирные изделия», — пробормотал худощавый и поставил корзину на прилавок.

— Никогда не слыхал.

Делая множество лишних движений, торговец отстегнул и поднял крышку корзины.

— Ручная работа. Каждое изделие — уникально. Медь, латунь, серебро. Даже кованое железо.

Чилден заглянул в корзину, увидел блеск металла на черном бархате.

— Спасибо. Это не по моей части.

— Но ведь это американское искусство. Совре-

менное.

Отрицательно покачав головой, Чилден отошел к кассе.

Некоторое время посетитель возился со своими поделками и корзиной. Похоже, он не знал, что делать дальше. Сложив руки на груди, Чилден наблюдал за ним, думая о предстоящих делах. В два часа встреча с покупателем, просившим показать несколько чашек раннего периода. В три из университетской лаборатории вернется очередная партия товара, отправленная на экспертизу. За две недели, после того грязного инцидента с «кольтом» сорок четвертого калибра, он проверил уйму вещей.

— Это не покрытие, — сказал торговец, протягивая Чилдену браслет. — Цельная медь.

Чилден кивнул. Торговец еще немного поторчит в магазине, тасуя свои цацки, и уйдет.

Зазвонил телефон. Чилден взял трубку. Клиент справлялся об очень дорогом старинном кресле-качалке, которое Чилден взялся реставрировать, но не управился в срок. Пришлось оправдываться. Глядя сквозь витрину на проносящиеся машины, он успокаивал заказчика и уговаривал повременить. Наконец умиротворенный клиент повесил трубку.

«Нет, — сказал себе Чилден, мысленно возвращаясь к злосчастному “кольту”, — впредь никаких сомнительных сделок».

Теперь он без прежнего трепета смотрел на свой товар. Происшествия вроде этого глубоко западают в душу, подобно впечатлениям раннего детства. Открывают глаза на твое далекое прошлое.

«Такое чувство, будто под сомнением оказалась подлинность не товаров, а моего свидетельства о рождении или моих воспоминаний об отце. Или, к примеру, о ФДР.[96] Я лично могу не помнить Рузвельта, но во мне живет его собирательный образ, созданный со слов многих людей, легенда, незаметно проникшая в сознание. Словно легенда о Чиппендейле. Или Хэпплуайте.[97] Или о том, что таким-то серебряным ножом (вилкой, ложкой) пользовался Авраам Линкольн».

А у соседнего прилавка все еще возился незадачливый торговец.

— Мы можем делать бижутерию на заказ, —

---

[96] Примечания: 96

Франклин Делано Рузвельт.

[97] Примечания: 97

Томас Чиппендейл (1718–1779), Джордж Хэпплуайт (ум. 1796) — английские мастера мебельного искусства, создатели уникальных стилей, носящих их имена.

сипло произнес он. — На любой вкус. Если вашим клиентам захочется чего-нибудь этакого. — Худощавый откашлялся, глядя то на Чилдена, то на вещицу, которую держал в руках.

Чилден улыбался и молчал.

«Это не мое дело, — подумал он. — Пусть сам ломает голову, как убраться отсюда, не потеряв лица. Кой черт тебя дернул пойти в коммерсанты? Ах, как нам неудобно. Ну ничего, всем живется несладко. Взгляни хотя бы на меня. Весь день уходит на япошек вроде Тагоми. А им ничего не стоит щелкнуть тебя по носу — достаточно чуть-чуть изменить твою фамилию».

И тут у него мелькнула мысль:

«Парень-то, по всему видать, простак. Может, взять у него чего-нибудь на комиссию? Чем черт не шутит?»

— Эй, постойте! — сказал он.

Торговец быстро обернулся. Приблизившись к нему со сложенными на груди руками, Чилден произнес:

— Вы здесь добрых полчаса. Ладно, ничего обещать не буду, но взглянуть на ваш товар, пожалуй, могу. — Он указал место на прилавке.

Кивнув, посетитель торопливо открыл корзинку и стал неловко доставать лотки.

«Сейчас начнет раскладывать безделушки, — с тоской подумал Чилден. — Провозится целый час. Надеясь. Молясь. Бросая косые взгляды, чтобы узнать, удалось ли хоть чуть-чуть меня заинтересовать. Все они одинаковы».

— Когда закончите, я взгляну, если останется время.

Торговец засуетился, будто его подстегнули.

В магазин один за другим вошли несколько посетителей, и, пока Чилден здоровался и обменивался с ними любезностями, он напрочь забыл о торговце. Тот заметил это, и его движения стали осторожными. Он старался не привлекать к себе внимания. Чилден продал стакан для бритья, чуть было не сбыл коврик ручной работы и взял задаток за вязаный платок. Время шло. Наконец ушел последний посетитель, в магазине остались только Чилден и торговец.

Тот закончил раскладывать товар. На прилавке лежали два черных бархатных лотка с украшениями.

Неторопливо подойдя к прилавку, Роберт Чилден закурил сигарету «Страна улыбок». Постоял, покачиваясь на каблуках и мурлыча себе под нос. Торговец молчал.

Наконец Чилден протянул руку и коснулся

броши.

— Мне нравится, — сказал он.

— Хорошая штучка, — зачастил торговец. — Ни пятнышка, ни царапинки. Она отполирована и не тускнеет. Мы покрыли ее синтетическим лаком, он годами держится. Это самый лучший лак.

Чилден кивнул.

— Мы используем промышленную технологию, — продолжал торговец. — Насколько мне известно, до этого еще никто не додумался. Никакого литья в изложницы, только сварка, пайка и ковка. — Он помолчал и добавил: — Заколка припаяна вручную.

Чилден взял два браслета и брошь. Затем еще одну брошь. Подержал в руках и отложил в сторону.

У торговца на лице дернулся мускул. Это появилась надежда.

Внимательно рассмотрев ярлычок на ожерелье, Чилден произнес:

— Это, надо полагать…

— Цена. Но вы нам выплатите всего пятьдесят процентов. Если возьмете товара на сотню долларов, мы сделаем скидку — скажем, еще процента на два.

Чилден отложил еще несколько украшений.

Волнуясь, торговец бубнил все быстрее, часто повторяясь и неся порой явную чушь.

«Видимо, решил, что дело в шляпе», — подумал Чилден.

Сам он оставался бесстрастным и делал вид, будто и впрямь намерен кое-что приобрести.

— Отличная штуковина, — пробормотал худощавый, когда Чилден двумя пальцами взял большой кулон. — У вас превосходный вкус, сэр. Вы отобрали самое лучшее. — Он засмеялся. У него бегали глаза. Он прикидывал в уме, сколько ему сейчас заплатят.

— Имея дело с незнакомыми поставщиками и неизвестными товарами, мы соглашаемся только на комиссионную торговлю, — сказал Чилден.

Худощавый умолк и непонимающе уставился на него. Чилден улыбнулся.

— Комиссионную… — растерянно пробубнил торговец.

— Не хотите оставлять? — холодно спросил Чилден.

Запинаясь, торговец пробормотал:

— То есть я оставлю, а вы заплатите потом, когда…

— Вы получите две трети от вырученной суммы. Подумайте, это выгодно. Придется, конечно,

подождать, но… — Чилден пожал плечами. — Смотрите сами. Я мог бы, пожалуй, отвести для ваших изделий застекленный прилавок. Если товар разойдется, через месяц-другой мы сможем договориться о новой партии, а то и о непосредственной покупке.

«Он здесь больше часа со своими побрякушками, — прикинул Чилден. — И выложил все. На лотках полная неразбериха; чтобы снова разложить вещи для показа, нужен еще час».

В магазине царила тишина.

— Вот эти, отложенные… — промямлил торговец. — Вы их берете?

— Да, можете оставить. — Чилден прошел в свой кабинет и произнес оттуда: — Я выпишу квитанцию. Вы будете знать, что у меня оставили. — Выйдя из кабинета с квитанционной книжкой, Чилден добавил: — Надеюсь, вы понимаете: принимая вещи на комиссию, наш магазин не несет ответственности за их сохранность.

«Вообще-то квитанция не более чем бумажка. Если, получив непроданный товар обратно, торговец чего-нибудь недосчитается, значит, это украдено, — решил про себя Чилден. — В магазине частенько случаются кражи, особенно

всякой мелочи вроде бижутерии».

Роберт Чилден никогда не останется внакладе. Ему не придется платить торговцу вперед: для таких сомнительных сделок у него нет свободного капитала. Если что-нибудь удастся продать, он получит прибыль, если нет — вернет товар хозяину.

Чилден заполнил бланк, поставил порядковые номера, подписался и вручил торговцу копию квитанции.

— Примерно через месяц можете позвонить и справиться, как уходит товар.

Он унес отобранную бижутерию в свой кабинет, а торговец стал укладывать в корзину оставшееся.

«Никогда не знаешь заранее, как оно обернется, — подумал Чилден, — а потому стоит попробовать».

Выглянув из кабинета, он увидел, что прилавок опустел. Но торговец направился не к выходу, а к Чилдену, держа что-то в вытянутой руке.

— Да? — раздраженно спросил Чилден. Ему надо было разобрать почту.

— Хочу оставить свою визитку. — Худощавый положил перед Чилденом карточку с красным и серым тиснением. «Эдфрэнк. Ювелирные изделия

ручной работы». — Здесь наш адрес и телефон. На тот случай, если мы вам понадобимся.

Чилден с улыбкой кивнул и склонился над столом.

Через некоторое время он оторвался от работы и выглянул в зал. Торговец ушел.

Уронив монетку в щель нагревателя, Чилден дождался, когда наполнится чашка. Затем сел и, прихлебывая горячий чай, задумался.

«Вряд ли удастся что-нибудь продать. Но все-таки неплохая работа. В жизни не встречал ничего подобного. — Он внимательно рассмотрел брошь. — Здорово придумано. Сразу видно руку профессионала. Надо поменять ярлыки. Поставить цены повыше. Вписать: “Миниатюрная скульптура. Уникальное произведение искусства для ношения на теле. Ручная работа».

И другая мысль созрела в мозгу Роберта Чилдена: «С этим товаром не возникнет проблемы подлинности, из-за которой не сегодня, так завтра торговцы американским антиквариатом вылетят в трубу. Никогда не следует класть все яйца в одну корзину. Визит еврейского жулика — дурная примета. Если сейчас потихоньку запастись предметами современного искусства, без каких-либо претензий на историческую ценность, мне, быть

может, вновь удастся обскакать конкурентов. К тому же заведомо ничего не теряя…»

Он удобно откинулся на спинку стула, размышляя с чашкой в руках: «Времена меняются, надо уметь меняться вместе с ними. Всегда выходить сухим из воды. Приспосабливаться. Закон естественного отбора: держи ухо востро, смотри в оба. Не упускай момент.

Будь холодным и спокойным, иньским, как говорят на Востоке люди с умными иньскими глазами».

Внезапно — даже дух захватило — его озарила потрясающая мысль: «Ух ты! Двух зайцев — одним выстрелом!»

Он вскочил.

«Упаковать лучшие украшения. Сняв, разумеется, ярлычки. Браслет, подвеску или брошь — что-нибудь поинтереснее. Раз надо уходить из магазина к двум часам, почему бы не заехать к Касоура? Господин Касоура, Пол, будет на службе. Зато вполне возможно, что дома окажется миссис Касоура. Скромный подарок — новое оригинальное произведение американского искусства. Мои щедрые похвалы, надеюсь, дойдут до ушей знати. Вот так и рождается новая мода. “Это вам, Бетти. Правда, прелесть? А у меня в магазине целая

подборка таких вещей. Будет время, загляните". Ну и так далее. Великолепный предлог. — Он затрепетал. — В квартире только я и она. Среди бела дня. Муж на работе. Аж дух захватывает!»

Приготовив коробочку, оберточную бумагу и ленту, Роберт Чилден стал выбирать подарок для Бетти. Чтобы не ошибиться, он мысленно представил ее: смуглая, привлекательная, в элегантном шелковом платье восточного покроя, на высоких каблуках… А может, сегодня она в чем-нибудь домашнем? Он даже ахнул, вообразив Бетти в очень легкой и удобной синей пижаме из хлопка, наподобие одежды кули.

Но не слишком ли это смело? Полу может не понравиться. Пронюхает и устроит какую-нибудь пакость. Не стоит перегибать. Может, отнести подарок к нему в учреждение? И расхвалить если не перед женой, так перед ним самим? А Пол без всяких подозрений передаст подарок Бетти.

«Ага, — лукаво подумал Роберт Чилден. — А завтра-послезавтра я сам ей позвоню — спрошу, понравилось или нет…»

* * *

Увидев своего компаньона, понуро бредущего по тротуару, Фрэнк сразу понял, что радоваться

нечему.

— Тебя только за смертью посылать. Что стряслось? — спросил он, принимая из рук Маккарти корзину. — Неужели ему понадобилось полтора часа, чтобы сказать «нет»?

— Он не сказал «нет», — буркнул Маккарти, усаживаясь в кабину. Он выглядел очень усталым.

— А что сказал? — Фрэнк открыл корзину и не увидел многих изделий, причем самых лучших. — Ого, изрядно взял. Так в чем дело, Эд?

— Комиссия, — буркнул Маккарти.

— И ты согласился? — не поверил своим ушам Фрэнк. — Мы же договаривались…

— Сам не пойму, как это вышло.

— Господи боже! — выдохнул Фрэнк.

— Прости, дружище. Он сделал вид, будто собирается покупать. Отложил целую кучу. Я думал, купит…

Они долго сидели в пикапе, не говоря ни слова.

Глава 10

Две последующие недели Бэйнс провел как на иголках. Ежедневно в полдень он звонил из гостиницы в Торговую миссию и справлялся, не прибыл ли пожилой господин. И получал один и тот же ответ: «Нет». С каждым днем тон Тагоми становился все холоднее и официальнее. Взяв трубку, чтобы позвонить в шестнадцатый раз, Бэйнс подумал: «Придет день, когда мне скажут, что господин Тагоми вышел и просил его не беспокоить».

Что случилось? Где Ятабэ?

Он находил только одно объяснение: на Токио ошеломляюще подействовала смерть Мартина Бормана. Вероятно, Ятабэ отправился в Сан-Франциско, но спустя день-другой получил новые инструкции и возвратился на Родные острова.

«Невезение, — подумал Бэйнс, — и, возможно, роковое».

Но в любом случае он должен остаться в Сан-Франциско. Попытаться наладить контакт, ради которого он сюда прилетел. Сорок пять минут на борту ракеты «Люфтганзы» — и он здесь. Какие удивительные времена! Можно улететь куда

захочешь, даже на другую планету. Но зачем? Чтобы целыми днями сидеть на месте, постепенно теряя надежду? Впадая в бесконечную тоску?

«А те, другие, не сидят на месте, — горько подумал он. — Они действуют».

Мистер Бэйнс развернул дневной выпуск «Ниппон таймс» и снова прочитал:

> «ДОКТОР
> ГЕББЕЛЬС ИЗБРАН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ
> Неожиданное решение партийного комитета. Энергичное выступление по радио. Ликующие толпы в Берлине. Ожидается официальное заявление. Геринг может стать шефом полиции вместо Гейдриха».

Он перечитал статью. Затем отложил газету, взял трубку и набрал номер Торговой миссии.

— Это Бэйнс. Можно поговорить с господином Тагоми?

— Одну секунду, сэр.

Секунда затянулась надолго.

— Тагоми слушает.

Набрав полную грудь воздуха, Бэйнс произнес:

— Простите, что снова вас беспокою…

— А, это вы, мистер Бэйнс.

— Мне очень жаль, что приходится злоупотреблять вашим гостеприимством, но когда-нибудь, надеюсь, вы поймете, почему я с таким нетерпением ожидаю господина Ятабэ, с которым у меня назначена встреча…

— К сожалению, он еще не прибыл.

Бэйнс закрыл глаза.

— Я думал, со вчерашнего дня…

— Боюсь, что нет, сэр. — Тон — сама вежливость. — Прошу извинить меня, мистер Бэйнс. Неотложные дела.

— Всего хорошего, сэр.

Телефон щелкнул. Сегодня Тагоми даже не попрощался. Бэйнс медленно опустил трубку.

«Хватит ждать. Надо действовать».

Ему было категорически запрещено вступать в прямой контакт с абвером. Ни при каких обстоятельствах! Он должен только дождаться военного представителя Японии, провести с ним беседу и вернуться в Берлин. Но никто из начальства не предвидел столь несвоевременной смерти Бормана. Следовательно…

Учитывая ситуацию, придется изменить план по своему усмотрению, поскольку советоваться не с кем.

В ТША действуют по меньшей мере десять ре-

зидентов абвера, но часть из них, если не все, на крючке у Бруно Кройца фон Меерса, руководителя регионального отделения СД. Несколько лет назад Бэйнс видел Бруно на партийном собрании. В полиции о нем ходила дурная слава, и небеспричинно: в сорок третьем Бруно спас Рейхарда Гейдриха, сорвав британско-чешское покушение на Вешателя. В те дни Кройц фон Меерс быстро поднимался по ступенькам аппаратной лестницы СД. Он был не просто партийным бюрократом — он был очень опасным человеком.

Даже если абвер в Берлине и токкока в Токио примут все меры предосторожности, остается опасность, что СД пронюхает о готовящейся встрече.

Правда, здесь у власти японцы, и СД не посмеет вмешаться официально. Она сможет арестовать германского подданного — то есть Бэйнса, — едва он снова ступит на землю рейха, но вряд ли СД отважится устранить его здесь или сорвать встречу. Во всяком случае, хочется в это верить.

Неужели СД все-таки рискнула и сумела перехватить старика? Путь от Токио до Сан-Франциско долог, особенно для пожилого человека, который по состоянию здоровья не может себе позволить воздушного путешествия.

«Необходимо отправить запрос, — подумал Бэйнс. — Выяснить, находится ли Ятабэ в пути. Начальству известно, перехвачен он СД или вернулся по распоряжению Токио.

И если его взяли, значит, скоро доберутся и до меня!»

Но все же ситуация небезнадежная. Пока Бэйнс днями и ночами сидел в номере гостиницы «Абхирати», в его голове созрел план.

«Лучше передать информацию Тагоми, чем возвращаться в Берлин с пустыми руками. Все-таки это шанс — хоть и весьма слабый — довести мои сведения до нужных людей. Главный недостаток этого плана в том, что, к сожалению, Тагоми может только выслушать, запомнить и, при первой же оказии посетив Родные острова, передать кому следует. Тому же Ятабэ, если он еще при делах».

Но все же это лучше, чем ничего. Времени осталось в обрез. Надо начинать все сначала, запастись терпением на несколько месяцев и упорно, кропотливо готовить встречу заинтересованных лиц в Германии с заинтересованными лицами в Японии…

«То-то удивится Тагоми, — ехидно подумал Бэйнс, — узнав, какое бремя вдруг легло ему на

плечи. Ничего общего с пресс-формами…

Не исключен даже нервный шок. Японец может проболтаться кому-нибудь из своего окружения или сделает вид, что его это не касается. Просто откажется мне верить. Едва я начну, встанет, поклонится и уйдет. Дескать, я обращаюсь не по адресу, такие вопросы не в его компетенции.

Ему так проще. Уклониться, не рассуждая, — и никаких тебе проблем. Хотел бы я быть на его месте!

Но все-таки это не выход даже для Тагоми. Мы в одной лодке. Он может заткнуть уши, может не придавать значения моим словам. До поры до времени. Пока слова не перестанут быть просто словами. А это неизбежно произойдет. Вот что необходимо ему внушить. Или тому, с кем мне в конце концов придется иметь дело…»

Выйдя из гостиничного номера, Бэйнс спустился лифтом в вестибюль. Швейцар подозвал для него велотакси, и китаец, энергично крутя педали, повез его по Маркет-стрит.

— Вот здесь, у тротуара, — велел Бэйнс, увидев нужную вывеску.

Велотакси остановилось около пожарного гидранта. Бэйнс расплатился с рикшей и огляделся. Похоже, «хвоста» нет. Он пересек улицу и вместе

с несколькими прохожими вошел в огромный универмаг «Фуга».

Там было полно народу. Стояли бесконечные ряды прилавков, за ними — продавцы, преимущественно белые, но встречались и японцы, заведующие отделами. Шум стоял ужасающий.

Бэйнс в замешательстве потоптался на месте, но, заметив секцию мужской одежды, подошел к ряду вешалок и стал рассматривать брюки. Вскоре к нему вышел белый юноша-продавец и поздоровался.

— Вчера я присмотрел у вас темно-коричневые суконные брюки, — обратился к нему Бэйнс. Встретившись с продавцом взглядом, он добавил: — Здесь был другой продавец. Ростом повыше вас, худой, с рыжими усами. На пиджаке карточка с именем Ларри.

— Он ушел на обед, скоро вернется.

— Ну, так я зайду в примерочную, посмотрю, как они на мне сидят. — Бэйнс снял брюки с вешалки.

— Пожалуйста, сэр. — Продавец указал на свободную кабинку и направился к следующему покупателю.

Бэйнс зашел в кабинку, сел на один из двух стульев и стал ждать. Через несколько минут

постучали. Дверь кабинки отворилась, вошел маленький, средних лет японец.

— Вы иностранец, сэр? — обратился он к Бэйнсу. — И хотите оформить покупку в кредит? Прошу удостоверение личности.

Бэйнс дал ему бумажник. Усевшись на свободный стул, японец стал изучать его содержимое. Дойдя до фотографии девушки, он кивнул:

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь. Марта.

— Мою дочь тоже зовут Мартой, — сказал японец. — Она сейчас в Чикаго, учится играть на фортепьяно.

— А моя скоро выйдет замуж.

Японец вернул бумажник и выжидающе посмотрел Бэйнсу в глаза.

— Я здесь две недели, а господина Ятабэ все еще нет, — сказал Бейнс. — Я должен знать, прибудет ли он. Если нет, что мне делать?

— Приходите завтра после обеда, — сказал японец. Он встал, Бэйнс тоже поднялся. — До свидания.

— До свидания.

Бэйнс вышел из примерочной, повесил брюки на вешалку и покинул универмаг «Фуга».

«А быстро я управился, — думал он, шагая по

тротуару людной центральной улицы. — Неужели он действительно все устроит? Свяжется с Берлином, передаст мои вопросы, зашифрует, расшифрует, все как положено? Наверное. Жаль, что я раньше не вышел на этого агента. Не пришлось бы столько волноваться. Да и риск, по-видимому, невелик — все прошло гладко, за какие-то пять-шесть минут».

Бэйнс неторопливо шел по улице, заглядывая в витрины магазинов. У него словно гора с плеч свалилась. Возле одной из витрин он задержался и, усмехаясь, долго рассматривал загаженные мухами фотографии танцовщиц ночного кабаре — голых баб с грудями, как спущенные волейбольные мячи.

Мимо по своим делам шли прохожие.

Наконец-то хоть что-то сдвинулось!

* * *

Джулиана читала, привалившись боком к дверце «Студебеккера». За рулем, выставив локоть в окошко, сидел Джо. Баранку он держал одной рукой, к нижней губе прилипла сигарета. Джо неплохо водил. У Джулианы было время в этом убедиться — они отъехали от Каньон-Сити на порядочное расстояние.

По радио передавали сентиментальную фольклорную музыку. Какой-то заурядный оркестр наяривал на аккордеонах польки да шотландские танцы. Джулиана так и не научилась их различать.

— Китч, — буркнул Джо, дослушав очередную мелодию. — Знаешь, а я неплохо разбираюсь в музыке. Сказать тебе, кто действительно был великим дирижером? Артуро Тосканини. Ты, наверное, о нем и не слыхала.

— Нет, — сказала Джулиана, не отрываясь от книги.

— Он итальянец. Но после войны фашисты не дали ему дирижировать из-за политических взглядов. Он уже помер. А фон Караян, этот бессменный дирижер Нью-Йоркской филармонии, мне не нравится. Нас всем поселком сгоняли на его концерты. А знаешь, кого я люблю, как всякий макаронник? — Он покосился на нее и спросил: — Ну, как книга?

— Занятная.

— Мне нравятся Верди и Пуччини. А в Нью-Йорке нас изводили тяжелым, напыщенным Вагнером. И Орфом. А еще раз в неделю заставляли ходить в Мэдисон-сквер-гарден, там нацистская партия США устраивала дурацкие шоу с флагами,

трубами, барабанами и факелами. Еще там нараспев, как «Отче наш», читали историю готских племен и прочую образовательную ерунду — это называлось «искусством». Ты бывала в Нью-Йорке до войны?

— Да, — ответила она, пытаясь читать.

— Правда, что там был шикарный театр? Да-а, теперь все. Сценическое искусство там же, где кинопромышленность, — в лапах берлинского картеля. За тринадцать лет, что я был в Нью-Йорке, ни приличной новой музыки, ни пьес, ни…

— Слушай, не мешай, — перебила его Джулиана.

— И с книгами то же самое, — как ни в чем не бывало продолжал Джо. — Все издательства под мюнхенским концерном. В Нью-Йорке только типографии, громадные печатные станки. А говорят, до войны Нью-Йорк был центром мировой книгопромышленности.

Джулиана заткнула уши пальцами. Она уже дошла до того места, где рассказывалось о пресловутом телевидении. Эта тема ее увлекла. Особенно понравилась идея насчет недорогих маленьких аппаратов для отсталых жителей Африки и Азии.

«… Только благодаря американской технологии

и конвейерному производству, налаженному в Детройте, Чикаго и Кливленде, произошло это чудо благотворительности — непрерывный поток дешевых (не дороже китайского торгового доллара) телевизоров во все города и веси Востока. И что же смотрел тощий паренек с беспокойной душой, получая от щедрых американцев крохотный приемник на батарейках? Что смотрели остальные жители деревни, сбившиеся в кучу у экрана? Прежде всего — уроки чтения. А затем и другие полезные передачи: как вырыть колодец поглубже, вспахать глубокую борозду, очистить воду для питья, вылечить больного. А в небе, рассылая телесигнал истосковавшимся по знаниям народам, проносился американский искусственный спутник».

— Все подряд читаешь? — спросил Джо. — Или перескакиваешь?

— Как здорово! В этой книге мы дарим пищу и знания миллионам азиатов, всем без исключения!

— Благотворительность в мировом масштабе? — усмехнулся Джо.

— Да. Новый курс президента Тагуэлла: повышение уровня жизни масс. Вот, послушай: «Чем был доселе Китай? Нищей, раздираемой противо-

речиями страной, с тоской глядевшей на Запад. Его великий президент, демократ Чан Кайши, за которым народ шел в войну, объявил десятилетие Реконструкции. Но реконструировать в этой огромной равнинной стране было нечего. Надо было пробуждать ее от векового сна, раскрывать ей глаза на современный мир с его реактивными самолетами, атомной энергией, автомагистралями, фабриками и медициной. Но откуда же донесется гром, который разбудит великана? На этот вопрос Чан мог ответить еще в ту пору, когда сражался с японцами. Из Соединенных Штатов. К началу пятидесятых во всех провинциях Китая можно было встретить американских инженеров, учителей, врачей, агрономов…»

— Знаешь, что он сделал? — перебил Джо. — Взял все лучшее у нацизма, у национал-социалистической партии, у Организации Тодта, добавил экономические успехи Шпеера — вот тебе и Новый курс. А всю дрянь — эсэсовцев, расовый геноцид и сегрегацию — выкинул. Утопия? Утопия. Думаешь, если бы союзнички победили, вам и впрямь удалось бы с этим Новым курсом оживить экономику и осуществить социальные реформы во всем мире? Черта с два! Вдуматься, так этот Эбендсен проповедует государственный

синдикализм, корпоративное государство вроде того, что мы создали при дуче. Дескать, победи мы, во всем мире осталось бы только хорошее, никакого…

— Может, хватит? — вспылила Джулиана. — Не даешь сосредоточиться.

Он пожал плечами и умолк. Она стала читать дальше — теперь уже про себя.

«…Чтобы наполнить товарами бескрайний китайский рынок, детройтским и чикагским заводам приходилось работать денно и нощно. Но огромное чрево было ненасытно. Столетиями миллионы китайцев не имели ни грузовиков, ни кирпича, ни стали, ни одежды, ни пишущих машинок, ни консервированного горошка, ни часов, ни радиоприемников, ни капель от насморка. В шестидесятом году уровень жизни американского рабочего стал самым высоким в мире, а все благодаря репутации, которую Америка заслужила в торговле с Востоком. Войска Соединенных Штатов покинули Японию, а до оккупации Китая дело не дошло; и все же факт оставался фактом: в Кантоне, Токио и Шанхае покупали американские, а не британские товары. И каждая новая сделка увеличивала доход балтиморского, лос-анджелесского или атлантского рабочего. Тем,

кто все это планировал, — политикам из Белого дома, казалось, что они почти добились своей цели. Делаются первые робкие шаги в космонавтике, скоро в космическую высь полетят исследовательские корабли, оставляя планету, почти исцеленную от вековых язв: голода, болезней, войн, невежества. Не желая отставать от Америки, Британская империя осуществляет социальные и экономические преобразования в Индии, Бирме, Африке и на Ближнем Востоке. Рурские, манчестерские и саарские фабрики, бакинская нефтедобыча срастутся в единую сложную, но эффективную сеть; народам Европы предстоит…»

— Думаю, не мы бы управляли, а они, — сказала Джулиана. — У них это всегда лучше получалось. Я о британцах.

Вопреки ее ожиданиям Джо не ответил. Джулиана снова уткнулась в книгу.

«…Реализация наполеоновских планов: выравнивание культурных уровней и примирение соперничающих этносов, которые со времен падения Рима раздирали на части Европу. Сбывается мечта Карла Великого о едином союзе христианских стран, живущих в согласии не только с собой, но и со всем миром. И все же… Остается

лишь одна незаживающая язва. Сингапур.

Среди жителей Малайских Штатов немало китайцев. В основном это средний класс, предприниматели. И вот эти практичные буржуа видят, что американская администрация Китая обращается с так называемыми туземцами справедливее, чем англичане. Под властью англичан для цветных недоступны ни общественные клубы, ни гостиницы, ни хорошие рестораны; как и в былые времена, для них отводятся специальные места в поездах, автобусах и — что всего хуже — в каждом городе ограничивается выбор места жительства. Из разговоров и газет "туземцы" узнают, что в Соединенных Штатах проблема цветных решена еще в конце сороковых. Везде, даже на Юге, белые и негры живут, трудятся и едят плечом к плечу. Вторая мировая война покончила с дискриминацией…»

— И тут начинаются неприятности? — спросила Джулиана.

Джо что-то проворчал, не отрывая глаз от дороги.

— Расскажи, что там дальше, — попросила она. — Похоже, я не дочитаю — скоро Денвер. Наверное, Америка сцепилась с Британией, а победившая страна получила весь мир?

— Кое в чем это неплохая книга, — ни с того ни с сего сказал Джо. — Эбендсен продумал все до мелочей: Соединенным Штатам достается Тихий океан, ни дать ни взять наша «Тихоокеанская сфера сопроцветания». Россию они делят между собой. Этого хватает на десять лет, а потом, естественно, заваривается каша…

— Почему — естественно?

— Такова человеческая натура, — пояснил Джо. — Натура государств. Подозрительность, алчность, страх. Черчиллю кажется, будто янки, взывая к проамерикански настроенному, благодаря Чан Кайши, большинству китайского народа, подрывают британскую власть в Южной Азии. Появляются так называемые территории для интернированных. — Он ухмыльнулся, глянув на Джулиану. — Другими словами, концлагеря для тысяч неблагонадежных китайцев. Их обвиняют в саботаже и враждебной пропаганде. Черчилль…

— А Черчилль все еще у власти? Ведь ему уже под девяносто!

— Вот тут-то американцы и дали маху, — вновь ухмыльнулся Джо. — Британцы поступили умнее. Через каждые восемь лет лидеру Соединенных Штатов, будь он хоть семи пядей во лбу, дают

пинка. А вот Черчилль остается в своем кресле. Прогнав Тагуэлла, американцы второго такого умника не находят. У руля становятся всякие бездари. А Черчилль чем старее, тем автократичнее, и правит все жестче. К началу шестидесятых он точь-в-точь древний восточный деспот — слова поперек не скажи! Двадцать лет премьером как-никак.

— О боже! — воскликнула Джулиана и заглянула в конец книги — убедиться, что Джо не соврал.

— Тут я согласен, — продолжал Джо. — В войну Черчилль здорово правил Англией. Британцы много бы потеряли, вынудив его уйти в отставку. Запомни мои слова: государство не может быть лучше, чем его правитель. Führerprinzip — принцип лидерства, как говорят фашисты. И они правы. С этим даже Эбендсен согласен. Ясное дело, после войны Америка легко расширяет сферу экономического влияния — еще бы, она отхватила у япошек такой громадный рынок в Азии! — но этого недостаточно. У Штатов нет духовной основы, нет ее и у британцев. И то и другое общество — плутократические, наверху стоят богачи. Побеждая, плутократы думают только о том, как делать деньги. Эбендсен ошибается: не

нужны им никакие социальные реформы, никакие благотворительные программы. Напротив, англосаксонская олигархия в жизни бы ничего такого не допустила.

«Говорит, как убежденный фашист», — неприязненно подумала Джулиана.

Видимо, Джо прочел эту мысль на ее лице — он вдруг притормозил, полуобернулся и, поглядывая одним глазом на Джулиану, а другим на дорогу, сказал:

— Послушай, я не интеллектуал — фашистам такие ни к чему. Для них важно дело. Теория вытекает из практики. В плане мозгов наше корпоративное государство требует от нас только одного — понимания движущих сил истории. Ясно? Так вот: я их понимаю. — Он говорил серьезным, чуть ли не умоляющим тоном. — У всех этих прогнивших денежных империй — Британии, Франции, США, хотя последняя не совсем империя, а так, недоношенный ублюдок, свихнувшийся на деньгах, — не было души, а значит, и будущего. Никаких перспектив для роста. Я не спорю: нацисты — это уличная шпана. Правильно? Ты согласна? — Он говорил так быстро, с таким количеством итальянских жестов, что Джулиана не удержалась от улыбки. — По

Эбендсену, это вопрос вопросов, кто выиграет последнюю битву — США или Англия. Да что за чепуха?! У обоих нет заслуг, нет истории. Что пнем о сову, что совой о пень… Ты читала когда-нибудь статьи дуче? Красивый мужчина. Красиво пишет. Раскрывает подоплеку практически любого события. Старое против нового — вот настоящая причина войны. Деньги — вот почему фашисты ошибочно втянули в это дело еврейский вопрос — против духа масс, который немцы называют Gemeinschaft, общество. К этому пришли и Советы. Коммуния. Согласна? Большевики украли у Петра Первого великодержавные идеи и шли на социальные реформы для достижения имперских амбиций.

«Точь-в-точь Муссолини», — подумала Джулиана.

— Нацистская резня — это, конечно, трагедия, — задумчиво продолжал Джо, обгоняя грузовик. — Но ведь проигравший платит, так было всегда. Возьмем любую из прежних революций, французскую, например, или Кромвеля, с войнами против ирландцев. В немецком характере слишком много философии, слишком много театра. Взять хотя бы эти бесконечные митинги и шествия. А настоящего фашиста никогда не

поймаешь на болтовне. Он говорит только по делу. Как я?

— Боже, да ты как помелом метешь! — рассмеялась Джулиана.

— Я тебе объясняю фашистскую теорию действия! — закричал Джо.

Она промолчала, давясь смехом. Но сидевшему рядом человеку ее слова не казались смешными. Джо побагровел, глаза горели, на лбу вздулись вены; его даже трясло. Он снова вспахивал пальцами шевелюру и зло смотрел на Джулиану.

— Не дуйся, — сказала она.

Ей показалось, что Джо ударит ее. Он и руку было поднял, но спохватился и, выругавшись, увеличил громкость радио. Они ехали дальше. Из репродуктора сквозь помехи прорывалась фольклорная музыка. Джулиана снова уткнулась в книгу.

— Ты права, — буркнул Джо, когда прошло довольно много времени.

— Насчет чего?

— Насчет завалящей империи. С вождем-шутом. Неудивительно, что от войны нам не было проку.

Джулиана похлопала его по руке.

— Тьма кругом, правда, Джулиана? Ничто не

истинно, ни в чем нельзя быть уверенным. Правильно я говорю?

— Может быть, — рассеянно ответила она, пытаясь читать.

— Побеждает Британия, — сказал Джо, ткнув пальцем в книгу. — Я тебе расскажу, не беспокойся. США сокращаются, Англия вовсю хапает, тащит, расширяется — удерживает инициативу. Можешь дальше не читать.

— Надеюсь, в Денвере нам удастся развлечься, — закрыв книгу, произнесла Джулиана. — Тебе нужно отдохнуть.

«Если не отдохнешь, то лопнешь и разлетишься на миллион кусков, как изношенная пружина, — подумала Джулиана. — А что тогда будет со мной? Как я вернусь назад? А может… взять и бросить тебя? Мне очень хочется развлечься, как ты обещал. Но я не желаю, чтобы меня надули. Со мной это часто случалось, слишком часто».

— Отдохнем, не волнуйся. — Джо долго испытующе смотрел ей в глаза. — Слушай, я вижу, тебе запала в душу эта «Саранча». Как думаешь, авторам бестселлеров, таким как Эбендсен… читатели шлют письма? Бьюсь об заклад — его завалили письмами, а может, к нему даже приезжают потолковать.

Она поняла.

— Джо, это всего-навсего лишняя сотня миль!

У него заблестели глаза. Он лучезарно улыбался. Раздражения как не бывало.

— За чем же дело стало! — воскликнула Джулиана. — Ты отличный водитель, мигом домчим.

— Вообще-то не думаю, чтобы знаменитости пускали к себе кого ни попадя, — задумчиво произнес Джо. — Особенно когда поклонников слишком много.

— А почему бы не попытаться? — Она схватила его за плечо и настойчиво добавила: — В худшем случае он нас выгонит. Ну пожалуйста, Джо!

— Хорошо. Но сначала купим все, что нужно, и оденемся с иголочки, — рассудительно ответил Джо. — Внешний вид — это очень важно, по одежке встречают… А еще, может быть, возьмем в Шайенне напрокат новую машину?

— Да, — кивнула Джулиана. — А еще ты подстрижешься. И я выберу тебе одежду, ладно? Я привыкла одевать Фрэнка — мужчины в этом деле ничего не понимают.

— Да, у тебя хороший вкус, — произнес Джо, бросая взгляды на дорогу. — Да и в остальном… Пожалуй, будет лучше, если ты сначала ему позвонишь. Познакомишься.

— Себе я тоже сделаю прическу, — мечтательно протянула Джулиана.

— Конечно.

— Я даже не побоюсь подняться к нему и нажать на звонок, — похвасталась она. — Только раз живем. Наш брат не из пугливых. Эбендсен — такой же человек, как и все мы. Может, он даже обрадуется, узнав, что кому-то не лень было ехать к нему в такую даль, чтобы поделиться восторгом по поводу книги. Скажем: «Мы приехали за автографом, будьте любезны, распишитесь на форзаце…» Правда, эта книга для автографа не годится, очень уж затрепана, надо купить новую.

— Купим все, что пожелаешь, — пообещал Джо. — Мелочи сама продумай — какие слова говорить и что делать. Ты сможешь, я знаю. Красивая девчонка кого хочешь окрутит. Да он настежь распахнет дверь, как только увидит, какая ты красотуля! Только вот что: давай без дураков.

— Ты о чем?

— Скажешь, что мы женаты. Не хочу, чтобы ты с ним то да се… ну, сама понимаешь. Слишком большая плата за гостеприимство. Гляди у меня, Джулиана.

— Ты сможешь поспорить с ним насчет преда-

тельства Италии, — сказала она. — Как со мной спорил, помнишь?

— Обязательно. Мы все обсудим. — Джо кивнул и надавил на акселератор.

* * *

На следующее утро господин Нобусукэ Тагоми встал с постели в семь часов по времени ТША и направился было в ванную, но передумал и раскрыл «И-цзин». Скрестив ноги на полу, Тагоми стал перебрасывать из ладони в ладонь сорок девять стеблей тысячелистника. Он торопился — ему казалось, будто от ответа оракула зависит очень многое.

Наконец перед ним выстроились все шесть черт. Гексаграмма 51! «Молния»!

«Возбуждение. Свершение. Молния приходит, и воскликнешь: ого! А пройдет, и засмеешься: ха-ха! Молния пугает за сотни верст. Но она не опрокинет и ложки жертвенного вина».

Что это значит? Он нервно оглядел гостиную. Что-то произойдет? Что? Он вскочил и, тяжело дыша, застыл, выжидая. Ничего. Автоматическая реакция на шок дыхательного и всех соматических процессов, в том числе контролируемых подкоркой: усиленное сердцебиение, выброс

адреналина и других гормонов, расширение зрачков, паралич горла, расслабление кишечника и так далее… Тяжесть в желудке, угнетение полового инстинкта…

Но при этом глазам нечего видеть, телу нечего делать.

Бежать? Да, все готово для панического бегства.

«Но куда бежать и по какой причине?» — спросил у себя господин Тагоми.

Дилемма современного человека: тело мобилизовано, но опасность неясна.

Он прошел в ванную и взялся за бритвенный прибор.

Зазвонил телефон.

— Молния! — произнес Тагоми и положил бритву на умывальник. — Будь готов.

Быстро вернувшись в гостиную, он взял трубку:

— Тагоми.

Получилось пискляво. Он откашлялся.

Молчание. Затем раздался слабый, сухой, шелестящий голос — словно опадающая листва:

— Сэр, к вам обращается Синхиро Ятабэ. Я прибыл в Сан-Франциско.

— Приветствую вас от имени Торговой мис-

сии, — сказал Тагоми. — Не передать словами, как я рад. Надеюсь, вы в добром здравии? Не устали?

— Да, Тагоми-сан. Когда мы сможем встретиться?

— Я буду готов через полчаса. — Тагоми напряг глаза, пытаясь определить, сколько времени, — часы висели далеко, на стене спальни. — Есть и третья сторона: мистер Бэйнс. Я должен связаться с ним. Возможно, он задержится, но…

— Вы не против, если мы встретимся через два часа? — спросил Ятабэ.

— К вашим услугам. — Тагоми, сам того не замечая, поклонился.

— В здании «Ниппон таймс», у вас в офисе.

Тагоми поклонился вновь.

Щелчок. Ятабэ положил трубку.

«Как обрадуется Бэйнс, — подумал Тагоми. — Будет на седьмом небе, точно кот, получивший жирный хвост лосося».

Он нажал на рычаг и быстро набрал номер отеля «Абхирати».

— Конец вашим мучениям, — произнес Тагоми, услышав в трубке сонный голос Бэйнса.

Сон с того как рукой сняло.

— Он здесь?!

— У меня в офисе, — сказал Тагоми. — В десять

двадцать. До свидания.

Он положил трубку и бросился в ванную — добриваться. Завтракать некогда, надо распорядиться, чтобы Рэмси раздобыл чего-нибудь поесть к тому времени, как закончится совещание. Наверное, все трое успеют проголодаться. Бреясь, он мысленно составлял меню вкусного завтрака.

* * *

Бэйнс в пижаме стоял у телефона, тер лоб и думал: «Зря я не вытерпел и связался с тем агентом. Еще бы денек подождать… Может, это и пустяки, а ну как нет? Если не приду в универмаг, это может вызвать цепную реакцию. Решат, что я убит или похищен. Попытаются меня найти. Впрочем, это не столь важно. Главное — Ятабэ здесь. Конец ожиданиям».

Бэйнс быстро прошел в ванную и достал бритвенный прибор.

«В том, что Тагоми его сразу узнает, можно не сомневаться. Пожалуй, псевдоним “господин Ятабэ” будет ни к чему. В сущности, нам обоим не нужны сейчас ни вымышленные имена, ни легенды».

Побрившись, Бэйнс встал под душ и под шум

воды запел во все горло:

Wer reitet so spät
Durch Nacht und den Wind?
Es ist der Vater
Mit seinem Kind.[98]

СД уже ничего не сумеет предпринять. Даже если что-нибудь пронюхает. Не надо больше шарахаться от каждой тени, трястись за свою шкуру.

Что касается остального… Все только начинается.

---

[98] Примечания: 98

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

(И. Гёте, «Лесной царь», перевод В. Жуковского.)

Глава 11

Для рейхсконсула в Сан-Франциско барона Гуго Рейса этот день начался с нежеланной и неприятной встречи. Войдя в приемную консульства, он увидел посетителя — рябого здоровяка с тяжелой челюстью и черными кустистыми бровями, хмуро сдвинутыми к переносице. При появлении Рейса он встал и, задрав руку в партийном салюте, буркнул:

— Хайль!

— Хайль! — Рейс внутренне застонал, но сумел растянуть губы в официально-вежливую улыбку. — Герр Кройц фон Меерс. Я удивлен. Зайдете? — Он отпер дверь кабинета, раздраженно подумав, где же шляется вице-консул и какой мерзавец впустил в приемную шефа СД. Впрочем, раз он здесь, ничего не поделаешь.

Не вынимая рук из карманов темного суконного пальто, Кройц фон Меерс прошел вслед за ним в кабинет.

— Вот что, барон, мы засекли того парня из абвера, Рудольфа Вегенера, на старой абверовской явке. — Кройц фон Меерс хохотнул, блеснув огромными золотыми зубами. — Ну и понятное

дело, проводили до гостиницы.

— Прекрасно, — сказал Рейс, заметив, что почта лежит на столе. Значит, Пфердхоф где-то поблизости. Видимо, он запер кабинет, чтобы удержать шефа СД от искушения провести маленький неофициальный шмон.

— Все это очень серьезно, — сказал Кройц фон Меерс. — Я уже доложил Кальтенбруннеру. Дело государственной важности. В любую минуту может поступить приказ из Берлина. Если только наши доморощенные Unratfressers[99] не спутают все карты. — Он уселся за стол консула, вытащил из кармана пальто пачку сложенных листков и, сосредоточенно шевеля губами, развернул один из них. — Липовая фамилия — Бэйнс. По легенде — швед, не то промышленник, не то коммерсант. В общем, что-то связанное с производством. Сегодня утром, в восемь десять, ему позвонили и назначили встречу на десять двадцать в конторе у одного япошки. Мы пытаемся выяснить, откуда был звонок. Надеюсь, через полчаса выясним. Я велел звонить сюда, если что.

— Понятно.

— Так что теперь мы можем этого молодца

---

[99] Примечания: 99
Дерьмоеды *(нем.)*.

взять, — продолжал Кройц фон Меерс. — Если возьмем, то, естественно, первым же рейсом «Люфтганзы» отправим в рейх. Однако японцам и Сакраменто это не понравится, они будут протестовать. И даже могут надавить, причем очень сильно. И пригнать в аэропорт целый грузовик мордоворотов из токкоки.

— А нельзя ли сделать так, чтобы они ни о чем не узнали?

— Слишком поздно, Бэйнс уже едет на встречу. Придется брать его там. Заскочим, скрутим, выскочим.

— Не нравится это мне, — проворчал Рейс. — А ну как он встречается с очень высокими японскими чинами? По слухам, прямо сейчас в Сан-Франциско может находиться личный представитель императора…

— Плевать, — перебил его Кройц фон Меерс. — Бэйнс — германский подданный. На него распространяются законы рейха.

«И мы отлично знаем, что эти законы собой представляют», — подумал Гуго Рейс.

— У меня наготове группа спецов, — продолжал Кройц фон Меерс. — Пятерка надежных ребят. — Он хихикнул. — На скрипачей похожи. Красивые аскетичные лица, одухотворенные такие. Как

у семинаристов. Тихонечко войдут. Япошки их примут за струнный квартет…

— Квинтет, — поправил Рейс.

— Ну да. Одеты они прилично. — Кройц фон Меерс окинул взглядом консула. — Примерно как ты.

— Спасибо, — сухо произнес Рейс.

— Никого их внешность не встревожит. У всех на виду поднимутся к этому Вегенеру, окружат, как будто поговорить с ним хотят, что-то важное передать, — разглагольствовал фон Меерс, не смущаясь от того, что консул уже начал разбирать почту. — Никакого насилия. «Герр Вегенер, соблаговолите пройти с нами. Ну, вы же понимаете». И укольчик в спину, между позвонками. Чпок. И парализованы верхние ганглии.

Рейс кивнул.

— Ты слушаешь?

— Ganz bestimmt.[100]

— И после этого сразу наружу. В машину. Ко мне в контору. Желтопузые могут хоть на стенку кидаться от злости, но с нами будут вежливы до конца. — Кройц фон Меерс привстал и спародировал японский поклон. — «Обманывать нас

---

[100] Примечания: 100
Определенно *(нем.)*.

— вульгарный тон, герр Кройц фон Меерс. Но тем не менее счастливого пути, герр Вегенер…»

— Бэйнс, — сказал Рейс. — Разве у него не липовая фамилия?

— Бэйнс. «Как жаль, что вы уже улетаете. Может, в следующий раз нам удастся побеседовать без помех».

На столе зазвонил телефон, и фон Меерс перестал кривляться.

— Это меня.

Он протянул руку, но хозяин кабинета опередил его, проворно шагнув вперед.

— Рейс.

В трубке прозвучал незнакомый голос:

— Консул, это Новая Шотландия, Ausland Fernsprechamt.[101] Межконтинентальный звонок, из Берлина, срочно.

— Слушаю.

— Секунду, консул.

Шорох, потрескивание, затем другой голос, женский:

— Говорит Канцелярия.

— Это Ausland Fernsprechamt, Новая Шотландия. На линии рейхсконсул Гуго Рейс, Сан-Франциско.

---

[101] Примечания: 101
Станция международной телефонной связи *(нем.).*

Соединяйте.

— Ждите.

Долгую паузу Рейс скоротал за чтением почты, под скучающим взглядом фон Меерса. Наконец трубка заговорила:

— Герр консул, прошу извинить, что отнимаю ваше время.

У Рейса прекратился ток крови по венам. Такой ровный мужской голос, с вежливыми, но твердыми интонациями. Барон знал, кому принадлежит этот баритон. Доктору Геббельсу.

— Слушаю вас, мой канцлер.

Сидевший напротив Кройц фон Меерс медленно растянул губы в улыбке. Тяжелая челюсть, праздно висевшая до этого момента, вернулась на место.

— Обращаюсь к вам по срочной просьбе генерала Гейдриха. В Сан-Франциско сейчас находится агент абвера Рудольф Вегенер. Необходимо ваше сотрудничество с полицией во всем, что касается этого лица. Излагать подробности нет времени. Предоставьте ваш аппарат в распоряжение СД, это все, что от вас требуется. Ich danke Ihnen sehr dabei.[102]

---

[102] Примечания: 102

Премного благодарен *(нем.)*.

— Я все понял, герр канцлер, — ответил Рейс.

— Всего хорошего, герр консул. — Рейхсканцлер отключился.

— Ну что, я был прав? — спросил фон Меерс, глядя, как Рейс кладет трубку.

Консул пожал плечами:

— Разве я спорю?

— Тогда выпиши для нас разрешение на принудительный вывоз Вегенера в Германию.

Рейс взял ручку, заполнил бланк и, подписав, вручил шефу СД.

— Спасибо, — буркнул Кройц фон Меерс. — И еще: когда япошки позвонят и заноют…

— Если позвонят.

Кройц фон Меерс бросил на него хмурый взгляд:

— Позвонят. Больше того, сами к тебе наведаются, не пройдет и четверти часа после захвата. — Он больше не острил, в голосе его не было и тени юмора.

— Ни о каком струнном квинтете я и слыхом не слыхивал, — заверил Рейс.

Казалось, Кройц фон Меерс пропустил его слова мимо ушей.

— Мы его возьмем очень скоро, так что будь наготове. Скажешь япошкам, что он гомик или

фальшивомонетчик. Что-нибудь в этом роде. Скрывается от наказания за тяжкое преступление. Не вздумай ляпнуть, что он политический. Знаешь ведь, тут не признают девяноста процентов национал-социалистических законов.

— Знаю. И что делать, знаю. — Рейс почувствовал раздражение.

«Опять через мою голову! — со злостью подумал он. — Опять напрямую связался с Канцелярией, мерзавец! — У него затряслись руки. Не от звонка ли Геббельса? — Что это? Боязнь начальства или негодование? Черт бы побрал эту полицию! С каждым днем у нее все больше власти. Вот уже сам доктор Геббельс под ее дудку пляшет. СД — вот настоящее правительство рейха! Но что я могу поделать? Да и кто я такой? Лучше не ерепениться. Может, по возвращении в Берлин удастся скомпрометировать эту скотину, благо врагов у него хватает, а сейчас не время собачиться с СД».

— Вас нельзя обвинить в недооценке важности дела, герр полицайфюрер. По-видимому, от того, насколько быстро удастся обезвредить этого шпиона или предателя, зависит безопасность Германии. — Ему стало не по себе от собственных слов. Зато Кройцу фон Меерсу они явно пришлись по вкусу.

— Ну, спасибо, консул.

— Возможно, вы спасаете нас всех.

— Погоди, мы еще его не сцапали, — проворчал шеф СД. — Я жду звонка.

— Японцев я беру на себя, — пообещал Рейс. — Вы же знаете, по этой части у меня большой опыт. Их жалобы…

— Ну-ка, помолчи, — перебил его Кройц фон Меерс. — Мне надо подумать.

«Видимо, и тебя взволновал звонок из Берлина. И на тебя лег груз ответственности. А что, если парню удастся уйти? Тебя выгонят? — размышлял Гуго Рейс. — Что поделаешь, такая у нас работа. В любую минуту можем оказаться на улице. Никакой уверенности в завтрашнем дне.

Вообще-то было бы не лишним разок-другой подставить вам ножку, герр полицайфюрер, но так, чтоб никто не докопался. Например, когда японцы придут жаловаться, можно намекнуть, что парня силком увозят на ракете “Люфтганзы”. Или все отрицать, но с такой презрительной ухмылочкой — мол, чего вы ко мне привязались, желтопузые, кто в рейхе всерьез станет рассматривать ваши кляузы? Ведь япошки такие обидчивые. Стоит их разозлить, могут обратиться к самому Геббельсу. Все в моих руках. Без моей

помощи полиции не вывезти парня из TULA. Надо только поточнее нанести удар… Терпеть не могу, когда лезут через мою голову. Так нервничаю, что ночью не заснуть, а не выспавшись — какая работа? Значит, надо позаботиться, чтобы начальство избавило меня от этой неприятности. Если баварского чурбана отзовут домой и усадят писать объяснительные в полицейском участке какого-нибудь захолустного гау,[103] я буду чувствовать себя куда лучше. Но сейчас — не время. Пока я придумываю, как…»

Зазвонил телефон. Трубку взял Кройц фон Меерс. Рейс не осмелился его остановить.

— Алло? — спросил шеф СД.

«Как? Уже?» — подумал Рейс.

Но Кройц фон Меерс протянул ему трубку:

— Тебя.

Стараясь не выдать облегчения, Рейс поднес трубку к уху.

— Какой-то школьный учитель, — пояснил Кройц фон Меерс. — Спрашивает, не найдется ли у тебя австрийских театральных афиш для его класса.

Около одиннадцати утра Роберт Чилден за-

[103] Примечания: 103

Гау (рейхсгау) — партийный округ, единица партийного управления территорий во времена Гитлера.

крыл магазин и пешком направился в офис Пола Касоура.

Ему повезло — Пол не был занят. Он вежливо поздоровался с Чилденом и предложил чаю.

— Я отвлеку вас совсем ненадолго, — сказал Чилден, когда они уселись за столик.

Кабинет Пола, хотя и небольшой, был обставлен просто, современно и со вкусом. На стене висела превосходная репродукция картины Моккэя[104] «Тигр» — шедевра конца тринадцатого века.

— Роберт, я всегда рад вас видеть.

В голосе Пола, как показалось Чилдену, сквозило равнодушие.

«А может, я слишком мнителен? — Чилден осторожно глянул поверх чашки японцу в лицо. — Он выглядит вполне дружелюбно».

И все же… что-то в его отношении к Чилдену изменилось.

— Очевидно, ваша супруга разочарована моим безвкусным подарком. Наверное, мне следовало бы расстроиться, но, даря кому-нибудь необычную, ранее не встречавшуюся вещь, нельзя, как я уже говорил, не понимать, что идешь на риск.

---

[104] Примечания: 104

Так в Японии звали знаменитого Му-Ци, китайского художника, принадлежавшего к анималистической школе живописи «Цветы и птицы».

Вам с Бетти куда легче судить, чем мне.

— Бетти не разочарована. Роберт, я не показывал ей ваш подарок. — Пол вынул из ящика белую коробочку. — Он не покидал стен моего кабинета.

«Все понял, — решил Чилден. — Ни слова ей не сказал. Сообразительный. Остается надеяться, что он не кинется на меня с кулаками. И не обвинит в попытке соблазнить его жену. Он ведь запросто может меня в пыль стереть».

Чилдену удалось скрыть испуг. Не меняясь в лице, он прихлебывал чай.

— Вот как? — сказал он. — Интересно.

Достав из коробочки брошь, Пол долго рассматривал ее, вертя и поднимая к свету.

— Я осмелился показать вашу вещь кое-кому из знакомых. Эти люди разделяют мои вкусы во всем, что касается американской старины и вообще предметов, имеющих художественную ценность. — Он поглядел Чилдену в глаза. — Разумеется, прежде никто из них не встречал ничего подобного. Впрочем, вы уже объяснили, что такие броши до недавнего времени не изготавливались. Помнится, вы сказали, будто никто, кроме вас, не располагает подобными украшениями.

— Совершенно верно, — подтвердил Чилден.

— Хотите узнать реакцию моих знакомых?

Чилден кивнул.

— Они посмеялись.

Чилден промолчал.

— В тот день, когда вы принесли эту вещь, я и сам в душе смеялся, — сказал Пол. — Только виду не подавал, чтобы не задеть ваше самолюбие. Несомненно, вы помните, что я казался довольно равнодушным?

Чилден кивнул. Рассматривая брошь, Пол продолжал:

— Подобную реакцию объяснить нетрудно. Вот перед нами кусочек металла, он был расплавлен до полной потери формы. Он ничего собой не представляет. В нем нет замысла, нет идеи. Всего лишь аморфный предмет. Или, можно сказать, содержание, не обладающее формой.

Чилден снова кивнул.

— И все же я в течение нескольких дней изучал это изделие, — продолжал Касоура. — И должен заметить, испытывал, без всякого логического объяснения тому, определенную эмоциональную тягу. Возникает вопрос: почему? Ведь я даже не пытаюсь, как в немецких психологических тестах, спроецировать на этот предмет свою

психику.[105] Я не различаю в ней ни форм, ни символов. И тем не менее брошка каким-то образом связана с Дао. Видите? — Молодой японец поднес вещицу к глазам Чилдена. — Она уравновешена. Содержащиеся в ней силы стабилизированы. Пребывают в состоянии покоя. Эта вещь, так сказать, находится в мире со вселенной. Она была отделена от вселенной — и благодаря этому смогла достичь гомеостаза.

Чилден кивал, разглядывая украшение. Но Пол, увлекшись, не следил за выражением его лица.

— Ваби она в себе не содержит и содержать не может. Но! — Он дотронулся до броши ногтем. — Роберт, этот предмет обладает у.

— Должно быть, вы правы. — Чилден попытался вспомнить, что такое у. Не японское слово. Скорее всего, китайское.

Мудрость, решил он. Или понимание.[106] В общем, нечто очень хорошее.

— Руки художника обладали у и позволили

---

[105] Примечания: 105

Подразумеваются так называемые проективные тесты для выявления скрытых сторон характера личности. Один из наиболее известных проективных тестов — методика чернильных пятен немецкого психолога Германа Роршаха.

[106] Примечания: 106

Здесь бы лучше подошло слово «просветление», как один из аспектов «деяния недеянием» (у вэй) — базового принципа даосизма.

у влиться в эту вещь. Быть может, только он один и знает, что олицетворяет брошь. Роберт, она целостна. Созерцая ее, мы тоже получаем у. Испытываем блаженный покой, но не такой, как при любовании произведением искусства, а скорее как при взгляде на реликвию. Помнится, будучи в Хиросиме, я посетил усыпальницу средневекового святого и видел его большеберцовую кость. Но то — реликвия, а это — творение рук человеческих. И это живо сейчас, тогда как то всего лишь хранится. Медитация, продлившаяся между прошлой нашей встречей и этой, позволила мне определить ценность предмета — но ценность вовсе не историческую. Как видите, я глубоко тронут.

— Вижу, — подтвердил Чилден.

— Не иметь историчности, а значит, художественной, эстетической ценности и тем не менее являть собой некое эфемерное сокровище — это чудо. Именно облик жалкой, никчемной безделушки и говорит о том, что она обладает у. Ведь мы обычно находим у в самых незаметных местах, в самых непритязательных вещах, — как гласит христианская священная книга, в камнях,

от которых отказались строители.[107] Кто-то угадывает присутствие у в старой трости или ржавой пивной банке с обочины. Правда, в таких случаях у заключено в самом видящем, оно имеет религиозную природу. А здесь художник вложил в предмет у, а не просто созерцал у, изначально свойственное предмету. — Пол поднял глаза. — Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да, — ответил Чилден.

— Иными словами, эта вещь открывает перед нами целый мир. Имя ему не искусство — ибо он не обладает формой — и не религия. Так что же это? Я непрестанно размышлял и не мог найти ответа. Вероятно, у нас отсутствует слово для точного определения подобных предметов. А значит, Роберт, вы правы: воистину это новая вещь на лике планеты.

«Воистину, — подумал Чилден. — Да, в самую точку. Идея принимается. Что же до остального…»

— Поразмыслив над тем, какую из этого можно извлечь пользу, я обратился к знакомым, уже упомянутым бизнесменам. Поделился своими мыслями, как и с вами сейчас, не заботясь об эти-

---

[107] Примечания: 107

«Камень, который отвергли строители, соделался главою угла». (Псалтирь, 117:22). *(Прим. ред.)*

кете. Тема мне показалась достаточно важной, чтобы пренебречь приличиями; самое главное — это довести до собеседников свою точку зрения. И я добился, чтобы меня выслушали.

«А ведь для японца, такого как Пол, навязывать кому-либо свои идеи — дело почти немыслимое», — подумал Чилден.

— Но результаты оказались оптимистическими, — продолжал Пол. — Собеседникам удалось, хоть и не без труда, понять то, что я старался подчеркнуть, и они приняли мою точку зрения. Мои усилия не пропали даром. Больше, Роберт, от меня ничего не зависит. Я иссяк и имею право отдохнуть. — Он опустил брошь в футляр. — И снимаю с себя ответственность за дальнейшее. — Пол двинул коробочку в сторону Чилдена.

— Сэр, она ваша, — растерянно проговорил Чилден, вовсе не предвидевший такой ситуации.

Вначале высокопоставленный японец смеется над подарком, а затем возвращает его. Чилден чувствовал, как у него обмякли колени. Он совершенно не знал, что делать, и стоял, заливаясь краской и теребя рукав пиджака.

— Роберт, надо смелее глядеть в лицо реальности, — тихо, но твердо проговорил Пол.

Бледнея, Чилден пробормотал:

— Все это так неожиданно. Я теперь не знаю, что и думать…

— Сосредоточьтесь и постарайтесь меня понять. — Пол встал, глядя на него. — Теперь все зависит только от вас. У этой вещи и ей подобных нет другого покровителя. Ведь вы же профессионал. Выкройте время для спокойных размышлений, для медитации. Не будет вреда, если вы обратитесь к «Книге перемен». Потом взгляните по-новому на свои витрины, на рекламу, на методику торговли.

Чилден смотрел на собеседника в полной растерянности.

— И тогда вы увидите свой путь, — сказал Пол. — Придумаете, как создать моду на эти вещи.

Чилден оцепенел.

«По его словам, я должен взять на себя моральную ответственность за судьбу бижутерии “Эдфрэнк”! У этих чокнутых японцев совершенно невротическое мировоззрение: не может быть у меня других забот, кроме установления духовной и деловой связи с какими-то цацками, приглянувшимися Полу Касоура».

Что хуже всего, Пол и вправду беседовал на эту тему с влиятельными людьми, с элитными пред-

ставителями японской культуры и традиций.

«Ответственность, — с горечью подумал Чилден. — Стоит взвалить ее на плечи, и она останется с тобой до конца, до могилы. Пол от этой ноши отказался — и рад. А что же мне, идти в кабалу навечно?»

«Все они душевнобольные, — сказал себе Чилден. — Говорят, японец никогда не поможет калеке выбраться из сточной канавы — это, видите ли, налагает обязанности. Типично для них? Еще как типично. Да и чего еще ожидать от народа, который, взявшись копировать английский эсминец, даже паровой котел делает с заплатами».

Пол внимательно наблюдал за ним. К счастью, Чилден давно научился скрывать свои чувства. На его лице застыло вежливо-внимательное выражение, полностью, как он считал, подходящее к ситуации.

«Это ужасно, — решил Чилден. — Катастрофа. Лучше бы Пол заподозрил, что я пытаюсь соблазнить его жену…

Бетти. Теперь ей не увидеть эту брошь. Мой план рухнул. У несовместимо с сексуальностью, оно, по мнению Пола, торжественно и свято, как реликвия».

— Я раздал своим собеседникам ваши визитки, — предупредил Пол.

— Простите?.. — рассеянно спросил Чилден.

— Визитки. Чтобы мои друзья могли прийти к вам и поглядеть на образцы.

— Спасибо.

— И еще, — сказал Пол. — У одного из моих знакомых есть к вам деловое предложение. Я написал для вас его имя и адрес. — Пол вручил Чилдену сложенный листок. — Он вас приглашает, хочет, чтобы его коллеги по бизнесу послушали. Это массовый экспорт и импорт, в основном в Южной Америке. Радиоаппаратура, фотоаппараты, бинокли, магнитофоны и тому подобное.

Чилден взглянул на бумажку.

— Разумеется, он занимается только очень крупными партиями, — продолжал Пол. — Его компания владеет предприятиями, производящими продукцию с низкой себестоимостью, для массового потребления. Почти все они расположены на Востоке, там дешевле рабочая сила.

— А почему он… — начал Чилден.

— Подобные вещи, — Пол еще раз взял коробочку, закрыл крышку и вернул Чилдену, — могут быть скопированы. В любом количестве. Хоть

металл, хоть пластик.

После затяжной паузы Чилден спросил:

— А как насчет у? Оно останется в копиях?

Пол промолчал.

— Вы советуете увидеться с ним?

— Да, — сказал Пол.

— Зачем?

— Талисманы.

— Что?

— Безделушки, приносящие удачу, — пояснил Пол. — Для людей с небольшим доходом. Вы же знаете, на Востоке и в Латинской Америке мало кто не верит в волшебство, заклинания, колдовские зелья и прочее. Мне сказали, это очень перспективный бизнес. — Лицо японца застыло.

— Похоже, на этом можно хорошо заработать, — медленно произнес Чилден.

Пол кивнул.

— Ваша идея?

— Нет, — кратко ответил Пол и надолго замолчал.

«Значит, твоего шефа, — подумал Чилден. — Ты показал брошь начальнику или еще кому-то, имеющему деньги и власть над тобой, а он связался с бизнесменом. Вот почему ты вернул брошь — не хочешь участвовать в этом. Но ведь ты

знаешь, как я поступлю. Я отправлюсь по адресу и встречусь с этим человеком. Мне придется. Выбора нет. Я продам или уступлю за процент от прибыли образцы, мы с ним обязательно поладим. А ты умываешь руки. Ты ни при чем. Тебе кажется дурным тоном отговаривать меня или останавливать».

— У вас есть шанс разбогатеть, — произнес Пол, глядя в сторону.

— Мне эта идея кажется в высшей степени странной, — сказал Чилден. — Делать талисманы из подобных произведений искусства… В голове не укладывается.

— Потому что вам непривычен этот род бизнеса. Вас привлекают вещи с особыми свойствами, так сказать, эзотерика. То же самое можно сказать и обо мне. И об упомянутых мною людях, которые вскоре посетят ваш магазин.

— Как бы вы поступили на моем месте? — осведомился Чилден.

— Не следует недооценивать шанса, предлагаемого почтенным импортером. Это очень трезвомыслящий человек. Мы с вами даже не представляем, сколько на свете необразованных людей. Штампованные талисманы принесут им радость, недоступную для нас. Ведь нам нужны

вещи, единственные в своем роде или на худой конец очень редкие. И разумеется, подлинные. — И Пол добавил, глядя мимо Чилдена, в пустоту: — А не копии, выпускаемые десятками тысяч.

«Неужели он что-то пронюхал? — насторожился Чилден. — Намекает на подделки, которые продаются в магазинах вроде моего и даже оказались в его коллекции? Да, похоже на намек. Говорит в ироническом тоне как бы об одном, а получается совсем другое. Двусмысленность, как в оракуле на каждой странице… Двусмысленность присуща восточному уму».

«На самом деле он спрашивает: кто ты, Роберт? — подумал Чилден. — Тот, кого “И-цзин” называет “ничтожным человеком”, или тот, кому предназначены все его добрые советы? Надо решать, и не медля. Можно пойти тем путем или этим, но не двумя. Это Момент выбора.

А какой путь выберет “благородный человек”? — спросил себя Чилден. — По крайней мере, с точки зрения Пола Касоура, какой выбор будет правильным? Правда, он всего лишь простой смертный, молодой японский бизнесмен, и его мнение — вовсе не то же самое, что совет одушевленного тысячелетиями свода божественной мудрости.

Да, вот он, корень. У, как говорит Пол. В этой ситуации у таково: твои личные вкусы не имеют значения, есть суровая проза жизни, и она требует подчинения обстоятельствам. Надо принять предложение богатого импортера. Мы должны приспосабливаться, как утверждает оракул.

В конце концов, оригиналы можно сбывать через мой магазин, к примеру, друзьям Пола».

— Боретесь с собой, — заметил Пол. — Да, в таких ситуациях хочется побыть одному. — Он шагнул к выходу из кабинета.

— Я уже решил.

У Пола заблестели глаза.

Поклонившись, Чилден сказал:

— Я последую вашему совету. Нанесу визит этому импортеру. — Он взял коробочку.

Странно, но Пола это как будто не обрадовало. Он что-то буркнул и повернулся к столу.

«Японцы всегда прячут чувства», — подумал Чилден.

— Премного благодарен за содействие, — сказал он. — Надеюсь, когда-нибудь я смогу отплатить добром за добро.

Но молодой японец никак не отреагировал.

«Правду о них говорят, — подумал Чилден. — Непроницаемые…»

Провожая его к выходу, Пол вдруг оторвался от своих мыслей и спросил:

— Американские художники сами сделали эту вещь? Своими руками?

— Да, от эскиза до полировки.

— Сэр, а дадут ли они согласие? Что, если им совсем иначе видится судьба изделий?

— Полагаю, их можно убедить. — Эта проблема казалась Чилдену пустяковой.

— Да, наверное, — вздохнул Пол.

Что-то в голосе японца насторожило Чилдена. Какой-то нечеткий, странный акцент. И вдруг его осенило: это уже не двусмысленность! Конечно же! Предложение Касоура умаляет попытку американского возрождения — попытку, свидетелем которой он, Чилден, случайно стал. Какой цинизм!

«Будь я проклят! Проглотил его крючок вместе с леской и грузилом. Шаг за шагом он подвел меня к согласию, провел по садовой дорожке к решению: изделия золотых американских рук ни на что более не пригодны, кроме как на образцы для дурацких грошовых талисманов.

Вот так и правят нами японцы: без жестокости, исподволь, с изощренным, веками отточенным коварством. Боже, а ведь мы и впрямь варвары

по сравнению с ними! Мы само слепое безрассудство перед их холодной расчетливостью. Пол не сказал — мне не сказал, — что наше искусство никчемно. Он добился, чтобы я сказал это за него. А услышав желаемое, Пол еще и посочувствовал с почти незаметной иронией. Утонченная вежливость цивилизованного человека в ответ на жалобы дикаря… Он сломал меня! — Чилден едва не произнес это вслух, но вовремя спохватился и, как прежде, удержал дерзкую мысль в своем внутреннем потайном мирке. — Унизил меня и мою расу. И я беспомощен. Отомстить невозможно — мы разбиты, и наше поражение выглядит именно так. Нас унижают столь хитро и ловко, что мы едва понимаем это. По сути, необходимо подняться еще на одну ступень эволюции — иначе мы вообще не сможем понять, что с нами произошло.

Какие еще нужны доказательства превосходства японцев, их абсолютного соответствия роли правителей?»

Ему вдруг захотелось рассмеяться, почти одобрительно.

«Да, — подумал он, — и вправду на смех пробивает, как будто услышал хороший анекдот. Надо это запомнить, обдумать на досуге и, может

быть, другим рассказать. Но кому? Вопрос… Это слишком личное, с кем попало не поделишься».

В углу кабинета стояло мусорное ведро.

«Туда, — сказал себе Роберт Чилден. — Вот самое подходящее место для дурацкой финти-флюшки, пускай она хоть битком набита у.

Смогу ли я это сделать? Бросить цацку в ведро? У Пола на глазах положить конец проблеме?»

«Нет, даже на это ты не способен, — упрекнул себя он, сжимая коробочку. — Поскольку не хочешь порвать отношения со своим приятелем-японцем. Будьте вы прокляты! Даже не могу поддаться порыву, не могу избавиться от вашего гипноза».

Пол смотрел на него и молчал, да и незачем было что-то говорить. Человек и без слов достаточно выразителен.

«Он поймал мою психику в силок, — с горечью подумал Чилден. — Невидимая струна тянется от безделушки, лежащей на моей ладони, вдоль руки к душе. Должно быть, я слишком долго живу среди них. Поздно бежать, поздно возвращаться к белым и жить, как подобает белому человеку».

— Пол… — Чилден заметил, что голос его надломлен, лишен твердости, невыразителен.

— Да, Роберт.

— Пол… это оскорбление.

Комната поплыла у него перед глазами.

— Почему, Роберт?

Участливый, но ровный тон. Подчеркнутая отстраненность.

— Сейчас объясню… — Чилден вынул брошь, вмиг ставшую скользкой от пота. — Я… горжусь этой вещью. Она — произведение искусства. При чем тут дешевые талисманы?

И снова не удалось понять, как воспринял его слова Касоура. Да, он слушал и понимал услышанное, но никакие чувства не отражались на его лице.

— Конечно, спасибо за предложение.

Пол поклонился. Роберт Чилден тоже.

— Люди, сделавшие эти вещи, — гордые американские художники. И я не отделяю себя от них. Следовательно, предлагать нам поточное изготовление дешевых штамповок — значит оскорблять нас. Жду извинения.

Пауза была чудовищно долгой. Пол не сводил с него глаз. Приподнялась бровь, изогнулись тонкие губы. В улыбке?

— Я требую, — произнес Чилден. Вот и все, от него больше ничего не зависело. Оставалось ждать.

«Ну пожалуйста! — мысленно взмолился он. — Помоги же мне!»

— Я заблуждался насчет вас, — сказал Пол, протягивая руку. — Извините.

— Вот и хорошо. — Роберт Чилден пожал руку японцу, и в его сердце пришел покой.

«Я это пережил, — сказал он себе. — Все позади, слава богу. Для меня это просуществовало всего момент. Сейчас уже другое время, и в нем все по-другому. Захочу ли я еще раз так испытать свою судьбу? Вряд ли.

Как будто я на краткий миг вынырнул из воды и увидел небо, прежде чем снова уйти вниз, — подумал он меланхолично. — Жизнь коротка, а искусство уходит в бесконечность, словно бетонная автотрасса — широкая, белая. И я стоял на ней в нерешительности. Но хватит стоять».

Взяв коробочку с ювелирным изделием «Эдфрэнк», Чилден опустил ее в карман пальто.

Глава 12

— Господин Тагоми, это господин Ятабэ. — Рэмси отошел в угол, а к столу Тагоми направился подтянутый пожилой человек.

Хозяин кабинета подал руку:

— Рад нашей встрече, сэр.

Легкие, хрупкие пальцы скользнули в его ладонь. Тагоми осторожно пожал руку гостю и сразу отпустил, подумав при этом: «Надеюсь, я ничего не сломал?»

Старик вызывал симпатию. Какой уверенный, проницательный взгляд! Чувствуется ясный, цепкий ум. Не человек, а само воплощение прочных древних традиций. И тут до Тагоми дошло, что перед ним генерал Тедеки, бывший начальник Императорского генштаба, собственной персоной.

— Генерал. — Тагоми низко поклонился.

— А где третий участник переговоров? — спросил Тедеки.

— Вот-вот должен появиться, — заверил Тагоми. — Я лично звонил ему в гостиницу.

Мысли путались. Как был, в поклоне, он отступил на несколько шагов и застыл. Да и вряд ли он

смог бы выпрямиться в эту минуту.

Рэмси, очевидно, не понял, кто их гость, и, не выказывая робости, принес генералу стул. Помедлив, Тагоми сел напротив.

— Теряем время, — заметил Тедеки. — Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

— Вы правы, — согласился Тагоми.

Прошло минут десять. Все молчали.

— Простите, сэр, — забеспокоился Рэмси. — Если я не нужен, нельзя ли мне уйти?

Тагоми кивнул, и Рэмси удалился.

— Чаю, генерал? — спросил Тагоми.

— Нет, Тагоми-сан.

— Генерал, — сказал Тагоми, — признаюсь, мне не по себе. Я чувствую, что узнаю сейчас нечто особенное.

Тедеки вопросительно наклонил голову.

— Мистер Бэйнс, с которым я встречался здесь и у меня дома, выдает себя за шведа. Но, приглядевшись, я решил, что он, скорее всего, высокопоставленный немец. Я говорю вам об этом потому, что…

— Продолжайте, пожалуйста.

— Благодарю. Генерал, его беспокойство в ожидании этой встречи говорит о том, что она связана с перестановкой политических фигур в

рейхе. — Тагоми утаил от генерала, что догадывается о причине его задержки.

— Все это предположения, Тагоми-сан, — сказал генерал, — а не информация. — В глазах Тедеки не было ничего, кроме отеческой доброты.

Тагоми проглотил упрек.

— Скажите, генерал, мое присутствие на этой встрече — формальность? Чтобы сбить со следа нацистских ищеек?

— Естественно, мы заинтересованы в соблюдении конспирации. Мистер Бэйнс — обыкновенный бизнесмен, представитель стокгольмской фирмы «Тор-Ам». А я — Синхиро Ятабэ.

«А я — Тагоми, — подумал Тагоми. — Роль — проще некуда».

— Несомненно, нацисты следят за перемещениями мистера Бэйнса, — продолжал генерал. Он сидел, выпрямив спину, положив руки на колени. («Словно принюхивается к невесть откуда доносящемуся запаху крепкого бульона», — мелькнуло в голове у Тагоми.) — Но разоблачить его могут только законными путями. В этом-то и состоит замысел: не прятаться, а соблюдать формальности на случай засветки. Как вы понимаете, просто так застрелить его они не смогут, ведь он находится под нашим прикрытием.

— Понимаю, — сказал Тагоми.

«Похоже на игру, — подумал он. — Хотя, наверное, это не лишено смысла. Наши штабисты хорошо разбираются в психологии наци».

На столе загудел селектор. Раздался голос Рэмси:

— Сэр, прибыл мистер Бэйнс. Пригласить?

— Да! — воскликнул Тагоми.

Вошел Бэйнс в отлично подогнанном, безукоризненно выглаженном модном костюме. Он был совершенно спокоен.

Генерал Тедеки поднялся навстречу ему. Тагоми тоже встал. Они раскланялись.

— Сэр, — обратился к генералу Бэйнс, — я — капитан Рудольф Вегенер из военно-морской разведки. Хочу заявить, что я не представляю здесь никого, кроме себя и нескольких частных лиц, пожелавших остаться неизвестными. Никакие службы или учреждения рейха к моему визиту не причастны.

— Герр Вегенер, я понял, что вы не являетесь официальным представителем рейха, — сказал генерал. — Я тоже прибыл сюда как частное лицо. Но благодаря своему прежнему посту в Императорской армии я имею некоторое влияние в Токио и сумею довести ваши слова до сведения

тех, кто в этом заинтересован.

«Странная беседа, — подумал Тагоми. — Есть в ней какая-то музыка. Расслабляющая и успокаивающая».

Они расселись.

— Мне бы хотелось сразу перейти к делу, — произнес Бэйнс. — Прошу передать тем, к кому вы имеете доступ, что в рейхе готовится реализация плана под названием «Löwenzahn», то есть «Одуванчик».

Генерал кивнул с таким видом, словно слыхал об этом. Но Тагоми заметил, что он нетерпеливо ждет продолжения.

— «Одуванчик» начнется с конфликта на границе Скалистогорских Штатов и Соединенных Штатов.

Генерал вновь кивнул и чуть улыбнулся.

— Нападению подвергнутся войска Соединенных Штатов. Они перейдут в наступление, оттеснят противника за линию границы и вступят в бой с его регулярными войсками, дислоцированными в зоне конфликта. У офицеров армии Соединенных Штатов есть подробные карты с указанием оборонительных объектов Среднезападной армии. На помощь войскам Соединенных Штатов придет парашютный десант доброволь-

цев вермахта, но это тоже камуфляж.

— Ясно, — кивнул генерал.

— Основная цель операции «Одуванчик» — мощный атомный удар по Родным островам. Без каких-либо предупреждений. — Бэйнс замолчал.

— С целью уничтожения августейшей семьи, оборонительной армии, Императорского флота, гражданского населения, промышленности и ресурсов, — задумчиво продолжил за него генерал Тедеки. — И последующего захвата всех наших колоний.

Бэйнс ничего на это не сказал.

— Что еще? — спросил генерал.

Бэйнс не понял.

— Дата, сэр, — пояснил генерал.

— Все даты изменены, — вздохнул Бэйнс. — В связи со смертью Мартина Бормана. Сейчас у меня нет контактов с абвером.

— Продолжайте, герр Вегенер, — спокойно попросил генерал.

— Мы рекомендуем правительству Японии внимательно изучить ситуацию, сложившуюся в рейхе. По крайней мере, такова цель моего приезда — передать вам этот совет. В высших эшелонах власти есть сторонники операции «Одуванчик», но есть и противники. Была надежда, что со смер-

тью рейхсканцлера Бормана последние придут к власти.

— Но пока вы здесь находились, герр Борман умер и политическая ситуация сложилась независимо от вас, — заметил генерал. — Выбор сделан, смута закончилась. Рейхсканцлером стал доктор Геббельс. — Подумав, генерал спросил: — Как его фракция относится к операции «Одуванчик»?

— Доктор Геббельс — ярый ее сторонник, — ответил Бэйнс.

Ни он, ни генерал не заметили, что Тагоми закрыл глаза.

— А кто ему противостоит? — спросил Тедеки.

Тагоми смутно расслышал ответ:

— Обергруппенфюрер СС Гейдрих.

— Весьма удивлен, — признался Тедеки. — Это точная информация или мнение ваших коллег?

— Административное управление восточными территориями, ныне находящимися под контролем Японии, будет передано министерству иностранных дел. Точнее, людям Розенберга, связанным с Канцелярией напрямую. В течение минувшего года об этом постоянно спорили на совещаниях руководства. В подтверждение своих слов я могу представить фотокопии стенограмм.

Вторым претендентом на власть была полиция, но она не добилась успеха. Ей доверено колонизовать планеты — Марс, Луну, Венеру. Как только была поделена власть, получившая на откуп космос полиция стала противодействовать плану «Одуванчик» и добиваться передачи всех средств для осуществления космических программ.

— Соперничество, — произнес генерал Тедеки. — Одна команда играет против другой. Но обе — под управлением одного лидера. Значит, он ничем не рискует.

— Вы правы, — кивнул Бэйнс. — И поэтому я здесь и прошу вас о вмешательстве. Возможность пока есть — ситуация еще зыбкая. Пройдет не один месяц, пока доктор Геббельс окончательно утвердится в должности. Ему придется сломать хребет полиции, к тому же, возможно, ликвидировать Гейдриха и других людей из руководства СС и СД. Как только это случится…

— Следовательно, мы должны поддерживать Зихерхайстдинст? — перебил его Тедеки. — Самую зловещую касту в Германии?

— Совершенно верно.

— Император не одобрит такой политики, — заявил Тедеки. — «Мертвые головы», черные мундиры, орденские замки — всю эту атрибутику

элитных корпусов рейха он считает злом.

«Зло, — подумал Тагоми. — Да, именно так. Вправе ли мы, даже ради спасения собственной жизни, помогать продвижению зла к власти? Не в этом ли главный парадокс нашего земного бытия?»

«Дилемма эта для меня невыносима, — сказал себе Тагоми. — Человек не может вечно пребывать в нравственной неопределенности. Тут нет Пути, тут только хаос. Все смешалось: свет и тьма, мнимое и реальное».

— Вермахт — единственный в рейхе обладатель водородной бомбы, — продолжал Бэйнс. — Случается, ее используют черномундирники, но только под надзором армии. Когда у власти стоял Борман, полицейских к ядерным заводам и складам даже близко не подпускали. Операцию «Одуванчик» будет осуществлять ОКВ, Верховное командование вермахта.

— Это мне ясно, — кивнул Тедеки.

— Черномундирники всегда превосходили вермахт жестокостью. Но власти у них меньше. Наши решения должны основываться на фактах, а не на предпочтениях этического свойства. Необходимо опираться на реальную власть.

— Да, надо быть прагматиками, — вслух согла-

сился Тагоми.

Бэйнс и генерал оглянулись на него.

— Конкретно, что вы предлагаете? — спросил генерал у Бэйнса. — Установить контакт с местной резидентурой СД? Напрямую связаться с… ее шефом? Не знаю его имени, но уверен, это мерзкий субъект.

— В здешнем отделении СД ничего не знают, — сказал Бэйнс. — Шеф местной полиции Бруно Кройц фон Меерс — партиец старой закваски. Ein Altparteigenosse.[108] Имбецил. В Берлине никому и в голову не пришло бы посвящать его в серьезные дела. Он просто тянет лямку рутины.

— Тогда с кем нам связываться? — В голосе генерала зазвучало раздражение. — Со здешним консулом или с послом рейха в Токио?

«Разговор ни к чему не приведет, — уныло подумал Тагоми. — Какой бы огромной ни была ставка, мы не должны лезть в чудовищную, шизофреническую трясину нацистской междоусобицы. Наш разум просто не выдержит».

— Надо действовать очень осторожно, — ответил Бэйнс. — Через ряд промежуточных лиц вам следует выйти на кого-нибудь из приближенных

---

[108] Примечания: 108
Старый партиец *(нем.)*.

Гейдриха, находящихся за пределами рейха, в нейтральной стране. Или на человека, которому часто приходится летать из Берлина в Токио.

— У вас есть кто-нибудь на примете?

— Итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Интеллигентный, надежный и очень смелый человек. К тому же он прекрасно разбирается в международной обстановке. Правда, у него нет прямых контактов с аппаратом СД, но в случае необходимости он может действовать по другим каналам. Через заинтересованных промышленников вроде Круппа или через генерала Шпейделя, даже через руководство Ваффен-СС. В Ваффен-СС не такие фанатики, им близки интересы немецкого народа.

— А разве нельзя обратиться к Гейдриху через вашу организацию, я имею в виду абвер?

— Черномундирники нас на дух не переносят. Вот уже двадцать лет, как они добиваются у Партай нашего роспуска.

— А лично вам не грозит опасность с их стороны? — спросил генерал Тедеки. — Насколько мне известно, здесь, на Тихоокеанском побережье, они очень деятельны.

— Деятельны, но неумелы, — возразил Бэйнс. — Правда, Рейс, представитель МИДа, способный

малый, но не в ладах с СД.

— Мне бы хотелось получить от вас фотокопии стенограмм, — сказал генерал Тедеки, — чтобы передать их моему правительству. И вообще, для нас будут не лишними любые материалы, касающиеся этого вопроса. И… — он помедлил, — доказательства. Объективные.

— Ну конечно. — Бэйнс извлек из кармана плоский серебряный портсигар и протянул Тедеки. — Вот, возьмите. В каждой сигарете контейнер с микропленкой.

— А сам портсигар? — спросил генерал, повертев его в руках. — Похоже, он весьма недешев. — Он стал доставать сигареты.

— Портсигар — тоже. — Бэйнс улыбнулся.

— Благодарю вас. — Улыбнувшись в ответ, генерал убрал портсигар в карман пальто.

Загудел селектор. Тагоми нажал кнопку.

— Сэр, внизу, в вестибюле, люди из СД, — послышался взволнованный голос Рэмси. — Они пытаются захватить здание. Сейчас дерутся с охраной «Таймс». — Под окнами кабинета заревела сирена. — К нам едет подмога из военной полиции и кемпейтай.

— Спасибо, мистер Рэмси, — поблагодарил Тагоми. — Вы поступаете благородно, не под-

даваясь панике. — Бэйнс и Тедеки напряженно прислушивались к разговору. — Не беспокойтесь, господа, — сказал им Тагоми. — Уверен, головорезам из СД не добраться до нашего этажа. Их просто перебьют по пути. — И в селектор: — Мистер Рэмси, отключите, пожалуйста, лифты.

— Хорошо, господин Тагоми.

— Будем ждать, — сказал Тагоми.

Он выдвинул ящик стола и достал шкатулку из тикового дерева. Поднял крышку, извлек прекрасно сохранившийся револьвер времен Гражданской войны — «кольт-армии» сорок четвертого калибра выпуска 1860 года, предмет гордости коллекционера. Затем достал жестянку с порохом, пули, капсюли и стал заряжать револьвер на глазах у опешивших Бэйнса и генерала.[109]

— Это из моей коллекции, — пояснил он. — У меня мальчишеская страсть — стрельба по-

---

[109] Примечания: 109

Самый массовый револьвер Гражданской войны, «кольт» армейской модели 1860 г., одинарного действия, имел раздельное заряжание: сначала на брандтрубки в казенной части барабана надевались капсюли, затем каморы заполнялись порохом и коническими безоболочечными пулями, которые усаживались с помощью шарнирного рычага-шомпола, расположенного под стволом револьвера. В боевых условиях для ускорения перезарядки стрелки использовали заранее изготовленные бумажные патроны или запасные снаряженные барабаны. Револьверы под унитарный патрон компанией Кольта не производились до начала 1870-х гг.

ковбойски. Я долго учился палить с бедра — на досуге, конечно, — и, если судить по результатам состязаний с другими энтузиастами, добился некоторого успеха. Но всерьез этим пользоваться мне еще не приходилось.

Зарядив по всем правилам «кольт», Тагоми направил его на дверь и застыл в ожидании.

* * *

Сидя за верстаком, Фрэнк Фринк шлифовал серебряную сережку в виде раковины улитки. Мельчайшие крошки окалины летели ему в очки, оставляли черные пятнышки на ногтях. От трения серьга жгла пальцы, но Фрэнк все сильнее прижимал ее к поверхности хлопкового круга.

— Смотри не перестарайся, — предупредил Маккарти. — Выступы сними, а впадины пусть остаются как есть.

Фрэнк пробормотал что-то неразборчивое.

— Серебро с чернью легче сбыть, чем отполированное до блеска, — пояснил Маккарти. — Оно выглядит старше.

«Сбыть», — с горечью подумал Фрэнк.

Они еще ничего не продали. Кроме Чилдена, взявшего кое-что на комиссию, никто ничего не купил. А ведь они побывали в пяти магазинах.

«Мы ничего не заработали, — подумал Фрэнк. — Все делаем и делаем новые вещи, а они остаются в мастерской».

Сережка зацепилась ушком за ткань, выскользнула из пальцев и полетела на пол. Он выключил мотор.

— Ты ими не разбрасывайся, — укоризненно сказал Маккарти, возившийся с паяльной лампой.

— Господи, да она с горошину! Как ее удержишь?

— Все равно найди сейчас же.

«Черт бы все это побрал!» — мысленно выругался Фрэнк.

— В чем дело? — спросил Маккарти, видя, что Фрэнк не трогается с места.

— Ничего нам с тобой не продать, — угрюмо сказал Фрэнк. — Что бы мы ни сделали.

— Это верно, чего не сделали — не продать.

— Вообще ничего не продадим!

— Пять магазинов — капля в море, — возразил Маккарти.

— Достаточно, чтобы понять тренд.

— Не надо так шутить.

— А я и не шучу, — буркнул Фрэнк.

— Тогда к чему этот разговор? — спросил Мак-

карти.

— К тому, что пора лом сбывать.

— Ну ладно, остынь.

— Уже остыл.

— Раз так, буду продолжать в одиночку, — проворчал Маккарти, зажигая паяльную лампу.

— А как поделим барахло?

— Не знаю. Придумаем.

— Выкупи мою долю, — потребовал Фрэнк.

— Черта с два.

— Отдай шестьсот долларов, — настаивал Фрэнк.

— Нет. Можешь взять половину оборудования.

— Полмотора?

Наступила тишина.

— Еще три магазина, — сказал наконец Маккарти. — А потом вернемся к этому разговору.

Он опустил на глаза щиток и стал припаивать медное звено к браслету.

Фрэнк встал из-за верстака, нашарил на полу сережку и положил ее в коробку с заготовками.

— Пойду покурю, — буркнул он и направился к лестнице.

«Все кончено, — сказал он себе, стоя на тротуаре и держа сигарету с тайваньской «травой». — Даже не требуется подтверждения от оракула — я

понимаю, что за Момент наступил. Знаю, чем это пахнет. Поражением.

И ведь трудно сказать почему. Возможно, теоретически нам бы следовало продолжать. Магазин за магазином, город за городом. Но что-то явно не так. Никакие усилия нам не помогут, никакая изобретательность.

Все же хочется знать, в чем причина. Но я никогда не узнаю.

Как нам быть теперь? Что делать?

Мы не приняли Момент. Мы не следовали Дао. Плыли против течения, ошибочным курсом. И теперь нас ждет только распад. Гниение.

Теперь мы достанемся иню. Свет показал нам задницу и куда-то запропал. Больше от нас ничего не зависит».

Стоя под свесом крыши, Фрэнк часто затягивался дымом марихуаны и невидяще глядел на поток транспорта. К нему приблизился белый средних лет, заурядной наружности.

— Мистер Фринк? Фрэнк Фринк?

— Верно, — ответил Фрэнк.

Человек достал из кармана сложенный листок и удостоверение личности.

— Департамент полиции Сан-Франциско. У меня ордер на ваш арест.

Фрэнк и глазом моргнуть не успел, как незнакомец сжал его локоть.

— За что? — пролепетал Фрэнк.

— За мошенничество. Вы обманули мистера Чилдена, владельца «Американских художественных ремесел».

Незнакомец потащил Фрэнка по тротуару. Появились еще двое легавых в штатском и стали сопровождать с двух сторон.

Его затолкали в неброский «Тойопет», приткнувшийся у бордюра.

«Вот чего от нас требует время, — подумал Фрэнк, сдавленный с двух сторон телами полицейских. Хлопнула дверца, и машина вклинилась в автомобильный поток. — И таким сукиным сынам я вынужден подчиняться!»

— У вас есть адвокат? — спросил один из полицейских.

— Нет, — ответил Фрэнк.

— В участке предоставят список.

— Спасибо.

— Как вы поступили с деньгами? — спросил другой полицейский, когда они въезжали в гараж полицейского участка на Керни-стрит.

— Истратил, — ответил Фрэнк.

— Все?

Он промолчал.

Полицейский закивал и одобрительно засмеялся. Когда они вышли из машины, другой фараон спросил:

— Твоя настоящая фамилия — Финк?

У Фрэнка душа ушла в пятки.

— Финк, — повторил полицейский. — Ты ведь жид? — Он показал большую серую папку. — Сбежал из Европы.

— Я родился в Нью-Йорке, — возразил Фрэнк.

— Нет, ты удрал от нацистов, — ухмыльнулся легавый. — Знаешь, чем это пахнет?

Фрэнк вырвался и бросился бежать. Фараоны заорали, и у выхода из гаража полицейская машина преградила ему дорогу. Сидевшие в ней люди ухмылялись. Один из них, в мундире военной полиции, вышел, держа в руке пистолет, и защелкнул наручник на запястье Фрэнка.

Дернув за наручник с такой силой, что металл вдавился до кости, полицейский поволок Фрэнка за собой.

— Домой, в Германию, — ласково сказал фараон в штатском.

— Я американец, — пробормотал Фрэнк Фринк.

— Ты еврей, — настойчиво сказал фараон.

— Его здесь оприходуют? — спросил кто-то,

когда Фрэнка вели наверх.

— Нет, сдадим консулу. Немцы судят евреев по законам Германии.

Списка адвокатов Фрэнк так и не увидел.

* * *

Минут двадцать Тагоми неподвижно просидел за столом, держа дверь под прицелом. Бэйнс ходил по кабинету. После некоторых раздумий старый генерал взял трубку телефона и позвонил в японское посольство. Но барона Кэлемакуле он не застал; по словам секретаря, посла не было в городе.

Генерал решил дозвониться до Токио по тихоокеанской линии.

— Я позвоню в Военную академию, — объяснил он Бэйнсу. — Они свяжутся с расквартированными поблизости частями Императорских вооруженных сил.

«Короче говоря, нас выручат через несколько часов, — подумал Тагоми. — Наверное, пришлют морскую пехоту с авианосца, вооруженную пулеметами и минометами. Действуя по официальным каналам, можно добиться хороших результатов… Но для этого, к сожалению, требуется время. А помощь нужна сейчас, когда

бандиты-черномундирники избивают внизу клерков и секретарей».

— А может, стоит связаться с германским консулом? — предложил Бэйнс.

Перед глазами Тагоми мигом возникла сцена, как он диктует мисс Африкян решительный протест, адресованный Рейсу.

— Я могу позвонить герру Рейсу по другому телефону, — сказал он.

— Попробуйте, — согласился Бэйнс.

Не опуская «кольта», Тагоми нажал кнопку на поверхности стола. Тотчас появился аппарат, предназначенный для секретных переговоров. Тагоми набрал номер германского консульства.

— Добрый день. Кто говорит? — прозвучал решительный отрывистый голос с легким акцентом.

Очевидно, это был кто-то из служащих.

— Его превосходительство герра Рейса, пожалуйста, — сказал Тагоми. — Это срочно. Тагоми, Имперская Торговая миссия. — Он говорил жестким, не терпящим отказа тоном.

— Да, сэр. Одну секунду, сэр.

Долгая пауза. В трубке ни щелчка, ни шороха.

«Стоит рядом и ждет, — догадался Тагоми. — Типичная нордическая изворотливость».

— Меня дурачат, это ясно, — сообщил он генералу Тедеки и Бэйнсу.

— Простите, господин Тагоми, что заставил вас ждать, — подал наконец голос служащий.

— Ничего, пустяки.

— Консул на совещании. Если…

Тагоми бросил трубку.

— Напрасная трата времени, — удрученно заключил он.

Куда бы еще обратиться? Токкока в курсе, в береговую военную полицию тоже нет смысла звонить. Прямо в Берлин? Рейхсканцлеру Геббельсу? В Напа, на аэродром Императорских военно-воздушных сил, чтобы перебросили десантников?

— Я позвоню шефу СД Кройцу фон Меерсу, — решил он. — Начну с жалобы, если не поможет — перейду на брань и крик.

Тагоми набрал номер, принадлежавший, если верить телефонному справочнику, отделу охраны ценных грузов аэропорта «Люфтганзы». Пока в трубке звучали гудки, Тагоми добавил:

— Сейчас вы услышите ругань на грани истерики.

— Да, устройте ему спектакль, — улыбнулся генерал.

Трубка рявкнула в ухо Тагоми голосом с густым германским акцентом:

— Кто?

«Звучит решительнее моего», — подумал Тагоми.

— Ну, поживее! — поторопил голос.

— Я требую арестовать и отдать под суд шайку головорезов и дегенератов, ваших белокурых бестий-берсерков! — заорал в трубку Тагоми. — Знаешь, кто тебе звонит, Kerl?[110] Тагоми, торговый атташе Имперского правительства! Даю пять секунд, чтобы ты их отозвал! Иначе спецкоманда морской пехоты забросает их фосфорными гранатами!

На другом конце линии что-то бессвязно пролепетали. Тагоми подмигнул Бэйнсу.

— ...нам ничего не известно, — услышал он наконец.

— Лжец! — закричал господин Тагоми. — Ну что ж, пеняй на себя. — Он бросил трубку. — Конечно, это всего лишь блеф, но он не повредит. Даже в СД может найтись кто-нибудь слабонервный.

Едва генерал Тедеки открыл рот, чтобы заговорить, как снаружи оглушительно забарабанили в

---

[110] Примечания: 110
Парень *(нем.)*.

дверь. Через секунду она распахнулась. В кабинет ввалилось двое коренастых белых с пистолетами. Они сразу направились к Бэйнсу.

— Das ist er![111] — сказал один из них.

Сидевший за столом Тагоми вскинул коллекционный «кольт» сорок четвертого калибра и нажал на спуск. Один фашист рухнул на пол, другой мгновенно выставил пистолет с глушителем. Тагоми не услышал хлопка, только свист пули, и увидел дымок из дула. Сам он с бешеной скоростью взводил курок допотопного «кольта» и стрелял снова и снова.

У немца разлетелась челюсть.

Как в замедленном кино, в воздухе поплыли осколки кости и зубов, куски плоти и брызги крови.

«В рот попал! — понял Тагоми. — Ужасный результат, особенно при восходящей траектории пули».

В глазах изувеченного фашиста еще теплилась жизнь.

«Он меня видит», — подумал Тагоми.

В следующее мгновение глаза потухли, немец выронил пистолет и, страшно клокоча горлом,

---

[111] Примечания: 111
Это он! *(нем.)*

рухнул.

— Какое отвратительное зрелище, — пробормотал Тагоми.

В дверном проеме больше никто не появлялся.

— Наверное, все кончено, — сказал генерал.

Отведя три минуты утомительной процедуре перезарядки оружия, Тагоми нажал кнопку селектора.

— У меня здесь тяжелораненый бандит, — сказал он, — вызовите «Скорую».

Никакого ответа. Только тихое гудение. Бэйнс подобрал оба пистолета. Один отдал генералу, другой взял на изготовку.

— Теперь мы внушительная сила. — Тагоми уселся, как прежде, с «кольтом» в руке.

— Сдавайтесь, немецкие бандиты! — закричали в коридоре.

— Мы с ними уже справились! — крикнул в ответ Тагоми. — Входите, не бойтесь.

В дверях появилась группа служащих «Ниппон таймс». Некоторые успели вооружиться топорами, ружьями и гранатами со слезоточивым газом из штатного арсенала, предусмотренного на случай массовых беспорядков.

— Cause célèbre,[112] — сказал Тагоми. — Правительство ТША в Сакраменто может тотчас объявлять войну рейху. — Он отсоединил пустой барабан.

— Немцы будут все отрицать, — покачал головой Бэйнс. — Стандартный прием. Сколько раз так было. — Он положил на стол Тагоми пистолет с глушителем. — Сделано в Японии.

Тагоми внимательно рассмотрел оружие. Бэйнс не ошибся — пистолет изготовлен в Японии. Спортивный, последняя модель, отличное качество.

— Кроме того, они не подданные рейха, — продолжал Бэйнс. Он успел заглянуть в бумажник убитого. — Гражданин ТША, проживает в Сан-Хосе. Ничего общего с СД. Имя — Джек Сандерс.

— Я понял, — кивнул Тагоми. — Заурядный налет. Цель — очистить мой сейф. Политические мотивы отсутствуют.

Он с трудом поднялся и подумал: «Как бы там ни было, попытка убийства или похищения не удалась. Во всяком случае, первая. Но в СД, несомненно, знают, кто такой мистер Бэйнс и для чего он прилетел».

— Невеселый прогноз, — проговорил он вслух.

---

[112] Примечания: 112
Громкое дело, сенсационный судебный процесс *(фр.).*

И подумал: «А что, если оракул способен помочь советом? Предостеречь, защитить».

Чуть дрожащей рукой он набрал стеблей тысячелистника, сорок девять штук.

«Вся ситуация ненормальна, слишком запутанна, — решил он. — Разобраться в ней человеческий разум не способен, с такой задачей может справиться только совокупная мудрость пяти тысячелетий. Германское тоталитарное общество мало похоже на жизнеспособный организм, скорее на некую тварь, появившуюся на свет вопреки природе. Мешанина из бессмыслиц, мерзкая во всех своих проявлениях. Здешняя СД, будучи инструментом политики, действует вопреки берлинскому руководству. Где в этом хаосе прячется смысл? Что представляет собой Германия в действительности? Чем она была раньше? Почти всегда это кошмарная пародия на проблемы, испокон веку вставшие перед нами.

Для “И-цзина” нет тайн, он сумеет проникнуть всюду. Даже в коллективную психику этого полоумного племени, назвавшего себя нацистской Германией».

Наблюдая за Тагоми, за его машинальными манипуляциями со стебельками, Бэйнс понял, сколь велико смятение этого человека. Для него

случившееся — убийство двоих — не просто ужасно. Немыслимо.

«Чем я могу его утешить, какими словами? Он стрелял, защищая меня. Моральная ответственность за гибель людей ложится на мои плечи, и я ее принимаю. Во всяком случае, мне это видится именно так».

Генерал Тедеки подошел к Бэйнсу и тихонько пояснил:

— Вы свидетель великого смятения. Несомненно, господин Тагоми получил буддистское воспитание. Возможно, оно было неявным, но его влияние налицо. Эта культура запрещает отнимать жизнь. Все живое священно.

Бэйнс кивнул.

— Душевное равновесие вернется со временем, — продолжал Тедеки. — Но сейчас у него нет той точки, с которой можно взглянуть на свой поступок, чтобы затем осознать его. А книга поможет ему, укажет путь.

— Понимаю, — кивнул Бэйнс и подумал: «Помочь тут могло бы и учение о первородном грехе, но вряд ли Тагоми о нем известно. Все мы обречены совершать поступки злые и жестокие, таково наше предназначение. Наша карма. И причины кроются в глубокой древности. Сложнейшая

задача для уравновешенного, логичного ума. Столь доброму человеку, как Тагоми, это грозит безумием.

И все-таки момент истины — не в настоящем. Не в моей гибели и не в гибели двух фашистов. Вероятно, он в будущем. Случившееся здесь оправдано или не оправдано тем, что произойдет после. Кто знает, может быть, мы спасем жизнь миллионам, фактически всем японцам».

Но человеку, тасовавшему стебельки, подобные мысли не могли прийти в голову. Слишком уж ощутимо было настоящее, слишком осязаемой была действительность: на полу его кабинета лежали немцы, мертвый и умирающий.

«Генерал Тедеки прав, — решил Бейнс, — время вернет господину Тагоми перспективу. Иначе он утратит надежду и отступит в тень безумия, навсегда спрячет глаза от непостижимой реальности. А ведь на самом деле мы ничем не отличаемся от него, — подумал Бэйнс. — Перед нами такой же точно хаос. Поэтому мы не в силах помочь Тагоми. Можем только надеяться, что он выстоит и в конце концов придет в себя».

Глава 13

В Денвере они посетили шикарные современные магазины. Одежда стоила безумно дорого, но это как будто не имело значения для Джо: что бы Джулиана ни выбрала, он расплачивался не моргнув глазом, и они спешили в следующий магазин.

В конце дня перемерившая уйму нарядов Джулиана облюбовала голубое итальянское платье с рукавами-буфами и умопомрачительно глубоким декольте. Совсем недавно она видела такое платье — лучший фасон года — в европейском журнале мод. За него пришлось выложить почти две сотни долларов.

В придачу к платью Джулиане понадобились три пары туфель, новые нейлоновые чулки, несколько шляпок и черная кожаная сумочка ручной работы. Кроме того, она обнаружила, что декольте итальянского платья требует нового лифчика, прикрывающего только нижнюю часть груди. Поглядев на себя в большое, в полный рост, зеркало, Джулиана подумала, что нагибаться будет небезопасно. Но продавщица клятвенно заверила ее, что, несмотря на отсутствие бретелек,

новый бюстгальтер подходит как нельзя лучше.

«Только соски и прикрывает, — подумала Джулиана, рассматривая себя в тиши примерочной. — Ни миллиметра выше».

Бюстгальтер тоже ударил Джо по карману — импортная вещь, объяснила продавщица, к тому же ручной работы. По просьбе Джулианы продавщица показала спортивные костюмы, шорты, купальники и махровый халат. Но тут Джо занервничал, и они пошли дальше.

— Ты не находишь, что я буду выглядеть сногсшибательно? — спросила она.

— Да, — рассеянно ответил он, загружая в машину пакеты и свертки. — Особенно платье. Наденешь, когда поедем к Эбендсену, понятно? — Последнее слово он произнес резким тоном, как приказ. Это ее неприятно удивило.

— У меня тридцать восьмой размер, — сказала она продавщице в следующем магазине.

С предупредительной улыбкой девушка проводила их к рядам вешалок.

«Что бы еще выбрать? — гадала Джулиана. — Надо купить побольше…»

У нее разбегались глаза. Чего только не было в этом магазине: блузки, юбки, свитеры, свободные брюки, пальто.

— Джо, мне нужно пальто, — сказала она. — Только не суконное.

Они выбрали немецкую шубу из синтетического меха, ноского и не такого дорогого, как настоящий.

Покупка не привела Джулиану в восторг, и, чтобы утешиться, она решила приобрести что-нибудь из бижутерии. Но разложенные на прилавке товары поражали невзрачностью и заурядностью.

— Мне нужны украшения, — сказала она Джо. — Хотя бы сережки или брошь к голубому платью.

Джулиана взяла его под руку и повела к ювелирной лавке.

— Да! — вспомнила она виновато. — Про тебя я и забыла. Ничего, еще разок пройдем по магазинам.

Пока она рассматривала украшения, Джо отлучился в парикмахерскую. Увидев его через полчаса, Джулиана была потрясена: он не только постригся очень коротко, но и покрасил волосы. Джулиана с трудом узнала его в представшем перед ней блондине.

«Боже! — подумала она, с изумлением глядя на него. — Зачем?»

— Надоело быть макаронником, — пояснил Джо, пожав плечами.

Они вошли в магазин мужской одежды и купили превосходный костюм фирмы «Дюпон» из новой синтетической ткани — дакрона. К нему — носки, нижнее белье и остроносые туфли.

«Что еще? — подумала Джулиана. — Рубашки. И галстуки».

Вместе с продавцом они выбрали две сорочки с французскими манжетами, несколько французских галстуков и серебряные запонки. На все ушло минут сорок, и Джулиана поразилась, насколько это проще, чем выбирать одежду для себя.

«Надо бы поменять ему костюм», — подумала она, но Джо снова занервничал и торопливо расплатился с продавцом банкнотами Рейхсбанка.

«Тогда — новый бумажник», — решила она, видя, как он сует оставшиеся деньги в карман.

Они выбрали черный бумажник из крокодиловой кожи и вернулись к машине. К половине пятого у них было все, что нужно.

— Может, немного приталить твой пиджак? — предложила она, когда они тронулись в путь.

— Нет. — Его голос звучал отрывисто и глухо.

Джулиана удивилась.

«Что-нибудь не так? Я слишком много набрала? Наверное, так и есть, — решила она. — Наша прогулка по магазинам обошлась слишком дорого».

— Я могу вернуть несколько юбок.

— Поедем лучше ужинать, — буркнул он.

— О боже! — воскликнула она. — Я забыла про ночные рубашки!

Джо метнул в нее яростный взгляд.

— Разве ты не хочешь подарить мне несколько красивых пижам? — удивилась она. — Чтобы я всегда была свежей и…

Он отрицательно покачал головой:

— Брось. Лучше поищем, где бы перекусить.

— Сначала надо зарегистрироваться в гостинице, — уверенно сказала Джулиана. — Там переоденемся, а уж потом можно и поужинать.

«Отель должен быть самый шикарный, — подумала она. — Иначе кутеж будет испорчен. В гостинице надо спросить, где находится лучший в Денвере ресторан. А потом махнуть в ночной клуб, на какое-нибудь потрясающее шоу с участием не местных “самородков”, а европейских знаменитостей вроде Элеонор Перес или Вилли Бека. На меньшее не согласна».

Пока они разыскивали подходящую гостиницу, Джулиана то и дело бросала взгляды на своего

спутника. Светлые, коротко подстриженные волосы и новый костюм делали его непохожим на себя.

«Не пойму, лучше он теперь выглядит или нет? Скоро тоже сделаю новую прическу, и тогда мы оба станем сотворенными из ничего, а точнее, из денег. Да, прическа необходима», — решила она.

В деловом центре Денвера они нашли роскошную гостиницу со швейцаром у дверей, взявшим на себя заботу о парковке их машины. Это было как раз то, чего хотелось Джулиане. Коридорный — мужчина в возрасте, почему-то одетый в темно-красный костюм, — подскочил и сгреб в охапку их покупки. Джулиане и Джо осталось лишь подняться по широченной лестнице, устланной ковром, и через двери из стекла и красного дерева пройти в вестибюль.

Джулиане сразу бросились в глаза выстроившиеся вдоль стен киоски с цветами, сувенирами и сластями, стойки телеграфа и заказа авиабилетов, огромные растения в кадках и толстый мягкий ковер под ногами. Куда ни глянь, горели неоновые надписи: «Ресторан», «Коктейль-холл», «Буфет», прогуливались хорошо одетые люди.

Пока Джо договаривался с администратором и расписывался в регистрационном журнале,

Джулиана отошла к прилавку с книгами — посмотреть, нет ли здесь «Саранчи». Ее ожидания оправдались — на прилавке лежала целая кипа экземпляров в ярких обложках, рядом стояла афишка, объясняющая, насколько это интересная и популярная книга. Упоминалось, что она запрещена в подвластных Германии странах. Джулиану обслужила улыбчивая продавщица, похожая на ласковую бабушку. Книга стоила без малого четыре доллара.

«Дорого!» — подумала Джулиана, но вынула из новенькой сумочки банкноту Рейхсбанка и поспешила вернуться к Джо.

За нагруженным покупками коридорным они проследовали к лифту, поднялись на второй этаж и прошли по ковру в шикарный, умопомрачительный номер. Коридорный отпер дверь, проверил, хорошо ли раздвигаются занавески на окнах, включил и выключил свет. Затем удалился, получив от Джо чаевые и затворив дверь за собой.

— Сколько мы пробудем в Денвере? — спросила Джулиана.

Джо не ответил. Он сосредоточенно перебирал содержимое саквояжа.

— День? Два? — спросила она, снимая шубку. —

А может, три?

— Уедем сегодня вечером, — поднял голову Джо.

Сначала она не поняла, а когда поняла, не поверила. На ее изумленный взгляд Джо ответил чуть ли не насмешливой улыбкой. Мышцы его лица были сведены сильнейшим напряжением. Он застыл, согнувшись над охапкой своего белья. Казалось, его разбил паралич.

— После ресторана, — добавил он.

Джулиана не нашлась что ответить.

— Одевайся, — велел Джо. — Надень то дорогое платье, которое тебе так понравилось. Голубое. Поняла? — Он стал расстегивать рубашку. — А я пока побреюсь и залезу под горячий душ. — Его голос приобрел металлический тембр, словно Джо говорил издалека по радио или телефону.

Повернувшись, он на негнущихся ногах двинулся в ванную.

— Но сегодня поздно! — растерянно пробормотала Джулиана.

— Нет. Успеем поужинать до половины шестого, самое позднее, до шести. До Шайенна два часа езды, ну, два с половиной. Будем там к восьми тридцати. Для ровного счета — к девяти. Сейчас ты позвонишь Эбендсену и предупредишь о на-

шем приезде. Скажи так: мы едем на Западное побережье и остановились переночевать в Денвере, но тебе настолько понравилась его книга, что мы не удержались и решили заехать к нему. Только для того, чтобы…

— Для чего? — перебила Джулиана. У нее непроизвольно сжались кулаки — как в детстве, большими пальцами внутрь, — задрожал подбородок, из глаз брызнули слезы. — Не хочу я сегодня к нему ехать и не поеду. — Она едва слышала собственный голос. — И завтра не поеду, и вообще. Я хочу здесь отдохнуть. Как ты обещал.

И тут грудь Джулианы снова сжал необъяснимый, слепой страх, который с тех пор, как она встретила Джо, никогда полностью не покидал ее, даже в самые радостные минуты. Страх этот завладел ею целиком, и она знала, что Джо все читает на ее лице.

— Да не волнуйся ты. — Джо говорил успокаивающим и вместе с тем равнодушным тоном, словно повторял заученный текст. — Съездим туда, вернемся, и будут тебе шоу с концертами.

— Нет, — произнесла она.

— Надень голубое платье. — Джо разворошил покупки, взял самый большой сверток, развязал бечевку и аккуратно разложил платье на кро-

вати. Он не торопился. — Ладно? От тебя будет глаз не оторвать. Купим еще бутылку хорошего шотландского виски, и в путь. «Ват шестьдесят девять» — самое то…

«Фрэнк! — мысленно воззвала она. — Помоги! Я во что-то влипла, а во что — не знаю!»

— Шайенн гораздо дальше, чем тебе кажется, — возразила она вслух. — Я смотрела на карте. Мы туда доберемся не раньше одиннадцати, а то и за полночь.

— Надевай платье, — приказал он. — Не то убью!

Джулиана нервно хихикнула, закрыв глаза.

«Наконец-то дзюдо сослужит мне службу, — подумала она. — Выходит, не зря я столько тренировалась. Вот теперь поглядим, убьет он меня или я успею прищемить нерв у него на шее и изувечу на всю жизнь. Правда, он тоже когда-то все это изучал, он ведь дрался с английскими десантниками».

— Я знаю, что ты можешь меня швырнуть, — сказал Джо. — Если получится.

— Не буду я тебя швырять, — огрызнулась Джулиана. — Просто сделаю калекой. Не сомневайся, сумею. Я жила на Западном побережье и училась у японцев. В Сиэтле. Катись в Шайенн, если так

приспичило, а я останусь здесь. И не вздумай ко мне лезть! Я тебя боюсь, поэтому способна на все! — У нее задрожал голос. — Попробуй только тронь! Не знаю, что с тобой сделаю!

— Слушай, хватит. Надень это проклятое платье, и дело с концом. Заладила: убью! искалечу! Спятила? Что я такого сказал? Всего-навсего предложил после ужина сесть в машину и съездить к тому парню, Эбендсену, автору книги, которая тебе так…

Раздался стук в дверь. Джо отворил. На пороге стоял молодой человек в ливрее.

— Утюжка одежды, сэр. Вы обращались к администратору, сэр.

— А, ну да. — Джо вернулся к кровати, сгреб новые сорочки и отдал слуге. — За полчаса управитесь?

— Если не стирать, а только убрать складки — успею, сэр.

— Откуда ты знаешь, что новые сорочки надо выгладить, прежде чем надевать? — спросила Джулиана, когда Джо затворил дверь.

Он молча пожал плечами.

— А вот я об этом забыла, — сказала Джулиана, — хотя женщине полагается помнить… Когда достаешь сорочку из целлофана, она обязательно

в складках…

— В молодости мне случалось хорошо одеваться и бывать в приличном обществе.

— А откуда ты узнал, что в гостинице можно отдать одежду в утюжку? Я-то не знала. А ты в самом деле стригся и красил волосы? Сдается мне, они всегда были светлыми, только ты носил парик. Угадала?

Он снова пожал плечами.

— Должно быть, ты из СД, — продолжала Джулиана. — А прикидываешься макаронником, водителем грузовика. И в Северной Африке никогда не был. А здесь для того, чтобы убить Эбендсена, так? Видишь, я все поняла, хотя и круглая дура.

Она чувствовала себя полностью вымотанной.

Помолчав, Джо возразил:

— Я воевал в Северной Африке. Правда, не на батарее майора Парди, а в Бранденбургском полку. Диверсионно-десантное подразделение вермахта, — пояснил он. — Мы проникали в расположение британских штабов. Не вижу разницы — нам тоже хватило дел. Я и под Каиром был — заслужил там медаль, упоминание в списках отличившихся и звание ефрейтора.

— Твоя авторучка — оружие?

Он не ответил.

— Бомба! — предположила Джулиана. — Бомба-ловушка, ее можно установить на взрыв от прикосновения.

— Нет. Это двухваттная рация, — нехотя пояснил Джо. — Для связи со своими. На тот случай, если политическая ситуация в Берлине потребует изменения плана.

— И перед тем, как сделать дело, ты получишь у своих «добро». На всякий случай.

Он кивнул.

— Ты не итальянец. Ты немец.

— Швейцарец.

— А мой муж — еврей, — сказала она.

— Меня не интересует, кто твой муж. От тебя мне нужно одно: чтобы ты надела платье и привела себя в порядок перед ужином. Надо бы тебе зайти в парикмахерскую… Может, салон красоты в гостинице еще открыт? Спустись туда, а я приму душ и дождусь рубашек.

— Как ты намерен его убить?

— Джулиана, пожалуйста, надень платье. А я позвоню в салон. — Он подошел к телефону.

— Ну а я зачем понадобилась?

— У нас на Эбендсена досье, — ответил Джо, набирая номер. — Похоже, ему нравятся смуглые

девицы с выраженным либидо. Особенно ближневосточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал по телефону, Джулиана вытянулась на кровати, закрыла глаза и прижала к лицу ладони.

— Здесь есть парикмахер, — сообщил Джо, положив трубку. — И она может заняться тобой прямо сейчас. Иди в салон.

Джо вложил ей что-то в ладонь. Джулиана открыла глаза и увидела в своей руке банкноты.

— Оставь меня в покое, — взмолилась она. — Ну пожалуйста!

Он посмотрел на нее с удивлением и сожалением.

— Не случись в Сиэтле Великого пожара, он был бы похож на Фриско, — пробормотала Джулиана. — Такие же старые дома из бревен и кирпича на холмах. Японцы поселились в Сиэтле задолго до войны. У них там целый деловой район, с конторами, магазинами и складами, все очень старое… И порт. Я жила там с одним парнем из торгового флота и от нечего делать брала уроки у маленького старого японца. Его звали Минору Ихоясу. Он носил жилет и галстук. Кругленький такой старичок, как йойо. Его школа находилась на последнем этаже какого-то японского учре-

ждения; на двери висела старомодная табличка с золотыми буквами, а приемная напоминала зубоврачебный кабинет. А на журнальном столике лежали номера «Нэшнл джиогрэфик».

Джо взял ее под мышки и усадил.

— Ну, в чем дело? Ты заболела? — Он всмотрелся в ее лицо.

— Я умираю.

— Это приступ хандры. С тобой такое часто случается? Тут должна быть аптечка, я дам успокоительное. Как насчет фенобарбитала? Кстати, мы сегодня с десяти утра не ели — может, от этого? Ничего, все будет в порядке. У Эбендсена тебе ничего не надо будет делать, только постоишь рядом со мной. Говорить я буду сам. А ты только улыбайся и будь с ним поласковее. Если понадобится, поддержи беседу, чтобы он не затворил дверь. Он нас впустит, как только увидит тебя, особенно в этом итальянском платье. На его месте я бы тебя обязательно впустил.

— Дай пройти в ванную, — попросила Джулиана. — Ну пожалуйста. Меня тошнит. — Она попыталась высвободиться из его рук. — Сейчас вырвет… Пусти!

Джо выпустил ее, и Джулиана побрела в ванную.

«У меня получится», — подумала она, затворяя за собой дверь.

Нашарила кнопку выключателя. Вспыхнул яркий свет, она болезненно сощурилась. В туалетном шкафчике — спасибо предусмотрительному персоналу гостиницы — лежала пачка бритвенных лезвий, мыло и зубная паста.

«Односторонние», — подумала Джулиана, вскрывая конвертик с синеватой полосочкой стали.

Из душа текла вода. Джулиана шагнула туда — и спохватилась: «Господи боже, я в одежде! Все пропало!»

Ткань прилипла к телу. Волосы намокли. Насмерть перепуганная, она отшатнулась и едва не упала. По чулкам бежали струйки воды. Она заплакала.

Когда вошел Джо, она стояла совершенно голая, опираясь одной рукой на раковину умывальника.

— Господи Иисусе! — захныкала она. — Что теперь делать? Пропал костюм. Он из шерсти. — Она показала себе под ноги. Там мокрой грудой лежала одежда.

Очень спокойно — но с перекошенным лицом — Джо произнес:

— Не расстраивайся, костюм тебе все равно не понадобится.

Он вытер ее белым мохнатым полотенцем и отвел в теплую, устланную ковром гостиную.

— Надень белье и что-нибудь сверху. Я позвоню парикмахерше, попрошу подняться. Она не откажет, здесь есть все необходимое.

— Ты предлагал какие-то таблетки, — сказала Джулиана, когда он договорился с парикмахером.

— Забыл. Сейчас позвоню в аптечный киоск. Впрочем, погоди, у меня у самого кое-что найдется. Нембутал или еще какая-то чертовщина. — Джо схватил саквояж и стал в нем рыться.

— Я от них не сдохну? — спросила Джулиана, увидев две желтые капсулы на его ладони.

— Что?! — У него дернулась щека.

«Утроба моя сгниет, — подумала она, — чресла усохнут».

— На способность соображать это никак не повлияет?

— Не бойся. Это капсулы фирмы «А. Г. хемикален», их глотает весь рейх. Я сам иногда их принимаю от бессонницы. Сейчас принесу стакан воды. — Джо бегом бросился в ванную.

«Лезвие, — подумала она. — Я проглотила его,

и оно навеки останется во мне, будет резать внутренности… Расплата. Замужем за евреем и снюхалась с гестаповцем-террористом. — Она чувствовала, как по щекам ручьями бегут слезы. — Кара за все мои грехи».

— Пошли, — сказала она, поднимаясь на ноги. — В парикмахерскую.

— Ты не одета!

Джо усадил ее и попытался натянуть на нее трусики, но безуспешно.

— Нужно сделать что-нибудь с твоими волосами, — простонал он. — Где же эта Hure,[113] эта женщина?!

Медленно, с трудом выговаривая слова, Джулиана повторила:

— Где же эта хуре… поделом дуре… не выжить в адской буре… Это все капсулы. Прожигают меня. Что за зелье? Наверное, терпентиновая кислота. Порошки соединились в животе, и получился самый ужасный растворитель, и будет он меня разъедать веки вечные.

Сильно побледневший Джо не сводил с нее глаз.

«Все понимает, — решила Джулиана. — У него

---

[113] Примечания: 113
Шлюха *(нем.)*.

есть машинка для чтения мыслей. Только не знаю, где она спрятана».

— Ну и лекарство, — сказала она. — Голова от него кругом.

— Но ты его не проглотила! — Он ткнул пальцем ей в кулак.

Разжав ладонь, Джулиана увидела капсулы.

— Ты свихнулась. — Джо вдруг стал тяжелым, медлительным, будто некая огромная инертная масса. — Мы не сможем ехать!

— Не надо врача, — пролепетала Джулиана. — Все пройдет.

Она попыталась улыбнуться. Чтобы узнать, удалось это или нет, вгляделась в его лицо.

«Отражение от его мозга… Он ловит мои мысли, едва они успевают родиться».

— Я не могу везти тебя к Эбендсену, — произнес он. — Сегодня ничего не выйдет. Отложим на завтра. Может, тебе полегчает. Завтра попробуем. Надо.

— Можно, я еще разок схожу в ванную?

Он рассеянно кивнул, думая о своем.

Оказавшись в ванной, Джулиана достала из тумбочки еще одно лезвие, спрятала в ладони и вышла.

— До свидания, — сказала она.

Когда она отворяла дверь в коридор, Джо с криком подскочил и схватил ее за плечо.

Вжик.

— Какой ужас! — изумилась Джулиана. — Они способны на насилие! Мне следовало это знать.

«Держитесь теперь, карманники и ночные бродяги! Я любому дам отпор! Кстати, а куда девался этот? Схватился за шею и пустился в пляс!»

— Не стой у меня на пути, если не хочешь получить взбучку, — сказала она. — Не смотри, что я женщина.

Подняв руку с лезвием, она другой рукой отворила дверь. Джо сидел на полу, прижав обе ладони к горлу.

— Прощай. — Джулиана хлопнула дверью и оказалась в коридоре, на теплом ковре.

Навстречу, опустив голову и что-то напевая и поглядывая на номера дверей, катила тележку женщина в белом халате. Когда она поравнялась с Джулианой, глаза ее выпучились, а челюсть отвисла.

— Ох ты, голубушка! — затараторила женщина. — Ну и набралась же! Не парикмахер тебе нужен, а… Ступай-ка в номер и накинь на себя что-нибудь, пока из гостиницы не выставили. Господи боже! Пусть дружок приведет тебя в

чувство, а я пока спущусь вниз и скажу, чтобы тебе принесли горячего кофе. Ну-ка, не стой здесь, заходи! — Она затолкала Джулиану обратно в номер и хлопнула дверью.

Послышалось удаляющееся шуршание колес тележки.

«Парикмахерша».

Опустив глаза, Джулиана поняла, почему женщина приняла ее за пьяную, — она стояла в чем мать родила.

— Джо, меня не выпускают, — пожаловалась она. Затем нашла свой чемодан и вытряхнула одежду на кровать. Нижнее белье, блузка, юбка… туфли на низком каблуке. — Загоняют обратно. — Она отыскала расческу, быстро причесалась. — Та женщина права, я на ногах почти не держусь. — Она пошла искать зеркало. — Так лучше?

Зеркало обнаружилось на дверце стенного шкафа. Джулиана оглядела себя со всех сторон, даже встала на цыпочки.

— У меня в голове такая неразбериха! — сообщила она, оглянувшись. — Почти не соображаю, что делаю. Ты, наверное, меня чем-то опоил. От этой гадости еще сильнее тошнит.

— Слушай, — прохрипел Джо. Он все еще сидел на полу, держась за горло. — Ну и дрянь же ты!

Перерезала мне аорту на шее.

Джулиана захихикала, прижав ладонь к губам.

— Господи, он просто чокнутый. Вечно путает слова. Аорта на груди. Ты имеешь в виду сонную артерию.

— Если я пошевелюсь, то за две минуты истеку кровью. Ты это знаешь. Мне нужен врач или «Скорая помощь». Понимаешь? Ты это нарочно сделала? Нарочно, как же иначе… Ладно. Ты сходишь за помощью? Или позвонишь?

Поразмыслив, она подтвердила:

— Нарочно.

— Ну, так поможешь? Сходишь за врачом?

— Сам иди.

— Не могу закрыть вену, кровь идет.

Кровь и в самом деле просачивалась между пальцами и стекала по запястьям. На полу образовалась лужа.

— Боюсь идти! Я подожду здесь.

Джулиана надела шубку, застегнула кожаную сумочку, взяла чемодан и коробки с покупками, сколько могла унести; среди них была и коробка с аккуратно сложенным итальянским платьем. Отворяя дверь, она обернулась и сказала:

— Может, я скажу администратору. Внизу.

— Угу, — промычал он.

— Так и быть, скажу. Не ищи меня в Каньон-Сити, я туда не вернусь. Да и незачем мне туда возвращаться. Я ведь взяла почти все твои деньги. Все не так уж и плохо. Прощай и прости. — Она хлопнула дверью и со всех ног бросилась по коридору.

В лифте ей помогли пожилой бизнесмен и его жена. Они взяли у Джулианы коробки, а внизу, в вестибюле, позвали коридорного.

Носильщик вынес ее вещи на улицу и объяснил, как получить машину. Через несколько минут она стояла в холодном бетонном гараже возле своего «Студебеккера». Служащий развернул машину, Джулиана вынула из кошелька мелочь, расплатилась, уселась за руль и по залитому желтым светом пандусу выехала на улицу, в царство фонарей, автомобилей и неоновых вывесок. Швейцар в ливрее собственноручно уложил ее вещи в багажник и улыбнулся столь лучезарно, что Джулиана не удержалась и дала ему огромные чаевые. К немалому ее удивлению, никто не попытался преградить ей путь.

«Должно быть, верят, что Джо уплатит, — решила она. — А может, уплатил вперед».

Затормозив у светофора, она вспомнила, что не сказала администратору о Джо.

«Так и прождет до конца света, — подумала она. — А может, дотянет до завтра, когда придет горничная с уборкой. Может, вернуться? Или позвонить? Пожалуй, надо остановиться у ближайшей телефонной кабины».

«Как все глупо, — размышляла она, отыскивая взглядом место для стоянки. — Кто бы мог подумать? Еще час назад мы бродили по магазинам, входили в гостиницу. Мы уже почти оделись, собрались в ресторан, а то и в ночной клуб. — Джулиана вдруг почувствовала, как по щекам текут слезы и капают на блузку. — Как жаль, что я не посоветовалась с оракулом, он бы меня предостерег, объяснил, как быть. И почему я о нем забыла? Сколько раз могла к нему обратиться — и в пути, и даже перед отъездом».

Она невольно застонала; звук этот, впервые в жизни вырвавшийся из груди, испугал Джулиану. Но, даже стиснув зубы, она не смогла подавить это тихое поскуливание.

Она притормозила у тротуара, однако осталась сидеть в урчащей машине, дрожа и сжимая в карманах шубки кулаки.

«Господи, — всхлипнула она, — что же со мной творится?»

Решив разобраться в происходящем, Джулиана

вышла из машины, перетащила чемодан из багажника на заднее сиденье, раскрыла и извлекла из вороха одежды черный двухтомник оракула. Уселась и при свете витрины универмага подбросила несколько раз три скалистогорских десятицентовика.

«Как быть? — спросила она. — Подскажи, пожалуйста, что мне делать».

Получилась сорок вторая гексаграмма, «Приумножение», с подвижными второй, третьей, четвертой и верхней чертами. Значит, сорок вторая гексаграмма переразвивается в сорок третью, «Выход». Она жадно проглотила текст, запоминая и обдумывая в первую очередь благоприятные места. Боже, еще одно чудо — «И-цзин» описал ее ситуацию. Все, что было необходимо ей сделать, было изложено тезисно, схематично, скупыми и точными фразами:

«Благоприятно иметь, куда выступить. Благоприятен брод через великую реку».

«Это путешествие, — решила она. — Надо куда-нибудь отправиться и совершить что-нибудь значительное. Теперь пройдемся по чертам…»

Она беззвучно шевелила губами, взгляд искал афоризмы.

«Можно и приумножить то, в чем недостаток,

черепахой-оракулом ценой в 10 связок монет. От его указаний невозможно уклониться. Вечная стойкость — к счастью. Царю надо проникнуть — жертвами к богам. Счастье».

Далее, «шестерка» на третьей позиции. У Джулианы закружилась голова.

«Приумножай и при посредстве несчастных событий. Хулы не будет. Если сам, обладая правдой, пойдешь верным путем, если заявишь об этом князю и поступишь по его мановению, то хулы не будет».

Князь?.. Эбендсен, кто же еще. Черепаха — новый экземпляр его книги. Несчастливые события — оракул знает, что с ней стряслось, этот ужас с Джо, или кто он там…

Она прочла афоризм к «шестерке» на четвертом месте: «Если, идя верным путем, заявишь об этом князю, то все за тобой пойдут».

«Я обязана туда добраться, — поняла Джулиана. — Даже если Джо будет преследовать».

Она поспешила прочесть текст последней подвижной черты, верхней «девятки»: «Ничего не приумножит это, а, пожалуй, разобьет это. При воспитании сердец не будь косным. Иначе — несчастье».

«О господи! — мысленно воскликнула она. —

Это означает убийцу. Рано или поздно Джо или другой гестаповец доберется до Эбендсена, вот о чем говорит оракул».

Она быстро заглянула в сорок третью гексаграмму.

«Поднимаешься до царского двора. Правдиво возглашай. А если и будет опасность, то говори от своего города. Неблагоприятно браться за оружие. Благоприятно иметь куда выступить».

«Значит, нет смысла возвращаться в гостиницу и доводить дело до конца. Это бесполезно — вместо Джо пришлют других. Оракул настойчиво советует иное: добраться до Шайенна и предупредить Эбендсена. Я должна сказать ему всю правду».

Она закрыла книгу и пересела за руль.

Вскоре Денвер остался позади. Перед Джулианой тянулось к горизонту широкое шоссе. Она до отказа выжимала газ, двигатель то и дело взревывал, отчего вздрагивало сиденье и погромыхивало в бардачке.

«Благодарение Богу за доктора Тодта и его автострады», — подумала Джулиана.

Она неслась сквозь тьму и в свете фар видела только белую полосу на дороге.

К десяти вечера ей еще не удалось добраться до

Шайенна — сказались усталость и нервное перенапряжение. Ничего не оставалось, как съехать с автобана и заночевать.

Вскоре ей попался на глаза дорожный указатель: «Грили — 5 миль».

«Завтра утром доеду», — решила Джулиана, сворачивая к Грили.

Ей сразу попалось несколько мотелей с подсвеченной вывеской «Места есть», так что с ночлегом не возникло проблем.

«Сегодня же позвоню Эбендсену и предупрежу о приезде», — решила она.

На стоянке она выбралась из машины и устало потянулась, радуясь возможности выпрямить ноги. Заметив круглосуточно работающую аптеку, Джулиана сунула руки в карманы и направилась к ней по тротуару. Вскоре она стояла в телефонной кабине и просила телефонистку соединить ее с Шайенном.

Слава богу! В телефонной книге нашелся номер Эбендсенов.

— Будьте любезны, соедините, — попросила Джулиана и опустила в щель несколько четвертаков.

— Алло? — неожиданно прозвучал в трубке приятный женский голос. Видимо, его облада-

тельница была одного возраста с Джулианой.

— Миссис Эбендсен? — спросила Джулиана. — Могу я поговорить с мистером Эбендсеном?

— А кто вы?

— Я прочла его книгу и весь день ехала из Каньон-Сити, штат Колорадо. Сейчас я в Грили. Думала, доберусь к вам еще сегодня, но не получилось. Я хочу узнать, можно ли мне завтра увидеться с мистером Эбендсеном.

После паузы миссис Эбендсен произнесла все тем же приятным голосом:

— Да, конечно, но… Скажите, а… у вас есть какая-нибудь особая причина для встречи с моим мужем? Видите ли, уже поздно, а мы рано ложимся спать. К тому же мой муж сейчас так занят…

— Я хочу с ним поговорить, — сказала Джулиана.

Собственный голос показался ей каким-то тусклым, деревянным. Разглядывая стену кабины, она не знала, что бы еще сказать. У нее ныло все тело, во рту пересохло. За стеклом кабины она видела аптекаря, взбивающего молочный коктейль для четырех подростков. Джулиане сразу захотелось туда: она едва реагировала на вопросы миссис Эбендсен. Скорее бы заказать что-нибудь освежающее — прохладительный напиток и к нему

сэндвич с салатом и курицей.

— Готорн работает совершенно бессистемно, — звучал в трубке живой, звонкий голос миссис Эбендсен. — Насчет встречи я ничего не могу обещать — возможно, ему захочется проработать весь день напролет. Но если вы отдавали себе в этом отчет, когда отправлялись в путь…

— Да, — подтвердила Джулиана.

— Я уверена, он с радостью потолкует с вами, если выкроит несколько минут, — продолжала миссис Эбендсен.

— Я прочла его книгу, и мне очень понравилось, — сказала Джулиана. — Она у меня с собой.

— Понимаю, — произнесла миссис Эбендсен благожелательным тоном.

— Я много времени потратила в Денвере на магазины.

«Нет, — подумала Джулиана. — Надо не так. Совсем не так».

— Видите ли, приехать в Шайенн мне велел оракул.

Миссис Эбендсен ахнула.

— Я вам прочту. — Джулиана захватила оракул в кабину. Положив том на полку под аппаратом, она торопливо стала искать нужную страницу. — Секундочку.

Отыскав, она зачитала текст гексаграммы «Приумножение». Дойдя до верхнего яо, до предупреждения о несчастье, она услышала возглас на другом конце провода.

— Простите? — спросила Джулиана.

— Продолжайте, — произнесла миссис Эбендсен. Голос ее, как заметила Джулиана, зазвучал напряженнее, в нем появилась тревога.

Джулиана прочитала текст сорок третьей гексаграммы, об опасности, и умолкла. В трубке тоже молчали.

— Ну что ж, — наконец сказала миссис Эбендсен, — в таком случае завтра увидимся. Не могли бы вы представиться?

— Джулиана Фринк, — сказала Джулиана. — Большое спасибо, миссис Эбендсен.

Тут вмешалась телефонистка, возмущаясь, что время разговора давно истекло. Джулиана повесила трубку и, забрав кошелек и два тома оракула, побрела к буфетной стойке.

Заказав сэндвич с кока-колой и закурив сигарету, она с ужасом осознала, что ничего не сказала миссис Эбендсен об этом гестаповце, или эсэсовце, или кто он там — словом, о Джо Чиннаделле, которого она бросила в гостиничном номере.

«Забыла! — упрекнула она себя. — Напрочь

вылетело из головы. Как это могло случиться? Должно быть, я спятила. Чокнутая дурища».

Она порылась в сумочке, ища мелочь для повторного звонка.

«Нет, — решила Джулиана и снова опустилась на стул. — Сегодня больше не буду звонить. Очень уж поздно. Я устала, да и они, наверное, уже спят. Будь что будет».

Она съела сэндвич, выпила кока-колу и отправилась в ближайший мотель, где сняла номер и заснула, едва добравшись до постели.

Глава 14

«Ответа не существует, — размышлял Нобусукэ Тагоми. — Нет понимания. Даже оракул ничего не дает. И все-таки я должен жить дальше. День за днем. Я буду продолжать, я буду находить смысл по крохам. Жить невидимкой. Жить — это главное. Пока не настанет тот час, когда…»

Он привычно попрощался с женой и вышел из дому. Но в этот раз не направился, как всегда по утрам в будни, к зданию «Ниппон таймс».

«Может, пора отдохнуть? Съездить к Золотым Воротам, там зоопарк, аквариум… Побывать среди живых существ, не умеющих думать, но все же способных радоваться?

Быть посему. Ехать на велорикше туда долго, хватит времени для проникновения в истину. Если можно так выразиться.

Но деревья и твари земные безлики. Мне же необходимо ухватиться за человеческую жизнь. Это превратит меня в малое дитя; возможно, так даже лучше. В моих силах получить от этого пользу».

Рикша давил на педали, веломобиль мчал по Керни-стрит к деловому центру Сан-Франциско.

«Не прокатиться ли по канатной дороге? — вдруг подумалось Тагоми. — Счастье в чистом виде, удовольствие, от которого слезы на глазах, — путешествие на транспортном средстве, чудом дотянувшем до наших дней, хотя ему полагалось бы исчезнуть еще в начале века».

Он отпустил велотакси и зашагал по пешеходной дорожке к ближайшей вышке.

«Быть может, — думал он, — я никогда не вернусь в здание “Ниппон таймс”, где остался запах смерти. Карьера окончена, но это не беда. Совет по делам Торговых миссий найдет мне замену. Но Тагоми все еще существует, ходит, помнит каждую мелочь. Значит, еще не конец.

В любом случае война — операция “Одуванчик” — всех нас сотрет с лица земли. Что бы мы ни предпринимали. Теперь наши враги — те, на чьей стороне мы сражались в последнюю войну. И какой нам от той бойни прок? Наверное, надо было драться не за, а против них. Или хотя бы способствовать поражению, помогая их врагам, Соединенным Штатам, Англии, России.

Но с какой стороны ни взгляни, все безнадежно.

Оракул полон тумана. Возможно, он уходит из мира людей, покидает его с печалью. Мудрые

уходят…».[114]

«Мы вступаем в Момент, когда мы одиноки. И не можем, как раньше, получить помощь. Возможно, это тоже на пользу, — решил Тагоми. — Или из этого можно пользу извлечь. Человек должен искать свой Путь. Должен пытаться».

Он сел в вагончик канатной дороги на Калифорния-стрит, проехал до самого конца и даже помог развернуть пережиток старины на деревянном поворотном круге.

Вагончик, поскрипывая, повез его назад, Тагоми в задумчивости смотрел вниз. Из всех впечатлений от города это было для него самым ярким, но то — прежде; здесь же и сейчас душевная пустота ощущалась еще резче, будучи усилена пустотой вокруг.

Разумеется, он поехал назад. Но…

«Это уже лишь формальность», — признался себе Тагоми, глядя на проплывающие внизу улицы, дома и вереницы машин и повозок.

Возле Стоктона он встал, чтобы выйти. Но у ступенек его остановил возглас кондуктора:

— Ваш портфель, сэр!

— Спасибо. — Тагоми взял портфель и вежливо

---

[114] Примечания: 114

Учитель сказал: «Мудрые уходят от общества; стоящие ниже их покидают место, где нет порядка» (Конфуций, «Лунь Юй»).

поклонился.

Вагончик лязгнул и двинулся дальше.

В портфеле лежал бесценный коллекционный «кольт» сорок четвертого калибра. Теперь Тагоми не расставался с оружием, на случай если мстительные бандиты из СД захотят расквитаться с ним за смерть своих приятелей… всякое в жизни бывает. И все-таки Тагоми чувствовал, что это нарушение привычного течения жизни — какой бы ни была его подоплека — признак неврастении.

«Не надо поддаваться, — убеждал он себя, шагая по тротуару с портфелем в руке. — Прочь, фобии, мании и френии!»

Но избавиться от тяжести на душе не удавалось.

«Он — в моей хватке, я — в его», — подумал Тагоми о револьвере.

«Так, значит, теперь я к нему отношусь без восторга? Паче того, все мои инстинкты гонят память о содеянном? Пропало не только преклонение перед этим «кольтом» — пропала сама тяга к коллекционированию. Увы! Опора моей жизни, уголок, где я прятался в душевном покое и уюте…»

Он остановил велотакси и велел рикше везти его на Монтгомери-стрит, к магазину Роберта

Чилдена.

«Попробую ее найти, нить, связывавшую меня с любимым занятием. Попробую спасти свое давнее увлечение с помощью уловки, обменяв оружие на другую вещь “с историей”. История же этого револьвера слишком субъективна. В самом худшем смысле. Но она останется при мне, умрет со мной вместе; револьвер никому ни о чем не расскажет. Так я освобожусь, — решил Тагоми с воодушевлением. — Избавившись от «культа», избавлюсь и от всех проблем. Туман прошлого уйдет, ведь он не только в моей голове, но и, если верить теории историчности, в револьвере. Мы с ним — переменные одного уравнения».

Веломобиль подъехал к магазину.

«Я здесь столько всего приобрел, — подумал Тагоми, расплачиваясь с рикшей. — И для себя, и для деловых подарков».

Он быстро вошел в магазин. Чилден стоял у кассы и протирал тряпкой какую-то вещицу.

— Господин Тагоми, — поклонился Чилден.

— Мистер Чилден, — поклонился в ответ Тагоми.

— Какой сюрприз! Я рад без меры. — Чилден вышел из-за прилавка.

Посетитель заметил перемену в хозяине ма-

газина.

«Какой-то он не такой, как всегда. Менее суетный, что ли. Вот и хорошо, — решил Тагоми. — А то вечно трещит без умолку, мельтешит перед глазами. А вдруг это дурной знак? Все возможно».

— Мистер Чилден, — заговорил Тагоми, ставя портфель на прилавок и расстегивая замок, — мне бы хотелось вернуть вещь, купленную у вас несколько лет назад. Помнится, вы совершали подобные сделки.

— Да, — кивнул Чилден. — Но это зависит от состояния вещи, и не только. — Он встревоженно смотрел на посетителя.

— «Кольт сорок четыре», — уточнил Тагоми, выкладывая и раскрывая тиковый футляр.

Некоторое время они разглядывали револьвер и принадлежности: пулелейку, отвертку, емкости, в которых недоставало боеприпасов. Лицо Чилдена помрачнело.

«Не хочет, — догадался Тагоми. — Ну что ж…»

— Вы не заинтересовались? — спросил он.

— Нет, сэр, — твердо ответил Чилден.

— Не буду настаивать. — Тагоми почувствовал, как его покидают силы.

«Размяк, — с грустью решил он. — Боюсь, мною

завладевает инь, я становлюсь внушаем и податлив».

— Извините, господин Тагоми.

Посетитель ответил поклоном и уложил револьвер в портфель.

«Судьба. Расстаться с этой вещью не удастся».

— Сэр, вы огорчены?

— Вы заметили? — Тагоми расстроился еще больше: неужели он раскрыл свой внутренний мир нараспашку?

— У вас есть какая-то особая причина продать эту вещь?

— Нет, — буркнул Тагоми, спеша замкнуться в себе.

Помедлив, Чилден произнес:

— Я… сомневаюсь, что этот револьвер куплен в моем магазине. Не могу его припомнить.

— В этом я уверен, — сказал Тагоми. — Впрочем, не имеет значения. Пусть будет так, как вы решили. Я не в претензии.

— Позвольте показать вам новые поступления, — предложил Чилден. — Надеюсь, вы не спешите?

Душа Тагоми встрепенулась.

— Что-нибудь особенное?

— Прошу вас, сэр. — Чилден подвел его к запер-

тому прилавку у противоположной стены.

Под стеклом на черном бархате сверкали маленькие металлические завитушки самого дивного облика, самых непривычных форм — даже не форм, а намеков на них. У склонившегося над стеклом Тагоми сразу возникло очень странное чувство.

— Я показываю их всем, кто сюда заходит, никого не щажу, — улыбнулся Чилден. — Вы знаете, что это такое, сэр?

— Похоже на бижутерию, — предположил Тагоми, угадав в одной из вещей брошь.

— Разумеется, это американские изделия, но они не старинные.

Тагоми поднял глаза.

— Это современное искусство. — Бледное, невыразительное лицо Роберта Чилдена горело восторгом. — Перед вами — новая жизнь моей страны. Она начинается с крошечных всходов, ростков красоты.

Он поднял стекло, и Тагоми с деланым интересом перебрал несколько безделушек.

«Да, — подумал он, — в них есть нечто новое, оживляющее. Здесь рождается закон Дао: повсюду господствует инь, а в темнейших глубинах уже мерцают первые искорки света. Это случалось

раньше, и я вижу, как это происходит теперь. И все же для меня это не более чем бесполезный хлам. Я не могу, как мистер Р. Чилден, увлечься этими игрушками. Жаль, но ничего не поделаешь».

— Очень мило, — пробормотал он и вернул украшения на прилавок.

С натугой в голосе Чилден заявил:

— Сэр, это приходит не сразу.

— Простите?

— Надо увидеть сердцем.

— Вы обратились в новую веру, — заключил Тагоми. — Хотел бы и я тоже… Но, увы, — не могу. — Он поклонился.

— Может, в другой раз, — задумчиво произнес Чилден, провожая его к выходу.

«Больше ничего не пытается мне продать», — с удивлением понял Тагоми.

— Ваша убежденность сомнительна, — сказал он в дверях. — Похоже, вы пошли ошибочным путем.

От прежнего раболепия Чилдена не осталось ничего.

— Простите, но я прав. В этих вещах я отчетливо вижу крошечный зародыш будущего.

— Да будет так, — согласился Тагоми. — Но

меня не вдохновляет ваш англосаксонский фанатизм. — Все же он чувствовал, как в душе пробуждается надежда. Его надежда, его вера в себя. — Всего доброго, — поклонился Тагоми. — На днях я загляну — проверю, сбывается ли ваше пророчество.

Хозяин магазина молча поклонился в ответ.

Тагоми взял портфель с «кольтом» и двинулся прочь.

«Как пришел, так и ухожу. Ничего не обретя. Не представляя, что мне понадобится, если… если захочу вернуться в мир.

А может, купить одну из тех странных безделиц? Подержать ее, рассмотреть повнимательнее, подумать… Может быть, со временем она подскажет мне путь назад? Вряд ли. Что хорошо для Чилдена, то едва ли годится для меня. И все же, если хоть один человек находит свой путь… это говорит о том, что Путь существует. Путь для всех. Пусть даже лично для меня он недостижим.

Как я ему завидую!»

Тагоми повернулся и пошел обратно. В дверях, следя за его приближением, стоял Чилден. Он и не уходил с порога.

— Сэр, — обратился к нему Тагоми, — я куплю одно из этих украшений, на ваш выбор. Веры

во мне нет, но сейчас я хватаюсь за каждую соломинку. — Вслед за Чилденом он прошел в магазин и приблизился к прилавку с бижутерией. — Я буду носить ее с собой и время от времени рассматривать. Скажем, раз в день. Если через два месяца я не…

— Вы сможете вернуть ее за полную стоимость, — пообещал Чилден.

— Благодарю. — Тагоми полегчало.

«Иногда следует пробовать что-нибудь новое, — решил он. — В этом нет ничего предосудительного, напротив, это признак мудрости, правильного понимания жизни».

— Вот это вас успокоит. — Чилден выложил серебряный треугольник, украшенный полыми шариками. Внизу вещица была темная, сверху — яркая, полная света.

— Спасибо, — поблагодарил Тагоми.

* * *

Доехав на веломобиле до Портсмут-сквер, маленького открытого парка на склоне холма над Керни-стрит и зданием полиции, Тагоми уселся на залитую солнцем скамью. По усыпанным гравием дорожкам в поисках корма семенили голуби. На скамейке дремали или читали газеты

люди, смахивающие на бродяг. Некоторые спали прямо на траве.

Достав из кармана бумажный пакетик с этикеткой «Американских художественных ремесел», Тагоми посидел, держа его между ладоней и вбирая в себя солнечное тепло, затем открыл пакет и поднес покупку к глазам. Здесь, в спокойной, умиротворяющей обстановке, среди невысокой травы и дорожек для стариков, ему предстояло изучить серебряную загогулину.

Треугольник отражал полуденное солнце, точно зеркальце Джека Армстронга, игрушка для потребителей сухих завтраков.[115]

Или… Он решил проникнуть взглядом в глубину; для этого требовалось сосредоточиться, отрешиться. «Аум», как говорят брахманы… Может, на его ладони съежилось пятнышко, в котором заключено все сущее? Ведь есть и размер, и форма. Есть по крайней мере намек на них.

Тагоми пристально вглядывался в предмет.

---

[115] Примечания: 115

Джек Армстронг — герой детской многосерийной радиопьесы «Джек Армстронг, всеамериканский мальчик и небесный король». В его экипировке множество будоражащих детское воображение вещей, таких как светящееся в темноте кольцо для чтения и составления шифрованных сообщений, зеркало для передачи сигналов на расстояние, ручка для тайнописи, увеличительное стекло и т. п. «Зеркальце Джека Армстронга» можно было получить по почте, отправив фирме-производителю верх от коробки с хлопьями и 25 центов.

«Придет ли ко мне то, что обещано Чилденом? Пять минут, десять… Буду сидеть, пока могу. Увы, время продает свои акции коротко. Так что же я держу на ладони, пока оно, время, у меня есть?»

«Прости, — мысленно обратился Тагоми к треугольнику. — На нас всегда давят обстоятельства, побуждают к действиям и спешке».

Он с сожалением решил вернуть вещицу в пакет.

«Последняя попытка. — Он опять сосредоточился на блестке посреди ладони. — Посмотреть глазами ребенка… имитируя невинность и веру. Как будто я на морском берегу, прижимаю к уху найденную ракушку. Только сейчас глаз вместо уха. Мир сосредоточился для меня в одном крошечном кусочке металла. Войди же в мою душу, войди и поведай, что произошло и какой в этом смысл. Мне нужно понимание и ничего кроме; мне нужна самая суть, ограниченная твоим малым объемом».

«Я прошу слишком многого, — упрекнул себя Тагоми. — А когда просишь слишком много, не получаешь ничего».

«Слушай, как же так? — про себя обратился он к треугольнику. — Помнится, продавец не скупился на посулы. А если встряхнуть тебя, как

остановившиеся старые часы? Или как кости перед решающим броском? Очнется ли таящийся внутри бог? Может, он спит. Или пошел по своим делам… Пощекотать его смехом по примеру пророка Илии?»[116]

Тагоми хорошенько встряхнул в кулаке серебряный треугольник — «крикнул громче». И снова вгляделся.

«Ты пуста, маленькая безделушка».

Ругать ее? Пугать? Что толку…

— У меня иссякает терпение, — предупредил он тихо.

А потом что делать? Выбросить в канализацию? Дышать на нее, встряхивать и снова дышать? Добиться победы любой ценой?

Тагоми засмеялся: детские игры в парке на солнышке. Спектакль для прохожих. Он смущенно огляделся. Но никто не смотрел на него. Старики дремали на скамейках. Тагоми облегченно вздохнул.

«Я все испробовал, — сообразил он. — Уговаривал, созерцал, угрожал, философствовал. Найти

---

[116] Примечания: 116

В Третьей книге Царств пророк Илия издевается над жрецами, пытающимися разбудить Ваала. («В полдень Илия стал смеяться над ними и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется» (Третья книга Царств, 18:27).

еще способ? Но что я могу? Только сидеть и держать треугольник в руке. Он меня отвергает. Допустим, еще будет шанс… Или, как выразился У. С. Гилберт, “подобная возможность не подвернется вновь”?[117]

Похоже, так и будет. Я это чувствую. В детстве я думал, как ребенок. А теперь младенческое оставлено.[118]

Надо искать ответ в других царствах. Надо искать новые подходы к предмету.

Буду действовать по-научному. Системно. Подвергая доскональному анализу каждую попытку. Да поможет мне в этом классическая Аристотелева логика».

Он сунул палец в правое ухо, чтобы заглушить отдаленный шум города, и, словно раковину, крепко прижал серебряный треугольник к левому.

Тишина.

Нет даже рокота океанского прибоя, а по сути, отраженного шума пульсирующей крови. Зна-

---

[117] Примечания: 117

Гилберт и Салливан, «Пейшенс», акт 1.

[118] Примечания: 118

«Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое» (Первое послание к Коринфянам, 13:11).

чит, слух — не помощник.

Какое еще чувство может открыть тайну? Тагоми смежил веки и принялся ощупывать каждый миллиметр треугольника. И осязать бесполезно — пальцы ничего не сказали ему. Запах? Он поднес вещицу к носу. Слабый запах металла, и только. Тагоми положил треугольник на язык, покатал во рту, как леденец. Ничего, кроме холодка металла.

Нет, все-таки — зрение. Высшее по греческой шкале чувств.

Он вертел серебряный треугольник перед глазами так и этак.

«Что я должен увидеть? — спросил себя Тагоми. — Какова может быть награда за мучительно долгое созерцание? Где ключик к неподатливой истине, сокрытой в этой штуковине?»

— Сдавайся, — велел он треугольнику. — Выкладывай свою волшебную тайну.

«Точно лягушка, поднятая со дна пруда. Я держу ее в кулаке и велю рассказать, что таят темные воды. Но лягушка не в силах даже посмеяться надо мной — она тихо задохнулась, она стала камнем или глиной. Превратилась в безжизненное вещество, столь обыденное для ее загробного мира. Металл добыт из земли, — размышлял он,

созерцая. — Снизу, из царства, что лежит в самой глубине. Царства троллей и сырых, не знающих света пещер. Из мира инь в его самом мрачном смысле. Из мира трупов, гниения и распада. Всего того, что рассыпалось, осело и накопилось слой за слоем. Из вечного и неизменного чертога духов, из времени-которое-было».

Но ведь серебряный треугольник поблескивал в солнечных лучах. Отражал свет.

«Огонь», — подумал Тагоми.

Нет, он не родня сырости и тьме. Тяжесть и усталость чужды ему; в нем пульсирует жизнь. Его стихия — эмпиреи, эфир. Как и полагается произведению искусства. Оно принадлежит к верхнему царству; оно — аспект яна. Да, это дело рук Художника, взявшего из темных, холодных недр минерал и превратившего его в лучезарную частицу неба.

Оживить мертвое. Заставить труп сверкать яркими красками. Прошлое переплавить в будущее…

«Чей ты? — задал Тагоми вопрос серебряному треугольнику. — Мертвого темного иня или светящегося живого яна?»

На ладони плясало отраженное солнце, било по глазам. Тагоми щурился, видя теперь только

игру огня.

«Тело — инь, душа — ян. Металл и пламя соединились. Внешнее и внутреннее, микрокосм на моей ладони. Может, он рассказывает о космосе? О восхождении на небеса? О времени? Проникнуть в изменчивый мир света… Да! Вот оно! Эта вещь раскрыла свою душу: свет. И завладела моим вниманием — я не могу отвести глаз. Блеск ее поверхности завораживает, гипнотизирует…»

«Я попал в твой силок, поговори же теперь со мной, — попросил он. — Хочу услышать твой голос, голос слепящего чистого белого света, который мы увидим только после смерти, если верить “Бардо Тходол”.[119]

Но я не хочу ждать смерти, не хочу ждать распада моего анимуса,[120] блуждающего в поисках нового материнского лона. Грозные и великодушные божества, мы будем обходить вас. И мягкий дымный свет. И совокупляющиеся пары. Все, кроме чистого белого света. Предстать перед

---

[119] Примечания: 119

«Бардо Тходол Ченмо», или «Тибетская книга мертвых», — описание пути через посмертные состояния, старинный текст, который тибетские жрецы читают умирающим.

[120] Примечания: 120

Анимус (animus) — дух, душа *(лат.).* Характер, совокупность мысли, чувства и воли, то есть личность, в противоположность аниме (anima), олицетворяющей инстинктивное, животное начало в человеке.

ним я готов без страха. Я чувствую горячие ветры кармы.[121] Чувствую, как несут меня они. Но при этом остаюсь здесь, на месте. Меня хорошо учили. Я не стану хорониться от чистого белого света. Иначе рискую не выбраться из круга рождений и смертей, не познать никогда свободы, не избавиться от оков. Снова упадет на меня сеть майи,[122] и я…»

Свет исчез. Тень заслонила солнце.

Тагоми держал в руке всего лишь тусклый серебряный треугольник.

Он поднял глаза: возле скамейки, улыбаясь, стоял высокий полицейский в синей форме.

— Что? — растерянно спросил Тагоми.

— Да просто смотрю, как вы возитесь с игрушкой-головоломкой.

— Головоломка? — машинально повторил Тагоми. — Это не головоломка.

— Разве эта штучка не из тех, которые надо собирать и разбирать? У моего сынишки полно таких. Попадаются очень крепкие орешки.

---

[121] Примечания: 121

Карма — в индуизме совокупность действий человека, совершенных им во всех его воплощениях, и последствий этих действий.

[122] Примечания: 122

Майя — в индуизме материальная иллюзия, созданная и управляемая Всевышним; обманчивый мир низших планов сознания.

Полицейский двинулся дальше.

«Ну вот, пропал мой шанс на нирвану, — рассердился Тагоми. — Этот белый варвар, этот недочеловек, этот неандерталец-янки решил, будто я забавляюсь детской цацкой!»

Поднявшись со скамьи, он сделал несколько неуверенных шагов.

«Возмутельные, непростительные страсти бушуют в моей груди. Надо успокоиться. Избавиться от недостойных меня плебейских, расистских, шовинистических мыслей. Двигайся, — внушал он себе. — Катарсис в движении».

Он пересек парк и вышел за ограду, на Керни-стрит.

«Такой шумный поток транспорта, и хоть бы одно велотакси, — думал Тагоми, стоя на краю тротуара. — Когда надо, его ни за что не поймаешь».

Он пошел вместе с толпой пешеходов, но вскоре замер, уставившись на чудовищную бесформенную громаду, нависавшую над крышами зданий.

— Что это? — повернулся он к прохожему, указывая на сооружение.

— Ужас, правда? Эмбаркадеро, многорядная автострада. Мало кто в восторге от этой уродины. Тут раньше были такие красивые места…

— Никогда ее не видел.

— Ваше счастье, — ухмыльнулся прохожий и пошел дальше.

«Безумный сон, — подумал Тагоми. — Надо проснуться. Куда подевались велотакси?»

Он пошел быстрее. Все вокруг имело серый, дымный, могильный оттенок. Блеклые дома и улицы, запах гари, неприятно-резкий темп движений вокруг. И ни одного велотакси. Только машины и автобусы. Автомобили, как огромные стенобитные машины, все незнакомых моделей. Он старался не замечать их — смотрел только вперед.

«Нарушение зрительного восприятия в обостренной форме. Утрачено чувство пространства — даже линия горизонта искажена, размыта. Это похоже на тяжелый астигматизм. Нужно передохнуть. Вот и закусочная. Сомнительная на вид, но все же…»

Тагоми распахнул деревянные створки дверей. Внутри одни белые, все пьют. Запах кофе. В углу надрывается музыкальный автомат. Тагоми поморщился и направился к грязной стойке. Все места заняты. Он громко попросил уступить место. Несколько посетителей оглянулись, но никто не шелохнулся!

— Я требую! — громко сказал Тагоми ближайшему белому. Нет, не сказал — крикнул в ухо.

Тот поставил чашку и посоветовал с усмешкой:

— Тодзё, ты б не нарывался.[123]

Тагоми огляделся: все смотрели на него с нескрываемой враждебностью. И никто не шевелился.

«Вселенная “Бардо Тходол”, — с горечью подумал Тагоми. — Жаркие ветры кармы, куда же вы меня занесли? Что означают видения? Сможет ли анимус выдержать это? Да, “Книга мертвых” предупреждает: после смерти ты будешь мельком замечать других людей, но все они покажутся врагами. Тебя ждет одиночество; никто не протянет руку помощи. Предстоят жуткие скитания — и царства возрожденных, страдающих и умирающих всегда охотно примут мятущийся, растерянный дух…»

Он поспешил выйти из закусочной. Дверь со скрипом затворилась за его спиной.

Тагоми снова стоял посреди тротуара.

«Где я? Вне своего мира, вне своего пространства и времени? Серебряный треугольник разрушил

---

[123] Примечания: 123

Тодзё Хидеки — японский премьер-министр в 1941–1945 гг. После войны был казнен как военный преступник.

мою реальность. Меня сорвало с якоря и несет неизвестно куда… Это больше, чем я надеялся получить. Что ж, урок будет усвоен на всю жизнь. “Я” пытается спорить со своим восприятием — спрашивается, ради чего? Чтобы потеряться в неведомых мирах и блуждать, не имея вех и поводыря?

Это гипногогический делирий.[124]

Способность воспринимать окружающее уменьшилась до такой степени, что возникло сумеречное расстройство сознания. Мир воспринимается упрощенно, символически, архетипически. Реальное перемешивается с содержимым подсознания. Типичный гипнотический сомнамбулизм.

Надо прервать это жуткое витание среди теней, заново сфокусировать сознание и восстановить личность».

Он пошарил в карманах — серебряного треугольника не было! Остался в парке вместе с портфелем!

Катастрофа!

Охваченный страхом Тагоми бросился обратно

---

[124] Примечания: 124

Гипногогический делирий — наплыв ярких сценоподобных сновидений или зрительных галлюцинаций, которые возникают при закрытых глазах, обычно в период засыпания.

по тротуару, свернул в парк. Сонные бездельники провожали его взглядами. Вот та скамейка, а на ней — портфель. Но не видать треугольника. Тагоми растерянно пошарил глазами вокруг. Вот он! Притаился в траве, там, куда его уронил хозяин, разозлившись на полицейского.

Тагоми уселся на скамейку, тяжело дыша после бега.

«Опять сосредоточиваемся на треугольнике, — сказал он себе, отдышавшись. — Ни на что не реагируем, считаем до десяти. Потом будоражащий возглас, “Erwache!”,[125] например. Все это дурацкий сон наяву, вроде фуги,[126] — подумал он. — Имитация самых порочных аспектов полового созревания вместо чистой и трезвой невинности подлинного детства. Впрочем, ничего другого я не заслуживаю. Ни Чилден, ни его художники тут ни при чем. Во всем виноват я сам, моя жадность. Нельзя заставить понимание прийти к тебе».

Он медленно сосчитал вслух до десяти и вско-

---

[125] Примечания: 125

Проснись *(нем.)*.

[126] Примечания: 126

Психогенная фуга — расстройство психики, при котором человек временно забывает, кто он такой, и полностью или частично отождествляет себя с другой личностью.

чил.

— Сгинь, морок! — воскликнул Тагоми.

«Исчезло ли наваждение? — Он огляделся. — Рассеянность, похоже, прошла. Никто не подумал о том, что меткое высказывание апостола Павла “видеть как бы сквозь тусклое стекло”[127] — это не метафора, а точный симптом нарушения зрения. Ведь мы действительно видим астигматически, в фундаментальном смысле. Наше пространство, наше время — суть творения нашей психики, и, когда они хоть на мгновение пошатнутся, это как острое расстройство вестибулярного аппарата. Мы внезапно кренимся, движения становятся разболтанными, исчезает чувство равновесия».

Тагоми уселся, спрятал серебряный треугольник в карман пальто, на колени положил портфель.

«Надо пойти и взглянуть на то отвратительное сооружение — как его назвал прохожий — многорядную дорогу Эмбаркадеро. Если оно не исчезло».

Но Тагоми боялся.

«Не могу же я здесь сидеть вечно, — убеждал

---

[127] Примечания: 127

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно, как я познан» (Первое послание к Коринфянам, 13:12).

он себя. — Надо двигаться, действовать! Время — деньги, как гласит американская поговорка. Гм, дилемма».

Два китайчонка, громко шаркая, шли мимо. Перед ними с шумом вспорхнула стая голубей; дети остановились.

— Эй, ребята! — окликнул их Тагоми и сунул руку в карман. — Подойдите.

Мальчишки боязливо приблизились.

— Вот десять центов. — Тагоми бросил монетку, и дети из-за нее устроили короткую возню. — Идите на Керни-стрит и поглядите, есть ли там велотакси. Потом вернетесь и скажете.

— А еще десять центов, когда вернемся? — спросил мальчуган постарше.

— Дам, — пообещал Тагоми. — Только вы должны сказать правду.

Мальчишки со всех ног припустили по дорожке.

«Если велотакси нет, — подумал Тагоми, — мне останется отыскать укромное местечко и застрелиться. — Он сжал портфель. — Револьвер на месте, значит, проблем не будет».

Мальчишки примчались обратно.

— Шесть! — крикнул один. — Я насчитал шесть!

— А я — пять! — воскликнул второй, задыхаясь после быстрого бега.

— Точно велотакси? Видели, как водители крутят педали?

— Да, сэр! — хором ответили дети.

Тагоми дал каждому по монетке. Поблагодарив, они убежали.

«Назад в офис. — Он поднялся. — Долг зовет. Сегодня обычный рабочий день».

Он снова спустился на тротуар.

— Такси!

Из потока транспорта вынырнуло велотакси. Смуглое лицо рикши блестело от пота, грудь вздымалась.

— Да, сэр?

— В «Ниппон таймс», — приказал Тагоми, устраиваясь поудобнее.

Изо всех сил нажимая на педали, рикша помчал его среди веломобилей и автомашин.

* * *

Незадолго до полудня Тагоми вошел в здание «Ниппон таймс» и сразу велел телефонистке на коммутаторе соединить его с Рэмси.

— Тагоми, — кратко сказал он. — Я здесь.

— Доброе утро, сэр! Счастлив слышать вас! Мы

уже начали беспокоиться. В десять я звонил вам домой, но ваша супруга сказала, что вы ушли…

— Беспорядок устранен?

— Полностью, сэр.

— Вы уверены?

— Даю слово, сэр.

Успокоившись, Тагоми положил трубку и направился к лифту.

Войдя в офис, он позволил себе осмотр — беглый, краем глаза. Рэмси не обманул — все чисто. Тагоми вздохнул с облегчением. Те, кто не присутствовал при вчерашних событиях, ни за что не догадаются, что здесь произошло. Лишь нейлоновая плитка пола вобрала в себя историчность…

В кабинете его встретил Рэмси.

— Ваша храбрость удостоена панегирика в «Таймс»! — отрапортовал он. — Там сказано… — Заметив выражение лица Тагоми, он умолк.

— Вначале о самом важном, — сказал Тагоми. — Вопрос — ответ. Как генерал Тедеки? То есть бывший господин Ятабэ?

— Он в пути. Летит в Токио секретным авиарейсом. Повсюду разослана деза, чтобы сбить врагов с его следа. — Рэмси скрестил средний и указательный пальцы от сглаза.

— А что с мистером Бэйнсом?

— Не знаю. Он заходил тайком и ненадолго, пока вы отсутствовали, но ничего не сказал. — Помедлив, секретарь добавил: — Возможно, вернулся в Германию.

— Ему было бы гораздо лучше на Родных островах, — задумчиво пробормотал Тагоми, обращаясь в основном к себе.

«Ну и ладно. Все это касается старого генерала и тех, кто стоит за ним. Это вне моей компетенции. Мной и моим офисом просто воспользовались. Так было удобно и целесообразно. Я был их… как это называется? Крышей, ширмой, скрывающей истину. Как странно, — размышлял он. — Порой крайне важно быть чем-то вроде картонного фасада. И в этом кроется частичка сатори, если я правильно понимаю его суть. Есть некая цель у всеобъемлющей иллюзии, чьи масштабы нам осознать не дано. И действует закон экономии: ничто не должно пропасть зря. Даже нереальное. Какое величие в этом процессе».

Появилась взволнованная Африкян.

— Господин Тагоми, звонили с коммутатора…

— Успокойтесь, мисс.

«Поток времени несет нас вперед», — подумал он.

— Сэр, в приемной немецкий консул. Хочет

говорить с вами. — Она перевела взгляд на Рэмси и назад. Ее лицо было неестественно бледным. — Он уже приезжал утром, но не застал…

Тагоми дал ей знак замолчать.

— Мистер Рэмси, напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Барон Гуго Рейс, сэр.

— Благодарю.

«Возможно, Чилден оказал мне услугу, не взяв револьвер обратно», — мелькнула мысль.

Прихватив портфель, Тагоми вышел из кабинета. В коридоре курил хорошо одетый белый. Хрупкое телосложение, коротко остриженные, соломенные волосы, блестящие черные оксфорды из натуральной кожи, прямая осанка. Тонкий женский мундштук из слоновой кости в зубах. Он, никаких сомнений.

— Герр Рейс? — спросил Тагоми.

Немец поклонился.

— До сего дня я имел с вами деловые контакты по почте и телефону, но видимся мы впервые, — сказал Тагоми.

— Это честь для меня. — Рейс двинулся к нему. — Даже учитывая крайне досадные обстоятельства…

— Надо думать.

Немец поднял бровь.

— Простите, из-за упомянутых вами обстоятельств мое восприятие затуманено, — сообщил Тагоми. — Наша психика — исключительно хрупкая материя…

— Да, это ужасно. — Рейс покачал головой. — Когда я услышал о…

— Прежде чем начнете литанию, позвольте мне договорить.

— Ну конечно.

— Я самолично пристрелил двоих из вашей СД.

— Департамент полиции Сан-Франциско поставил меня в известность. — Выпущенное Рейсом облако ядовитого дыма окутало обоих. — Я побывал в участке на Керни-стрит и в морге. И конечно, прочитал результаты опроса ваших людей инспекторами полиции. Все это весьма печально…

Тагоми молчал.

— Тем не менее, — продолжал Рейс, — не установлено никакой связи между этими налетчиками и рейхом. Я убежден, что все происшедшее — какой-то абсурд. Вы действовали совершенно правильно, господин Тагори.

— Тагоми.

— Давайте пожмем друг другу руки и забудем

досадный инцидент. В нынешние трудные времена нелепая публикация может воспламенить умы, повредить интересам наших наций.

— Тем не менее на моей совести пятно, герр Рейс, — сокрушенно покачал головой Тагоми. — И это не чернильная клякса. Его не выведешь.

Консул был явно раздосадован.

— Я жажду прощения, — продолжал Тагоми. — Но вы не сможете дать его мне. И похоже, никто не сможет. Я собираюсь прочесть «Дневник» знаменитого массачусетского проповедника Коттона Мэзера.[128] Говорят, он пишет о грехе и об адском огне.

Консул часто затягивался сигаретой, пристально глядя на Тагоми.

— Позвольте сообщить вам, консул, что ваша нация дошла до крайней степени подлости. Вам известна гексаграмма «Бездна»? Сейчас я говорю как частное лицо, а не как представитель японского правительства: сердце ноет от ужаса. Грядет небывалая кровавая баня. Но даже в такой момент вы лезете вон из кожи ради мелких,

---

[128] Примечания: 128

Коттон Мэзер (1663–1728) — проповедник, писатель и естествоиспытатель. Принадлежит к числу наиболее ярких идеологов пуританства. Самая известная его книга — Magnalia Christi Americana («Великие деяния Христа в Америке», 1702). «Дневник» был опубликован лишь в 1911–1912 гг.

своекорыстных интересов. Пытаетесь обмануть начальство и свалить всю вину на СД. Все шишки достанутся Кройцу фон Меерсу, а вы надеетесь выйти сухим из воды? — Тагоми запнулся — сдавило грудь.

«Астма, — мелькнула мысль. — Как в детстве, когда я сердился на мать».

— Я страдаю от болезни, которая не давала о себе знать многие годы, — пояснил он Рейсу, доставшему новую сигарету. — Недуг созревал постепенно и принял опасную форму в тот день, когда я был вынужден слушать рассказ о деяниях ваших лидеров. Болезнь, увы, неизлечима. Вы тоже больны, сэр. Говоря словами преподобного Мэзера, если я их правильно помню: «Кайтесь, согрешившие!»

— Вы их правильно помните, — хрипло произнес немец и дрожащими пальцами зажег сигарету.

Появился Рэмси с пачкой документов.

— Пока консул здесь, один рутинный вопрос, относящийся к его компетенции. — Он вручил бумаги Тагоми, который пытался справиться с приступом удушья.

Тагоми машинально взял бумаги. Форма 20–50. Запрос из рейха через его официального предста-

вителя в ТША консула барона Гуго Рейса с просьбой об экстрадиции уголовного преступника, задержанного полицией Сан-Франциско. Фрэнк Финк, еврей по национальности, гражданин Германии. В соответствии с имеющим обратную силу законом рейха, принятым в июне 1960 года, передать для этапирования и помещения в следственный изолятор генерал-губернаторства и так далее. Тагоми перечитал документ.

— Ручку, сэр? — Подавая авторучку, Рэмси с омерзением глядел на консула. — Вопрос с правительством Германии будет закрыт сегодня же.

— Нет! — Тагоми вернул Рэмси форму 20–50. Затем схватил снова и написал внизу: «Освободить из-под стражи. Торговая миссия Японии, городское правительство С.-Ф. Основание — широкое военное соглашение 1947 года. Тагоми».

Он сунул одну копию Рейсу, другую, вместе с оригиналом, — секретарю.

— Всего хорошего, герр Рейс. — Тагоми поклонился.

Немецкий консул поклонился в ответ. Он едва взглянул на бумагу.

— В будущем, пожалуйста, старайтесь обходиться без личных визитов. Пользуйтесь такими быстродействующими средствами связи, как

почта, телефон, телеграф, — продолжал Тагоми.

— Вы хотите взвалить на меня ответственность за инцидент, который не имеет никакого отношения к моему ведомству.

— Жалкие отговорки, вот что я вам на это скажу.

— Цивилизованные люди так дела не ведут, — огрызнулся Рейс. — Ваши слова продиктованы раздражением и желанием отомстить, тогда как официальное лицо не может идти на поводу у эмоций. — Он швырнул сигарету на пол, повернулся и пошел прочь.

— Забери свой вонючий окурок! — слабо выкрикнул ему вслед Тагоми.

Но консул уже скрылся за дверью.

— Ребячество. Вы были свидетелем моего возмутительного ребячества, — печально сказал Тагоми секретарю и нетвердым шагом направился в кабинет.

Он уже совершенно не мог дышать. Боль потекла вниз по левой руке, одновременно невидимый кулак двинул по ребрам.

— О-о-ох! — Тагоми схватился за бок, перед глазами исчез ковер, но зато ударил фонтан красных искр. — Помогите, мистер Рэмси! — попросил он. На самом же деле не получилось даже шепота. —

Пожалуйста…

Он споткнулся, вытянул руку, не находя опоры. Падая, Тагоми сжал в кармане серебряный треугольник.

«Ты не спас меня, — подумал он. — Не помог. Все мои попытки были напрасны».

В ноздри ударил запах ковра. Тагоми сообразил, что стоит на четвереньках. Рэмси, крича что-то невнятное, бросился на помощь.

— Похоже, небольшой сердечный приступ, — удалось пролепетать Тагоми.

— Не волнуйтесь, сэр, — сказал кто-то.

— Сообщите жене, пожалуйста, — прошептал Тагоми.

Несколько человек перенесли его на диван. Вскоре он услышал сирену «Скорой помощи». Вокруг царила суета, приходили и уходили какие-то люди. С него сняли галстук, расстегнули воротник сорочки, укрыли одеялом.

— Мне лучше, спасибо, — сказал Тагоми.

Он удобно лежал на диване, не пытаясь шевелиться.

«Карьере конец, — сокрушенно решил он. — Немецкий консул наверняка поднимет шум, нажалуется на мое хамство. И будет прав. Но что сделано, то сделано. Свою роль я отыграл, теперь

пусть действуют Токио и фракции в Германии. Моя война закончена. Вначале были пластмассы, — подумал он. — Всего-навсего пластмассы. Солидный бизнесмен. Оракул, правда, намекнул, но…»

— Снимите с него рубашку, — приказал кто-то. Очень властный тон. Несомненно, врач из персонала «Ниппон таймс».

Тагоми улыбнулся. Тон — это все.

«Может, это и есть ответ, — подумал Тагоми. — Человеческий организм — загадка, он обладает собственным знанием. Пора отойти от дел или хотя бы подыскать работу полегче.

Что сказал оракул в последний раз? Как ответил на вопрос, заданный мною в ужасе и полной растерянности, когда на полу моего кабинета лежали двое мертвых или умирающих? Шестьдесят один, “Срединная искренность”. “Свиньи и рыбы. Удача. Благоприятное время для пересечения великой реки. Время быть стойким”.[129]

Свиньи и рыбы — самые глупые существа, их труднее всего чему-то научить. Таков и я. Книга меня подразумевает. Я не смогу ничего понять до конца. А может, все, что со мной происходит, —

---

[129] Примечания: 129
Чжоу Цзунхуа. «Дао И-цзина», перевод А. Костенко.

суть проявление срединной искренности?

Подожду. Посмотрю. Разберусь.

Возможно и то и другое».

* * *

В тот вечер, сразу после ужина, дежурный полицейский отворил дверь камеры Фрэнка и велел ему собирать вещи.

Вскоре Фрэнк очутился на тротуаре Кернистрит, возле здания полиции. Было холодно. Перед домами лежали длинные тени. Мимо проносились сигналящие машины и автобусы; кричали рикши. Фрэнк постоял, затем вместе с группой пешеходов машинально пересек улицу.

Он размышлял над случившимся и ничего не понимал. Без видимых причин арестовывают и так же внезапно отпускают…

Ему ничего не объяснили, просто отдали узелок с одеждой, бумажник, часы, очки, и старый пьянчуга-охранник вывел его за ворота.

«Почему выпустили? — думал он. — Чудо? Или счастливая случайность? По логике, мне следовало бы сейчас лететь в Германию на казнь».

Он брел мимо закрытых магазинов, перешагивал через обрывки бумаги и прочий гонимый ветром мусор. Брел, не в силах поверить в реаль-

ность происшедшего.

«Словно заново родился, — размышлял Фрэнк. — Почему — словно? Черт побери, да так оно и есть — подарили вторую жизнь! И что я должен теперь делать? Кого благодарить? Кому молиться? Хотел бы я понять».

Но он чувствовал, что никогда не поймет.

«Просто радуйся, — сказал он себе. — Думай, двигайся — живи. Назад, к Эду, — мелькнуло в голове. — Вернуться в подвал, в мастерскую. Делать украшения. Работать руками, не головой. И не надо ничего выяснять».

Он стремительно зашагал по Гранд-авеню, мимо светящихся реклам, мимо распахнутых дверей баров. Назад в привычный, понятный мир.

Войдя в подвал, он застал своего компаньона за ужином: два сэндвича, термос с чаем, бананы и несколько домашних пирожков. Переводя дух, Фрэнк постоял на пороге.

Наконец Маккарти услышал его и повернулся.

— А я уж подумал, ты умер.

Он жевал и глотал с ритмичностью автомата. Рядом стоял включенный электрокамин. Фрэнк сел и протянул к обогревателю озябшие руки.

— Значит, вернулся. Молодец. — Оторвавшись от еды, Маккарти дважды хлопнул Фрэнка по

спине.

Больше он ничего не сказал. Тишина нарушалась лишь гудением электрокамина да чавканьем Эда.

Положив пальто на стул, Фрэнк набрал пригоршню недоделанных серебряных звеньев и высыпал рядом со шлифовальным станком. Надел на ось круг, обтянутый сукном, включил мотор, надвинул на глаза щиток и принялся очищать звенья от окалины. Одно за другим.

Глава 15

В эту минуту капитан Рудольф Вегенер, путешествующий под именем Конрада Гольца, оптового торговца лекарствами, глядел в иллюминатор ракетоплана МЕ 9-Е авиакомпании «Люфтганза». Впереди показалась Европа.

«Как быстро, — подумал он. — Минут через семь приземлимся в Темпельхофе.

Интересно, выполнил ли я свою задачу? Дальнейшее зависит от генерала Тедеки. От того, что он предпримет на Родных островах. Во всяком случае, информация ему передана. Мы сделали все от нас зависящее.

Но повода для оптимизма пока нет. Вдруг японцы не сумеют повлиять на германский внешнеполитический курс? Правительство Геббельса, скорее всего, удержится у власти. Окрепнув, оно вспомнит об “Одуванчике”, и тогда большая часть планеты погибнет вместе со всем своим населением — во имя безумного идеала фанатиков.

Этак рано или поздно нацисты уничтожат всех нас, останется только стерильный пепел. Они могут: у них есть водородная бомба. И они,

несомненно, попытаются, ведь их мышление устремлено к Götterdämmerung.[130]

Должно быть, они страстно мечтают об этом, и не только мечтают, но энергично ищут пути осуществления последнего вселенского холокоста.

Что оставит после себя Третье мировое безумие? Наступит ли конец жизни, вообще всякой жизни, повсеместно? Мертвая планета, сотворенная нашими руками?..»

Он не мог в это поверить.

«Даже если погибнет наша планета, где-нибудь наверняка тоже есть жизнь. Невозможно, чтобы наш мир был единственным, должны существовать другие миры, в другой галактике или ином измерении, невидимые для нас, неведомые, непостижимые. Пусть нет доказательств, пусть это противоречит логике — но я верю».

— Meine Damen und Herren! Achtung, bitte![131] — произнес громкоговоритель.

«Скоро приземлимся, — подумал капитан Вегенер. — Меня наверняка поджидают. Вопрос

---

[130] Примечания: 130

«Гибель богов» *(нем.).* Опера Рихарда Вагнера, четвертая часть цикла «Кольцо нибелунга», завершающая рассказ о царстве богов его крушением.

[131] Примечания: 131

Дамы и господа! Прошу внимания! *(нем.)*

только в том, чья фракция готовит встречу — Геббельса или Гейдриха? Допустим, обергруппенфюрер Гейдрих жив. Хотя, пока я летел, его вполне могли арестовать и расстрелять. В смутное время в тоталитарном обществе такое случается быстро…»

Несколькими минутами позже он, перекинув пальто через локоть, двигался к люку в веренице нетерпеливых пассажиров. Но на этот раз среди них не было молодого нацистского художника Лотце.

«Некому бесить меня идиотскими суждениями», — устало подумал Вегенер.

Человек из персонала аэропорта, в мундире почти как у самого рейхсмаршала, выпускал прибывших по одному на трап. На поле, чуть в стороне, стояла группка людей в черной форме.

«За мной?» — Вегенер медленно сошел по ступенькам.

Далеко впереди кричали и махали руками встречающие, среди них были и дети.

Один из черномундирников, плосколицый немигающий белобрысый парень с опознавательными знаками Ваффен-СС, поспешил к Вегенеру, щелкнул каблуками высоких сапог и отдал честь.

— Ich bitte mich zu entschuldigen. Sind Sie nicht Kapitän Rudolf Wegener, von der Abwehr?[132]

— Извините, — ответил Вегенер, — вы ошиблись. Я Конрад Гольц, представитель «А. Г. хемикален», лекарственные препараты. — Он двинулся дальше.

Навстречу ему шагнули еще двое эсэсовцев. Все трое обступили Вегенера, так что, двигаясь в выбранном направлении, он оказался под охраной. У двоих эсэсовцев под плащами были автоматы.

— Вы — Вегенер, — сказал первый, когда они вошли в здание аэровокзала.

Он промолчал.

— Вас ждет машина, — продолжал эсэсовец. — Нам приказано встретить вас и немедленно препроводить к обергруппенфюреру СС Гейдриху. Он вместе с Зеппом Дитрихом сейчас в штабе дивизии «Лейбштандарт». Вдобавок мы должны позаботиться, чтобы к вам не приближались армейцы или партийцы.

«Значит, меня не пристрелят, — решил Вегенер. — Итак, Гейдрих жив и находится в надежном месте. Сейчас он пытается укрепить свое положение. Ему противостоит геббельсовское

---

[132] Примечания: 132

Прошу прощения, вы не капитан Рудольф Вегенер из абвера? *(нем.)*

правительство. Вполне возможно, Геббельс не удержится, — размышлял он, усаживаясь в черный штабной седан. — Однажды ночная охрана рейхсканцелярии будет снята с дежурства и распущена, ее место займут наряды Ваффен-СС. Из полицейских участков ринутся во все стороны толпы вооруженных людей Гейдриха. Будут захвачены радиостанции, телеграфы, отключена электроэнергия, закрыт Темпельхоф. Бряцание оружия на ночных берлинских улицах…»

Но, в сущности, что это изменит? Даже если будет свергнут доктор Геббельс и сорвана операция «Одуванчик», они все равно останутся: черномундирники, Партай, планы войны не с Востоком, так с чем-нибудь еще. Например, с Марсом или Венерой.

«Неудивительно, что Тагоми не выдержал, — подумал Вегенер. — Жестокая дилемма нашего существования. Что бы ни происходило, побеждает зло. Тогда зачем сопротивляться? Зачем выбирать, когда все варианты дают одно и то же?

И все-таки мы будем идти дальше. Как всегда. День за днем. Сегодня мы против операции “Одуванчик”, завтра — против полиции. Нельзя сделать все сразу, поскольку нельзя предвидеть

окончательный результат. Как-то повлиять на него мы можем, лишь делая выбор на каждом шаге».

«Мы будем надеяться, — решил он. — И пытаться.

Возможно, в каком-нибудь другом мире все по-другому. Там лучше. Есть добро в чистом виде и его альтернатива — абсолютное зло. Здесь же — только смеси и примеси, и нет у нас химических приборов, чтобы их разделять и отделять.

Увы, мы живем не в идеальном обществе, где мораль ясна, поскольку ясны ее критерии. Где можно быть правым без особых усилий, поскольку ясно, что значит быть правым».

«Даймлер» тронулся с места.

«Предположим, это ловушка, — думал Вегенер, зажатый на заднем сиденье охраной; автоматы лежали у эсэсовцев на коленях. — Меня везут не к Гейдриху в “Лейбштандарт”, а в застенок Партай, чтобы вытянуть сведения и прикончить. Но я сделал выбор: предпочел рискнуть, вернуться в Германию. Я выбирал между встречей с людьми из абвера, способными защитить меня, и смертью.

Путь к смерти открыт для нас всегда, в каждый момент, на любом шаге. И постепенно мы прибли-

жаемся к ней, сами того не желая. Или, напротив, сдаемся и выбираем смерть сознательно».

Черный автомобиль мчал его по берлинским улицам.

«Вот я и дома, — подумал Вегенер. — Мой Volk, я снова с тобой».

— Какие новости? — обратился он к эсэсовцам. — Я отсутствовал несколько недель, уехал еще до смерти Бормана. Есть ли перемены в политической ситуации?

Охранник справа ответил:

— Есть, и большие. Истеричная толпа поддерживает Докторишку. В сущности, она-то и привела его к власти. Когда народ опомнится и прислушается к трезвомыслящим элементам, он вряд ли потерпит урода и демагога. Геббельс держится только на лжи и заклинаниях, на умении воспламенять массы.

— Ясно, — кивнул Вегенер.

«Междоусобица в самом разгаре, — подумал он. — Будем верить, что это пробиваются ростки света. Чудовища сожрут друг друга, а мы останемся. Возможно, нас, разбросанных по всему миру, достаточно, чтобы начать все сначала. Чтобы восстанавливать, надеяться и строить самые простые планы…»

* * *

К часу дня Джулиана Фринк добралась до Шайенна. В центре города, возле огромной старой железнодорожной станции, она купила две дневные газеты и, просматривая их, наткнулась на заметку:

«ОТПУСК ЗАВЕРШАЕТСЯ СМЕРТЕЛЬНЫМ УДАРОМ

Джулиана Чиннаделла подозревается в убийстве своего мужа Джо Чиннаделла. По свидетельству служащих денверской гостиницы “Президент Гарнер”, она покинула отель сразу после того, как разыгралась кровавая драма. В номере найдена распечатанная упаковка бритвенных лезвий. Очевидно, одним из них и воспользовалась миссис Чиннаделла, по описаниям привлекательная, хорошо одетая брюнетка лет тридцати. Тело ее мужа с перерезанным горлом обнаружил Теодор Феррис, служащий гостиницы, который всего получасом ранее забрал у клиента рубашки на глажение и вернулся, как было договорено. По словам

полицейских, в номере остались следы борьбы, что дает основания для версии о бытовой ссоре…»

«Значит, он умер, — подумала Джулиана, складывая газету. — Но у полиции даже нет моей настоящей фамилии, обо мне ничего не знают».

Почти успокоенная, она ехала, пока не наткнулась на сносный мотель. Джулиана сняла номер и перенесла туда свертки из машины.

«Теперь ни к чему торопиться, — решила она. — К Эбендсенам наведаюсь вечером; кстати, это повод надеть новое платье. Нельзя же в таком наряде делать визит раньше ужина. И книгу успею дочитать».

Она удобно расположилась в номере: включила радио, заказала по телефону кофе, затем юркнула в чистую постель с новым экземпляром «Саранчи», купленным в денверской гостинице.

В шесть тридцать вечера Джулиана захлопнула книгу.

«Интересно, успел ли Джо ее дочитать? — подумала она. — Похоже, он так ничего и не понял. В ней заключен гораздо более глубокий смысл, чем кажется. И суть тут не в придуманном мире. Бьюсь об заклад: никто, кроме меня, не понял “Са-

ранчу". Людям просто кажется, что они поняли».

Все еще немного нервничая, Джулиана убрала книгу в чемодан, надела шубку и отправилась ужинать.

На улицах хорошо пахло, рекламные вывески и фонари Шайенна будоражили любопытство. Мимо проносились сверкающие лаком машины.

Напротив бара ссорились две смазливые черноглазые индианки-проститутки. Замедлив шаг, Джулиана понаблюдала за ними. Кругом царила атмосфера бодрости и ожидания каких-то важных и счастливых событий, ожидания будущего…

«Будущего, — подумала она, — а не прошлого с его затхлым и лежалым, с его использованным и выброшенным на свалку».

Джулиана остановила свой выбор на дорогом французском ресторане, возле которого скучал парковщик в белой ливрее и где на каждом столике стоял огромный винный кубок с горящей внутри свечой, и масло подавалось не порционными кубиками, а горкой в круглой масленке из белого мрамора. С аппетитом поужинав, она не спеша поехала в мотель. Банкноты Рейхсбанка почти кончились, но это ее не огорчало.

«Он поведал о нашем мире, — подумала она,

отворяя дверь номера. — О том, который нас окружает».

Она снова включила радио.

«Он хотел, чтобы мы увидели этот мир таким, каков он есть. И я вижу, с каждой минутой все яснее».

Вынув из коробки и расправив на кровати голубое итальянское платье, Джулиана убедилась, что оно не пострадало. Но, распаковав остальные свертки, обнаружила, что оставила в Денвере новый лифчик.

«Черт с ним. — Она села в кресло и закурила. — Попробую надеть с обычным бюстгальтером. — Она скинула блузку и юбку и примерила платье. Но бретельки и верхние края чашечек бюстгальтера выглядывали, так что этот вариант отпадал. — Можно, наверное, и вовсе обойтись, — подумала она — Хотя я уже много лет не ходила без лифчика…»

Это напомнило юность, когда у нее был маленький бюст. Вспомнив, она даже расстроилась. Но возраст и дзюдо сделали свое дело — у нее теперь тридцать восьмой размер.

Джулиана примерила платье без бюстгальтера и встала на табурет в ванной, чтобы увидеть себя в зеркале аптечки. Платье смотрелось просто

потрясающе, но, боже, было слишком вызывающим. Достаточно наклониться с сигаретой к огоньку или там за бокалом с напитком…

Брошь! Она позволит поднять вырез и обойтись без бюстгальтера.

Вытряхнув на кровать содержимое своей шкатулки, Джулиана перебрала броши, подаренные Фрэнком и другими мужчинами до их свадеб. Память былых времен. Была тут и новая серебряная брошь, купленная Джо в Денвере. Да, небольшая мексиканская брошка в виде лошади подойдет. И платье надеть все-таки удастся!

«Ну, хоть что-то, — сказала себе Джулиана. — А то в последнее время случалось только плохое».

Она долго и тщательно делала прическу, отчего волосы стали блестящими и хрустящими, затем выбрала сережки и туфли, надела шубку, взяла кожаную сумочку ручной работы и покинула номер.

Вместо того чтобы сесть в старый «Студебеккер», она поручила владельцу мотеля заказать такси. Пока Джулиана ждала в холле, ей пришло в голову позвонить Фрэнку.

«Почему бы и нет? — спросила она себя. — Возможно, даже платить не придется — Фрэнк так обрадуется звонку, что будет счастлив оплатить

разговор».

Джулиана подошла к стойке, прижала к уху трубку и, затаив дыхание, прислушалась к переговорам далеких телефонисток. Вначале местных, затем во Фриско.

Мембрана долго шуршала и потрескивала, наконец раздались гудки. В ожидании ответа она посмотрела в окно — такси могло появиться в любую минуту. Впрочем, неважно, шофер подождет.

— Ваш номер не отвечает, — сказала шайеннская телефонистка. — Я могу повторить вызов позже…

— Не надо. — Джулиана мотнула головой — это ведь был всего лишь каприз. — Позже меня здесь не будет, спасибо. — Она повесила трубку и решила подождать на улице.

Из потока транспорта вынырнула и прижалась к тротуару сияющая новенькая машина. Водитель торопливо вышел, обогнул такси и распахнул дверцу.

Мгновение спустя Джулиана расположилась на роскошном заднем сиденье, и автомобиль помчал ее через Шайенн к Эбендсенам.

* * *

Дом Эбендсенов — одноэтажный, оштукатуренный гипсом, окруженный садом с многочисленными декоративными кустарниками и плетистыми розами — был ярко освещен. Джулиана услышала музыку и голоса. Идя по мощенной плитками дорожке, она думала: «Не ошиблась ли я адресом? Неужели это и есть Высокий замок? А как насчет слухов и легенд?»

Дом оказался обыкновенным, хотя и был довольно красив, а парк — идеально ухожен. Рядом с домом, под навесом, она заметила детский трехколесный велосипед. Может, это не тот Эбендсен, чей адрес она обнаружила в шайеннском телефонном справочнике?

Джулиана взошла на крыльцо с чугунными перилами и нажала кнопку звонка. Дверь была приотворена. Она увидела гостиную, людей, подъемные жалюзи на окнах, пианино, камин, книжные шкафы…

«Красивая обстановка, — подумала она. — Что у них сегодня? Прием? Нет, все одеты неофициально».

Дверь распахнул взъерошенный мальчуган лет тринадцати в тенниске и джинсах.

— Вы к кому?

— Мистер Эбендсен дома? Он не занят? — спросила Джулиана.

— Мама! — позвал мальчик. — Тут к папе пришли!

К двери подошла женщина лет тридцати пяти с рыжевато-каштановыми волосами, проницательными серыми глазами и улыбкой столь нарочитой, столь понимающе-холодной, что Джулиана сразу поняла: перед ней Кэролайн Эбендсен.

— Я звонила вчера вечером, — сказала она.

— Да-да, я помню. — Улыбка миссис Эбендсен стала еще шире. У нее были идеальные зубы.

«Ирландка, — подумала Джулиана. — Только ирландская кровь может придать форме рта такую женственность».

— Позвольте вашу сумочку и шубку. Вы пришли как раз вовремя. У нас собрались друзья. Какое прелестное платье! Дом Керубини, я угадала?

Женщина провела Джулиану мимо переполненной вешалки, через гостиную в спальню, где положила ее вещи на кровать рядом с другими.

— Муж где-то здесь. Поищите высокого че-

ловека в очках с бокалом «старомодного».[133] — Мудрый свет ее глаз пронизывал Джулиану.

«Удивительно, — подумала она. — Мы сразу поняли друг друга».

— Я приехала издалека, — сообщила она.

— Да, вы говорили… Ага, вот он. — Кэролайн Эбендсен подвела ее к группе мужчин. — Дорогой, подойди сюда, — позвала она. — Тут одна из твоих читательниц рвется сказать тебе несколько слов.

К ним со стаканом в руке направился очень высокий смуглый человек с темными вьющимися волосами и карими или даже, благодаря тонированным очкам, фиолетовыми глазами. На нем был дорогой, сшитый на заказ костюм из натуральной шерсти, скорее всего, английского сукна, который без каких-либо портновских ухищрений подчеркивал широкие мускулистые плечи владельца. Джулиана впервые в жизни видела такой наряд и потому не удержалась от восхищенного разглядывания.

— Миссис Фринк целый день ехала из Каньон-Сити, чтобы поговорить с тобой о «Саранче», — представила ее Кэролайн.

---

[133] Примечания: 133

Коктейль из виски, ангостуры и содовой, с добавлением сахара и лимонной корочки.

— Я думала, вы живете в крепости, — сказала Джулиана.

Готорн Эбендсен, чтобы рассмотреть ее, был вынужден наклониться.

— Да, мы жили в крепости, — ответил он с медитативной улыбкой. — Приходилось пользоваться лифтом, и в один прекрасный день я заболел высотобоязнью. Хоть и пьян был в стельку тогда, но помню, как это случилось. Говорят, рвался наружу, по той причине, что трос лифта тянет сам Иисус Христос и мы не остановимся, пока до него не доберемся. Вот я и решил переехать.

Джулиана не поняла. Кэролайн пояснила:

— Насколько я знаю Гота, он намекает, что предпочел бы сидеть, а не стоять в присутствии Христа.

«Гимн», — сообразила Джулиана.[134]

— Итак, вы оставили Высокий замок и вернулись в город? — спросила Джулиана.

— Что-нибудь выпьете? — вместо ответа предложил Эбендсен.

— Давайте, — согласилась она. — Только не «старомодный». — Джулиана давно заметила

---

[134] Примечания: 134

Согласно древнему христианскому гимну «Те Бейт» («Тебя, Боже, хвалим»), справа от Господа сидит его сын Иисус. То есть Эбендсен шутливо претендует на равенство с Христом.

бар с несколькими бутылками виски, бутербродами, бокалами, миксером, льдом, вишнями и ломтиками апельсина. Она направилась туда в сопровождении Эбендсенов. — Плесните немного «харпера»[135] на лед. Вы знакомы с оракулом?

— Нет, — ответил Эбендсен, готовя для нее напиток.

— С «Книгой перемен», — пояснила она.

— Незнаком, — повторил он, подавая бокал.

— Прекрати ее дразнить, — попросила Кэролайн.

— Я прочла вашу книгу, — сказала Джулиана. — По правде говоря, дочитала сегодня вечером. Откуда вы про все это узнали? Про мир, о котором пишете?

Эбендсен, хмуро глядя в сторону, тер верхнюю губу суставом согнутого пальца.

— Вы пользовались оракулом?

Эбендсен молча взглянул на нее.

— Только прошу вас, не надо острить или ребячиться. Скажите без лукавства.

Сложив на груди руки, пожевывая губу и покачиваясь на каблуках, Эбендсен смотрел в пол. Шум голосов в комнате стих, те, кто находился

---

[135] Примечания: 135

I. W. Harper — сорт американского кукурузного виски (бурбона).

поблизости, прислушивались к разговору. Джулиана почувствовала перемену вокруг — ее слова не пришлись по вкусу. Но брать их назад или переводить в шутку она не собиралась — не для того зашла так далеко, в прямом и переносном смысле.

Ей был необходим ответ.

— Это… трудный вопрос, — вымолвил наконец Эбендсен.

— Нет, не трудный.

В комнате наступила полная тишина. Все смотрели на Джулиану, Кэролайн и Готорна.

— Сожалею, но я не готов ответить, — сказал Эбендсен. — Вам придется с этим смириться.

— Тогда как вы написали книгу? — настаивала Джулиана.

— Что делает эта брошь на вашем платье? — спросил он, указывая бокалом. — Отгоняет аним, враждебных духов вечного мира, или всего-навсего соединяет части в целое?

— Почему вы пытаетесь сменить тему? — спросила она. — Почему уходите от ответа, делая бессмысленные замечания?

— У каждого есть… производственные секреты, — неохотно проговорил Готорн Эбендсен. — У вас — свои, у меня — свои. Вам следует принимать

мою книгу за чистую монету — как и я принимаю то, что появляется перед моими глазами... — Он снова указал на грудь Джулианы бокалом. — Не задаваясь вопросом, настоящее там внутри или сделанное из пружинок, деревяшек и поролона. Что это, если не вера в человеческую природу и в то, что мы видим вообще?

«Похоже, он раздражен и волнуется, — решила Джулиана. — Куда подевались вежливость и гостеприимство? И Кэролайн, — заметила она краем глаза, — больше не улыбается — губы плотно сжаты, лицо сердитое».

— В книге вы показываете, что существует выход. В этом ее смысл?

— Выход?.. — насмешливым эхом отозвался он.

— Вы мне очень помогли. Я поняла, что нет смысла бояться, нет смысла жалеть, ненавидеть, избегать и убегать. Или преследовать.

Эбендсен рассматривал ее, покачивая бокал.

— По-моему, в этом мире очень многое стоит свеч, — вымолвил он.

— Я знаю, что вам приходит на ум. — Джулиане были не в новинку такие взгляды, но с недавних пор они перестали ее волновать. — В гестаповском досье утверждается, что вам нравятся такие женщины, как я.

Эбендсен лишь слегка изменился в лице.

— Гестапо не существует с сорок седьмого.

— Ну, значит, в СД, или где-то там еще.

— Вы не могли бы объяснить подробнее? — резко спросила Кэролайн.

— Могу и хочу, — ответила Джулиана. — Я приехала в Денвер с одним из них. Они твердо решили добраться до вас рано или поздно. Вам бы спрятаться куда-нибудь, где вас не смогут найти, а не жить у всех на виду, впуская в дом кого попало. Меня, например. Когда сюда пришлют следующего убийцу, может не найтись человека, чтобы остановить его.

— Вы сказали — следующего, — произнес Эбендсен, обдумав ее слова. — А что с тем, который был с вами? Почему он не здесь?

— Я перерезала ему горло, — кратко ответила она.

— Это что-то, — пробормотал Эбендсен. — Услышать такое от женщины, которую видишь впервые в жизни…

— Вы мне не верите?

— Ну что вы… — Он как-то по-доброму, виновато улыбнулся. Видимо, ему и в голову не пришло усомниться в ее словах. — Спасибо.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них, — попросила

Джулиана.

Он отрицательно покачал головой.

— Видите ли, мы пытались. Вы же читали на обложке: оружие, проволока под током и все такое… Я так написал, чтобы создать видимость, будто и сейчас живу в крепости. — В его голосе слышалась усталость.

— Ты хоть бы оружие носил, — укорила его жена. — Знаю, когда-нибудь впустишь в дом незнакомца, и он пристрелит тебя. Какой-нибудь нацистский профессионал.

— Если захотят, они все равно до меня доберутся, — отмахнулся Эбендсен. — Несмотря на Высокий замок, колючую проволоку и прочее.

«Так ты фаталист, — подумала Джулиана. — Сам себе подписал смертный приговор. Неужели знаешь свою судьбу, подобно тому, как узнал о мире, который описал в книге?»

— «Саранчу» придумал оракул, так ведь? — спросила она.

— Правду хотите знать?

— Хочу и имею на это право.

— Оракул крепко спал, пока я писал книгу. Спал в углу кабинета. — Его глаза были серьезны, лицо помрачнело еще сильнее и даже как будто вытянулось.

— Скажи правду, — потребовала Кэролайн. — Ты в долгу перед ней. Я отвечу вам, миссис Фринк, — обратилась она к Джулиане. — Гот задавал вопросы. Тысячи вопросов. И искал ответы в гексаграммах. Тема. Исторический период. Сюжет. Персонажи. На это ушли годы. Гот даже спросил, ждет ли его книгу успех. Оракул ответил, что успех будет огромен, впервые за всю литературную карьеру мужа. Так что вы правы. Должно быть, вы сами часто общаетесь с оракулом, если догадались.

— Раньше мне и в голову не приходило, что оракул может сочинять книги. — Джулиана пожала плечами. — А вы когда-нибудь спрашивали его об этом? И почему он придумал именно «Саранчу», а не что-нибудь другое? И почему в ней Германия и Япония проиграли войну? Есть ли тут скрытый смысл, как обычно в его ответах?

Готорн и Кэролайн молчали. Наконец Эбендсен ответил:

— Мы с ним очень давно решили насчет гонорара. Если спрошу, почему он написал «Саранчу», придется отдать ему свою долю. Вопрос предполагает, что я всего-навсего печатал на машинке, а это далеко не так.

— Я спрошу его, — сказала Кэролайн, — если

ты не хочешь.

— Это не твой вопрос, — ответил Эбендсен. — Пусть она спросит. — Он повернулся к Джулиане. — У вас неестественный разум. Вы знаете об этом?

— Где ваш оракул? — спросила Джулиана. — Мой остался в машине у мотеля. Если не дадите ваш, я все равно спрошу у своего.

Эбендсен повернулся и пошел через толпу гостей, две женщины двинулись за ним. Писатель исчез за дверью и вскоре вернулся с двумя черными томами.

— Я не пользуюсь тысячелистником, — сообщил Эбендсен Джулиане. — Не получается удержать стебельки, все время роняю.

Джулиана уселась в углу за кофейный столик. Любопытные гости окружили ее.

— Мне нужны бумага и карандаш.

Мигом нашлось и то и другое.

— Можете произнести вопрос вслух, — сказал Эбендсен. — У нас тут нет секретов.

— Оракул, зачем ты написал книгу «И наестся саранча»? Что мы должны узнать из нее?

— У вас ошеломляющая манера задавать вопросы, — отметил Эбендсен, но опустился рядом на корточки, чтобы следить за гаданием, и вручил

ей три медные китайские монеты с дырочками.

Джулиана бросала монеты. Она была спокойна и уверена в себе. Эбендсен рисовал черты. Когда монеты упали в шестой раз, он поглядел на нее и сказал:

— «Сюнь» наверху, «Дуй» внизу. Пустота в середине. Равновесная ситуация.

— Вы вспомните, что это за гексаграмма, не заглядывая в таблицу? — спросила Джулиана.

— Да, — кивнул Эбендсен.

— Я тоже. Это Чжун-фу, «Срединная искренность». И я помню, что она означает.

Эбендсен поднял голову и долго молча смотрел на нее. На его лице застыло мрачное, чуть ли не злое выражение.

— Она означает, что в моей книге все правда?

— Да, — ответила она.

— Германия и Япония проиграли?! — гневно воскликнул он.

— Да.

Эбендсен захлопнул оба тома и поднялся.

— Даже вы боитесь в это поверить, — сказала Джулиана.

Он задумался, глаза опустели.

«Ушел в себя, — поняла Джулиана. — Пытается осознать случившееся».

Взгляд Эбендсена прояснился, он хмыкнул.

— Я ни в чем не уверен.

— Поверьте, — попросила Джулиана.

Он отрицательно покачал головой.

— Не можете? — печально вздохнула она. — А если постараться?

— Хотите автограф на «Саранчу»? — предложил Готорн Эбендсен.

Джулиана тоже поднялась.

— Мне пора, — сказала она. — Спасибо вам большое. Простите, что омрачила вечер. Вы были очень добры, приняв меня.

Она прошла сквозь кольцо гостей в спальню, где лежали ее вещи. Когда надевала шубку, за ее спиной появился Эбендсен.

— Знаете, кто вы? — спросил он Джулиану и обернулся к Кэролайн. — Эта женщина — демон, маленький хтонический дух, который… — Он поднял руку и сильно, чуть не смахнув очки, потер лоб. — Который неустанно скитается по лику земли… — Он поправил очки. — Она поступает так, как подсказывает инстинкт; она просто демонстрирует свое существование. Сюда она явилась вовсе не с целью причинить боль; это просто произошло. Как происходят погодные явления. И я рад, что она здесь, и не жалею о том,

что она открыла в книге. Она ведь не знала, зачем сюда едет и что найдет. Думаю, всем нам повезло, так что давайте не будем сердиться.

— Эта женщина — настоящее стихийное бедствие, — добавила Кэролайн.

— Такова реальность. — Эбендсен протянул Джулиане руку. — Спасибо за то, что вы сделали в Денвере.

— Спокойной ночи, — сказала она, пожимая руку. — Послушайтесь вашей жены. Хотя бы оружием обзаведитесь.

— Нет, — сказал он. — Я давным-давно все для себя решил и не хочу, чтобы это меня беспокоило. Когда нервничаю, особенно по ночам, мне помогает оракул. Все не так уж и плохо. — Он грустно улыбнулся. — Честно говоря, сейчас меня беспокоит лишь то, что эти нахалы вылакают все спиртное, пока мы тут болтаем. — Повернувшись, он направился к бару, чтобы подбросить льда в свой бокал.

— Куда вы теперь? — спросила Кэролайн.

— Не знаю. — Почему-то это не волновало Джулиану.

«Я немного похожа на него, — подумала она. — Не позволяю некоторым вещам беспокоить меня, какими бы они ни были важными».

— Может, к мужу вернусь. Сегодня пыталась дозвониться до Фрэнка, пожалуй, еще раз попробую. Если будет настроение.

— Несмотря на то, что вы для нас сделали или говорите, что сделали…

— Вам бы хотелось никогда меня больше не видеть, — подхватила Джулиана.

— Если вы спасли Готорна, то я, конечно, поступаю отвратительно, — смутилась Кэролайн. — Но я так расстроена. Просто в голове не укладывается сказанное вами и моим мужем.

— Как странно, — сказала Джулиана. — Вот уж не ожидала, что правда может вас расстроить.

«Правда, — подумала она, — страшная, как смерть. Но найти ее гораздо труднее, чем смерть. Мне с этим повезло».

— Думала, вы тоже обрадуетесь и воодушевитесь, как я. Пожалуй, ваш муж прав: не стоит сердиться. Это всего лишь недоразумение. — Она улыбнулась, и миссис Эбендсен вымученно улыбнулась в ответ. — В общем, спокойной ночи.

Джулиана прошла по мощенной плитами дорожке в свете, лившемся из окон гостиной, и уже в ночной темноте ступила на черный тротуар за границей сада. Она шагала, не оглядываясь на дом Эбендсенов, и высматривала на дороге маши-

ну — яркую, движущуюся, настоящую, — которая доставит ее в мотель.

От переводчика

«Гот задавал вопросы. Тысячи вопросов. И искал ответы в гексаграммах. Тема. Исторический период. Сюжет. Персонажи. На это ушли годы. Гот даже спросил, ждет ли его книгу успех. Оракул ответил, что успех будет огромен, впервые за всю литературную карьеру мужа» — такими словами жена писателя раскрывает главный секрет «романа в романе», а заодно и произведения в целом.

В мире хмуром и опасном, в мире, благодаря изощренному таланту автора, до осязаемости вещном, герои время от времени находят укромный уголок, устраиваются там с «Книгой перемен», блокнотом и карандашом, записывают вопрос, подбрасывают три монетки или перемещают между пальцами стебли тысячелистника. В зависимости от выпавших комбинаций герои чертят снизу вверх шесть линий-яо: сплошных (они же «сильные», «световые», «янские», «девятки») и разорванных посередине (они же «слабые», «теневые», «шестерки», «иньские»). Шесть черт — это гексаграмма, она выражает Момент, то есть определенную жизненную ситуацию во

времени с точки зрения ее постепенного развития. Всего гексаграмм шестьдесят четыре, для каждой из них в оракуле есть текст, состоящий из афоризмов (изречений) и комментариев (толкований). Гексаграмма сложена из двух триграмм. Считается, что нижняя (внутренняя) триграмма представляет собой основу ситуации, а верхняя (внешняя) — ее наружное проявление. Поскольку ситуация рассматривается в динамике, допускается возможность ее переразвития, превращения в свою противоположность; на это указывают так называемые подвижные линии, то есть те, на которые пришлись три «орла» или три «решки». «Подвижная» линия ян имеет тенденцию превращения в инь, и наоборот, инь может стать яном — на смену мраку придет свет.

* * *

Собственно говоря, это и есть ключ к шифру сюжета. «И-цзин», вобравший в себя мудрость тысячелетий, анализирует жизненные ситуации героев и дает им ответы, из которых однозначно следует: мир, в котором они живут, суть материальная иллюзия. Более того, даже этому мороку недолго осталось. Тоталитарные системы нежизнеспособны в принципе, и уж подавно

обречена та, что позволила нацизму расползтись на полпланеты. Ненасытный гитлеровский рейх обязательно попытается захватить вторую половину и сожжет человечество в ядерном костре.

В романе нет сцен, что так свойственны субжанру «постхолокост». Ни отчаянной борьбы за выживание, ни героического сопротивления поработителям. Один-единственный эпизод со стрельбой в конце книги — да и нужно ли больше?

Самая напряженная борьба идет в умах и душах. Что-то вроде кристаллизации: раствор насыщен, и достаточно малейшего изменения одного из физико-химических параметров, чтобы началось выпадение осадка.

…Ослепительно-белого осадка из черного как ночь раствора.

…Мрак сменяется светом.

…Инь превращается в ян.

…Ситуация переразвивается в свою противоположность.

«Вселенная никогда не исчезнет, ибо в то мгновение, когда тьма, кажется, готова овладеть всем и вся, в ее самых мрачных глубинах появляются ростки света. Таков Путь. Семена падают в землю и там, скрытые от глаз, обретают жизнь».

Наверное, не случайно это пророчество вынесено потоком сознания самого одиозного из тщательно продуманных автором типажей. Роберт Чилден, приспособленец и убежденный квислинг, беспринципный, корыстный и жестокий, претерпевает поистине изумительную метаморфозу. Даже его бессознательное не в силах мириться с абсурдностью существования; даже в его темной душе зарождаются кристаллы нового бытия.

Гораздо легче это дается господину Нобусукэ Тагоми, влиятельному японскому чиновнику, и в поисках «срединной истины» (или «внутренней правды» по Ю. К. Шуцкому) он заходит весьма далеко. Плоть от плоти буддистской культуры, он располагает инструментарием, позволяющим перенестись в иную реальность. Медитируя на сиянии серебряной броши в парке, Тагоми ненадолго оказывается в нашей Америке 1960 года. Она не пережила унизительного поражения в войне, не подверглась разделу и оккупации, — и все же, мельком увиденная японцем, она повергает его в ужас.

Явно не ее имеет в виду «И-цзин», раскрывая тайну существования мира истинного, мира «внутренней правды». С помощью оракула Эбенд-

сен описывает ту идеальную Америку, которая не объявляет холодные войны вчерашним союзникам и не превращает их во второразрядных сателлитов. Она помогает развиться странам третьего мира — небескорыстно, но на взаимовыгодной основе. Не территории захватывает военной силой, а рынки честной конкуренцией. Британия же по Эбендсену предпочла бы остаться империей в классическом смысле, когда эгоистичная метрополия выжимает соки из колоний и не допускает их индустриального подъема.

В нашем мире Англия вскоре после войны лишилась части своих колоний и сохранила лишь символическое влияние на оставшиеся. Цена спасения от Гитлера оказалась для нее разорительной. Как сверхдержава она прекратила существование, уступив эту роль США и безропотно перейдя в кильватер американской политики. Тем не менее в мире по Эбендсену Британия становится новой угрозой, агрессором — что это, всего лишь неблагоприятный Момент, а потом ситуация выправится? Или даже идеальный мир не застрахован от воцарения мглы?

Как бы то ни было, чтение или обсуждение крамольного бестселлера «И наестся саранча» служит мощным стимулятором для «ростков

света». Очень уж разительно отличается описанное Эбендсеном благолепие от вселенской черной мессы под фашистским крестом. Даже персонифицирующий «нацию, дошедшую до крайней степени подлости» барон Гуго Рейс как будто выпадает из людоедского образа, хоть он и скрежещет зубами над страницами «Саранчи», хоть и мечтает подослать к ее автору убийцу.

Таков Путь. Вольно или невольно вставшие на него видят мир по-другому, да и мир по-другому смотрит на них.

Игроки с Титана[136]

[136] Примечания: 136
Перевод С. Трофимова.

Глава 1

Вечер выдался плохим, и, когда он собрался лететь домой, у него завязался спор с машиной.

— Мистер Сад, вы не можете управлять мной в таком состоянии. Прошу вас включить автопилот и пересесть на заднее сиденье.

Пит Сад устроился за рулем и, стараясь выговаривать слова как можно отчетливее, произнес:

— Слушай, я в норме. На самом деле стаканчик виски делает человека более бдительным и осторожным. Поэтому хватит болтать ерунду.

Он нажал кнопку запуска, но это ни к чему не привело.

— А ну, заводись, чертова рухлядь!

— Вы не вставили ключ зажигания, — ответил автолет.

— Действительно, — проворчал он, чувствуя себя оскорбленным.

Машина была права. Он покорно вставил ключ. Мотор завелся, но панель управления осталась неосвещенной. Пит знал, что с эффектом Рашмора, спрятанным под капотом автолета, спорить было бесполезно.

— Ладно, я передаю тебе контроль, — сказал он

с максимально возможным презрением. — Раз уж ты такая правильная. Тебе лишь бы испортить мне настроение. И ты всегда это делаешь, когда я… немного слаб.

Пит переполз на заднее сиденье и повалился набок. В тот же миг машина, помигивая сигнальными огнями, поднялась над мостовой и понеслась по ночному небу. О боже, как плохо он себя чувствовал. Боль в голове казалась просто невыносимой. Мыслями он снова вернулся к Игре.

Почему она закончилась так неудачно? Во всем виноват этот клоун Сильванус Паникер — его свояк, или, вернее, бывший свояк. Вот именно, сказал себе Пит. Это надо запомнить. Я больше не женат на Фрейе. Отныне мы потеряны друг для друга, и наш брак развалился на части. При следующей встрече она будет женой Клема Выгоды, а я останусь холостяком, если не наберу трех положенных очков. Однако я их наберу, пообещал он себе. И когда стрелка волчка остановится на тройке, им придется найти для меня жену в другой группе. В нашей я уже опробовал всех женщин.

Машина мирно гудела, пролетая над огромными необитаемыми городами и пустынными

регионами Калифорнии.

— Ты только подумай, — пожаловался он автолету. — Я был женат на каждой женщине в нашей группе, и мне ни разу не *повезло*. Неужели это судьба?

— Возможно, — ответила машина.

— Но даже если это так, то я тут ни при чем. Во всем виноваты «красные» китайцы. О-о, как я их ненавижу!

Он лег на спину и посмотрел на звезды, сиявшие в небе над прозрачным куполом машины.

— А вот тебя я люблю. Я привык к тебе за эти годы. Как хорошо, что ты не стареешь.

Он почувствовал, как к глазам подступили слезы.

— Ты ведь никогда не покинешь меня, правда?

— Все будет зависеть от профилактических ремонтов, которые вы пока добросовестно выполняете.

— Интересно, какую женщину они для меня подберут…

— Мне тоже интересно, — отозвалась машина.

Его «Милой Голубой Лисе» придется войти в контакт с одной из ближайших групп. Но с какой именно? Скорее всего, со «Страшилой Особенным». Эта группа, собиравшаяся в Лас-Вегасе,

состояла из боссов Невады, Юты и Айдахо. Закрыв глаза, Пит попытался вспомнить, как выглядели женщины «Страшилы Особенного».

Когда прилечу домой в Беркли, сказал себе Пит, я просмотрю их альбомы… И тут он вспомнил об ужасной потере. Он не мог вернуться в Беркли. В последней Игре он продул этот город Уолту Ремингтону. Тот обыграл его, разоблачив блеф на тридцать шестом квадрате. Вот почему эта ночь была такой плохой.

— Измени курс, — хрипло приказал он автопилоту.

К его владениям относилось почти все Взморье у залива Сан-Франциско. Пит мог остановиться в одном из прибрежных городов.

— Летим в Сан-Рафел, — сказал он и, сев прямо на заднем сиденье, потер вспотевший лоб дрожащими пальцами.

* * *

— Миссис Выгода? — окликнул ее мужской голос.

Стоя перед зеркалом, Фрейя поправляла свои короткие белокурые волосы. Поглощенная этим занятием, она не стала оглядываться — тем более что этот голос принадлежал противному Биллу

Нытику.

— Может быть, поедем домой? — спросил мужчина.

Фрейя вдруг поняла, что с ней говорил ее новый муж.

— Ты вообще собираешься подчиняться правилам?

Клем Выгода, подумала она, большой и скучный мужчина, с голубыми глазами, похожими на треснувшее стекло, которое попытались склеить, но сделали работу неудачно и криво. Ее новый муж прошел через игровой зал и приблизился к ней. Наверное, она нравилась ему. Иначе зачем бы он взял ее в жены? Но это ненадолго, подумала Фрейя. Если только наш брак не принесет *удачу*.

Она продолжала расчесывать волосы, не обращая внимания на Клема. А что, мелькнула в ее голове прагматическая мысль, для женщины стасорокалетнего возраста я выгляжу довольно неплохо. Хотя, конечно, в этом нет моей заслуги… От нас тут ничего не зависело. Все мы сохранились — буквально все — благодаря отсутствию, а не наличию какого-то особого качества. Каждому из них в зрелом возрасте удалили хайнсову железу, и это замедлило процесс физиологического старения.

— Ты нравишься мне, Фрейя, — прошептал ей Клем. — От тебя веет утренней свежестью. И очень жаль, что ты так демонстративно показываешь мне свое пренебрежение.

Однако он не выглядел огорченным. Таких увальней, как Клем Выгода, просто невозможно было огорчить.

— Давай поедем куда-нибудь, — продолжил он. — Мне не терпится узнать, насколько мы *удачливы* друг с другом…

Он замолчал, потому что в комнату вполз вуг. Джин Бирюза накинула на плечи плащ и тяжело вздохнула.

— Смотрите, он хочет казаться дружелюбным. Эти твари такие притворщики.

Она брезгливо отодвинулась от незваного гостя, и ее муж, Джек Бирюза, раздраженно посмотрел на групповой вуготык.

— Я пихну его пару раз, и он уйдет.

— Нет, — возразила Фрейя. — Лучше его не раздражать.

— Она права, — подходя к столику с напитками, сказал Сильванус Паникер. — Просто плесни на него немного содовой.

Он захихикал, смешивая для себя последний подорожный коктейль. Вуг направился к Клему

Выгоде.

Вот тебе и пара, подумала Фрейя. Может быть, ты поедешь куда-нибудь с ним, а не со мной? Однако это не входило в планы Клема. Никто из них не общался с бывшими врагами Земли. Любые отношения с ними считались предосудительными, несмотря на усилия титанийцев заживить те старые раны, которые нанесла неприязнь военного времени. Эти существа относились к кремниевой, а не к углеродной форме жизни, и катализатором их медлительного метаболического цикла являлся метан, а не кислород. В сексуальном отношении они были бисексуалами — хотя, конечно, в собственном и чужеродном стиле.

— Ткни его покрепче, — сказал Билл Нытик, обращаясь к Джеку Бирюзе.

Тот поворошил вуготыком густую желеобразную цитоплазму.

— Иди домой, — произнес он суровым тоном, а затем с усмешкой повернулся к Биллу. — А может, позабавимся с ним? Давайте втянем его в беседу. Эй, вугеныш! Как насчет того, чтобы сделать с нами болтай-болтай?

В тот же миг к ним пришла мысль титанийца, телепатированная всем людям, находившимся

в зале:

— Вы хотите сообщить о чьей-то беременности? Если это так, то наши медицинские службы предоставят вам любую помощь, и мы советуем…

— Слушай, вугеныш, — прервал его Билл Ныгик. — Если бы нам так *повезло*, мы сохранили бы это в тайне. Я говорю с тобой из-за полной невезухи. Тут и придурку было бы ясно. Неужели ты ничего не понимаешь?

— Он понимает, — сказал Сильванус Паникер. — Просто ему не хочется это признавать.

— Давно пора поставить вугов перед фактом, — сказал Джек Бирюза. — Пусть знают, что они не нравятся нам. А этот жучара — особенно!

Он повернулся к жене:

— Пошли. Летим домой.

Он нетерпеливо потянул Джин за руку. Остальные члены группы последовали их примеру и, покинув зал, спустились по ступеням крыльца к припаркованным машинам. Фрейя осталась одна в компании пришельца.

— В нашей группе нет беременных, — сказала она вугу, отвечая на его безмолвный вопрос.

— Это печально, — телепатировало существо.

— Но скоро все изменится, — заверила его

Фрейя. — Я знаю, кто-нибудь из нас добьется *удачи*.

— Почему ваша группа так враждебна к нам? — спросил вуг.

— Потому что мы виним вас в нашей стерильности, — ответила Фрейя. — Вы это сами знаете.

А больше всех на вас злится Билл Нытик, подумала она. Ведущий нашей группы.

— Но это результат воздействия вашего оружия, — возразил вуг.

— Не нашего, а «красных» китайцев!

Очевидно, пришелец не уловил особой разницы.

— В любом случае мы делаем все возможное для улучшения…

— Я не хочу обсуждать эту тему, — сказала Фрейя. — Пожалуйста.

— Позвольте нам помочь, — телепатировал вуг.

— Да пошел ты к черту! — крикнула она и, выбежав из зала, спустилась по ступеням к своей машине.

Прохлада темной ночи вернула ей самообладание. Фрейя сделала вдох полной грудью и посмотрела на звезды, наслаждаясь свежестью воздуха и чистыми запахами Кармела. Она подо-

шла к машине и сказала:

— Открой. Пусти меня в салон.

— Да, миссис Сад.

Дверь автолета открылась.

— Я больше не миссис Сад. Называй меня теперь миссис Выгода. — Она села на водительское место и раздраженно добавила: — Постарайся запомнить это раз и навсегда.

— Да, миссис Выгода.

Фрейя повернула ключ зажигания, и мотор завелся.

— А Пит уже улетел?

Она осмотрела темную улицу. Его машины не было.

— Да, наверное, улетел.

Ее охватила печаль. Как было бы чудесно в этот поздний час посидеть с ним под звездами, болтая о том и сем. Они могли бы по-прежнему оставаться супружеской парой…

Чертова Игра, подумала она. Будь прокляты эти правила и постоянное *невезение*. Неужели оно всегда будет преследовать нас? Мы меченая раса. Она поднесла к уху ручные часы, и те пропищали тоненьким фальцетом:

— Два пятнадцать ночи, миссис Сад.

— Миссис Выгода, — с досадой поправила она.

— Два пятнадцать, миссис Выгода.

Интересно, сколько людей сейчас живет на Земле, подумала Фрейя. Миллион? Или два? И сколько групп играют в Игру? Наверное, не больше нескольких сотен тысяч. Ежегодно несчастные случаи уносят людские жизни, и популяция невосполнимо уменьшается…

Она рефлекторно открыла отделение для перчаток и нащупала пакетик с пластинками тестовой жвачки. На обертке был нарисован кролик. Фрейя положила пластинку в рот и не спеша пожевала ее. Включив яркое освещение салона, она снова взглянула на наклейку. Бедное животное, подумалось ей. Напоминание о тех временах (которые она, кстати, не застала), когда каждый тест на беременность стоил жизни какому-то кролику. Вытащив изо рта комочек жевательной резинки, она осмотрела его. Цвет был белым, а не зеленым. Это означало отсутствие беременности. Фрейя бросила жвачку в мусоропровод машины, и комочек мгновенно превратился в пепел.

Черт, с печалью подумала она. Как будто я могла надеяться на что-то другое.

Машина поднялась над землей и полетела к ее дому в Лос-Анджелесе.

Еще слишком рано судить об их «удаче» с Гле-

ном, размышляла Фрейя. Конечно, это развлечет ее немного. Неделю или две, а там, возможно, случится что-нибудь новое. Но бедный Пит! Если он не наберет трех очков, его не допустят к Игре. Может быть, слетать к нему на Взморье? Взглянуть, как он там устроился? Хотя Пит снова будет взвинченным и невыносимым. Какой же зловещей и неприятной оказалась эта ночь. Впрочем, никакие правила и законы не запрещают нам встречаться вне Игры. Игра игрой, но в жизни имеется и кое-что другое…

Это ни к чему не приведет, призналась она себе. У нас с ним не было *удачи*. У Пита и у меня. Несмотря на наши чувства друг к другу.

Приемник в машине внезапно ожил, и она услышала глобальное обращение канадской группы в Онтарио. Его передавали на всех частотах в режиме экстренного вызова.

— Это «Книжный шалаш у груши», — ликующе возвестил взволнованный мужчина. — Прошлым вечером в 22:00 к нам пришла *удача*! Одна из женщин нашей группы — миссис Дон Палмер — решила пожевать резинку с кроликом… на всякий случай, без надежды на успех… И вдруг…

Фрейя торопливо выключила приемник.

* * *

Войдя в дом и поднявшись в неосвещенную, давно покинутую квартиру в Сан-Рафеле, Пит Сад сразу же направился к аптечке в ванной комнате. Ему требовалось какое-нибудь подходящее лекарство.

— Иначе я просто не усну, — прошептал он себе под нос. — Старая история с бессонницей. Может быть, принять дремозекс?

С некоторых пор на него действовали только три таблетки по двадцать пять миллиграмм — он пользовался ими слишком долго и слишком часто.

— Мне бы что-нибудь посильнее. Можно проглотить фенобарбитал, но после него весь следующий день придется отваляться в постели. А если скополамин гидробромид? Да! Его я и попробую.

Впрочем, имеются и другие сильные лекарства, подумал он. Например, эмфитал. Три таблетки, и я больше никогда не проснусь. Но дело не в дозе и не в силе препарата. Ведь если я…

Он высыпал таблетки на ладонь и задумчиво посмотрел на свое отражение в зеркале.

— Никто обо мне не всплакнет. Никто не вме-

шается…

— Мистер Сад, — сказала аптечка, — я должна связаться с доктором Туктуком из Солт-Лейк-Сити. Ваше состояние внушает серьезные опасения.

— У меня нет никакого состояния, — быстро ответил Пит.

Он торопливо высыпал таблетки эмфитала обратно в пузырек.

— Видишь? Это просто мимолетная слабость. Безобидный жест протеста.

До чего же я дошел, подумал Пит. Мне приходится умолять эффект Рашмора своей аптечки — бессердечного шкафчика-инквизитора.

— Пусть это останется между нами, — произнес он с надеждой.

Аптечка с громким щелчком отключилась. Пит облегченно вздохнул. До него донесся звон дверного колокольчика.

Кого еще черт принес, подумал он, проходя через пропахшие пылью комнаты. Его ум по-прежнему был занят мыслью о наркотиках, но Пит не знал, где их достать, не вызывая тревоги у эффекта Рашмора. Он открыл дверь. На пороге стояла его бывшая жена — светловолосая Фрейя.

— Привет, — спокойно сказала она.

Проскользнув мимо него, Фрейя невозмутимо

вошла в гостиную, словно свидание с ним было для нее совершенно естественным событием, несмотря на новое замужество с Клемом Выгодой.

— Что у тебя в кулаке? — спросила она.

— Семь таблеток дремозекса, — признался Пит.

— Я дам тебе кое-что получше. Эффект потрясающий.

Фрейя покопалась в своей кожаной сумочке, похожей на почтовый мешок.

— Это мощное суперновое лекарство, созданное в Нью-Джерси на автоматической фармафабрике. Вот, держи.

Фрейя протянула ему большую голубую капсулу.

— Нердьювил, — сказала она и смущенно засмеялась.

— Ха-ха-ха, — без всякого веселья ответил Пит.

Так могла шутить только дилетантка. Никуда не годный комический номер.

— Значит, ты прилетела, чтобы дать мне это слабенькое снотворное?

Она более трех месяцев была женой и блефпартнером Пита и, конечно, знала о его хронической бессоннице.

— У меня жуткое похмелье, — сообщил он

ей. — К тому же этой ночью я проиграл Уолту Ремингтону свое лучшее владение. Впрочем, ты сама все видела. Одним словом, я сейчас невосприимчив к дружеским подколкам.

— Тогда угости меня чашечкой кофе, — сказала Фрейя.

Она сняла жакет с меховыми полосками и повесила его на спинку стула.

— Или лучше я сама приготовлю его для тебя.

Посмотрев с сочувствием на бывшего супруга, Фрейя добавила:

— Ты плохо выглядишь, Пит.

— Беркли… Почему я поставил его на кон? Надо же! Я даже этого не помню. Из всех моих владений… Прямо какой-то импульс самоуничтожения.

Он помолчал и тихо добавил:

— Сегодня ночью во время полета я получил сообщение из Онтарио.

— Я тоже слышала его.

— Скажи, их беременность обрадовала или огорчила тебя?

— Не знаю, — мрачно ответила Фрейя. — Конечно, я рада за них, но…

Скрестив руки на груди, она задумчиво прошлась по комнате.

— А меня это повергло в уныние, — сказал Пит.

Он наполнил кофеварку водой и поставил ее на кухонную плиту.

— Спасибо, — пропищала кофеварка (вернее, эффект Рашмора этого незатейливого устройства).

— Ты же знаешь, люди могут иметь любые отношения вне Игры, — сказала Фрейя. — И я хочу, чтобы мы по-прежнему любили друг друга.

— Но это нечестно по отношению к Клему.

Он вдруг почувствовал солидарность с Клемом Выгодой. Дружба пересилила привязанность к Фрейе — во всяком случае, на какое-то время. И еще ему было интересно увидеть свою новую жену. Он знал, что рано или поздно наберет необходимые три очка.

Глава 2

На следующее утро Пит Сад проснулся от удивительных и почти невероятных звуков. Он спрыгнул с постели и выпрямился, прислушиваясь к детским голосам. Те спорили о чем-то за окном на пустынной улице. Судя по всему, это были мальчик и девочка.

Неужели в Сан-Рафеле рождались дети, подумал Пит. Вполне возможно. Я уже давно сюда не прилетал. Но в таком случае их родители являлись небоссами. Они не имели владений, которые давали бы им право участвовать в Игре.

Как здорово, что эта семья поселилась на моей территории, обрадовался он. Мне надо подарить им какой-нибудь город… Сан-Ансельмо, или Росс, или даже оба. Эти люди заслужили участие в Игре. Но согласятся ли они принять такой подарок?

— Ты первый сжульничал! — сердито прокричала девочка.

— Нет, ты!

Голос мальчика дрожал от обиды.

— Ах так!

Послышались звуки драки. Пит прикурил сигарету, собрал разбросанные вещи и начал

одеваться.

В углу комнаты у стены стояла винтовка МВ-3… Взгляд Пита задержался на ней, и поток воспоминаний принес ему все то, что было связано с этим старым оружием. Когда-то он готовился к войне с «красными» китайцами. Но винтовка так и не пригодилась. Китайцы не напали на страну — по крайней мере, живых противников не было. Вместо своих орд они использовали радиацию Хинкеля, и никакое количество винтовок МВ-3, розданных гражданской армии Калифорнии, не смогло противостоять незримой смертельной атаке. Радиоактивный луч со спутника «Оса-С» сделал свою работу. Соединенные Штаты проиграли битву. Однако победа не досталась Китаю. В той войне никто не победил. Радиация Хинкеля накрыла всю планету. И увидел Бог, что это хорошо.

Пит поднял винтовку и взял ее наперевес, как его учили в юности — почти сто тридцать лет тому назад. Антикварная вещь, подумал он. Интересно, она все еще стреляет? Впрочем, какая разница? На Земле уже некого убивать. Только психопат может найти какую-то причину, чтобы отстреливать последних обитателей пустых и вымирающих городов. Да и он, скорее всего,

передумает. Говорят, что во всей Калифорнии осталось меньше десяти тысяч человек…

Пит опустил МВ-3 и осторожно поставил ее на прежнее место. В любом случае эта винтовка не предназначалась для уничтожения людей. По замыслу конструкторов, ее крохотные А-патроны должны были пробивать броню советских танков ТЛ-90. Пит вспомнил учебные фильмы, которые им показывали офицеры Шестой армии. Вот бы снова увидеть города тех дней, подумал он. Потоки людей на тротуарах и «человеческое море» на площадях. Я не знаю, кто начал первым бойню — китайцы или нет… Но мы должны возродить то доброе время.

Я салютую тебе, Бернхард Хинкель, язвительно подумал он. Гуманный изобретатель безболезненного и совершенного оружия. Да, ты был прав: оно не вызывало боли. Мы ничего не чувствовали и даже ничего не подозревали. А потом…

Им пришлось развернуть массовую кампанию по удалению хайнсовой железы, и их усилия не пропали даром. Фактически только благодаря этому люди выжили до сей поры. Но вторичным эффектом операции стала стерильность мужчин и женщин. Дети рождались редко и лишь при определенной комбинации генов. По теории,

зачать ребенка могла каждая супружеская пара, однако на практике детей имели только некоторые семьи. Например, детей за его окном…

По тротуару двигался автокомбайн, собиравший мусор и подрезавший траву на газонах. Весело посвистывая, агрегат проехал по одной стороне улицы, затем — по другой. На какое-то время его ровное гудение заглушило голоса детей. Автоматизированная машина остановилась и, выдвинув псевдоконечности, бережно полила куст камелии.

В этом пустом городе всегда будет порядок, подумал Пит. Вернее, в почти опустевшем городе. Согласно последней переписи населения в Сан-Рафеле проживало около дюжины небоссов.

Позади автокомбайна двигался второй механизм — еще более сложный, чем первый. Он походил на огромного двадцатиногого жука и, проезжая по дороге, источал из себя горячий воздух и вонь разложения. Пит знал, что этот агрегат отстраивал разрушенные здания и ремонтировал поломки коммунальных систем. Он не только заживлял и перевязывал раны города, но и устранял износ домов, прежде чем тот становился заметным. А для чего? Вернее, для кого? Хорошие вопросы. Возможно, вугам нравилось

смотреть со спутников на Землю и видеть не руины, а опрятные города чужой цивилизации.

Затушив сигарету, Пит прошел на кухню, чтобы приготовить завтрак. Он не появлялся в этой квартире несколько лет, но знал, что за дверью холодильника на вакуумных присосках найдется все необходимое: бекон и яйца, молоко и джем, отличный свежий хлеб. Прежде здесь жил Антонио Нарди — бывший босс Сан-Рафела. Уезжая отсюда, он, конечно же, не думал, что проиграет этот город Питу и больше никогда не вернется в свой дом.

Мысль об Игре заставила Пита позабыть о завтраке. Он включил видеофон и озабоченно произнес:

— Я хочу связаться с Уолтером Ремингтоном.

— Будет сделано, мистер Сад, — ответил видеофон.

Экран засветился, и на нем появилось изображение постного вытянутого лица Ремингтона. Он со скукой посмотрел на Пита. Уолт даже не успел побриться. Щетина покрывала его челюсти, а глаза — небольшие, с красным ободком — выглядели отекшими и заспанными.

— Привет.

— Ты что так рано? — проворчал Ремингтон.

Он все еще был в пижаме.

— Помнишь, что случилось прошлым вечером? — спросил его Пит.

— А-а, да, конечно.

Уолт зевнул и пригладил торчавшие в беспорядке волосы.

— Я проиграл тебе Беркли. Понять не могу, почему поставил этот город на кон. Ты же знаешь, я считал его своей резиденцией.

— Да, знаю, — ответил Уолт.

Пит сделал глубокий вдох и предложил:

— Я отдам тебе за него три города на Взморье — Росс, Сан-Рафел и Сан-Ансельмо. Мне хочется вернуть его обратно. Я привык там жить.

— Ну и живи, если хочешь, — ответил Уолт. — Только не как владелец.

— Нет, я так не могу, — сказал Пит. — Мне надо обладать им. Я же не какой-нибудь небосс. Кончай, Уолт! Ты все равно не будешь там жить. Я тебя знаю. Ты всегда считал Беркли слишком холодным и туманным городом. Тебе по нраву жаркий климат таких долин, как Сакраменто. Или твоего любимого Уолнат-Крик.

— Это верно, — согласился Уолт. — Но… Я не могу вернуть тебе Беркли.

И тут он признался:

— У меня его больше нет. Когда прошлым вечером я прилетел домой, ко мне явился маклер. Даже не спрашивай, как он узнал о результатах нашей Игры. Этот ловкач с Востока пронюхал, что я выиграл у тебя Беркли. Мне кажется, он работает на ассоциацию Мэтта Метронома. — Уолт нахмурился и замолчал.

– *Так ты отдал им Беркли?*

Пит не верил своим ушам. Это означало, что какому-то чужаку удалось прорваться в Калифорнию — в их дружную и сплоченную группу.

— Почему ты согласился? — сурово спросил он у Ремингтона.

— Мне дали взамен Солт-Лейк-Сити, — с мрачной гордостью ответил Уолт. — Разве я мог отказаться от подобной сделки? Теперь мне позволят играть в группе полковника Поварса. Их штаб-квартира находится в Прово, штат Юта. Прости меня, Пит.

Он виновато улыбнулся.

— Наверное, я вел себя неосмотрительно. Это предложение показалось мне слишком хорошим, чтобы отвергнуть его по тем или мотивам.

— Чей заказ выполняла ассоциация Метронома?

— Маклер не сказал.

— А ты спрашивал?

— Нет, — угрюмо признался Уолт. — Хотя, наверное, мне следовало бы спросить его об этом.

— Я хочу вернуть себе Беркли. Я найду нового владельца и предложу ему обмен — пусть даже мне придется отдать ему все Взморье. И еще я буду ждать момент, чтобы отомстить тебе в Игре. Клянусь, ты проиграешь все, что получил. Я буду мстить тебе, кем бы ни были твои партнеры!

Он свирепо щелкнул по клавише и отключил видеофон. Экран мгновенно потемнел.

Как Уолт мог поступить так с нами, спросил себя Пит. Передать владение кому-то вне группы? Кому-то с Восточного побережья? Я должен выяснить, чьи интересы представляет ассоциация Метронома.

У него вдруг появилось острое и зловещее интуитивное чувство, что он знал заказчика этой сделки.

Глава 3

Кому как, а мистеру Джерому Лакмену из Нью-Йорка это утро казалось исключительно хорошим. Проснувшись, он с радостью вспомнил о том, что стал обладателем Беркли. Проведя трансакцию через ассоциацию Мэтта Метронома, он получил одно из лучших калифорнийских владений. Это означало, что теперь Джером Лакмен мог участвовать в Играх «Милой Голубой Лисы», которая каждый вечер встречалась в Кармеле.

Кармел, подумал он. Почти такой же красивый город, как Беркли.

— Сид, — позвал он. — Зайди ко мне.

Лакмен откинулся на спинку кресла и запыхтел тонкой мексиканской сигарой, которой он обычно заканчивал свой завтрак. Его секретарь — небосс Сид Моск — открыл дверь и заглянул в кабинет.

— Да, мистер Лакмен.

— Приведи ко мне этого ведуна. Я наконец нашел для него применение.

И возмещение убытков, которое оправдает его возможное изгнание из Игры, подумал Джером.

— Как же он мне тогда представился? Дейв

Трюкс или что-то в этом роде.

Лакмен почти не помнил свою прошлую беседу с ведуном. Человеку его ранга приходилось встречаться со многими людьми. А ведь Нью-Йорк являлся одним из самых населенных городов. Пятнадцать тысяч душ! И сотни детей!

— Проследи, чтобы он прошел через заднюю дверь, — сказал Лакмен. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь увидел его в моем офисе.

Босс Нью-Йорка должен был поддерживать свою репутацию. Ситуация могла оказаться весьма щекотливой. Он собирался ввести в Игру человека с психоническими способностями. Это было нарушением закона и считалось формой злостного мошенничества. Когда-то в прошлом многие группы проверяли новичков на ЭЭГ — универсальных электроэнцефалографах. Но теперь о подобных мерах предосторожности забыли. Во всяком случае, так думал Лакмен. Все психоники были давно известны наперечет, и на Восточном побережье такие проверки канули в Лету. Учитывая, что Восток всегда определял стиль страны, ему бояться было нечего. Разве не так?

Один из котов Лакмена — серо-белый коротко-шерстный самец — запрыгнул на стол. Джером

рассеянно почесал ему подбородок.

Если мне не удастся использовать этого ведуна в группе «Милой Голубой Лисы», подумал он, я полечу туда сам. Фактически, Лакмен не участвовал в Игре уже год или около того, но он являлся лучшим игроком в стране. Иначе как бы он стал боссом огромного Нью-Йорка? Об Играх тех дней слагали легенды. И Лакмен, начав простым небоссом, обыгрывал конкурентов без всякой посторонней помощи.

Никто не может победить меня в блефе, сказал он себе. *И это знают все!* А если в Игру войдет ведун… Это будет верное дело.

Ему нравилось размышлять о верных делах. Несмотря на славу величайшего мастера блефа, он не любил рисковать. Лакмен играл не ради азарта, а для того, чтобы выигрывать. Например, он одолел такого прекрасного игрока, как Джо Шиллинг. Теперь тот работал в Нью-Мексико — в маленьком магазине граммофонных пластинок. И дни его Игр остались в прошлом.

Лакмен с улыбкой посмотрел на Сида.

— Помнишь, как я обыграл Джо Шиллинга? Та партия сохранилась в моем уме от первого до последнего хода. Джо выбросил пять очков и был пятой рукой по кругу. Он вытянул карту и

посмотрел на нее. Но он смотрел на нее слишком долго. И тогда я и понял, что Шиллинг пойдет на блеф. Он передвинул свою фишку на восемь квадратов и поставил ее на лучший бонус Игры: сто пятьдесят тысяч долларов. Джо мог возместить такую сумму только единственным владением — тем самым, которое он унаследовал после смерти дяди. Когда я увидел, что его фишка опустилась на этот квадрат…

А что, если у меня тоже имеется дар предвидения, подумал Лакмен. В той Игре ему на миг показалось, что он действительно может читать мысли Шиллинга. Он почувствовал абсолютную уверенность, что Джо вытянул шестерку. Его ход на восемь квадратов вперед был блефом. Джером ответил вызовом. В то время Джо Шиллинг владел Нью-Йорком, и редко какой игрок противостоял его маневрам. Он поднял огромную лохматую голову и посмотрел на Лакмена. Наступила тишина. Все ожидали развязки.

— Вы действительно хотите взглянуть на карту, которую я вытянул? — спросил его Шиллинг.

— Да.

Лакмен ждал, не смея дышать. Его легкие болели от напряжения. Если бы он ошибся и карта оказалась восьмеркой, то Джо Шиллинг выиграл

бы опять. И тогда никто не смог бы выбить его из Нью-Йорка.

— У меня шестерка, — тихо произнес Джо Шиллинг.

Он перевернул свою карту. Лакмен был прав — его противник блефовал. И право собственности на Нью-Йорк перешло к нему.

Кот на столе зевнул и заурчал, выпрашивая завтрак. Лакмен ласково отстранил его от себя, и тот спрыгнул на пол.

— У-у, паразит, — прошептал ему вслед Джером, чувствуя гордость за породистого животного.

Лакмен искренне верил, что коты приносили удачу. На Игру с Джо Шиллингом он привез с собой лучшую пару и тайком оставил животных в соседнем помещении. Иногда ему казалось, что именно они, а не скрытые способности психоника принесли ту долгожданную победу.

— Я связался с Дейвом Трюксом, — сообщил секретарь. — Он ожидает встречи. Хотите поговорить с ним с глазу на глаз?

— Если парень настоящий ведун, то он уже знает, что мне от него нужно, — ответил Лакмен. — Таким, как он, не требуется лишних слов.

Парадоксы предвидения смущали его своей непредсказуемостью.

— Отключи видеофон. Если Трюкс ничего не поймет и начнет перезванивать, это будет верным доказательством того, что он плохой психоник.

Сид послушно нажал на клавишу, и экран погас.

— Позвольте возразить вам, шеф, — сказал секретарь. — Вы еще не говорили с ним о предстоящем деле. У него пока нет данных, благодаря которым он мог бы предвидеть. Разве я не прав?

— Он должен был предугадать мои действия по прошлой встрече, — ответил Лакмен. — Когда я проводил с ним предварительное собеседование.

— Да, похоже, вы правы, — согласился Сид.

— О, Беркли! — напевно произнес Джером. — Я не был в тех местах лет восемьдесят или даже девяносто.

По традиции всех боссов, он никогда не останавливался и не жил в чужих владениях. Конечно, это было суеверием, но ему казалось, что именно так и привлекали неудачу.

— А какие там туманы! Ладно, скоро сам увидишь.

Он вытащил из ящика стола именную купчую на новое владение — ту самую, которую привез ему маклер.

— Давай посмотрим, кто был прежним боссом Беркли, — сказал Джером, открывая папку. — Уолтер Ремингтон. Нет, это тот парень, который выиграл город и продал его мне. А раньше им владел некий Питер Сад. Не удивлюсь, если этот мистер Сад сейчас рвет и мечет от бешенства. Или горько рыдает, узнав о продаже. Наверное, он надеялся отыграть владение обратно.

А теперь бедняга распрощается с ним навсегда, сказал себе Лакмен. От меня он такой милости не дождется.

— Вы собираетесь лететь на Западное побережье? — спросил Сид.

— Конечно, — ответил Джером. — Сразу же, как соберу свои вещи. Хочу устроить в Беркли летнюю резиденцию. Мне нравится этот город… Если только он не разрушен. Чего я не выношу, так это разрушенных городов. Мне плевать, что они безлюдные, — лишь бы там не было руин.

Лакмен содрогнулся. Он воспринимал разрушенные города как очаги невезения.

А сколько ему пришлось повидать их на Юге. Свою карьеру Джером начинал боссом нескольких городов Северной Каролины, и он никогда не забывал те печальные дни.

— Не могли бы вы оставить меня здесь в каче-

стве заместителя? — спросил Сид. — На время вашего отъезда.

— Конечно, — вальяжно ответил Лакмен. — Я напишу тебе доверенность на свитке пергамента, с золотыми чернилами, печатью из красного воска и с серебряной тесьмой.

— Вы шутите?

Сид бросил на него недоверчивый взгляд. Лакмен засмеялся.

— Мне нравятся такие церемонии. У нас с тобой будет все как в фильме «Микадо». Первый заместитель босса и его темные делишки с налогами. Верно?

Сид покраснел и прошептал:

— Прежде чем стать боссом Нью-Йорка, вы тоже вертелись, как белка в колесе. Насколько я знаю, вам потребовалось на это шестьдесят пять лет.

— Вот почему мои лучшие планы направлены на благосостояние людей, — ответил Лакмен. — Когда я завладел этой территорией, здесь жило лишь несколько сотен человек. А теперь взгляни на рост популяции. И все благодаря моим усилиям! Благодаря тому, что я поощряю небоссов играть в Игру, которая комбинирует супружеские пары. Разве это не факт?

— Конечно, мистер Лакмен, — отозвался его

секретарь.

— С помощью Игры мы отыскали множество плодовитых пар, которые в иных условиях не встретились бы друг с другом. Верно?

— Да, — раболепно согласился Сид. — Разрешив одиночкам встречаться за игровым столом, вы практически вернули их в лоно человеческой расы.

— Так не забывай об этом!

Он наклонился и поднял на руки бесхвостую черную кошку.

— Ты полетишь со мной, моя радость, — сказал Лакмен, лаская животное. — Я решил взять с собой шесть или семь котов. Для привлечения удачи.

И чтобы скрасить одиночество, мысленно добавил он. На Западном побережье у него не было ни друзей, ни верных помощников, которые могли бы поддержать его в тех случаях, когда он шел на риск. Вспомнив об этом, Джером почувствовал печаль. Но ничего, подумал он. Я отстрою там город не хуже Нью-Йорка, и Беркли больше не будет скопищем пустых домов, где обитает лишь прошлое.

Призраки былого благоденствия, размышлял Джером Лакмен. Печальные вехи дней, когда

население Земли, заполнив планету, выплеснулось на Луну и даже на Марс. Люди были готовы покорить всю Солнечную систему, но эти глупые ослы, эти «красные» китайцы, воспользовались изобретением Восточной Германии. Проклятый нацист! Он не мог найти других слов для Бернхарда Хинкеля. Жаль, что этот гад скончался так рано, подумал Лакмен. Хотел бы я пообщаться с ним несколько минут. И чтобы за нами никто не подсматривал.

Единственным хорошим моментом в истории с Хинкелем был тот факт, что радиация в конце концов накрыла и Восточную Германию.

* * *

Пит вышел из дома и торопливо направился к припаркованной машине. Вот человек, подумал он, который должен знать, чей заказ выполняла ассоциация Мэтта Метронома. Ради этого можно было слетать в штат Нью-Мексико — в Альбукерку, которой владел полковник Поварс. Кроме того, я давно хотел покопаться в музыкальном архиве.

Два дня назад он получил письмо от Джо Шиллинга, самого известного продавца граммофонных пластинок. Джо писал, что диск Тито

Шипа, заказанный Питом, наконец-то найден и ожидает его в офисе фирмы.

— Доброе утро, мистер Сад, — сказала машина, когда он открыл дверь.

— Привет, — ответил Пит, поглощенный своими мыслями.

На другой стороне улицы он увидел двух детей, которые прибежали посмотреть на него. Их голоса он, скорее всего, и слышал этим утром.

— Вы наш босс? — спросила девочка.

Очевидно, дети заметили его знак отличия — разноцветную нарукавную повязку.

— Мы никогда не видели вас прежде, мистер Босс, — благоговейно добавила девочка.

Пит решил, что ей не больше восьми лет.

— Это потому, что я годами не приезжал на Взморье, — ответил он, подойдя к ним поближе. — Как вас зовут?

— Я Келли, — представился мальчик.

Совсем еще ребенок, подумал Пит. Лет шесть, наверное. Оба подростка выглядели очень мило. Он был рад, что эти дети растут на его территории.

— Мою сестру зовут Джессика. И еще у нас есть старшая сестра, Мэри-Энн. Она живет не здесь, а в Сан-Франциско, потому что учится в колледже.

Трое детей в одной семье! Пит изумленно покачал головой.

— А как ваша фамилия?

— Мы Маккарлики, — с гордостью ответила девочка. — Наши мама и папа — единственная пара в Калифорнии, у которой имеется трое детей.

Вот в это Пит верил без всяких сомнений.

— Мне хотелось бы встретиться с ними.

— Мы живем в том доме, — сказала Джессика, указывая рукой на соседнее здание. — Забавно, что вы, наш босс, не знаете моего отца. Это он заказал у вугов машины для уборки улиц и ремонта домов. Поговорил с ними, и они прислали сюда свою технику.

— А вы не боитесь вугов?

— Нет.

Оба ребенка весело закачали головами.

— Мы воевали с ними, — напомнил он детям.

— Это было очень давно, — ответила девочка.

— Действительно, — согласился Пит. — Я одобряю ваше отношение.

Мне бы так, подумал он.

Из дома вышла стройная женщина. Увидев детей и Пита, она направилась к ним.

— Мама! — восторженно закричала Джессика. — Смотри, это босс!

Привлекательная темноволосая женщина — моложавая и гибкая на вид — была одета в широкие брюки и светлую хлопчатобумажную рубашку.

— Добро пожаловать на Взморье, — сказала она, приблизившись к Питу. — Мы давненько не видели вас, мистер Сад.

Дама протянула ладонь, и они пожали друг другу руки.

— Примите мои поздравления, — произнес Пит.

— Вы имеете в виду троих детей? — с улыбкой спросила миссис Маккарлик. — В народе говорят, что это удача, а не мастерство. Не хотите выпить чашку кофе перед тем, как покинуть наши края? Вы ведь можете больше не вернуться.

— Я вернусь, — ответил Пит.

— На самом деле?

Скорее всего, она не поверила его словам. Ее красивая улыбка была слегка окрашена иронией.

— Знаете, вы почти легенда для всех небоссов этой территории. О, мистер Сад, теперь нам предстоят недели оживленных бесед. Мы будем ходить по соседям и рассказывать им о нашей встрече с вами.

Он никак не мог понять, чем вызваны насмешки миссис Маккарлик. Ее льстивые слова совершенно не вязались с холодным тоном. Она расстроила Пита, и он смущенно начал оправдываться:

— Я действительно вернусь. Вчера мне страшно не повезло. Я проиграл Беркли, и у меня…

— Тогда все ясно, — сказала миссис Маккарлик.

Ее улыбка стала более презрительной.

— Очередная неудача в Игре. Вот, значит, почему вы навестили нас.

— Сейчас я должен слетать в Нью-Мексико, — сказал Пит и пошел к машине. — Возможно, мы встретимся позже.

Сев за руль и захлопнув дверь, он дал автопилоту команду на взлет. Когда машина поднялась, детишки замахали руками. Миссис Маккарлик повернулась к нему спиной. Откуда такая враждебность, подумал Пит. Или это ему показалось? Может быть, ее возмущало деление общества на боссов и небоссов? И она считала несправедливым то, что лишь некоторым людям разрешалось сидеть за игровым столом?

Я не виню ее, сказал себе Пит. Просто она не понимает, что в любой момент мы тоже можем

стать такими, как она. Недаром все вспоминают Джо Шиллинга — некогда величайшего босса Западного полушария, а теперь простого продавца, отстраненного от Игры на всю оставшуюся жизнь. Нет, деление людей носило чисто условный характер.

Он и сам был когда-то небоссом. Свои первые владения Пит обрел единственно законным образом. Он подал заявку в Комитет и начал ждать, когда умрет какой-нибудь босс. Считая дни, недели и годы, он следовал правилам, предписанным вугами. И в конце концов ему повезло: 4 мая 2143 года в автоаварии погиб один из боссов по имени Уильям Раст Лоренс. Пит унаследовал его владения и вошел в игровую группу Аризоны. Такое случайное наследование нравилось в первую очередь вугам — игрокам до мозга костей. Они питали отвращение ко всем причинно-следственным системам.

Интересно, подумал он, какой была девичья фамилия у миссис Маккарлик. Вот уж действительно женщина! Она понравилась ему, несмотря на враждебное отношение. Пит вспоминал ее фигуру и манеру общения. Он решил побольше узнать о семье Маккарликов.

Возможно, они тоже были боссами, но потом

проигрались в пух и прах. Это объясняло бы все.

Я могу поинтересоваться у знакомых, подумал он. У них трое детей — значит, они многим известны. Наверняка Джо Шиллинг знает их историю. Вот у него-то я и спрошу.

Глава 4

— Конечно, — ответил Джо, пробираясь через пыльный торговый зал к жилым помещениям в задней части магазина. — Я знаю Патрицию Маккарлик. Но как тебе удалось познакомиться с ней?

Он повернулся и вопросительно посмотрел на гостя.

— Маккарлики живут в моем владении, — ответил Пит.

Он с трудом продвигался по проходу, заваленному пачками пластинок и картонными коробками, из которых торчали письма, каталоги и плакаты прошлых времен.

— Как ты тут что-то находишь? — спросил он Шиллинга.

— У меня своя система, — рассеянно отозвался Джо. — А знаешь, почему крошка Пэт так рассердилась на тебя? Она когда-то была боссом, а эти жмурики из Комитета отстранили ее от Игры.

— На каком основании?

— Она телепатка.

Очистив место на кухонном столе, Джо достал две чашки с обломанными ручками.

— Почаевничаем?

— Я не против, — ответил Пит.

— Мне прислали пластинку с твоим «Доном Паскалем», — сказал Шиллинг, наливая чай из черного керамического заварника. — Ария Шипы. Да-дум да-да да. Прекрасная вещь!

Напевая мелодию, Джо подошел к заполненной тарелками раковине и достал из шкафчика лимон и сахар. Внезапно он замолчал и прислушался.

— О, смотри! Ко мне пришел клиент.

Он подмигнул Питу и указал пальцем на край пыльной занавески, отделявшей жилые помещения от торгового зала. Пит увидел высокого худощавого юношу, который просматривал старый и рваный каталог пластинок.

— Это настоящий псих, — тихо прошептал Шиллинг. — Питается йогуртом и практикует йогу. Для потенции принимает витамин Е. Пачками, представляешь? Пачками! И все это достаю ему я.

Юноша осмотрел зал и окликнул хозяина:

— М-мистер Шиллинг, у вас есть п-пластинки Клаудии Мюзио?

— Только «Сцена с письмом» из «Травиаты»! — прокричал в ответ Джо.

Похоже, он даже не собирался вставать из-за стола.

— Я нашел миссис Маккарлик очень привлекательной, — сказал Пит.

— О да! Живая бабенка! Но она не для тебя. Юнг описал бы ее как интровертный чувственный тип. Такие женщины пробирают до самой печенки. Они подвержены идеализму и меланхолии, а тебе нужна взбалмошная веселая блондинка, которая развлекала бы тебя и ежедневно вытаскивала из депрессии. Тебе необходима женщина, с которой ты забыл бы о своей навязчивой идее самоубийства.

Шиллинг отпил чай, и несколько капель заскользили по его рыжеватой густой бороде.

— Ну? Что скажешь? Или ты снова в депрессии?

— Нет, — ответил Пит.

Из торгового зала донесся голос худощавого парня:

— М-мистер Шиллинг, м-можно я послушаю запись Джигли из «Уна Фуртива Лагрима»?

— Конечно, — отозвался Джо, задумчиво почесывая щеку.

Он посмотрел на Пита и сказал:

— Ты же знаешь, до меня доходят разные слухи.

Сегодня утром я услышал о твоем проигрыше.

— Да, я проиграл Беркли, — признался Пит. — И ассоциация Мэтта Метронома…

— Выкупила его для Счастливчика Джерома, — закончил Шиллинг. — Ой-вей! Он крутой игрок! Уж я-то знаю. Теперь Лакмен будет сидеть за вашим столом. А значит, скоро он наложит лапу на всю Калифорнию.

— Неужели никто не может обыграть его?

— Почему же нет? — ответил Шиллинг. — Я бы мог.

— Ты это серьезно? — спросил Пит, взглянув на него. — Но он уничтожил тебя. Ты стал классическим случаем разорившегося босса!

— В тот раз мне просто не повезло. Если бы у меня осталось какое-нибудь владение, чтобы поставить его на кон… Если бы я снова мог вернуться в Игру…

На его лице появилась кривая и унылая улыбка.

— Блеф — это пленительная игра. Как и покер, она объединяет в себе случайность и мастерство. Ты можешь выиграть у любого, но можешь и проиграть. В последнем круге меня подвел один-единственный ход, а Лакмен взял банк из-за одной удачной догадки.

— И его умение тут ни при чем?

— Конечно, черт возьми! Ему повезло, и он одолел меня, профессионала. Мы могли бы называться Счастливчик и Мастер. Если бы я мог сделать ставку и начать Игру сначала…

Он выругался и тихо добавил:

— Извини.

— Я помогу тебе сделать ставку, — сказал вдруг Пит.

— Брось, старина. Ты не можешь позволить себе этого. Вряд ли я начну выигрывать с первого круга, и, значит, мое участие в Игре обойдется тебе очень дорого. Мне потребуется какое-то время, прежде чем мастерство пересилит любую случайность — например, такую, благодаря которой Лакмен обыграл меня.

Из торгового зала донесся тенор поющего Джигли. Джо замолчал, прислушиваясь к трепетной мелодии. Его большой потрепанный попугай Иор, сидевший в клетке неподалеку от стола, издал резкий пронзительный крик. Шиллинг бросил на него укоризненный взгляд.

— Эта вещь называется «Твоя маленькая замерзшая рука», — сказал он Питу. — Первая из двух пластинок, записанных Джигли. И, как оказалось, лучшая из них. Ты когда-нибудь слушал

вторую? С ариями из опер? Она так дурна, что даже не верится. Подожди.

Он замолчал, наслаждаясь музыкой. Затем Джо снова вернулся к разговору:

— Прекрасная запись. Ты должен иметь ее в своей коллекции.

— Меня не интересует Джигли, — ответил Пит. — Он слишком плаксив.

— Этого требовал обычай, — вспылил Шиллинг. — Он был итальянцем, и у него традиционная манера исполнения.

— А вот у Шипы манера нетрадиционная.

— Шипа был самоучкой, — возразил ему Джо.

Высокий худощавый парень направился к ним, держа в руках пластинку Джигли.

— Мне х-хотелось бы купить ее, мистер Шиллинг. С-сколько она стоит?

— Сто двадцать пять долларов.

— Ого! — огорченно воскликнул юноша.

Тем не менее он достал свой бумажник.

— После войны с вугами пластинки стали редкостью, — сказал Шиллинг, укладывая диск в картонный конверт.

В магазин вошли еще два посетителя, мужчина и женщина, оба небольшого роста и плотного телосложения. Джо встретил их с распростерты-

ми руками.

— Доброе утро, Лес. Доброе утро, Эс.

Он повернулся к Питу и сказал:

— Это мистер и миссис Траур. Такие же вокальные наркоманы, как и ты. Они из Портленда, штат Орегон.

Затем он представил супружеской паре своего приятеля:

— Босс Питер Сад.

Пит встал и пожал руку Лесу Трауру.

— Здравствуйте, мистер Сад, — прошамкал Лес почтительным тоном, которым многие небоссы говорили с владельцами. — Где находится ваша резиденция, сэр?

— В Беркли, — ответил Пит и тут же вспомнил о потере. — До недавних пор я жил в Беркли, а теперь перебрался на Взморье.

— Как у вас идут дела? — спросила Эс в той сверхласковой манере, которую Пит находил ужасно неприятной.

Она протянула руку, и когда Пит пожал ее ладонь, та показалась ему мягкой и влажной.

— Готова поспорить, что у вас прекрасная коллекция. Я хочу сказать, что нам с вами и тягаться нечего. Просто несколько пластинок Сьюпервии.

— Сьюпервии, — заинтересовался Пит. — И что

у вас есть?

— Только не надо прыгать через мою бедную голову, — вмешался Джо Шиллинг. — У меня имеется неписаное правило: клиенты не должны торговать друг с другом. Если они нарушают это условие, я прекращаю общаться с ними. Кроме того, у тебя есть все пластинки Сьюпервии, которые имеют Лес и Эс… если даже не больше.

Он выбил на кассе сто двадцать пять долларов за пластинку Джигли, и высокий худощавый парень ушел.

— Какую вокальную партию вы считаете лучшей? — спросила Эс, обращаясь к Питу. — Я имею в виду записи на пластинках.

— «Каждый раз в долине», — ответил Пит. — В исполнении Акселя Шлитца.

— Тогда мы ее и купим! — воскликнул Лес, потирая руки.

* * *

Когда супруги Траур покинули магазин, Пит заплатил за пластинку Тито Шипы. Шиллинг благоговейно положил ее в конверт, и тогда, вздохнув полной грудью, Пит приступил к интересовавшей его теме:

— Джо, ты мог бы отыграть для меня Беркли?

Если бы Шиллинг сказал «да», ему бы этого хватило. Но Джо, помолчав, ответил по-своему:

— Возможно. Если кому это и удастся, то только мне. В игровом справочнике имеется правило, очень редко применяемое. Оно разрешает двум человекам одинакового пола становиться партнерами по блефу. Давай посмотрим, как отреагирует Лакмен. Мы можем обратиться к вугу-комиссару, который курирует ваш округ, и он введет это правило в действие.

— Нашего комиссара зовут С. Ш. Авансинг, — сказал Пит.

После многих перебранок с этим вугом он знал, что этот титаниец любил таскать каштаны из огня.

— Альтернативой может служить временная доверенность на некоторые владения, которые остались у тебя, — задумчиво произнес Джо. — Но я уже говорил…

— Как давно ты практиковался? — спросил его Пит. — Прошли годы с тех пор, как ты сидел за игровым столом.

— Сомневаешься в моем мастерстве? Так проверь меня! И я надеюсь, ты не пожалеешь. Подожди. Кажется, кто-то…

Он отодвинул занавеску и осмотрел торговый

зал. На стоянку перед входом опустился еще один автолет. В магазин вошла клиентка — красивая рыжеволосая девушка. Увидев ее, Пит и Джо на время забыли о разговоре. Девушка, ошеломленная беспорядком, царившим в магазине, бесцельно переходила от стеллажа к стеллажу.

— Я лучше пойду и помогу ей, — сказал Джо.

— Ты ее знаешь? — спросил Пит.

— Впервые вижу.

Помолчав, Шиллинг поправил помятый старомодный галстук и одернул жилет.

— Мисс, — сказал он, с улыбкой подходя к девушке, — я могу вам чем-нибудь помочь?

— Наверное, — тихо и застенчиво ответила рыжеволосая красавица.

Она казалась немного смущенной и, избегая пристального взгляда Джо, все время оглядывалась по сторонам.

— У вас есть какие-нибудь записи Натса Котика? — спросила она.

— К огромному сожалению, нет, — ответил Шиллинг.

Он повернулся к Питу и сказал:

— Мои дни сочтены. Эта милая девушка пришла сюда за записями Натса Котика.

Огорченно покачав головой, он вернулся на

кухню.

— А кто такой этот Котик? — спросил его Пит.

Забыв от изумления о своей робости, девушка воскликнула:

— О боже! Вы не знаете Натса Котика?

Очевидно, она даже не могла поверить в это.

— Его же каждый вечер показывают по телевидению. Он величайшая звезда всех времен!

— Мистер Шиллинг не имеет дело с поп-музыкой, — сказал Пит. — Он продает пластинки признанных классических певцов.

Операция на хайнсовой железе как бы лишала человека реального возраста. Однако Пит догадался, что перед ним стоит действительно юная особа. Девушке было лет девятнадцать — не больше.

— Вы должны понять реакцию мистера Шиллинга, — с улыбкой сказал ей Пит. — Он старый человек и привык следовать своим привычкам.

— Ладно, кончай болтать, — раздраженно оборвал его Джо. — Просто я не люблю этих нынешних исполнителей рекламных песен.

— Натса слушают *все*! — возмущенно запротестовала девушка. — Даже мои родители! А они настоящие стагнаты. Последний альбом Натса «Гуляй, собачка, гуляй» был продан пятитысяч-

ным тиражом! Вы просто очень странные люди. Как раз для гербария в музее.

Потом она вдруг снова стала застенчивой.

— Думаю, мне лучше уйти. Я и так тут долго задержалась.

Она направилась к выходу, и Шиллинг, глядя ей вслед, спросил:

— Скажите, а я вас не знаю? Это не ваше ли фото я видел в разделе новостей?

— Возможно, — ответила девушка.

— Вы Мэри-Энн Маккарлик, — сказал Джо.

Он повернулся к Питу:

— Это старшая дочь той женщины, с которой ты встречался сегодня. Какое совпадение! Она прилетела сюда в тот же день, что и ты. Помнишь теорию Юнга и Вольфганга Паули о беспричинно связующем принципе?

Джо снова обратился к девушке:

— Позвольте представить вам босса Сан-Рафела. Знакомьтесь, это Питер Сад.

— Привет, — сказала девушка без особого восторга. — И прощайте. Мне пора улетать.

Хлопнув дверью, она побежала к своей машине. Пит и Джо подошли к окну, наблюдая за удалявшимся автолетом.

— Как ты думаешь, сколько ей лет? — спросил

Пит.

— Я знаю, сколько ей лет. Об этом писали в газете. Чуть больше восемнадцати. Она — одна из двадцати девяти студентов государственного колледжа в Сан-Франциско. Специализируется по истории. Между прочим, Мэри-Энн была первым ребенком, рожденным в Сан-Франциско после столетней паузы поголовного бесплодия.

Его тон стал мрачным.

— Бог поможет миру, если с ней произойдет какой-нибудь несчастный случай или если она умрет от неизлечимой болезни.

— Она напоминает мне немного ее мать, — сказал Пит.

— Да, эта девушка ошеломляюще привлекательна, — согласился Джо.

Он с усмешкой посмотрел на друга.

— Я думаю, ты теперь изменишь свое решение и возьмешь в Игру ее, а не меня.

— Вряд ли у нее появится возможность посидеть за игровым столом.

— Ты это в каком смысле?

— Она не будет хорошим партнером по блефу.

— Да уж. Во всяком случае, не лучше меня. Только не забывай об этом, Пит. С кем ты сейчас в брачной паре?

— После проигрыша Беркли меня разлучили с Фрейей. Она теперь миссис Выгода, а я ищу новую жену.

— Но ты должен подыскать себе женщину, которая умела бы играть, — сказал Джо. — Женщину-босса. Иначе следом за Беркли ты потеряешь и Взморье. Подумай, что тогда тебя ждет. Этому миру не нужен второй магазин граммофонных пластинок.

— Честно говоря, я уже не раз задумывался над тем, что буду делать, если потеряю место за игровым столом, — ответил Пит. — Наверное, я стану фермером.

Джо захохотал и захлопал руками по коленям.

— Значит, фермером? А теперь еще скажи: «Я никогда в жизни не был таким серьезным».

— Я никогда в жизни не был таким серьезным, — повторил Пит.

— И где ты будешь хозяйничать?

— В долине Сакраменто. Начну выращивать виноград для виноделия. Я уже присматриваюсь к этому делу.

Фактически, он даже обсудил свой проект с комиссаром С. Ш. Авансингом. Вуг пообещал помочь ему с саженцами и оборудованием. Титанийцы всегда одобряли такие начинания.

— Черт! — помрачнев, сказал Шиллинг. — Наверное, ты так и поступишь.

— А тебе я буду продавать вино по завышенным ценам, — пошутил Пит Сад. — Потому что все эти годы ты богател, наживаясь на покупателях пластинок.

— Ich bin ein armer Mensch, — возразил Шиллинг. — Я очень бедный человек.

— Возможно, мы сторгуемся. Вино за редкие пластинки. Как тебе такое предложение?

— А теперь серьезно, Пит, — сказал Шиллинг. — Если Лакмен войдет в вашу группу, и вам придется играть против него, я с радостью стану твоим партнером по блефу.

Он одобрительно похлопал Пита по плечу.

— Не волнуйся, приятель. Вдвоем мы его одолеем. Но я хочу, чтобы ты не пил во время игры.

Он посмотрел в глаза Пита.

— Да-да, я слышал об этом! Ты был мертвецки пьян, когда поставил Беркли на кон. А потом, проиграв его, едва добрался до своей машины.

— Я напился после того, как закончилась Игра, — с достоинством ответил Пит. — Для утешения печали.

— Но поскольку ты имеешь пристрастие к спиртному, мое условие сохраняет силу. Никако-

го пьянства с твоей стороны, если мы становимся партнерами. Ты должен поклясться, Пит. Это, между прочим, относится и ко всем пилюлям. Мне бы не хотелось, чтобы твои мозги были затуманены транквилизаторами — особенно фенотиазином. Я не доверяю ему и знаю, что ты регулярно употребляешь эту гадость.

Пит молча кивнул, пожал плечами и прошелся по магазину, поправляя накренившиеся стопки пластинок. Правдивые слова, высказанные другом, расстроили его.

— Что касается Игры, то я по-прежнему практикуюсь, — сказал Джо. — Тренируюсь, чтобы оставаться в хорошей форме.

Он подлил себе в чашку их любимый чай «юлонг».

— Ты прав, — согласился Пит. — Мне пора кончать с моими пьянками.

Возможно, на двести с лишним лет, подумал он. О боже, какая тоска!

— Только не драматизируй, — предостерег его Джо. — Ты не алкоголик. Ты для этого слишком угрюм. Я больше тревожусь… — Он помолчал какое-то время. — О самоубийстве.

Пит вытащил из витрины старую пластинку и поковырял ногтем пожелтевшую наклейку. Он

старался не смотреть на Шиллинга, избегая его мудрого и прямого взгляда.

— Может быть, тебе лучше вернуться к Фрейе? — спросил Джо.

— Не хочу, — отмахнувшись, ответил Пит. — Даже не знаю, как это объяснить. В принципе, мы были хорошей парой, но нам не хватало какой-то завершенности. Вот почему мы с ней проиграли в последнем круге. На самом деле мы так и не стали настоящими партнерами.

Он вспомнил свою прежнюю жену, с которой жил до Фрейи. Ее звали Дженика Маркс, ныне Ремингтон. Они успешно играли за столом — по крайней мере, так ему казалось. Однако *удача* обошла их семью стороной, и им пришлось расстаться. Фактически, Пит Сад ни разу не имел *удачи*. Он не оставил этому миру ни одного потомка. Проклятые «красные» китайцы, подумал он, снимая с себя ответственность привычной злобной фразой. И все же…

— Джо, а у тебя есть дети?

— Да. Я думал, ты знаешь. Паренек во Флориде. Одиннадцать лет. Его мать была…

Он пошевелил губами, считая в уме.

— Моей шестнадцатой женой. После нее я женился еще два раза, а потом Счастливчик вывел

меня из игры.

— Интересно, сколько детей у Лакмена? Я слышал, то ли девять, то ли десять.

— Сейчас уже больше одиннадцати.

— О Иисус! — воскликнул Пит.

— Мы должны признать этот факт, — сказал Джо. — Джером Лакмен во многих отношениях *самый лучший и достойный человек, живущий в наше время.* Одиннадцать прямых потомков, величайший успех в Игре, забота о небоссах Нью-Йорка и других его городов.

— Все верно, — раздраженно согласился Пит. — Тогда давай оставим нашу затею.

— Кроме того, он нравится вугам, — невозмутимо добавил Шиллинг. — Фактически, он нравится всем. Ты встречался с ним когда-нибудь?

— Нет.

— Скоро ты поймешь, что я имею в виду. Готов поспорить, он уже летит на Западное побережье, чтобы присоединиться к «Милой Голубой Лисе».

* * *

Лакмен кивнул Дейву Трюксу и благосклонно сказал:

— Рад вас видеть.

Ведун произвел на него впечатление, проде-

монстрировав свой талант предсказателя. Это было еще одним de facto в пользу его применения.

Долговязый, хорошо одетый мужчина среднего возраста, считавшийся малоимущим боссом, обладал небольшим участком земли в Западном Канзасе — это делало его немного самоуверенным и наглым. Сев без приглашения в глубокое кресло напротив Джерома, он протяжно произнес:

— Мы должны быть осторожными, мистер Лакмен. Крайне осторожными. Я жестко ограничивал себя, пытаясь скрыть от других людей свои пси-способности. Мне вполне ясна цель вашего приглашения. Я предвидел весь ход нашей встречи, пока летел в Нью-Йорк. Честно говоря, я удивлен, что человек вашей «удачи» и статуса решил прибегнуть к моей помощи.

На лице ведуна появилась оскорбительная усмешка.

— Боюсь, что когда игроки на Западном побережье увидят меня за своим столом, они не захотят играть, — сказал Лакмен. — Скорее всего, они объединятся против меня и сговорятся держать свои ценные владения в депозитных ящиках, вместо того чтобы выставлять их на кон. Понимаете, Дэвид, я надеюсь, что они еще не знают о

том, кому достался Беркли, и поэтому…

— Они знают, — лениво усмехнувшись, прервал его Трюкс.

— О-о!

— Слухи уже разошлись по всей стране. Я слышал о вашей сделке в телевизионной передаче эстрадного певца Натса Котика. Новость о том, что вам удалось купить владение на Западном побережье, считается главной в сегодняшней программе. И это действительно важная новость. Как же там сказал Натс? «Следите за дымом сигары непревзойденного Счастливчика Лакмена». Неплохо, верно?

— Хм, — расстроенно проворчал Джером.

— Я скажу вам кое-что еще, — произнес ведун.

Он скрестил длинные ноги, пригнулся вперед и уперся руками в колени.

— Мое предвидение охватывает диапазон возможных сегодняшних вечеров. Часть из них со мной за игровым столом в Кармеле, а некоторые — с вами, в обществе «Милой Голубой Лисы».

Он тихо засмеялся.

— В паре таких вероятных «вечеров» члены этой группы использовали ЭЭГ — аппарат для распознания псиоников. Не спрашивайте меня о причинах подобного поведения. Обычно они не

держат ЭЭГ под рукой, и, значит, это предполагает какие-то подозрения.

— И неудачу, — ворчливо добавил Лакмен.

— Если я поеду туда, они проверят меня на ЭЭГ и выявят мои способности, — сказал Трюкс. — Вы представляете, что тогда будет? Меня лишат всех моих владений. А что я получу взамен? Возможно, вы подготовили для такого случая солидное возмещение?

— Конечно, — ответил Лакмен.

Однако в тот миг его тревожило кое-что другое. Если Трюкса разоблачат, Беркли будет конфискован. И кто тогда возместит ему ущерб? Нет, лучше я сам отправлюсь туда, подумал он. Но какой-то инстинкт — какая-то почти психоническая догадка в его уме — советовал ему не лететь на Западное побережье. Держись подальше от них, твердил он. Оставайся в Нью-Йорке!

Почему он чувствовал такое мощное и острое отвращение к отъезду? Неужели это было вызвано старым суеверием о том, что босс не должен покидать свою резиденцию? *Или интуиция предупреждала его о какой-то опасности?*

— Дейв, я хочу послать вас на Игру, — сказал Лакмен. — Несмотря на риск с ЭЭГ.

— Мне очень жаль, но я вынужден отказать-

ся, — ответил Трюкс, растягивая слова. — Слишком велика вероятность провала.

Распутав длинные конечности, он неуклюже поднялся на ноги.

— Полагаю, вы должны отправиться туда сами, — сказал он с улыбкой, похожей на откровенную ухмылку.

Черт бы побрал этих мелкопоместных боссов, подумал Лакмен. Их просто невозможно понять.

— Что вы потеряете, если отправитесь туда? — спросил его Трюкс. — Насколько я могу предвидеть, «Милая Голубая Лиса» сядет с вами за стол, и удача, как всегда, будет на вашей стороне. Я могу сказать, что в первый же вечер вы выиграете у них второе калифорнийское владение. — Он помолчал и тихо добавил: — Это предсказание я даю вам бесплатно. Без всяких векселей и обязательств.

Он поднял руку в шутливом салюте.

— Спасибо, — мрачно ответил Лакмен.

Нет, ты не заслужил моей благодарности, подумал он. В его уме по-прежнему шла острая борьба с бессознательным нежеланием отправляться в поездку. Черт возьми, я на крючке, сказал он себе. Слишком большие деньги уплачены за Беркли. Я должен полететь туда! Мои опасения неразумны.

Это просто страх!

Один из котов — оранжевый самец — закончил вылизывать себя и, высунув язык, посмотрел на Лакмена. Я возьму тебя с собой, решил Джером. Ты оградишь меня от бед своей магической защитой. Пусть люди считают это суеверием, но я знаю, что у тебя девять жизней.

— Убери язык, — сварливо сказал он коту.

Самец проигнорировал его приказ. Возможно, он не понимал велений судьбы и реальности.

— Приятно было повидаться с вами, босс Лакмен. Надеюсь, в следующий раз наше сотрудничество будет более продуктивным. Я возвращаюсь в Канзас. — Он посмотрел на часы. — А вам следует поторопиться. Вы еще успеете на Игру.

— Стоит ли так спешить с «Милой Голубой Лисой»? — спросил Лакмен, пожимая руку ведуна. — Или вы советуете мне поиграть сегодня вечером?

— А почему бы и нет?

— Предвидение будущего делает вас чертовски самоуверенным, — заметил Лакмен.

— Это помогает жить, — ответил Трюкс.

— Мне хотелось бы обладать вашим даром в предстоящей поездке, — пошутил Джером.

Я заигрываю с моими подсознательными

страхами, подумал он. Мне не нужны никакие пси-способности. Я и сам могу постоять за себя. У меня есть нечто большее — удача!

Войдя в кабинет, Сид Моск перевел взгляд с Лакмена на Трюкса и вновь повернулся к шефу.

— Решили лететь? — спросил он.

— Да, — ответил Джером. — Упакуй мои вещи и отнеси их в машину. Я хочу обустроиться в Беркли до начала Игры. Этим вечером мне надо почувствовать себя так, словно я родом из тех мест.

— Будет сделано, — заверил его Сид, черканув пару строк в блокноте.

Прежде чем сегодня я отправлюсь в постель, у меня состоится встреча с «Милой Голубой Лисой», подумал Лакмен. Я снова сяду за игровой стол и начну новый этап своей жизни. Интересно, каким он будет?

И вновь Джерому страстно захотелось обладать талантами Дейва Трюкса.

Глава 5

Игроки «Милой Голубой Лисы» собирались в Кармеле — там находилась их штаб-квартира, которая считалась общей собственностью. Миссис Фрейя Выгода, прилетевшая с мужем раньше остальных, с тоской наблюдала за прибытием других членов группы.

Первым в зал вошел Билл Нытик. Судя по его крикливой спортивной рубашке и пестрому галстуку, он был настроен весьма агрессивно. Кивнув Фрейе и Клему, Билл мрачно поздоровался с ними. Арлен — его жена и партнер по блефу — во всем старалась соответствовать мужу. На ее морщинистом лице отпечаталась тревожная озабоченность. В свое время она долго не могла решиться на операцию по удалению хайнсовой железы, и это подпортило ее внешность.

— Всем привет, — угрюмо сказал Уолт Ремингтон, украдкой взглянув на Дженику — свою хохотушку-жену с блестящими веселыми глазами. — Я так понимаю, мы обрели нового члена группы? — смущенно и робко спросил он у присутствующих.

Уолт снял пиджак и повесил его на спинку

стула. Он явно чувствовал себя виноватым.

— Да, — ответила Фрейя.

И ты знаешь, почему этот новый член появился у нас, подумала она.

В зал вошел златокудрый любимчик группы, Стюарт Маркс. Следом за ним появилась его высокая мужеподобная жена Юли, одетая в черную замшевую куртку и джинсы.

— Мы сейчас слушали Натса Котика, — начал Стюарт, — и он сказал, что…

— Это правда, — прервал его Клем Выгода. — Счастливчик Лакмен уже на Западном побережье и обустраивает свою резиденцию в Беркли.

Прижимая к груди бутылку виски, завернутую в бумажный пакет, к ним присоединился Сильванус Паникер. Он широко улыбался и, как всегда, был в хорошем настроении. Вместе с ним пришел Джек Бирюза. Прищурив темные глаза, он осмотрел собравшихся и кивнул головой в молчаливом приветствии. Джин, его жена, поздоровалась с Фрейей.

— Возможно, тебе будет интересно… Мы провели сегодня два часа в группе «Страшилы Особенного». Договаривались о новой жене для Пита.

— И вам это удалось? — спросила Фрейя, стара-

ясь сохранять небрежный тон.

— Да, — ответила Джин. — Там была женщина по имени Кэрол Роща. Она согласилась уйти из «Страшилы Особенного» и теперь может появиться здесь в любую минуту.

— Ну, и как она тебе понравилась? — спросила Фрейя, подготавливаясь к самому худшему.

— Интеллигентная дама.

— Я хотела спросить, как она выглядит?

— Каштановые волосы. Невысокая. Знаешь, я не могу описать ее. Лучше подожди, и сама все увидишь.

Джин кивнула на дверь, и Фрейя, оглянувшись, увидела Пита. Он вошел в зал и остановился, прислушиваясь к разговорам.

— Привет, — сказала ему Фрейя. — Поздравляю. Они нашли для тебя жену.

Пит угрюмо посмотрел на Джин и хрипло проворчал:

— Спасибо за заботу.

— Но ведь тебе нужен партнер по блефу, — напомнила Джин.

— Все нормально. Я не огорчен.

Пит тоже принес с собой бутылку, завернутую в бумажный пакет. Он поставил ее в шкаф рядом с виски Сильвануса Паникера и снял пиджак.

— Фактически, я даже рад такой перемене, — добавил он.

— Что его тревожит, — хихикая, сказал толстяк Сильванус, — так это тот парень, который владеет теперь Беркли. Правда, Пит? Они говорят, что это Счастливчик Лакмен.

Сильванус вперевалку подошел к Фрейе и пригладил ее волосы:

— Ты тоже переживаешь, сестричка?

— Конечно, переживаю, — ответила она, ласково отстранив его руку. — Все это просто ужасно.

— Вот именно, — согласилась с ней Джин Бирюза. — Нам надо обсудить ситуацию до того, как сюда приедет Лакмен. Мы должны найти какое-то решение.

— А что, если нам не садиться за стол? — спросил Паникер. — Отказаться играть с ним, и точка!

— Давайте не будем выставлять на кон значительных владений, — предложила Фрейя. — Хватит нам того, что он сумел закрепиться в Калифорнии. Если Счастливчик получит еще один такой кусок…

— Мы не должны этого допустить, — поддержал ее Джек Бирюза.

Он гневно посмотрел на Уолта Ремингтона.

— Как ты только мог так поступить? Нам следовало бы изгнать тебя из группы. Неужели ты такой болван? Неужели ты не понимал, что делаешь?

— Да все он понимал, — сказал Билл Нытик. — Но откуда ему было знать, что так получится? Он продал Беркли маклерской конторе, а те передали владение…

— Это его не извиняет! — закричал Джек.

— Мы можем сделать только одно, — сказал Клем Выгода. — Нам надо настоять на том, чтобы Лакмен проверился на ЭЭГ. Я взял на себя вольность привезти этот аппарат в нашу штаб-квартиру. Конечно, мы вряд ли выявим у него какие-то пси-способности, но он может дать нам повод отделаться от него.

— А давайте вызовем С. Ш. Авансинга и попросим у него совета, — сказала Джин. — Я знаю, что если один человек будет доминировать на обоих побережьях, вугам это не понравится. Помните, как они расстроились, когда Лакмен выгнал Джо Шиллинга из Нью-Йорка?

— Мне не хотелось бы обращаться к вугам, — сказал Билл Нытик.

Он осмотрел группу игроков и спросил:

— У кого-нибудь имеются другие идеи? Говори-

те, пока еще можно.

Наступила тревожная тишина.

— А давайте так, — сказал Стюарт Маркс. — Зажмем его в углу и…

Он нанес пару ударов по воображаемому противнику.

— Ну, вы сами понимаете. Запугаем его физически. Здесь шесть мужчин, а он один…

— Лично я не против, — помолчав, ответил Билл. — Небольшое насилие — это то, что нужно. По крайней мере, мы можем договориться и устроить с ним драку во время Игры. А если…

Он замолчал и посмотрел на дверь. В зал вошла женщина. Поднявшись с кресла, Джин объявила:

— Друзья, это новый игрок нашей группы. Она перешла к нам из «Страшилы Особенного». Ее зовут Кэрол Роща.

Джин подбежала к девушке, взяла ее под руку и подвела к игровому столу.

— Кэрол, это Фрейя и Клем Выгода, мой муж Джек Бирюза, Сильванус Паникер, Уолтер и Дженика Ремингтон, Стюарт и Юли Маркс. А вот твой партнер по блефу — Пит Сад. Пит, это Кэрол Роща. Мы потратили сегодня два часа, выбирая ее для тебя.

— А я супруга Сильвануса, — сказала миссис

Паникер, входя в зал следом за Кэрол. — Черт, какой восхитительный вечер! У нас появились два новых игрока!

Осматривая Кэрол, Фрейя гадала, какой будет реакция Пита. Тот приветствовал девушку, проявляя лишь формальную вежливость. Этим вечером он казался немного рассеянным и погруженным в собственные мысли. Возможно, Пит еще не оправился от вчерашней потери, подумала она. Возможно, он скучает по мне.

Она решила, что девушка из «Страшилы Особенного» не так уж и красива. Тем не менее в Кэрол чувствовался вкус: ее волосы были мило уложены модным узлом «крысиное гнездо», а глаза — умело подкрашены косметикой. Туфли на низких каблуках, отсутствие чулков и мадрасское платье придавали ей немного простоватый вид. Однако она имела чудесную светлую кожу и приятный голос.

Все равно Пит ее не примет, сказала себе Фрейя. Она не его поля ягода. Но какие женщины ему нравятся, задумалась она. Такие, как я? Похоже, что нет. Их брак получился каким-то односторонним: она проявляла к нему глубокую привязанность, а он оставался мрачным пессимистом. Это привело к проигрышу Беркли и разрыву их связи.

— Пит, — напомнила она ему, — ты должен набрать три очка.

Он повернулся к Биллу Нытику, ведущему группы, и сказал:

— Дай мне рулетку. Я хочу сделать это прямо сейчас. Сколько у меня попыток?

Ситуация определялась сложным кодексом правил, поэтому Джек Бирюза достал из шкафчика справочник. Он и Билл нашли нужную главу и решили, что сегодня вечером Питу дается право на шесть попыток.

— Я не понимаю, почему он не сделал этого вчера, — возмутилась Кэрол. — Надеюсь, мой полет к вам не окажется напрасным?

Она села на подлокотник кушетки, прикурила сигарету и со скучающим видом поправила платье на коленях — красивых гладких коленях, отметила Фрейя.

Сев за стол, Пит нажал на волчок рулетки. Стрелка остановилась на девятке. Он повернулся к Кэрол и сказал:

— Я делаю все, что могу.

В его голосе чувствовалась обида.

Вот видишь, милый, эта девочка уже тебе не нравится, подумала Фрейя. Она улыбнулась и прикрыла лицо рукой. Пока все шло как надо, и

она с трудом скрывала свою радость.

Пит нахмурился и снова нажал на волчок. Стрелка показала на десятку.

— Не торопись, — с улыбкой подбодрила его Дженика Ремингтон. — В любом случае мы не можем начинать Игру. Мы должны подождать мистера Лакмена.

Кэрол Роща выпустила дым из ноздрей и, поперхнувшись им, сказала:

— О мой бог! Неужели Счастливчик Лакмен стал членом «Милой Голубой Лисы»? Мне об этом никто не говорил!

Она бросила гневный взгляд в направлении Джин.

— Ну, вот! — сказал Пит, поднимаясь из-за стола. — Я сделал это!

Склонившись над рулеткой, Билл Нытик подтвердил:

— Да, ему повезло. Бесспорная тройка. Не придерешься.

Он передвинул рулетку в центр стола и огласил свое решение:

— Сейчас мы проведем церемонию бракосочетания, а затем начнем Игру — даже в том случае, если мистер Лакмен не появится.

— Билл, надеюсь, ты не забыл, что на всех це-

ремониях этой недели командую я! — сказала миссис Паникер.

Она подошла к шкафу, вытащила из ящичка групповое кольцо и передала его Питу. Тот встал рядом с Кэрол, которая, видимо, еще не оправилась от новости, касающейся Счастливчика Лакмена.

— Кэрол и Питер! Мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать ваше вступление в священный брак. Следуя законам Терры и Титана, я должна спросить вас, по своей ли воле вы налагаете на себя эти узы. Пит? Берешь ли ты в жены Кэрол, как свою законную супругу?

— Да, — мрачно ответил он.

Или это мне только показалось, засомневалась Фрейя.

— Кэрол? Берешь ли ты Питера…

Миссис Паникер замолчала и, открыв рот, уставилась на новую фигуру, которая появилась в дверном проеме. Мужчина молча смотрел на собравшихся людей. Это был Счастливчик Лакмен — победитель и призер многих Игр, владелец Нью-Йорка и величайший из боссов Западного мира. Все повернулись к нему, со страхом и мрачной неприязнью в глазах.

— Я не хочу вам мешать, — сказал Лакмен,

оставаясь на месте.

Торопливо забормотав положенные слова, миссис Паникер довела церемонию до ее логического завершения.

Да, подумала Фрейя, именно так и должен был выглядеть Счастливчик Лакмен. Мускулистый, прекрасно сложенный мужчина с круглым, как яблоко, лицом. Все элементы его одежды имели бледно-желтые тона, и это делало Лакмена похожим на растение, созревшее внутри помещения. Мягкие и тонкие волосы едва прикрывали розовый череп.

Казалось, он только что вышел из ванной — распаренный и чистый. Его одежда, нейтральная по покрою и качеству, демонстрировала определенный вкус, но руки…

Фрейя поймала себя на том, что смотрит на руки Лакмена. Его толстые запястья были покрыты курчавыми седыми волосами. Ладони выглядели маленькими и короткопалыми, а на их тыльной стороне виднелись пятна, похожие на веснушки. Ей не понравился голос Лакмена, высокий и мягкий. В нем сквозило трусливое елейное качество — как у священника, лишенного сана. В этот критический момент, когда ему полагалось рвать перепонки и нервы людей, он оставался

тихим и кротким.

Черт, мы так и не выработали стратегии против него, подумала Фрейя. Хотели договориться о чем-то, но с этой церемонией ничего не успели. Интересно, сколько нас останется за игровым столом через неделю? *Нет! Мы как-то должны остановить этого Счастливчика,* сказала она себе.

* * *

— Знакомьтесь, моя жена Шиззи, — сказал Лакмен, представляя группе крупную черноволосую женщину явно итальянских кровей, которая щедро улыбалась всем и каждому вокруг себя.

Пит Сад даже не взглянул в ее сторону. Надо принести сюда ЭЭГ, подумал он. Подойдя к креслу Биллу Нытика, Пит присел рядом с ним на корточки.

— Пора проверить их на психонические способности, — прошептал он Биллу. — Скажем, что поступаем так со всеми новичками.

— Хорошо, — кивнув, ответил Нытик.

Он встал, позвал Клема Выгоду, и они вышли в другую комнату. Через некоторое время Билл вернулся, вкатив в зал небольшой аппарат Крофтса — Харрисона. Металлическое яйцо на колесиках

испускало искры, которые вылетали из свернутых рецепторов на несколько метров. Аппаратом не пользовались уже долгое время, потому что группа была относительно постоянной. Никто из новых членов не нуждался в проверке — до этого времени.

Но теперь ситуация изменилась, подумал Пит. К нам пришли два игрока, один из которых был никому не известен, а другой является потенциальным врагом. Борьба с этим соперником потребует всех наших сил. Пит чувствовал к Лакмену особую неприязнь. Тот поселился в Клермонт-отеле — в лучшей гостинице Беркли, где прежде находилась его собственная резиденция. Что могло стать большим поводом для вражды, чем это посягательство на собственность Пита? Он с ненавистью посмотрел на белобрысого босса с Востока, и тот с надменной гримасой встретил его взгляд. Никто из них не сказал ни слова. Им просто нечего было говорить друг другу.

— О-о! — воскликнул Лакмен, увидев аппарат Крофтса — Харрисона. — Проверка на ЭЭГ!

На его лице промелькнула непонятная кривая усмешка.

— А почему бы и нет?

Он посмотрел на свою супругу.

— Мы не ожидали такого приема, верно?

Счастливчик вытянул руку, и Билл закрепил на ней анодный датчик.

— Вы не найдете у меня никаких пси-способностей, — сказал Лакмен, когда Нытик приклеил на его висок катодную клемму.

Он продолжал улыбаться. К тому времени яйцеобразный аппарат Крофтса — Харрисона выставил на переднюю панель контрольную рулетку и, протестировав Лакмена, передал Питу свой заключительный анализ. Все члены группы молча ознакомились с отчетом.

Никакой психонической черепной активности, огорченно подумал Пит. По крайней мере, в данное время. Пси-способности могли появляться и исчезать, но такие колебания отмечались почти у каждого обычного человека. Значит, черт возьми, мы не можем отвергнуть Лакмена на этом основании. Как жаль, подумал он, возвращая отчет Биллу Нытику. Тот хмуро передал листок Стюарту Марксу.

— Я чист? — добродушно спросил Лакмен.

Он казался абсолютно уверенным в себе. А почему бы и нет? Это им полагалось тревожиться, а не ему. И, очевидно, Счастливчик понимал свою сильную сторону.

— Мистер Лакмен, — хрипло произнес Уолт, — я очень сожалею, что дал вам возможность войти в нашу группу.

— О, так это вы Ремингтон, — радостно сказал Лакмен.

Он протянул ладонь для рукопожатия, но Уолт проигнорировал этот жест.

— Послушайте, мистер Ремингтон. Не вините себя. Рано или поздно я все равно попал бы за ваш стол.

— Это действительно так, — заверила его Шизи. — Не печальтесь. Мой муж может войти в любую группу, которая придется ему по душе.

Ее глаза сияли от гордости.

— А почему вы ко мне так относитесь? — возмутился Лакмен. — Разве я какое-то чудовище? Я честный игрок, и никто еще не мог обвинить меня в мошенничестве. Я играю так же, как и вы! Ради риска и победы!

Он переводил взгляд с одного члена группы на другого и без всякого смущения ожидал ответной реакции. Для него этот спор был пустой формальностью. Он знал, что их отношение к нему не изменится, и, скорее всего, не хотел никаких перемен.

— Нам кажется, что вы претендуете на нечто

большее, чем выигрыш двух-трех владений, — сказал Пит. — Но Игра, мистер Лакмен, не задумывалась как средство достижения экономической монополии. Вы и сами это знаете.

Он замолчал, понимая, что выразил свою мысль достаточно ясно. Остальные члены группы согласно закивали головами.

— Вот что я вам скажу, — ответил Лакмен. — Мне хочется, чтобы мы все были счастливы. Я не вижу причин для подозрений и мрачных догадок. Возможно, вы просто не уверены в себе и пытаетесь скрыть за этими словами собственную слабость? Ну, а как вам такое предложение? За каждое калифорнийское владение, выигранное мной… — Он замолчал, наслаждаясь их напряженным вниманием. — Я отдам проигравшему город в каком-нибудь другом штате. Таким образом, независимо от результатов Игр, вы по-прежнему останетесь боссами — хотя, возможно, и не здесь — на Западном побережье.

Он усмехнулся, показав ровные и белые зубы. Искусственные имплантаты, констатировал Пит.

— О, как мы вам за это благодарны! — язвительно ответила Фрейя.

Остальные мрачно промолчали.

Неужели он намеренно пытается нас обидеть, подумал Пит. Если Лакмен собирается подкупить нас своими обещаниями, то он ни черта не смыслит в человеческих чувствах. Какое примитивное и наивное суждение о нашем достоинстве!

Дверь открылась, и в комнату вполз вуг. Судя по персональной карточке, это был окружной комиссар С. Ш. Авансинг.

Что ему здесь нужно, подумал Пит. Может быть ему тоже не понравилось появление Лакмена на Западном побережье?

Вуг по-титанийски поздоровался с членами группы.

— Что вам угодно? — раздраженно спросил Билл Нытик. — Мы собираемся начинать Игру.

— Извините за это вторжение, — телепатировал вуг. — Мистер Лакмен, что означает ваше присутствие в этом зале? Предъявите документ, подтверждающий ваше право играть в группе «Милой Голубой Лисы».

— О, пожалуйста, — сказал Лакмен. — Как будто вы не знаете, что я приобрел здесь новое владение.

Он потянулся за пиджаком и вытащил большой конверт.

— Что это по-вашему, обман?

Вуг выпустил псевдощупальца, пролистал документ и вернул его Лакмену.

— Вы не известили нас о вхождении в данную группу.

— А с какой стати я должен вас извещать? — возмутился Лакмен. — Это не предписано правилами как обязательный акт.

— Тем не менее подобное действие является требованием протокола. Что вы намерены делать в «Милой Голубой Лисе»?

— Я намерен играть и выигрывать, — ответил Счастливчик.

Вуг молчал. Казалось, что существо с удивлением рассматривает непокорного человека.

— Это мое законное право, — напомнил Лакмен.

Похоже, он немного нервничал.

— Вы не имеете права вмешиваться в процесс Игры. Комиссар выполняет лишь функции наблюдателя. Позвольте мне отослать вас к договору 2095 года, подписанному ООН и вашим главнокомандующим. Вы можете только давать рекомендации и, если требуется, оказывать нам содействие. Я не слышал, чтобы кто-то в этом зале приглашал вас на сегодняшнюю Игру.

Он осмотрел присутствующих в поиске согла-

сия. Билл Нытик повернулся к вугу и сказал:

— Мы сами справимся с этой ситуацией.

— Вот-вот, — добавил Стюарт Маркс. — Вугги, тебе здесь нечего делать. Давай, проваливай.

Он встал из-за стола, чтобы взять вуготык, который был прислонен к стене в дальнем углу помещения. С. Ш. Авансинг, перестав телепатировать, покинул зал. Как только существо уползло, Джек Бирюза похлопал ладонью по столу.

— Пора приступать к Игре!

— Согласен, — ответил Билл.

Вытащив ключ, он открыл шкаф, затем достал большую игровую доску и разложил ее на столе. Все начали занимать места, по ходу дела решая, кому с кем сидеть. Кэрол положила руку на плечо Пита.

— Наверное, сначала у нас не все будет получаться, мистер Сад. Мы еще не привыкли друг к другу и не согласовали наши стили.

Надо рассказать ей о Шиллинге, подумал Пит.

— Слушай, мне не хочется говорить тебе об этом, но мы вряд ли будем партнерами.

— Да? И почему? — Кэрол с удивлением посмотрела ему в глаза.

— Честно говоря, — признался Пит, — я больше заинтересован в том, чтобы вернуть себе Беркли.

Меня мало волнует *удача*, как сейчас модно говорить. Я уже смирился с ее отсутствием.

Черт, а ведь терране и титанийцы, учреждая Игру, считали ее средством для восстановления человеческой популяции, подумал он. Популяции, а не экономики.

— Но ты же еще не видел, как я играю, — обиженно сказала Кэрол.

Она отошла от него и, спрятав руки за спину, опустила голову.

— Я хороший игрок.

— Возможно, — согласился Пит, — но твоего мастерства недостаточно, чтобы одолеть Счастливчика. В этом все и дело. Мы поиграем с тобой сегодня, но завтра я приведу другого человека. Только не обижайся, ладно?

— Я уже обиделась, — сказала Кэрол.

Он пожал плечами.

— На твоем месте я тоже поступил бы так.

— Кто этот человек, которого ты хочешь привести?

— Джо Шиллинг.

— Торговец редкими пластинками? Но…

Ее глаза медового цвета расширились от удивления.

— Я знаю, Лакмен обыграл его. Но этого больше

не повторится. Джо мой друг. Я доверяю ему, как себе.

— А обо мне ты этого сказать не можешь, верно? — упрекнула Кэрол. — Ты даже не хочешь посмотреть, как я играю. Все решено заранее. Я только одного не понимаю — зачем ты согласился участвовать в брачной церемонии.

— Ради сегодняшней ночи, — ответил Пит.

— Я думаю, нам нечего беспокоиться о таких вещах, — сказала Кэрол.

Ее щеки покраснели до пунцового цвета. Она едва сдерживала свои слезы и гнев. Пит тоже расстроился и, желая смягчить сердце Кэрол, прошептал:

— Прости, я не хотел…

— Ты не хотел обидеть меня, но оскорбил очень сильно. В «Страшиле Особенном» ко мне относились с большим уважением. Я не привыкла к такому пренебрежению.

Она быстро заморгала.

— Ради бога, — ужаснувшись, взмолился Пит.

Он взял ее под руку и вывел из зала в ночную темноту.

— Я просто хотел подготовить тебя на тот случай, если приведу сюда Джо Шиллинга. Беркли был моим главным владением. Я не желаю

расставаться с ним навсегда. Неужели ты не понимаешь? Все это не имеет к тебе никакого отношения. Я верю, что ты прекрасно играешь в блеф — возможно, лучше всех на свете.

Он обнял Кэрол и слегка прижал ее к себе.

— Давай закончим эту ссору и вернемся к столу. Они уже начинают Игру.

— Подожди минуту, — плаксиво ответила Кэрол.

Она достала носовой платок и прочистила нос.

— Эй, ребята, вы идете? — позвал их Билл Нытик, выглядывая из окна.

На крыльцо вышел толстяк Сильванус.

— Мы начинаем, — сказал он и, захихикав, осмотрел их лица. — Сначала дела, мистер Сад, а потом веселье.

Они вернулись в освещенный зал и сели за стол.

— Мы обсуждали нашу стратегию, — сказал Пит в качестве объяснения.

— Относительно каких вопросов? — спросила Дженика Ремингтон и подмигнула остальным.

Фрейя молча следила за лицами Пита и Кэрол. Другие наблюдали за Лакменом. Их сейчас заботил только он. Начали появляться векселя на владения. Их аккуратно складывали в игровую

корзину.

— Мистер Лакмен, — с издевкой сказала Юли Маркс, — вы обязаны поставить на кон Беркли. Это единственное владение, которое у вас имеется в Калифорнии.

Все члены группы проследили за тем, чтобы Счастливчик положил в корзину соответствующий конверт.

— Я молюсь о том, чтобы вам не повезло в этой Игре, — добавила Юли. — И чтобы вы больше никогда не появлялись за нашим столом.

— О, вы откровенная женщина, — с кривой усмешкой ответил Лакмен.

Внезапно его выражение изменилось и застыло. Лицо стало походить на маску.

Он намерен выиграть, подумал Пит. У него есть какой-то план. И мы не нравимся ему так же сильно, как он не нравится нам. Да, Игра будет трудной.

— Я аннулирую свое предложение, — сказал Лакмен. — При таком отношении ко мне ни о какой компенсации не может быть и речи. Я не буду возмещать ваши проигрыши своими городами вне Калифорнии.

Он поднял колоду пронумерованных карточек и начал тасовать ее.

— Вы настолько враждебны к нам с моей женой, что мы больше не желаем разыгрывать радушие.

— Вот и хорошо, — ответил Уолт Ремингтон.

Остальные не сказали ни слова, но Лакмену стало ясно, что Пит Сад и каждый человек в этом зале были настроены против него.

— Давайте определим право первой руки, — сказал Билл и вытащил карту из тасованной колоды.

Эти люди дорого заплатят за свои колкости, со злостью подумал Лакмен. Я пришел к ним по закону, как порядочный человек. У меня было на это право, и им не следовало так себя вести. Дождавшись своей очереди, он вытянул карту, перевернул ее и положил на стол. Семнадцать очков. Моя удача снова со мной, сказал он себе. Прикурив тонкую мексиканскую сигару, Лакмен откинулся на спинку кресла и начал наблюдать за лицами остальных игроков.

Хорошо, что Дейв Трюкс отказался лететь сюда, подумал он. Ведун был прав. Они использовали аппарат ЭЭГ — не из-за каких-то там подозрений, а просто от бессильной злобы. Но если бы здесь появился Трюкс, они лишили бы меня всех прав на Беркли.

— Ваш ход первый, Лакмен, — сказал ведущий группы. — Со своими семнадцатью очками вы вне конкуренции.

Чисто психологически он уже проиграл Игру, как и остальные.

— Лакмен удачлив всегда, — сказал им Джером, подтягивая к себе металлическую рулетку.

Фрейя тайком наблюдала за Питом. У них была ссора снаружи, подумала она. Кэрол плакала. Это было видно по ее лицу. Как мне их жаль, сказала она себе с облегчением. Фрейя знала, что они не станут партнерами. Кэрол не удастся излечить меланхолию Пита, а он, в свою очередь, не будет искать в ней женщину, которая могла бы поддержать его. Он вернется ко мне, с тихой радостью подумала она. И мы продолжим нашу связь вне Игры. Он обязательно придет к своей верной Фрейе, иначе у него наступит эмоциональный срыв.

Первый круг игрался без элементов блефа, поэтому в нем использовалась рулетка, а не карты. Дождавшись хода, Фрейя крутнула волчок и получила четыре очка. Черт возьми, не повезло, подумала она, передвигая свою фишку по доске на четыре позиции вперед. Это привело ее к печально известному квадрату: *Акцизный налог.*

Заплатить 500 долларов.

Фрейя молча выплатила указанную сумму, передав деньги банкиру их группы — Дженике Ремингтон. Что-то я слишком напряжена, подумала она. Впрочем, сейчас все чувствуют это напряжение. Даже Лакмен. Интересно, кто первым вызовет Счастливчика на блеф? У кого хватит смелости? И если наши игроки бросят ему вызов, придет ли к ним удача? Сама она решила не рисковать. Только не я, сказала себе Фрейя. Скорее всего, первым будет Пит. Он ненавидит Лакмена по-настоящему.

Наступила очередь Пита. Набрав семь очков, он начал передвигать свою фишку по клеткам доски. Его лицо по-прежнему оставалось невозмутимым.

Глава 6

Будучи сравнительно бедным человеком, Джо Шиллинг пользовался старым, сварливым и капризным автолетом по кличке Макс. К сожалению, из-за постоянной нехватки денег он не мог приобрести себе новую машину. И сегодня Макс, как обычно, уклонялся от данных ему инструкций.

— Нет, — ответил он. — Я не собираюсь лететь на Взморье. Можешь топать туда пешком.

— А я тебя не прошу, — сказал Джо Шиллинг. — Я требую!

— Какого черта тебе там надо? — заворчал Макс в привычной для него сварливой манере. — Что ты там забыл?

Тем не менее его мотор завелся.

— Перед таким долгим полетом мне нужен профилактический ремонт, — пожаловался он. — Почему ты не хочешь поддерживать меня в нормальном состоянии? Посмотри, как другие люди заботятся о своих машинах.

— Ты не достоин моей заботы, — ответил Джо, устраиваясь за рулем.

Внезапно он вспомнил, что забыл взять с собой

попугая Иора.

— Черт возьми! Не улетай без меня. Я должен зайти на минутку в дом.

Шиллинг вышел из машины и зашагал к магазину, вытаскивая из кармана ключ. Когда он вернулся вместе с попугаем, Макс не произнес ни слова. Этому могло быть две причины: либо машина смирилась с предстоящим полетом, либо у нее испортилась схема разговорной речи.

— Ты все еще здесь? — спросил Шиллинг, проверяя свое предположение.

— Конечно, здесь. Разве ты меня не видишь?

— Летим в Сан-Рафел, штат Калифорния.

Джо специально отправился в путь ранним утром. Он надеялся застать Пита в его временной резиденции. Прошлым вечером Пит позвонил ему и рассказал о первой встрече со Счастливчиком Лакменом. Как только Джо услышал его мрачный голос, он тут же догадался о результате Игры. Лакмен выиграл.

— Теперь ситуация осложнилась еще больше, — сказал Пит. — Имея два калифорнийских владения, Лакмен не будет рисковать такой изюминкой, как Беркли. В следующей Игре он поставит на кон второе владение.

— Тебе нужно было задействовать меня с само-

го начала, — ответил Шиллинг.

— Джо, у нас появилась еще одна проблема, — помолчав, сказал Пит. — Она связана с моей новой супругой. Кэрол считает себя прекрасным игроком.

— И это подтвердилось?

— Да, она хороша, но…

— Но ты все равно проиграл. Завтра утром я вылетаю к тебе на Взморье.

И вот теперь, прихватив с собой два чемодана и попугая, Шиллинг мчался на помощь другу. Он был готов к долгожданной битве с Лакменом.

Ох уж эти жены, подумал Джо. От них больше вреда, чем пользы. Как глупо, что наши политики согласились объединить экономические аспекты жизни с сексуальными. Это сделало мир слишком сложным. Хотя, конечно, во всем виноваты титанийцы — вернее, их желание решить наши трудности одним махом. В результате они еще сильнее затянули узел проблем. Жаль, что Пит ничего не рассказал мне о Кэрол, размышлял Джо Шиллинг, пролетая над штатом Нью-Мексико.

Брак всегда являлся экономическим фактором, и не вуги придумали это. Они просто усугубили существовавшее положение. Брак извечно был связан с наследованием имущества и содействи-

ем в карьере. Все это нашло свое выражение в основополагающих условиях Игры. Она как бы вскрыла то, что прежде подразумевалось, но оставалось стыдливо невысказанным.

Радио машины включилось, и мужской голос обратился к Шиллингу:

— Это Поварс. Мне сказали, что вы покинули мое владение. Почему?

— У меня назначена деловая встреча на Западном побережье.

Его раздражало то, что владелец этой территории постоянно вмешивался в личную жизнь своих небоссов. Но что он мог сделать, если полковник Поварс, суетливый отставной офицер и закоренелый холостяк, совал нос в дела всех и каждого?

— Я не давал вам своего разрешения, — обиженно заметил Поварс.

— Вы прямо как Макс, — с усмешкой ответил Джо.

— Не понял.

Полковник начал раздражаться.

— А может быть, я не хочу, чтобы вы покидали мое владение. Мне стало известно, что вас пригласили в Кармел на Игру. Мистер Шиллинг, если вы действительно так хороши, как утверждают

слухи…

— Действительно ли я хорош? — оборвал его Джо. — Вот именно это мне и требуется выяснить.

— В любом случае вам следовало бы играть за меня, — сказал Поварс.

Итак, наш маленький секрет получил широкую огласку, со вздохом подумал Шиллинг. Это была еще одна беда, вызванная резким сокращением популяции. Планета превратилась в огромный по масштабам провинциальный городок, где каждый знал абсолютно все о делах другого.

— Вы могли бы тренироваться в моей группе, — продолжил полковник. — Вернули бы себе прежнюю форму, а уж потом и сыграли против Лакмена. Вы ничем не поможете своим друзьям, если сядете за стол без подготовки. Неужели вам это не ясно?

— Вы можете считать меня неподготовленным, — сказал Шиллинг. — Но на самом деле я готов к Игре.

— Минуту назад вы говорили обратное, — напомнил Поварс. — Ваши слова сбивают меня с толку, Шиллинг. Я разрешаю вам лететь, но надеюсь, что если у вас проснется былой талант, вы принесете его за наш игровой стол — хотя

бы из чувства признательности своему боссу. Желаю удачи.

— И вам того же, Кок, — ответил Джо и выключил рацию.

С этим полетом на Западное побережье он уже нажил себе двух врагов: Макса и полковника Поварса. Плохое предвестие, подумал Шиллинг. Слишком неудачное начало. Что касается машины, то тут он мог настоять на своем. Но с таким влиятельным человеком, как Поварс, требовалось вести себя осторожнее. Кроме того, полковник был прав: если он имел способности к Игре, их следовало использовать на благо собственного босса, а не кого-то там еще.

Макс словно читал его мысли.

— Вот видишь, во что ты вляпался? — обвиняющим тоном произнесла машина.

— Да, теперь я понимаю, что должен был поговорить с моим боссом и получить его одобрение, — согласился Шиллинг.

— Ты просто надеялся проскользнуть в Нью-Мексико незамеченным, — сказал Макс.

Тоже верно, подумал Джо. Черт, какое неудачное начало.

* * *

Проснувшись, Пит хмуро осмотрел непривычную обстановку новой квартиры и вздрогнул от удивления при виде привлекательных обнаженных плеч и женской головы с каштановыми взъерошенными волосами. Вспомнив о Кэрол и о том, что случилось прошлым вечером, он осторожно поднялся с постели и в одной пижаме побрел на кухню за пачкой сигарет.

Лакмен обладал вторым калифорнийским владением, а Джо Шиллинг летел к нему из Нью-Мексико. Да, теперь он вспомнил, как обстояли его дела. И что он обрел новую жену, которая... Нет, Кэрол Сад двумя словами не опишешь. Было бы неплохо определить их отношения до того, как здесь появится Джо Шиллинг. А он мог появиться в любую минуту.

Пит прикурил сигарету и поставил чайник на плиту. Чайник начал пищать слова благодарности, но он велел ему замолчать.

— Тише, приятель. Моя жена еще спит.

Чайник покорно грелся в торжественном молчании.

Кэрол понравилась Питу. Она была симпатичной и, к слову сказать, великолепно показала

себя в постели. Но все объяснялось банально и просто. Она не отличалась красотой, и многие из его прежних жен вели себя в постели не хуже, а возможно, даже и лучше. И она не нравилась ему сверх меры — его впечатления вполне соответствовали действительности. А вот ее чувства были чрезмерными. Для Кэрол этот новый брак стал вызовом, борьбой за престиж — как женщины, жены и, наконец, игрока. Довольно большая ставка для такой игры.

На улице играли дети Маккарликов. Пит слышал их приглушенные голоса. Подойдя к кухонному окну, он выглянул и увидел их: мальчика Келли и девочку Джессику, всецело увлеченных метанием ножа. Поглощенные игрой, они забыли обо всем на свете. Они не замечали ни его, ни этот опустевший город, где порядок наводили бездушные машины. Интересно, как чувствует себя их мать, подумал он. Хорошенькая Патриция Маккарлик, историю которой рассказал мне Джо…

Пит вернулся в спальную и собрал свою одежду. Чтобы не будить Кэрол, он отправился одеваться на кухню.

— Я готов, — доложил закипевший чайник.

Пит снял его с плиты и начал готовить растворимый кофе, но тут ему в голову пришла шальная

мысль. А ну-ка, посмотрим, сказал он себе, насколько гостеприимна миссис Маккарлик. И не угостит ли она завтраком своего босса.

Встав перед трюмо в ванной комнате, он осмотрел себя с ног до головы и пришел к выводу, что если вид у него не сногсшибательный, то, во всяком случае, вполне пристойный. Пит бесшумно вышел из квартиры и спустился по лестнице на первый этаж.

— Привет, ребята! — крикнул он Келли и Джессике.

— Здравствуйте, мистер Босс, — ответили они и тут же вернулись к своей игре.

— Где я могу найти вашу маму?

Они замахали руками, указывая в сторону ближайшего дома. Вдохнув свежий утренний воздух, Пит быстро зашагал по аллее. Его наполнял какой-то странный и глубинный голод — слишком странный для логических объяснений.

* * *

Макс опустился на обочину перед красивым жилым домом в Сан-Рафеле, и Джо Шиллинг, неуклюже развернувшись на сиденье, вручную открыл дверь и выбрался из салона. Он набрал шифр на кодовом замке, и ответное жужжание

отворило перед ним массивную переднюю дверь. Они закрываются от грабителей, которых больше не существует, сказал себе Джо, поднимаясь по устланной ковром лестнице на четвертый этаж.

Дверь квартиры оказалась открытой, но вместо Пита он увидел в гостиной молодую женщину с заспанным лицом и взъерошенными каштановыми волосами.

— Вы кто? — спросила она.

— Друг Пита, — ответил Джо Шиллинг. — А вы Кэрол?

Она кивнула и застенчиво подоткнула под себя полу халата.

— Пита нет. Я только что встала, а он куда-то ушел. Даже не знаю куда.

— Мне можно войти? — спросил Джо. — Или нужно подождать на улице?

— Как хотите. Я пойду приготовлю завтрак.

На пороге кухни она махнула ему рукой, и Шиллинг последовал за ней. Кэрол начала поджаривать бекон.

— Мистер Сад тоже был здесь, а потом ушел, — сообщил ей чайник.

— А он не сказал, куда собирался пойти? — спросил Джо.

— Мистер Сад выглянул из окна и тут же вы-

шел.

Эффект Рашмора в чайнике не отличался сообразительностью и мог оказывать лишь маленькую помощь. Шиллинг сел за кухонный стол.

— Ну как вы с Питом? Поладили?

— О, наш первый вечер был ужасным, — ответила Кэрол. — Мы проиграли. Пит так расстроился из-за этого… Пока мы летели сюда из Кармела, он не сказал ни слова. И потом тоже почти не говорил со мной, как будто это я во всем была виновата. — Она печально посмотрела на Шиллинга. — Ума не приложу, как мы будем жить дальше. Мне кажется, что Пит готов… покончить с собой.

— Он всегда такой, — успокоил ее Шиллинг. — И вы тут ни при чем.

— Да, конечно, — кивнув, сказала она. — Спасибо, что сообщили мне об этом.

— Можно чашечку кофе?

— Пожалуйста, — ответила она, поднимая чайник. — А вы, случайно, не тот его друг, с которым он разговаривал по видеофону после вчерашней Игры?

— Да, тот самый.

Джо почувствовал смущение. Он прилетел

сюда, чтобы заменить эту женщину за игровым столом. Интересно, подумал Шиллинг, что ей известно о намерениях мужа? При виде таких стройных ног Пит обычно становился безмозглым ручным кобелем.

— Я знаю, зачем вы здесь, — сказала Кэрол.

Шиллинг ответил вежливым вздохом.

— И я не собираюсь уступать вам свое место, — добавила она, насыпая в чашки растворимое кофе. — Ваша игровая репутация не очень хороша. Я убеждена, что могу добиться большего, чем вы.

Шиллинг ответил ей еще одним печальным вздохом.

После этого он молча пил кофе, а Кэрол сердито расправлялась с завтраком. Они оба ждали возвращения Пита.

* * *

Миссис Маккарлик мыла пол в гостиной. Она подняла голову, увидела Пита и сдержанно улыбнулась.

— О, пришествие босса, — пошутила Патриция, продолжая орудовать шваброй.

— Привет, — смущенно ответил Пит.

— Я могу читать ваши мысли, мистер Сад.

Вы многое узнали обо мне, посудачив с Джозефом Шиллингом. Кроме того, вы встретились с Мэри-Энн, моей старшей дочерью, и нашли ее «ошеломляюще привлекательной», как выразился мистер Шиллинг. Во многом похожей на меня.

Пэт Маккарлик взглянула на него, и ее темные глаза сверкнули.

— Послушайте, вам не кажется, что Мэри-Энн немного молода для вас? Вам около ста сорока, а ей лишь восемнадцать.

— После операции на хайнсовой железе…

— Да, теперь это уже неважно. Я согласна с вами. Так, значит, вы считаете, что в отличие от дочери я наполнена пессимизмом и горечью, в то время как она еще свежа и женственна. Нелестный отзыв — особенно от мужчины, который постоянно помышляет о самоубийстве.

— Я ничего не могу с собой поделать, — сказал Пит. — Клинически, это навязчивые мысли — то есть непроизвольные и подсознательные. Я и сам хотел бы избавиться от них. Доктор Туктук поставил мне этот диагноз несколько десятков лет назад. Какие только лекарства я не перепробовал. Но мысли о самоубийстве уходили, а затем возвращались вновь.

Он вошел в гостиную.

— Вы уже завтракали?

— Да, — ответила Патриция. — А вот вы от меня завтрака не дождетесь. Я вам не жена и не прислуга. С какой стати мне готовить для вас еду? Давайте будем честными, мистер Сад. Я не хочу иметь с вами никаких отношений. Фактически, эта идея вызывает у меня отвращение.

— Почему? — спросил он как можно спокойнее.

— Потому что вы мне не нравитесь.

— А почему я вам не нравлюсь? — продолжал настаивать Пит, не отступая ни физически, ни психологически.

— Потому что вы можете сидеть за игровым столом, а я лишена этого права, — ответила Патриция. — Потому что у вас появилась новая жена, а вы увиваетесь за мной. Кроме того, мне не нравится ваше отношение к этой женщине.

— Да, телепатический дар имеет свои преимущества, — сказал Пит. — Особенно когда приходится оценивать достоинства и слабости других людей.

— Вы правы.

— Но что я могу поделать, если меня тянет к вам, а не к Кэрол?

— Конечно, своих чувств вам не изменить.

Однако вы можете воздержаться от тех поступков, которые совершаете сейчас. Мне известна причина вашего прихода, мистер Сад. Но не забывайте, я *замужем* и в отличие от вас отношусь к своему браку серьезно. Разумеется, вам этого не понять. Ведь вы меняете своих жен через каждые несколько недель — всякий раз после крупного проигрыша.

Ее отвращение прорвалось наружу: губы плотно сжались, а черные глаза сверкнули, как драгоценные камни.

Интересно, подумал Пит, какой она была до того, как ее отстранили от Игры за использование психонических способностей.

— Я мало изменилась, — сказала Патриция.

— Сомневаюсь, — ответил он.

Мысли Пита снова вернулись к ее дочери. Неужели со временем она станет такой же брюзгой, подумал он. Впрочем, это зависит от того, имеет ли она телепатические способности своей матери. И если…

— Мэри-Энн их не имеет, — сказала Патриция. — Никто из моих детей не является психоником. Мы это уже проверили.

Тогда девушке просто повезло, подумал Пит. Она не будет такой взвинченной, как ее мать.

— Возможно, — спокойно ответила Патриция. — Мистер Сад, мне не хочется, чтобы вы оставались здесь. Хотя при желании вы можете подвезти меня до Сан-Франциско. Я должна сделать там кое-какие покупки. Если вы действительно так голодны, мы могли бы остановиться и позавтракать в каком-нибудь ресторане.

Пит хотел было согласиться, но вспомнил о Джо Шиллинге.

— Я не могу. У меня дела.

— Стратегические разговоры об Игре.

— Да.

Он не мог отрицать того, о чем думал.

— Вы ставите их на первое место? Даже несмотря на ваши «глубокие чувства» ко мне?

— Я сам попросил Джо Шиллинга прилететь сюда. И мне следует встретить его с должным уважением.

Это казалось ему таким очевидным. Однако Патриция не разделяла его взглядов, и он понимал, что убеждения тут не помогут. Цинизм проник в нее настолько глубоко, что его слова не достигли бы цели.

— Не осуждайте меня, — сказала Патриция Маккарлик. — Возможно, вы правы, но…

Она отошла от него, прижимая руку ко лбу,

словно испытывала физическую боль.

— Я еще не научилась игнорировать критику, мистер Сад.

— Простите, Пэт. Я уже ухожу.

— Давайте условимся так, — тихо сказала она. — Мы встретимся с вами в Сан-Франциско. В час тридцать дня. У рынка, на углу Третьей авеню. Заодно и пообедаем вместе. Как думаете, стоит ради этого сбегать от жены и вашего друга?

— Да, — ответил он.

— Тогда договорились.

И Патриция снова принялась за уборку.

— Скажите, почему вы передумали и решили встретиться со мной? — спросил Пит. — *Что вы нашли в моем уме?* Наверное, это что-то очень важное.

— Мне не хочется отвечать на ваши вопросы.

— Пожалуйста.

— У телепатии имеется один существенный недостаток. Возможно, вы не знаете о нем. Человек с телепатическими способностями воспринимает огромный объем информации. Он слишком чувствителен к незначительным и латентным мыслям окружающих людей — то есть к той части их разума, которую древние психологи называли «бессознательным умом».

Существует даже некоторая связь между телепатией и паранойей — причем последняя является непроизвольным восприятием подавленных человеческих мыслей, которые имеют враждебную или агрессивную направленность.

— Пэт, вы что-то прочитали в моем подсознании?

— Я нашла синдром… потенциального действия. Будь у меня талант ведуньи, я могла бы рассказать вам больше. Вы либо сделаете это, либо нет. Но…

Она взглянула на него.

— Одним словом, это некий акт насилия, и он связан со смертью.

— Со смертью, — эхом отозвался Пит.

— Возможно, вы попытаетесь совершить самоубийство. Мне трудно говорить об этом наверняка. Ваше намерение еще находится в зачаточном состоянии. Однако сам поступок связан со смертью и… с Джеромом Лакменом.

— Дела настолько плохи, что это заставило вас отказаться от своего прежнего решения? Минутой раньше вы не хотели иметь со мной никаких отношений.

— Было бы нечестно прогнать вас с глаз долой после того, как я отыскала в вашем уме такой

синдром.

— Спасибо за заботу, — кисло ответил Пит.

— Я не хочу, чтобы чья-то смерть осталась на моей совести. И мне было бы больно услышать в утренней или вечерней программе Натса Котика о том, что вы приняли большую дозу эмфитала. Ведь вы, мистер Сад, одержимы идеей самоубийства.

Она улыбнулась ему, но это была бесцветная и безрадостная улыбка.

— Увидимся в час тридцать, — сказал Пит. — У рынка на углу Третьей авеню.

Если только мой зачаточный синдром, подумал он, связанный с насилием, смертью и Лакменом, не проявится до этого времени.

— Все может быть, — мрачно ответила Патриция. — Таково основное качество человеческого подсознания. Оно находится вне времени. И рассматривая его, очень трудно понять, нашли ли мы замысел, который осуществится через секунду, или он удален от нас на дни и долгие годы. Здесь все слишком запутано и неясно.

Пит молча повернулся и пошел на улицу — подальше от ее телепатии.

* * *

Придя в себя, он понял, что летит над пустыней. Солнце клонилось к горизонту, и, включив приемник, Пит озабоченно спросил:

— Сколько сейчас времени?

— Шесть часов вечера по стандартному циклу, мистер Сад, — ответил из динамика механический голос.

Где я, подумал Пит.

— Где мы находимся? — спросил он машину. — В Неваде?

Голый и пустынный ландшафт действительно напоминал Неваду.

— Восточная часть штата Юта, — ответил автолет.

— Когда я покинул Западное побережье?

— Два часа назад, мистер Сад.

— Чем я занимался в течение последних пяти часов?

— В девять тридцать вы вылетели в Кармел, а затем вошли в штаб-квартиру, где находится игровой зал вашей группы.

— С кем я там встречался?

— Это мне неизвестно.

— Продолжай, — едва дыша, сказал Пит.

— Вы пробыли там час. Потом вышли и полетели в Беркли.

— В Беркли? — воскликнул он.

— Вы совершили посадку на площадке Клермонт-отеля, затем вошли в здание и вернулись через несколько минут. Потом вы полетели в Сан-Франциско и, опустив меня у государственного колледжа, направились к административному корпусу.

— Ты не знаешь, что я там делал?

— Нет, мистер Сад. Вы отсутствовали около часа. Затем вы вышли и сели за руль. Следующая остановка была в деловой части Сан-Франциско — рядом с рынком на углу Четвертой авеню. Припарковав меня, вы отправились куда-то пешком.

— В какую сторону?

— Я не заметила.

— Продолжай.

— Вы вернулись в два пятнадцать, сели в салон и велели мне лететь на Восток — что я и делала до настоящего времени.

— И мы нигде не останавливались после Сан-Франциско?

— Нет, мистер Сад. Хочу заметить, что у меня осталось мало горючего. Ближайшая заправка в Солт-Лейк-Сити.

— Хорошо, — согласился он. — Летим на заправку.

— Благодарю вас, мистер Сад, — сказала машина и изменила курс.

Посидев немного, Пит включил рацию и набрал номер видеофона своей квартиры в Сан-Рафеле. На небольшом экране появилось лицо Кэрол.

— Привет, — сказала она. — Где ты сейчас? Звонил Билл Нытик. Этим вечером он собирает группу пораньше — для обсуждения общей стратегии. Билл просил, чтобы мы с тобой тоже прилетели туда.

— Джо Шиллинг появился?

— Да. Как будто сам не знаешь. Неужели не помнишь, как ты вернулся утром домой и потащил его в свою машину, чтобы я не подслушала вашего разговора?

— А что случилось потом? — хрипло спросил Пит.

— Мне непонятен твой вопрос.

— Что я делал? — нетерпеливо сказал он. — Мы с Джо Шиллингом куда-нибудь улетали? Кстати, где он сейчас?

— Я не знаю, где он сейчас, — раздраженно ответила Кэрол. — Да что, черт возьми, происходит? Неужели ты забыл, что делал сегодня утром? Вот

так сюрприз! И как часто у тебя бывают такие периоды амнезии?

— Просто расскажи мне, что случилось, — взмолился Пит.

— Вы о чем-то болтали в машине. Потом Джо Шиллинг ушел. Во всяком случае, ты вернулся в гостиную один и сказал мне… Подожди минуту. У меня что-то подгорает на плите.

Ее лицо исчезло с экрана. Пит ждал, считая секунды, пока она наконец не вернулась к видеофону.

— Извини. Дай вспомнить. Ты поднялся наверх…

Кэрол задумчиво помолчала.

— Мы поговорили. Затем ты снова спустился к машине. И с тех пор я тебя не видела… вплоть до твоего звонка.

— А о чем мы с тобой говорили?

— Ты сказал мне, что сегодня вечером будешь играть в паре с мистером Шиллингом.

В голосе Кэрол появились холодные и натянутые тона.

— Я ответила, что мы уже обсуждали эту тему. Вернее, спорили о ней. В конце концов…

Она взглянула на него.

— Ты точно ничего не помнишь?

— Абсолютно ничего, — ответил он.

— Тогда я не буду рассказывать тебе об этом. Если хочешь, расспрашивай своего любимого Джо. Уверена, что ты уже информировал его о нашем разговоре.

— А где он?

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Кэрол и отключила связь.

Экран видеофона потемнел.

Итак, я договорился с Джо, что он будет моим партнером по сегодняшней Игре, подумал Пит. Но проблема не в этом… Она даже не в том, что я делал. Сейчас важно понять, почему я ничего не помню. Вот главный вопрос! Может быть, я вообще ничего не делал. То есть ничего существенного или необычного. Но полет в Беркли… Наверное, мне захотелось взять кое-какие вещи, которые я там оставил.

Однако эффект Рашмора его машины утверждал обратное. Он не посещал свою прежнюю квартиру. Он полетел в «Клермонт-отель» — туда, где остановился Счастливчик Лакмен. Значит, он виделся или пытался увидеться с Лакменом.

Надо немедленно встретиться с Джо, подумал Пит. Надо найти его и все обсудить. Рассказать ему, что по неизвестным причинам у меня из

памяти выпал почти весь сегодняшний день. Неужели это реакция на то, что сообщила мне Пэт Маккарлик? Судя по всему, он встречался с ней в Сан-Франциско, как они и договаривались. Но чем закончилась эта встреча? Каковы теперь их отношения? Возможно, ему чего-то удалось добиться. С другой стороны, он мог разочаровать ее окончательно. Да, тут толком ничего не скажешь. А этот визит в государственный колледж Сан-Франциско…

Наверное, он искал ее дочь — красавицу Мэри-Энн. О боже! Забыть такой день!

Включив рацию, он позвонил в магазин Джо Шиллинга, но услышал голос автоответчика:

— В данное время мистер Шиллинг отсутствует. Он забрал попугая и отправился на Тихоокеанское побережье. Вы можете связаться с ним через босса калифорнийского Взморья. Звоните Питеру Саду в Сан-Рафел.

Неудачный совет, подумал Пит. Он раздраженно прервал связь и через некоторое время набрал номер Фрейи Выгоды.

— Привет, Пит! — радостно сказала она, явно довольная тем, что услышала его голос. — Ты где? Мы хотим собраться вместе и…

— Я разыскиваю Джо Шиллинга, — прервал ее

Пит. — Ты не знаешь, где его можно найти?

— Нет, я не знаю. А ты что, пригласил его на Взморье? Хочешь сыграть с ним против Лакмена?

— Если как-нибудь свяжешься с ним, передай, что я ищу его. Пусть он срочно летит ко мне в Сан-Рафел и остается там.

— Хорошо, — ответила Фрейя. — У тебя какие-то неприятности?

— Возможно, — проворчал Пит и отключил рацию.

Откуда мне это знать, если я ничего не помню, пожаловался он самому себе. Затем Пит обратился к автолету:

— У тебя хватит горючего, чтобы вернуться в Сан-Рафел без остановки в Солт-Лейк-Сити?

— Нет, мистер Сад, — ответила машина.

— Тогда, черт возьми, лети на заправку, а потом как можно быстрее возвращайся в Калифорнию.

— Будет сделано. Только не сердитесь на меня, мистер Сад. Я доставила вас сюда согласно вашим указаниям.

Он обругал машину и отвернулся к окну, нетерпеливо ожидая посадки в огромном и пустынном Солт-Лейк-Сити.

Глава 7

Когда он вернулся в Сан-Рафел, был уже вечер. Включив посадочные огни, машина опустилась на стоянку перед домом. Как только Пит ступил на асфальт, из темноты появилась женская фигура. Это была Патриция Маккарлик. Он узнал ее по длинному платью и тугому узлу волос на затылке.

— Что-нибудь случилось? — спросил он, уловив ее тревогу.

— Подождите секунду.

Она, задыхаясь, подбежала к нему. Ее глаза расширились от страха.

— Я хочу просканировать ваш мозг.

— А что такое?

— О мой бог! Так, значит, вы ничего не помните? Из вашей памяти изъят целый день. *Будьте осторожны, Пит!* Меня ждет муж, и мне пора идти. Но прошу вас, не ищите со мной встреч. Я сама найду вас, когда представится такая возможность. Ждите моего звонка. Прощайте.

Патриция взглянула на него и убежала в темноту.

Он поднялся по лестнице в свои апартаменты.

В гостиной, сидя на кушетке, его ожидал большой рыжебородый Джо. Увидев Пита, Шиллинг сердито вскочил на ноги.

— Где ты пропадал?

— Кэрол здесь или ты один? — спросил Пит.

Он торопливо осмотрелся.

— Я не видел ее с утра, — ответил Джо. — С тех пор как мы расстались после завтрака. Я позвонил твоей бывшей супруге, и Фрейя сказала, что…

— А как ты вошел, если Кэрол не было дома? — спросил Пит.

— Дверь оказалась незапертой.

— Слушай, Джо. Сегодня произошло очень странное событие.

— Ты имеешь в виду неожиданное исчезновение Лакмена?

Пит вздрогнул и с изумлением посмотрел на Джо.

— Черт, я не знал, что Лакмен исчез.

— Как не знал? Ты же сам сообщил мне об этом.

Обменявшись недоуменными взглядами, они смущенно замолчали. Через несколько секунд Шиллинг попытался прояснить ситуацию:

— Ты позвонил мне из машины. Я в тот момент находился в вашей штаб-квартире и просматри-

вал видеозапись прошлой Игры. После полудня Натс Котик подтвердил твои слова. Он начал свою передачу с того, что объявил о неожиданном исчезновении Джерома Лакмена.

— И его еще не нашли?

— Нет.

Шиллинг схватил Пита за плечи и встревоженно спросил:

– *Ты что, ничего не помнишь?*

— У меня была встреча. С телепаткой.

— С Пэт Маккарлик? Да, ты мне рассказывал. Она здорово расстроила тебя. Я знаю твой характер и могу судить об этом. Ты говорил, что она рылась в твоем подсознании. Пэт нашла у тебя какую-то навязчивую мысль о самоубийстве. Мне хотелось задать тебе пару вопросов, но ты вздохнул и отключил видеофон.

— Я только что снова видел Патрицию, — сказал Пит.

Ее предупреждение — возможно, оно имело отношение к исчезновению Лакмена. Неужели Пэт думала, что он был как-то связан с этим происшествием?

— Хочешь, я налью тебе что-нибудь выпить? — спросил Джо.

Он подошел к бару, который располагался меж-

ду двумя большими окнами гостиной.

— Пока я тебя ждал, мне удалось обнаружить в твоих запасах довольно неплохое виски. Вот только с закуской проблемы…

— Я еще не обедал, — сказал Сад. — И мне не хочется пить.

Он прошел на кухню и открыл холодильник, соображая, что ему приготовить на ужин.

— У меня есть кошерное мясо из магазина деликатесов. Я купил его в Сан-Франциско. К нему подойдет черный хлеб и салат из капусты.

— Годится.

Пит достал еду.

— Поторопись, у нас мало времени, — сказал Джо. — Билл просил, чтобы мы прилетели в Кармел пораньше. Хотя если Лакмен исчез…

— Интересно, его ищет полиция? Они не звонили в штаб-квартиру?

— Не знаю. Ни ты, ни Котик не говорили об этом.

— А я не рассказывал тебе, как мне удалось узнать об исчезновении Лакмена? — спросил Пит.

— Нет.

— Все это просто ужасно!

Пит отрезал два толстых ломтя черного хлеба.

Его руки дрожали.

— Почему ужасно?

— Не знаю. А разве ты так не считаешь?

Шиллинг пожал плечами.

— В принципе, было бы неплохо, если бы его кто-нибудь убил. С таким противником каждая следующая Игра грозит новыми неудачами. Смерть Лакмена устроила бы всю вашу группу. Вместо Счастливчика играла бы его вдова. А с Шиззи Лакмен мы разделаемся в два счета. Я знаком с ее системой — ничего серьезного.

Отрезав кусок черного хлеба, он положил себе в тарелку порцию кошерного мяса. Раздался писк видеофона.

— Поговори с ними сам, — сказал Пит. Ему вдруг почему-то стало страшно.

— Хорошо.

Шиллинг вышел в гостиную. Пит прислушался.

— Алло, — донесся голос Джо.

Звонил Билл Нытик.

— Случилась ужасная беда! — прокричал он. — Я хочу, чтобы вся группа немедленно собралась в Кармеле.

— Ладно. Мы сейчас же вылетаем к вам.

Джо вернулся на кухню.

— Я слышал, — сказал Пит.

— Оставь записку Кэрол.

— А что ей написать?

— Откуда я знаю! Напиши, что улетел в Кармел. Напомни о соглашении, к которому мы пришли. Надеюсь, ты не забыл о том, что сегодня вместо нее играю я? Мы договорились, что Кэрол будет сидеть за моей спиной и наблюдать за каждым моим ходом.

— Черт! — выругался Пит. — И как она к этому отнеслась?

— Похоже, наш план ей не очень понравился.

Шиллинг снял с вешалки плащ и шляпу.

— Но ты заставил ее согласиться. Она поняла, что тебе необходим первоклассный партнер. Пошли. Мы уже опаздываем. Доешь этот бутерброд по дороге.

На лестничной площадке они встретили Кэрол. Она вышла из лифта и остановилась, увидев их. На ее лице застыло выражение испуганного удивления.

— Ну что? — спросила она апатичным тоном. — Уже слышали?

— Да, Билл Нытик собирает всех в Кармеле, — ответил Джо. — Ты это имела в виду?

— Нет, я говорю о Лакмене, — сказала Кэрол. —

Если хотите посмотреть на него, спуститесь вниз. Полиция обещала прилететь с минуты на минуту.

Выйдя из кабины лифта на первом этаже, они направились к машине Кэрол, припаркованной за автолетами Шиллинга и Пита.

— Я обнаружила его посреди полета, — сказала Кэрол, устало прислонившись к капоту машины.

Она по-прежнему держала руки в карманах плаща.

— Мне показалось, что я оставила свой кошелек в старой квартире, где мы жили с моим предыдущим мужем. Я летала туда за вещами, которые забыла привезти вчера.

Пит и Джо открыли задние двери машины.

— Я включила освещение салона и увидела его, — продолжила Кэрол. — Скорее всего, труп подложили пару часов назад, когда я паковала свои вещи на старой квартире. Но, возможно, это сделали еще раньше — до полудня, пока я была здесь. Вот, смотрите. Он так лежит, что его не видно с водительского кресла. Я… Я коснулась его рукой, когда искала кошелек.

Она всхлипнула и замолчала.

В ярком свете ламп внутри салона Пит увидел тело, лежавшее на полу за передними сиденьями

автолета. Вне всякого сомнения, это был Лакмен. Его круглое пухлое лицо выглядело вполне узнаваемым, хотя и потеряло свой багровый румянец. В люминисцентном свете оно казалось зеленовато-серым.

— Я сразу же вызвала полицию, и мы договорилась, что встретимся здесь, — сказала Кэрол.

Откуда-то издалека, из черноты ночного неба, послышались звуки сирен.

Глава 8

Осмотрев членов группы «Милой Голубой Лисы», Билл Нытик сказал:

— Леди и джентльмены. Джером Лакмен убит. Отныне каждый из нас находится под подозрением. Такова текущая ситуация, и в данный момент я не могу сообщить вам каких-то подробностей. Само собой разумеется, Игра в этот вечер не состоится.

— Не знаю, кто это сделал, — добавил Сильванус Паникер, — но я ему благодарен… Мои поздравления, господа.

Он захихикал, ожидая, что остальные тоже присоединятся к его веселью.

— Прекрати, — велела ему Фрейя.

Сильванус покраснел и начал оправдываться перед сестрой:

— Но ведь я прав. Это хорошая новость…

— Это очень плохая новость, — возразил ему Билл Нытик. — Мы находимся под подозрением. Я не знаю, кто это сделал, и вообще сомневаюсь в том, что к убийству причастны члены нашей группы. Но гибель Лакмена вряд ли нам поможет. Я предчувствую, что, пытаясь вернуть два

проигранных калифорнийских владения, мы столкнемся с огромными юридическими трудностями. Все произошло слишком быстро, и мы не готовы к такому повороту событий. Нам необходима помощь специалиста.

— Верно, — поддержал его Стюарт Маркс, и все члены группы дружно закивали головами. — Мы должны нанять адвоката. Причем хорошего адвоката.

— Чтобы он защищал наши интересы, — добавил Джек Бирюза. — И чтобы он помог вернуть нам те два владения.

— Давайте голосовать, — предложил Уолт Ремингтон.

— Нам незачем голосовать, — раздраженно возразил Билл Нытик. — Всем и так понятно, что нам нужен адвокат. Полиция может прилететь сюда в любое время. Но позвольте спросить…

Он осмотрел присутствовавших в зале.

— Если один из вас совершил это убийство — я подчеркиваю слово «если», — то, может быть, он пожелает теперь признаться в этом?

Наступила тишина. Никто не шевелился.

— Это был формальный вопрос, — с кривой улыбкой произнес Билл Нытик. — Если кто-то из нас и убил Джерома Лакмена, то сознаваться в

этом он не собирается.

— А тебе так хочется услышать добровольное признание? — спросил Джек Бирюза.

— Не особенно, — ответил Билл и подошел к видеофону. — Если никто не возражает, я позвоню Берту Меняле, моему адвокату из Лос-Анджелеса. Хочу попросить его немедленно вылететь в Кармел. Вы согласны?

Он еще раз осмотрел членов группы. Никто не возражал.

— Вот и хорошо, — произнес Билл Нытик, набирая номер.

— Кто бы это ни сделал и какими бы ни были мотивы убийства, — хрипло произнес Джо Шиллинг, — преступнику не следовало подкладывать труп в машину Кэрол Сад. Я считаю это отвратительным и грубым поступком — совершенно непростительным при данных обстоятельствах.

— В какую странную эпоху мы живем, — с улыбкой сказала Фрейя. — Все охотно смирились с убийством Лакмена, но тот факт, что труп подложили в машину миссис Сад, вызывает у нас благородное негодование.

— Тем не менее вы прекрасно понимаете, что я прав, — ответил ей Шиллинг.

Фрейя пожала плечами. Билл склонился к экра-

ну видеофона.

— Дайте мне мистера Менялу. Это очень срочно.

Он повернулся к Кэрол, которая сидела на большой софе между Питом и Джо.

— Нанимая адвоката, я в первую очередь забочусь о вас, миссис Сад. Ведь тело убитого было найдено в вашей машине.

— Нечего сваливать вину на Кэрол, — вмешался Пит. — У остальных гораздо больше причин для подозрений.

Во всяком случае, я надеюсь на это, подумал он. Да и за что ее подозревать? Она вызвала полицию сразу же, как обнаружила труп.

Шиллинг прикурил сигарету и повернулся к нему.

— Выходит, я прилетел слишком поздно. Мне так и не удалось отыграться у Счастливчика Лакмена.

— Если только вы уже не отыгрались, — прошептал Стюарт Маркс.

— В каком смысле? — спросил Шиллинг, смерив молодого человека строгим взглядом.

— Как будто вы сами не догадываетесь, — проворчал Маркс.

На экране видеофона появилось решительное

лицо адвоката из Лос-Анджелеса. Судя по его виду, он был готов защищать интересы группы.

— Скоро к вам прилетят два следователя, — начал просвещать он Билла Нытика. — Один вуг и один землянин. Это обычная расстановка сил при расследовании тяжких преступлений. Я постараюсь присоединиться к вам как можно быстрее, но на полет уйдет не меньше получаса. Приготовьтесь к тому, что оба следователя окажутся прекрасными телепатами — это тоже общепринятая практика. И запомните: доказательства, полученные при телепатическом сканировании, не являются законными для земного суда. Их следует подтверждать документально установленными фактами.

— А разве это не нарушение Конституции США? — спросил Билл. — Я слышал, что имеется постановление, запрещающее принуждать граждан к даче показаний против самих себя.

— Да, такое постановление существует, — ответил Меняла.

Все члены группы молча прислушивались к разговору между Биллом и адвокатом.

— Полицейские телепаты могут просканировать вас и определить, виновны вы или невиновны. Конечно, им придется представить в суд

неопровержимые доказательства, основанные на выявленных фактах. Но знайте: они будут пользоваться своими телепатическими способностями в полную силу и при любой возможности.

Эффект Рашмора входной двери протрубил сигнал и торжественно объявил:

— Два существа просят разрешения войти.

— Полиция? — спросил Стюарт Маркс.

— Один титаниец, а другой терранин, — доложила дверь. — Господа, вы из полиции?

Получив утвердительный ответ, дверь информировала группу:

— Они из полиции. Я могу их впустить?

— Мы просим их подняться к нам в игровой зал, — сказал Билл, обменявшись взглядами с адвокатом.

— Вы должны быть готовы к самому худшему, — продолжил Меняла. — По закону, власти могут расформировать вашу группу до того времени, пока преступление не будет раскрыто. В принципе, такое решение считается профилактической мерой предосторожности против возможных противоправных действий, совершаемых игровыми группами. Но на самом деле это карательная мера для тех лиц, которые имели какое-то отношение к совершенному преступ-

лению.

— Они расформируют группу? — уныло спросила Фрейя. — О нет, только не это!

— А разве ты не знала? — мрачно огрызнулся Джек Бирюза. — Я сразу об этом подумал, когда услышал о смерти Лакмена. Нас разгонят, как крыс, можешь не сомневаться.

Он осмотрел собравшихся людей, словно искал того, кто нес ответственность за преступление.

— А может быть, и не разгонят, — успокоил всех Уолт Ремингтон.

В дверь настойчиво постучали. Так могла стучать только полиция.

— Я лучше останусь у видеофона, — предложил Берт Меняла. — Тогда вам не придется ждать меня в течение полчаса. В любом случае вы можете рассчитывать на мой совет и квалифицированную поддержку.

Он с любопытством посмотрел на дверь. Фрейя приоткрыла ее, и все увидели полицейских: стройного высокого терранина и вуга, который находился рядом с ним.

— Я Уод Колючка, — представился землянин.

Он показал им кожаный бумажник с блестящим полицейским значком. Вуг, устав от подъема по лестнице, расплылся по полу в расслабленной

позе. На его теле была вышита надпись: «Детектив Э. Б. Черный».

— Прошу вас, входите, — сказал Билл, направляясь к двери. — Я ведущий группы. Меня зовут Билл Нытик.

Он раскрыл створку пошире, приглашая офицеров в зал. Вуг пополз первым. Пришелец с Титана остановился у игрового стола и телепатировал группе свои мысли:

— Сначала мы хотели бы поговорить с миссис Кэрол Сад. Насколько нам известно, труп был найден в ее машине.

— Я миссис Сад.

Кэрол встала, сохраняя спокойствие под пристальными взглядами полицейских.

— Вы позволите нам провести телепатическое сканирование? — спросил ее Уод Колючка.

Кэрол взглянула на экран видеофона.

— Соглашайтесь, — посоветовал ей Меняла.

Он тут же пояснил двум полицейским:

— Я Берт Меняла — адвокат, проживаю в Лос-Анджелесе. Все члены этой группы являются моими клиентами. Я посоветовал «Милой Голубой Лисе» оказывать вам полное содействие. Они не будут возражать против телепатического сканирования. Тем не менее мои клиенты знают

— так же, как и вы, — что свидетельства, полученные при подобной проверке, не могут быть представлены на рассмотрение суда.

— Все правильно, — сказал Колючка и подошел к Кэрол.

Вуг медленно пополз за ним. Наступила тишина.

— Я подтверждаю, что все произошло именно так, как миссис Сад рассказала нам по видеофону, — телепатировал Э. Б. Черный. — Обнаружив труп во время полета, она сразу же известила об этом полицию.

Вуг повернулся к своему компаньону и передал мысль:

— Я не нашел никаких признаков того, что миссис Сад имела какое-либо предварительное знание о трупе, спрятанном в ее машине. К тому же она никогда не встречалась с Лакменом до этого момента. Вы согласны?

— Согласен, — тихо ответил Колючка. — Но…

Он осмотрел комнату.

— Она сейчас сильно переживает за своего супруга. Я хотел бы просканировать вас следующим, мистер Сад.

Пит, безуспешно пытаясь прочистить пересохшее горло, поднялся на ноги.

— Я могу побеседовать с нашим адвокатом с глазу на глаз? — спросил он у Колючки.

— Нет, — приятным и ровным голосом ответил полицейский. — Он уже посоветовал вам, как вести себя в этом деле, и я не вижу причин, чтобы разрешать…

— Я понял суть его совета, — сказал Пит. — Но меня интересуют последствия того, если я, например, откажусь от телепатического сканирования.

Он прошел через комнату к видеофону.

— Что скажете, адвокат?

— Вы станете главным подозреваемым, — ответил Меняла. — Однако это ваше право, и вы можете отказаться. Тем не менее я советовал бы вам не делать этого, так как в данном случае они начнут вести за вами постоянное наблюдение и в конце концов все равно просканируют ваш разум.

— Мне противна сама мысль о том, что кто-то будет рыться в моем уме, — сказал Пит.

Узнав о частичной амнезии, копы тут же заподозрят меня в убийстве, подумал он. Неужели это я убил беднягу Лакмена? Очевидность такого поворота событий предстала перед ним во всей своей неприглядности.

— Каково ваше решение? — спросил его Колючка.

— Вы, наверное, уже сканируете меня, — сказал Пит.

Меняла прав, подумал он. В случае отказа копы все равно залезут к нему в мозги — если не сейчас, то в другое время.

— Так что давайте, действуйте, — добавил он, чувствуя себя больным и слабым.

Пит подошел к обоим следователям и сунул руки в карманы. Прошло несколько минут. Все напряженно молчали.

— Я выявил тему, о которой думал мистер Сад, — телепатировал вуг своему компаньону. — А вы?

— Я тоже, — кивнув, ответил Колючка.

Он снова обратился к Питу:

— Итак, вы не помните событий этого дня. Верно? Вам удалось реконструировать их по сообщениям вашей машины, или, вернее, по тем подозрительным высказываниям, которые вы приписываете ей.

— Вы можете обратиться к эффекту Рашмора моего автолета, — сказал Пит.

— Ваша машина информировала вас о сегодняшнем визите в Беркли, — медленно произнес

Колючка. — Но вы сомневаетесь в том, что хотели увидеть Лакмена. Более того, вам неизвестно, встречались вы с ним или нет. Я не понимаю, откуда взялась эта блокировка в вашем уме и возникла ли она самостоятельно. Может быть, вы нам что-нибудь подскажете?

— Я не имею ответов на ваши вопросы, — сказал Пит. — Вы и сами знаете это, читая в моем уме.

— Замышляя убийство, преступник должен был учитывать тот факт, что расследованием займутся телепаты, — бесстрастным тоном произнес Колючка. — Очевидно, он решил, что лучшим вариантом для него будет частичная амнезия, которая перекроет весь период его преступных действий. — Он повернулся к своему напарнику: — Я полагаю, мы должны арестовать мистера Сада.

— Возможно, — ответил Э. Б. Черный. — Но прежде мы просканируем остальных.

Вуг телепатически обратился ко всем членам группы:

— Отныне ваша организация расформирована. С этой минуты вам запрещается встречаться за игровым столом, а любая ваша Игра будет считаться незаконной. Данный запрет сохраняет силу до тех пор, пока убийство Джерома Лакмена

не будет раскрыто.

Все инстинктивно повернулись к экрану видеофона.

— Так гласит закон, — произнес Меняла. — Впрочем, я предупреждал вас об этом.

Похоже, он уже смирился с поражением.

— От имени группы я выражаю вам протест! — закричал Билл Нытик, обращаясь к двум полицейским.

Колючка пожал плечами. Было ясно, что эмоции Билла не произвели на него никакого впечатления.

— Я обнаружил нечто необычное, — телепатировал вуг своему компаньону. — Прошу, просканируйте остальных членов группы и выскажите мне свое мнение.

Колючка кивнул и, переходя от одного человека к другому, медленно обошел зал по кругу. Вернувшись к пришельцу с Титана, он озадаченно сказал:

— Вы правы. Мистер Сад не единственный, кто потерял воспоминания об этом дне. Сходная амнезия наблюдается еще у пятерых членов группы, а именно, у миссис Паникер, миссис Ремингтон, мистера Выгоды, мистера Паникера и миссис Нытик. Их воспоминания намеренно повреждены.

Изумленный Пит посмотрел на лица названных игроков и понял, что это правда. Они находились в той же ситуации, что и он, и каждый из них, подобно ему, считал себя обреченным. Вот почему они пытались скрыть свои странные провалы памяти.

— В данный момент из-за возникших осложнений мы не можем установить убийцу Лакмена, — продолжал Колючка. — Тем не менее я уверяю вас, что он будет найден. Просто для этого потребуется больше времени.

Он с недовольным видом осмотрел членов группы.

* * *

Дженика Ремингтон и Фрейя Выгода отправились на кухню готовить кофе. Остальные продолжали вести беседу с двумя детективами.

— Каким образом убили Лакмена? — спросил Пит у Колючки.

— Скорее всего, «тепловой иглой». Но говорить о чем-то конкретном можно будет только после вскрытия тела.

— А что такое «тепловая игла»? — спросил Джек Бирюза.

— Это табельное оружие, оставшееся после

войны, — ответил полицейский. — В свое время его пытались изъять из обращения, но многие фронтовики не захотели расставаться с «иглами». Мы до сих пор сталкиваемся с их употреблением. Поражающим фактором является лазерный луч. Он довольно точен — даже при значительной дальности до цели. Однако на его пути не должно быть никаких помех.

Женщины принесли кофе. Колючка взял чашку и сел в кресло. Его компаньон отказался от напитка. Берт Меняла, чье изображение по-прежнему оставалось на экране видеофона, спросил у полицейского:

— Мистер Колючка, кого вы намерены задержать? Всех шестерых человек с поврежденной памятью? Мне хотелось бы услышать ваш ответ, потому что вскоре я буду вынужден отключиться от линии. У меня имеются обязательства и перед другими клиентами.

— Да, мы, очевидно, задержим шестерых, а остальных отпустим. Вы находите это приемлемым, мистер Меняла?

Похоже, его забавляло бессилие адвоката.

— Они не имеют права задерживать меня, не предъявив обвинения, — вмешалась миссис Паникер.

— Они могут задержать вас и кого угодно на семьдесят два часа, — пояснил Меняла. — Без предварительного обвинения. У них имеется несколько формальных предписаний, которые дают им такое право. Так что не сопротивляйтесь, миссис Паникер. Не забывайте: расследуется дело об убийстве человека. Это очень серьезное преступление.

— Благодарим вас за помощь, мистер Меняла, — сказал Билл Нытик.

Пит уловил в его тоне привкус горькой иронии.

— Я хотел бы попросить вас еще об одной услуге. Не могли бы вы начать процесс, который позволил бы нам возобновить Игры за нашим столом?

— Я подумаю, что можно сделать, — ответил адвокат. — Дайте мне немного времени. В прошлом году подобный случай произошел с чикагской группой. Полиция расформировала ее на несколько недель, и игроки, естественно, обратились в суд. Насколько я помню, они выиграли процесс. Однако не будем торопиться. Мне надо ознакомиться с документами.

Меняла отключил связь, и экран видеофона потемнел.

— Как хорошо, что мы наняли юриста, — сказа-

ла Джин Бирюза.

Она выглядела очень напуганной и старалась держаться поближе к мужу.

— А я продолжаю утверждать, что нам ужасно повезло, — заявил Сильванус. — Лакмен разорил бы нас до нитки и вышиб из Игры.

Он с усмешкой повернулся к двум полицейским.

— Возможно, его прикончил я. Вы же сами сказали, что в моих воспоминаниях имеется дыра. Так вот если Лакмен погиб от моей руки, то я, ребята, доволен.

На зависть Питу, он не выказывал перед полицией ни малейшего страха.

— Мистер Сад, я обнаружил в вашем уме очень интересную мысль, — сказал Колючка. — Этим утром кто-то предупредил вас о том, что вы способны совершить насильственное действие, связанное с Лакменом. Я прав? К сожалению, мне не удается разобрать, кто же именно беседовал с вами.

Он встал и подошел к Питу.

— Не могли бы припомнить этот разговор?

Его тон был непринужденным и добродушным.

— Вы посягаете на мои права! — запротестовал

Пит.

Ему вдруг захотелось, чтобы адвокат по-прежнему оставался на экране видеофона. Как только Меняла отключился, манеры полицейских изменились и стали более жесткими. Они вели себя так, словно группа находилась в их полной власти.

— Вовсе нет, — возразил Колючка. — Мы четко следуем всем нашим многочисленным инструкциям. На защиту ваших прав направлено даже то, что мы поделены на двухрасовые пары. Хотя, честно говоря, это только мешает работе.

— И вы тоже придерживаетесь мнения, что нашу группу надо разогнать? — спросил Билл Нытик. — Или это только его идея? — Он кивнул головой в направлении Э. Б. Черного.

— Что бы вам ни говорили ваши врожденные расовые предубеждения, я целиком согласен с моим коллегой, — ответил полицейский. — Группа «Милой Голубой Лисы» должна быть расформирована.

— Вы напрасно теряете время, упрекая его за сотрудничество с вугами, — сказал Пит.

Ему было ясно, что Колючка давно привык к такому отношению. Возможно, он сталкивался с ним повсюду, куда бы ни посылали их пару.

Джо Шиллинг пригнулся к Питу и тихо прошептал:

— Мне не понравился этот Берт Меняла. Слишком уж легко он пошел на уступки. Хороший адвокат отстаивал бы нас с большим упорством.

— Вполне возможно, — согласился Пит.

Ему тоже так казалось.

— У меня в Нью-Мексико имеется собственный адвокат. Его зовут Леард Знаток. Я знаю его уже много лет как настоящего профессионала. Если оценивать Леарда по способу ведения дел, то он выглядит гораздо серьезнее Менялы. И раз уж полиция собирается арестовать вас шестерых, я хотел бы обратиться к нему, а не к адвокату Нытика. Уверен, что ему удастся вырвать тебя из рук этих копов.

— Проблема в том, что у нас по-прежнему действует военное положение, — сказал Пит.

Договор между Террой и Титаном был подписан после войны и имел капитулятивный характер.

— Если полиция захочет арестовать нас, — пессимистично добавил он, — то им никто не помешает.

Пит чувствовал ужасное смятение. Что-то необычное с огромной силой вмешалось в ход событий и уже подмяло под себя шестерых иг-

роков их группы. А чем все это кончится? Если кому-то удалось лишить их воспоминаний о нынешнем дне…

— Я согласен с вами, мистер Сад, — телепатировал ему Э. Б. Черный. — Это уникальный и запутанный случай. До сих пор мы не сталкивались ни с чем подобным. Люди, пытавшиеся противостоять сканированию, подвергали себя электрошоку и уничтожали отдельные клетки мозга. Но в данном случае мы столкнулись с чем-то другим.

— Откуда у вас такая уверенность? — спросил Стюарт Маркс. — А что, если эти шестеро сговорились и приобрели аппаратуру для электрошока? В наше время ее можно заказать у любого психиатра и психиатрической клиники. Техники сейчас хватает на всех. — Он бросил на Пита враждебный взгляд. — Посмотри, что вы наделали! Из-за вас наказывают всю группу!

— Из-за меня?

— Из-за вас шестерых.

Маркс сердито осмотрел остальных подозреваемых.

— Кто-то из вас убил Лакмена. Но прежде чем расправляться с ним, вы должны были подумать о последствиях.

— Мы никого не убивали, — испуганно возразила миссис Паникер.

— Вы просто этого еще не знаете, — ответил Стюарт. — Сами же говорите, что ничего не помните. Вы сейчас крутитесь между двух огней — сначала прикрываетесь потерей памяти, а потом утверждаете, что не убивали Лакмена.

— Маркс, черт бы тебя побрал, — ледяным тоном заговорил Билл Нытик, — ты не имеешь морального права выдвигать подобные обвинения. Мы — твои товарищи по игровому столу. Чего ты добиваешься? Группа должна действовать сообща, и я не позволю тебе раскалывать ее на части. Если мы начнем топить друг друга и оскорблять невинных людей, то полиция получит возможность… — Он смущенно замолчал.

— Какую возможность? — мягко спросил Колючка. — Выявить убийцу? Но именно это мы и намерены сделать.

Билл обратился к группе:

— Я по-прежнему настаиваю, чтобы мы держались вместе независимо от того, испорчены ваши воспоминания или неиспорчены. Мы — игровая группа, а не кучка стукачей. Пусть полиция сама выдвигает обвинения. — Он повернулся к Стюарту и добавил: — Если ты еще раз вякнешь, я

поставлю на голосование вопрос о твоем изгнании из группы.

— Это незаконно, — ответил Маркс. — Ты не заставишь меня молчать! Повторяю: кто-то из этих шестерых людей убил Лакмена. Я не понимаю, зачем мы должны вступаться за них и тем самым потворствовать расформированию группы. В наших интересах выявить убийцу и отдать его полиции. Тогда нам позволят возобновить Игру.

— Тот, кто убил Лакмена, действовал на благо каждого из нас, а не ради собственной корысти, — сказал Уолт Ремингтон. — Да, это был поступок одиночки, но такое решение сулило выгоду всей группе. Этот человек спас наши шкуры. Я благодарен ему, и мне этически противно, что один из членов «Милой Голубой Лисы» содействует полиции в его опознании.

Он, дрожа от гнева, посмотрел на Стюарта.

— Нам не нравился Лакмен, и мы ужасно боялись его, — сказала Джин Бирюза. — Однако это не давало кому-то право идти и убивать человека! Даже во имя группы. Я согласна со Стюартом. Мы должны помочь полиции в выявлении преступника.

— Давайте голосовать, — предложил Сильванус Паникер.

— Вот именно, — сказала Кэрол. — Нам необходимо определить политику группы. Либо мы вместе, либо каждый за себя. Лично я за первый вариант, потому что если мы начнем предавать друг друга, это кончится плохо для всех.

— У вас нет выбора, миссис Сад, — прервал ее Уод Колючка. — Вы *обязаны* содействовать расследованию. Таков закон, и вам следует подчиняться ему.

— Ваши слова вызывают у меня сомнение, — сказал Билл Нытик.

— Я хочу связаться с моим адвокатом из Нью-Мексико, — произнес Джо Шиллинг.

Он пересек комнату, включил видеофон и начал набирать номер.

* * *

— Мистер Колючка, скажите, а эти утерянные воспоминания можно как-нибудь восстановить? — спросила Фрейя.

— Если только не были разрушены клетки мозга, в которых они содержались, — ответил полицейский. — Боюсь, мы столкнулись именно с таким случаем. Трудно поверить, что шесть членов «Милой Голубой Лисы» одновременно потеряли память от нервного срыва.

Он сдержанно улыбнулся.

— Я отследил свой день по эффекту Рашмора моей машины, — сказал Пит. — Она не разу не останавливалась рядом с психиатрической клиникой, где меня могли бы подвергнуть электрошоку.

— Однако в Сан-Франциско вы посетили государственный колледж, — напомнил Колючка. — Факультет психологии этого учебного заведения обладает аппаратом электрошоковой терапии. Вы могли воспользоваться им.

— А как насчет остальных пятерых человек? — спросил Пит.

— В отличие от вас их поступки не были засвидетельствованы эффектом Рашмора, — ответил полицейский. — Да и с вами тоже не все ясно, поскольку отчет вашего автолета имеет большие пробелы.

— Я связался со своим адвокатом, — сказал Джо Шиллинг. — Пит, ты можешь обратиться к нему за помощью. Я уже вкратце обрисовал нашу ситуацию.

— Одну минуту, мистер Сад, — внезапно телепатировал вуг.

Посовещавшись со своим коллегой, он снова обратился к Питу:

— Мы с мистером Колючкой решили пока не арестовывать никого из вас. В данный момент у нас не имеется *прямых* доказательств того, что кто-либо из вашей группы вовлечен в это преступление. Тем не менее мы оставляем вас на свободе с одним условием: вы должны согласиться на применение электронных «жучков». Вам придется носить их с собой до тех пор, пока не закончится следствие. Если хотите, можете проконсультироваться у своего адвоката.

— Что это еще за «жучки»? — спросил Джо Шиллинг.

— Речь идет о миниатюрных радиомаяках, которые будут информировать нас о вашем местоположении, — ответил Колючка.

— А они обладают телепатическими свойствами? — спросил Пит.

— Нет, — ответил полицейский. — Хотя я иногда сожалею об этом.

В беседу вступил Леард Знаток, молодой и энергичный мужчина, чье лицо заполнило экран видеофона:

— Я слышал ваше предложение и больше не собираюсь молчать. На мой взгляд, вы цинично попираете права этих несчастных людей.

— Ну, как хотите, — сказал Колючка. — В таком

случае мы будем вынуждены задержать шестерых подозреваемых на трое суток.

— И я тут же выпущу их на волю, — ответил Знаток. — Мистер Сад, не позволяйте им навешивать на вас никаких электронных устройств и, если обнаружите их у себя, немедленно выбрасывайте в утилизатор. Я вылетаю к вам. Мне уже ясно, что в отношении вас был допущен полицейский произвол.

— Ты хочешь, чтобы он прилетел? — спросил Джо у Пита.

— Да.

— Я тоже согласен, — сказал Нытик. — Мне он показался более решительным, чем Меняла.

Билл снова обратился к группе:

— Я предлагаю пригласить к нам этого адвоката для защиты наших общих интересов.

Руки взметнулись вверх, и предложение было принято.

— До скорой встречи, — сказал Знаток и отключил видеосвязь.

— В своем деле он один из лучших, — произнес Шиллинг, усаживаясь в кресло.

Пит почувствовал себя немного лучше. Приятно знать, подумал он, что кто-то будет стоять за тебя горой.

Группа оживилась, постепенно выходя из оцепенения.

— Я тоже хочу внести предложение, — сказала Фрейя. — Давайте сместим Билла Нытика с его поста и выберем ведущим кого-нибудь поумнее и энергичнее.

— П-почему? — с изумлением спросил Билл.

— Потому что ты подсунул нам адвоката-бездельника, — ответила Фрейя. — Твой Берт Меняла просто сдал нас в руки полиции.

— Верно, но лучше оставить все на своих местах, — возразила Джин Бирюза. — Не стоит раздувать эту проблему.

— Нам ее не избежать, — сказал Пит. — Мы в ней уже застряли по уши.

Помолчав, он сердито добавил:

— Я поддерживаю предложение Фрейи.

Застигнутые врасплох члены группы начали перешептываться друг с другом.

— Давайте голосовать, — весело воскликнул Сильванус. — Лично я согласен с Питом и поддерживаю смещение Нытика.

Билл обиженно посмотрел на Пита и хрипло сказал:

— От тебя я такого не ожидал. Неужели тебе тоже нужен кто-нибудь «поумнее и энергичнее»?

Мне кажется, ты совершаешь большую ошибку.

— Почему? — спросил Пит.

— А потому, что ты поплатишься за это, — дрожащим голосом ответил Нытик.

Его лицо покраснело от гнева.

— Что вы имеете в виду? — спросил детектив Колючка.

— Это Пит убил Джерома Лакмена, — сказал Билл Нытик.

— Откуда вам об этом известно? — нахмурившись, спросил полицейский.

— Утром он позвонил мне и сказал, что планирует убийство. Если вы просканируете меня, то поймете, что я говорю правду. Покопайтесь в моем уме.

Какое-то время детектив молчал, сосредоточенно сканируя Билла. Затем, повернувшись к группе, он задумчиво произнес:

— Мистер Нытик прав. У него действительно имеется такое воспоминание. Но… *Его там не было, когда я сканировал каждого из вас.*

Он взглянул на своего партнера.

— Да, его там не было, — согласился вуг. — Я тоже сканировал ведущего группы. Тем не менее оно каким-то образом появилось в уме мистера Нытика.

Они оба повернулись к Питу.

Глава 9

— Нет, я не верю, что ты убил Лакмена, — сказал Джо. — И вряд ли ты звонил Нытику, чтобы рассказать ему о своих планах. Мне кажется, что нашими умами кто-то ловко манипулирует. Ведь у Билла раньше не было этой мысли, а его сканировали оба копа.

Он замолчал и посмотрел на запястье. Прошел уже час с тех пор, как их привезли в Сан-Франциско — во Дворец правосудия.

— Когда же прилетит твой Леард? — возмутился Пит. — Я уже устал ждать обвинения.

— Он появится с минуты на минуту.

Шиллинг встал и начал прохаживаться перед ним.

— А ведь Нытик был искренним. Он действительно верил, что ты говорил с ним утром об убийстве.

В конце коридора послышался какой-то шум, и они увидели Леарда Знатока, одетого в плотное синее пальто. Помахав портфелем, он быстрым шагом направился к ним.

— Я уже встретился с окружным прокурором и уговорил его изменить судебное решение. Он

согласился снять с вас обвинение в убийстве. Вы теперь подозреваетесь в умышленном утаивании сведений от сотрудников полиции. Я сказал ему, что вы являетесь боссом и имеете владения в Калифорнии. Он понял, что вам можно доверять, и отпустил вас под залог. Сейчас мы подпишем долговое обязательство, и вы свободны, мистер Сад.

— Спасибо, — поблагодарил его Пит.

— Это моя работа, — ответил Знаток. — За нее вы мне и платите. Насколько мне известно, в вашей группе сменился ведущий. Кого же вы выбрали вместо Нытика?

— Мою бывшую супругу, Фрейю Выгоду, — ответил Пит.

— Бывшую или будущую — это неважно. Главный вопрос заключается в следующем: согласятся ли ваши коллеги возложить на меня защиту их интересов? Кто будет оплачивать мой труд — группа или вы один?

— Не беспокойся, Леард, — сказал Джо. — И в том, и в другом случае гарантом твоей оплаты выступаю я.

— Меня этот вопрос интересует еще и потому, что от него зависит направление моей деятельности. Важно сразу разобраться, на кого работаешь — на группу или на одного человека. — Он по-

смотрел на часы. — Ладно, они, наверное, уже приняли решение. Давайте зайдем к судебному исполнителю и потом отправимся в какой-нибудь ресторан. Посидим за чашкой кофе и обсудим наши дела.

— Прекрасно, — согласился Шиллинг. — Ну что, мистер Сад? Похоже, мы наняли хорошего парня. Без Леарда тебя не выпустили бы под залог.

— Я знаю, — мрачно ответил Пит.

* * *

— Позвольте мне спросить на чистоту, — произнес Леард Знаток. — Это вы убили Счастливчика Лакмена?

Он навис над столом, глядя Питу прямо в глаза.

— Я не знаю, — ответил тот и объяснил адвокату ситуацию.

— Так вы говорите, шесть человек? — нахмурившись, спросил Знаток. — О господи! Что же там у вас случилось? Значит, вы все-таки могли убить его — вы или один из вашей шестерки? Скорее всего, в этом деле замешано несколько человек.

Он взял кусочек сахара и повертел его в пальцах.

— Я должен сообщить вам плохую новость.

Вдова Лакмена, Шиззи, оказывает огромное давление на полицию. В связи с этим следственные органы постараются ускорить расследование, а затем материалы будут переданы в военно-полевой суд… Черт бы побрал этот унизительный Договор! Мы никогда не избавимся от него!

— Да, я понимаю, к чему вы клоните, — сказал Пит.

Он чувствовал себя ужасно усталым.

— Я получил копию рапорта, поданного офицерами, которые ведут расследование, — сказал Знаток, раскрывая свой портфель. — Мне пришлось потянуть за несколько ниточек, но мои усилия не пропали даром.

Он вытащил из портфеля пухлую папку и, отодвинув чашку, положил ее на стол.

— Я уже ознакомился с этим отчетом. Э. Б. Черный нашел у вас воспоминание о встрече с женщиной по имени Патриция Маккарлик. Она якобы предупредила вас о том, что вы совершите насильственное действие, связанное с убийством Лакмена.

— Нет, — возразил Пит. — Мои подсознательные мысли имели отношение к Лакмену и самоубийству. Но это не одно и то же.

Адвокат с интересом посмотрел на него и кив-

нул головой.

— Вы правы, мистер Сад.

Он начал листать документ.

— Леард, у них же нет никаких реальных доказательств против Пита, — сказал Шиллинг. — Кроме того ложного или наведенного воспоминания, которое вдруг появилось у Билла…

— Да, они ничего не обнаружили, — согласился Знаток. — Если не считать ту странную амнезию, которую вы, мистер Сад, разделяете с пятью другими членами группы. Однако беда заключается в том, что они теперь начнут копать вдоль и поперек, собирая на вас компрометирующие материалы. Полиция приняла версию вашей вины. И рассматривая дело с этой позиции, она может отыскать черт знает что. Вы сегодня летали в Беркли и заходили в тот отель, где остановился Счастливчик. В настоящее время вам неизвестна цель данного визита, и вы даже не знаете, состоялась ли ваша встреча с Лакменом. О боже! Вы действительно могли убить его! Но будем считать, что это сделал кто-то другой. Скажите, вы сами никого не подозреваете? А если да, то почему?

— У меня нет никаких подозрений, — ответил

Пит.

— Мне случайно удалось узнать кое-что о Берте Меняле, — сказал Леард. — Об адвокате мистера Нытика. О нем отзываются как о прекрасном специалисте. Так что вы ошиблись, если сместили из-за него своего ведущего. Он очень осторожен, но если берется за дело, вам его уже не остановить.

Пит и Джо обменялись взглядами.

— В любом случае жребий брошен, — продолжил адвокат. — Мистер Сад, я считаю, что следующим вашим шагом должна быть встреча с Пэт Маккарлик — этой очаровательной телепаткой. Вам надо узнать, чем вы занимались с ней сегодня днем и что она прочитала в вашем уме, пока делила с вами компанию.

— Хорошо, я узнаю, — согласился Пит.

— Скажите, а мы не могли бы отправиться к ней прямо сейчас? — спросил Знаток, засовывая папку в портфель. — Десять часов, детское время. Нам даже не придется поднимать ее с постели.

— Существует небольшая проблема, — ответил Пит. — Она замужем. Я не знаком с ее супругом и не знаю, как он отнесется к нашему визиту. Надеюсь, вы понимаете меня.

Адвокат кивнул и спросил на всякий случай:

— А она не согласится прилететь в Сан-Франциско? Я ей сейчас позвоню. Или, возможно, у вас имеется место поближе, куда она могла бы добраться без больших проблем.

— Только не предлагай свой дом, — напомнил Джо. — Там сейчас Кэрол. — Посмотрев на Пита, он мрачно покачал головой. — Ладно, у меня есть одно местечко. Возможно, ты не помнишь, но я нашел его в твоем владении. Оно в Сан-Ансельмо — всего в двух милях от Сан-Рафела. И, наверное, будет лучше, если я сам позвоню Пэт Маккарлик. Мы с ней немного знакомы. Она и ее муж Эл покупали у меня записи Джусси Бьерлинг. Думаю, она согласится на мою просьбу и встретится с нами.

— Хорошо, — согласился Пит.

Джо пошел к видеофону, который находился в задней части ресторана.

— Он классный мужик, — сказал Леард, когда они с Питом остались одни.

— Да, настоящий друг.

— А вы не думаете, что это он убил Лакмена?

Пит вздрогнул и, подняв голову, посмотрел на адвоката.

— Только не расстраивайтесь, — мягко сказал адвокат. — Я спрашиваю вас об этом из чистого любопытства. Вы мой клиент, мистер Сад, и

поскольку я профессионально заинтересован в вашем деле, все остальные люди, окружающие вас, автоматически попадают под мое подозрение. Даже Джо Шиллинг, которого я знаю восемьдесят пять лет.

— Так вы тоже «старая перечница»? — спросил его изумленный Пит.

Энергичность Леарда могла сбить с толку кого угодно. До сих пор Пит верил, что Знатоку не больше сорока или пятидесяти лет.

— Да, — ответил адвокат. — Я такой же раритет, как вы. Мне сто пятнадцать лет. — Он задумчиво смял в комок картонку от спичек. — А Шиллинг мог пойти на убийство. Он годами ненавидел Лакмена. Вы, наверное, знаете историю о том, как Счастливчик довел его до сумы.

— Почему же Джо так долго ждал?

Взглянув на Пита, Леард печально улыбнулся.

— Он прилетел сюда, чтобы еще раз сразиться с Лакменом, верно? Шиллинг думал, что может одолеть его, если они когда-нибудь встретятся за игровым столом. Он убеждал себя в этом годами — с тех пор как Счастливчик лишил его всех владений. И Джо действительно летел сюда с верой в победу, готовясь играть в вашей группе против Лакмена. Но потом у него сдали нервы…

В последний момент он мог осознать, что Счастливчик ему не по зубам. Он мог испугаться, что не одолеет своего заклятого врага.

— Я понимаю, — тихо отозвался Пит.

— К тому же Джо попал в безвыходное положение. Он должен был победить Счастливчика во что бы то ни стало. На кону стояла не только его месть, но и репутация друзей. А он вдруг понял, что не может оправдать возложенное на него доверие. Что ему оставалось делать…

Адвокат замолчал. Джо пересек полупустой ресторан и вернулся к столику.

— Это, конечно, лишь домыслы, — закончил Знаток, с улыбкой поворачиваясь к Шиллингу. — Еще одна из многочисленных гипотез.

— Что за гипотеза? — спросил Джо, усаживаясь за стол.

— Теория о том, что некие ужасные и могущественные силы зомбировали шестерых членов группы «Милой Голубой Лисы» и превратили их в послушный инструмент своей воли.

— Да, так оно и было на самом деле, — ответил Шиллинг, — хотя ты представил это в гротескном виде.

— Что тебе сказала миссис Маккарлик? — спросил его Пит.

— Она прилетит сюда. Так что мы можем заказать по второй чашке кофе. На полет уйдет около пятнадцати минут. Ну, и еще пятнадцать, чтобы одеться. Я поднял ее с постели.

Через полчаса Пэт Маккарлик вошла в ресторан и направилась к их столику. Ее вечерний костюм состоял из плаща свободного покроя, широких брюк и туфель на низком каблуке.

— Привет, Пит, — сказала она.

Ее лицо выглядело бледным, а глаза — неестественно большими.

— Здравствуйте, мистер Шиллинг.

Джо встал и кивнул ей в ответ.

— А вы…

Она вопросительно посмотрела на Леарда.

— Да, я читаю ваши мысли, мистер Знаток. Не надо притворяться. Как адвокат Пита, вы знаете о том, что я телепатка.

Ее талант был бы очень кстати в этом деле, подумал Пит. Я не сомневаюсь в профессиональных качествах Знатока, но мне претит его теория о Джо Шиллинге.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам, Пит, — сказала Патриция.

Ее низкий голос был ровным и спокойным. Она прекрасно владела собой. От паники, охватившей

Пэт несколько часов назад, не осталось и следа.

— Значит, вы не помните того, что произошло сегодня между нами?

— Не помню, — признался он.

— Нам с вами было удивительно хорошо, — сказала Пэт. — Несмотря на наши узы брака с другими людьми.

— Значит, вы встречались с мистером Садом после полудня, верно? — спросил ее адвокат. — Скажите, а в его уме не было каких-нибудь мыслей о Счастливчике Лакмене?

— Да, были, — ответила она. — Огромное желание убить Джерома Лакмена.

— Значит, Пит не знал, что Лакмен был уже мертв? — спросил Джо.

— Это так? — поинтересовался Леард.

Патриция кивнула.

— Пит был ужасно напуган. Он чувствовал, что…

Она смущенно прочистила горло.

— Он считал, что Лакмен снова обыграет Джо, как много лет назад. Пит находился на грани психического срыва и хотел избавиться от всей этой ситуации, связанной с Лакменом.

— Однако, я полагаю, он не планировал убивать его? — спросил адвокат.

— Нет, — ответила Патриция.

— Если мы узнаем, что Счастливчика убили до часа тридцати, это оправдает Пита? — спросил Джо Шиллинг.

— Возможно, — ответил Леард. — Он снова обратился к Пэт: — Вы могли бы повторить ваши слова в суде?

— Конечно.

— Независимо от того, как к ним отнесется ваш муж?

Немного помедлив, она снова кивнула.

— И вы позволите телепатам из полиции просканировать ваш мозг? — спросил адвокат.

— О, Иисус, — прошептала Пэт и откинулась на спинку кресла.

— А почему нет? Вы же сказали нам правду, не так ли?

— Д-да. Но…

Она в отчаянии взмахнула руками.

— Здесь возникает проблема, связанная с моими личными делами.

— Какая ирония, — с кислой улыбкой сказал Джо. — Наша телепатка всю жизнь читала личные мысли людей, а когда встал вопрос о ее собственном сканировании…

— Вы ничего не понимаете! — воскликнула

Пэт.

— Нет, я все понимаю. У вас с Питом было сегодня любовное свидание, и вы вместе провели какое-то время, верно? Ни ваш муж, ни жена Пита не знают об этом. Но такова материя нашей жизни, и тут ничего не поделаешь. Не забывайте: согласившись на сканирование, вы спасете Пита от смертной казни. Разве ради этого не стоит пройти проверку в полиции? Или вы говорите нам неправду и боитесь, что копы уличат вас во лжи?

— Я сказала вам правду, — сердито ответила Пэт. — Но… Я не могу позволить телепатам из полиции копаться в моем уме.

Она повернулась к Питу.

— Простите меня! Возможно, вы однажды узнаете, почему я не могу подвергаться сканированию. Это никак не связано с вами или с мнением моего мужа. На самом деле нам нечего стыдиться: мы встретились, немного погуляли, потом пообедали в ресторане, и вы улетели по своим делам.

— Джо, — огорченно сказал адвокат, — эта женщина замешана в каких-то незаконных операциях. Если полиция просканирует ее, она пропала.

Патриция молчала, но, судя по выражению ее лица, догадка Леарда была верной.

С чем же она связалась, подумал Пит. Странно... Я никогда не заподозрил бы ее в каких-то махинациях. Она казалась мне такой замкнутой и отрешенной.

— Возможно, это была поза, — ответила Пэт, читая его мысли.

— Значит, мы не можем рассчитывать на ваши свидетельские показания, — сказал Знаток. — Жаль! Они стали бы прямым доказательством того, что Пит не знал о смерти Счастливчика.

Он внимательно следил за ее лицом.

— Но Лакмена убили после полудня, — ответила Патриция. — Об этом сообщали в телевизионных новостях. Так что мои показания все равно оказались бы бесполезными.

— Вы узнали это из телевизионной программы? — спросил адвокат. — Ничего не понимаю! Я тоже слушал новости во время полета из Нью-Мексико. Однако Натс Котик заявил, что время смерти Лакмена еще не установлено.

Наступила тишина.

— Очень плохо, что мы не можем читать ваши мысли, как вы читаете наши, — язвительно произнес Знаток. — Телепатия открыла бы нам

нечто весьма интересное.

— Да что вы слушаете этого клоуна, Натса Котика! — возмутилась Пэт. — Между прочим, он не диктор, а исполнитель шлягеров и диск-жокей. Иногда его «последние известия» отстают на полдня от реальных событий.

Она достала из сумочки глянцевую пачку сигарет и закурила.

— Выйдите на улицу, найдите газетный киоск и купите вечерний выпуск «Кроникл». Возможно, там будет более точная информация.

— Ладно, оставим эту тему, — ответил адвокат. — Вы же не хотите давать показания в пользу моего клиента.

— Простите меня, — сказала Патриция, обращаясь к Питу.

— Ну, а что тут можно поделать, если это так опасно для вас, — ответил он.

В любом случае Пит верил ее словам. Он и сам предчувствовал, что убийство произошло уже после их встречи.

— Какой же нелегальной деятельностью может заниматься такая милая женщина, как вы? — спросил адвокат.

Пэт ничего не ответила.

— Впрочем, я могу узнать об этом самостоя-

тельно, — добавил Леард. — И тогда полиция просканирует вас вне зависимости от того, желаете вы давать показания или нет.

— Прекратите, — сказал ему Пит.

Адвокат взглянул на него и пожал плечами.

— Как скажете.

— Спасибо, Пит, — прошептала Патриция.

Какое-то время они молча курили сигареты и пили кофе.

— У меня имеется к вам предложение, миссис Маккарлик, — произнес Знаток. — Вы, видимо, уже подсмотрели в уме моего клиента, что у пятерых его коллег по группе выявлена аналогичная амнезия, которая имеет отношение лишь к событиям сегодняшнего дня.

— Да, — кивнув, ответила Пэт.

— Я уверен, что все они пытаются отследить свои поступки, совершенные ими в течение дня. Возможно, они следуют примеру мистера Сада и проверяют различные устройства с эффектом Рашмора. Не могли бы вы просканировать этих пятерых человек — скажем, завтра днем — и рассказать нам о том, что им удалось выяснить?

— А зачем это вам понадобилось? — спросил его Джо.

— Пока не знаю, — ответил Леард. — И не буду

знать до тех пор, пока миссис Маккарлик не даст нам эту информацию. Но… — Он замолчал, хмуро покусывая нижнюю губу. — Я хочу вычислить тот момент дня, когда пути этих шестерых человек пересеклись друг с другом — в какой-то точке забытого ими интервала времени.

— У тебя уже есть какая-то версия? — спросил Джо. — Может быть, поделишься ею с нами?

— Не исключено, что в этом деле замешаны все шестеро игроков и каждый из них выполнял свою часть сложного и запутанного плана. Они могли разработать его в недалеком прошлом, а затем удалить воспоминания с помощью электрошока.

— Они узнали о планах Лакмена только вчера, — поморщившись, возразил Джо Шиллинг. — До этого им было плевать на амбиции Счастливчика.

— Смерть Лакмена могла оказаться следствием более глобальной стратегии, — ответил Леард. — Возможно, его появление испортило какую-то выгодную и широкомасштабную операцию.

Он бросил на Пита инквизиторский взгляд.

— Что вы на это скажете?

— Я скажу, что ваша версия еще более замысловата, чем сама действительность, — ответил Пит.

— Не буду спорить, — сказал адвокат. — Ясно одно: в преступлении замешаны все шесть подозреваемых игроков с частичной амнезией о событиях сегодняшнего дня. Преступник-одиночка мог бы обойтись двумя-тремя людьми. Потеря памяти у двоих свидетелей вкупе с самим убийцей чрезвычайно затруднила бы расследование. Но я могу и ошибаться. Возможно, преступник поступил так из осторожности, чтобы уменьшить вероятность неудачи.

— Прямо какой-то гроссмейстер, — сказал Пит.

— Не понял? Ах, вы имеете в виду блеф! Игру, в которую миссис Маккарлик не имеет права играть из-за своих телепатических способностей. Игру, которая стоила Джо Шиллингу статуса, а Лакмену — жизни. Скажите, миссис Маккарлик, вы, наверное, завидуете игрокам? Может быть, это убийство уменьшило вашу горечь? Может быть, вы не так второстепенны в деле покойного Счастливчика?

— Откуда вы узнали о моей так называемой «горечи»? — спросила Пэт. — Я никогда не видела вас до этого вечера. Неужели моя «зависть» настолько общеизвестна?

— Я пользуюсь полицейским отчетом, который находится здесь, — ответил адвокат, похлопав

по кожаному боку своего портфеля. — Телепаты следственной группы извлекли эту информацию из подсознания мистера Сада. — Он загадочно улыбнулся ей. — А теперь позвольте мне задать вам один вопрос, миссис Маккарлик. *Как часто вы встречаетесь с другими псиониками?*

— Иногда, — ответила Пэт.

— Вам, должно быть, многое известно о диапазоне психонических способностей, верно? Например, мы знаем о телепатах, ведунах и психокинетиках. Но что вы скажете о более редких талантах? О таких вариантах пси-сил, которые оказывают влияние на память людей? О некоем виде ментального психокинеза?

— Нет… Я не слышала ни о чем подобном.

— А вы поняли мой вопрос?

— Да, — кивнув, ответила Пэт. — Насколько мне известно — а я мало интересуюсь этим, — ни одна разновидность пси-способностей не может вызывать такой амнезии, которая наблюдается у шести членов «Милой Голубой Лисы». Я никогда не встречала псиоников, способных проецировать ложные воспоминания. И мне непонятно, как подобная псевдомысль появилась в уме Билла Нытика.

— Вы утверждаете, что ваше знание ограни-

чено, — произнес адвокат, глядя в глаза Патриции. — То есть имеется вероятность, что такая пси-способность существует.

— Но зачем какому-то псионику убивать Джерома Лакмена? — спросила Пэт.

— А зачем это могло понадобиться какому-то непсионику? — возразил Знаток. — Тем не менее Лакмена убили.

— Это сделал кто-то из «Милой Голубой Лисы». У них имелся повод для убийства.

— Никто из членов «Милой Голубой Лисы» не способен стирать воспоминания людей или превносить в их умы какие-то бредовые идеи, — тихо ответил Леард.

— А разве такие способности где-то уже регистрировались? — спросила Пэт.

— Да. Во время войны подобные пси-технологии использовались обеими враждующими сторонами. Их начали развивать в середине двадцатого века, когда Советы разработали несколько эффективных процедур для промывания мозгов.

— Ужасно, — содрогнувшись, сказала Пэт. — Это один из худших периодов нашей истории.

В дверях ресторана появился газетный автомат со свежим выпуском «Кроникл». Его эффект Рашмора повторял одну и ту же фразу:

— Специальное сообщение об убийстве Лакмена.

В ресторане, кроме них, уже не осталось посетителей. Автомат, переключившись на подробную рекламу, направился к их столику.

— Собственное расследование «Кроникл» обнаружило новые шокирующие подробности преступления, не указанные в «Обозревателе» и в «Сводке новостей».

Маленький робот замахал газетой перед их лицами. Достав монету, Леард опустил ее в щель автомата, и разносчик вручил ему вечерний выпуск. Выполнив свою программу, робот неторопливо выкатился на улицу, чтобы поискать других покупателей.

— Что там пишут? — спросила Пэт, когда Знаток прочитал передовую статью.

— Вы были правы, — ответил он. — Полиция определила время смерти. Лакмена убили во второй половине дня — незадолго до того, как миссис Сад нашла труп в своей машине. Приношу вам свои извинения.

— Возможно, Пэт обладает способностями ведуньи, — предположил Джо Шиллинг. — Новости были еще в печати, когда она сообщила нам об этом. Представляете! Она предвидела, что бу-

дет опубликовано в вечернем выпуске газеты. Миссис Маккарлик, вы могли бы стать гением журналистики или бесподобным аналитиком в любой редакции.

— Это не смешно, — сказала Пэт. — Вот одна из причин, почему психоники превращаются в циников. Нам никогда не доверяют — что бы мы ни делали и как бы ни старались.

— Давайте отправимся туда, где можно заказать спиртное, — предложил Джо. — В какой-нибудь бар в районе Залива.

Он повернулся к Питу и пихнул его в бок локтем.

— Ты, как искушенный горожанин и космополит, должен знать обстановку в своих владениях.

— Мы можем слетать в Беркли и посидеть в «Пьяном Лимоне». Этому бару почти два века. — Взглянув на адвоката, Пит спросил: — Или мне лучше держаться подальше от Беркли?

— А почему вы должны сторониться его? — ответил Леард. — Мы же не будем приглашать Шиззи Лакмен за свой столик. Надеюсь, предлагая этот город, вы не преследуете каких-то корыстных целей?

— Нет, — ответил Пит.

— Мне пора домой, — сказала Патриция, поднимаясь из-за стола.

Пит пошел провожать ее к машине. Когда они шагали по тротуару темного и почти безлюдного Сан-Франциско, он тихо произнес:

— Спасибо, что приехали.

Она остановилась у своей машины и носком изящной туфельки раздавила окурок.

— Пит, я не верю, что вы замешаны в убийстве Лакмена. Но если даже это так, я… все равно хотела бы узнать вас получше. Сегодня днем мы лишь начали знакомиться друг с другом. И я должна признаться, что вы мне очень нравитесь.

Она смущенно улыбнулась ему.

— Боже, какая путаница в вашей голове! Вы, игроки, просто помешаны на своем блефе. Некоторые из вас готовы ради выигрыша пойти на убийство. И иногда я радуюсь, что меня лишили права сидеть за игровым столом. Лучше держаться от него подальше.

Она встала на цыпочки и поцеловала Пита.

— До встречи. Я позвоню вам при первой же возможности.

Ее машина взлетела в ночное небо. Он стоял и смотрел ей вслед, пока красные точки сигнальных огней не исчезли во мраке.

Почему она так боится полиции, подумал Пит, возвращаясь в ресторан. Сама Патриция вряд ли расскажет об этом. Может быть, спросить у ее детей? Ему почему-то хотелось раскрыть эту интригующую тайну.

— Тебе не стоит доверяться ей, — сказал Джо Шиллинг, когда Пит снова сел за стол. — Это может плохо кончиться. Я всегда считал ее честным человеком, а она оказалась впутанной в какие-то аферы. Возможно, ты прав в своих подозрениях.

— Я ни в чем не подозреваю ее, — ответил Пит. — Просто я немного встревожен.

— Психоники во многом отличаются от нас, — сказал Леард. — Вы не можете относиться к ним как к обычным людям. Всему виной их потрясающие способности. Вот, например, эта женщина… — Он покачал головой. — Я уверен, что она лжет. Как давно вы состоите с ней в любовной связи?

— У нас с ней еще ничего не было, — ответил Пит.

Вернее, это он так думал. Ему стало стыдно за то, что он мог забыть такое важное событие.

— Даже не знаю, пожелать вам удачи в этом деле или нет, — задумчиво сказал Леард Знаток.

— Лучше пожелайте, — ответил Пит. — В отно-

шениях с женщинами мне ее явно не хватает.

— Кто бы говорил, — с улыбкой произнес Джо Шиллинг.

Когда Пит вернулся домой в Сан-Рафел, Кэрол стояла у окна и задумчиво смотрела в ночную темноту. Казалось, что она не замечала его.

— Леард Знаток вытащил меня под залог, — сказал Пит. — Мне предъявили обвинение…

— Я знаю.

Ее голос был отрешенным и далеким. Скрестив руки на груди, Кэрол медленно повернулась к нему.

— Они были здесь. Оба детектива — Колючка и Черный. Сладкая парочка. Только я не поняла, кто из них добрый, а кто злой. Они оба казались злыми.

— Что они здесь делали?

— Проводили обыск. У них был ордер… Колючка рассказал мне о Пэт.

Помолчав, Пит прошептал:

— О боже! Какой стыд!

— А я считаю, все нормально. Теперь мы точно знаем, какие у нас отношения. Я не нужна тебе в Игре — ты заменил меня Джо Шиллингом. И я не нужна тебе здесь. Мне остается лишь одно: вернуться в свою группу. Я решила уйти от тебя,

Пит Сад.

Кэрол кивнула в сторону спальни, и он увидел на кровати два чемодана.

— Помоги мне спустить их по лестнице и донести до машины, — сказала она.

— Я хочу, чтобы ты осталась.

— Чтобы быть всеобщим посмешищем?

— Никто не посмеет смеяться над тобой.

— Да все вокруг только этим и занимаются. Все вы — в вашей «Милой Голубой Лисе». Скоро о твоих любовных успехах будут писать в газетах.

— Да, наверное, будут.

Он как-то не подумал об этом.

— Если бы я не нашла труп Лакмена, то не узнала бы о Пэт, — сказала Кэрол. — Я пыталась бы быть тебе хорошей женой. И в конце концов мне это удалось бы. Так что в развале нашего брака можешь винить убийцу Лакмена.

— А что, если в этом главная причина? Может быть, они убили Лакмена только для того, что разлучить нас с тобой?

— Сомневаюсь. Вряд ли наш брак был таким важным. Скольких жен ты имел до меня?

— Восемнадцать.

— А у меня было пятнадцать мужей, — кивнув, сказала Кэрол. — И того тридцать три комби-

нации мужчин и женщин. Без единой *удачи* от каждой из пар.

— Когда ты последний раз жевала тестовую резинку?

Кэрол печально улыбнулась.

— Ах, я жую ее постоянно. Но в нашем случае она ничего не покажет. Еще слишком рано.

— А ты слышала о новом тесте западногерманской фирмы? — спросил Пит. — Я читал о нем в газете. Этот индикатор регистрирует зачатие через час после оплодотворения яйцеклетки.

— Очень жаль, но у меня его нет, — ответила Кэрол. — Я даже не знала, что такое чудо существует.

— Мне известны все ночные аптеки на этом побережье. Давай слетаем в Беркли и купим новый тест.

— Зачем?

— Но ведь всегда есть шанс. Всегда остается какая-то возможность. И потом… в случае *удачи*, ты, возможно, не захочешь разрывать со мной отношения.

— Ладно, — ответила Кэрол. — Отнеси мои чемоданы в машину, и мы слетаем в ночную аптеку. Если я беременна, обещаю вернуться сюда с тобой. Если нет, то прощай.

— Согласен.

А что еще можно было сказать? Он не мог заставить ее остаться.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы жили вместе? — спросила Кэрол, когда он уложил два ее тяжелых чемодана в багажник машины.

— Да, хочу.

— Почему?

Он не знал ответа на этот вопрос.

— Ну… Я…

— Забудь об этом, — сказала Кэрол, усаживаясь в машину. — Ты можешь лететь за мной на своем автолете. Я не хочу сидеть рядом с тобой.

Вскоре он летел над Сан-Рафелом, следуя за хвостовыми огнями ее машины. В голову лезли мрачные мысли. Черт возьми этих копов, думал он. Чтобы натравить друг на друга членов группы, они обрабатывали их поодиночке. Но Пит винил не их, а себя. Ему было ужасно стыдно. Кэрол все равно узнала бы об этом — если не от полицейских, так от кого-нибудь другого.

Я сделал свою жизнь излишне сложной, подумал он. Слишком сложной, чтобы справиться со всеми желаниями и нуждами. Конечно, Кэрол получила плохой расклад, войдя в группу «Милой Голубой Лисы». Сначала появился Счастливчик,

потом я привел Шиллинга, чтобы заменить ее за игровым столом, а затем ей в машину подкинули труп Лакмена. И теперь вот эта измена… Не удивительно, что она хочет уйти. Зачем ей оставаться со мной, спросил он себя. Назови хотя бы одну причину. И ему не удалось придумать ничего хорошего.

Они перелетели Залив и начали планирующий спуск на пустую стоянку у аптеки. Кэрол, опередив его на пару минут, ожидала, когда он выйдет из машины.

— Прекрасная ночь, — сказала она. — Так вот, значит, где ты жил раньше. Какая жалость, что у тебя отняли это владение. Впрочем, если бы ты не проиграл его, я никогда бы не встретилась с тобой.

— Да, — ответил Пит, поднимаясь по пандусу к аптеке.

Тогда бы не произошло ни этого, ни многого другого, подумал он.

Эффект Рашмора входной двери приветствовал их. В столь поздний час они были единственными посетителями аптеки.

— Добрый вечер, сэр. Добрый вечер, мадам. Чем могу вам помочь?

Услужливый механический голос исходил

из сотен динамиков, скрытых под панелями огромного освещенного помещения. Вся автоматическая система обслуживания сфокусировала внимание на них обоих.

— Тебе что-нибудь известно о новом индикаторе беременности? — спросила Кэрол.

— Да, мадам, — с энтузиазмом ответила аптека. — Новейшее научное достижение фармацевтической ассоциации в Бонне. Вот посмотрите.

Из отверстия на краю остекленного прилавка выскочил пакетик. Пит взял его и передал Кэрол.

— По той же цене, что и старый тест, — сообщила аптека.

Расплатившись, они вышли на темную пустынную стоянку.

— И все это только для нас двоих, — сказала Кэрол. — Огромное здание с тысячами ламп и эффектом Рашмора, который отвечает нам повсюду. Прямо как аптека для мертвых. Аптека призраков.

— Да, черт возьми. Живым тут немного не по себе. Но проблема заключается в том, что этому миру не хватает живых людей.

— Возможно, мы дадим ему еще одного человечка, — сказала Кэрол. — Или даже парочку.

Она вытащила из пачки тестовую пластинку,

развернула обертку и положила жевательную резинку в рот.

— В какой цвет она должна окраситься? В тот же, что и старые тесты?

— Белый при отрицательном анализе, — ответил Пит. — Зеленый при положительном.

Сплюнув комочек на ладонь, Кэрол взглянула на него и пожала плечами. На затемненной стоянке не хватало света. Она открыла дверь своей машины, и тут же зажглось освещение салона. Проверив цвет резинки, Кэрол медленно повернулась к Питу.

— Я беременна, — прошептала она. — О боже! Мы поймали *удачу.*

Ее голос дрожал. В глазах засияли слезы. Она быстро отвернулась от него.

— Ну почему мне так не везет! — сказала она, задыхаясь от подступавших рыданий. — Я впервые в жизни зачала ребенка… от человека, который отверг меня!

Кэрол замолчала, переводя дыхание. Она печально смотрела мимо него в ночную тьму.

— Это событие требует более праздничного отношения! — сказал Пит.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы сейчас включим рацию и сообщим эту

новость всему миру!

— О-о! — воскликнула Кэрол. — Я мечтала об этом всю жизнь! Представляешь, как нам будут завидовать? Мне! Вот это да!

Забравшись в машину, Пит включил рацию и перевел тумблер в положение экстренного сообщения на всех диапазонах.

— Эй! — крикнул он. — Вы слышите меня? Это Пит Сад из «Милой Голубой Лисы», штат Калифорния. Мы с Кэрол женаты чуть больше дня, и сегодня ночью она проверила новый индикатор беременности, сделанный в Западной Германии…

— Я сейчас умру, — прошептала Кэрол.

— Ты с ума сошла!

Он с улыбкой покачал головой.

— Глупенькая! Это самое важное событие в нашей жизни! Мы увеличим число людей на планете. Рождение ребенка компенсирует смерть Лакмена и восстановит баланс. Понимаешь?

Он сжал ее руку с такой силой, что Кэрол застонала.

— Скажи им что-нибудь в микрофон, миссис Сад. Скажи! Они ждут!

— Я желаю вам такой же *удачи*, какая выпала мне этой ночью, — сказала Кэрол. — Желаю *удачи*

вам всем!

— Ты абсолютно права!

Пит выхватил из ее рук микрофон и закричал:

— Желаем *удачи* каждому, кто нас слышал!

— Значит, теперь мы останемся вместе? — тихо спросила Кэрол.

— Да. Ведь мы так решили.

— А как насчет Патриции Маккарлик?

— Ты теперь для меня единственная женщина в мире, — сказал Пит. — Мне плевать на всех, кроме тебя и ребенка.

Кэрол улыбнулась сквозь слезы.

— Хорошо. Полетели обратно.

— Нет, ты сейчас не в состоянии вести машину. Давай оставим здесь твой автолет и вернемся назад на моем «мустанге».

Пит отнес ее чемоданы в свою машину, затем взял Кэрол за руку и усадил на пассажирское место.

— Просто сиди и наслаждайся, — сказал он, пристегивая ее пояс безопасности.

— Пит, а ты подумал о том, какие преимущества дала бы нам эта *удача* в Игре? — Она вдруг побледнела. — Все владения, поставленные на кон, автоматически перешли бы в наше пользование. Но в тот вечер не было Игры. Никто не

делал ставок из-за запрета, наложенного полицией. Неужели мы теперь ничего не получим? Надо полистать справочник и найти такую оговорку.

— Хорошо, найдем, — почти не слушая ее, ответил Пит.

Он был всецело поглощен полетом, стараясь соблюдать предельную осторожность.

— Пит, а если мы обратимся в суд и в качестве награды за *удачу* потребуем Беркли?

— Чем черт не шутит. Мы играли на Беркли прошлой ночью — то есть, это владение стояло на кону в последней Игре перед запретом.

— Ну да, — подхватила она. — Если нам откажут в суде, мы подадим апелляцию в Комитет по правилам и потребуем рассмотреть это дело на Сателлите.

А Пит в тот момент и не думал об Игре. Мысль о ребенке, мальчике или девочке, перечеркнула все. Он забыл о смерти Лакмена, о всех печалях и тревогах прошлых дней и даже о роспуске группы. Пит думал об *удаче*. Как поздно она пришла. Он ждал ее сто пятьдесят лет. И дождался! После стольких попыток, после стольких неудач и многочисленных комбинаций.

Пролетев над темным Заливом, машина доставила их в Сан-Рафел. Когда они приземлились

рядом с домом и поднялись к себе наверх, Пит отправился в ванную комнату. Кэрол пошла за ним следом и увидела его около аптечки.

— Тебе нездоровится? — спросила она.

— Нет, все в порядке. Но я собираюсь напиться до потери пульса. Чтобы эта пьянка стала самой запоминающейся в моей жизни.

Он взял из аптечки пять таблеток дремозекса, а затем, немного подумав, добавил к ним горсть метамфетаминовых капсул.

— Это должно помочь, — объяснил он Кэрол.

Пит проглотил таблетки, запил их водой и направился к лифту.

— Прости, дорогая, но таков обычай, — сказал он, задержавшись на пороге. — Когда мужчина узнает, что скоро у него родится ребенок, он идет и напивается до зеленых соплей. Я читал об этом в книгах.

Пит торжественно отсалютовал ошеломленной Кэрол и захлопнул за собою дверь. Мгновением позже он уже был внизу. Его машина снова помчалась по ночному небу, направляясь к ближайшему бару.

Бог его знает, куда я лечу и когда вернусь обратно, подумал Пит, набирая высоту. Я-то точно этого не знаю. И мне на это абсолютно наплевать.

— И-е-ху! — ликующе закричал он, бросая машину в объятия облака.

Крик эхом вернулся к нему, и Пит закричал опять.

Глава 10

Пробудившись от сна, Фрейя на ощупь отыскала кнопку видеофона и нажала на нее.

— Черт, — прошептала она, — сколько сейчас времени?

На светящимся диске будильника появились цифры. Три часа утра. Кто же это звонит в такую рань, она. На экране появилось изображение Кэрол.

— Фрейя, ты видела Пита? — взволнованно спросила женщина. — Он отправился в бар и до сих пор не вернулся. Я не могу уснуть.

— Я его не видела и, конечно же, не знаю, куда он подевался, — ответила Фрейя. — А что, его уже выпустили на свободу?

— Да, под залог. Послушай… У тебя нет никакой идеи, куда он мог отправиться? Все бары закрылись в два часа ночи. Я ждала его к двум тридцати, но он не прилетел…

— Позвони в «Пьяный Лимон», — посоветовала Фрейя и потянулась, чтобы выключить видеофон.

Может быть, Пит покончил с собой, подумала она. Спрыгнул вниз с какого-нибудь моста или

разбил свою машину о скалы…

— Он так обрадовался, что решил устроить себе капитальную пьянку, — сказала Кэрол.

— Обрадовался? С какой стати?

— Я беременна.

Фрейя вздрогнула. Сон мгновенно исчез.

— Ах вот как. Просто удивительно. Неужели после первой же ночи? Ты, наверное, использовала тот новый тест, о котором писали в газетах?

— Да, — ответила Кэрол. — Я пожевала пластинку, и резинка стала зеленой. Пит просто сошел с ума от восторга. Я хочу, чтобы он поскорее вернулся. Ты же знаешь его характер. Он такой эмоциональный — то мечтает о самоубийстве, то веселится, как ребенок…

— Слушай, у тебя свои проблемы, у меня — свои, — оборвала ее Фрейя. — Прими мои поздравления. Надеюсь, это действительно будет ребенок.

Она отключила видеофон, и изображение на экране померкло.

Сволочь, подумала Фрейя, дрожа от ярости и злости. Она откинулась на подушку, обиженно посмотрела на потолок и до боли сжала кулаки, сражаясь с подступавшими рыданиями.

— Убила бы его, гада, — прошептала она едва

слышно. — Хоть бы он упился до смерти. Господи, сделай так, чтобы он не вернулся к ней никогда.

А что, если он полетел сюда? Фрейя подскочила и села на постели. Что, если он понял, как трудно им жить друг без друга?

Клем Выгода всхрапнул и заворочался на другой половине кровати.

Нет! Если Пит появится здесь, я не впущу его в дом, подумала она. Я больше не желаю его видеть! Однако она интуитивно знала, что Пит не прилетит. Зачем я ему теперь нужна? Он и смотреть-то на меня не захочет.

Сев на краю постели, Фрейя прикурила сигарету. По ее щекам стекали слезы, а она все курила и курила, тупо глядя в темноту перед собой.

* * *

— Мистер Сад, — спросил вуг, — когда вы впервые начали замечать эту странную нереальность мира, окружающего вас?

— С тех пор, как я себя помню, — ответил Пит.

— И какова ваша реакция на это?

— Депрессия. Я принял тысячи таблеток амитриптилина, но их действие дало лишь временный эффект.

— А вы знаете, кто я такой? — спросил вуг.

— Сейчас разберемся.

В уме Пита всплыло имя: *доктор Фелпс*.

— Доктор Юджин Фелпс? — с надеждой спросил он.

— Почти правильно, мистер Сад. Доктор Э. Р. Филипсон. Как вам удалось отыскать меня? К вам вернулись воспоминания?

— Как мне удалось отыскать вас? — спросил Пит.

Ответ казался таким очевидным.

— Потому что вы здесь. Или уже там?

— Покажите мне язык.

— Зачем?

— Ну, хотя бы в знак неуважения.

Пит высунул язык.

— А-а-а-а… — произнес он, показывая гортань.

— Дополнительные комментарии не обязательны. Мнение составлено. Сколько раз вы пытались покончить с собой?

— Четыре раза, — ответил Пит. — Сначала, когда мне было двадцать. Потом в сорок лет. Еще…

— Можете не продолжать. Как близко вы подходили к смерти?

— Довольно близко. Да, сэр, очень. Особенно в последний раз.

— Что вас остановило?

— Какая-то сила — более значимая, чем я сам, — ответил Пит.

— Фигляр. — Вуг тихо засмеялся.

— Я имел в виду свою жену, — пояснил Пит. — Ее звали Бэтти. Бэтти Ио. Мы встретились с ней магазине пластинок у Джо Шиллинга. У Бетти была твердая грудь — прямо зрелые дыньки. Хотя нет, ее звали Мэри-Энн.

— Это имя принадлежит другому человеку, — сказал доктор Э. Р. Филипсон. — Вы теперь говорите о восемнадатилетней дочери Пэт и Аллена Маккарликов, а она никогда не была чьей-либо женой. Кроме того, я не могу оценить ваше описание ее молочных желез. Вернее, молочных желез Пэт. Не лгите мне, мистер Сад. Вы едва знакомы с Мэри-Энн. Вам известно о ней только то, что она любит слушать Натса Котика, которого вы, кстати, терпеть не можете. У вас с ней не имеется ничего общего.

— Вы сами лживый сукин сын, — огрызнулся Пит.

— Ошибаетесь. В отличие от вас я никогда не лгу и стараюсь трезво оценивать реальность. Вот почему вы здесь. Вы вовлечены в запутанную и затянувшуюся иллюзию гигантских масштабов. Вы и половина ваших партнеров по Игре. Хотите

избавиться от нее и вернуться к нормальному положению вещей?

— Нет, — ответил Пит. — То есть да. И да, и нет. Хотя какая разница?

Он почувствовал горячую волну в желудке. Его начало тошнить.

— Можно уйти? — спросил он. — Мне кажется, я потратил все свои деньги.

— У вас еще осталось двадцать пять долларов, — ответил вуг Э. Р. Филипсон.

— Ага! И вы хотите, чтобы я отдал вам их?

— Нет, это противоречило бы моим устоям и профессиональной этике. Ведь вы уже заплатили мне.

— Тогда верните мои деньги обратно!

— Это тупик, — со вздохом ответил вуг. — Мне кажется, я приму решение, которое устроит нас обоих. За двадцать пять долларов я окажу вам какую-нибудь дополнительную услугу. Но это, конечно, будет зависеть от того, что именно вы захотите. Трудность вашего положения заключается в том, что вы попали в безвыходную ситуацию. Вам не выпутаться из нее живым, и скоро вы последуете за мистером Лакменом. Поэтому позаботьтесь о своей беременной супруге. Женщины в ее положении особенно ранимы.

— Хорошо. Я позабочусь.

— В вашей ситуации лучше всего не противиться потоку событий. Существует небольшая надежда, что вы покоритесь своей судьбе. В некотором отношении вы единственный, кто правильно воспринимает картину мира. Но вам не хватает сил, чтобы физически изменить ее. К кому вы пойдете за помощью? К Черному? К мистеру Колючке? Ну, так давайте, попробуйте обратиться к ним. Впрочем, они вряд ли вам чем-нибудь помогут. Особенно теперь, когда из вашей памяти выпал целый день.

— Да, он выпал, — согласился Пит. — Как вы это объясните?

— Вам почти удалось реконструировать его с помощью эффекта Рашмора различных устройств. Но лучше не беспокойтесь о подобных мелочах.

— А кто убил Лакмена? Я или кто-то другой?

— Ха-ха-ха, — рассмеялся вуг. — Неужели вы думаете, что я скажу вам об этом? Вы что, совсем спятили?

— Возможно, — ответил Пит. — Или я просто наивен.

Его еще раз затошнило. Он больше не мог продолжать разговор.

— Где мужской туалет? Туалет для людей?

Пит прищурился, фокусируя взгляд, и осмотрелся вокруг. Все цвета были неправильными. Он сделал шаг и почувствовал себя бестелесным — вернее, удивительно легким. *Слишком легким.* Это не Земля, подумал он. Здесь нет земного притяжения. Только сила трения между физическими телами. *Значит, я на Титане!*

— Вторая дверь слева, — сказал ему доктор Э. Р. Филипсон.

— Спасибо.

Чтобы не взлететь к потолку, Пит зашагал, прижимаясь к стене.

— Эй, послушайте, — обратился он к вугу. — Что вы там говорили о Кэрол? Я решил отказаться от Патриции. Для меня теперь женщины ничего не значат. Существует только мать моего ребенка.

— Значит, значимые ранее люди теперь для вас ничего не значат? — переспросил доктор Э. Р. Филипсон. — Простите за неудачный каламбур. Я просто описываю состояние вашего ума. Терранский юморист Гилберт однажды сказал: «Вещи редко бывают такими, какими кажутся. К примеру, скисшее молоко почему-то называют сливками». Я желаю вам удачи, мистер Сад, и рекомендую посоветоваться с Э. Б. Черным. Он настоящий профессионал, и вы можете положиться

на него. А вот в Колючке я не уверен.

Пит вошел в ванную комнату, и вуг прокричал ему вслед:

— Не забудьте закрыть за собою дверь. Я не хочу слышать ваших стонов. Нет ничего более отвратительного на свете, чем блюющий терранин.

Как же мне выбраться отсюда, подумал Пит, закрывая дверь. Я должен бежать. Бежать с Титана? А сколько времени прошло? Десяток дней? Недели? Я должен вернуться домой, к моей Кэрол. О боже! Они хотят убить ее, как убили Лакмена.

Они? Кто они? Пит этого не знал. Ему объясняли… А кто объяснял? Неужели он действительно отдал доктору сто пятьдесят долларов? Возможно. Он дал, вуг взял. Это его проблема, а не доктора Филипсона.

У самого потолка располагалось небольшое окно. Придвинув к стене металлический барабан с бумажными полотенцами, Пит встал на него и дотянулся до закрашенной краской фрамуги. Обдирая подушечки ладоней, он рванул деревянную раму вверх. Та с треском поднялась. Пространства хватало.

Пит подтянулся и начал протискиваться в отверстие. Снаружи была кромешная темнота, титанийская ночь… Он сорвался вниз, и ветер за-

свистел в его ушах. Пит падал как перышко, или, вернее, как жук, приближаясь к какой-то огромной пупырчатой массе. Он испуганно закричал, но за свистом падения не услышал ни звука.

Удар был жестким. Он упал на четвереньки, и мучительная боль пронзила ноги от стоп до колен. Похоже, я сломал лодыжку, подумал Пит. Он поднялся и, прихрамывая, двинулся вперед. Темный глухой переулок был заставлен мусорными баками. Сквозь арочный проход вливалось зарево веселых уличных огней. Пит вышел на тротуар. Справа над входом в бар сияла неоновая вывеска «Приют голубки». Значит, он покинул это заведение через окно мужского туалета, а где-то внутри остался его пиджак. Прислонившись к стене, Пит начал растирать болевшие лодыжки.

Проезжавший мимо робот-полицейский услужливо спросил:

— С вами все в порядке, сэр?

— Да, — ответил Пит. — Спасибо. Просто остановился отлить. Ну, ты сам понимаешь… Зов природы. — Он засмеялся и шутливо отдал честь. — Спасибо за заботу.

Робот-полицейский помчался дальше.

Интересно, в каком я городе, подумал Пит. Сырость и запах гари. Может быть, Чикаго? Или

Сент-Луис? Теплый и затхлый воздух, совершенно не такой, как в Сан-Франциско. Он нетвердой походкой зашагал по улице, стараясь уйти подальше от «Приюта голубки». Где-то там внутри сидел вуг, зажатый между обычными посетителями. Напрашиваясь на выпивку, он просвещал землян и пробуждал в них тягу к знаниям.

Пит сунул руку в карман брюк. Бумажник исчез. О, Иисус! Он проверил карман плаща. Ах вот ты где, мой пухленький. На месте. Пит облегченно вздохнул. Похоже, те таблетки, которые я взял с собой, не сочетались с алкоголем, подумал он. Вернее, сочетались, но неправильно. Вот в чем проблема! А так я в порядке. Абсолютно цел, хотя и немного напуган. И еще я потерялся. Мы с машиной потерялись. Я здесь, а она где-то там.

— Машина, — позвал он, почти не надеясь на результат.

Ее эффект Рашмора иногда отзывался на такие призывы. А бывало, и нет. Все зависело от обстоятельств.

Мелькнули посадочные огни, блеснули фары. Его машина въехала на обочину и остановилась перед ним.

— Мистер Сад. Я здесь.

— Послушай, старушка, — сказал он, шаря в

воздухе рукой в поисках двери. — Ради всего святого, куда мы с тобой попали?

— Покателло, штат Айдахо.

— Вот это да!

— Истинная правда, мистер Сад. Могу поклясться в этом.

— Что-то ты стала очень красноречивой, — заметил Пит. — Эффект Рашмора так не отвечает.

Открыв дверь, он заглянул внутрь и тупо заморгал от вспыхнувшего света. Пит подозрительно взглянул на водительское кресло и остолбенел от испуга.

Там кто-то сидел.

* * *

— Садитесь в машину, мистер Сад, — сказала фигура, выдержав драматическую паузу.

— Зачем?

— Я отвезу вас, куда пожелаете.

— А я никуда не желаю, — ответил Пит. — Мне хочется остаться здесь.

— Почему вы так на меня смотрите? Разве вы не помните, как приехали в колледж и взяли меня с собой? Это была ваша идея полетать по городу. Вернее, по нескольким городам.

Женщина улыбнулась. Да, он теперь видел, что

это была женщина.

— Кто вы такая, черт возьми? — спросил Пит. — Я вас не знаю.

— Так уж и не знаете? Мы с вами встречались в магазине Джо Шиллинга. В Нью-Мексико, помните? Я искала там пластинку…

— Мэри-Энн Маккарлик? — изумленно прошептал Пит.

Он сел рядом с ней на переднее сиденье.

— Что происходит?

— Вы празднуете беременность своей жены, — спокойно ответила Мэри-Энн.

— А как я спутался с вами?

— Сначала вы остановились возле нашего дома, но меня там не было. Моя мать сказала вам, что я занимаюсь в публичной библиотеке Сан-Франциско. Вы отправились туда и уговорили меня покататься с вами. Потом мы полетели в Покателло, поскольку вам в голову пришла идея, что восемнадцатилетних девушек могут обслуживать только в барах Айдахо. Ведь в Сан-Франциско нам отказали.

— И я оказался прав?

— Нет. Поэтому вы велели мне ждать в машине, а сами пошли в «Приют голубки». Вас не было довольно долго. Потом вы появились на этой

аллее и начали звать машину.

— Все ясно.

Пит откинулся на спинку сиденья.

— Мне что-то очень плохо. Я хотел бы вернуться домой.

— Я отвезу вас, мистер Сад, — сказала Мэри-Энн.

Машина поднялась в небо. Пит закрыл глаза.

— И что это я связался с тем вугом? — произнес он через некоторое время.

— Каким вугом?

— В баре. Кажется, его звали доктор Филипсон.

— Не знаю. Они же не пустили меня туда.

— Значит, до этого времени вуга с нами не было? А вы заглядывали внутрь?

— Заглядывала. Мне даже удалось пройти к стойке. Они тут же попросили меня уйти, но я не заметила там никаких вугов.

— Какой же я подлец, — сказал Пит. — Остался пьянствовать, пока вы сидели и ждали меня в машине.

— Я не обижаюсь, — ответила Мэри-Энн. — Мы с вашей машиной прекрасно поболтали друг с другом. Благодаря ее эффекту Рашмора я узнала о вас очень многое. Правда, машина?

— Да, мисс Маккарлик, — ответил автолет.

— Я ей понравилась, — сказала Мэри-Энн. — Меня любят все рашморовские штучки. Я могу их очаровывать.

— Понятно. А сколько сейчас времени?

— Около четырех часов.

— Четыре часа?

Он не мог поверить этому. Почему же тогда был открыт бар?

— В любом штате барам запрещено работать в такое время.

— Может быть, у меня испортились часы, — предположила Мэри-Энн.

— Нет. С твоими часами все в порядке. Но что-то тут не так. Что-то здесь ужасно неправильно.

— Ха-ха-ха, — ответила Мэри-Энн.

Он взглянул на нее. За рулем сидела бесформенная липкая фигура вуга.

— Эй, машина, кто сейчас за рулем? — спросил Пит. — Отвечай немедля!

— Мэри-Энн Маккарлик, — ответил автолет.

Вуг презрительно зачавкал. Пит с ужасом смотрел на его влажную слизь.

— Ты уверена, машина? — спросил он.

— Конечно, мистер Сад.

В его уме прозвучала фраза, телепатированная вугом:

— Я же говорила, что могу очаровывать устройства Рашмора.

— Куда мы летим? — спросил Пит.

— К вам домой. Я везу вас к вашей супруге Кэрол.

— И что потом?

— Потом я отправлюсь спать.

— Кто ты? — спросил он вуга.

— А вы как думаете? Надо верить своим глазам. Не хотите рассказать об этом мистеру Колючке или детективу Э. Б. Черному? Черный даст вам хорошего пинка.

Пит закрыл глаза. Когда он снова открыл их, рядом с ним сидела Мэри-Энн Маккарлик.

— Ты была права, — сказал он машине.

Неужели мне это только показалось, подумал он. О боже! Я хочу домой. Черт меня дернул лететь куда-то. Если бы Джо Шиллинг видел мой испуг… Да, только он мне поможет.

— Мэри-Энн, или как вас там, отвезите меня к Джо Шиллингу.

— В такой час ночи? Вы сошли с ума.

— Он мой лучший друг. На всем белом свете.

— Когда мы прилетим туда, уже будет пять часов утра.

— Он все равно обрадуется, — настаивал Пит. —

Тем более у меня имеется история, которую я хочу рассказать ему.

— И что же вы ему расскажете? — спросила Мэри-Энн.

— Вы сами знаете, — дипломатично ответил он. — О Кэрол. О ребенке.

— Ах, да, — с усмешкой произнесла Мэри-Энн. — Как сказала Фрейя, надеюсь, это действительно будет ребенок.

— Фрейя так сказала? Кому она сказала?

— Кэрол.

— А вам откуда это известно?

— Вы звонили ей из машины перед тем, как войти в «Приют голубки». Вам хотелось увериться, что с Кэрол все в порядке. Она была очень взволнована. Вы спросили, чем она так расстроена, и Кэрол ответила, что звонила Фрейе и расспрашивала о вас. Ну а Фрейя сказала ей эту фразу.

— И как у нее только язык не отсох? — проворчал Пит. — Черт бы побрал эту Фрейю.

— Я не виню вас за такие слова. У нее тяжелый шизоидный характер. Мы недавно изучали подобный тип на курсе психологии.

— Вам нравится учиться?

— Очень, — ответила Мэри-Энн.

— Скажите, а вас мог бы заинтересовать пожи-

лой мужчина, которому стукнуло сто пятьдесят лет?

— Вы не такой и пожилой, мистер Сад. Не надо стыдиться своих лет. Вам станет лучше, когда я привезу вас домой.

Она одарила его кокетливой улыбкой.

— Да, порох в пороховнице еще имеется, — согласился Пит. — И беременность Кэрол доказывает это. Я еще ого-го!

— Три вишенки,[137] — в тон ему ответила Мэри-Энн. — Подумать только. В мире появится еще один терранин.

— Мы обычно не называем себя терранами, — сказал Пит. — Мы называем себя «людьми». Вы сделали ошибку.

— Спасибо за замечание.

— Ваша мать тоже причастна к этому? — спросил Пит. — Так вот, значит, почему она не захотела проходить сканирование в полиции.

Мэри-Энн хихикнула.

— И сколько же вас участвует в этом деле?

— Тысячи. Даже тысячи тысяч. Фактически, весь Титан, — ответила Мэри-Энн.

Или это был вуг? Пит больше не верил своим

---

[137] Примечания: 137

В игровых автоматах «три вишни» приносят выигрыш.

глазам.

— Однако, похоже, не все присоединились к вам, верно? — спросил он на всякий случай. — Иначе бы вы не скрывались от властей. Я расскажу о вашем заговоре Колючке.

Девушка засмеялась. Сунув руку в отделение для перчаток, Пит начал что-то искать.

— Ваш пистолет забрала Мэри-Энн, — информировала его машина. — Она боялась, что, если нас остановит полиция, вы снова попадете в тюрьму.

— Совершенно верно, — подтвердила девушка-вуг.

— Так, значит, это ваши люди убили Лакмена. Но зачем?

— Простите, но я забыла, — пожав плечами, ответила она.

— Кто следующий?

— Существо.

— Какое существо?

— Которое растет внутри Кэрол, — сверкнув глазами, произнесла Мэри-Энн. — Вам не повезло, мистер Сад. Это не ребенок.

Пит закрыл глаза. Следующее, что он запомнил, был полет на Заливом.

— Вот мы и дома, — сказала Мэри-Энн.

— Вы собираетесь отпустить меня?

— А почему бы и нет?

— Не знаю.

Ему снова стало дурно. Он забился в угол машины, словно загнанное напуганное животное. Мэри-Энн больше ничего не говорила, и он тоже молчал. Какая ужасная ночь, подумал Пит. Она могла быть чудесным праздником моей первой *удачи*. А вместо этого…

И теперь он уже не мог прибегнуть к спасительным размышлениям о самоубийстве. Ситуация стала настолько плохой, что подобное решение ничего не давало. Такую проблему труднее принять, чем понять. Единственной надеждой было то, что *не все титанийцы участвовали в этом заговоре*. Например, детектив Э. Б. Черный. И доктор Филипсон. Точнее, доктор знал о заговорщиках, но держался пока в стороне. А значит, мне могут помочь! Кто-то, где-то и когда-то!

— Вы правы, — сказала Мэри-Энн.

— У вас тоже имеются телепатические способности?

— Да, кое-какие.

— Однако ваша мать утверждала обратное.

— Она обманывала вас.

— Неужели в центре заговора стоит Натс Ко-

тик? — спросил Пит.

— Да.

— Я так и думал, — прошептал он, откинувшись на спинку кресла и едва сдержав новую волну тошноты.

— Прилетели, — сказала Мэри-Энн.

Машина нырнула вниз и понеслась над пустынными улицами Сан-Рафела.

— Не забудьте поцеловать меня на прощание, — пошутила девушка, останавливая машину на обочине.

Пит посмотрел на дом. В окнах его этажа горел свет. Кэрол не спала. Она ждала. Или, возможно, она заснула, забыв выключить освещение.

— Поцеловать? — эхом отозвался он. — Вам так нужен мой поцелуй?

— Конечно, — ответила Мэри-Энн и выжидающе придвинула к нему свое лицо.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что вы не та, за кого себя выдаете.

— Какой абсурд! — возмутилась девушка. — Да что с вами, Пит? Вы совсем запутались в своих галлюцинациях?

— А разве это были галлюцинации?

— Конечно, — со злостью ответила Мэри-

Энн. — Сегодня ночью вы принимали таблетки и спиртное. Вы возбужденно говорили о Кэрол и боялись встречи с полицией. Последние два часа у вас был бред, как у настоящего сумасшедшего. Сначала вы посчитали вугом того милого психиатра — доктора Филипсона, а потом приписали к титанийцам и меня.

Обратившись к машине, она спросила:

— Я вуг?

— Нет, вы Мэри-Энн, — второй раз ответил эффект Рашмора.

— Вот видите.

— Я все равно не буду целовать вас, — сказал Пит. — Выпустите меня из машины.

Отыскав рукоятку, он открыл дверь, выбрался на тротуар, и мир поплыл под его дрожащими ногами.

— Спокойной ночи, — сказала ему вслед Мэри-Энн.

— Спокойной ночи.

Он побрел к парадному крыльцу здания.

— Вы обгадили мне весь салон, — пожаловалась машина.

— Мне очень жаль, — ответил Пит.

Он набрал шифр кодового замка и вошел в вестибюль. Дверь захлопнулась за ним с громким

стуком. Поднявшись по лестнице, Пит увидел Кэрол. Она ждала его в коридоре, накинув на плечи полупрозрачный пеньюар.

— Я услышала, как подъехала машина, — сказала она. — Слава богу, ты вернулся! Я так за тебя беспокоилась.

Она прикрыла грудь руками и смущенно покраснела.

— Наверное, мне следовало одеться.

— Спасибо, что ждала меня.

Пройдя мимо нее, он вошел в ванную комнату и вымыл лицо холодной водой.

— Хочешь, я приготовлю тебе что-нибудь поесть? — спросила Кэрол. — Хотя теперь уже поздно для этого.

— Я бы с удовольствием выпил чашку кофе.

Она ушла на кухню и приготовила им кофе.

— Сделай одолжение, — попросил Пит. — Позвони в справочную сеть Покателло и узнай, есть ли среди местных жителей доктор Э. Р. Филипсон.

— Сейчас.

Кэрол включила видеофон. Она навела справки в нескольких информационных бюро и сообщила:

— Да, он там живет.

— Я встречался с ним. Это обошлось мне в сто пятьдесят долларов. У психиатров очень высокие цены. Слушай, а мы можем узнать по справочной сети, кто он такой — терранин или титаниец?

— Они вряд ли об этом скажут. Но я записала его телефонный номер.

Кэрол протянула ему блокнот.

— Прекрасно, милая. Тогда я позвоню и спрошу его самого.

Он снова включил видеофон.

— В пять тридцать утра?

— Да, — ответил Пит, набирая номер.

Прошло около двух минут. Видеофон на другом конце линии звонил и звонил. Пит начал напевать какую-то песню:

— «Подойди, скулил пес, подойди, моя подружка. Выпьем красного вина и лизнем друг друга в ушко». Доктор, вас ждут! Отвечайте!

Послышался резкий щелчок, и на экране появилось морщинистое человеческое лицо.

— Доктор Филипсон?

— Да.

Мужчина присмотрелся к Питу и устало покачало головой.

— А-а! Это вы.

— Разве мы знакомы? — спросил Пит.

— Еще бы. Вас прислал ко мне Джо Шиллинг. Мы расстались с вами час назад.

Джо Шиллинг, с удивлением подумал Пит. Вот так сюрприз.

— А вы, случайно, не вуг? — спросил он доктора Филипсона.

— Неужели вы позвонили только ради того, чтобы спросить об этом?

— Да. Для меня это очень важно.

— Я не вуг, — ответил доктор и отключил видеофон.

Пит сделал то же самое.

— Думаю, мне лучше лечь в постель, — сказал он Кэрол. — Я чертовски устал. С тобой все нормально?

— Да, но я тоже не отказалась бы вздремнуть.

— Тогда давай ляжем в постель вместе.

— Хорошо, — с улыбкой ответила Кэрол. — Я рада, что ты вернулся. А ты всегда выкидываешь такие штучки? Пьянствуешь до четырех тридцати утра?

— Нет, очень редко.

И больше никогда не буду так поступать, подумал он.

Сев на краю постели, Пит начал снимать одежду и обувь. Внезапно из левого ботинка выпала

смятая картонка от спичек. Очевидно, он специально засунул ее под пятку. Положив ботинок на пол, Пит поднес картонку к настольной лампе и осмотрел ее с двух сторон. Кэрол, забравшаяся в постель раньше его, уже успела заснуть. Пит узнал свой почерк. На картонке от спичек его собственной рукой были написаны следующие слова: МЫ СО ВСЕХ СТОРОН ОКРУЖЕНЫ ВРАГАМИ, НЕДУГАМИ И ВУГАМИ.

Вот что я понял сегодня ночью, подумал он. Это было моим высшим озарением, и чтобы не забыть его, я записал на картонке самый главный тезис. Интересно, когда это произошло? В баре или на пути домой? Или, возможно, во время беседы с доктором Филипсоном.

— Кэрол, — позвал Пит. — Проснись. Я знаю, кто убил Лакмена.

— Кто? — спросила она полусонным голосом.

— Мы все. Шестеро тех, у кого пропали воспоминания. Дженика Ремингтон, Сильванус Паникер и его жена, Клем Выгода, жена Билла Нытика и я сам. Мы сделали это, находясь под воздействием вугов.

Он протянул ей картонку от спичек.

— Прочитай, что я здесь написал. На тот случай, если позабуду. На тот случай, если они снова

влезут в мои мозги.

Приподнявшись на локтях, она взяла картонку и осмотрела ее.

— «Мы со всех сторон окружены врагами, недугами и вугами». Прости… Но мне хочется смеяться.

Он нахмурился.

— Так вот почему ты звонил этому доктору из Айдахо, — сказала Кэрол. — Теперь я понимаю. Но он не вуг. Ты сам видел его на экране и слышал голос. Обычный мужчина.

— Да, это так, — согласился он.

— А кто тогда вуг? Или, когда ты писал эту…

— Мэри-Энн Маккарлик. Она самая гадкая из них.

— Так-так! Все ясно. Вот с кем ты куролесил этой ночью! А я-то думала… Конечно, без женщины тут не обошлось.

Пит включил видеофон.

— Я собираюсь позвонить Колючке и Черному, этим двум копам. Похоже, они не замешаны в заговоре. Теперь понятно, почему Пэт Маккарлик не захотела сканироваться в полиции.

— Пит, не надо тревожить их ночью.

Кэрол потянулась и нажала кнопку отбоя.

— Но они же могут звонить мне ночью. В любое

время!

— Поговоришь с ними завтра. Я тебя прошу.

Она улыбнулась и потянула его за руку к себе.

— А можно я позвоню Джо Шиллингу?

— Как хочешь. Просто я думаю, что тебе не стоит беседовать сейчас с полицейскими. Ты и так уже стал для них проблемой номер один.

Он позвонил в информационное бюро и узнал новый телефонный номер Шиллинга. Вскоре на экране появилось бородатое покрасневшее лицо Джо.

— Да? Кто это? Пит… Кэрол сообщила мне новость о вашей *удаче*. О мой бог! Это просто потрясающе!

— Скажи, ты посылал меня в Покателло к доктору Филипсону? — спросил Пит.

— К кому?

Пит повторил фамилию доктора. Лицо Шиллинга вытянулось от изумления.

— Ладно, — сказал Пит. — Извини, что разбудил. В общем-то, я и не верил, что ты меня туда отправил.

— Подожди минуту, — произнес Джо Шиллинг. — Пару лет назад, когда ты однажды заехал в мой магазин, мы с тобой завели разговор о побочных эффектах метамфетамина гидрохлорида.

Не помнишь? Ты тогда принимал эти таблетки. Я показал тебе статью в журнале «Научная Америка», которую написал психиатр из Айдахо. По-моему, это и был тот Филипсон, о котором ты говоришь. Он писал, что метамфетамин может ускорять различные психические срывы.

— Что-то смутно припоминаю, — сказал Пит.

— Ты ответил, что тебе нечего бояться случаев, описанных в статье. Ты говорил, что пьешь трифлюоперазин, какой-то там дигидрохлорид, который компенсировал побочные эффекты метамфетамина.

— Я съел этой ночью целую горсть метамфетамина. Около семи с половиной миллиграммов.

— И ты пил спиртные напитки?

— Да.

— Ну и ну! Ты помнишь, что Филипсон писал о смеси метамфетамина с алкоголем?

— Смутно.

— Они усиливают друг друга. У тебя этой ночью был психический срыв?

— Можно сказать, что да. Вернее, у меня был момент абсолютной истины. Подожди, я сейчас кое-что тебе прочитаю.

Он повернулся к Кэрол и сказал:

— Дай мне картонку из-под спичек.

Та передала ее Питу, и он процитировал написанную фразу.

— Это мое откровение, Джо. Мой опыт. Вокруг каждого из нас находится по несколько сотен вугов.

Помолчав какое-то время, Шиллинг спросил:

— А почему ты заговорил со мной об этом психиатре из Айдахо? Ты встречался с ним?

— Я заплатил ему этой ночью сто пятьдесят баксов. Но мне кажется, эти деньги потрачены не зря.

— Пит, наверное, мое предложение удивит тебя, но я советую тебе позвонить Уоду Колючке.

— Да я и сам хотел позвонить ему, — ответил Пит. — Но Кэрол мне не разрешает.

— Отодвинься, — сказал Джо. — Дай мне с ней поговорить.

Сев в постели, Кэрол посмотрела на видеофон.

— Я здесь, Джо. Если вы считаете, что Питу следует позвонить детективу…

— Кэрол, я знаю вашего мужа уже многие годы. У него регулярно бывают приступы депрессии. Грубо говоря, он маниакально-депрессивный тип и периодически переживает эмоциональные психозы. Сегодня ночью, возбужденный новостью о ребенке, он вошел в маниакальную фазу,

и я не виню его за это. Мне знакома подобная радость. Она похожа на возрождение из пепла. Я прошу его позвонить Колючке по одной простой причине. Этому копу приходится иметь дело с вугами чаще, чем любому из наших знакомых. К примеру, от моих домыслов Питу нет никакой пользы. Я ничего не знаю об этих чертовых вугах. Возможно, они действительно окружают каждого из нас. Мне даже не хочется с ним спорить — особенно в пять тридцать утра. И я советую вам следовать моему примеру.

— Хорошо, — ответила Кэрол.

— Пит, — продолжал Джо Шиллинг. — Когда ты будешь говорить с полицейским, не забывай о главном — все сказанное тобой может обернуться позже против тебя и стать одним из пунктов обвинения. Колючка тебе не друг. Поэтому будь настороже. Понятно?

— Конечно, — согласился Пит. — Но скажи мне, что ты думаешь на самом деле. Неужели это все объясняется лишь действием метамфетамина и алкоголя?

Джо уклонился от прямого ответа.

— А что сказал тебе доктор Филипсон?

— Он говорил о многом. Например, о том, что в данной ситуации им придется убить меня, как

Лакмена. Он советовал мне позаботиться о Кэрол. И еще он сказал… — Пит сделал небольшую паузу. — Что я не в силах изменить ход событий.

— Хм-м. Я смотрю, он отнесся к тебе по-дружески.

— В общем, да. Хотя он и вуг.

Пит попрощался с Джо и, подождав немного, набрал номер срочного вызова полиции.

Один из вугов вел себя со мной по-дружески, подумал он. Но значит ли это, что доктор Филипсон на нашей стороне.

Дежурному полицейскому потребовалось около двадцати минут, чтобы связаться с Уодом Колючкой. За это время Пит выпил еще одну чашку кофе и почувствовал себя более трезвым. Наконец на экране появилось изображение.

— Мистер Колючка? Извините, что беспокою вас в такую рань. Дело в том, что я могу сказать вам, кто убил Лакмена.

— Мистер Сад, — ответил детектив, — мы и без вас знаем, кто убил Лакмена. Нами уже получено чистосердечное признание. Именно поэтому мне и пришлось улететь из Кармела — из вашей игровой штаб-квартиры.

Уод Колючка выглядел ужасно усталым.

— И кто это сделал? — спросил Пит. — Он из

нашей группы?

— Нет, «Милая Голубая Лиса» тут ни при чем. Мы перенесли наше расследование на Восточное побережье — в офис мистера Лакмена. В убийстве признался его ближайший помощник. Человек по имени Сид Моск. Нам еще не вполне ясны его мотивы, но мы работаем над этим.

Пит отключил видеофон и задумался. Что теперь, спросил он себя. Что мне делать дальше?

— Ложись и спи, — сказала Кэрол, укрываясь одеялом.

Потушив лампу, Пит лег в постель.

Это оказалось роковой ошибкой.

Глава 11

Он проснулся… и увидел рядом с собой две фигуры: мужчину и женщину.

— Ни слова, — тихо прошептала Пэт Маккарлик и, кивнув на Кэрол, приложила палец к губам.

Мужчина держал в руке «тепловую иглу». Пит никогда не видел это оружие прежде.

— Если вы попытаетесь помешать нам, мы убьем вашу супругу, — сказал мужчина.

Он нацелил ствол на Кэрол и спросил:

— Вам все понятно?

Часы на столике у изголовья кровати показывали девять тридцать. Из окон в комнату вливался яркий свет утреннего солнца.

— Да, — ответил Пит. — Я понял.

— Вставайте и одевайтесь, — сказала Патриция.

— Прямо перед вами?

Миссис Маккарлик взглянула на мужчину.

— Веди его на кухню.

Они оба последовали за ним. Патриция осталась за дверью.

— Наблюдай за ним, пока он будет одеваться, — велела она мужчине. — Я присмотрю за его

женой. Он готов на все ради жизни Кэрол и не доставит нам проблем. Я прочитала это в его уме. Никаких потаенных мыслей.

Вытащив из кармана вторую «тепловую иглу», она на цыпочках вернулась в спальную. Пит начал одеваться под надзором мужчины.

— Я слышал, к вашей жене пришла *удача,* — сказал незнакомец. — Примите мои поздравления.

— Вы муж Патриции? — взглянув на него, спросил Пит.

— Да, я Аллен Маккарлик. Рад познакомиться с вами, мистер Сад. — Он ехидно улыбнулся. — Пэт так много рассказывала о вас.

Вскоре все трое вышли в коридор и направились к лифту.

— Ваша дочь нормально добралась домой? — спросил Пит.

— Да, — ответила Патриция. — Только очень поздно. И то, что я обнаружила в ее уме, было весьма интересным. К счастью, она не сразу заснула, и мне удалось прочитать ее мысли.

— Кэрол проснется примерно через час, — сказал Аллен Маккарлик. — Какое-то время она не будет сообщать о его исчезновении. Возможно, часов до одиннадцати.

— Откуда вы об этом знаете? — спросил Пит.

Аллен промолчал.

— Вы ведун?

И вновь никакого ответа. Однако было ясно, что дело обстояло именно так.

— Мистер Сад не предпримет попыток к бегству, — сказал Аллен своей жене. — По крайней мере, на это указывает большинство параллельных возможностей. Пять из шести возможных вариантов будущего. На мой взгляд, неплохая статистика.

Он нажал кнопку лифта.

— Вчера вы беспокоились о моей безопасности, — сказал Пит, обращаясь к Патриции. — А теперь вдруг это похищение.

Он кивнул на их «тепловые иглы».

— Почему все так переменилось?

— Потому что в то время вы не увивались за моей дочерью, — ответила Патриция. — А мне всегда хотелось, чтобы вы держались от нее подальше. Я же сказала вам, что она молода для такого мужчины, как вы. Я предупреждала вас, что это ничем хорошим не кончится.

— Однако вы уже тогда прочитали в моем уме, что я нашел Мэри-Энн ошеломляюще привлекательной.

Лифт подъехал, и створки двери открылись. В

кабине стоял детектив Уод Колючка. Он с изумлением посмотрел на «тепловые иглы» и сунул руку в карман плаща.

— Как хорошо быть ведуном, — сказал Аллен Маккарлик. — Все держишь под контролем и ничему не удивляешься.

Он нацелил «тепловую иглу» на детектива и выстрелил ему в голову. Уода Колючку отбросило к дальней стенке лифта. Он медленно сполз вниз и распластался на полу.

— Вперед, — велела Патриция, подтолкнув Пита в спину.

Он вошел и потеснился, пропуская чету Маккарликов. Они спустились на первый этаж. Пит обратился к эффекту Рашмора, встроенному в аппаратуру лифта:

— Они похитили меня и убили детектива. Вызови помощь.

— Отменяю это последнее требование, — сказала Патриция. — Нам не нужно никакой помощи. Спасибо за услугу.

— Все ясно, мисс, — покорно ответил эффект Рашмора.

Патриция повернулась к Питу.

— Вы не догадываетесь, почему Колючка поднимался в лифте к вам наверх? Я могу объяснить.

Он хотел арестовать вас.

— Нет, — ответил Пит. — Мы беседовали с ним ночью по видеофону. Детектив сообщил мне, что они уже поймали убийцу Лакмена. Какого-то парня с Восточного побережья.

Маккарлики молча посмотрели друг на друга.

— Вы убили невинного человека, — произнес Пит.

— Это вы Колючку называете невинным? — спросила Патриция. — Ошибаетесь, мистер Сад. Жаль, что вместе с ним не было Э. Б. Черного. Но ничего, мы достанем его позже.

— А виновата во всем чертовка Мэри-Энн, — сказал Аллен, когда они сели в машину, стоявшую у обочины.

Очевидно, это был автолет Маккарликов.

— Кто-нибудь однажды свернет ей шею.

Он завел мотор и поднял машину в дымку утреннего тумана.

— Удивительный возраст. Когда вам восемнадцать, вы уверены, что знаете абсолютно все. Вы одержимы иллюзией своих неограниченных возможностей. Но потом вам исполняется сто пятьдесят, и вы начинаете понимать, что это далеко не так.

— Вернее, ты даже не знаешь, что это не так, —

добавила Патриция. — Просто догадываешься об этом.

Она сидела за спиной Пита и по-прежнему целилась в него «тепловой иглой».

— Прежде чем вести с вами какие-то переговоры, я хотел бы получить гарантии, что с Кэрол и ребенком ничего не случится, — сказал Пит. — Что бы вы ни потребовали от меня…

— Вы уже сделали свое дело, — прервала его Патриция. — С Кэрол и ребенком все будет нормально, можете не волноваться. У нас и в мыслях не было наносить им какой-либо вред.

— Она права, — сказал Аллен. — Это противоречило бы всем нашим убеждениям.

Он улыбнулся Питу.

— Какие чувства вызвала у вас *удача*?

— Ну, уж вам-то они должны быть известны, — ответил Пит. — У вас больше детей, чем у любого другого человека в Калифорнии.

— Да, — согласился Маккарлик. — Однако прошло восемнадцать лет с тех пор, как это случилось впервые. Вы, я слышал, кутнули прошлой ночью? Мэри-Энн говорила, что вы нализались до полной отключки.

Пит промолчал. Глядя вниз на землю, он пытался определить направление полета. По всей

видимости, они летели в глубь страны через жаркую центральную долину Калифорнии и за хребты Сьерра Невады. В пустыню, где никто не жил.

— Расскажите нам о докторе Филипсоне, — попросила его Патриция. — Я уловила какие-то обрывки мыслей. Вы звонили ему ночью после того, как прилетели домой?

— Да.

— Пит позвонил ему и спросил, не является ли тот вугом, — сообщила Патриция своему мужу.

Аллен весело засмеялся.

— И что ему ответил доктор?

— Что он не вуг, — сказала Патриция. — Тогда Пит позвонил Джо Шиллингу и поведал ему о своем открытии. О том, что мы окружены пришельцами с Титана. Шиллинг предложил мистеру Саду позвонить детективу Колючке. Тот так и сделал. Вот почему Колючка прилетел к ним сегодня утром.

— Знаете, кому вам следовало бы позвонить вместо Уода Колючки? — спросил Аллен Маккарлик, обращаясь к Питу. — Вашему адвокату, Леарду Знатоку.

— Теперь уже бесполезно рассуждать об этом, — сказала Патриция. — Хотя, возможно, он еще

свяжется со своим адвокатом по видеофону. Мистер Сад, мы разрешим вам поговорить со Знатоком, и вы расскажете ему историю о том, что наш островок человечества окружен безбрежным морем инопланетян.

Она захохотала, и муж подхватил ее смех.

— Кажется, мы напугали его, — сказал Маккарлик.

— Нет, — ответила Патриция. — Я сканирую его мысли, и он не напуган. По крайней мере, не так, как прошлой ночью.

Она повернулась к Питу.

— Та поездка с Мэри-Энн стала для вас суровым испытанием, не так ли? Могу поспорить, что прежде вы не испытывали ничего подобного.

Встретив недоуменный взгляд Аллена, она пояснила:

— Его восприятие переключалось из одной плоскости в другую. Сначала он видел Мэри-Энн как привлекательную восемнадцатилетнюю девушку. Но стоило ему присмотреться к ней…

— Замолчите! — сердито вскричал Пит.

— Как она оказалась аморфной массой цитоплазмы, — продолжала Патриция. — Вугом, плетущим сеть телепатических иллюзий. Бедняга Питер Сад. Такая интрижка может отбить

охоту на всю жизнь, не правда ли, Пит? Сначала вам не удавалось найти бар, куда впустили бы Мэри-Энн, а потом…

— Прекрати, — сказал ее муж. — Этого вполне достаточно. Он уже и так натерпелся страха. Твое соперничество с Мэри-Энн не доведет вас до добра. Ты не должна состязаться со своей дочерью.

— Ладно, молчу, — сказала Пэт и со вздохом прикурила сигарету.

Под ними тянулись каньоны Сьерры. Пит смотрел, как они, извиваясь, исчезали позади.

— Лучше позвони ему, — сказала Патриция, обращаясь к Аллену.

— Хорошо.

Маккарлик включил рацию и взял микрофон.

— Это пилот «Темной Лошадки». Вызываю «Зеленого Морского Ягненка». «Ягненок», отвечай.

Из динамика донесся мужской голос:

— Это Дейв Трюкс. Я в мотеле «Нора». Ожидаю вас.

— Ладно, Дейв. Сейчас будем. Примерно через пять минут.

Аллен отключил рацию и с усмешкой взглянул на Патрицию.

— Все получилось, как я и предвидел. Никаких

проблем.

— Прекрасно, — ответила Патриция.

— Между прочим, Мэри-Энн тоже будет там, — заметил Аллен, повернувшись к Питу. — Она не захотела дожидаться нас и полетела сюда на своей машине. Кроме того, вы увидите еще нескольких человек, один из которых вам хорошо известен. Думаю, это будет для вас сюрпризом. Все они психоники. К слову сказать, Мэри-Энн не обладает талантом матери. Не верьте ей. У нее нет восприимчивости к человеческим мыслям. Зато она хороша в другом. Например, когда Мэри-Энн…

— Хватит, — строго оборвала его Патриция.

Маккарлик пожал плечами.

— Он все равно узнает об этом через полчаса. Я предвижу ход событий.

— Просто эта тема нервирует меня. Оставим ее до прилета в мотель.

Она похлопала Пита по плечу.

— Вам было бы лучше уступить Мэри-Энн и поцеловать ее на прощание.

— Почему?

— Тогда бы вы узнали, кто она такая.

Немного помолчав, Патриция добавила:

— Сколько раз в жизни вы целовали юных и

потрясающе красивых девушек?

В ее голосе по-прежнему чувствовалась злость.

— Да не трави ты себе душу по пустякам, — возмутился Аллен. — О, Иисус. Мне больно видеть, как ты ревнуешь ее к каждому мужчине.

— То же самое будет и с Джессикой, когда она станет постарше, — сказала Пэт.

— Я знаю, — угрюмо ответил Маккарлик. — Это можно предсказать даже без моего таланта.

* * *

Автолет приземлился на плоской песчаной стоянке за мотелем. Угрожая оружием, Маккарлики вывели Пита из машины и направились к одноэтажному кирпичному зданию, построенному в испанском стиле. Навстречу им вышел долговязый, хорошо одетый мужчина среднего возраста.

Взмахнув рукой, он закричал:

— Привет, Маккарлик. Здравствуй, Пэт.

Его взгляд перешел на Пита.

— О-о, мистер Сад! Бывший босс Беркли, штат Калифорния! Знаете, а ведь я едва не согласился играть в Кармеле за вашим столом. Мне горько признаваться в этом, но вы напугали меня своим ЭЭГ-аппаратом.

Он тихо засмеялся.

— Я Дейв Трюкс, бывший советник Джерома Лакмена.

Мужчина протянул Питу руку, но тот не стал ее пожимать.

— Все верно, — с подчеркнутой медлительностью произнес Трюкс. — Вы не понимаете ситуации. Да я и сам слегка запутался в том, что происходит и что должно произойти. Наверное, возраст.

Он повел гостей по мозаичной дорожке к входной двери небольшого офиса.

— Мэри-Энн прилетела минут двадцать назад. Она сейчас плавает в бассейне. Вон там.

Патриция пошла в указанном направлении. Сунув руки в карманы, она остановилась у края воды и стала наблюдать за дочерью. Остальные присоединились к ней.

— Если бы вы могли читать мысли, вас поразила бы моя зависть, — сказала она, не обращаясь ни к кому в частности.

Патриция со вздохом отвернулась от бассейна.

— Знаете, Пит, встретив вас впервые, я потеряла часть своей горечи. Вы один из самых милых людей, которых я когда-либо знала. Вы помогли мне освободиться от моей темной стороны — от тени, как назвал бы ее Юнг. И как называет ее Джо

Шиллинг. Кстати, как он поживает? Я была рада, увидев его прошлой ночью. Что он вам сказал, когда вы разбудили его в пять тридцать утра?

— Джо поздравил меня с *удачей*, — кратко ответил Пит.

— Ах да, — весело воскликнул Трюкс и добродушно похлопал Пита по спине. — Мои наилучшие пожелания по случаю беременности вашей жены.

— Мне очень не понравилось замечание вашей бывшей супруги о том, что у Кэрол может родиться уродец, — сказала Пэт. — И я вдвойне негодую от того, что моя дочь смаковала эту фразу. Возможно, она унаследовала эту грубость от меня. Но не вините Мэри-Энн за все то, что она наговорила вам прошлой ночью. Многое из пережитого вами, Пит, было плодами вашего ума, а не забавами Мэри-Энн. Это обычные галлюцинации. Джо Шиллинг говорил вам сущую правду — я имею в виду вторичные эффекты амфетаминов. У вас наблюдалась самая настоящая психотическая окклюзия.

— Неужели?

— Можете мне поверить.

Она спокойно встретила его взгляд.

— Я что-то сомневаюсь в этом, — сказал Пит.

— Давайте войдем внутрь, — предложил Аллен Маккарлик. — Он захлопал в ладоши и закричал: — Мэри-Энн, вылезай из бассейна!

Девушка с плеском подплыла к бортику.

— Иди к черту.

Маккарлик нагнулся над ней.

— Нас ждут дела! Вылезай немедленно! И не забывай: ты все еще мой ребенок.

В воздухе над поверхностью бассейна образовался блестящей водяной шар. Он метнулся к Аллену и лопнул над его головой, намочив всю одежду. Маккарлик, ругаясь, отступил назад.

— Я думала, ты действительно великий ведун, — со смехом сказала Мэри-Энн. — А кто-то недавно говорил, что его нельзя застать врасплох.

Она ухватилась за поручни лестницы, подтянулась и ловко выбралась из бассейна. Под утренним солнцем Невады ее влажное гладкое тело засверкало, как драгоценный камень. Мэри-Энн подняла белый купальный халат и направилась к мотелю.

— Привет, Питер Сад, — сказала она, пробегая мимо него. — На вас приятно посмотреть, когда вы не пьяны. Вчера вы были темно-зеленого цвета, как старый заплесневевший мох.

Она улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами. Стряхивая капли воды с лица и волос, к Питу подошел Маккарлик.

— Уже одиннадцать часов, — произнес он раздраженным тоном. — Как ваш похититель, я хочу, чтобы вы позвонили Кэрол и сообщили ей о своем полном здравии. Но как ведун, я понимаю, что вы не скажете ей этого.

— Вы правы, — ответил Пит. — Я не собираюсь ее обманывать.

Маккарлик пожал плечами.

— Ладно. Пока мне не ясно, позвонит она в полицию или нет. Время покажет.

Они подошли к зданию мотеля. Ведун продолжал отряхивать одежду.

— Интересной особенностью психических способностей является то, что некоторые из них сводят на нет другие. Возьмем, к примеру, психокинез моей дочери. Я не могу предсказать, когда она продемонстрирует его. Очевидно, в действие вступает синхронизация Паули — некое беспричинное связующее событие, которое полностью ослабляет другие психонные поля.

— Дейв, — обратилась к Трюксу Патриция, — а что, Сид Моск действительно признался в убийстве Лакмена?

— Да, — ответил тот. — Ротман внедрил в него ложные воспоминания, чтобы отвести подозрения от «Милой Голубой Лисы». Нам показалось, что детективы, прилетевшие в Калифорнию, начали копать слишком глубоко.

— Но полиция вскоре поймет, что это ложный след, — сказала Патриция. — Вуг Э. Б. Черный — хороший телепат. Он разложит ум Моска по полочкам.

— Это им уже не поможет, — возразил ведун. — По крайней мере, я надеюсь, что не поможет.

В офисе мотеля жужжал кондиционер. В комнате было сумрачно и прохладно. Пит увидел нескольких человек, которые сидели на стульях. Они о чем-то приглушенно переговаривались, и это выглядело так, словно группа игроков собралась утром для какой-то церемонии. Однако он не питал иллюзий по поводу их встречи. Здесь не было боссов и игрового стола.

Он скромно сел на кушетку и прислушался к разговорам. Некоторые из присутствовавших молчали, глядя прямо перед собой. Наверное, это были телепаты, мысленно общавшиеся друг с другом. Судя по всему, они составляли большую часть группы. Об остальных он мог только догадываться. Ведуны, как Маккарлик; психоки-

нетики, как Мэри-Энн. И какой-то Ротман, кем бы он там ни был. Хотя он, скорее всего, находился сейчас на Восточном побережье. У Пита появилось интуитивная догадка, что Ротман был главной фигурой и, возможно, даже руководил этими людьми.

Из боковой комнаты вышла Мэри-Энн, одетая в тенниску, голубые хлопчатобумажные шорты и сандалии. О бюстгальтере она, видимо, забыла. Под майкой четко угадывались маленькие, высоко поднятые грудки. Девушка села рядом с Питом, энергично вытирая полотенцем мокрые волосы.

— Кучка ничтожеств, — прошептала она Питу. — Думаю, скоро вы со мной согласитесь. Я бы ни за что не приехала сюда, но меня заставили родители.

Она нахмурилась.

— А это еще кто?

В комнату вошел респектабельный мужчина.

— Я не знаю его. Наверное, он с Восточного побережья, как и Трюкс.

— Значит, вы все-таки не вуг, — сказал ей Пит. — Это хорошо.

— Да, я не вуг. И никогда вам об этом не говорила. Если бы вы спросили меня, я бы тут же сказала: «Убедитесь сами». И вы могли бы пощу-

пать меня. Не смейтесь! Это правда. Понимаете, Питер, вы были в тот момент непроизвольным телепатом. Из-за пилюль и спиртного вы стали настоящим психиком. Вам удалось уловить мои смутные мысли и беспокойства — все то, что ученые называют подсознанием. Разве моя мать не предупреждала вас об этом? Кто-кто, а она уж должна была догадаться.

— Теперь мне все ясно, — отозвался Пит.

Да, Патриция его предупреждала.

— А до меня вы восприняли подсознательные страхи того психиатра, — продолжала Мэри-Энн. — Мы все боимся вугов. Это так естественно. Они наши враги. Мы вели с ними войну, проиграли ее, и теперь они здесь. Понимаете?

Она ткнула ему в бок острым локтем.

— Не делайте такое тупое лицо. Вы меня слушаете или нет?

— Да, я слушаю, — ответил Пит.

— У вас рот открыт, как у рыбки гуппи. Я видела, как прошлой ночью вы галлюционировали в приступе паранойи, словно сумасшедший. Вам казалось, что вы наткнулись на ужасный заговор инопланетных существ. Этот бред помутил ваше восприятие, но в принципе *вы были правы*. Меня действительно мучают эти страхи, и я все время

перебираю в уме подобные мысли. Псионики живут в таком мире постоянно. К сожалению, ваш краткий телепатический дар проявился в моем присутствии, и вы узнали о существовании нашей группы.

Она жестом указала на группу людей, собравшихся в офисе мотеля.

— Понимаете? С этих пор вы стали опасны для нас. Один ваш звонок в полицию, и у нас будет куча проблем. Поэтому мы и похитили вас на какое-то время.

Верить ей или не верить? Он осмотрел ее красивое лицо. Пит не знал, как ему поступить. Если у него и был какой-то телепатический дар, то он его сейчас явно потерял.

— Дело в том, — быстро прошептала Мэри-Энн, — что каждый человек обладает зачаточным психическим даром. И он может проявиться при серьезной болезни или в глубокой психической регрессии.

Она с улыбкой посмотрела на него.

— На какой-то период времени, вы, Питер Сад, стали психоником. Алкоголь и амфетамины вызвали у вас галлюцинации. Но в основном вы воспринимали реальное положение вещей — то есть ту ситуацию, о которой эти люди знают и с

которой они пытаются совладать.

Она смотрела на него прекрасными сияющими глазами.

— Теперь вы тоже знаете правду.

Пит отвернулся. Его тревожил этот взгляд. Неловко поерзав на месте, он осторожно отодвинулся от нее.

— А вы, я вижу, не хотите знать правду, — задумчиво сказала Мэри-Энн.

— Да, не хочу, — ответил он.

— Но вы все равно ее знаете. Слишком поздно закрывать глаза. — Девушка вздохнула и вяло добавила: — На этот раз вы не больны и не пьяны. Вы не переживаете галлюцинаций, и ваше восприятие не искажено. Вы смотрите в безжалостный лик реальности. Бедняга Питер Сад! Прошлой ночью вы были более счастливым, верно?

— Нет, — ответил он.

— Надеюсь, вы не станете рвать связи с этим миром? Потому что смерть уже не поможет. Смотрите, Пит, нас много! И вам надо присоединиться к нашей группе, даже если вы не псионик. Мы либо примем вас в свои ряды, либо убьем. А что тогда случится с Кэрол? Неужели вы оставите ее одну под градом издевательств злобной Фрейи?

— Нет. Но разве это зависит от меня?

— Эффект Рашмора вашей машины сказал, что я не вуг. Не понимаю, почему вы не верите этому устройству. Приборы Рашмора не лгут.

Она вздохнула и от расстройства развела руками.

— Конечно, они могут сломаться. Их можно перенастроить. Но если вы хотите узнать, кто перед вами, человек или вуг, спросите у эффекта Рашмора. Понятно?

На ее лице вновь засияла улыбка.

— Одним словом, наши дела не так уж и плохи. Это еще не конец света и не гибель Земли. Просто у нас возникли небольшие трудности в распознании того, кто нам друг, а кто — нет. И вуги сейчас обременены той же самой проблемой. Временами она путает им все карты.

— А кто убил Лакмена? — спросил Пит. — Ваши люди?

— Нет. Мы не стали бы убивать человека, у которого было так много *удачи* — так много потомков. Это наше общее мнение.

Мэри-Энн нахмурилась и замолчала.

— Прошлой ночью, — неторопливо сказал Пит, — я задал вам тот же вопрос, и вы…

Он сделал паузу, пытаясь разобраться с мысля-

ми и подобраться к истине сквозь хаос событий.

— Я помню этот момент. Вы ответили: «Я забыла». И вы сказали, что мой ребенок будет следующим. Да, Мэри-Энн! Вы назвали его «существом»! Вы сказали, что это не ребенок!

Девушка с ужасом смотрела на него.

— Нет, — бледнея, прошептала она. — Я не говорила такого. Я знаю, что не говорила.

— Эти слова исходили от вас, — настаивал он. — Я помню. Пусть в моей голове был полный беспорядок, но эту часть разговора я помню четко.

— Значит, они добрались до меня, — едва различимо прошептала Мэри-Энн.

Чтобы расслышать ее, он склонился вперед, и их глаза оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

* * *

Щурясь от яркого солнечного света, Кэрол открыла дверь кухни и крикнула:

— Пит? Ты здесь?

Она заглянула в комнату. В кухне было светло, тепло и уютно, но Пит куда-то исчез. Подойдя к окну, Кэрол осмотрела улицу. У тротуара стояли две машины: ее и Пита. Значит, он не улетел.

Завязывая пояс платья, Кэрол вышла в коридор и направилась к лифту. Спрошу эффект Рашмора, подумала она. Возможно, лифт знает, куда он ушел, а если за ним приходили, то кто именно. Она нажала кнопку вызова и стала ждать.

Лифт подъехал, дверь раскрылась. На полу кабины лежал мертвый мужчина. Детектив Колючка. Она закричала.

— Леди сказала, что помощь не нужна, — извиняющимся тоном произнес эффект Рашмора.

— Какая леди? — дрожащим голосом спросила Кэрол.

— Темноволосая.

Эта деталь ей ни о чем не говорила.

— Мистер Сад уехал с ней? — спросила она.

— Они поднялись без него, а вернулись из квартиры вместе с ним. Мужчина, который подталкивал мистера Сада в спину, выстрелил и убил этого человека. Тогда мистер Сад сказал: «Они похитили меня и убили детектива. Вызови помощь».

— А ты как поступил?

— Темноволосая леди сказала: «Отменяю это последнее требование. Нам не нужно никакой помощи. Спасибо за услугу». Поэтому я ничего не стал делать.

Помолчав какое-то время, лифт огорченно спросил:

— Я был не прав?

— Ужасно не прав, — прошептала Кэрол. — Ты должен был вызвать полицию, как тебя просили.

— Чем я могу исправить свою ошибку? — спросил лифт.

— Позвони в полицейский департамент Сан-Франциско и попроси, чтобы они прислали сюда своих людей. Расскажи им о том, что случилось. Черт бы тебя побрал! Эти мужчина и женщина похитили Пита, а ты ничего не сделал!

— Я извиняюсь, миссис Сад, — ответил лифт.

Кэрол медленно вернулась в квартиру и удрученно села на кухне у стола. Эти глупые и бездумные устройства, подумала она. С виду такие рассудительные, а на самом деле тупые, как пробки. Любая неожиданная ситуация сбивает их с толку. Совсем как меня. Я тоже хороша. Они пришли и похитили Пита. А я спала, словно бесчувственное бревно. Мужчина и темноволосая женщина… Может быть, Пэт Маккарлик? Но откуда мне знать, какая она из себя?

Зазвонил видеофон.

У Кэрол не было сил, чтобы встать и подойти к экрану.

* * *

Подравнивая свою рыжую бороду, Джо Шиллинг ждал ответа. Странно, подумал он. Возможно, они еще спят. Сейчас только десять тридцать. Но… Он почувствовал неладное.

Джо торопливо закончил подстригать бороду, надел пиджак и вышел из дома. Его машина стояла у крыльца.

— Отвези меня в апартаменты Сада, — велел он, усаживаясь на переднем сиденье.

— Сам рули, — ответил Макс. — Не маленький.

— Если ты не отвезешь меня туда, я разберу тебя на части, — пригрозил Джо Шиллинг.

Машина неохотно завелась и поехала по улице, избрав в отместку более долгий путь по поверхности земли. Шиллинг нетерпеливо посматривал на здания и различные механизмы, которые поддерживали порядок в городе. Наконец автолет добрался до Сан-Рафела и неуклюже, резкими рывками, остановился перед домом Пита и Кэрол.

— Ну что, доволен? — ехидным тоном спросил Макс.

У тротуара стояли машины Пита и Кэрол. Значит, они дома, подумал Джо. Внезапно он заметил

на лужайке два полицейских вертолета. Поднявшись на лифте, Джо вышел в коридор. Дверь в квартиру Сада была открыта. Он вбежал в гостиную. Там его встретил вуг.

— Мистер Шиллинг.

Посланная мысль имела вопросительный тон.

— Где Пит и Кэрол? — спросил Джо.

Поверх бугристой массы вуга он увидел Кэрол, которая сидела за кухонным столом. Ее лицо было бледным, как воск.

— Что с Питом? — обратился он к ней, обходя стороной полицейского.

— Я Э. Б. Черный, — телепатировал вуг. — Возможно, вы помните меня, мистер Шиллинг. Успокойтесь. Судя по вашим мыслям, вы непричастны к тому, что произошло, поэтому я не буду тревожить вас расспросами.

Подняв голову, Кэрол отрешенно посмотрела на Шиллинга и сказала бесстрастным тоном:

— Детектив Уод Колючка убит, а Пит исчез. Его похитили мужчина и женщина. Так сказал эффект Рашмора нашего лифта. Они забрали Пита и убили детектива. Я думаю, это была Пэт Маккарлик. Полиция проверила ее дом, но там сейчас никого нет — и их машины тоже отсутствуют.

— Но с какой стати им похищать Пита? — спро-

сил Шиллинг.

— Я не знаю. Я даже не знаю, кем на самом деле были эти люди.

Выпустив псевдощупальце, вуг поднял со стола какой-то маленький предмет и протянул его Шиллингу.

— Мистер Сад сделал очень интересную запись, — телепатировал Э. Б. Черный. — «Мы со всех сторон окружены вугами.» Это, конечно, неверно, и лишним доказательством тому является само исчезновение мистера Сада. Прошлой ночью он позвонил моему бывшему напарнику, Уоду Колючке, и сообщил ему, что знает истинного убийцу Лакмена. В то время мы считали, что преступление раскрыто, и его словам не придали должного значения. Теперь нам стало ясно, что мы ошибались. К сожалению, мистер Сад не назвал имени убийцы, а мой бывший напарник не пожелал дослушать его до конца. — Вуг сделал многозначительную паузу. — Мистер Колючка сполна заплатил за допущенный промах.

— Э. Б. Черный считает, что Пита похитили люди, убившие Лакмена, — сказала Кэрол. — Они столкнулись у лифта с детективом Колючкой и прикончили его.

— Однако Э. Б. Черный не знает главного: кто

это сделал, — ответил Джо.

— Вы правы, — телепатировал вуг. — Но благодаря миссис Сад мне удалось узнать очень многое. Например, я выяснил, с кем ваш друг виделся прошлой ночью. Прежде всего, меня заинтересовал психиатр из Покателло и Мэри-Энн Маккарлик. На данный момент мы не можем установить ее местонахождения. Мистер Сад прилетел домой в довольно пьяном и возбужденном состоянии. По его словам, убийство Лакмена совершили члены «Милой Голубой Лисы» — те шестеро игроков, у которых имеются провалы памяти. В их число он включил и себя самого. Вы можете это как-то прокомментировать, мистер Шиллинг?

— Нет, — угрюмо ответил Джо.

— Будем надеяться, что мы найдем мистера Сада живым, — телепатировал Э. Б. Черный.

Однако его мыслефраза прозвучала не очень убедительно.

Глава 12

Уловив испуганные мысли дочери, Патриция Маккарлик забила тревогу:

— Ротман, к нам просочились чужаки. Так утверждает Мэри-Энн.

— И она права? — спросил респектабельный мужчина, прилетевший в мотель последним.

Очевидно, он действительно был их лидером.

Патриция просканировала ум Пита Сада и обнаружила его воспоминание о визите к доктору Э. Р. Филипсону. Ее встревожило странное чувство легкости, которое Пит испытал, шагая по коридору. Такая частичная невесомость могла означать только одно.

— Мэри права, — сказала она. — *Мистер Сад был на Титане.*

Она повернулась к двум ведунам: Дейву Трюксу и своему мужу.

— Что должно случиться?

— Масса вариантов, — прошептал Аллен.

Его лицо стало серым от напряжения.

— Ого! Облака сгущаются.

— Твоя дочь, — хрипло произнес Трюкс. — Она собирается что-то совершить. Но я не могу ска-

зать, что именно.

— Я собираюсь улететь отсюда, — сказала им Мэри-Энн.

Она вскочила с софы. От испуга ее мысли путались и разбегались в стороны.

— Я нахожусь под влиянием вугов. Во всем виноват этот доктор Филипсон. Пит был прав. Он спрашивал меня, кого я видела в баре. Какая же я идиотка! Мне казалось, что у него галлюцинации. А он воспринимал не мой подсознательный страх, а стопроцентную реальность.

Зарыдав, она направилась к выходу.

— Мне надо уйти. Я стала опасной для нашей организации.

Когда Мэри-Энн подошла к двери, Патриция прошептала мужу:

— Возьми «тепловую иглу» и поставь регулятор на низкий уровень. Маленькая встряска ей не повредит.

— Сейчас я ее срежу, — ответил Аллен и прицелился в спину дочери.

В тот же миг Мэри-Энн оглянулась. Оружие вылетело из руки Маккарлика и, перевернувшись несколько раз в полете, ударилось о стену.

— Эффект полтергейста, — произнес Аллен. — Мы не можем остановить ее.

Патриция вытащила из кармана свою «тепловую иглу», но оружие задрожало и выпало из ее пальцев.

— Ротман! — крикнул Аллен. — Прикажи ей остаться!

— Прочь из моих мыслей, — потребовала Мэри-Энн, грозно взглянув на лидера организации.

Пит Сад вскочил на ноги и побежал за Мэри-Энн. Девушка, услышав его шаги, взмахнула рукой.

— Нет! — закричала Патриция. — Не смей!

Ротман, выставив вперед огромный лоб, напряженно смотрел на Мэри-Энн. Внезапно его глаза закрылись. В ту же секунду Пит повис в воздухе и перекувыркнулся вниз головой. Его руки и ноги начали дергаться, как у тряпичной куклы. Внезапно под крик Патриции он взлетел под потолок, качнулся, словно парящий маятник, и с размаху врезался в деревянную стену. Тело вошло в доски, будто в жидкую субстанцию, и снаружи осталась торчать только вытянутая рука.

— Мэри-Энн! — завопила Патриция. — Ради бога, вытащи его оттуда!

Девушка остановилась в дверях, повернулась и увидела, что ее психокинез сделал с Питом Садом. Она заметила выражение ужаса на лицах

родителей и почувствовала страх людей, собравшихся в комнате. Ротман, фокусируя на ней свои гипнотические силы, пытался урезонить ее. Она осознавала это. И тогда…

— Слава богу, — сказал Аллен Маккарлик и расслабился.

Пит вывалился из стены и упал на пол. Испуганно вскочив на ноги и задрожав, как лист на ветру, он замер на месте. Его взгляд, скользя по лицам людей, раз за разом возвращался к Мэри-Энн.

— Я извиняюсь, — со вздохом сказала она.

— Мэри-Энн, послушайте меня, — тихо произнес Ротман. — Не забывайте о том, что мы сохраняем здесь господствующее положение. Возможно, они действительно вклинились в нашу организацию, но мы сейчас проверим всех, человека за человеком. Вы не против, если мы начнем проверку с вас?

Он повернулся к Патриции.

— Постарайся узнать, как глубоко они проникли в ее подсознание.

— Я пытаюсь, — ответила телепатка. — Но в уме Питера Сада мы можем найти нечто большее.

— Он собирается уйти, — в один голос сказали Аллен и Дейв Трюкс.

— С ней, с Мэри-Энн, — добавил Дейв. — Ее

поведение нельзя предугадать, но он решил уйти во что бы то ни стало.

Ротман поднялся с кресла и подошел к Питу Саду.

— Вы должны понять наше положение. Мы ведем отчаянную схватку с титанийцами и шаг за шагом уступаем им свои позиции. Уговорите Мэри-Энн остаться здесь, чтобы мы могли ликвидировать внедрившихся агентов. Если нам это не удастся, мы будем обречены на поражение.

— Я не могу заставить ее поступать против собственной воли, — сказал Пит.

Он побледнел. Его голос дрожал и ломался.

— Этого никто не может, — согласилась Патриция, и Аллен кивнул головой.

— Вы, психокинетики, так своевольны и упрямы, что вам даже слова сказать нельзя, — заметил Ротман, обращаясь к Мэри-Энн.

— Идемте, Пит, — воскликнула девушка. — Мы должны уйти отсюда как можно дальше — не только из-за меня, но и из-за вас. Они завладели нашими мыслями. Нашим разумом, понимаете?

Ее лицо вытянулось от страха и отчаяния.

— Возможно, Ротман прав, — ответил ей Пит. — Может быть, вам не стоит уходить. Что, если это разрушит вашу организацию?

— На самом деле я им не нужна, — сказала Мэри-Энн. — У меня мало сил, и проникновение вугов в мой мозг доказывает это. Я даже не заметила их манипуляций. Проклятые вуги! Как я их ненавижу!

По ее щекам потекли слезы бессилия.

— Мистер Сад, — произнес ведун Трюкс, — я предвижу, что если вы улетите отсюда, один или с Мэри-Энн, вашу машину перехватит полиция. После этого вы попадете на допрос вуга-детектива. Его зовут…

Он запнулся в нерешительности.

— Э. Б. Черный, — закончил за него ведун Маккарлик. — Партнер Уода Колючки, прикомандированный законодательно-принудительным агентством к полицейскому управлению Западного побережья. Один из лучших специалистов.

Ротман кивнул в знак согласия.

— Надо действовать очень осторожно, — сказал он остальным. — Нам следует выяснить, в какой момент времени вуги проникли в нашу организацию. Прошлой ночью? А что, если раньше? Установив момент вторжения, мы сможем справиться с ними. Я не думаю, что они внедрились к нам слишком глубоко. Их воздействие не коснулось ни меня, ни наших телепатов. Четверо из

них находятся в этой комнате, пятый летит сюда. И наши ведуны, по-видимому, тоже свободны.

— Ротман, вы пытаетесь проникнуть в мой мозг? — спросила Мэри-Энн.

Она медленно вернулась к кушетке и села на прежнее место.

— Я чувствую работу вашего ума, — с улыбкой добавила девушка. — Это действительно успокаивает.

Взглянув на Пита, Ротман сказал:

— Я главный бастион на пути вугов. Чтобы проникнуть в мой мозг, им потребуются многие годы.

Его дряблое лицо оставалось бесстрастным.

— Сегодня мы сделали ужасное открытие, но наша организация преодолеет эти трудности. А как быть с вами, мистер Сад? Вы тоже нуждаетесь в нашей помощи. Для каждого человека она своя, особая.

Пит мрачно пожал плечами.

— Мы должны убить Э. Б. Черного, — сказала Патриция.

— Да, — поддержал ее Трюкс. — Я согласен.

— Полегче, коллеги, полегче, — успокоил их Ротман. — Мы не будем лишать жизни этого вуга. Нам хватает и убийства Колючки. Это был

плохой, хотя и вынужденный ход. Поймите, как только мы разрушим вуга — любого вуга, — они удостоверятся не только в нашем существовании, но и в нашей конечной цели. Разве не так?

Он осмотрел лица заговорщиков.

— Однако вуги уже знают о нас, — возразил Маккарлик. — Иначе как бы они проникли в наши ряды?

В его голосе чувствовались нотки раздражения.

Внезапно заговорила телепатка Мерл Смит, до сих пор не принимавшая участия в разговоре.

— Ротман, я просканировала каждого человека в этой комнате, но следы проникновения заметны только в умах Мэри-Энн и мистера Сада. Однако меня заинтересовала особая инертная зона в сознании Дейва Трюкса. Ее не мешало бы рассмотреть. Я хочу, чтобы остальные телепаты тоже занялись этим.

Патриция тут же сосредоточила свое внимание на Дейве. Она обнаружила, что Мерл была права. В уме ведуна имелась аномалия, которая предполагала нечто очень малоприятное для интересов их организации.

— Трюкс, — попросила Патриция, — будь любезен, подумай о…

Она не понимала, что могло вызвать такое явление. За свои сто лет сканирования ей еще ни разу не доводилось сталкиваться с чем-либо подобным. Озадаченная этим, она прошлась по поверхностным мыслям Дейва и копнула более глубинный слой психики — неосознанные и подавленные синдромы, которые были вытеснены из его сознательной эго-системы.

Она оказалась в зоне противоречивых побуждений, смутных и нереализованных желаний, беспокойств и сомнений, сплетенных с регрессивными убеждениями, фантазиями и желаниями либидо. Это был неприятный участок разума, но он имелся у каждого человека. Патриция давно уже смирилась с его существованием. Столкновение с этой негостеприимной зоной человеческого ума вносило в ее жизнь неисчислимые проблемы и трудности. Все отвергнутые Дейвом восприятия и наблюдения откладывались здесь — нерушимые, полуактивные и сохранявшиеся за счет его психической энергии.

Трюкс не нес за них никакой ответственности, но они существовали в нем — полуавтономно и помимо его воли. В отличие от сознательных жизненных целей этому подавленному материалу можно было верить безоговорочно. Парадок-

сально, но то, что человек скрывал в себе — или пытался скрыть, вытесняя из своего сознания, — с абсолютной полнотой раскрывало черты его психики.

— Аномальная зона не поддается сканированию, — сообщила Патриция. — Дейв, вы можете ее контролировать?

На лице Трюкса появилось недоуменное выражение.

— Я не понимаю, о чем идет речь. Насколько мне известно, мой мозг открыт для тебя. Мне нечего скрывать.

Патриция переключилась на ту зону его ума, которая отвечала за предвидение. Она заставила себя стать на какое-то время ведуньей. У нее возникло жуткое ощущение, что она обладала этим даром так же хорошо, как своим собственным. Перед ней, словно стеллажи аккуратно составленных ящиков, протянулись сотни гибких и переменчивых вариантов возможного будущего. Их совокупность воспринималась одновременно, но каждый из них устранял остальные и иллюстрировался странными статичными образами. Патриция увидела себя запечатленной в разных ситуациях. Эти смутные картины заставили ее побледнеть от страха. В них сбывались ее самые

безумные и мрачные предчувствия…

Моя собственная дочь, с ужасом подумала она. Неужели я готова сделать с ней это? Хотя такая возможность была маловероятной. Большинство вариантов предусматривало возобновление дружеских отношений с Мэри-Энн и еще большую сплоченность их организации. Тем не менее… это могло случиться.

Внезапно перед ней мелькнула сцена, в которой телепаты, да и все члены организации, набросились на Трюкса. Дейв, очевидно, тоже осознал эту возможность — сцена прояснилась и вышла на передний план его ума. Но почему, с удивлением подумала Патриция. Какой повод он может дать для этого? Что же такое мы обнаружим в его уме?

Мысли Трюкса стали размытыми.

— Ты уклоняешься, Дейв, — сказала Патриция и посмотрела на других телепатов в комнате.

— Это как-то связано с прибытием Дона, — сообщила Мерл.

Дон был пятым телепатом их организации. Он вылетел из Детройта и мог появиться в любую минуту.

— В зоне предсказаний у Трюкса есть сцена, в которой Дон выискивает проход в аномальный

участок, — сказала Патриция. — После того как он исследует его, мы…

Она смущенно замолчала, но трое других телепатов уловили ее мысль: *Мы уничтожим Трюкса.*

Но почему? Они не нашли в нем ни малейших признаков чужого вмешательства. Только небольшую аномалию, и все. Однако эта зона содержала в себе что-то жуткое, что-то абсолютно ускользавшее от нее. Удастся ли Дону проникнуть в этот участок? Да, такая возможность существовала, и Трюкс знал об этом. Он знал о грозившей ему опасности. *А как поступают в подобной ситуации ведуны?*

Так же, как и остальные люди, подумала Патриция, продолжая сканировать ум Трюкса. Он попытается удрать. Дейв встал и направился к двери.

— Я вынужден вернуться в Нью-Йорк, — произнес он осипшим голосом.

Трюкс вел себя непринужденно и легко, но внутри его ума бушевала буря!

— Прошу прощения. Я больше не могу здесь оставаться.

— Дон — наш лучший телепат, — задумчиво ответил Ротман. — Я вынужден попросить тебя

задержаться до его прибытия. Только наличие всех телепатов может защитить нас от проникновения вугов. Дон должен покопаться в твоих мыслях и рассказать нам, что происходит. Тебе лучше сесть на место, Дейв Трюкс.

И Трюкс сел на место.

* * *

Пит, закрыв глаза, прислушивался к спору между Патрицией, Трюксом и Ротманом. Теперь он понимал, что эта секретная организация псиоников стояла между людьми и цивилизацией Титана. Она сопротивлялась господству пришельцев и отстаивала права терран. Все это медленно доходило до него сквозь путаницу мыслей. Он еще не оправился от прошлой ночи и внезапного похищения, от бессмысленной смерти Колючки и психокинеза Мэри-Энн.

Интересно, как там Кэрол, подумал Пит. О господи, я хочу выбраться отсюда. Ему вспомнился миг, когда Мэри-Энн превратила его в летающее чучело и швырнула сквозь стену. Хорошо, что в последний момент она передумала и вернула его обратно. Я боюсь этих людей, признался он себе. И особенно их способностей.

Пит открыл глаза. В конторе мотеля, болтая

друг с другом противными дребезжащими голосами, сидело девять вугов. И один человек — Дейв Трюкс.

Он и Дейв против всех остальных. Безнадежная и уже проигранная партия. Боясь пошевелиться, Пит смотрел на вугов. Один из них, говоривший голосом Патриции, возбужденно сказал:

— Ротман! Я только что уловила от Сада невероятную мысль!

— Я тоже, — произнес другой вуг. — Мистер Сад воспринимает нас всех как…

Он замолчал, подыскивая слова.

— Сад видит нас как вугов. Всех, за исключением Трюкса.

Наступила тишина.

Вуг, говоривший голосом Ротмана, спросил:

— Мистер Сад, вы считаете, что мы все находимся под контролем пришельцев? Что наша группа полностью подчинена? Неужели нетронутым остался только Дейв?

Пит молчал.

— Как мы можем говорить об этом и оставаться в своем уме? — спросил вуг, называвший себя Ротманом. — Если верить восприятию Сада, мы уже проиграли игру. Давайте будем рассуждать рационально. Возможно, у нас осталась какая-то

надежда. Что ты скажешь, Дейв? Если Сад прав, ты единственный терранин среди нас.

— Я ничего не понимаю, — ответил Трюкс. — Он посмотрел на Пита. — Спрашивайте его, а не меня.

— Итак, мистер Сад? — бесстрастно спросил вуг-Ротман. — Что вы на это скажете?

— Прошу вас, отвечайте, — взмолилась вуг-Патриция. — Во имя всего святого…

— Вы уже знаете, что в разуме Трюкса есть зона, которую не могут просканировать ваши телепаты, — сказал Пит. — Все дело в том, что он человек, а вы — нелюди. И когда ваш последний телепат прилетит сюда…

— Мы уничтожим Трюкса, — деловито и медленно закончил вуг-Ротман.

Глава 13

— Я хочу связаться с адвокатом Леардом Знатоком, — сказал Джозеф Шиллинг, обращаясь к гомеостатическому информационному устройству видеофона. — Он находится где-то на Западном побережье, и другой информации о нем у меня нет.

Время перевалило за полдень, а Пит так и не прилетел домой. Джо знал, что сам он уже не вернется. Обзванивать членов «Милой Голубой Лисы» было бессмысленно. Никто из них не имел отношения к исчезновению Пита. Его похитители не входили в игровую группу.

Если проблема идентификации уже решена, подумал Джо, и если Пита увезли Патриция и Аллен Маккарлики, то напрашивается следующий вопрос: зачем они сделали это? Независимо от причин, толкнувших их на преступление, убийство Уода Колючки было абсолютно неоправданным. Никто не убедил бы его в правомерности такого поступка.

Шиллинг вошел в спальную комнату и спросил у Кэрол:

— Как вы себя чувствуете?

Она сидела у окна в цветастом хлопчатобумажном платье и апатично смотрела на улицу.

— Я в порядке.

Пользуясь тем, что детектив Э. Б. Черный на какое-то время покинул квартиру, Джо Шиллинг прикрыл дверь спальни и тихо сказал:

— Мне известно о Маккарликах нечто такое, чего не знает полиция.

Кэрол приподняла голову и вопросительно посмотрела на него.

— Тогда расскажите мне об этом.

— Патриция замешана в какой-то незаконной деятельности — причем уже довольно долгое время. Из-за этого они и убили полицейского. На мой взгляд, ее деятельность связана с пси-способностями. И Аллен Маккарлик играет в этом не последнюю роль. Других причин для убийства, тем более сотрудника полиции, я просто не нахожу. Они пошли на огромный риск. Все сыскные агентства и полицейские управления страны объявили на них широкомасштабный розыск. Мне кажется, они были в отчаянном положении.

Возможно, они фанатики, подумал Джо.

— Полиция ненавидит убийц своих коллег, — проворчал он себе под нос. — Они совершили огромную глупость.

Глупость и фанатизм, подумал он. Довольно гадкая смесь.

Видеофон зазвонил и сказал:

— Мистер Шиллинг, вас вызывает Леард Знаток.

Джо включил экран.

— Леард! Привет!

— Что случилось? — спросил адвокат.

— Твоего клиента похитили.

Джо вкратце объяснил ситуацию.

— У меня врожденное недоверие к полиции, — произнес он, завершая рассказ. — И мне почему-то кажется, что они не ищут Пита. Хотя, возможно, это предчувствие объясняется тем, что расследование ведет вуг.

Или виной тому инстинктивное отвращение, с каким терране относятся к вугам, подумал Джо.

— Хм-м, придется слетать в Покателло, — сказал Знаток. — Как, ты говоришь, фамилия того психиатра?

— Филипсон, — ответил Шиллинг.

— Я, конечно, получаю информацию из третьих рук, но меня ведет интуиция. Встретимся в Сан-Рафеле. Я сейчас в Сан-Франциско, так что буду у вас минут через десять.

— Хорошо, — ответил Шиллинг и, отключив

видеофон, направился к двери.

— Куда вы уходите? — спросила Кэрол. — Вы же сказали адвокату Пита, что встретитесь с ним здесь.

— Хочу достать какое-нибудь оружие, — ответил Шиллинг.

Он закрыл за собой дверь и торопливо зашагал по коридору. Мне нужен всего один пистолет, подумал он. Потому что, насколько я знаю Леарда, он никогда не расстается с оружием.

* * *

Они полетели на северо-восток в машине адвоката.

— Прошлой ночью, — начал рассказывать Шиллинг, — Пит позвонил мне по видеофону и сообщил несколько странных деталей. Прежде всего о том, что его хотят убить, как Джерома Лакмена. Он очень тревожился о безопасности Кэрол. И еще Пит утверждал, что…

Джо посмотрел на Леарда.

— Он говорил, что доктор Филипсон является вугом.

— Ну и что? На планете сейчас много вугов.

— Мне кое-что известно об этом психиатре, — ответил Шиллинг. — Я читал его статьи и много

слышал о терапевтических приемах, которые он разрабатывал. Нигде не упоминалось о том, что он с Титана. Здесь что-то не так. Я не думаю, что Пит видел доктора Филипсона. Мне кажется, он встречался с кем-то другим — или, вернее, с чем-то другим. Человек такого положения, как Филипсон, не стал бы принимать клиента посреди ночи. Он не семейный врач. И откуда у Пита появились те сто пятьдесят долларов, которые он якобы заплатил психиатру? Я знаю Пита — он никогда не носит с собой денег. Ни один босс не признает наличный капитал. Они мыслят в терминах земельных владений. Деньги — это для нас, босяков.

— Он сказал тебе, что заплатил доктору сто пятьдесят баксов? Возможно, он просто подписал чек на эту сумму.

— Нет. Пит встречался с ним прошлой ночью. И за свои услуги доктор взял с него наличные деньги.

Джо задумался на миг.

— В тот момент Пит был пьян, одурманен стимуляторами и одержим манией, вызванной беременностью Кэрол. Скорее всего, он не понимал, с кем вел беседу — с доктором Филипсоном или внеземным существом. Не исключена

возможность, что весь этот эпизод является галлюцинацией. Да и был ли он в Покателло?

Шиллинг достал из кармана трубку и кисет с табаком.

— Весь его рассказ звучит неправдоподобно. Может быть, он съел что-нибудь, и это стало корнем его проблемы.

— Что ты теперь куришь? — спросил Леард Знаток. — Все тот же белый крупномолотый «барли»?

— Нет, кое-что другое. Эта смесь называется «Лающий пес». Она не такая едкая.

Адвокат усмехнулся.

Внизу потянулись окраины Покателло, и Джо увидел психиатрическую клинику доктора Филипсона — квадрат ослепительно-белого бетона, окруженный газонами, деревьями и клумбами роз. Леард опустил автолет на усыпанную гравием площадку и проехал по аллее до стоянки, которая располагалась у большого центрального корпуса. Эта тихая и хорошо ухоженная клиника казалась абсолютно безлюдной. Единственная машина на стоянке, судя по всему, принадлежала доктору Филипсону.

Мирное местечко, подумал Шиллинг. Но чтобы лечиться здесь, нужны огромные деньги. Оча-

рованный розарием, он пошел между клумб, наслаждаясь густым ароматом роз и органических удобрений. Вращающийся гомеостатический спринклер, поливавший газон, заставил его сойти с дорожки в густую зеленую траву. Да, здесь я излечился бы от любой болезни, подумал он. Какие запахи! Какая идиллия! Тут есть даже ослик, привязанный к шесту.

— Взгляни, — сказал он Леарду, который следовал за ним. — Вот два самых прекрасных вида роз, когда-либо существовавших на свете: «Мир» и «Голландская звезда». В двадцатом веке среди цветоводов они считались чем-то вроде девятки. А ты знаешь, что означают девять очков за игровым столом. Чуть позже любители вывели «Космического странника»... — Он указал на куст с огромными оранжево-белыми бутонами. — И «Нашу страну».

Джо прикоснулся к красному цветку — такому темному, что тот местами казался черным. На его лепестках виднелись брызги светлых точек.

Пока они восхищались красотой «Нашей страны», дверь клиники открылась и на пороге показался лысоватый мужчина с приятной приветливой улыбкой.

— Чем могу помочь? — спросил он, прищурив

глаза.

— Мы ищем доктора Филипсона, — сказал Леард Знаток.

— Это я, — ответил пожилой мужчина. — О-о! Надо будет опрыскать розарий. Смотрите, на некоторых кустах появились личинки грифи.

Он нежно вытер ладонью бархатистую поверхность листа.

— Крошек грифи завезли к нам с Марса.

— У нас к вам разговор, — сказал Джо Шиллинг. — Куда бы мы могли пройти?

— Мы можем поговорить прямо здесь, — ответил доктор Филипсон.

— Скажите, вам знаком Пит Сад? Он навещал вас прошлой ночью?

— Да, навещал, — с усмешкой произнес доктор Филипсон. — А позже он звонил мне по видеофону.

— Пит Сад похищен, — сообщил ему Шиллинг. — Люди, забравшие его, убили полицейского, так что дело приняло серьезный оборот.

Доктор перестал улыбаться и задумчиво прошептал:

— Ах вот как. Понимаю.

Он посмотрел на Шиллинга, затем на Леарда Знатока.

— Меня тревожит эта последовательность: сначала смерть Лакмена, а теперь похищение Питера Сада. Давайте войдем в здание.

Доктор открыл перед ними дверь и вдруг передумал:

— Нет, будет лучше, если мы посидим в машине. Так нас никто не услышит.

Он повел их обратно на стоянку.

— Мне хотелось бы обсудить с вами несколько вопросов.

Немного потеснившись, они разместились в машине Филипсона.

— В каких отношениях вы находитесь с мистером Садом? — спросил доктор.

Шиллинг кратко обрисовал ему ситуацию.

— Возможно, вы уже никогда не увидите мистера Сада живым, — сказал Филипсон. — Мне очень горько говорить такие слова, но это почти абсолютная истина. А ведь я его предупреждал.

— Мы в курсе событий, — ответил Шиллинг. — Он рассказывал мне о вашей беседе.

— Я почти ничего не знаю о Питере Саде, — сказал доктор. — Мы никогда не встречались с ним прежде. Мне даже не удалось выяснить его биографические данные, так как прошлой ночью он был пьян, нездоров и напуган. Мистер

Сад позвонил мне домой. Я как раз укладывался спать. Мы договорились увидеться в баре. Не помню его названия, но это где-то в центре Покателло. Кстати, мистер Сад и звонил мне оттуда. С ним была привлекательная молодая девушка, но ее не пустили внутрь. Потом у мистера Сада начались галлюцинации, и он действительно нуждался в серьезной психиатрической помощи. Я не мог оказать ее в баре. Впрочем, вы сами все понимаете.

— Ему всюду чудились вуги, — сказал Джо Шиллинг. — Пит считал, что они окружают нас со всех сторон.

— Да, помню. Прошлой ночью он делился со мной этими страхами — причем несколько раз и все время по-новому. Это было очень забавно. Он даже написал самому себе послание на картонке от спичек и, озираясь по сторонам, спрятал его в ботинок. «Вуги гонятся за нами!» Или что-то в этом роде.

Посмотрев на Шиллинга и Знатока, доктор спросил:

— Вам что-нибудь известно о внутренних проблемах Титана?

— Практически ничего, — ответил Джо, застигнутый врасплох.

— Их общество разделилось на две части. Причина, по которой мне это известно, проста. Я обслуживаю в своей клинике нескольких титанийцев, занимающих высокие посты на нашей планете. Они проходят у меня психиатрическое лечение. Парадоксально, но я обнаружил, что могу работать с ними так же хорошо, как с людьми.

— Вот почему вы решили провести нашу беседу в машине, — догадался Леард.

— Да, — ответил Филипсон. — Здесь мы недосягаемы для их телепатических способностей. Мои четверо клиентов принадлежат к умеренной политической ориентации и представляют собой ту доминирующую силу, которая на протяжении нескольких десятилетий формирует политику Титана. В свою очередь им противостоит партия военных — так называемая фракция экстремистов. Их влияние непрерывно возрастает, и никто, включая самих титанийцев, не знает точно, насколько они сильны. Отношение экстремистов к Терре очень враждебно. У меня на этот счет имеется своя гипотеза. Я не в состоянии ее доказать, но написал о ней уже несколько статей.

Он задумчиво помолчал.

— Я предполагаю — заметьте, только предполагаю, — что титанийцы, подстрекаемые членами

воинствующей партии, пытаются замедлить восстановление нашей популяции. С помощью технических средств — только не спрашивайте меня, каких именно, — они контролируют рождаемость людей и удерживают ее на минимально возможном уровне.

Наступила тишина. Долгая и тягостная пауза.

— Как только Лакмена убили, — продолжал доктор Филипсон, — у меня возникло предположение о прямой или косвенной причастности титанийцев. Но не по той причине, о которой вы думаете. Да, он вылетел к вам после того, как полностью подчинил себе Восточное побережье. Да, он мог бы установить в Калифорнии такой же контроль, как в Нью-Йорке. Но титанийцы убили его не из-за этого. Они пытались добраться до Лакмена в течение нескольких месяцев, а то и лет. И когда он покинул свое убежище, когда он отправился в Кармел, где у него не было ни ведунов, ни других пси-людей для собственной защиты…

— Так почему же они убили его? — тихо спросил Знаток.

— Из-за его *удачи*, — ответил доктор. — Лакмена погубила его плодовитость. Способность к зачатию детей. Вот что не понравилось пришельцам

с Титана. Поверьте, их абсолютно не заботил его успех в Игре.

— Понимаю, — произнес адвокат.

— Многие люди, которым сопутствовала *удача*, стали покойниками лишь потому, что о них узнали экстремисты. Но я должен сказать и о другом. Имеются *силы, которые противостоят этому заговору*. Существует организация, сплотившаяся вокруг многодетной семьи Маккарликов. Возможно, вы слышали о них — они тоже живут в Калифорнии. Так вот у Патриции и Аллена Маккарлик трое детей. Следовательно, их жизни грозит большая опасность. Недавно мистер Сад продемонстрировал свою способность к оплодотворению. Это автоматически поставило его и Кэрол Сад под угрозу смерти. Я предупредил об этом Питера и сказал, что он столкнулся с силой, которая ему не по зубам. Таковы мои убеждения. Кроме того… — Голос доктора окреп. — Я считаю, что такие организации, как группа Маккарликов, абсолютно бесполезны и опасны. Пришельцы с Титана без особого труда подменят их вожаков на своих агентов. В подобных делах титанийцам нет равных, и их главным преимуществом являются мощные телепатические способности. Никакой патриотической организации терран не удастся

сохранить свое существование в секрете.

— Значит, вы поддерживаете контакт с пришельцами? — спросил Шиллинг. — Через ваших пациентов-вугов?

— Да, в какой-то мере, — поколебавшись, ответил доктор. — Я обсуждал с ними эту проблему в процессе лечения.

Шиллинг взглянул на Леарда Знатока.

— Я думаю, мы узнали то, что хотели. Теперь нам известно, где сейчас Пит и кто убил детектива Колючку. Но как нам найти эту организацию Маккарликов?

— Доктор, — с предельной осторожностью сказал Леард Знаток, — ваше объяснение в высшей степени интересно. Однако имеется еще один важный вопрос, который мы не затронули в нашей беседе.

— Да?

— Пит Сад считает, что вы — вуг.

— Я помню об этом и могу объяснить причину подобного недоразумения, — ответил доктор. — Мистер Сад воспринял опасность сложившейся ситуации на бессознательном интуитивном уровне. Его восприятие было искажено непроизвольной телепатией и проекцией страхов. Его собственная тревога плюс…

— Скажите честно, вы — вуг? — спросил Знаток.

— Конечно нет, — раздраженно ответил доктор.

Тогда Леард задал тот же вопрос машине, в которой они сидели:

— Доктор Филипсон является вугом?

— Да, Филипсон — вуг, — ответила личная машина доктора. — Это правильное утверждение.

* * *

— Что вы на это скажете? — спросил Джо Шиллинг.

Вытащив оружие — старинный, но вполне пригодный револьвер тридцать второго калибра, — он навел его на доктора Филипсона.

— Мне хотелось бы услышать ваши комментарии.

— Поверьте, эффект Рашмора моей машины ошибся, — ответил доктор. — Хотя должен признать, что я не все вам рассказал. Дело в том, что я тоже принадлежу к организации псиоников, которые собрались вокруг семьи Маккарликов.

— Вы псионик? — спросил Джо Шиллинг.

— Да, — кивнув, ответил доктор Филипсон. — И девушка, сопровождавшая вашего друга прошлой

ночью, тоже является членом нашей организации. Мы с ней заранее продумали план действий в отношении Питера Сада. Это Мэри-Энн уговорила меня встретиться с ним. В такое позднее время я обычно не принимаю…

— Каков ваш психонический дар? — прервав его, спросил Знаток.

Теперь и он навел на доктора свое оружие — небольшой пистолет двадцать второго калибра. Филипсон с тревогой посмотрел на Леарда, затем перевел взгляд на Джозефа Шиллинга.

— Мой дар немного необычен, — ответил он. — Возможно, вы удивитесь, когда я вам о нем расскажу. В принципе, он похож на психокинез Мэри-Энн, однако имеет более узкую область применения. Я создаю один из порталов секретной двусторонней системы телепортации между Террой и Титаном. С ее помощью мы пересылаем сюда титанийцев или отправляем на Титан некоторых терран. Такой способ перемещения гораздо лучше стандартного пространственного метода, потому что он не требует никаких затрат времени.

Он улыбнулся Джо и Леарду.

— Хотите, я продемонстрирую это?

Доктор Филипсон пригнулся вперед.

— О мой бог! — вскричал Знаток. — Убей его, Джо!

— Ну как? — донесся до них голос Филипсона.

Они не видели его. Какая-то непроницаемая завеса окутала все вокруг, растворив в себе ландшафт и предметы. Каскад огней, похожих на миллиард мячей для гольфа, обрушился на них и заслонил собой знакомую реальность. Возможно, это остановка нашего процесса восприятия, подумал Джо. Несмотря на свою решимость, он почувствовал страх.

— Я пристрелю его, — где-то рядом произнес Знаток.

Прозвучало несколько выстрелов.

— Джо, ты видишь этого вуга? Я попал в него? Черт…

Голос Леарда начал удаляться и исчез в безмерной пустоте. Наступила гнетущая тишина.

— Леард, я боюсь, — прошептал Джо Шиллинг. — Что происходит?

Он ничего не понимал. Вытянув руку, Джо всюду натыкался на поток мельчайших частиц, которые неслись откуда-то и куда-то. Неужели это базовая структура Вселенной, изумленно подумал он. Мир вне времени и пространства? Реальность, стоящая за гранью познания?

Внезапно он увидел огромную равнину, на которой в строго зафиксированных позах лежали вуги. Они не шевелились, а если и двигались, то неописуемо медленно. В их ситуации ощущалась какая-то мука — вуги напрягались, пытаясь вырваться из пространственного плена, но категория времени была неумолима, и они оставались на прежних местах. Неужели навсегда, подумал Джо. О боже! Как их здесь много! Он не видел краев это плоской горизонтальной поверхности. Он даже не мог вообразить себе ее пределы.

– *Это Титан*, — прозвучал в его голове незнакомый голос.

Не чувствуя собственного веса, Джо понесся вниз. Он отчаянно пытался стабилизировать высоту, но не знал, как это сделать. Нет, черт возьми, подумал он, все это не то. Так у меня ничего не получится.

— Помогите, — сказал он вслух. — Заберите меня отсюда. Эй, Леард? Ты здесь? Что происходит?

Никто не отозвался на его призыв. Джо стал падать быстрее. Вопреки здравому смыслу он вдруг понял, что был уже здесь однажды. Да, он переживал когда-то это стремительное падение.

Вокруг него сформировалось пустое помещение — огромное закрытое пространство. Напротив,

по другую сторону внезапно возникшего стола, сидели вуги. Подсчитывая их, он дошел до двадцати и отказался от этой затеи. Казалось, что им нет конца — их плотные ряды тянулись до самого горизонта. Молчаливые и неподвижные, чем-то занятые фигуры. Сначала Джо не понимал, что они делали. Но потом все стало на свои места.

– *Мы играем*, — телепатировали вуги.

Размеры стола ошеломили Шиллинга. Боковые стороны, тускнея вдали, исчезали в подструктуре той реальности, в которой он оказался. Прямо перед ним лежала карточная колода. Джо видел ее четко и ясно. Вуги ждали, когда он вытянет карту.

Значит, наступил его черед.

Слава богу, что я умею играть, подумал он. Слава богу, что я знаю правила блефа. Впрочем, их не заботило его умение и мастерство. Эта Игра длилась так долго, что все остальное потеряло значение. Интересно, сколько веков они играют в нее? Возможно, даже вуги не знают об этом. Или просто не помнят. Он вытянул карту на двенадцать очков.

Теперь мне надо сделать то, что воплощает в себе суть Игры, подумал он. Мне надо решить, блефую я или не блефую. Передвигать эту фишку

на двенадцать квадратов или нет. Но они телепаты! Они могут читать мои мысли! Как же мне тогда с ними играть? Эй, парни, так нечестно!

Тем не менее ему полагалось сделать ход.

Вот ситуация, в которой мы все оказались, подумал он. И никто из нас не может выпутаться из нее. Даже такие великие игроки, как Джером Лакмен. Пытаясь выиграть, они умирают, и все начинается сначала.

– *Мы долго ждали тебя,* — пришла к нему мысль, посланная вугами. — *Не заставляй нас ждать и дальше.*

Джо не знал, что делать. Какой была ставка? Что он вообще мог поставить на кон при своей бедноте? Шиллинг осмотрел стол, но ничего не увидел — ни корзины для ценных бумаг, ни подноса для денег. Как можно блефовать в игре с телепатами? При ставках, которых не существовало, подумал Джо. Какая пародия! Но надо как-то выбираться отсюда. А есть ли выход? О господи! Как он мало знал.

Вот подлинное и окончательное лекало Игры, вариант которой был навязан Терре. Однако это озарение не давало ему никакого намека на выход из сложившейся ситуации. Он поднял фишку и начал двигать ее вперед, квадрат за квадратом.

Двенадцать ходов. Джо прочитал результирующую надпись: *В твоей стране обнаружено золото! Два действующих рудника принесли тебе пятьдесят миллионов долларов!*

Ну вот, и не надо было блефовать, подумал Шиллинг. Но какой квадрат! Самый лучший из всех, что я видел! Хотя на Земле таких выигрышей не бывает.

Он поставил фишку на эту клетку и с довольным видом откинулся на спинку кресла. Интересно, посмеют ли вуги бросить ему вызов? Обвинить его в блефе? Он ждал. Его соперники не шевелились. Среди их бесконечных рядов не было заметно никаких признаков жизни. Ну что, приумолкли, подумал он. Я сыграл. Теперь ваш ход.

– *Это блеф*, — заявил чей-то голос.

Он не понял, кто из вугов бросил ему вызов. Казалось, что все они передали в унисон одну и ту же мысль. Неужели их телепатия оказалась настолько несовершенной, подумал он. Или вуги намеренно глушат свои пси-способности во время Игры?

— Вы не правы, — сказал он, переворачивая карту. — Вот!

Джо взглянул вниз. Карта изменилась. Она

соответствовала не двенадцати, а одиннадцати очкам.

– *Вы не умеете блефовать, мистер Шиллинг,* — пришла к нему мысль вугов. — *Неужели вы всегда так играете?*

— Мне как-то неловко в вашей компании, — ответил Джо. — Похоже, я ошибся в значении карты.

Он был взбешен и напуган.

— А ведь вы плутуете, черти. Говорите, что стоит на кону?

– *Игра идет на Детройт,* — телепатировали вуги.

— Чем докажете? — спросил Джо, осматривая огромный игровой стол. — Я не вижу корзинки для ценных бумаг.

– *Смотрите внимательнее,* — ответили вуги.

Внезапно Шиллинг заметил на столе небольшой стеклянный шар размером с пресс-папье, внутри которого находилось что-то яркое, сверкающее и живое. Он присмотрелся и увидел маленький миниатюрный город — особняки, заводы, улицы и небоскребы. Это был Детройт.

– *Именно его мы и разыграли в предыдущей партии,* — сказали вуги.

Джо деловито вытянул руку и передвинул фиш-

ку на один квадрат назад.

— Так, значит, я выиграл Детройт? Неплохо для начала.

Обитатели Титана разразились телепатическим смехом.

— Да, вы правы, я смошенничал, — признался Джо. — И по правилам Игры вам придется отменить результат этой партии. Прошу прощения за испорченное удовольствие.

Что-то ударило его по голове, и он провалился во мглу небытия.

Глава 14

В следующий миг Джозеф Шиллинг обнаружил себя посреди пустыни и вновь почувствовал успокоительную тяжесть земного притяжения. Солнце, слепившее глаза, изливало на золотистый песок горячие струи жара. Он поднес ладонь к бровям и, щурясь от колючего сияния, осмотрел пустынную местность.

— Не останавливайтесь, — сказал голос за его спиной.

Он оглянулся и увидел стоявшего на песчаном бугре пожилого мужчину. Доктор Филипсон — а это был он, — как всегда, улыбался.

— Надо идти, — сказал доктор приятным дружелюбным тоном, — иначе мы погибнем. Вы ведь не хотите умереть в пустыне.

— Объясните мне, что происходит, — взмолился Джо.

Тем не менее он последовал примеру доктора, который, поравнявшись с ним, зашагал по песку пружинистыми легкими шагами.

— Вы прервали Игру, — посмеиваясь, ответил Филипсон. — Им даже в голову не приходило, что вы можете смошенничать.

— А кто начал первым? Ваши приятели изменили достоинство моей карты!

— Для них это вполне законный прием — одно из базовых действий в Игре. У обитателей Титана не бывает лучшего развлечения, чем воздействие на карты соперников с помощью своих экстрасенсорных способностей. Между ними происходят настоящие состязания. Тот, кто вытягивает карту, изо всех сил борется за то, чтобы сохранить ее достоинство. И если ему это не удается, он либо проигрывает, либо передвигает фишку в соответствии с новым количеством очков и тем самым разрушает планы своих соперников.

— Что случилось со ставкой?

— С Детройтом?

Доктор рассмеялся.

— Он остался на кону. Дело в том, что обитатели Титана строго соблюдают правила Игры. Вы можете мне не верить, но это так. Они, конечно, следуют своим собственным правилам, которые отличаются от ваших, но зато выполняют их досконально. Пока я не знаю, что они будут делать дальше. Возможно, им снова придется ждать какое-то время, чтобы сразиться с вами в Игре. Но мне кажется, ваша хитрость отбила у них охоту садиться с вами за стол. Вы расстроили

их, лишили присутствия духа, и они еще не скоро оправятся от полученного потрясения.

— Какую фракцию представляют эти игроки? Они экстремисты?

— О нет. Ваши соперники очень умеренны в своих политических суждениях.

— А что вы скажете о себе? — спросил Шиллинг.

— Признаюсь честно. Я экстремист. Именно поэтому я и нахожусь на вашей планете.

В ослепительном свете солнца его «тепловая игла» искрилась, как роза, в такт легким и длинным шагам.

— Мы почти на месте, мистер Шиллинг. Еще один холм, и вы увидите цель нашей маленькой прогулки. Мы специально выбрали одноэтажное строение. Оно прижимается к земле и не привлекает к себе внимания.

— Значит, все вуги, прилетевшие на Землю, экстремисты?

— Нет, — ответил доктор Филипсон.

— А детектив Э. Б. Черный?

Доктор промолчал.

— Я так понимаю, что он не из вашей партии, — догадался Джо.

Ответа не последовало. Филипсон не желал

говорить на эту тему.

— То есть при случае мы можем довериться ему? — продолжил расспрашивать Шиллинг.

— Да, если только вам представится такая возможность, — ответил доктор.

Посмотрев вперед, Джо увидел здание, построенное в испанском стиле, с черепичной крышей, белыми кирпичными стенами и декоративными чугунными решетками. Мотель «Нора», гласила отключенная неоновая вывеска.

— Леард Знаток тоже здесь? — спросил Джо Шиллинг.

— Нет, он на Титане, — ответил доктор. — Возможно, я верну его назад, но только не в ближайшее время.

Филипсон нахмурился.

— Должен признаться, что ваш приятель хитер и сообразителен. Однако его судьба меня абсолютно не волнует.

Замедлив шаг, он достал из кармана льняной носовой платок и вытер им красный вспотевший лоб. Через пару минут они свернули на дорожку, которая вела к мотелю.

— Что касается вашего мошенничества, то оно меня тоже не тревожит.

Филипсон казался теперь раздраженным и

злым. Шиллинг не мог понять это странной перемены в его настроении. Дверь в контору мотеля была открыта. Подойдя к ней, доктор осторожно всмотрелся в серый полумрак помещения.

— Ротман? — с нетерпением окликнул он.

На пороге появилась фигура женщины. Джо узнал Патрицию Маккарлик.

— Извините за задержку, — начал оправдываться доктор. — Этот человек прилетел ко мне со своим приятелем и…

— Она вне контроля, — прервала его Патриция. — Аллен ничем не мог помочь. Уходите.

Она пробежала мимо доктора и Шиллинга, направляясь к стоянке с припаркованными машинами. Внезапно Патриция исчезла из вида. Доктор Филипсон выругался и отскочил от двери, словно его отбросила пружина.

Высоко в полуденном небе Джо увидел какой-то предмет, который быстро поднимался вверх. Он взлетал все выше и выше, пока не превратился в точку, а затем и вовсе не растворился в синеве бесконечного пространства. От яркого света и концентрации внимания у Шиллинга заболела голова. Он недоуменно повернулся к доктору Филипсону.

— О мой бог! Да ведь это же…

— Посмотрите туда, — сказал доктор, указывая оружием на открытую дверь.

Джо заглянул в контору. Поначалу он ничего не видел, но потом его глаза привыкли к полумраку. На полу лежали скорченные тела мужчин и женщин, спутанные в один клубок. Они были сплавлены вместе какой-то невообразимой силой и казались чудовищным многоруким монстром. В углу комнаты, сжавшись в комочек и закрыв лицо руками, сидела Мэри-Энн. Рядом с ошеломленными лицами стояли Пит Сад и хорошо одетый мужчина, которого Шиллинг не знал.

— Ротман! — вскричал доктор.

Задыхаясь от ужаса, он смотрел на одно из раздробленных тел.

— Когда она это сделала? — спросил Филипсон.

— Только что, — прошептал Пит.

— Вам повезло, — сказал доктору хорошо одетый мужчина. — Окажись вы здесь несколькими минутами раньше, она убила бы и вас. Благодарите судьбу, что опоздали на встречу.

Филипсон, дрожа всем телом, поднял «тепловую иглу» и прицелился в Мэри-Энн.

— Не надо, — посоветовал ему Пит Сад. — Они тоже пытались сделать это. И вот вам результат.

— Трюкс, — спросил доктор, — почему она не

убила вас?

— Потому что он терранин, — ответил Пит. — Единственный из вас. Этого оказалось достаточно.

— Лучше всего ничего сейчас не предпринимать, — сказал хорошо одетый мужчина. — И, по возможности, не делайте резких движений.

Он не отрываясь смотрел на съежившуюся фигуру Мэри-Энн.

— Она не пожалела даже своего отца, — сказал Трюкс. — Убежать удалось лишь Патриции. Вернее, я не знаю, что случилось с ней.

— Девчонка добралась и до нее, — ответил доктор Филипсон. — Мы это видели. Хотя сначала ничего не поняли.

Он отбросил в сторону «тепловую иглу». Оружие, скользнув по полу, ударилось о дальнюю стену. Лицо доктора стало серым.

— Она хотя бы понимает, что сделала?

— Да, понимает, — ответил Пит. — Мэри-Энн осознала опасность своего психокинеза и больше не будет использовать его.

Он повернулся к Джо Шиллингу.

— Им так и не удалось с ней справиться, представляешь? Поначалу они подчинили ее себе, но не удержали контроль. Я наблюдал их битву

в течение нескольких часов. Она происходила здесь, вот в этой комнате. Развязка наступила в тот момент, когда сюда явился их последний телепат.

Он указал на расплющенное тело светловолосого человека в очках.

— Они называли его Доном и считали, что он решит исход битвы. Но в последний момент Трюкс встал на сторону Мэри-Энн. Все произошло за пару секунд. В какое-то мгновение они сидели на стульях, а в следующее — уже летали в воздухе, как тряпичные куклы. — Пит помолчал и, содрогнувшись, добавил: — Это было неприятное зрелище. Но… — Он пожал плечами. — Что случилось, то случилось.

— Какая чудовищная потеря, — простонал доктор.

Филипсон с ненавистью посмотрел на Мэри-Энн.

— Полтергейст не поддается контролю, — сказал он остальным. — Мы знали об этом, но из-за Патриции и Аллена принимали ее такой, какой она была. Теперь нам придется начинать все заново. В принципе, мне нечего бояться Мэри-Энн. Я в любой момент могу вернуться к своему первоначальному состоянию и стать титанийцем.

Сначала мы надеялись, что ее дар не разовьется до такой степени. А потом, убедившись в обратном, уже ничего не могли с ней поделать. Да, я рискнул. Но мне пришлось пойти на этот риск.

— Я думаю, она при желании разделается и с вами, — возразил ему Трюкс.

— Эй, Мэри-Энн! — окликнул он.

Девушка, сидевшая в углу, подняла голову. Ее щеки, как заметил Джо Шиллинг, были мокрыми от слез.

— Ты не возражаешь, если этот последний вуг вернется на Титан?

— Я не знаю, — рассеянно ответила она.

— Он отправил туда моего друга, — сказал Джо. — Леарда Знатока.

— Понятно, — произнес Дейв Трюкс. — Это меняет дело. — Он повернулся к Мэри-Энн. — Не отпускай его пока.

— Как скажешь.

Доктор Филипсон пожал плечами.

— Мы можем заключить хорошую сделку. Это вполне приемлемо для меня. Знаток вернется сюда, а я улечу на Титан.

Его тон был спокойным, но Шиллинг заметил, что глаза мужчины помутились от страха и напряжения.

— Тогда давайте устроим обмен, — согласился Трюкс.

— С удовольствием, — сказал Филипсон. — Мне не хочется болтаться около этой девчонки. Надеюсь, вам понятно почему. Честно говоря, я не завидую вашим людям, доверившимся сумасбродной и незрелой силе полтергейста. Она в любой момент может переориентироваться и наброситься на вас. — Доктор сделал небольшую паузу и добавил: — Знаток вернулся с Титана. Он находится в моей клинике в Айдахо.

— Как нам в этом удостовериться? — спросил Джо.

— Наберите телефонный номер своей машины, — ответил доктор. — Ваш друг сейчас сидит в ней или прогуливается где-то рядом.

Выйдя на стоянку, Джо Шиллинг подошел к припаркованному автолету.

— Кому ты принадлежишь? — спросил он, открывая дверь.

— Мистеру и миссис Маккарлик, — ответил эффект Рашмора.

— Я хотел бы воспользоваться твоим видеофоном.

Сев в раскаленную солнцем кабину, Шиллинг набрал номер своей машины, которая находи-

лась на стоянке клиники в Покателло, штат Айдахо. После небольшого ожидания он услышал раздраженный голос Макса:

— Какого черта тебе от меня понадобилось?

— Где Леард Знаток? — спросил Шиллинг.

— А кого это волнует?

— Слушай, ржавая дрянь… — начал было Джо, но в этот миг на небольшом экране появилось изображение Леарда. — Ты как? Нормально? — спросил его Шиллинг.

Знаток отрывисто кивнул.

— Джо, ты видел игроков с Титана? Как же их много, правда? Я сбился со счета, пытаясь определить количество вугов за столом.

— А мне удалось надуть их по-черному, — сказал Джо. — Они так разозлились, что вышвырнули меня оттуда. Ладно, бери Макса — ты знаешь, это моя машина — и лети в Сан-Франциско. Встретимся там.

Он нахмурился и обратился к своему старому автолету:

— Макс, я приказываю тебе подчиняться Леарду Знатоку, черт бы тебя побрал.

— Хорошо! — раздраженно ответила машина. — Я буду подчиняться!

Шиллинг вернулся в офис отеля.

— Я предвидел вашу беседу с адвокатам, — сказал Трюкс. — Поэтому мы отпустили доктора.

Джо осмотрелся. Так оно и было. Доктор Э. Р. Филипсон исчез.

— Итак, Филипсон вернулся на Титан, — мрачно произнес Пит Сад. — Детектив Колючка мертв, а дело по-прежнему не закончено.

— Вы забываете об организации, — напомнил ему Трюкс. — Она уничтожена! Мы с Мэри-Энн последние. Я не верил своим глазам, когда она расправилась с Ротманом. Он был стержнем всей нашей группы.

Дейв наклонился над телом Ротмана и дотронулся до него.

— Как нам теперь поступить, чтобы не попасть впросак? — спросил Джо у Пита Сада. — Мы же не можем преследовать их на Титане.

Ему не хотелось встречаться с игроками Титана. И все же…

— Нам лучше вызвать Э. Б. Черного, — ответил Пит. — В данной ситуации это единственное разумное решение. Без его помощи с нами будет покончено.

— Разве мы можем ему доверять? — спросил Трюкс.

— Доктор Филипсон сказал, что можем, —

произнес Джо Шиллинг. — Лично я предлагаю рискнуть.

— Поддерживаю, — сказал Пит, и Трюкс, помолчав, кивнул головой.

— А ты как думаешь, Мэри? — спросил он, поворачиваясь к разбитой горем девушке, которая сжалась в углу в неподвижный комочек.

— Не знаю, — ответила она. — Я не знаю, кому тут можно доверять. Я даже себе уже не верю.

— Тогда так и сделаем, — сказал Джо. — Во всяком случае, хуже не будет. Этот вуг разыскивает тебя, Пит. Он сейчас у Кэрол. Но если Черный с ними заодно, то… Шиллинг замолчал и нахмурился.

— То он погубит Кэрол, — закончил за него Пит.

— Да, — согласился Шиллинг.

— Давай позвоним ему и позовем сюда.

Они направились к машине Маккарликов. Джо набрал номер квартиры в Сан-Рафеле. Наша ошибка будет означать смерть Кэрол и ее ребенка, подумал он. Интересно, кто у них родится? Мальчик или девочка? Сейчас имеются такие тесты, которые уже на третьей неделе определяют пол ребенка. Впрочем, Пит будет рад и мальчику и девочке. При этой мысли Шиллинг улыбнулся.

— Вот он, — взволнованно произнес Пит, когда на экране появилось изображение вуга.

Черт, подумал Джо, да они все выглядят одинаково. Какая гадкая куча слизи. И доктор Филипсон такой же. Прошлой ночью Пит не галлюционировал, а видел настоящий облик этого психиатра.

— Где вы, мистер Сад? — донесся из динамика скрипучий голос.

Мысль вуга, пройдя через вокабулятор, трансформировалась в звук.

— О, я вижу, и мистер Шиллинг с вами. Вам требуется помощь полицейского управления? Мы готовы отправить вертолеты в любое место, которое вы назовете.

— Мы возвращаемся, — ответил Пит. — Нам не нужны вертолеты. Скажите, а как там Кэрол?

— Миссис Сад очень встревожена, но ее физическое состояние вполне удовлетворительное.

— У нас здесь девять мертвых вугов, — сказал Джо Шиллинг.

— Из Ва Пей Нан? — спросил детектив. — Из партии экстремистов?

— Да. Один из них вернулся на Титан — тот, который назывался доктором Филипсоном. Он проживал в Покателло, штат Айдахо. Вы знаете, это был известный психиатр. Мы настоятельно

просим вас заняться его клиникой. Там могут скрываться другие заговорщики.

— Мы это обязательно сделаем, — пообещал Э. Б. Черный. — Убийцы моего напарника, Уода Колючки, находятся среди мертвых?

— Да, — ответил Шиллинг.

— Хорошо. Дайте ваши координаты, и мы направим кого-нибудь, чтобы забрать тела убитых.

Пит дал необходимую информацию.

— Вот и все, — сказал Шиллинг, когда экран потускнел.

Он не мог понять своих чувств. Джо не знал, насколько правильно они поступили. Ничего, подумал он. Скоро мы это узнаем.

Они молча вернулись в офис мотеля. Да и о чем тут было говорить?

— Даже если они арестуют нас, — сказал Пит, входя в комнату, — я все равно буду думать, что мы поступили правильно. Всего, конечно, не предусмотришь, но это… — Он указал рукой. — Я больше не хочу смотреть на подобные сцены, когда раздавленные и скрюченные люди — или вуги — вплавляются друг в друга. Черт, похоже, я еще не оправился после вчерашней ночи.

— Пит, *я видел игроков с Титана*, — сказал ему Шиллинг. — И тоже сыт этим по горло.

— Что же нам теперь делать? — спросил Сад.

— Нужно возродить «Милую Голубую Лису».

— А дальше?

— Играть, — ответил Джо.

— Против кого?

— Против игроков с Титана. Нам придется встретиться с ними. Иначе они не оставят нам никакого шанса.

Они помогли подняться Мэри-Энн и вышли из мотеля.

* * *

По пути в Сан-Франциско Мэри-Энн немного оживилась.

— Они уже не воздействуют на меня так сильно, как раньше, — тихо сказала она. — Их контроль ослабел.

Трюкс ободряюще улыбнулся ей.

— Будем надеяться, что так оно и есть.

Он выглядел ужасно усталым.

— Я предвижу ваши усилия в восстановлении группы, — сообщил ведун, обращаясь к Питу. — Хотите знать, что произойдет?

— Да, конечно.

— Полиция удовлетворит вашу просьбу. Сегодня вечером вы снова станете легальной группой

игроков и, собравшись в штаб-квартире в Кармеле, разработаете новую стратегию. В этой точке возможные будущие события начинают разветвляться. Все будет зависеть от того, допустит ли ваша группа к столу еще одного игрока. Я имею в виду Мэри-Энн Маккарлик. И удастся ли вам придать ей статус босса.

— И каков диапазон возможных вариантов? — спросил Пит.

— Я четко вижу будущую ситуацию при отсутствии Мэри-Энн в вашей группе. Для простоты скажу, что такой вариант не сулит вам ничего хорошего. Другая возможная последовательность размыта. Это объясняется тем, что Мэри переменчива и непредсказуема в рамках обычных причинно-следственных отношений. Она вносит в ситуацию непричинный принцип синхронности событий.

Помолчав немного, Трюкс добавил:

— Как ведун, я советую вам ввести ее в группу. *Несмотря на то, что это будет противоречить закону.*

— Верно, — согласился Джо. — Ее принятие в члены «Милой Голубой Лисы» будет нарушением всех норм, введенных для блеф-организаций. По правилам Игры, ни один псионик не должен

сидеть за игровым столом. Но наши соперники тоже обладают пси-способностями. Все титанийцы являются телепатами. В Игре с ними Мэри-Энн окажет нам бесценную помощь. Благодаря ее дару наша группа нейтрализует фактор телепатии. В противном случае у вугов будет абсолютное преимущество.

Шиллингу вспомнилось, как титанийцы изменили достоинство вытянутой им карты — с двенадцати очков на одиннадцать. Нет, мы их так не выиграем, подумал он. И даже вместе с Мэри…

— Мне тоже хотелось бы войти в вашу группу, если это возможно, — сказал Трюкс. — Тем более что по закону я имею право сидеть за игровым столом. «Милая Голубая Лиса» должна понять, какое значение имеет предстоящая встреча с игроками Титана. Фактически, вашим коллегам брошен вызов. Это уже не спор среди боссов за земельные владения и экономическое лидерство. Это продолжение нашей старой битвы с врагом, которую мы можем возобновить после стольких лет. Если только она вообще когда-нибудь прекращалась.

— Она никогда не прекращалась, — заговорила Мэри-Энн. — Мы понимали это — все те, кто

состоял в нашей тайной организации. Я думаю, с этим согласятся и люди, и вуги.

— А нам удастся получить разрешение у полицейских властей? — спросил Пит у ведуна. — Каков ваш прогноз?

— Я предвижу встречу между территориальным комиссаром С. Ш. Авансингом и Э. Б. Черным. Однако мне не ясен ее результат. С. Ш. Авансинг вносит в ситуацию несколько переменных факторов. Кажется, он тоже связан с экстремистами. Как вы их там называете?

— Ва Пей Нан, — ответил Джо. — Я впервые услышал это словосочетание от детектива Э. Б. Черного.

Он не раз перебирал в уме три части этого названия, пытаясь извлечь из них какой-то смысл. Но они оставались непроницаемыми для него. Джо отказался от усилий. Он не мог представить себе, на что похожа такая партия и каково было принадлежать к ее рядам.

Да, я не понимаю своих врагов, подумал он. И это плохо, потому что, поставив себя на их место, мы могли бы предсказать шаги, которые они предпримут. Нам просто не обойтись без хорошего ведуна.

Джо не верил в хороший исход. Но он не хотел

заражать своим пессимизмом тех людей, которые сидели вместе с ним в машине. Скоро мы — увеличенная группа «Милой Голубой Лисы» — сделаем свой первый ход в битве против игроков с Титана. Возможно, нам помогут Трюкс и Мэри-Энн, но хватит ли этого для победы? Трюкс не так уж и силен, а на Мэри-Энн, как сказал доктор Филипсон, вообще нельзя рассчитывать. И все же хорошо, что она примкнула к нам. Не будь ее, подумал он с долей горечи, мы с Питом остались бы в том мотеле посреди невадской пустыни — беспомощно пойманные стратегией титанийцев.

— Я с радостью займу вам обоим парочку моих владений, — сказал Пит, обращаясь к мисс Маккарлик и Трюксу. — Вы, Мэри, можете взять Сан-Рафел. А Дейв получит Сан-Ансельмо. Надеюсь, это позволит вам войти в Игру.

Ему никто не ответил. Похоже, пессимизм овладел не только Шиллингом, но и остальными.

— Как же мы будем блефовать против телепатов? — спросил Пит.

Это был еще тот вопрос — вопрос, от которого зависело все. Никто из них не знал ответа. Титанийцам уже не удастся менять достоинство вытянутых карт, подумал Джо. Мэри-Энн окажет им противодействие и стабилизирует значение

наших карт. Но…

— Чтобы разработать стратегию, нам потребуются усилия всех членов «Милой Голубой Лисы», — сказал Пит. — Кто-нибудь да придумает, как одолеть телепатов с Титана.

— Ты действительно в это веришь? — спросил Шиллинг.

— Да, так оно и будет, — хрипло ответил Пит.

Глава 15

В десять часов вечера все члены группы собрались в штаб-квартире. Первым прилетел Сильванус Паникер — возможно, единственный раз в своей жизни. Он был трезвый и молчаливый, но, как всегда, с бумажным пакетом, в котором находилась бутылка виски. Поставив ее в шкаф, он повернулся к Питу и Кэрол, которые пришли следом за ним.

— Я просто не могу поверить, что мы примем в свою команду этих псиоников, — пробормотал Сильванус. — Мне кажется, вы предлагаете нечто такое, что сделает Игру совершенно невозможной.

— Подожди, пока соберутся остальные, — сухо сказал вошедший Билл Нытик.

Он явно давал понять, что сердится на Паникера.

— Прежде чем принять какое-то решение, я хочу поговорить с твоими протеже, — сказал Билл, обращаясь к Питу. — С девушкой и тем ведуном, который, как я слышал, работал на Джерома Лакмена в Нью-Йорке.

Даже будучи смещенным с поста ведущего,

Нытик по-прежнему признавался в группе авторитетом. Возможно, это к лучшему, подумал Пит.

— Наверное, так и надо, — рассеянно ответил он.

Пит заглянул в шкаф, интересуясь тем, что принес с собой Паникер. На этот раз в пакете оказалось хорошее канадское виски. Он взял бокал и подставил его под носик автомата, производившего лед.

— Спасибо вам, сэр, — пропищал автомат.

Пит налил себе порцию и повернулся спиной к игрокам, которые медленно заполняли зал. До него доходил их приглушенный шепот.

— И не один псионик, а сразу двое!

— Да, но цель-то патриотическая!

— Ну и что? Как только эти психи войдут в Игру, она тут же закончится.

— А если мы сделаем оговорку, что они перестанут быть боссами, когда этот скандал с экстремистами… Как там их? Ву Пу Нун? Я читал о них в вечернем выпуске «Кроникл». Ну, вы знаете, о ком идет речь. Об этих баламутах, с которыми мы решили сразиться.

— Так ты читал эту статью? Гомеостатическая система «Кроникл» утверждает, что эти вупунонеры пытались уменьшить уровень чело-

веческой рождаемости.

— Это только предположение.

— Ну и что?

— Слово «утверждает» делает фразу грамматически неверной.

— Как бы там ни было, мое мнение остается прежним. Без всякой игры слов. Мы просто обязаны принять этих двух психоников в состав «Милой Голубой Лисы». Ты слышал, что сказал детектив Э. Б. Черный? Этот вуг намекнул, что от нашей Игры будет зависеть благосостояние нации…

— И ты ему веришь? Вугу?

— Он хороший вуг. Неужели вы все этого еще не поняли?

Стюарт Маркс похлопал Пита по плечу.

— Неужели ты хочешь навязать нам такую точку зрения?

— Я не знаю, чего хочу, — ответил Пит.

Он действительно теперь не был ни в чем уверен. Питер Сад устал. Даже выпить спокойно не дадут, подумал он, поворачиваясь спиной к болтавшим мужчинам и женщинам. Ему хотелось только одного — чтобы Джо Шиллинг прилетел как можно быстрее.

— Надо принять их в группу. Это обеспечит нам защиту. Поймите, мы не будем играть друг с дру-

гом. Мы сейчас все на одной стороне стола против буги-вугов. Титанийцы могут читать наши мысли, и если мы не противопоставим им что-нибудь адекватное, нас грозит неминуемый проигрыш. А что может быть адекватнее двух псиоников, верно? Откуда нам еще ждать помощи? С небес?

— Мы не можем играть против вугов. Они просто позабавятся над нами, и все. Вы что, забыли, как титанийцы подчинили шестерых из нас прямо в этой комнате? Как они убили Джерома Лакмена? Если им под силу такие дела, то…

— Со мной у них ничего не получится. Я не был в этой шестерке.

— Но мог бы быть. Просто они обошли тебя своим вниманием.

— Если вы читали статью в домашней гомеогазете, то знаете, как решительно настроены вуги. Они убили Лакмена и детектива Колючку! Они похитили Пита и…

— Газеты все преувеличивают.

— С тобой невозможно разговаривать!

Джек Бирюза отошел от группы игроков и остановился рядом с Питом.

— Когда они прилетят сюда? Я имею в виду этих двух псиоников.

— С минуты на минуту, — ответил Пит.

Подойдя к нему и подцепив его локоть гладкой обнаженной рукой, Кэрол ласково спросила:

— Что пьешь, дорогой?

— Канадское виски.

— Все поздравляют меня. По поводу ребенка. Все, кроме Фрейи. Хотя я считаю, что она могла бы…

— Просто она еще не смирилась с этой мыслью, — успокоил ее Пит.

— Ты тоже веришь, что вуги — или, по крайней мере, некоторые из них — уменьшали наш уровень рождаемости?

— Да.

— Значит, если мы выиграем, у нас будет рождаться больше детей?

Пит кивнул.

— И в наших городах появится кто-нибудь еще, кроме машин с эффектом Рашмора, которые всегда говорят одно и то же: «Да, сэр; нет, сэр»? — Кэрол сжала его руку.

— А если мы проиграем, то на нашей планете скоро вообще перестанут рождаться дети, — ответил Пит. — И раса людей постепенно вымрет.

— Ох! — уныло вздохнула Кэрол.

— Какая огромная ответственность, — язвительно сказала Фрейя за их спинами. — Послу-

шать вас, так и жить не захочется.

Пит пожал плечами.

— А Джо тоже забирали на Титан? — спросила Кэрол. — Вы оба побывали там?

— Джо, я и Леард Знаток.

— И полет проходил мгновенно?

— Да.

— Ах, как необычно, — с усмешкой заметила Фрейя.

— Шла бы ты к своему мужу, — посоветовал ей Пит.

— Лично я не собираюсь голосовать за принятие в группу двух ваших психоников, — сказала Фрейя. — Говорю тебе это заранее, Пит.

— В таком случае вы совершите большую ошибку, миссис Выгода, — вмешался в разговор Леард Знаток, стоявший неподалеку от них. — Это я вам тоже говорю заранее. И вы все равно останетесь в меньшинстве.

— Вам не удастся сломать традицию, — возразила Фрейя. — Вы не собьете людей с пути, по которому они шли сотню лет.

— Даже если речь пойдет о спасении расы? — спросил ее Леард.

— Никто не видел игроков с Титана, кроме Джо Шиллинга и вас, — сказала Фрейя. — Даже Пит

не может утверждать наверняка, что встречался с ними.

— Они существуют, — тихо ответил Знаток. — И вам лучше поверить в это. Потому что скоро вы увидите их сами.

Прихватив с собой бокал, Пит пересек зал и вышел наружу на свежий воздух. Наслаждаясь полумраком калифорнийского вечера, он стоял с бокалом в руке и всматривался в серое небо. Пит не знал, чего он ждал. Возможно, прибытия Джо Шиллинга и Мэри-Энн. Или чего-то еще более значимого, чем это. Я жду начала Игры, внезапно понял он. Последней Игры, в которой мы, терране, можем одержать победу.

Пит ожидал игроков с Титана.

Патриция Маккарлик мертва, думал он, хотя в каком-то смысле ее никогда и не существовало. То, что я видел, оказалось миражом и фальшивкой. В кого же я тогда был влюблен, если только это правильное слово… Как можно потерять фантом? Ведь для потери надо чем-то обладать. Кроме того, сейчас не время думать об этом. Мы должны позаботиться о других делах.

Доктор Филипсон сказал, что игроки с Титана придерживались умеренной политики. Какая ирония, подумал Пит. Мы можем потерпеть пора-

жение не от кучки экстремистов, а от огромной центристской партии. Впрочем, это даже хорошо. Мы выйдем на цвет их цивилизации, на таких вугов, как Э. Б. Черный, а не доктор Филипсон. На достойных уважения существ. Тех, кто будет играть по правилам.

Нам остается рассчитывать только на их честность — на то, что эти игроки законопослушны. Если мы ошибаемся и они окажутся такими, как лже-Филипсон и лже-Маккарлики… Но экстремисты не дали бы нам шанса. Они убили бы нас, как Лакмена и Колючку. И тема была бы закрыта навсегда.

Внезапно он заметил посадочные огни автолета. Вспыхнули фары, и машина мягко опустилась на тротуар.

Свет в салоне погас, дверь открылась и закрылась, а затем Пит увидел силуэт — фигуру мужчины, который направился к нему. Кто это? Он прищурился, стараясь рассмотреть незнакомого человека.

— Привет, — сказал мужчина. — Я прочитал статью в домашней газете и прилетел сюда. Ваша история показалась мне ужасно интересной. Здесь все всерьез, сказал я себе. Не так ли, дружище?

— Кто вы? — спросил Пит.

— Неужели вы не узнали меня? Мне казалось, что я довольно известная личность. Моя коронная фраза гремит в эфире каждый день: «Начинаем нашу программу! Ап-ап, хопа!» Надеюсь, вы не против, если я посижу сегодня вечером за вашим игровым столом? Да, парень, я уже чувствую, какое это будет удовольствие!

Взбежав по ступеням, мужчина остановился перед Питом. Его движения были уверенными и четкими. Он протянул для приветствия руку и представился:

— Я Натс Котик.

* * *

— Конечно, мистер Котик, вы можете остаться и посмотреть на нашу Игру, — сказал Билл Нытик. — Ваш приезд — это большая честь для каждого из нас.

Он взмахнул рукой, требуя от членов «Милой Голубой Лисы» тишины и внимания.

— Перед вами всемирно известный диск-жокей и певец Натс Котик, которого мы так любим смотреть по телевизору. Он просит разрешения присутствовать на нашей вечерней встрече. Надеюсь, никто не возражает?

Группа молча смотрела на телезвезду, не зная, как реагировать.

А что там говорила о Котике Мэри-Энн, старался вспомнить Пит. Я спросил ее: «*Неужели в центре заговора стоит Натс Котик?*» И она ответила: «*Да*». Черт возьми! Значит, это правда.

— Подождите, — сказал он вслух.

Билл нахмурился и повернулся к нему.

— Ты же не будешь прогонять такого человека? Для этого должны быть веские причины. Я не верю, что ты серьезно…

— Подождем, пока не приедет Мэри-Энн, — сказал Пит. — Пусть она выскажет нам свое мнение о Натсе Котике.

— Но она даже не член нашей группы, — возразила Фрейя Выгода.

Наступила тишина.

— Если он сядет за стол, я уйду, — предупредил Пит Сад.

— И куда же ты уйдешь? — спросил его Билл.

Пит ничего не ответил.

— Как верно было подмечено, эта девушка не является членом нашей группы… — начал было Нытик.

— Почему ты так настроен против него? — спросил у Пита Стюарт Маркс. — Разве это разумно?

Что ты хочешь доказать?

Все недоуменно смотрели на Пита.

— Наша ситуация гораздо хуже, чем вы думаете, — ответил он. — Имеется лишь крохотный шанс на то, что мы обыграем вугов.

— Ну и что? — не унимался Стюарт. — Какое отношение это имеет к Натсу…

— Я думаю, что он на их стороне, — ответил Пит.

Услышав это, Натс Котик громко рассмеялся. Он был красивым смуглым мужчиной с чувственными губами и умным проницательным взглядом.

— Вот так новость! — воскликнул он. — Меня обвиняли во всем, но только не в этом. Ап-ап, хопа! Я родился в Чикаго, мистер Сад. Можете проверить. Я терранин. Клянусь своей последней пластинкой!

Его округлое лицо излучало неподдельное веселье. Он казался не столько обиженным, сколько удивленным.

— Хотите взглянуть на мое свидетельство о рождении? Я вам его пришлю. Послушайте, дружище Сад, меня действительно знают по всему миру — без всяких дураков. Если бы я был вугом, это бы выплыло наружу. Как вы считаете? Разве не так?

Пит сделал глоток виски и заметил, что у него дрожат руки. Неужели я снова теряю контакт с реальностью, подумал он. Когда же мой мозг оправится от той пьянки и психического срыва? Да и кто я такой, чтобы судить Натса Котика?

Что привело меня сюда? Это же мой конец, размышлял Пит Сад. Мой, а не их. Персональный и окончательный.

— Я ухожу, — сказал он Биллу. — Вернусь попозже.

Пит поставил бокал на стол и, покинув зал, спустился по ступеням к своей машине. Сев за руль, он захлопнул дверь, устало откинулся на спинку кресла и попытался разобраться в ситуации. Прикурив сигарету, Пит тут же бросил ее в мусоропровод машины. Наверное, я приношу нашей группе больше вреда, чем пользы, подумал он. Судя по тому, что я слышал об этом парне, именно Натс мог бы подсказать нам ту спасительную идею, в которой мы все так нуждаемся. Фантазия у него работает что надо.

Кто-то вышел на крыльцо и позвал его по имени:

— Пит! Что ты делаешь? Возвращайся в зал!

Он повернул ключ зажигания и велел машине:

— Взлетаем!

— Да, мистер Сад.

Автолет проехал несколько метров, поднялся над тротуаром, затем, мигая огнями, пронесся над другими припаркованными машинами и полетел над крышами Кармела. Пит дал направление на Тихий океан, который начинался в четверти мили к западу.

А потом я дам команду на посадку, лениво подумал Пит, и автолет навеки скроется под водой. Интересно, послушается ли меня машина? Наверное, послушается.

— Где мы?

— Над Тихим океаном, мистер Сад.

— Что ты сделаешь, если я прикажу тебе опуститься под воду? — спросил он, желая убедиться в своей догадке.

Машина ответила не сразу.

— Я позвоню доктору Туктуку и…

Устройство Рашмора замолчало. Послышалось щелканье реле. Автолет перебирал различные комбинации решений.

— Я опущусь вниз, — внезапно сказала машина. — Если вы мне так прикажете.

Она сделала свой выбор. А что решит он? Я не должен покоряться депрессии, уговаривал себя Пит Сад. Сейчас не время для таких безответ-

ственных поступков.

Однако он поступил вопреки разуму.

Какое-то время Пит смотрел на быстро приближавшуюся воду. Страх заставил его потянуть руль на себя, и вскоре машина по широкой дуге начала возвращаться обратно на сушу. Нет, такая смерть не для меня, подумал он. Во всяком случае, не в глубинах океана. В своей квартире я найду что-нибудь более приемлемое — например, бутылку виски или фенобарбитал. Или, возможно, даже пачку эмфитала.

Пролетев над Кармелом, он направил машину на север, и вскоре внизу замигали огни Сан-Франциско. Через несколько минут автолет промчался над Заливом. Впереди показался Сан-Рафел. Пит велел эффекту Рашмора приземлиться рядом с его домом, затем закрыл глаза и начал ждать посадки.

— Мы на месте, сэр.

Машина слегка ударилась о выступ тротуара. Мотор замолк, и перед Питом услужливо открылась дверь. Он вышел, поднялся на крыльцо и рассеянно набрал код замка. Лифт доставил его на четвертый этаж. Дверь квартиры оказалась открытой. Пит настороженно заглянул в гостиную и с изумлением уставился на долговязого мужчину

средних лет, который сидел на кушетке и, вытянув ноги, читал вечерний выпуск «Кроникл».

— Не забывайте, что ведун может предугадать любое событие, которое ему предстоит пережить, — сказал мужчина, откладывая в сторону газету. — Между прочим, ваше самоубийство стало бы потрясающей новостью.

Дейв Трюкс поднялся на ноги и сунул руки в карманы. Он казался абсолютно спокойным.

— Вы выбрали неподходящее время для самоубийства, мистер Сад.

— Почему? — спросил Пит.

— Потому что, отказавшись от этой затеи, вы разработаете новую стратегию Игры, — тихо ответил Трюкс. — Вы поймете, как можно блефовать против расы телепатов. Я не в состоянии предугадать вашу идею. Только вы можете додуматься до нее. Но это лишь один из возможных вариантов будущего. Второй вариант кончается тем, что вы через десять минут совершаете самоубийство.

Он кивнул в сторону ванной комнаты, где находилась аптечка.

— Я немного подыграл той линии возможного будущего, которая пришлась мне по душе. Я прилетел сюда и выбросил все ваши таблетки. Аптечка пуста, мистер Сад.

Пит вбежал в ванную комнату и осмотрел пустой шкафчик. На полках не осталось даже аспирина.

— Почему ты позволила ему сделать это? — сердито закричал он на аптечку.

Эффект Рашмора подобострастно залепетал:

— Он сказал, что это для вашей же пользы, мистер Сад. Вам и самому известно, на что вы способны в подавленном состоянии.

Хлопнув дверцей, Пит вернулся в гостиную.

— Вы убедили меня, Трюкс, — признался он. — По крайней мере, в одном вопросе. В отношении того, что я собирался сделать…

— В принципе, вы можете прибегнуть к какому-нибудь другому способу, — спокойно ответил ведун. — Просто вас подсознательно влечет к оральным средствам. Я имею в виду яды, наркотики, снотворное, седативные лекарства и так далее. — Он улыбнулся. — Мне кажется, у вас имеется внутреннее неприятие к иным вариантам самоубийства. Например, к падению в Тихий океан.

— Что вы можете рассказать мне о новой стратегии Игры, которую я должен придумать? — спросил Пит.

— Практически ничего. Только то, что эта зада-

ча лежит полностью на вас.

— Спасибо, — язвительно ответил Пит.

— Тем не менее я могу дать вам один намек. Он либо подбодрит вас, либо нет. Это трудно предсказать, потому что вы все равно не покажете мне свою реакцию. Так вот слушайте: Патриция Маккарлик не мертва.

Открыв рот, Пит уставился на Трюкса.

— Мэри-Энн не уничтожила свою мать. Она просто отослала ее куда-то. Не спрашивайте меня куда, потому что я не знаю. Как бы там ни было, мое предвидение говорит, что в ближайшие несколько часов Патриция будет находиться в Сан-Рафеле. В своей квартире.

Пит не мог сформулировать ни одного вопроса. Он просто продолжал смотреть на ведуна.

— Вот видите? — с улыбкой сказал Трюкс. — Никакой реакции с вашей стороны. Наверное, вас одолевают противоречивые чувства. — Он покачал головой. — Патриция будет здесь очень недолго, а потом улетит на Титан. Причем улетит не с помощью психонических способностей Филипсона, а более традиционным способом — на межпланетном корабле.

— Она действительно на их стороне? В этом нет никаких сомнений?

— К сожалению, да, — ответил ведун. — Она на их стороне. Но ведь это не остановит вас, правда?

— Да, не остановит, — ответил Пит и вышел из гостиной.

— Можно, я с вами? — спросил Трюкс.

— Зачем?

— Чтобы помешать ей убить вас.

Пит задумался на мгновение.

— Неужели наша встреча может закончиться моей смертью?

— Естественно, и вам это известно. Вы сами видели, как они убили детектива Колючку.

— Хорошо, — сказал Пит. — Можете идти со мной.

Помолчав немного, он смущенно добавил:

— Спасибо, Трюкс.

Они вышли из дома. Пит шагал впереди. Уже на улице он спросил у ведуна:

— Вы знаете, что Натс Котик, этот диск-жокей, появился в нашей штаб-квартире?

— Да, я встретился с ним час назад, и у нас состоялась серьезная беседа. Честно говоря, это он разыскал меня и настоял на разговоре. До того момента я видел его лишь на экране телевизора. — Он печально вздохнул и добавил: — Это он

заставил меня перейти на другую сторону.

— Перейти на другую сторону?

Пит остановился и повернулся к Трюксу, который шел на шаг позади. К своему величайшему изумлению, он увидел перед собой «тепловую иглу».

— Да, на сторону титанийцев, — спокойно ответил ведун. — На меня оказали давление, Пит. Я не мог сопротивляться Натсу. Он очень сильное существо. Недаром же его избрали лидером Ва Пей Нан на Терре. Но давайте продолжим наш путь к дому Патриции Маккарлик.

* * *

— Почему вы не дали мне покончить жизнь самоубийством? — спросил через секунду Пит Сад. — Почему вообще вмешались?

— Потому что вам тоже придется перейти на нашу сторону. Да, Пит, они нашли для вас хорошее применение. Ва Пей Нан не одобряет существующий порядок. Им не нравится, что все вопросы политики и экономики решаются с помощью Игры. Подчинив вас себе и проникнув в группу «Милой Голубой Лисы», они попытаются прекратить Игру с этой стороны стола. — Помолчав немного, Трюкс добавил: — Вопреки уговорам Ва

Пей Нан, умеренная фракция на Титане решила продолжать Игру. Им нравится блефовать, и они думают, что спор между двумя мирами может быть решен на вполне законной основе. Само собой разумеется, экстремисты не согласны с этим.

Они шли по темному тротуару к дому Маккарликов. Дейв Трюкс отставал от Сада на пару шагов.

— Я должен был догадаться, увидев Котика в Кармеле, — сказал Пит. — У меня возникло интуитивное предчувствие, но я не доверился ему.

Итак, они решили проникнуть в группу через него. Пит начал жалеть о том, что ему не хватило смелости утопить свою машину в море. Он правильно тогда подумал. Это было бы лучшим выходом для всех и всего, во что он верил.

— Когда начнется Игра, — сказал Трюкс, — я буду там с вами, и вы, Пит, откажетесь садиться за стол. К тому времени Натсу, очевидно, удастся уговорить остальных. Я не могу предсказать, что из этого получится — альтернативные варианты будущего очень неясны, и мне непонятно, по каким причинам.

Они подошли к дому Маккарликов. Приоткрыв дверь гостиной, Пит увидел Патрицию, которая лихорадочно собирала чемоданы. Она даже не

остановилась, чтобы поздороваться с ними.

— Я уловила ваши мысли, когда вы шли по коридору, — сказала Пэт, вытаскивая из шкафа охапку пестрых платьев.

Ее лицо выглядело бледным и напуганным. Наверное, она пала духом после рокового конфликта с Мэри-Энн, подумал Пит. В той отчаянной поспешности, с какой она паковала вещи, чувствовалось неумолимое приближение чего-то фатального. Решающего момента, который нельзя было пропустить.

— Куда вы собираетесь? — спросил Пит. — На Титан?

— Да, — ответила Патриция. — Подальше от этой девчонки. Там она меня не достанет. На Титане я буду в безопасности.

Ее руки дрожали. Пит заметил это, когда она безуспешно пыталась закрыть крышку одного из чемоданов.

— Помоги мне, — велела Патриция, обращаясь к Трюксу.

Тот покорно закрыл ее чемодан.

— Прежде чем вы покинете нас, — сказал Пит, — позвольте мне задать один вопрос. Как телепаты Титана играют в Игру?

— А разве вам теперь не все равно? — спросила

Патриция, мрачно взглянув на него исподлобья. — После того как Натс Котик и доктор Филипсон разделались с вами?

— Нет, не все равно, — ответил Пит. — Жители Титана ведут Игру в течение многих веков. Очевидно, они нашли какой-то способ приспосабливать свои телепатические способности к правилам…

— Они блокируют их, Пит, — сказала Патриция.

— Понятно.

Однако он не понимал. Как блокируют? И до какой степени?

— С помощью особых таблеток, — ответила Патриция. — Эти препараты воздействуют на нас так, как на терран лекарства с фенотиазином.

— Фенотиазин в довольно больших дозах прописывают шизофреникам, — пояснил Дейв Трюкс. — В таком количестве он становится антипсихотическим лекарством.

— И уменьшает шизофренические галлюцинации, блокируя на какое-то время непроизвольно возникшую телепатию, — добавила Патриция. — Фенотиазин ослабляет параноидальный отклик на подсознательную враждебность других людей, которую шизофреники воспринимают

телепатически. Обитатели Титана разработали медикаменты, воздействующие на них почти таким же образом. Правила требуют, чтобы во время Игры каждый участник отказался от своих психонических способностей или, по крайней мере, ослабил их до определенного уровня.

Трюкс взглянул на часы.

— Доктор Филипсон должен появиться здесь с минуты на минуту. Послушай, Патриция, тебе лучше дождаться его.

— Почему? — спросила она, собирая по всей квартире различные предметы. — Я не желаю оставаться здесь. Я хочу улететь отсюда, прежде чем случится что-нибудь еще. Тем более связанное с ней.

— Для того чтобы оказать на Сада необходимое воздействие, мы должны собраться здесь втроем, — ответил Трюкс.

— Тогда свяжись с Натсом Котиком и позови его сюда, — сказала Патриция. — А я не желаю задерживаться здесь ни одной лишней минуты!

— Но Котик сейчас в Кармеле, — терпеливо возразил ей Трюкс. — И когда мы полетим туда, Сад уже должен быть под нашим контролем.

— Ничем не могу помочь, — сказала Патриция, не обращая внимания на его уговоры.

Похоже, она не собиралась откладывать свое стремительное бегство.

— Слушай, Дейв, отстань. Меня сейчас заботит только одно — я не хочу испытать еще раз то, что случилось в Неваде. Ты был там и знаешь, о чем я говорю. Но учти: Мери-Энн не станет щадить тебя, потому что ты теперь с нами. Я советую тебе убраться отсюда подальше. Пусть этим занимается Э. Р. Филипсон, раз уж у него есть к ней иммунитет. Впрочем, это твоя жизнь, и тебе решать, как ею распоряжаться.

Она продолжала укладывать вещи, а Трюкс, мрачно помахивая «тепловой иглой», сидел и ждал появления доктора Филипсона.

Они блокируют это, подумал Пит. Патриция сказала, что они блокируют пси-способности всех игроков по обе стороны стола. Нам надо заключить с ними договор: мы будем использовать фенотиазин, а они — то, к чему привыкли. Выходит, они плутовали, когда читали мысли Джо Шиллинга. И они обязательно обманут нас опять. Мы не можем доверять их блокировке. Очевидно, титанийцы считают, что их моральный долг заканчивается в тот момент, когда они встречаются с нами.

— Это верно, — сказала Патриция, уловив его

мысли. — Они не будут блокировать свои способности, играя с вами. И вы не заставите их принимать медикаменты, потому что в вашем своде правил нет такого условия. Вам не удастся предъявить им законодательной основы для подобного требования.

— Мы можем доказать, что никогда не допускали к Игре людей с психоническими способностями, — ответил Пит.

— Но ведь это теперь не так. Ваша группа проголосовала за участие в Игре двух психоников — моей дочери и Дейва Трюкса, верно? — Она безжалостно усмехнулась. В ее темных глазах больше не было ни веселья, ни блеска. — Вот такие дела, Пит Сад. Хуже некуда, правда? Но вы пытались что-то предпринять. Пусть же это будет вам последним утешением.

Блеф и телепаты, подумал Пит. Блокировка с помощью медикаментов, которые воздействуют на таламус и подавляют экстрасенсорные участки мозга. Степень воздействия может различаться в зависимости от принятой дозы. К примеру, десять миллиграмм фенотиазина лишь ослабят психонические способности, а шестьдесят — подавят их полностью.

И тут его осенило. Предположим, мы не будем

смотреть на вытянутые карты, подумал он. Если нам неизвестно их достоинство, то как об этом узнают телепаты с Титана? Им просто нечего будет читать в наших умах…

Патриция повернулась к Трюксу и сказала:

— Дейв, ему почти удалось найти решение. Он только забывает о том, что больше не будет играть на стороне терран. Когда Пит сядет за игровой стол, он будет принадлежать нам целиком и полностью.

Она принесла из спальни сумку и начала заполнять ее всякой мелочью.

Если бы Трюкс был с нами, подумал Пит, мы могли бы выиграть. Я знаю, как это можно сделать. Надо только заручиться поддержкой ведуна.

— Допустим, знаете, — сказала Патриция. — Но как бы он мог вам помочь?

— Мы подавили бы его предсказательные способности до неопределяемого уровня. И тогда они стали бы непредсказуемыми.

Фенотиазин можно расфасовать в такие капсулы, которые будут растворяться с различной скоростью, подумал он. В этом случае Трюкс сам не будет знать, блефует он или нет — а если нет, то насколько точны его догадки. Он вытягивал бы карту и, не глядя на нее, передвигал бы свою

фишку. Если бы в этот миг дар предсказания действовал на максимальную мощность, его догадка была бы верна. То есть ход Трюкса не был бы блефом. Но если в тот момент препарат будет оказывать на него воздействие и преобладать над предвидением… Его ход станет блефом! И сам Трюкс не будет знать об этом. А устроить такое легко: кто-то посторонний приготовит несколько капсул фенотиазина и установит различную скорость их растворения.

— Однако вы забываете, что Дейв на нашей стороне, — напомнила ему Патриция.

— И все же я прав. Мы можем выиграть у телепатов Титана.

— Да, наверное, — с усмешкой ответила Патриция.

— Значит, он все-таки придумал новую стратегию Игры? — спросил ее Трюкс.

— Да, — сказала она. — Мне жаль вас, Пит. Вы действительно сделали это. Хотя и слишком поздно. А как бы позабавились ваши люди, верно? Они отмеряли бы каждую крупицу фенотиазина, использовали бы формулы и графики распада капсульной оболочки, фиксировали бы скорость растворения и высвобождения вещества. При желании ее тоже можно варьировать, внося в

блеф новый элемент, либо оставлять постоянной на какое-то время…

— Неужели вам не стыдно, что вы предаете нас? — спросил Пит у Трюкса. — Вы же терранин, а не вуг.

— Психический динамизм реален, Пит, — спокойно ответил ведун. — Так же реален, как любая другая сила. Я предвидел мою встречу с Натсом Котиком. Я предвидел ее результат, но не мог ничего поделать. Не забывайте о том, что это он искал меня, а не я его.

— Почему вы не предупредили нас? Ведь в тот момент вы были еще на нашей стороне.

— Вам захотелось бы тогда убить меня, — ответил Трюкс. — Я предвидел такой вариант возможного будущего. В нескольких альтернативных линиях вы, узнав о планах экстремистов, начинали погоню за мной и… — Он уныло пожал плечами. — Я никого не виню. У вас просто не было бы другого выхода. Мой переход на сторону Титана определяет результат Игры, и об этом свидетельствует даже то, как легко мы взяли вас в плен.

— Он жалеет, что ты не оставил в его аптечке эмфитала, — сказала Патриция. — Пит с радостью бы принял его сейчас. Бедняжка, он всегда

готов к самоубийству. Не так ли, мистер Сад? Как только вам становится невмоготу, вы тут же думаете об окончательном уходе. Прямо панацея от всех бед.

Трюкс явно беспокоился.

— Почему доктор Филипсон опаздывает? Ему давно уже полагалось быть здесь. Ты уверена, что обе фракции договорились? А что, если умеренные отказались от его услуг? Ведь на словах они держат нейтралитет…

— Доктор Филипсон никогда не считался трусом в нашей среде, — сказала Патриция. — Ты и сам знаком с его позицией. — Ее голос стал резким и визгливым. В нем чувствовался страх.

— Но он не прилетел! — раздраженно ответил ведун. — *Что-то пошло не так!*

Они молча посмотрели друг на друга.

— Что ты предвидишь? — спросила Патриция.

— Ничего.

Дейв побледнел.

— Как это ничего?

— Если я предвижу, то предвижу, — со злостью ответил Трюкс. — Что тут тебе не понятно? Я ничего не могу уловить! И это меня начинает тревожить!

Он вскочил на ноги, подбежал к окну и выгля-

нул на улицу. На какой-то миг Дейв забыл о Пите. Опустив «тепловую иглу», он всматривался в ночной полумрак, который скрывал подъездную аллею. Выждав удобный момент, Пит бросился на ведуна.

— Дейв! — закричала Патриция, роняя из рук стопку книг.

Трюкс повернулся, и луч из ствола «иглы» с шипением прошел мимо Сада. Пит ощутил на щеке периферийный эффект — дегидратную оболочку вокруг лазерного луча, который был смертельно опасным как на близком, так и на дальнем расстоянии.

Пит ударил ведуна локтем в незащищенное горло. «Тепловая игла» упала на пол. Патриция, всхлипнув, бросилась за ней.

— Почему? — схватив оружие, запричитала она. — Почему ты не предсказал его нападения?

Перекошенное лицо Трюкса потемнело. Хватаясь руками за горло и хрипло втягивая воздух, он закатил глаза и грузно осел на пол. Теперь у него осталось только одно желание — не задохнуться до смерти.

— Я убью вас, Пит! — закричала Патриция.

Отступая к стене, она дрожащей рукой нацелила на него «тепловую иглу». На ее верхней губе

появились капельки пота. Рот криво изогнулся, в глазах замерцали слезы.

— Я читаю ваши мысли, Пит, — хрипло сказала она. — Я знаю, что вы сделаете, если останетесь в живых. Вам хочется перетащить Дейва Трюкса обратно на свою сторону стола. Вы хотите выиграть! Но это вам не удастся! Он наш!

Отпрыгнув в сторону, Пит ушел из-под прицела, нагнулся и поднял с пола какой-то предмет. Это оказалась книга. Он бросил ее в Патрицию. Книга раскрылась в воздухе и, изменив траекторию, безобидно упала к ногам миссис Маккарлик. Тяжело дыша, Патриция прижалась спиной к стене.

— Дейв скоро придет в себя, — прошептала она. — Я нисколько бы не огорчилась, если бы вы убили ведуна. Тогда отпала бы угроза того, что вам удастся переманить его на свою сторону, и мы... — Она замолчала. Затаив дыхание, Патриция быстро повернула голову и прислушалась. — Кто-то у порога, — сказала она.

Ручка двери повернулась. Патриция приподняла «тепловую иглу». Ее рука медленно согнулась в локте и развернулась в запястье. Дуло дюйм за дюймом приближалось к виску. Она искоса посматривала на ствол, не в силах отвести глаз от его блестящей поверхности.

— Прошу тебя, не надо! — захныкала она. — Ты же моя дочь! Я дала тебе рождение. Прошу…

Ее палец против воли нажал на спусковой крючок. Лазерный луч прожег череп насквозь.

Пит отвернулся и закрыл глаза. Когда он снова их открыл, дверь гостиной была распахнута настежь. На пороге, окруженная контуром темноты, стояла Мэри-Энн. Сунув руки в карманы длинного плаща, она медленно вошла в комнату и осмотрелась. На ее лице застыло выражение холодного безразличия.

— Дейв Трюкс еще жив?

— Да, — ответил Пит.

Он старался не смотреть на обуглившуюся голову некогда красивой Патриции Маккарлик. Пит отвел взгляд в сторону и сказал:

— Он нам нужен, Мэри. Поэтому оставьте ведуна в покое.

От пережитого напряжения его сердце почти не билось.

— Да, знаю.

— Как вы догадались, что я здесь?

— Когда мы с Джо Шиллингом прилетели в Кармел и увидели Натса, я все поняла, — ответила Мэри-Энн. — Я знала, что Натс Котик был лидером организации. Он превосходил по рангу

даже Ротмана.

— И что вы сделали? — поинтересовался Пит.

В комнату вбежал Джо Шиллинг. Задыхаясь от напряжения, он подошел к Мэри-Энн и положил на ее плечо большую ладонь. Она оттолкнула его руку, гордо отошла к окну и молча повернулись к ним лицом.

— Когда она вошла, Натс Котик готовил себе напиток, — сказал Джо Шиллинг. — Мэри-Энн… — Он смущенно замолчал.

— Я переместила его бокал, — невыразительным тоном пояснила девушка. — На каких-то там пять дюймов. А он держал его… на уровне груди.

— Бокал вошел в грудную клетку и перерезал сердце, — добавил Шиллинг. — Он отсек аорту и повредил кровеносную систему. Представляешь, сколько там было крови!

Джо замолчал. Мэри-Энн отвернулась к окну.

Лежавший на полу ведун продолжал издавать сипящие и булькающие звуки. Его лицо посинело от недостатка воздуха, но кризис уже прошел. Через несколько минут он перестал хвататься руками за горло и открыл глаза. Однако, судя по его зрачкам, Дейв ничего не видел.

— Что будем делать с этим предателем? — спросил Джо Шиллинг.

— После гибели Патриции и Натса Котика, а также при отсутствии Филипсона…

Пит вдруг понял, почему доктор Филипсон не прилетел в дом Маккарликов.

— Доктор знал, что вы появитесь здесь, — сказал он, обращаясь к Мэри-Энн. — Не рискнув покидать Титан, Филипсон спас себя за счет своих бывших коллег по организации.

— Похоже на то, — прошептала девушка.

— И я его не виню за это, — добавил Шиллинг.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Пит, склонившись над Трюксом. — С вами все нормально?

Дейв безгласно кивнул.

— Вы должны сесть за игровой стол, — сказал ему Пит. — На нашей стороне. Вам известна причина моей просьбы, так как я уже информировал вас о том, что намерен сделать.

Посмотрев на него, Трюкс еще раз кивнул.

— Хотите, я попрошу его об этом? — спросила Мэри-Энн, подходя поближе. — Он так боится меня, что с радостью присоединится к нам. Не так ли, Трюкс?

Она ткнула его кончиком туфли. Ведун торопливо закивал в ответ.

— Радуйтесь, что остались живы, — подбодрил его Шиллинг.

— А он и радуется, — сказала Мэри-Энн.

Она повернулась к Питу Саду.

— Не могли бы вы позаботиться о теле моей матери? Я вас очень прошу.

— Конечно, — ответил Пит. — Почему бы вам не спуститься вниз и не подождать нас в машине? Мы позвоним Э. Б. Черному. Какое-то время вы нам не понадобитесь.

— Спасибо, — сказала Мэри-Энн.

Повернувшись, она медленно вышла из дома. Пит и Джо смотрели ей вслед.

— Благодаря этой девушке мы можем выиграть у вугов, — заметил Джо.

Пит кивнул. Благодаря Мэри-Энн и тому факту, что Трюкс остался жив. Он больше не подчинялся воздействию Натса и мог действовать против телепатов с Титана.

— Нам повезло, — сказал Джо. — Кто-то оставил дверь штаб-квартиры открытой. Мэри увидела Котика до того, как он заметил ее. Она стояла в полумраке, и поэтому Натс запоздал с ответной реакцией. Я думаю, он слишком полагался на предвидение Трюкса, забыв о том, что Мэри абсолютно непредсказуема. Одним словом, ведун сослужил ему дурную службу, и Натс Котик остался без защиты.

Мы сейчас в таком же положении, подумал Пит. Самонадеянные и незащищенные.

Однако его сейчас тревожила не Мэри, а предстоящая Игра с телепатами Титана. Он и сам, без помощи Трюкса, мог предсказать, что эта встреча состоится очень скоро. Все остальное могло подождать.

— Я доверяю Мэри-Энн, — сказал Джо. — Она не подведет. И меня не беспокоит ее непредсказуемость.

— Будем надеяться, что ты прав, — ответил Пит, склонившись над телом Патриции.

Она была матерью Мэри-Энн, подумал он. И малышка сделал с ней это без всякой жалости. Но Джо прав. Мы все зависим от нее. У нас просто нет другого выбора.

Глава 16

— Вот что вы должны понять и усвоить, — сказал Пит, обращаясь к Трюксу. — Когда мы сядем за игровой стол, рядом с вами будет находиться Мэри-Энн. Если мы проиграем, она вас убьет.

— Я знаю, — вяло ответил Дейв. — Как только Патриция погибла, мне стало ясно, что моя жизнь висит на волоске и полностью зависит от нашего выигрыша.

Он сидел, массируя горло и время от времени глотая горячий чай.

— Как, впрочем, и ваши жизни — пусть даже косвенным образом.

— Вы правы, — согласился Шиллинг.

— Насколько я их знаю, Игра может начаться в любое время, — сказала Мэри-Энн. — Они начнут прилетать на Терру в ближайшие полчаса.

Она сидела на кухне, наблюдая через открытую дверь за аморфной фигурой Э. Б. Черного, который осматривал гостиную их дома. Тот о чем-то совещался с коллегами-людьми из полицейского управления Западного побережья. Их собралось уже не меньше шести человек. И похоже, они ждали еще кого-то.

— Нам надо лететь в Кармел, — сказал Пит.

Он созвонился по видеофону со своим психиатром из Солт-Лейк-Сити, доктором Туктуком. Они договорились, что Туктук заедет в одну из аптек Сан-Франциско, закажет в фармацевтическом отделе особые капсулы фенотиазина и привезет медикаменты в штаб-квартиру Кармела. Доктор должен был передать их непосредственно в руки Билла Нытика, который снова выступал в роли группового лидера.

— Через сколько времени фенотиазин начинает действовать? — спросил Шиллинг у Пита.

— Сразу же после приема, — ответил тот. — При условии, что Трюкс не принимал его до настоящего времени. Если учесть, что препарат ослабляет психонические способности, это почти невероятно.

Когда Э. Б. Черный закончил их телепатический допрос, они вчетвером сели в старый ворчливый автолет Шиллинга и отправились из Сан-Рафела в Кармел. Следом за ними летела пустая машина Пита. Никто ничего не говорил. Мэри-Энн рассеянно смотрела в окно. Дейв мрачно сутулился и временами прикасался к болевшему горлу. Джо и Пит сидели рядом на переднем сиденье.

Возможно, это последний наш полет, подумал

Пит.

Они добрались до Кармела довольно быстро. Пит припарковал машину, заглушил мотор и отключил брюзжащее устройство Рашмора. Все четверо вышли из машины. На тротуаре перед домом, в ночной темноте, их ожидала группа людей. Взглянув на этих троих мужчин и женщину, Пит насторожился. Подбежав к своей машине, он вытащив из перчаточного отделения фонарик и осветил молчаливую группу.

После длительной паузы Джо Шиллинг прошептал:

— Вот это да!

— А что вы хотели? — отозвался Трюкс. — Все как и положено в настоящей Игре. Надеюсь, вы не откажитесь теперь от своих намерений.

— Черт возьми! — ответил Пит. — Конечно, не откажемся.

Четверо ожидавших их людей были титанийцами, принявшими человеческий облик. Их облик! Вуг Питер Сад, вуг Джо Шиллинг, вуг Дейв Трюкс и чуть сзади вуг Мэри-Энн Маккарлик. Последняя копия не удалась так хорошо, как остальные. Мэри-Энн была им не по зубам. Даже в этом отношении.

— А если бы мы не прилетели сюда? — спросил

Пит, обращаясь к двойникам.

Его копия, вуг Питер Сад, ответил точно тем же тоном:

— Если бы вы не прилетели, мистер терранин, вашего отсутствия никто бы не заметил. Мы заменили бы вас за игровым столом. Что может быть проще.

— Прямо каннибализм какой-то, — раздраженно проворчал Джо.

— Нет, — возразил ему вуг Шиллинг. — Каннибализм предполагает тот факт, что некая особь поедает другую особь того же вида. Мы с вами относимся к разным расам.

Вуг Шиллинг воспроизвел на лице улыбку, которая была знакома Питу многие годы. Черт, подумал он. Какая точная имитация. Интересно, а другие члены «Милой Голубой Лисы» тоже имеют своих двойников?

— Да, — ответил вуг Питер Сад, прочитав его мысли. — Но, может быть, поднимемся наверх? Пора приступать к Игре. У вас нет никаких причин для дальнейших задержек.

Он направился к крыльцу, показывая своим видом, что знает дорогу.

Питу стало не по себе от той легкости, с которой вуг поднимался по ступеням. Двойник взбежал

по лестнице с такой уверенностью, словно делал это тысячи раз. Вот же гад, подумал Пит. Он чувствует себя здесь как дома — здесь, на Терре, среди нашей повседневной жизни. Содрогаясь от возмущения, Пит наблюдал за тем, как трое других двойников с тем же проворством шагали по ступеням за первым. Он вздохнул и тоже начал подниматься наверх. Его спутники неохотно двинулись следом.

Открыв дверь, лже-Пит вошел в зал, где на протяжении многих лет собиралась группа «Милой Голубой Лисы».

— Привет! — произнес он, обращаясь к собравшимся.

Стюарт Маркс — или его двойник — с перекошенным от ужаса лицом встретил их на пороге и, заикаясь, спросил:

— Я п-полагаю, что теперь вс-се в сборе?

Он выглянул на лестничную клетку.

— З-здравствуйте.

— Привет, — лаконично ответил Пит.

Чуть позже они заняли места за столом: вуги-двойники с одной стороны, а члены «Милой Голубой Лисы» — с другой. К последним примкнули Дейв Трюкс и Мэри-Энн Маккарлик.

— Сигару? — спросил Джо у Пита.

— Нет, благодарю.

Двойник Шиллинга, сидевший напротив, повернулся к вугу Питу Саду и спросил:

— Сигару?

— Нет, благодарю, — ответила копия Питера Сада.

Пит придвинулся к Биллу Нытику и спросил:

— Тебе прислали пакет из Сан-Франциско? Я жду особые капсулы. Мы не можем начинать Игру, пока их не получим. Надеюсь, никто не собирается оспаривать это?

— А-а, вы все цепляетесь за ту забавную идею о медикаментах и хотите блокировать предсказания вашего ведуна, — сказал вуг Пит. — Вы абсолютно правы, мистер Сад. Это уравняет наши шансы на выигрыш.

Телепат с Титана осмотрел членов группы «Милой Голубой Лисы» и презрительно усмехнулся.

— Мы готовы подождать, пока не прибудут ваши лекарства. Все остальные задержки будут нечестными.

— Я знал, что вы подождете, — ответил ему настоящий Пит Сад. — Мы ясно дали вам понять, что начнем Игру только после того, как получим капсулы фенотиазина. Поэтому не надо делать вид, что вы оказали нам большую услугу.

Его голос слегка дрожал.

— Извини, — склонившись к нему, сказал Билл Нытик. — Они уже здесь, на кухне.

Поднявшись с кресла, Пит прошел с Дейвом Трюксом на кухню штаб-квартиры. В центре обеденного стола, среди подносов со льдом, лимонов, миксеров, бокалов и графинов, он увидел пакет, завернутый в коричневую бумагу и перетянутый липкой лентой.

— Вы только подумайте, — задумчиво произнес Трюкс, пока Пит вскрывал пакет. — Если это нам не поможет, у меня будет такой же непривлекательный вид, как у Патриции и остальных членов тайной организации. Я имею в виду те трупы в Неваде.

Несмотря на свои слова, он казался относительно спокойным.

— От этих умеренных вугов не исходит того зловещего пренебрежения к порядку и законам, которое я ощущал в Ва Пей Нан — в компании доктора Филипсона и ему подобных.

Он взглянул на Пита, когда тот вытащил из флакона небольшую капсулу фенотиазина.

— Если вам известна фазировка времени этих гранул, — сказал ведун, — то ее узнают и вуги…

— Мне она неизвестна, — ответил Пит, на-

полняя бокал водой. — Палата потребителей нашего парламента, одобрившая эти капсулы, утверждает, что ранг их действия варьируется от мгновенного пика интенсивности до частичного воздействия или даже общего бездействия. Кроме того, при создании капсул учитывалось наше пожелание о том, чтобы каждая из них отличалась от другой. Как видите, я выбрал капсулу наугад, и по виду она идентична всем остальным.

Он протянул Трюксу капсулу и бокал воды. Тот мрачно проглотил медикамент.

— Между прочим, несколько лет назад я в качестве эксперимента принимал производные фенотиазина, — признался Трюкс. — Они оказывали огромный эффект на мою способность предвидения.

Он добродушно улыбнулся Питу.

— Помните, когда мы шли к Патриции Маккарлик, я сказал вам, что ваша идея станет единственным адекватным решением для наших проблем. Примите мои поздравления.

— Вы говорите это как искренний друг или как враг, которого принудили к сотрудничеству силой? — спросил его Пит.

— Не знаю, — ответил ведун. — У меня сейчас переходный период. Время расставит все по сво-

им местам.

После этого он без лишних слов вернулся в гостиную — к большому игровому столу и двум командам игроков.

Двойник Билла Нытика встал и произнес:

— Я предлагаю вращать волчок по очереди. Сначала мы, потом вы.

Вуг несколько раз нажал на шляпку волчка и запустил его в движение с силой опытного игрока. Стрелка указала на девятку.

— Хорошо, — сказал Билл, поднимясь на ноги.

Взглянув на своего двойника, он тоже крутнул волчок. Стрелка медленно пересекла двенадцатиочковый сектор и поползла к единице. Пит повернулся к Мэри-Энн:

— Если они попытаются оказать психокинетическое воздействие, дайте им хороший отпор.

— Будет сделано, — ответила девушка, не спуская глаз с едва ползущей стрелки.

Та остановилась на единице.

— Все честно, — чуть слышно сказала Мэри-Энн.

— Итак, первый ход за Титаном, — объявил Пит Сад.

Несмотря на упадок духа, он говорил спокойно и обстоятельно.

— Вот и хорошо, — с усмешкой ответил его двойник. — Тогда мы перенесем нашу встречу с Терры на Титан. — Вуг засмеялся и добавил: — Мы верим, что вы, терране, не станете возражать.

— Что за дела? — возмутился Джо Шиллинг. — Подождите!

Но телепортация уже началась, и было поздно что-либо менять. Комната задрожала и затуманилась. Двойники, сидевшие напротив, подернулись дымкой и приобрели расплывчатую форму. Словно их физические тела перестали функционировать, подумал Пит. Словно их бесформенные матрицы и экзоскелеты перешли в состояние распада.

Его двойник отвратительно перекосился. Голова существа откинулась назад, глаза остеклянели и стали бесцветными, будто их закрыли отслоившиеся куски органической ткани. Фигура дернулась, и на ее боку появилась дыра. Тот же процесс происходил и с другими псевдолюдьми.

Двойник Пита Сада задрожал еще сильнее. Дыра превратилась в прорезь, рассекавшую тело от головы до пят. Внутри что-то треснуло, и наружу начал выползать протоплазменный организм. Это был вуг в своем естественном обличье, которому уже не требовалась искусственная

оболочка. Его слизь мерцала в серо-желтом свете маленького тусклого солнца.

Из каждой опадавшей оболочки появлялся вуг. Шелуха отброшенных человеческих тел отлетала прочь, сдуваемая неосязаемым ветром. Ее бесцветные невесомые куски порхали хлопьями по воздуху, шуршали по столу, и Пит Сад, бледнея от отвращения, торопливо отмахивался от них обеими руками.

Игроки с Титана предстали в своих настоящих телах. Игра начиналась всерьез. В симуляции терранской внешности уже не было необходимости, так как команды больше не находились на Земле. Они перенеслись на Титан.

Стараясь выглядеть спокойным и уверенным, Пит Сад объявил:

— Все решения от имени нашей группы будет принимать Дейв Трюкс. За нами же остается право поочередно вытягивать карты и совершать другие действия Игры.

Ему показалось, что вуги, расположившиеся напротив них, обменялись ироническими мыслями и телепатическим смехом. Отчего такая перемена, подумал он. Словно, сбросив человеческие оболочки, они стали относиться к нам с большей злобой и неприкрытым презрением.

— Джо, — сказал он Шиллингу, — если Билл не против, я хотел бы попросить тебя перемещать наши фишки.

— Нет проблем, — ответил Джо.

Над игровым столом заструились холодные и сырые щупальца серого тумана. Фигуры вугов напротив них стали тусклыми и почти неразличимыми в сгустившемся мраке. Игроки с Титана отстранялись от терран даже на физическом плане. Очевидно, они желали свести контакты с ними до минимального уровня. И враждебность тут была ни при чем. Они делали это непроизвольно, по устоявшейся привычке.

Мы были обречены на эту схватку с самого начала, подумал Пит. Встреча наших миров имела предрешенный результат. От подобных мыслей он почувствовал себя пустым и беспощадным. И ему вдруг страстно захотелось победить в Игре.

— Тяните карту, — телепатировали вуги.

Их разноголосые мысли слились в единое целое, словно против терран играл только один обитатель Титана. Отныне им противостоял один огромный инертный организм, медлительный и древний, но бесконечно решительный и мудрый. Пит Сад ненавидел его. Ненавидел и боялся.

— Они начинают воздействовать на колоду

карт! — сказала Мэри-Энн.

— Все нормально, — ответил Пит. — Сохраняйте спокойствие и будьте предельно внимательной.

Он почувствовал себя усталым и сломленным. Неужели мы проиграем, подумал Пит. Похоже, что да. Ему казалось, что эта встреча длится бесконечно долго, хотя Игра на самом деле только начиналась.

Билл вытянул карту.

— Не смотри на нее, — предупредил его Пит.

— Я помню, — раздраженно ответил Нытик.

Он, не глядя, передал карту Дейву Трюксу. Сидя в мерцающей полутьме, тот молча склонился над закрытой картой. От концентрации внимания его лицо покрылось морщинами.

— Семь квадратов, — внезапно произнес ведун.

Джо Шиллинг по сигналу Билла передвинул их фишку на семь клеток вперед. Квадрат, на котором она остановилась, гласил: *Стоимость на топливо повысилась. Переведите на счет коммунальной компании пятьдесят долларов.* Подняв голову, Шиллинг посмотрел на вугов, которые сидели по другую сторону стола.

Вызова не последовало. Титанийцы решили оставить этот ход без внимания. Они не стали оспаривать его, как блеф. Дейв Трюкс повернулся

к Питу и прошептал:

— Мы проиграли. То есть проиграем эту Игру. Я предвижу наше поражение во всех вариантах возможного будущего.

Пит взглянул на него и покачал головой.

— Не пугайте нас понапрасну, — сказал Джо Шиллинг. — Неужели вы забыли, что ваши предсказательные способности ослаблены до минимума? Новый опыт сбил вас с толку. Вы просто не привыкли к такому состоянию. Верно?

— Но я не чувствую, что они ослаблены, — запинаясь, ответил Трюкс.

* * *

Уловив их мысли, вожак вугов телепатировал вопрос:

— Вы хотите выйти из Игры?

— Пока еще нет, — ответил Пит, и побледневший от ужаса Билл машинально кивнул в знак согласия.

Что это, подумал Пит. Что происходит? *Неужели Дейв Трюкс опять перешел на сторону вугов?* А как же угроза Мэри-Энн?

— Я говорю вслух, потому что они... — начал оправдываться Трюкс. — Он указал на вугов по другую сторону стола. — Они могут читать мои

мысли.

Все верно, подумал Пит. Но как нам выпутаться из этой ситуации? Его ум продолжал лихорадочно работать. Он попытался справиться с накатившей на него паникой и игнорировать предчувствие беды.

Джо Шиллинг прикурил сигару, откинулся на спинку кресла и сказал:

— Я думаю, нам лучше продолжить Игру.

Он выглядел невозмутимым, хотя, конечно, его тревожило неудачное начало. Но Шиллинг был настоящим игроком. Он никогда не сдавался и никогда не показывал своих эмоций. Джо шел до самого конца, и Пит знал, что остальные будут следовать его примеру. Им просто некуда деваться. Их загнали в угол, вот и все.

— Если мы выиграем, — сказал Пит, обращаясь к вожаку соперников, — власть над Титаном перейдет в наши руки. Вам есть что терять. Вы поставили на кон столько же, сколько и мы.

Вуг вздрогнул, напрягся и телепатировал колючий ответ:

— Играйте. Там посмотрим.

— Ваша очередь тянуть карту, — напомнил ему Джо.

— Это верно. Теперь наша очередь.

Вуг снял с колоды верхнюю карту и, немного подумав, начал двигать фишку вперед: на одну, две, три… целых девять клеток. Надпись квадрата гласила: *Ваши космические разведчики обнаружили планетоид с ценными археологическими находками. Выигрыш 70 000 долларов.*

А что, если это блеф? Пит повернулся к Шиллингу. Билл Нытик пригнулся к ним, советуя не оспаривать ход. Остальные члены группы собрались вокруг них и принялись шепотом выражать свои мнения.

— Я хочу сделать вызов, — сказал им Джо Шиллинг.

Игроки «Милой Голубой Лисы» проголосовали. Большинство склонялось к тому, чтобы назвать ход вугов блефом. Так они и порешили.

— Блеф, — громко заявил Джо Шиллинг.

Вуг перевернул свою карту. Это действительно была девятка.

— Все честно, — мрачно сказала Мэри-Энн. — Прошу прощения, но это так. Я не заметила никакого психонического воздействия.

— Прошу, приготовьте оплату, — телепатировал титаниец.

Вуг снова засмеялся, или, возможно, это только показалось Питу. Он уже ни в чем не был уве-

рен. В любом случае такой быстрый и огромный проигрыш потряс группу «Милой Голубой Лисы». Вуги взяли из банка 70 000 долларов за занятый квадрат плюс такую же сумму из фонда группы за неправильный вызов блефа. Итого 140 000 долларов. Пит ошеломленно пригнул голову, стараясь скрыть панику, которая охватила его. Он должен был казаться спокойным — не ради себя, а ради других членов группы.

— Я еще раз спрашиваю, — телепатировал вуг, — вы признаете поражение?

— Нет, — ответил Джо Шиллинг.

Джек Бирюза дрожащими руками отсчитал необходимую сумму из фонда группы и передал ее кассиру вугов.

— Прямо бедствие какое-то, — тихо сказал Билл Нытик.

— Неужели вам никогда не доводилось так крупно проигрывать? — нахмурившись, спросил его Шиллинг.

— А вам? — парировал Билл.

— Доводилось.

— И не раз, — ехидно заметил Нытик. — В конце концов вас вышибли из Игры, и вы, как игрок, закончили полным провалом. Точно так же вы теперь проигрываете наши деньги — здесь, за

этим столом.

Джо ничего не ответил, но его лицо побледнело.

— Продолжим Игру, — сказал Пит.

— Это была твоя идея принять в нашу группу такого неудачника, как Шиллинг, — со злостью набросился на него Билл Нытик. — Без твоего дружка у нас имелся хотя бы лучик надежды. Как ведущий группы…

— Ты больше не ведущий группы, — тихо напомнила ему миссис Паникер.

— Играйте, — осадил их Стюарт Маркс.

Вытянутую карту передали Трюксу, и он, не взглянув на нее, после недолгих раздумий передвинул фишку на одиннадцать клеток. Надпись на квадрате гласила: *Ваш любимый кот нашел на чердаке ценный альбом со старыми марками. Вы выиграли 3000 долларов.*

— Блеф, — сказал вуг.

Дейв Трюкс выдержал паузу и перевернул карту. Действительно одиннадцать очков. Титанийцы проиграли и заплатили. Сумма была не так уж велика, но она заставила Пита задрожать от радости. Он понял, что вуги тоже могли ошибаться. Фенотиазиновая блокировка действовала.

У группы появился шанс.

Вытянув карту, вуг взглянул на нее и передвинул фишку на девять клеток. *Обнаружена ошибка в уплате налогов. Федеральное правительство штрафует вас на 80 000 долларов.*

Игрок с Титана непроизвольно вздрогнул. Питу даже показалось, что вуг издал слабый, едва уловимый стон. Это блеф, подумал он. Если я прав и мы не сделаем вызова, вуги отыграют эту сумму себе. Там точно не девятка. Можно даже и карту не открывать.

«Милая Голубая Лиса» провела опрос мнений. Большинство игроков решило не называть данный ход блефом.

— Мы отказываемся делать вызов, — объявил Джо Шиллинг.

Вуг неохотно, с болезненной медлительностью, выложил в банк 80 000 долларов. Его ход не был блефом. Пит облегченно вздохнул. Титанийцы проиграли половину того, что взяли на прошлом кону. Они тоже не были идеальными игроками.

Вуг, как минутами раньше и «Милая Голубая Лиса», не мог скрыть своего разочарования от крупной неудачи. Он не был человеком, но, как любая живая тварь, имел свои заботы, желания и цели. Обычное и смертное существо. Питу даже

стало жаль его.

— Вы напрасно растрачиваете свои гормоны на жалость ко мне, терранин, — язвительно телепатировал вуг. — Мы все еще держим над вами перевес.

— Пока да, — согласился Пит. — Но вы вошли в пике. Ваш проигрыш неизбежен.

Игрок «Милой Голубой Лисы» вытянул следующую карту и передал ее Дейву Трюксу. Тот сидел над ней так долго, что ожидание стало казаться бесконечным.

— Назовите же ход! — не выдержав, рявкнул Билл Нытик.

— Тройка, — прошептал Трюкс.

Джо передвинул фишку терран. Пит с огорчением прочитал: *Оползень повредил фундамент дома. Стоимость починки 14 000 долларов.*

Вуг не шелохнулся. Внезапно он телепатировал им мысль:

— Я… не буду делать вызов.

Дейв посмотрел на Пита. Тот протянул руку к карте и перевернул ее. Вместо тройки оказалась четверка. Группа выиграла еще 14 000 долларов. Вуги потерял эту сумму, не став оспаривать сделанный ход.

— Поразительно, — телепатировал вуг. — Бло-

кировка психонических способностей вашего ведуна действительно позволяет вам выигрывать. Странно, что вы сумели извлечь из нее какую-то выгоду.

Титаниец сердито вытянул карту и передвинул фишку на семь клеток вперед. *Почтальон поскользнулся на вашей неубранной дорожке перед домом и сломал ногу. Затянувшаяся тяжба в суде отняла у вас 300 000 долларов.*

— О мой бог! — прошептал Пит Сад.

Сумма была такой впечатляющей, что этот ход мог определить результат всей Игры. Члены «Милой Голубой Лисы» впились взглядами в вуга, пытаясь уловить хоть какой-нибудь намек. Было ли его действие блефом?

Вот когда нам пригодился бы телепат, со злостью подумал Пит. Хотя бы один-единственный… Но он знал, что детектив Колючка мертв и что Патриция никогда бы не присоединилась к ним. И если бы они имели телепата, вуги все равно придумали бы какой-нибудь способ нейтрализовать его дар, как они подавляли свою телепатию. Обе стороны играли в Игру слишком долго, чтобы угодить в такую простую ловушку. Они хорошо подготовились к этой финальной встрече.

Если мы проиграем, подумал Пит, я убью се-

бя, но не сдамся на милость врагам. Он сунул руку в карман, надеясь найти там что-нибудь успокаивающее. Нет, только две таблетки метамфетамина, оставшиеся после пьянки по случаю *удачи*. Когда же это было? Вчера? Два дня назад? Казалось, что с той поры прошло уже много месяцев. К тому же, он находился тогда на другой планете.

Метамфетамин гидрохлорид.

Во время прошлой попойки эти таблетки сделали его телепатом — пусть слабым, но достаточно восприимчивым. Метамфетамин стимулирует таламус. Его эффект абсолютно противоположен действию фенотиазина.

Да! — подумал он. Это то, что надо!

Давясь, без глотка воды, Пит с трудом проглотил две розовые таблетки метамфетамина.

— Подождите, — хрипло сказал он игрокам своей группы. — Это решение должен принять я. Прошу вас, доверьтесь мне.

Пит знал, что метамфетамин начнет действовать только через десять минут. Значит, им надо было затянуть немного эту фазу Игры.

— Ваша сторона пошла на мошенничество, — телепатировал вуг. — Один из членов вашей группы только что проглотил наркотический

стимулятор.

— Вы же согласились на применение фенотиазина, — тут же ответил Джо Шиллинг. — Таким образом, мы можем считать, что вы разрешили нам использовать в этой Игре любые медикаменты.

— Но я не готов иметь дело с телепатией, исходящей с вашей стороны, — запротестовал вуг. — Перед началом встречи мы просканировали вашу группу и не нашли никаких признаков телепатических способностей. Я не планировал, что они появятся у вас по ходу Игры.

— Да, это был явный промах, — ответил Джо. — Но мы не можем принимать во внимание ваши ошибки.

Он повернулся и взглянул на Питера Сада. На Пита теперь смотрели все члены «Милой Голубой Лисы».

— Ну? — напряженно спросил Джо.

Сжав кулаки, Пит ждал, когда метамфетамин начнет действовать. Прошло пять минут. Никто ничего не говорил. Единственным звуком было пыхтение Шиллинга, когда он затягивался сигарой.

— Пит! — вдруг резко вскричал Билл Нытик. — Мы больше не можем ждать. Это напряжение

выше наших сил.

— Он прав, — согласился Шиллинг.

Его лицо стало влажным и багровым. Капли пота стекали по скулам и терялись в бороде. Сигара погасла.

— Принимай решение. Даже если оно окажется неверным.

— Пит! — закричала Мэри-Энн. — Вуг пытается изменить значение карты!

«Значит, он блефует», — мгновенно сообразил Пит Сад.

Иначе и быть не могло. В противном случае вуг оставил бы достоинство карты прежним.

– *Мы оспариваем ваш ход*, — сказал он игроку с Титана.

Вуг долго не отвечал и даже не шевелился. Но затем он в конце концов перевернул свою карту. Та оказалась шестеркой. Титаниец действительно блефовал.

— Он сам себя выдал, — сказал Пит.

Его трясло от возбуждения.

— Амфетамин тут ни при чем, — добавил он. — Вуги знают, что я говорю правду. Они могут читать мои мысли. Но сейчас мне хочется сказать об этом во всеуслышание. Таблетки были блефом с нашей стороны — вернее, с моей. Их малое

количество, особенно без спиртного, не могло повлиять на мою систему восприятия. Двух таблеток недостаточно для пробуждения в человеке телепатических способностей. По крайней мере, у меня они так и не появились. Хотя в то время я не знал об этом наверняка.

Вуг, пульсируя и меняя окраску до синевато-серого цвета, отсчитал, купюра за купюрой, 300 000 долларов, а затем передал эти деньги кассиру «Милой Голубой Лисы». Их группа была близка к победе в Игре. Это понимали все: и терране, и титанийцы. Им даже не надо было говорить об этом вслух.

— Если бы вуг не потерял своего самообладания, нам пришел бы… — прошептал Джо Шиллинг, дрожащими пальцами пытаясь прикурить сигару. — Но сейчас наши шансы сравнялись: пятьдесят на пятьдесят. Сначала противник кусал нас за бок, а теперь дрожит, как побитая собака.

Он с улыбкой осмотрел всех членов группы по обе стороны от него.

— Жадность и страх. Плохая комбинация для блефа.

Его тихий голос дрожал от напряжения.

— Много лет назад я попал в такое же положение и проиграл. Это была моя финальная партия

против Счастливчика Лакмена.

— Оценив ситуацию и сверив ее со своими целями и намерениями, — телепатировал вуг, — я признаю, что проиграл эту Игру. Проиграл ее вам, терранам.

— Вы не хотите продолжать нашу встречу? — спросил Джо Шиллинг, вынув изо рта сигару и смерив титанийца презрительным взглядом.

Он уже полностью овладел собой. Его лицо снова стало решительным и волевым.

— Да, — ответил вуг. — Но я намерен продолжать *свою* Игру.

Внезапно у Пита померкло в глазах. Стол исчез. Тело пронзила острая боль. Он понял, что случилось. Вуги сдались и от досады решили уничтожить тех, кто нанес им поражение. Они перенесли свою Игру в другое измерение. С совершенно иными правилами и обстановкой.

Вуги по-прежнему удерживали людей на Титане. Они были здесь на своей территории. А вот терранам в этом отношении не повезло.

Решительно не повезло.

Глава 17

Пит услышал голос Мэри-Энн — спокойный и безмятежный:

— Они пытаются манипулировать реальностью. Их вожак использует психоническую способность, с помощью которой он перенес нас на Титан. Мистер Сад, я могу что-нибудь предпринять?

— Конечно! — крикнул он в ответ.

Пит ничего не видел. Он барахтался в темноте — в черном омуте, который представлял собой не наличие, а отсутствие материи. Где же остальные? Наверное, рассеяны в космосе, подумал он. На миллионы миль по пустому, лишенному всякого смысла пространству. Вокруг царило безмолвие.

— Мэри, — позвал он.

Никакого ответа.

— Мэри! — еще раз закричал он, отчаянно царапая темноту руками. — Неужели и вы бессильны против них?

Он прислушался, но тщетно. Никто не откликнулся на его призыв.

Внезапно Пит что-то уловил — вернее, почув-

ствовал. В темноте в его направлении двигалось какое-то живое существо. Оно осознавало присутствие Пита непостижимым способом — каким-то странным чувством, или, вернее, подпространственным чутьем. Эта тварь испытывала к нему любопытство, немного смутное и ограниченное, но довольно сильное. Она казалась еще более древним существом, чем тот вуг, против которого они играли.

Это создание живет между мирами, подумал он. Между слоями реальности, которые создают познаваемые пространства для терран и вугов. Уйди от меня! Уйди! Он еще быстрее начал махать руками и ногами, пытаясь напугать и отогнать его.

Однако существо заинтересовалось им еще сильнее. Оно подбиралось к нему все ближе и ближе.

— Джо! — закричал Пит Сад. — Помоги мне! Помоги!

— А я и есть Джо Шиллинг, — ответила тварь.

Она стремительно помчалась к нему, жадно раскрывая пасть и расширяясь во все стороны.

— Жадность и страх! — проревело существо. — Плохая комбинация, верно?

— Черта с два ты Джо Шиллинг! — дрожа от

ужаса, закричал Пит.

Он отмахнулся от огромной твари и попытался отскочить в сторону.

— Однако жадность без страха не так уж и плоха, — продолжило существо. — Если судить о ней с психологической точки зрения, это первичная мотивирующая потребность эго-системы.

— О господи! — взмолился Пит, закрывая глаза.

Это действительно был Джо Шиллинг. Что же сделали с ним вуги? И в каком виде Джо воспринимал его самого? А если вуги тут ни при чем? Или они просто показывают им что-то важное?

Пит наклонился вперед, ощупал ногу и торопливо начал развязывать шнурки. Сняв ботинок и выпрямившись, он что есть силы ударил им по рылу твари.

— Хм-м, — заворчало существо. — Мне нужно подумать над этим.

Оно ретировалось в темноту. Задыхаясь от напряжения, Пит ждал его возвращения.

Он знал, что тварь вернется.

* * *

Джо Шиллинг барахтался в огромном ничто. Он крутился и падал, ловил сам себя, давился дымом

сигары и сражался за каждый глоточек воздуха.

— Пит! — крикнул он и прислушался.

В этом пространстве не было направлений. Верх и низ отсутствовали. Отсутствовало все. Даже чувство, что он оставался собой. Никакого деления на «я» и «не-я». Тишина.

— Пит Сад! — закричал он вновь и на этот раз почувствовал какой-то отклик — именно почувствовал, а не услышал.

— Это ты? — спросил он.

— Да, это я, — пришел ответ.

Однако существо было Питом лишь наполовину.

— Что случилось? — спросил его Джо. — Что, черт возьми, происходит? Надеюсь, мы не летим со скоростью миля в минуту? Нам обязательно надо вернуться домой. Я верю, что мы отыщем дорогу на Землю. Но, главное, победа, правда? А мы ведь не думали, что нам удастся выиграть у телепатов Титана.

Он снова прислушался.

— Подлети поближе, — попросил его Пит.

— Нет, — ответил Шиллинг. — Не знаю почему… но я не доверяю тебе. Да и как я могу подлететь? Меня просто крутит на месте, и все. А как ты себя чувствуешь?

— Подлети поближе, — повторил монотонный голос.

— Черта с два, — прошептал себе под нос Джо Шиллинг.

Он не доверял этому голосу. Тот пугал его своим двусмысленным безразличием.

— Убирайся прочь! — крикнул он и, затаив дыхание, прислушался.

Но тварь не улетала.

* * *

Устав от темноты, Фрейя Выгода закрыла глаза. Они обманули нас, подумала она. Мы выиграли у них, но ничего и не получили. Этот вуг-ублюдок… Нам просто не следовало доверяться их слову и соглашаться на такую Игру. Но во всем виноват, конечно, Пит.

— Я ненавижу его, — прошептала она. — Это была их идея. Пита и Джо Шиллинга.

Я готова убить их, убить обоих, свирепо подумала Фрейя. Я готова разорвать их на части. Она вытянула обе руки и замахала ими в темноте. Сейчас я с радостью убила бы любого.

– Да! Я хочу убивать! — закричала она в темноту.

* * *

— Послушайте, Пит, — сказала Мэри-Энн Маккарлик, — на данный момент мы лишились всех видов осознания объективной реальности. Вуги изменили нас. Я уверена в этом. Вы слышите меня?

Она вытянула шею и прислушалась.

Их вожак раздробил нас на атомы, подумала Мэри-Энн. Каким-то образом каждый член группы пережил психоз и изолировался от остальных, от любых знакомых атрибутов в нашем восприятии времени и пространства. Эта ненавистная изоляция пугает меня. Но она должна быть такой. Потому что другой она не бывает. Все это нереально, и тем не менее…

А что, если это фундаментальная реальность, лежащая под сознательными пластами психики? Возможно, это то, чем мы являемся на самом деле, и они сейчас показывают нам убийственную истину о нас самих. Нет, всему причиной их телепатические способности и манипуляция сознанием. Она брезгливо отогнала от себя эти мысли.

Внезапно Мэри-Энн увидела под собой что-то живое.

Она смотрела на низкорослых инопланетных существ, деформированных огромной силой притяжения в бесформенные жалкие фигуры. То были слепые, крохотные и раболепные твари. Меркнущий свет вечернего солнца подсвечивал эту сцену, и ландшафт растворялся в багровых тонах, сливаясь с абсолютным мраком. Они слабо светились, как обитатели огромных глубин. Каким-то неведомым образом им удавалось жить и продлевать свое существование. Но оно не было приятным.

Мэри узнала их.

Да это же мы, подумала она. Терране — какими нас видят вуги. Несчастные жертвы солнца и огромной силы притяжения. Мэри-Энн закрыла глаза.

Теперь мне все ясно, размышляла она. Не удивительно, что им захотелось уничтожить нас. Для них мы старая и угасающая раса, отжившая свой срок. Вуги просто решили очистить сцену.

А вот и они. Сияющие существа, невесомо парящие над ней, за гранью давящего тяготения и за пределами недоразвитых вымирающих существ. Они живут на маленькой луне, удаленной от огромного древнего солнца.

Значит, вам хочется видеть нас такими, поду-

мала Мэри-Энн. Ваша точка зрения стала для вас реальностью. Но у нас по этому поводу другое мнение, и оно имеет равное право на жизнь.

Не более… и не менее того.

— Вы поняли меня? — спросила Мэри-Энн у сияющего невесомого существа, присутствие которого она осознавала уже долгое время. — Чем наш взгляд на мир хуже вашего? Вы не можете заменить нас собой. Или вы хотите попробовать это?

Она ждала ответа. Ее закрытые веки трепетали от страха.

— Да, в идеале, обе точки зрения можно уравнять, — пришла к ней бесстрастная мысль. — Однако на практике это не получается.

Открыв глаза, она увидела сгусток осевшей желеобразной протоплазмы. Спереди, смехотворно по-детски, красными нитками было вышито имя: Э. Б. Черный.

— Что вы сказали? — переспросила Мэри-Энн, ошеломленно озираясь по сторонам.

— Имеется немало затруднений, которые мы пока не можем преодолеть, — телепатировал вуг. — Причиной этого являются противоречия наших двух культур. — Помолчав, существо добавило: — Мне удалось уговорить тех игроков, с

которыми встречалась ваша группа. Сейчас вы находитесь на Терре в доме вашей семьи — в Сан-Рафеле, где я провожу расследование известных вам преступлений.

Солнечный свет и сила притяжения. Два эти фактора воздействовали на нее и вуга. Она настороженно поднялась на ноги.

— Я видела…

— Вы увидели нашу точку зрения, от которой мы не можем отказаться.

Вуг приблизился к ней и попытался выразить свою мысль более точнее:

— Мы понимаем, что наше мнение является лишь наполовину верным и неприемлемым для вас, терран, поскольку вы имеете равную, противоположную и логически обоснованную точку зрения относительно нас, титанийцев. Однако мы продолжаем воспринимать вас так, как вы недавно видели сами. — Немного подумав, он добавил: — Лично я нахожу несправедливым сохранение этой устоявшейся системы отношений.

— Тем более что мы выиграли Игру, — сказала Мэри-Энн. — У вас.

— Граждане Титана осознали этот факт. Мы порицаем те карательные меры, которые предприняли против вас наши обезумевшие от горя

игроки. По правилам, победив, вы должны были вернуться на Терру. Любое другое решение мы посчитали неразумным. Хотя наши экстремисты предлагали иные варианты.

— А что стало с вашими игроками?

— Они не понесут никакого наказания. Эти титанийцы занимают высокие посты в нашей культуре. Радуйтесь, что вы вернулись домой, мисс Маккарлик. Воспринимайте это как награду.

Тональность его мыслей стала жесткой и непререкаемой.

— А что с другими членами группы? — спросила Мэри-Энн. — Где они сейчас находятся?

Она понимала, что в Сан-Рафеле их не будет.

— В Кармеле?

— Нет. Они разбросаны по разным местам, — сердито ответил Э. Б. Черный.

Мэри-Энн никак не могла разобраться, на кого он злится — на нее, на членов группы или на своих сородичей-вугов. Казалось, что его раздражала вся ситуация.

— Вы увидите их снова, мисс Маккарлик. А теперь, если позволите, я вернусь к своей работе…

Детектив пополз в ее направлении, и Мэри-Энн отступила в сторону, испугавшись ненароком

коснуться его. Э. Б. Черный напоминал ей *других* — тех существ, против которых они играли. Играли и выиграли! А затем их подло лишили победы.

— Нет, не подло, — возразил ей Э. Б. Черный. — Ваш выигрыш просто… задержали. Он по-прежнему ваш, и вы его обязательно получите. — Вуг помолчал и добавил: — Со временем.

В его тоне сквозил оттенок удовольствия. Судя по всему, Э. Б. Черный не был огорчен тем положением, в котором оказалась «Милая Голубая Лиса». Его не волновал тот факт, что победителей Игры, напуганных до икоты, разбросали по разным городам страны. Что их едва не смешали с хаосом Вселенной.

— Я могу слетать в Кармел? — спросила Мэри-Энн.

— Конечно. Вы можете катиться ко всем чертям, мисс Маккарлик. Куда пожелаете. Но мистера Шиллинга вы в Кармеле не найдете. Вам придется поискать его в каких-то других местах.

— Я поищу, — ответила Мэри-Энн. — И буду искать его, пока не найду. Его и Питера Сада.

Я не успокоюсь до тех пор, пока группа не соберется вместе, подумала она. В том составе, в котором мы играли против телепатов Титана.

Пока я не найду всех, с кем встретилась в Кармеле несколько часов назад.

Несколько часов, а как давно это было.

Развернувшись на каблуках, она ушла из дома. Ушла и ни разу не оглянулась.

* * *

Голос, ворчливый и резкий, проник в мысли Шиллинга. Джо отпрянул от него — вернее, попытался это сделать, — но голос заскользил следом.

— Эй, мистер Шиллинг, хм-м, э-э, хм-м, — невнятно затараторил он. — Можно вас на минуточку?

Пользуясь темнотой, голос подплыл к нему поближе и оказался совсем рядом, справа. От его удушливой близости Шиллингу нечем было дышать. Он начал задыхаться.

— Я лишь ненадолго отвлеку вас, и все. Хорошо?

Голос выжидающе замолчал. Джо тоже ничего не говорил.

— Ладно, — продолжил голос. — Я скажу вам, чего бы мне хотелось. Как только вы оказались здесь, у нас в гостях, я подумал, вот это действительно особая честь…

— Отойди от меня, — прохрипел Шиллинг.

Он отмахнулся рукой, и ему показалось, что его ладонь прошла сквозь липкую паутину, беспорядочно сотканную из тонких пустых мыслей. Прошла и ничего не достигла.

А голос продолжал скулить:

— Да, так вот мы оба хотели спросить, Эс и я — конечно, если вы не против, — вам ведь вряд ли когда-нибудь доводилось добираться до Портленда, верно? Так, может быть, у вас, совершенно случайно, есть запись Эрны Бергер? Ах, черт! Ну, как же она называлась? Да вы знаете, из «Зауберфлоте».[138]

— Ария Царицы ночи? — спросил Джо, с трудом переводя дыхание.

— Да! Вот именно!

Голос с жадностью наполз на него, придавив своей тяжестью. Теперь от него уже нельзя было отделаться.

— Да дум-дум дум, да ди-ди да-да дум дум, — присоединился к нему еще один голос, на этот раз женский.

Они оба накрыли Джо Шиллинга криком.

— Да, у меня имеется такая пластинка, — ответил он. — Швейцарской фирмы грамзаписи «Хиз

---

[138] Примечания: 138
«Zauberflote» — «Волшебная флейта», опера Моцарта.

Мастерз Войс». С двумя ариями Царицы ночи. По одной на каждой стороне.

— И мы можем ее заказать? — в унисон спросили голоса.

— Конечно, — ответил Джо.

Перед глазами забрезжил серый фрагментарный свет. Ему удалось подняться на ноги. Где я, подумал он. В моем магазине пластинок? Нет. Голоса говорили, что я сейчас в Портленде, штат Орегон. А почему меня сюда забросило? Наверное, эти вуги совсем сдурели.

Джо осмотрелся вокруг.

Он стоял в гостиной незнакомого старого дома, на голом дощатом полу, перед изъеденным молью диваном в красно-белую полоску, на котором сидели две знакомые фигуры — мужчина и женщина. Эти маленькие коренастые люди, с давно не стриженными волосами, искоса посматривали на него, потирали руки и жадно облизывались.

— А может быть, вы привезли эту пластинку с собой? — визгливым голосом спросила Эс Траур.

Глаза Леса, сидевшего рядом с ней, пылали от нетерпения. Он вскочил на ноги и зашагал по пустой гостиной, стены которой отозвались эхом на его шаги. Проигрыватель, стоявший в углу, воспроизводил «Вишневый дуэт». Джо впервые

в жизни захотел засунуть пальцы в уши, чтобы отделаться от этих мелодичных звуков. Они были слишком громкими и пронзительными. От них болела голова. Он отвернулся и сделал несколько глубоких вдохов, стараясь успокоить нервы.

— К сожалению, нет, — ответил он. — Пластинка осталась в моем магазине.

Ему хотелось пить. Я отдал бы полкоролевства за чашку горячего кофе, подумал он. Или крепкого чая марки «ю-лонг».

— Вам нездоровится, мистер Шиллинг? — спросила Эс Траур.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, я в порядке.

Интересно, подумал Джо, где сейчас остальные члены группы? Наверное, вуги разбросали их по разным местам, как ветер разносит сухие листья по равнинам Земли. Демарш отчаяния! Как видно, игроки с Титана не пожелали признать свое поражение.

Хорошо, что они вообще вернули группу назад после того, как Игра закончилась.

— Извините, а…

Шиллинг старался выразить вопрос как можно осторожнее. Он составлял его слово за словом.

— Моя… машина… снаружи?

О, как ему хотелось, чтобы так оно и было. Он молил небеса об этом.

— Нет, — ответил Лес Траур. — Мы подобрали вас по пути и привезли сюда, в Орегон. Разве вы не помните?

Эс захихикала, показав длинные крепкие зубы.

— Он не помнит, как попал сюда, — сказал ей Лес, и они дружно засмеялись.

— Я хочу вызвать Макса, — сказал им Джо. — Мне пора домой. Простите за беспокойство.

Он, шатаясь, поднялся на ноги.

— До свидания.

— А как же пластинка Эрны Бергер? — разочарованно спросила Эс.

— Я пришлю ее вам по почте.

Джо осторожно, шаг за шагом, направился к передней двери. У него появились смутные воспоминания — или предчувствие — о том, где находился автолет.

— Мне нужен видеофон. Чтобы вызвать Макса.

— Вы можете позвонить отсюда, — сказал Лес Траур, проводив его по коридору в столовую. — А потом вам, возможно, захочется задержаться у нас и…

— Нет.

Шиллинг подошел к видеофону и, включив его,

набрал номер своей машины.

— Да? — ответил недовольный голос Макса.

— Это Джо Шиллинг. Лети и забери меня отсюда.

— И куда же мне лететь, чтобы забрать твою толстую задницу? — спросила машина.

Джо Шиллинг дал адрес. Затем ему снова пришлось вернуться в гостиную. Он опустился в кресло, где сидел раньше, и по привычке похлопал себя по карманам в поисках сигары или, по крайней мере, трубки. Музыка, еще более громкая, чем прежде, оглушила его и заставила съежиться.

Покорно сложив руки на груди, Джо Шиллинг начал ждать. Однако с каждой минутой он чувствовал себя все лучше и лучше. Ему стало ясно, что случилось с ними на Титане. И как они вырвались оттуда.

* * *

Оказавшись в роще эквалипатов, Пит Сад понял, что вуги отпустили его. Он находился в Беркли — в своем прежнем владении, которое у него выиграл Уолт Ремингтон и через Ассоциацию Метронома передал ныне покойному Лакмену.

Прямо перед ним на грубо сколоченной скамье среди деревьев молча сидела молодая женщина. Его жена.

— Кэрол? — спросил он ее. — С тобой все в порядке?

Она задумчиво кивнула.

— Да, Пит. Я сижу здесь уже очень долго и разбираюсь со своими мыслями. Ты знаешь, нам повезло, что она оказалась на нашей стороне. Я имею в виду эту Мэри-Энн Маккарлик.

— Да, — согласился он.

Пит подошел к ней и нерешительно сел рядом. Он был настолько рад этой встрече, что даже не мог выразить своих чувств словами.

— Как думаешь, что она сделала бы с нами, если бы была на стороне вугов? — спросила Кэрол. — Я знаю. Она вызвала бы у меня выкидыш. Она лишила бы меня ребенка. Понимаешь?

Он не понимал. Пит даже сожалел, что услышал это.

— Возможно, ты права, — признался он, и его сердце дрогнуло от страха.

— Не бойся, — сказала Кэрол. — Она не собирается никому вредить. Ты же не давишь машиной пешеходов, верно? Хотя для этого потребовался бы лишь небольшой поворот руля.

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Мэри-Энн не представляет для нас опасности. Просто она более чувствительная, чем мы. Более разумная и зрелая женщина. Я много думала над этим, сидя здесь. Как мне казалось, долгие и долгие годы.

Пит ласково похлопал ее по плечу и поцеловал в бархатистую щеку.

— Знаешь, милый, я надеюсь, что ты когда-нибудь отыграешь Беркли у Шиззи Лакмен. Тебе это явно по силам. Она не такой уж хороший игрок.

— Шиззи могла бы обойтись и без этого города, — ответил Пит. — После смерти Счастливчика она владеет всеми землями Восточного побережья.

— Как думаешь, нам удастся удержать Мэри-Энн в нашей группе?

— Нет, — ответил он.

— А жаль.

Кэрол посмотрела по сторонам, любуясь огромной эвкалиптовой рощей.

— Как здесь красиво. Я понимаю, почему ты так расстроился, проиграв Беркли Ремингтону. Да и Лакмен не успел полюбоваться им. Впрочем, он купил его только как точку опоры для новых побед и приобретений.

Она помолчала.

— Пит, мне интересно, а уровень рождаемости теперь вернется к норме? После того, как мы победили вугов?

— Да поможет нам бог, если этого не случится, — ответил он.

— Я надеюсь на лучшее, — сказала Кэрол. — Мне почему-то верится, что все будет хорошо. Я стану одной из первых молодых матерей. Называй это психоническим даром или предвидением, но я верю в это. Как мы назовем нашего ребенка?

— Это будет зависеть от того, кто у нас родится — мальчик или девочка.

Кэрол улыбнулась.

— А если и то, и другое?

— Тогда Фрейя окажется права, — сказал Пит. — Помнишь ее шизоидную фразу, когда она намекала на то, что желает тебе не совсем обычных родов.

— Один ребенок у меня будет точно. Но верх моих мечтаний — это близнецы. Когда последний раз на Земле рождались близнецы?

Он знал ответ наизусть.

— Сорок два года назад. В Кливленде. У мистера и миссис Тоби Ферат.

— Значит, мы будем следующими, — сказала

Кэрол.

— Это маловероятно.

— Мы же выиграли, — тихо сказала Кэрол. — Помнишь?

— Помню, — ответил Пит и крепко обнял свою жену.

* * *

Споткнувшись в темноте, как потом выяснилось — о бордюр тротуара, Дейв Трюкс вышел на главную улицу небольшого городка в штате Канзас. Впереди показались огни. Облегченно вздохнув, он торопливо зашагал в их направлении.

Дейв искал машину. Он решил не вызывать свою. Одному богу было известно, где она сейчас и как долго пришлось бы ее дожидаться, если бы ему удалось связаться с ней по видеофону. К счастью, идти пришлось недолго. На единственной улице города, называвшегося Фернли, он наткнулся на гомеостатическое агентство по прокату машин.

Трюкс приобрел там автолет, отъехал на сотню метров, остановился у обочины и, собравшись с духом, спросил у эффекта Рашмора:

— Я вуг или терранин?

— Сейчас посмотрим, — ответила машина. — Вы Дэвид Трюкс из Канзас-Сити. Терранин. Я ответила на ваш вопрос?

— Слава богу, — произнес Дейв. — Да, ты ответила на мой вопрос.

Он завел мотор и отправился на Западное побережье — в Кармел, штат Калифорния.

Лучше всего вернуться к ним, подумал Трюкс. Тогда какое-то время мне нечего будет бояться. Я для них не опасен, потому что вышел из-под контроля вугов. Доктор Филипсон остался на Титане. Натс Котик уничтожен психокинезом Мэри-Энн, а организация этих высокомерных идиотов навеки стерта с лица Земли. Пора побыть героем. Это я помог им одержать победу и четко исполнил свою роль в Игре.

Он предвидел горячий прием. В данный момент все члены «Милой Голубой Лисы» собирались по одному из различных точек страны, куда их переместили титанийцы. Через несколько часов они снова встретятся в штаб-квартире, откроют бутылку теннессийского виски «Джек Дэниел», потом бутылку канадского виски…

Машина летела в Калифорнию, а он ощущал вкус напитков, слышал голоса людей и видел их радостные лица.

Череда поздравлений. Тосты за победу. Все будут веселиться, обнимать друг друга и смеяться. Или не все? Хотя какая разница? *Почти вся группа.* А ему и этого хватало.

* * *

Шагая по песку безжизненной невадской пустыни, Фрейя Выгода знала, что она не скоро доберется до Кармела. Ну и пусть, подумала она. Мне нечего ждать от будущего. Ей вспомнились мысли, одолевавшие ее в той дыре между мирами, куда она попала по воле мстительных игроков с Титана.

– Я и теперь не отрекусь от них, — с ядовитой злобой прошептала она. — Пит обзавелся беременной женой — его милой Кэрол. Он больше никогда не посмотрит на меня, не прикоснется ко мне рукой…

Фрейя нашла в кармане пластинку тестовой резинки. Сорвав обертку, она пожевала ее и при свете зажигалки проверила цвет. Ничего, подумала она, свирепо отбросив комочек резинки в сторону. Как всегда, ничего. Но это вина Пита! Если он осчастливил Кэрол, то мог бы проделать то же самое и со мной. Сколько раз мы пытались! Тысячи и тысячи проб. Нет, он просто не хотел от

меня ребенка.

Над ней пронеслись две фары. Она настороженно остановилась и перевела дыхание. Интересно, кто бы это мог быть в такой глуши?

Машина аккуратно опустилась на песок. Ее сигнальные огни то вспыхивали, то гасли. Проехав немного вперед, автолет остановился. Дверь открылась.

— Миссис Выгода! — позвал ее дружелюбный голос.

Вглядываясь в темноту, Фрейя подошла к машине. За рулем сидел лысоватый пожилой мужчина приятной наружности.

— Я рад, что отыскал вас в этих мертвых песках, — произнес мужчина. — Садитесь, и давайте улетим из этого ужасного и пустынного места. Куда бы вам хотелось отправиться? — Он тихо засмеялся. — В Кармел?

— Нет, только не в Кармел, — ответила Фрейя.

Ноги моей там больше не будет, подумала она.

— Тогда куда же? Может быть, в Покателло, штат Айдахо?

— А зачем мне лететь в Покателло? — спросила Фрейя.

Тем не менее она села в машину. Уж лучше так, чем бесцельно блуждать по ночной пустыне,

решила она. Все равно мне никто не поможет — особенно эти придурки из нашей группы. Будь что будет, и пусть все катится к чертям!

Пожилой мужчина поднял машину в воздух и тихим приятным голосом представился:

— Я доктор Э. Р. Филипсон.

Фрейя испуганно посмотрела на него. Она знала… Она положительно знала, кто он такой. Или, вернее, кем было это существо.

— Может быть, хотите выйти? — спросил ее доктор Филипсон. — Вы только скажите, и я мигом доставлю вас туда, где нашел минуту назад.

— Н-нет, — прошептала Фрейя.

Она откинулась на спинку кресла, искоса взглянула на вуга, и в ее голове замелькало множество идей.

— Миссис Выгода, — спросил доктор Филипсон, — *как вы относитесь к тому, чтобы для разнообразия поработать на нас?*

Он одарил ее ледяной улыбкой, в которой не было ни тепла, ни юмора.

— Это интересное предложение, — ответила Фрейя. — Но я должна обдумать его. Я не собираюсь принимать скоропалительных решений.

Заманчиво, очень заманчиво, подумала она.

— Я дам вам время, — сказал доктор Филип-

сон. — Мы терпеливы. У вас будет столько времени, сколько вы захотите.

В его глазах сверкнули холодные огоньки. Фрейя усмехнулась в ответ.

Что-то напевая себе под нос, доктор Филипсон сделал крутой вираж, и автолет, рассекая ночное небо Земли, понесся в сторону Айдахо.

Помутнение[139]

[139] Примечания: 139
Перевод В. Баканова, А. Круглова.

Глава 1

Жил на свете парень, который целыми днями вытряхивал из волос букашек. Терпя от них неслыханные мучения, он простоял как-то восемь часов под горячим душем — и все равно букашки оставались в волосах и вообще на всем теле. Через месяц букашки завелись в легких.

Не в силах ничего другого делать и ни о чем другом думать, он начал исследования жизненного цикла букашек и с помощью энциклопедии попытался определить, какой конкретно тип букашек его одолевает. К этому времени букашки заполонили весь дом. Он проработал массу литературы и наконец решил, что имеет дело с тлей. И с тех пор не сомневался в своем выводе, несмотря на утверждения знакомых: мол, тля не кусает людей…

Бесконечные укусы превратили его жизнь в пытку. В магазине «7–11», одной из точек бакалейно-гастрономической сети, раскинутой почти по всей Калифорнии, он купил аэрозоли «Рейд», «Черный флаг» и «Двор на замке». Сперва опрыскал дом, затем себя. «Двор на замке» подействовал лучше всего.

В процессе теоретических поисков тот парень выделил три стадии развития букашек. Во-первых, они были с целью заражения занесены к нему теми, кого он называл «людьми-носителями». Последние не осознавали своей роли в распространении букашек. На этой стадии букашки не обладали челюстями, или мандибулами (он познакомился с этим словом в результате многонедельных академических изысканий — весьма необычное занятие для парня, работавшего в мастерской «Тормоза и покрышки» на смене тормозных колодок). Люди-носители, таким образом, не испытывали неприятных ощущений.

У него появилась привычка сидеть в углу своей гостиной и с улыбкой наблюдать за входящими людьми-носителями, кишащими тлей в данной «некусательной» стадии.

— Ты чего скалишься, Джерри? — спрашивали они.

А он просто улыбался.

На следующей стадии букашки отращивали крылья или что-то типа того, в общем, какие-то специальные отростки, которые позволяли тлям роиться — таким способом они распространялись, попадая на других людей, особенно на Джерри. Теперь эти твари так и клубились

в воздухе — в гостиной и во всем доме. Джерри старался не вдыхать их.

Больше всего ему было жаль собаку: он видел, как зловредные насекомые садятся на нее, покрывая сплошным ковром, — и тоже наверняка попадают в легкие. Джерри чувствовал, что бедный пес страдает не меньше его самого. Может, отдать его кому-нибудь, чтобы не мучился? Нет, решил он, нет смысла, собака все равно заражена, и букашки останутся при ней.

Иногда он брал собаку под душ, стараясь отмыть и ее. Но душ не приносил облегчения. У Джерри сердце разрывалось от мук животного, и он повторял попытки снова и снова. Пожалуй, это было самое тяжелое — страдания бессловесной твари.

— Какого черта ты торчишь под душем с чертовой собакой? — спросил однажды Чарлз Фрек, приятель Джерри, застав его за этим занятием.

— Я должен извести тлей, — ответил Джерри, вынося Макса из душа и доставая полотенце. Чарлз Фрек изумленно смотрел, как он втирает в шерсть пса детский крем и тальк.

По всему дому валялись баллончики аэрозолей, бутылки талька и банки крема. Большей частью пустые — каждый день их требовалось невероят-

ное количество.

— Я не вижу никаких тлей, — заметил Чарлз. — Какая такая тля?

— В конце концов она тебя прикончит, — мрачно буркнул Джерри. — Вот что такое тля. Ее полно в моих волосах, и на коже, и в легких. Боль невыносимая — мне, наверное, придется лечь в больницу.

— Как же это я их не вижу?

Джерри отпустил собаку, закутанную в полотенце, и встал на колени перед ворсистым ковриком.

— Сейчас покажу, — пообещал он.

Коврик кишел букашками: они повсюду скакали и прыгали — вверх-вниз, вверх-вниз, одни повыше, другие пониже. Джерри искал самую крупную особь, так как его гости почему-то с трудом могли их рассмотреть.

— Принеси мне бутылку или банку. Там, под раковиной. Потом я отволоку их доктору для анализа.

Чарлз Фрек принес банку из-под майонеза. Джерри продолжал поиски, и наконец ему попалась тля длиной в дюйм, подпрыгивающая по крайней мере на четыре фута. Он поймал ее, бережно опустил в банку, завернул крышку и

торжествующе спросил:

— Видишь?!

— У-у-у, — протянул Чарлз Фрек, широко раскрыв глаза. — Ну, здоровая…

— Помоги мне отловить еще, для доктора, — попросил Джерри.

— Само собой, — сказал Чарлз и тоже опустился на колени.

За полчаса они набрали три полные банки букашек. Фрек, хоть и новичок в таких делах, поймал, пожалуй, самых крупных.

Все это происходило в июне 1994 года в Калифорнии, в одном из дешевых, но пока не покосившихся домов из пластика, давным-давно брошенных добропорядочными. Джерри еще раньше покрыл окна металлической краской — чтобы не проникал солнечный свет. Комнату освещали горящие круглосуточно яркие лампы. Ему это нравилось: он не любил следить за ходом времени. Так можно было сосредоточиться на важных делах, не боясь, что тебе помешают. Например, ползать сколько угодно на коленях по ковру, наполняя букашками банку за банкой.

— А что мы получим? — спросил Чарлз Фрек. — В смысле, за них положена премия или как? Док отвалит монету?

— Мой долг — найти способ лечения, — сказал Джерри.

Боль, не ослабевавшая ни на минуту, становилась невыносимой — он так и не привык к ней и знал, что никогда не привыкнет. Его охватило непреодолимое желание снова принять душ.

— Слушай, друг, — выдохнул Джерри, разгибая спину. — Ты продолжай, а мне надо отлить. И вообще. — Он двинулся в ванную.

— Ладно. — Чарлз неловко повернулся, стоя на коленях, покачнулся, но не выпустил очередную тлю из рук и затолкал ее в банку — координация у него пока еще была неплохая. А потом добавил неожиданно: — Джерри, эти букашки… мне от них как-то не по себе. Я не хочу оставаться здесь один. — Он поднялся на ноги.

— Трусливый ублюдок, — задыхаясь от боли, выдавил Джерри, остановившись на секунду на пороге ванной.

— А ты не мог бы…

— Я должен отлить! — Он захлопнул дверь и крутанул кран.

— Мне страшно! — в панике завопил Чарлз Фрек. Его голос был едва слышен из-за шума воды.

— Тогда пошел на хрен! — заорал Джерри и

ступил под душ. На кой черт нужны друзья, с горечью подумал он. Какой в них смысл?

— Эти сволочи кусаются? — закричал под дверью Чарлз.

— Да! — ответил Джерри, втирая в волосы шампунь.

— Я так и думал. — Он помолчал. — Можно я помою руки, выйду с банками на улицу и подожду тебя снаружи?

Дрянь паршивая, с горькой яростью подумал Джерри, но не ответил, а продолжал мыться. Ублюдок не заслуживал ответа… К черту Чарлза Фрека, надо заниматься собой, своими собственными проблемами — огромными, смертельными, неотложными. Все остальное подождет. Скорее, скорее, откладывать нельзя! Все остальное не важно. Вот только собака… как быть с Максом…

* * *

Чарлз Фрек позвонил одному типу, у которого, как он надеялся, мог быть запас.

— Можешь дать мне десяток смертей?

— Да у меня хоть шаром покати, самому позарез нужно. Ты свистни, если набредешь на что-нибудь.

— А что с поставками?

— Не знаю, может, накрыли.

Чарлз повесил трубку и по пути от телефонной будки — никогда не делай закупочных звонков из дома — до машины быстро прокрутил один глюк. В этой фантазии он ехал мимо дешевой аптеки Трифти и увидел колоссальную витрину: бутылки медленной смерти, банки медленной смерти, склянки, и канистры, и бидоны, и цистерны медленной смерти, миллионы таблеток, и капсул, и доз медленной смерти, медленной смерти, смешанной с «рапидами»,[140] и барбитуратами, и психоделиками,[141] — и гигантская вывеска: НИЗКИЕ-НИЗКИЕ ЦЕНЫ, САМЫЕ НИЗКИЕ В ГОРОДЕ.

На самом деле в витрине Трифти никогда ничего не было, только разные гребешки, кремы, дезодоранты и прочая дрянь. Но готов поспорить, думал Чарлз, выезжая со стоянки на Портовом бульваре и вливаясь в послеобеденный поток, что там, в кладовке, под семью замками, лежит медленная смерть — чистая, ни с чем не смешанная… Пятидесятифунтовый мешок.

---

[140] Примечания: 140

Наркотик из группы стимуляторов *(жарг.). (Здесь и далее — прим. перев.)*

[141] Примечания: 141

Психоделические наркотики.

Любопытно, когда и как доставляют пятидесятифунтовые мешки препарата «С»… Бог знает откуда — может, из Швейцарии, а может, вовсе с другой планеты, где у ребят башка варит… Должно быть, привозят товар рано поутру — с охраной зловещего вида, вооруженной лазерными винтовками. Только попробуй посягнуть на мою медленную смерть, подумал он, представив себя на месте охранника, и я тебя испепелю.

А что, ведь препарат «С» запросто может входить в состав любого разрешенного лекарства! Если, конечно, оно чего-нибудь стоит… Щепотка здесь, щепотка там — по секретной эксклюзивной формуле, которую изобрели где-нибудь в Германии или Швейцарии. Хотя все это чушь, конечно, — власти хватали любого, кто продавал, перевозил или глотал препарат «С», — так что аптеку Трифти, да и вообще все аптеки давно бы уже тогда разбомбили, выкинули из бизнеса или хотя бы оштрафовали. Скорее только оштрафовали бы: у них наверняка есть лапа где надо. С целой сетью больших аптек не так-то просто справиться.

В общем, ничего там нет, кроме обычного хлама.

На Чарлза напала хандра: в его загашнике

осталось всего триста таблеток медленной смерти. Зарыты на заднем дворе, под камелией, той самой, гибридной, с шикарными крупными цветами, которые не боятся жаркого солнца. Только недельный запас, подумал он с тревогой. А что потом, когда они закончатся? Черт!

А что будет, если запас кончится у всех в Калифорнии и Орегоне? В один и тот же день, опаньки!.. Самый крутой глюк-ужастик, какой только мог привидеться наркоману. У всех в западной части Соединенных Штатов одновременно кончается запас, часов этак в шесть утра в воскресенье, когда добропорядочные еще только одеваются, чтобы идти в свою долбаную церковь. Картина маслом: Первая епископальная церковь в Пасадене, восемь тридцать утра, воскресенье Всеобщей Ломки.

— Возлюбленные прихожане, вознесем молитву к Господу, дабы облегчил Он муки тех, кто бьется на своих постелях в ожидании дозы!

— Аминь! — Все становятся на колени.

— Но прежде чем Он явится с новым запасом…

Черно-белые[142] что-то явно заподозрили. Они выехали со стоянки и держались рядом, пока без

---

[142] Примечания: 142
Цвет полицейской машины.

мигалки и сирены, но… Может, я виляю или еще что, подумал он. Распроклятые легавые меня засекли. Хотел бы я знать, что им не понравилось.

Коп:

— Фамилия?

— Фамилия? *(Никак не приходит в голову!..)*

— Не знаешь собственной фамилии? — Коп подмигивает своему напарнику. — Этот парень совсем забалдел.

— Не расстреливайте меня здесь! — взмолился Чарлз Фрек в своем глюке, вызванном видом черно-белой машины. — По крайней мере, отвезите меня в участок и расстреляйте там, подальше от глаз!

Чтобы выжить в этом фашистском полицейском государстве, подумал он, надо всегда знать фамилию, свою фамилию. При любых обстоятельствах. Первый признак, по которому они судят, что ты наширялся, — если не можешь сообразить, кто ты, черт побери, такой!

Вот что, решил Чарлз, подъеду-ка я к первой же стоянке, сам подъеду, не дожидаясь, пока начнут сигналить, а когда они остановятся, скажу, что у меня поломка.

Им это дико нравится. Когда ты отчаиваешься и сдаешься. Валишься на землю, словно выдох-

шаяся зверюга, и подставляешь свое беззащитное брюхо. Так я и сделаю.

Так он и сделал. Принял вправо и остановился у тротуара, вплотную к бордюру.

Патруль проехал мимо.

Зря это я, в такой поток машин трудновато будет опять вписаться. Чарлз выключил зажигание. Посижу-ка я так, решил он, дам волю альфа-волнам, поброжу по разным уровням сознания. Или понаблюдаю за девочками. Изобрели бы биоскоп для возбужденных. К черту альфа — секс-волны! Сперва коро-о-тенькие, потом длиннее, длиннее, длиннее… пока не зашкалит.

Впрочем, все это ерунда… Главное — найти кого-нибудь, у кого есть таблетки. Надо пополнить запас, не то я скоро полезу на стену. И вообще ничего не смогу делать. Даже сидеть вот так. Не только забуду, кто я такой, но и где я и что происходит.

Что происходит, спросил он себя. Какой сегодня день? Если б знать, какой день, все было бы нормально… Постепенно пришло бы и остальное.

Среда, деловая часть Лос-Анджелеса. Впереди — один из тех гигантских торговых центров, окруженных стеной, от которой отскакиваешь, словно резиновый мячик, если у тебя нет кредитной

карточки и ты не можешь пройти в электронные ворота. Карточки, разумеется, Чарлз не имел и потому знал, на что похожи магазины там, внутри, только по рассказам. Наверное, там есть все на свете, хорошие вещи — для добропорядочных, в основном для их жен. Вооруженные охранники стояли у ворот и проверяли каждого, кто шел с карточкой, — не украдена ли она, не куплена ли с рук, не подделана ли. Толпы людей входили и выходили, но, рассудил Чарлз, большинство наверняка шли просто поглазеть на витрины. Не может такого быть, чтобы столько народу имели монету или им приперло покупать что-то в это время… Еще рано, всего третий час. Вот вечером — другое дело. Все витрины залиты светом. Он не раз видел этот свет снаружи, настоящую радугу разноцветных огней — парк развлечений для великовозрастных детишек.

Магазины по эту сторону ворот, где не требовалась кредитная карточка и не было вооруженной охраны, ничего особенного собой не представляли. Только самое необходимое: обувь, телевизоры, булочная, мелкий ремонт, прачечная. Девушка в короткой синтетической курточке и обтягивающих брюках бродила от лавки к лавке. Волосы классные, но лица не видно — непонятно, хоро-

шенькая или нет. Фигурка ничего себе. Вот она задержалась у витрины с кожаными вещами, достала кошелек и стала вглядываться в него, напряженно что-то высчитывая. Сейчас войдет и попросит что-то показать, подумал Чарлз. Так и есть — впорхнула в магазин.

Мимо прошла другая девушка — в легкой блузочке, на высоких каблуках, волосы серебристые, вся наштукатурена. Хочет выглядеть постарше, отметил он. Еще небось школу не окончила. После нее не было ничего стоящего, и Чарлз снял резинку, закрывающую «бардачок», достал пачку сигарет и настроился на станцию, передававшую рок. Раньше у него был кассетник, но однажды, изрядно нагрузившись, он оставил его в машине. Естественно, когда вернулся, того и в помине не было. Сперли. Вот к чему приводит безалаберность. Осталось только паршивое радио. Когда-нибудь и его стянут. Ничего, можно достать другое, подержанное, практически «за так». Да и все равно машине пора на слом — маслосъемные кольца ни к черту, компрессия упала. Очевидно, запорол двигатель — прогорели клапаны, — когда гнал по шоссе домой с полным грузом травки. Под кайфом он порой начинал психовать — не из-за копов, а потому что боялся, что грабанет

кто-нибудь из своих. Какой-нибудь вконец ошизевший торчок, которого ломает.

Проплыла девушка, невольно обращавшая на себя внимание. Черные волосы, хорошенькое личико, открытая рубашка и застиранные белые брючки. Э, да я ее знаю, подумал Чарлз. Это Донна, подружка Боба Арктора.

Он вылез из машины. Девушка окинула его взглядом и зашагала дальше. Чарлз пошел за ней. Наверное, решила, что я хочу ее потискать, подумал он, пробираясь сквозь толпу. Ничего себе шлепает, уже едва видно. Оглянулась. Лицо уверенное, спокойное… Большие глаза, взгляд оценивающий. Прикидывает, догоню ли. Если не поспешу, то вряд ли — ходит она неплохо.

На углу толпа встала перед светофором — машины бешеным потоком выворачивали справа. Однако девушка продолжала идти, быстро и с достоинством лавируя между ними. Водители смотрели на нее с возмущением, но она никак не реагировала.

Дождавшись сигнала «идите», Чарлз нагнал ее и окликнул:

— Донна!

Она не замедлила шага.

— Разве ты не подружка Боба? — спросил он,

забежав вперед, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Нет, — отрезала девушка. — Нет. — И пошла прямо на него, а Чарлз попятился и отступил, потому что в ее руке появился короткий нож, нацеленный ему прямо в живот.

— Пошел вон, — сказала она, продолжая двигаться вперед без тени колебания.

— Это же ты, я тебя видел… — растерялся Чарлз.

Нож был едва заметен, блестела лишь узкая полоска лезвия, но он знал: это нож. Она запросто пырнет его и пойдет дальше. Чарлз попятился, возмущенно пытаясь объясниться, и отошел в сторону, а девушка зашагала дальше, не говоря ни слова.

— Черт! — пробормотал он, глядя ей в спину.

Точно Донна. Она просто сразу не въехала. Испугалась, наверное, подумала, что он станет приставать. Надо быть поосторожней, когда подходишь на улице к незнакомке, — они все теперь хорошо подготовлены. Через многое прошли… Дерьмовый ножичек. Девушке не стоит такой носить — любой парень спокойно может вывернуть ей запястье и направить нож на нее. И я бы мог, если бы в самом деле ее хотел, подумал Фрек, раздраженно стиснув зубы. Я точно знаю — это

она, Донна.

Возвращаясь к машине, Чарлз заметил, что девушка остановилась, сразу выделившись из толпы пешеходов, и молча смотрит на него.

Он осторожно приблизился.

— Как-то ночью, — начал он, — я, Боб и еще одна цыпочка слушали старые записи Саймона и Гарфункеля, а ты…

…Она тогда набивала капсулы высококлассной смертью. Эль Примо. Нумеро Уно. Смерть. Потом раздала по дозе каждому, и мы закинулись, все вместе — все, кроме нее. «Я только продаю, — объяснила она. — Если я начну глотать их сама, то проем весь доход».

— Я думала, что ты собираешься сбить меня с ног и трахнуть, — сказала девушка.

— Нет, просто хотел подвезти… Прямо на дороге? — спросил Чарлз ошарашенно. — Среди бела дня?

— Ну, может, в подъезде. Или затащишь в машину…

— Но ведь мы с тобой знакомы! — возмутился он. — Да и Арктор меня бы просто пришил.

— Я тебя не узнала. — Она сделала шаг вперед. — Я близорука.

— Надо носить линзы, — посоветовал Чарлз.

У нее очаровательные большие, темные, теплые глаза, подумал он. Значит, она не сидит на игле.

— Были у меня линзы. Но как-то раз на вечеринке одна упала в чашу с пуншем. Пунш с кислоткой. Упала на самое дно; кто-то, наверное, зачерпнул ее и проглотил. Надеюсь, бедолага словил кайф — линза обошлась мне в тридцать пять баксов.

— Так что, подбросить тебя?

— Ты меня трахнешь в машине.

— Нет, — сказал Чарлз. — Не смогу — у меня в последнее время проблемы. Наверное, что-то подмешивают в травку. Какую-то химию.

— Ловко придумано. Однако меня не проведешь. Все меня трахают, — призналась она. — Во всяком случае, пытаются. Такова наша доля. Я сейчас сужусь с одним парнем. За сексуальное домогательство. Хочу получить возмещение ущерба в сорок тысяч.

— А как далеко он зашел?

— Схватил меня за грудь.

— За сорок-то тысяч?..

Они направились к машине.

— У тебя есть что-нибудь на продажу? — спросил Чарлз. — Дела совсем паршивые. Я на нуле,

практически на полном нуле. Взял бы даже несколько штук, если поделишься.

— Попробую достать.

— Только закидывать — я не ширяюсь.

— Ладно, — задумчиво произнесла Донна, опустив голову. — Но сейчас их трудно достать — почти все вышли. Ты, наверное, заметил. Много не смогу, хотя…

— Когда? — нетерпеливо прервал ее Чарлз. Они подошли к машине, он открыл дверцу и сел. Донна села с другой стороны, рядом с ним.

— Послезавтра, если свяжусь с одним парнем.

Черт, подумал он. Послезавтра.

— А раньше никак? Может, сегодня вечером получится?

— Не раньше, чем завтра.

— И почем?

— Шестьдесят за сотню.

— Ничего себе, — скривился Чарлз. — Обдираловка.

— Вещь — суперкласс. Я брала у него раньше. Совсем не то, к чему ты привык. Можешь мне поверить — они того стоят. Я вообще брала бы только у него, если бы могла, да у него не всегда есть. Понимаешь, он только что вернулся с юга и выбирал товар сам, так что качество отличное. И

не нужно ничего платить вперед, деньги потом, когда все будет у меня. Я тебе верю.

— Я никогда не плачу вперед.

— Иногда приходится.

— Ну ладно. Можешь достать хотя бы сотню? — Чарлз попытался быстро прикинуть, сколько он сумеет реально купить — за два дня, пожалуй, удастся найти сто двадцать баксов и взять у нее две сотни. А если тем временем подвернется что-нибудь повыгодней у других поставщиков, то о ней можно и забыть. Вот почему хорошо не выкладывать монету вперед.

— Тебе еще повезло, — добавила Донна, когда Чарлз завел двигатель и выехал на дорогу, — через час я должна встретиться с одним типом, и он, наверное, взял бы все, что я раздобуду, — тогда бы тебе не повезло. Твой счастливый день.

Она улыбнулась, и Чарлз улыбнулся в ответ.

— Хорошо бы поскорее.

— Постараюсь… — Донна открыла сумочку и вытащила маленькую записную книжку и ручку. — Как мне с тобой связаться? Да, кстати, я забыла, как тебя зовут?

— Чарлз Б. Фрек.

Он продиктовал ей номер телефона — не своего, разумеется, а одного друга из добропорядочных,

который передавал ему подобные послания, — и она тщательно записала его. С каким трудом она пишет, еле царапает… И чему только их учат в школе! Почти неграмотные все. Зато хорошенькая. Едва умеет читать и писать? Плевать! Что у телки важно, так это красивые сиськи.

— Я тебя, кажется, припоминаю, — сказала Донна. — Кажется. Я вообще не очень помню тот вечер, я тогда в стороне держалась. Помню только, как набивала порошок в маленькие капсулы от либриума. Я еще просыпала часть на пол. — Она задумчиво посмотрела на него. — А ты вроде парень ничего. Будешь потом брать еще?

— Спрашиваешь, — ответил Чарлз Фрек, прикидывая, как бы успеть найти товар подешевле. В любом случае дело в шляпе. Счастье, подумал он, это знать, что у тебя есть травка.

Людские толпы, солнечный свет и вся дневная суета скользили мимо него, не касаясь, — он был счастлив.

Паршивые копы вдруг сели ему на хвост — и посмотрите, как повезло! Совершенно неожиданный новый источник препарата «С»! Что еще нужно человеку? Теперь можно смело рассчитывать на две недели — почти полмесяца жизни. Две недели!.. Его сердце возликовало, и Чарлз на

мгновение ощутил дурманящий аромат весны, врывающийся в окна машины.

— Поедешь со мной к Джерри Фабину? Я отвожу ему шмотки в федеральную клинику номер три, его забрали вчера ночью. Беру понемногу, а то вдруг его выпишут и придется переть все назад.

— Лучше мне с ним не встречаться, — сказала Донна.

— Ты его знаешь? Джерри Фабина?

— Джерри думает, что именно я заразила его букашками.

— Тлей.

– *Тогда* он не знал, что это тля… Лучше мне не лезть — в прошлый раз он как с цепи сорвался. Все дело в рецепторных зонах мозга — по крайней мере я так думаю. И в правительственных бюллетенях так объясняют.

— Это лечится?

— Нет.

— В клинике обещали свидание. Говорят, что он, пожалуй, мог бы… — Чарлз повел рукой. — Ну, не то чтобы… — Он снова сделал жест рукой — ему трудно было сказать *такое* о своем друге.

Донна бросила на него подозрительный взгляд.

— Уж не поврежден ли у тебя речевой центр? В

твоей… как там ее… затылочной доле.

— Нет, — ответил Чарлз энергично.

— А вообще какие-нибудь повреждения? — Она постучала себя по голове.

— Нет. Просто, понимаешь, ненавижу эти чертовы клиники… Однажды я навещал парня… Он пытался натирать пол… то есть, я имею в виду, он просто не мог понять, как это делается… Что меня достало, так это то, что он все равно старался. Не просто час или два; через месяц, когда я опять пришел, он все еще пытался, снова и снова, так же как и в первый раз, когда я его видел. Никак не мог взять в толк, почему у него не получается. Я помню его лицо: он был уверен, что сделает все правильно, если поймет наконец, в чем его ошибка. И постоянно спрашивал: «Что я делаю не так?» А объяснить ему ничего было нельзя, то есть они там объясняли, и я объяснял, а он никак не мог понять.

— Я читала, что рецепторные зоны в мозгу обычно отказывают раньше всего, — спокойно проговорила Донна, разглядывая соседние машины. — Смотри, впереди один из тех новых «Порше» с двумя двигателями! — Она возбужденно указала пальцем. — Ух ты!

— Я знал парня, угнавшего такой «Порше», —

сказал Чарлз. — Вывел машину на Риверсайд, разогнался до семидесяти пяти — и в лепешку. Въехал прямо в какой-то трейлер. Думаю, он его и не заметил.

У него немедленно пошел глюк: он сам за рулем «Порше», но трейлеры замечает, замечает вообще все на свете. И все на шоссе — Риверсайд в час пик, — безусловно, замечают его: такой стройный, широкоплечий, неотразимый чувак в новеньком «Порше», делающем двести миль в час, — и полицейские беспомощно разевают вслед рты.

— Ты дрожишь, — сказала Донна и опустила руку на его локоть. Какая нежная рука — прямо мурашки по коже. — Притормози.

— Я устал, — пожаловался Чарлз. — Две ночи и два дня считал букашек. Считал и засовывал в банки. А когда мы на следующее утро понесли их в машину, чтобы показать доктору, там ничего не оказалось. Пустые банки. — Теперь он сам почувствовал свою дрожь, заметил, как трясутся руки на руле. — Ничего ни в одной чертовой банке. Никаких букашек. И тогда я понял, я понял, черт побери!.. До меня дошло: Джерри испекся. Ошизел.

Воздух больше не пах весной. Мучительно по-

тянуло принять дозу препарата «С». К счастью, у него был еще небольшой походный запас в «бардачке», и он стал искать парковку, чтобы остановиться.

— Ты и сам хорош, — сказала Донна. Голос девушки звучал отстраненно, она как будто ушла в себя. Наверно, ее достала его дурацкая езда. Скорее всего.

У него вдруг пошел новый глюк. Перед глазами возник большой припаркованный «Понтиак», стоявший задним мостом на домкрате. Домкрат опасно накренился; длинноволосый мальчишка лет тринадцати, взывая о помощи, пытался удержать машину. Они с Джерри Фабином выбежали из дома. Чарлз схватился за дверцу со стороны водителя, пытаясь открыть ее, чтобы поставить на тормоз, а Джерри — в одних брюках и босиком, со спутанной после сна шевелюрой — обежал машину и голым белым плечом, никогда не видевшим солнца, сшиб мальчишку, откинув его в сторону. Домкрат наклонился еще больше, и машина упала задом на землю. Мальчишку не задело.

— Слишком поздно было тормозить, — выдохнул Джерри, пытаясь откинуть засаленные волосы с глаз и часто мигая. — Не успели бы.

— Он в порядке? — крикнул Чарлз Фрек. Сердце его бешено колотилось.

— Да. — Джерри стоял рядом с мальчиком, пытаясь отдышаться. — Черт! — яростно заорал он. — Я же говорил тебе: подожди, сделаем вместе!.. Идиот, когда домкрат падает, тебе не удержать в руках две тонны веса! — Его лицо исказилось от гнева. Парнишка выглядел несчастным и виновато смотрел в землю. — Сто раз тебе твердил!

— Я хотел нажать на тормоз, — попытался объяснить Чарлз Фрек, прекрасно сознавая собственную идиотскую ошибку, столь же большую, что и у мальчишки, и столь же смертельную. Он, взрослый человек, не справился с ситуацией. — Теперь я понимаю…

И тут глюк оборвался; это оказалось вполне реальное воспоминание: они тогда все жили вместе. У Джерри сработал инстинкт — иначе мальчишка валялся бы под «Понтиаком» с перебитым позвоночником.

— Я спал, — пробубнил Джерри уже в уютном сумраке дома. — Первый раз за две недели букашки дали мне нормально заснуть. Пять дней я вовсе не спал, только бегал из угла в угол. Я уж было думал, что они совсем ушли из дому,

куда-нибудь к соседям. А теперь я их снова чувствую. Меня снова обманули — десятый раз. Или одиннадцатый? — Голос Джерри звучал уже спокойнее, не сердито, а скорее озадаченно. Он протянул руку и дал мальчишке хороший подзатыльник. — Эх ты, тупица, если домкрат не держит, сразу давай деру! Забудь о машине, даже не пытайся удержать ее.

— Но, Джерри, я боялся, что ось…

— К черту ось! К черту машину! Речь идет о твоей жизни. — Все трое прошли через темную гостиную; глюк-воспоминание о давно прошедшем вспыхнул в последний раз и погас навеки.

Глава 2

— Достопочтенная публика! Граждане Анахайма! — взвыл человек с микрофоном. — Сегодня нам представилась удивительная возможность послушать и расспросить тайного агента Отдела по борьбе с наркоманией!

Он просиял, этот человек в ярко-розовом костюме, широком желтом пластиковом галстуке и ботинках из искусственной кожи. Чересчур толстый, чересчур старый и чересчур радостный, хотя радоваться было нечему. Глядя на него, тайный агент чувствовал тошноту.

— Вы, безусловно, обратили внимание, что наш гость как бы расплывается перед глазами. Причина в том, что он носит так называемый костюм-болтунью — а именно, тот самый костюм, который он обязан носить, выполняя свои обязанности, вернее, большую их часть, в Отделе по борьбе с наркоманией. Позже он сам объяснит вам зачем.

Публика, как две капли воды отражавшая все черты ведущего, сосредоточенно обозревала агента в костюме-болтунье.

— Этот человек, которого мы будем называть

Фред, ибо таково кодовое имя, под которым он сообщает собранную информацию, находясь в костюме-болтунье, не может быть опознан по внешнему виду или голосу. Он похож на расплывчатое пятно и ни на что больше, не правда ли, друзья?

Ведущий изобразил лучезарную улыбку. Слушатели, разделяя его чувство юмора, тоже улыбнулись.

Костюм-болтунья был изобретением некоего сотрудника Лабораторий Белла по фамилии С. А. Пауэрс. Экспериментируя с возбуждающими веществами, действующими на нервные клетки, как-то ночью Пауэрс сделал себе инъекцию препарата IV, который должен был вызывать лишь легкую эйфорию, и испытал катастрофическое падение мозговой активности. После чего его субъективному взору на стене спальни предстали пылающие образы, в коих он тут же узнал произведения абстрактной живописи.

На протяжении шести часов С. А. Пауэрс зачарованно наблюдал тысячи картин Пикассо, сменяющих друг друга с фантастической скоростью. Затем он просмотрел работы Пауля Клее, причем большее количество, чем художник написал за всю свою жизнь. Когда наступила оче-

редь шедевров Модильяни, С. А. Пауэрс пришел к выводу (а в конце концов, все явления нуждаются в разъясняющей теории), что его гипнотизируют розенкрейцеры, используя высокосовершенные микроскопические передающие системы. Потом, когда его стали изводить Кандинским, он вспомнил о музее в Петербурге, где хранились как раз такие полотна, и решил, что с ним пытаются вступить в телепатический контакт русские.

Утром Пауэрс выяснил в литературе, что резкое падение мозговой активности нередко сопровождается цветными видениями, так что дело было вовсе не в телепатическом контакте, тем более с помощью микросистем. Однако идея костюма-болтуньи уже родилась. В основном костюм состоял из многогранных кварцевых линз, соединенных с микрокомпьютером, который содержал в памяти полтора миллиона закодированных физиономических характеристик разных мужчин, женщин и детей. Каждую наносекунду компьютер передавал на сверхтонкую мембрану, окружавшую носителя костюма, всевозможные оттенки цвета глаз, волос, формы носа, расположения зубов, конфигурации лицевых костей и т. д. Чтобы сделать костюм-болтунью более эффективным, С. А. Пауэрс заставил компьютер

выбирать последовательность проецируемых образов случайным образом. Кроме того, ему удалось найти дешевый материал для мембраны — побочный продукт производства одной промышленной компании, выполнявшей правительственные заказы.

Короче говоря, носитель костюма являлся человеком толпы в полном смысле слова: в течение каждого часа он приобретал внешность миллиардов различных людей. Таким образом, любые попытки описать его или ее были совершенно бессмысленны и заранее обречены на провал. Нет нужды говорить, что С. А. Пауэрс ввел в банк памяти и свои собственные данные, и захороненный в головоломном сплетении характеристик лик изобретателя всплывал в каждом костюме на одну наносекунду… в среднем, как он подсчитал, раз в пятьдесят лет. Это была его заявка на бессмертие.

— Давайте же послушаем расплывчатое пятно! — громко подытожил ведущий, и публика захлопала.

Фред, он же Роберт Арктор в костюме-болтунье, простонал и подумал: «Это ужасно».

Раз в месяц каждый агент по борьбе с наркоманией должен был выступать на подобном

сборище болванов. Сегодня была его очередь. Глядя на публику, он с новой силой осознал, насколько отвратительны ему добропорядочные. Они в восторге. Их развлекают.

Может быть, как раз в этот момент костюм приобрел внешний облик С. А. Пауэрса.

— Впрочем, все это не так уж и смешно, — заявил ведущий. — Наш герой… — Он замолчал, пытаясь вспомнить имя.

— Фред, — подсказал Боб Арктор. С. А. Фред, усмехнулся он про себя.

— Да-да, Фред. — Ведущий снова оживился и громогласно продолжил: — Как вы сами можете убедиться, его голос ничем не отличается от механических компьютерных голосов, которые вы слышите каждый день, заезжая, к примеру, в банк в Сан-Диего. Именно этим голосом, совершенно безжизненным, лишенным индивидуальности и каких-либо отличительных характеристик, Фред делает доклады руководству в Отделе… мм… по борьбе с наркоманией. — Последовала многозначительная пауза. — Агенты полиции находятся под постоянной смертельной угрозой, поскольку, как мы знаем, наркомафия с поразительной ловкостью внедряется в различные силовые структуры по всей стране, во всяком слу-

чае вполне способна это делать, согласно нашим ведущим экспертам. И поэтому в целях защиты наших отважных героев костюм-болтунья совершенно необходим.

Последовали жидкие аплодисменты, адресованные костюму-болтунье. Аудитория выжидающе уставилась на человека, затаившегося внутри загадочного творения ученых.

— Но, выполняя свое задание, — добавил ведущий, отодвигаясь от микрофона, чтобы дать место Фреду, — он, разумеется, не носит этот костюм. Он одевается как все, вернее, в экстравагантную одежду, принятую у хиппи и прочих неформальных групп, среди которых вынужден вращаться согласно велению долга.

Фреду — Роберту Арктору — приходилось выступать уже шесть раз, и он прекрасно знал, что надо говорить и что ему уготовано: бесконечные варианты одних и тех же идиотских вопросов и непроницаемая тупость слушателей. Короче, пустая трата времени плюс раздражение и злость, и всякий раз чувство тщетности…

— Увидев меня на улице, — сказал он в микрофон, когда стихли аплодисменты, — вы бы решили: «Вот идет псих, извращенец, наркоман». Вы бы почувствовали отвращение и отверну-

лись.

Аудитория затихла.

— Я не похож на вас, — продолжал он. — Я не могу себе позволить быть похожим на вас. От этого зависит моя жизнь.

На самом деле не так уж он от них и отличался. И ту одежду, которую надевал каждый день, носил бы в любом случае, даже если бы от этого ничего не зависело — ни жизнь, ни работа. Ему нравилась его одежда. Просто то, что он скажет, в общих чертах известно заранее. Текст выступления написан руководством и давно выучен наизусть. Агент мог слегка отклониться, но общая форма была стандартной. Начальник отдела, старый служака, утвердил ее пару лет назад, и теперь она воспринималась как священное писание.

Боб Арктор подождал, пока сказанное дойдет до сознания слушателей.

— Я не собираюсь рассказывать вам, чем мне приходится заниматься в качестве тайного агента, выслеживая распространителей наркотиков и источники нелегального товара, продающегося на улицах наших городов и в коридорах учебных заведений. Я хочу рассказать вам о том… — он сделал паузу, как его учили в академии на занятиях по психологии, — о том, чего я боюсь.

Это сразило их: все взгляды были прикованы к нему.

— Я боюсь за наших детей. За ваших детей и моих… — Он снова замолчал. — У меня их двое. — Затем, очень тихо: — Юные, совсем малыши… — И тут же страстно, повышая голос: — Но уже достаточно большие, чтобы можно было расчетливо прививать им пагубную зависимость от наркотиков — ради выгоды тех, кто уничтожает наше общество. — Снова пауза. — Мы пока еще не знаем… — более спокойным голосом, — кто эти люди, точнее, звери, которые охотятся на наших детей, словно обитают в диких джунглях. Кто продает эту мерзость, выжигающую мозг, которую ежедневно глотают, ежедневно курят и ежедневно вкалывают миллионы мужчин и женщин — вернее, тех, кто когда-то был мужчиной или женщиной. Мы постепенно распутываем этот клубок. И клянусь Богом, рано или поздно распутаем до конца. Мы их узнаем, всех до единого!

Голос из публики:

— Мы им устроим!

Другой голос:

— Покончим с коммуняками!

Бурные аплодисменты.

Роберт Арктор молчал. Смотрел на них, на

этих добропорядочных жирных кретинов с их правильными костюмами, правильными галстуками и правильными туфлями и думал: «Препарат «С» не может выжечь им мозги. У них просто нет мозгов».

— Расскажите нам то, что вы знаете, — раздался более спокойный голос.

Арктор обвел взглядом зал. Пожилая женщина, не столь отвратного вида, как ее соседи. Она нервно сцепила руки.

— Каждый день эта страшная болезнь вырывает новые жертвы из наших рядов, — продолжал Фред, то есть Роберт Арктор. — В конце каждого дня деньги текут… — Он замолчал. И никакая сила не могла заставить его продолжать речь, вызубренную и тысячи раз повторенную на занятиях.

Все замерли.

— А вообще-то дело не только в наживе. Вы сами видите, что происходит…

Нет, они ничего не видят. Они не замечают, что я отошел от шаблона, говорю самостоятельно, без помощи суфлеров. Ну и что? Разве их что-нибудь волнует? Их огромные квартиры охраняют вооруженные наемники, готовые открыть огонь по любому торчку, который лезет по обнесенной

колючей проволокой стене, чтобы засунуть в пустую наволочку их часы, их бритву, их стереосистему… Он лезет, чтобы добыть себе косяк: если не добудет, то может просто-напросто сдохнуть от боли и шока воздержания. Но если ты живешь в роскошном доме и твоя охрана вооружена — зачем об этом думать?

— Если бы вы страдали диабетом и у вас не хватало бы денег на укол инсулина, что бы вы стали делать? Крали бы? Или просто-напросто сдохли?

Молчание.

В наушниках его костюма-болтуньи зазвучал тонкий голосок:

— Лучше вернитесь к утвержденной речи. Мой вам настоятельный совет.

— Я забыл ее, — сказал Фред, Роберт Арктор, невидимому суфлеру. Он не знал, кто это — какая-то мелкая шишка из Отдела, курировавшая сегодняшнюю встречу.

— Мм… ладно, — протянул суфлер. — Я буду вам читать. Повторяйте за мной, но старайтесь, чтобы звучало естественно. — Молчание, шорох страниц. — Так, посмотрим… «новые жертвы из наших рядов. В конце каждого дня деньги текут»… Тут вы остановились.

— Я не могу, меня воротит от этого, — выдавил

Арктор.

— «…А куда они текут, мы скоро выясним, — не обращая внимания, продолжал суфлер. — Тогда последует возмездие. И в тот момент ничто на свете не искусит меня поменяться с ними местами».

— Знаете, почему я не могу? — спросил Арктор. — Потому что именно от таких вот вещей люди ищут спасения в наркотиках.

Да, подумал он, вот почему ты сбегаешь и садишься на дозу, сдаешься — из отвращения.

Но потом он снова посмотрел на публику и понял, что к ним это не относится. Ничтожества, дебилы. Им нужно все разжевывать, как в первом классе: «А — это арбуз. Арбуз круглый…»

— «С», — сказал он публике, — это препарат «С». «С» — это бегство, бегство ваших друзей от вас, вас — от них, всех — друг от друга, это разделение, одиночество, ненависть и взаимные подозрения. «С» — это слабоумие. «С» — это смерть. Медленная смерть, как называем ее мы… — Он осекся. — Мы, наркоманы…

Он медленно прошел к своему стулу и сел. В тишине.

— Вы провалили встречу, — сказал суфлер-начальник. — Когда вернетесь, зайдите ко мне в

кабинет. Комната четыреста тридцать.

— Да, — сказал Арктор. — Провалил.

На него смотрели так, словно он только что прямо у них на глазах помочился на сцену.

Прошествовав к микрофону, ведущий объявил:

— Фред с самого начала хотел провести нашу встречу в форме вопросов и ответов, ограничившись лишь кратким вступительным словом. Я забыл об этом упомянуть. Итак, — он поднял руку, — первый вопрос?

Арктор внезапно снова неуверенно поднялся.

— Похоже, Фред хочет что-то добавить. — Ведущий сделал приглашающий жест.

Арктор подошел к микрофону и, опустив голову, тихо и отчетливо произнес:

— Вот еще что. Не надо плевать им вслед лишь потому, что они сели на дозу. Большинство из них, особенно девчонки, не знали, на что садятся или что садятся вообще. Просто постарайтесь удержать их… Понимаете, они растворяют «красненькие» в стакане вина — толкачи, я имею в виду. Дают выпить цыпочке, какой-нибудь несовершеннолетней крошке, и та вырубается, и тогда ей впрыскивают смесь героина и препарата «С»… — Он замолчал. — Спасибо за внимание.

— Как нам остановить их, сэр? — спросил мужчина.

— Убивайте толкачей, — сказал Арктор и побрел к стулу.

Ему не хотелось сразу возвращаться в Отдел и идти в комнату 430, и он стал спускаться по одной из торговых улочек, разглядывая лотки с гамбургерами, автомойки, заправочные станции, пиццерии и прочие достопримечательности. Бродя так без всякой цели в толпе, Арктор испытывал странное ощущение. Кто он на самом деле? Там, на встрече, он сказал, что без костюма-болтуньи выглядит как наркоман. Да он и разговаривал как наркоман, так что толпа вокруг, без сомнения, принимала его за одного из них и реагировала соответственно. Более того, другие наркоманы («другие», вот именно!) казались ему своими — «мир, брат!» — в отличие от добропорядочных.

Стоит надеть епископскую митру и мантию, размышлял Арктор, и походить в ней некоторое время, позволяя людям преклонять колени и целовать твою руку, и не успеешь оглянуться, как ты уже и впрямь епископ или типа того. Что такое личность? Где начинается и кончается собственное «я»?

И уж совсем непонятно становилось, кто он на

самом деле, когда начинались разборки с полицией. Когда копы, патрульные или какие-нибудь другие, все равно какие, притормаживали около него, идущего по тротуару, и сначала долго сверлили своим пустым металлическим взглядом, а потом наконец, решив поразвлечься, останавливались и подзывали к себе. «А ну, документы! — говорил обычно коп, протягивая руку, а потом, когда Арктор-Фред-Черт-знает-кто начинал рыться за пазухой, орал: — ТЕБЯ УЖЕ ЗАБИРАЛИ?» Иногда добавляя слово «РАНЬШЕ». Так, как будто прямо сейчас отправит в кутузку. «За что?» — обычно спрашивал Фред. Или просто молчал. Тут же собиралась толпа. Большинство считали, что это толкач, которого повязали на углу; они ухмылялись и распихивали друг друга локтями, чтобы полюбоваться зрелищем. Некоторые сердито ворчали — обычно чиканос, негры или явные торчки; потом они спохватывались и старались принять равнодушный вид — в присутствии копов лучше не выступать. Качаешь права или нервничаешь — значит, сам что-то скрываешь. Подозрительных полиция начинала потрошить автоматически.

На этот раз, однако, никто его не трогал. Вокруг было полно точно таких же торчков.

«Кто я на самом деле?» — спрашивал себя Роберт Арктор. На мгновение ему захотелось влезть в костюм-болтунью. Тогда бы я снова, думал он, стал расплывчатым пятном, и прохожие, уличная толпа, снова стали бы аплодировать. «Давайте же послушаем расплывчатое пятно!» — прокрутил он в памяти недавнюю сцену. Отличный способ прославиться! А как бы они узнали, что это то самое пятно, а не какое-нибудь другое? Внутри мог бы быть совсем не Фред или другой Фред — хрен поймешь, даже если «Фред» раскроет рот и заговорит. Никто не определит наверняка, никто, никак… А вдруг это, к примеру, Эл, который притворяется Фредом? В костюме может быть кто угодно, а может даже и совсем никого не быть, если он — чем черт не шутит! — автоматический и управляется на расстоянии, из Отдела по борьбе с наркоманией. И тогда Фредом может быть любой, кто в этот момент сидит в Отделе за столом, с напечатанным текстом и микрофоном, или даже все они вместе, каждый за своим столом.

Все было бы так, если бы не то, что я сказал в конце, подумал Арктор. Кто угодно в Отделе за столом такого не скажет. И вот об этом-то начальство и хочет со мной поговорить.

Разбираться с начальством ему совсем не улы-

балось, и он продолжал тянуть время, шатаясь по улицам, идя наугад, без всякой цели, в никуда. Впрочем, в Южной Калифорнии и не важно, куда ты идешь: везде торчат одни и те же «Макдоналдсы», как будто ты не движешься, а только делаешь вид, а вокруг тебя поворачивается сцена с декорациями. А когда наконец ты чувствуешь голод и заходишь в один из этих «Макдоналдсов», чтобы купить гамбургер, он оказывается тем же самым, что в прошлый раз, и в позапрошлый, и так далее, вплоть до самого твоего рождения и еще раньше, да в придачу еще злые языки утверждают — вот ведь клеветники! — что делают там все из индюшачьих желудков. Если верить рекламе, то тот первоначальный гамбургер уже продали пятьдесят миллиардов раз. Небось еще одному и тому же человеку… Жизнь в Калифорнии — она сама вроде рекламного ролика, который прокручивают без конца. Ничего не меняется, только расходится все дальше и дальше, словно автоматическую фабрику, которая штампует эту жизнь, заклинило во включенном положении. Была такая сказка: «Как море стало соленым». А теперь «Как земля стала пластиковой». Когда-нибудь, подумал Арктор, нас заставят самих продавать друг другу гамбургеры. Прямо

у себя дома, день за днем, вечно. Тогда незачем будет и на улицу выходить.

Он взглянул на часы: два тридцать. Пора звонить Донне. Судя по всему, он сможет достать через нее тысячу таблеток препарата «С».

Естественно, он передаст их на анализ и последующее уничтожение. Или что уж там с ними делают… Может, сами закидываются — ходят такие слухи. Или продают. Почем знать… Но Боб Арктор покупал у Донны не для того, чтобы взять ее за посредничество: он имел с ней дело много раз и не арестовал ее. Все затевалось вовсе не из-за какой-то девчонки, которая считала, что это круто и интересно — торговать наркотиками. Половина агентов в Отделе знали ее в лицо. Иногда она даже продавала на стоянке у магазина «7–11», перед камерой, установленной там полицией, и ее не трогали. Она могла бы делать что угодно и перед кем угодно — ее все равно не стали бы забирать.

Цель операций с Донной, как и всех прочих, — выйти на более крупного поставщика. Поэтому Арктор заказывал все большие количества товара. Началось все с того, что он уговорил ее достать ему десять таблеток в качестве дружеской услуги. Затем выпросил пакет на сотню таблеток, потом

три пакета. Теперь, если повезет, он получит тысячу, то есть десять пакетов. В конечном счете дело дойдет до таких партий товара, которые будут ей не по карману: она просто не сможет выложить достаточную сумму поставщику. И тогда, чтобы не потерять прибыль от сделки, она начнет торговаться — потребует, чтобы он, Боб, заплатил хотя бы часть вперед. Он откажется, время будет идти, все начнут нервничать, особенно поставщик, который рискует, держа у себя товар. И наконец Донна сдастся и скажет Бобу и поставщику: «Слушайте, давайте-ка вы лучше свяжетесь напрямую. Я вас обоих знаю, вы нормальные ребята, вам можно верить. Назначим время и место, и вы встретитесь. Так что, Боб, если тебе нужны такие партии, покупай прямо у него». Фактически тысячи таблеток — это уровень посредника, а не клиента. Донна уверена, что сам Боб продает таблетки сотнями. Так он поднимется на следующую ступеньку, а там и еще выше, по мере того как партии товара будут расти. И вот настанет момент, когда он выйдет на человека, которого уже можно будет брать. На того, кто что-то знает, кто связан или с производителем, или с тем, кто берет непосредственно у производителя.

В отличие от других наркотиков препарат «С» имел, по-видимому, один-единственный источник. Он был синтетическим и, следовательно, производился в лаборатории. Его исходные компоненты были довольно сложны и так же трудны в изготовлении, как и сам препарат. Теоретически препарат «С» мог производить кто угодно, если, во-первых, знать химическую формулу, а во-вторых, располагать технологическими возможностями. Но практически это оказывалось слишком дорого. Кроме того, тот, кто изобрел препарат и наладил поставку, продавал его настолько дешево, что конкуренция была исключена. А широкая сеть поставок говорила о том, что, хотя препарат имеет единственный источник, его производство рассредоточено — по-видимому, лаборатории находились по соседству с каждым крупным городским центром потребления наркотиков в Северной Америке и Европе. Почему ни одна из них до сих пор не раскрыта, оставалось загадкой; скорее всего, таинственная организация настолько глубоко проникла в силовые структуры, местные и общенациональные, что те, кому удавалось что-либо узнать, или быстро переставали этим интересоваться, или интересоваться становилось просто некому.

Разумеется, у Арктора было еще несколько нитей, кроме Донны. Других посредников он так же точно тормошил, требуя все больших партий препарата. Но поскольку она была его девушкой — по крайней мере, он имел на нее виды, — ему с ней легче работалось. Навещать ее, разговаривать по телефону, проводить вместе вечера доставляло удовольствие. В некотором смысле — линия наименьшего сопротивления. Если вам приходится шпионить, так уж лучше за людьми, с которыми вы все равно встречаетесь. Это менее подозрительно и не так скучно. А если вы с ними и не встречались часто до того, как начали шпионить, то все равно станете встречаться, так что в конечном счете выйдет то же самое.

Он вошел в телефонную будку и набрал номер.

— Алло, — ответила Донна.

Все телефонные автоматы в мире прослушиваются. А если где-то и не прослушиваются, то просто до них еще не успели добраться. Записи разговоров поступают в центральный пункт и в среднем раз в два дня проверяются дежурным, которому даже не надо выходить из кабинета, а достаточно лишь нажать кнопку. Большинство разговоров безобидны. Обязанность дежурного — выделять небезобидные. В этом заключается

его искусство. За это ему платят.

Так что их с Донной пока никто не слушал. Запись должны были получить не раньше чем на следующий день. Если бы они обсуждали что-либо уж совсем одиозное и дежурный это заметил, то снял бы компьютерные отпечатки их голосов. Так что от них требовалось лишь особо не выпендриваться. Можно было даже явно упоминать о наркотиках. Федеральному правительству приходилось экономить: невыгодно затевать возню с отпечатками и слежкой из-за мелких сделок, которые заключаются каждый день по огромному количеству телефонов. И Донне, и Арктору это было хорошо известно.

— Как дела? — спросил он.

— Ничего… — Теплый и слегка хриплый голос.

— Как настроение?

— Да так себе. Не очень… Сегодня утром босс в магазине устроил мне подлянку. — Донна стояла за прилавком с парфюмерией в торговых рядах в Коста-Месе, куда отправлялась каждое утро на своей малолитражке. — Знаешь, что он мне выдал? Что тот тип, который нас недавно обул на десять баксов — тот старый, седой, — короче, что это я виновата и недостачу покрою из своей зарплаты. Так что, выходит, я погорела на десятку,

хотя чиста как стеклышко. Вот падла!

— Я могу у тебя что-нибудь взять?

— Ну-у… — протянула она угрюмо и вроде как неохотно — своеобразная игра. — Смотря сколько тебе надо.

— Десять.

Они договорились, что один — это сотня. Таким образом, он просил тысячу. Среди дельцов вообще принято крупные числа заменять мелкими, чтобы разговаривать по телефону, не привлекая внимания властей. Так можно было продержаться сколько угодно — спецназ вряд ли станет прочесывать все квартиры ради мелких партий наркотиков.

— Десять… — раздраженно пробормотала Донна.

— У меня зарез, — объяснил он. Как будто берет для себя, а не на продажу.

— Мм… десять… — Она явно размышляла, не продает ли он сам. Может, и продает. — Десять. Почему бы и нет? Скажем, через три дня, нормально?

— А раньше нельзя?

— Понимаешь…

— Ладно, идет, — согласился он. — Я заскочу.

— Хорошо. Когда?

Она прикинула.

— Около восьми вечера. Слушай, я тут нашла одну книжку — кто-то забыл в магазине, — хочу тебе показать. Книжка классная. Про волков. Знаешь, когда волк-самец побеждает соперника, то не приканчивает, а мочится на него. Именно так! Прямо берет и писает на побежденного врага, а потом бежит дальше. Вот и все. Они дерутся только за территорию и право трахаться.

— Я тут тоже недавно кое на кого помочился, — усмехнулся Арктор.

— Серьезно? Как это?

— Метафорически.

— Не на самом деле?

— Ну, в смысле… я заявил им… — Он спохватился. Черт, чуть не сболтанул. — В общем, я иду, а один парень на мотоцикле, типа байкера, он начал ко мне цепляться. Так я повернулся и выдал… — Он замялся, пытаясь придумать что-нибудь этакое.

— Можешь мне сказать, — хихикнула Донна. — Даже если это что-то совсем грубое. Байкеров иначе не проймешь — просто не поймут.

— Мол, лучше бы он почаще сидел на свинке, чем на этом борове.

— Я что-то не въехала.

— Ну, типа, на женщине…

— А-а…

— Ладно, заходи, я буду ждать…

— Принести тебе книжку про волков? Автор — Конрад Лоренц, там на обложке написано, что он по ним главный специалист. Да, чуть не забыла. Сегодня ко мне в магазин заглянули твои сожители: Эрни… как там его… и Баррис. Искали тебя.

— Что стряслось? — спросил Арктор.

— Цефалохромоскоп, что обошелся тебе в девятьсот долларов… Они хотели включить его, а он не работал. Ни цвета, ничего… В общем, они взяли инструменты Барриса и отвернули днище.

— Черт побери! — возмущенно воскликнул Арктор.

— Там вроде кто-то ковырялся, испорчена вся схема. Похоже, нарочно: оборваны провода, сломаны детали и так далее. Баррис сказал, что попробует…

— Все, я еду домой, — отрубил Арктор и повесил трубку.

Самое лучшее, что у меня есть. Самое дорогое. Если этот кретин Баррис начнет копаться… Но я не могу сейчас ехать домой, опомнился он. Сперва надо побывать в «Новом пути» и посмотреть, что там творится.

Приказ руководства.

Глава 3

Чарлз Фрек тоже подумывал о «Новом пути» — так на него подействовала участь Джерри Фабина.

Он сидел с Джимом Баррисом в кофейне «Три скрипача» в Санта-Ане и уныло перебирал засахаренные орешки.

— Решиться не просто. Там страх что творят. Сидят с тобой день и ночь, чтобы ты не наложил на себя руки или не откусил себе палец, и совсем ничего не дают для облегчения. Даже того, что обычно врач прописывает, вроде валиума.

Баррис посмеивался, разглядывая свой горячий бутерброд — эрзац-сыр и такое же мясо на диетическом хлебце.

— Что это за хлеб? — спросил он.

— Почитай меню, — ответил Чарлз Фрек. — Там все написано.

— Если ты согласишься на лечение, то испытаешь ряд неприятных ощущений в области головного мозга. В первую очередь я имею в виду катехоламины, такие как норадреналин и серотонин. Видишь ли, все происходит следующим образом: препарат «С» — вообще все

наркотические вещества, но препарат «С» особенно — взаимодействует с катехоламинами на подклеточном уровне, и устанавливается биологическая контрадаптация, вроде бы навсегда. — Он откусил большой кусок с правой стороны бутерброда. — Раньше считалось, что это происходит только с алкалоидными наркотиками, такими как героин.

— Я категорически против героина. Паршивая штука.

К столику подошла симпатичная официантка в желтом халатике, светловолосая, с высокой дерзкой грудью.

— Привет, — сказала она. — Все в порядке?

Чарлз Фрек испуганно поднял взгляд.

— Как тебя звать, милая? — спросил Баррис, жестом успокаивая Фрека.

Она ткнула в табличку на правой грудке.

— Бетти.

Интересно, как зовут левую, подумал Чарлз Фрек.

— У нас все отлично, — сказал Баррис, нахально оглядывая девушку с головы до ног.

Чарлз увидел исходящий из головы Барриса круг, как на карикатуре, в котором совершенно голая Бетти молила о ласке.

— Только не у меня, — заявил Чарлз Фрек. — У меня полно проблем — больше, чем у кого бы то ни было.

— У всех свои проблемы, — рассудительно заметил Баррис. — И чем дальше, тем больше. Наш мир болен, и с каждым днем болезнь становится все круче.

Картинка над его головой тоже стала круче.

— Желаете заказать десерт? — улыбаясь, предложила Бетти.

— Например? — подозрительно спросил Чарлз Фрек.

— У нас есть свежий клубничный пирог. И еще персиковый. Мы сами печем.

— Нет, не надо нам никаких десертов! — сказал Чарлз Фрек. — Фруктовые пироги годятся только для старушек, — добавил он, когда официантка отошла.

— Это все твоя идея насчет лечения, — объяснил Баррис. — Она и заставляет тебя нервничать. Твой страх — не что иное, как проявление негативных целевых симптомов. А цель — не пустить тебя в «Новый путь» и не дать завязать. Понимаешь, все симптомы — они целевые, будь то позитивные или негативные.

— Ни фига себе…

— Они возникают в теле специально для того, чтобы заставить его хозяина — в данном случае тебя — лихорадочно искать…

— Первое, что делают в «Новом пути», — сказал Чарлз Фрек, — это отрезают тебе член. В качестве наглядного урока. Ну и так далее.

— Затем вырежут селезенку, — кивнул Баррис.

— Что?.. Вырежут… А она зачем, эта селезенка?

— Помогает переваривать пищу.

— Как?

— Удаляет целлюлозу.

— Значит, потом…

— Только бесцеллюлозная пища. Никаких листьев или бобовых.

— И сколько так можно протянуть?

Баррис пожал плечами.

— Как получится.

— А сколько селезенок обычно у человека? — Фрек знал, что почек, как правило, две.

— Это зависит от веса и возраста.

— Да ну? — подозрительно прищурился Фрек.

— Они растут. К восьмидесяти годам…

— А-а… да ты меня разыгрываешь.

Баррис рассмеялся. У него какой-то странный смех, подумал Чарлз. Неестественный, как будто что-то рвется.

— А почему ты вдруг решил лечь в наркоцентр на воздержание?

— Джерри Фабин, — ответил Фрек.

Баррис махнул рукой.

— Джерри — особый случай. Однажды у меня на глазах Джерри пошатывается и падает, испражняется под себя, не соображая, где находится, умоляет спасти… Ему подсунули какую-то гадость, сульфат таллия скорее всего. Сульфат таллия используют в инсектицидах и в крысиной отраве. Кто-то устроил подлянку. Я могу назвать десяток ядов, которые…

— И другая причина, — сказал Чарлз Фрек. — У меня кончается запас, и я не в силах это выдержать — постоянно сидишь на нуле и не знаешь, достанешь еще или нет!

— Ну, если на то пошло, мы не можем быть уверены в том, что доживем до завтрашнего дня.

— Черт побери, сейчас вообще зарез — день-два, и кранты. И еще — меня, наверное, обкрадывают. Не может быть, чтобы я сам так много потреблял. Какой-то гад, наверно, таскает их понемногу.

— Сколько таблеток ты закидываешь в день?

— Очень трудно определить. Но не так много.

— Привычка требует все больших количеств, ты же знаешь…

— Не настолько же. Я больше не выдержу. С другой стороны… — Он подумал. — Похоже, я набрел на новый источник. Та цыпочка, Донна, как там ее…

— А, подружка Боба.

— Вот-вот, его девчонка, — кивнул Чарлз.

— Да нет, он так и не забрался ей под юбку. Только мечтает.

— Она надежна?

— В каком смысле? В плане, даст ли, или… — Баррис поднес руку ко рту и сделал вид, что глотает.

— Это еще что за вид секса? — изумленно начал Фрек, и тут до него дошло. — А-а. Последнее, разумеется.

— Вполне надежна. Немного взбалмошная, ну, как все цыпочки, особенно темненькие. Мозги промеж ног, как и у остальных. Наверное, и запас у нее там. — Баррис хохотнул. — Весь ее загашник.

Чарлз Фрек подался вперед.

— Арктор никогда не спал с Донной? А говорит…

— Ты его слушай больше. Он много чего говорит. Не всему надо верить.

— Как же так? У него не встает, что ли?

Баррис задумчиво ломал бутерброд на мелкие кусочки.

— Проблемы у Донны. Вероятно, сидит на какой-то отраве. Полностью потерян интерес к сексу, вплоть до отвращения к физическому контакту. У торчков всегда так — из-за сужения сосудов. Я заметил, что у Донны это особенно выражено. Не только с Арктором, но и… — он раздраженно нахмурился, — с другими мужчинами.

— Ты имеешь в виду, она просто не хочет?

— Захочет, — отрезал Баррис. — Если с ней правильно обращаться. Например… — Он принял таинственный вид. — Я могу научить тебя, как добиться Донны за девяносто восемь центов.

— Да не хочу я с ней спать! Мне от нее нужен товар. — Чарлз Фрек был не в своей тарелке. В Баррисе чувствовалось что-то такое, от чего у него неприятно холодело в животе. — Почему за девяносто восемь центов? Не возьмет она деньги, не такая она. И вообще она девчонка Боба.

— Деньги пойдут не ей непосредственно, — произнес Баррис нравоучительным тоном. Он наклонился вперед, его ноздри дрожали от возбуждения, зеленые очки запотели. — Донна сидит на кокаине. Для каждого, кто даст ей грамм, она, безусловно, раздвинет ножки, особенно если, по

строго научной методике, которую я разработал, в коку добавить определенные редкие химикаты.

— Ты бы лучше не говорил так о ней, — нахмурился Чарлз Фрек. — В любом случае грамм коки стоит больше сотни долларов. Где взять такие башли?

Ухмыляясь, Баррис заявил:

— Я могу извлечь грамм чистого кокаина из ингредиентов общей стоимостью менее одного доллара.

— Чушь.

— Готов продемонстрировать.

— Откуда берутся эти ингредиенты?

— Из магазина «7–11», — сказал Баррис, забыв о раздрызганном бутерброде и поднимаясь на ноги. — Бери счет и идем, я покажу. У меня дома оборудована лаборатория — временная, пока не обзаведусь лучшей. Ты увидишь, как я извлеку грамм чистого кокаина из широко распространенных общедоступных материалов, купленных открыто меньше чем за один доллар. — Баррис стал пробираться между столиками. — Пошли! — скомандовал он.

— Ладно. — Чарлз Фрек взял счет и поплелся следом. Чертов болтун. А впрочем… Сколько он делает всяких химических опытов и вечно читает

в библиотеке… Как же на этом можно заработать, обалдеть!

Баррис в своем потертом летном комбинезоне уже миновал кассу, на ходу доставая ключи.

* * *

Они оставили машину на стоянке магазина «7–11» и вошли внутрь. Как обычно, у стойки с журналами стоял здоровенный коп и притворялся, будто читает. Чарлз Фрек хорошо знал, что на самом деле он рассматривает входящих, поджидая потенциального грабителя.

— Что мы здесь берем? — спросил Чарлз у Баррриса, беспечно прогуливавшегося вдоль стоек с товарами.

— Баллон «Солнечного».

— Средство от загара? — Чарлз Фрек не верил своим ушам. С другой стороны, кто знает?

Баррис подошел к прилавку — была его очередь платить.

Они купили «Солнечный», опять прошли мимо копа, и Баррис в два счета, не обращая внимания на дорожные знаки, домчался до дома Боба Арктора.

Выйдя из машины, Баррис достал с заднего сиденья опутанные проводами предметы. Среди

груды электронных приборов Чарлз Фрек узнал вольтметр и паяльник.

— Зачем это? — спросил он.

— Предстоит долгая и трудная работа, — ответил нагруженный Баррис, подойдя к двери. Он передал Чарлзу ключ. — И наверное, мне за нее не заплатят. Как обычно.

Чарлз Фрек отомкнул дверь. К ним тут же, преисполненные надежды, бросились два кота и собака, но Чарлз и Баррис, осторожно оттеснив их ногами, прошли на кухню. Здесь и находилась знаменитая лаборатория — кучи бутылок, всякого хлама и непонятных предметов, которые Баррис притаскивал отовсюду. Он верил не столько в аккуратность, сколько в озарение: чтобы достичь цели, надо уметь использовать первое, что попадется под руку. Скрепки, клочки бумаги, разрозненные детали от сломанных механизмов — все шло в ход. Фрек невольно подумал, что так бы выглядела мастерская, где проводят свои эксперименты крысы.

Первым делом Баррис оторвал пластиковый пакет из рулона возле раковины и опорожнил туда аэрозоль.

— Бред какой-то… — пробормотал Чарлз Фрек. — Полный бред.

— Знай, что на производстве кокаин умышленно смешивают с маслом, — бодро комментировал свои действия Баррис, — таким образом, что извлечь его невозможно. Одному мне благодаря глубокому знанию химии доподлинно известно, как это сделать. — Он обильно посолил клейкую густую массу и вылил ее в стеклянную банку. — Теперь охлаждаем, — продолжал Баррис, довольно ухмыляясь, — и кристаллы кокаина поднимаются наверх, так как они легче воздуха. То есть масла, я имею в виду. Конечная стадия, разумеется, мой секрет, но скажу, что она включает в себя сложный процесс фильтрования.

Баррис открыл холодильник и аккуратно поставил банку в морозильную камеру.

— Сколько там ее держать? — спросил Чарлз Фрек.

— Полчаса.

Баррис закурил самокрутку и уставился на кучу электронных приборов, задумчиво потирая бородатый подбородок.

— Даже если ты получишь целый грамм чистого кокаина, я не могу использовать его на Донне, чтобы… ну, залезть ей под юбку. Я вроде как покупаю ее, вот что получается.

— Обыкновенный обмен, — наставительно

поправил Баррис. — Ты ей делаешь подарок, и она тебя одаривает… самым ценным, что есть у женщины.

— Она почувствует, что ее покупают. — Фрек достаточно общался с Донной, чтобы понимать это. Донну на мякине не проведешь.

— Кокаин — возбудитель, — проговорил Баррис вполголоса, перенося приборы к цефалохромоскопу — бесценной собственности Боба. — Она нанюхается и будет счастлива дать себе волю.

— Чушь! — решительно заявил Чарлз Фрек. — Ты говоришь о подружке Боба Арктора. Он — мой приятель и человек, с которым вы с Лакменом живете под одной крышей.

Баррис на секунду поднял свою косматую голову и некоторое время не сводил с Чарлза Фрека глаз.

— Ты очень многого не знаешь о Бобе Аркторе. Да и мы все. Твой взгляд наивен и упрощен. Ты ему слишком веришь.

— Он парень что надо.

— Безусловно. — Баррис кивнул и улыбнулся. — Вне всякого сомнения. Один из самых лучших в мире. Но я начал замечать в нем — *мы* начали замечать в нем, те, кто наблюдает за Арктором пристально и внимательно, — определенные

противоречия. Как в структуре его личности, так и в поведении. Во внутренней сущности, так сказать.

— Что ты имеешь в виду?

Глаза Барриса заплясали за зелеными стеклами очков.

— Твой бегающий взгляд мне ни о чем не говорит, — заявил Чарлз Фрек. — А что случилось с цефаскопом, почему ты в нем копаешься?

— Загляни, — предложил Баррис, положив прибор набок.

— Провода обрезаны. И еще, похоже, кто-то устроил несколько коротких замыканий… Чья это работа?

Веселые и всезнающие глаза Барриса заплясали с особым удовольствием.

— Твои дурацкие намеки мне на хрен не нужны, — после напряженного молчания сказал Чарлз Фрек. — Кто испортил цефаскоп? Когда ты это обнаружил? Арктор ничего мне не говорил, а я его видел только позавчера.

— Наверно, тогда он еще не был готов об этом говорить, — заметил Баррис.

— Так, — зловеще протянул Чарлз Фрек. — Насколько я понимаю, ты тут мне загадки загадываешь. Пожалуй, отправлюсь-ка я лучше в «Новый

путь» и сдамся на воздержание и буду лечиться и жить с простыми парнями. Все лучше, чем иметь дело с такими шизиками, как ты, которых я никак не могу понять. Намекаешь, что Боб сам раскурочил цефаскоп? Испортил самую дорогую свою вещь? Что ты хочешь сказать? Лучше бы я жил в «Новом пути», где мне не пришлось бы выслушивать все это многозначительное дерьмо, в которое я ни хрена не въезжаю. Каждый день одни ошизевшие торчки — то ты, то еще кто-нибудь! — Он яростно стиснул зубы.

— Я не ломал прибор, — задумчиво произнес Баррис, двигая ушами, — и серьезно сомневаюсь, что это сделал Эрни Лакмен.

— А я серьезно сомневаюсь, — парировал Чарлз Фрек, — что Эрни Лакмен вообще что-нибудь повредил в своей жизни, если не считать того случая, когда он накололся на плохой кислотке и вышвырнул в окно журнальный столик. Обычно у него котелок варит лучше, чем у всех нас. Нет, Эрни не станет ломать чужой скоп. А Боб Арктор? Это же его вещь, так ведь? И что, он, значит, встал потихоньку среди ночи и сам себе сделал пакость? Нет, это кто-то другой устроил, вот что я тебе скажу.

Это запросто мог сделать ты, грязный сукин

сын, подумал Чарлз. И умения у тебя хватает, и мозги твои устроены черт знает как…

— Тому, кто это сделал, место в лечебнице или на кладбище. Предпочтительно последнее. Для Боба эта штука значила все. Я видел, как он ее включает, едва вернется домой с работы. У каждого есть что-то, чем он особенно дорожит. У Боба был скоп. И сотворить такое… Черт!

— Это-то я и имею в виду.

— Что это ты имеешь в виду?

— Меня давно уже интересует, кто такой Боб Арктор и где он работает на самом деле.

Нет, Баррис мне не нравится, подумал Чарлз Фрек. Внезапно он испытал сильное желание оказаться отсюда далеко-далеко. Может, смыться?.. Но потом он вспомнил про банку с кокой и маслом в холодильнике — сто баксов за девяносто восемь центов.

— Послушай, когда там будет готово? Мне кажется, ты меня дурачишь. Зачем же продавать «Солнечный» за гроши, если в нем грамм кокаина? Какой им от этого кайф?

— Они закупают оптом, — объяснил Баррис.

У Чарлза Фрека немедленно пошел глюк: грузовики с кокаином подкатывают к заводу (где уж он там, может, в Кливленде), вываливают тонны и

тонны девственно-чистой, высококачественной коки во двор, потом коку смешивают с маслом, инертным газом и прочей дрянью, разливают по маленьким ярким жестянкам и наконец завозят в магазины «7–11», аптеки и супермаркеты. Стоит только остановить грузовичок, размышлял он, забрать груз — семьсот или восемьсот фунтов чистого… Да нет, черт побери, гораздо больше! Сколько в грузовике помещается кокаина?

Баррис принес пустой баллон «Солнечного» и указал на этикетку, где были перечислены все ингредиенты.

— Видишь? Бензокаин. Только отдельные эрудиты знают, что под таким названием в торговле маскируют кокаин. Если бы писали прямо «кокаин», рано или поздно народ бы просек. У людей просто не хватает образования. Такой научной базы, как у меня.

— Для чего тебе образование? — поинтересовался Чарлз Фрек. — Донну возбуждать?

— Напишу бестселлер, — уверенно заявил Баррис. — Учебник для чайников. «Как, не нарушая закона, получать наркотики у себя на кухне». Понимаешь, бензокаин официально разрешен. Я справлялся в аптеках — он содержится в уйме препаратов.

— Ух ты! — уважительно сказал Чарлз Фрек и посмотрел на часы. Ждать оставалось недолго.

* * *

Хэнк, непосредственный начальник Боба Арктора, дал ему задание обследовать местные филиалы «Нового пути», чтобы определить местонахождение крупного поставщика, который внезапно скрылся. Время от времени это случалось: торговец наркотиками, поняв, что его вот-вот возьмут, искал убежища в одном из центров реабилитации вроде «Нового пути», «Синанона» или «Сентер-пойнта» под видом наркомана, нуждающегося в лечении. Там, внутри, он терял документы, забывал свое имя и вообще все, что позволяло его идентифицировать, — так начиналось создание новой личности, свободной от наркотической зависимости. Исчезало почти все, что могло бы навести силовые структуры на его след. Позже поставщик вновь выходил на поверхность и возобновлял свою прежнюю деятельность. Конечно, реабилитационные центры старались отслеживать такие случаи, однако не всегда успешно. Сорокалетний срок, полагающийся за торговлю наркотиками, — хороший стимул для того, чтобы поднапрячься

и выдать правдоподобную историю персоналу клиники, который решал, принять человека или отказать ему. Страх перед наказанием заставлял стараться.

Сбавив скорость, Боб Арктор принялся искать вывеску «Нового пути». Ему совсем не улыбалось лезть в клинику под видом возможного пациента, но иного способа не было. Если бы он явился туда как агент Отдела по борьбе с наркотиками и сказал, кого ищет, то сотрудники клиники, по крайней мере большинство из них, тут же постарались бы его отшить. Они не хотели, чтобы клиентов, их «семью», тревожила полиция, и Арктор их хорошо понимал. Бывшие наркоманы рассчитывали на безопасность; во всяком случае, при поступлении клиника официально гарантировала им неприкосновенность. Это понимал и Хэнк, по чьему поручению Боб занимался Черным Уиксом — давно и безрезультатно. Вот уже десять дней об Уиксе не было ничего слышно, он исчез бесследно.

Наконец Арктор увидел яркую вывеску, оставил машину на крохотной стоянке, которую филиал «Нового пути» делил с булочной, и нетвердыми шагами направился к парадной двери, входя в привычную роль.

Строго говоря, Уикс был скорее курьером, чем поставщиком: он вывозил партии сильных наркотиков из Мексики и сдавал покупателям где-то в окрестностях Лос-Анджелеса. Парень нашел гениальный метод провоза товара: он выбирал подходящего добропорядочного типа и где-нибудь на стоянке прикреплял товар к днищу его машины. Потом, уже на другой стороне границы, догонял и при первой возможности пускал беднягу в расход. Если же пограничники засекали товар, то отдуваться приходилось не Уиксу, а ни в чем не повинному болвану: с этим в Калифорнии было строго.

Арктор знал Уикса в лицо лучше, чем кто-либо из агентов. Жирный чернокожий тип, слегка за тридцать, любивший изъясняться нарочито правильно и изящно, как будто он учился в модной частной школе в Англии.

На самом деле Уикс вырос в трущобах Лос-Анджелеса, а произношение себе поставил, скорее всего, с помощью учебных записей из библиотеки какого-нибудь колледжа. Одевался он не вызывающе, но шикарно, как врач или адвокат, носил очки в роговой оправе и часто брал с собой дорогой «дипломат» из крокодиловой кожи. Оружие у него тоже было стильное, итальянского

производства. Однако в «Новом пути» всю эту шелуху, само собой, ободрали, одели его, как всех, в благотворительные обноски, а «дипломат» заперли в сейф.

Боб Арктор открыл тяжелую деревянную дверь и вошел. Мрачный темноватый холл, слева гостиная, где сидят несколько человек и читают. В дальнем конце холла — стол для пинг-понга, за ним кухня. На стенах лозунги, часть написана от руки, часть напечатана. «Единственный дурной поступок — подвести других» и так далее. Кругом тишина, никакой суеты. Очевидно, большинство пациентов были на работе — на многочисленных мелких предприятиях «Нового пути» вроде бензоколонок или производства шариковых ручек.

Арктор в нерешительности остановился.

— Да? — К нему подошла девушка в очень короткой голубой юбке и майке с надписью «Новый путь» на груди.

— Я… мне плохо, — пробормотал он хрипло, держась как можно более униженно. — Можно присесть?

— Конечно. — Девушка махнула рукой; двое парней довольно скромного вида подошли к Арктору и остановились в ожидании. — Отведите его туда, где он сможет присесть, и принесите кофе.

Ну и тоска, подумал он, позволяя усадить себя на потрепанную жесткую кушетку. Стены мрачные — краска явно благотворительная и низкого качества. Ну да, они ведь живут только на пожертвования.

— Спасибо, — выдавил он дрожащим голосом, как будто испытывал невероятное облегчение от того, что наконец дошел и сидит. — Слава богу. — Он попытался пригладить волосы. Безуспешно.

— Паршиво выглядите, мистер, — неодобрительно произнесла девушка.

— Точно, — кивнули оба парня. — Ты что, валялся в собственном дерьме?

Арктор растерянно моргал.

— Кто ты такой? — спросил один из парней.

— Ясно кто, — презрительно протянул другой. — Мразь из мусорного ведра. Гляди! — Он показал на волосы Арктора. — Вши. Потому ты и чешешься, приятель.

Девушка, которая держалась спокойно и вежливо, но отнюдь не дружелюбно, спросила:

— Зачем вы сюда пришли?

Потому что где-то здесь прячется крупная дичь, хотелось сказать Арктору. Я — охотник. А вы все — идиоты. Однако вместо этого он униженно пробормотал то, что, очевидно, от него ожидалось:

— Вы обещали…

— Да, мистер, вы можете выпить кофе. — Девушка кивнула одному из парней, и тот послушно направился на кухню.

Последовала пауза. Затем девушка наклонилась и тронула Арктора за колено.

— Вам очень плохо, да?

Он лишь молча кивнул.

— Вы испытываете стыд и отвращение к самому себе, — продолжала она.

— Да.

— Измываться над собой день за днем, вводить в свое тело…

— Я больше не могу, — взмолился Арктор. — Вы моя единственная надежда. Здесь мой друг — он сказал, что идет сюда. Черный, ему за тридцать, образованный, очень вежливый…

— Вы встретитесь с нашей семьей позже, — перебила его девушка. — Если подойдете нам. Вы ведь понимаете, что должны соответствовать нашим требованиям. И первое из них — искреннее желание вылечиться.

— Да-да, — сказал Арктор. — Мне это очень нужно.

— Вам должно быть совсем плохо, чтобы вас сюда взяли.

— Мне плохо.

— Серьезно подсели? Какова ваша обычная доза?

— Унция в день.

— Чистого?

— Да, — кивнул он. — Я держу его в сахарнице на столе.

— Вам придется очень трудно. Будете всю ночь грызть подушку — к утру покроетесь перьями. Судороги, пена изо рта… Будете ходить под себя, как больное животное. Вы готовы к этому? Вы должны понимать, что мы вам здесь ничего не дадим.

— Да. — Арктору было скучно, он чувствовал неловкость и раздражение. — Мой друг, чернокожий… Не знаю даже, добрался ли он сюда. Я боюсь, что его по пути замели копы — он был совсем плохой, едва понимал, куда идти. Ему казалось…

— В «Новом пути» нет места личным отношениям, — сказала девушка. — Вам придется это усвоить.

— Да, но он добрался? — Боб Арктор понял, что зря теряет время. Боже мой, здесь еще хуже, чем у нас. И ведь она ни хрена мне не скажет. Такова их политика. Хоть об стену лбом бейся… Тот, кто

попадает сюда, исчезает с концами. Может, Черный Уикс сидит рядом, за перегородкой, слушает и хихикает, а может, его здесь и не было совсем. И ничего не добьешься, даже с ордером. Они будут тянуть время — они это умеют, — пока все, кого ищут, не сделают ноги. В конце концов, весь здешний персонал — сами бывшие наркоманы. Да и кому интересно ворошить осиное гнездо: общественность тут же поднимет такой вой… Похоже, на Черном Уиксе придется поставить крест, а самому сматываться. Ясно теперь, подумал он, почему меня до сих пор сюда не посылали: эти типы — не подарок. Так что поручение я успешно провалил: Уикс больше просто не существует.

Доложу Хэнку и буду ждать нового задания. Черт с ними со всеми. Арктор с трудом встал.

— Я пошел.

Оба парня уже возвращались. Один нес кружку кофе, другой — кипу литературы, очевидно образовательной.

— Что, струсил? — презрительно спросила девушка. — Не хватает пороху сдержать слово? Поползешь на пузе назад, на помойку?

Все трое злобно смотрели на него.

— Потом, — пробормотал Арктор и двинулся к выходу.

— Торчок сраный! — бросила вслед девушка. — Ни мозгов, ни характера — все выжжено. Ползи, ползи, ты сам себя обрекаешь.

— Я вернусь, — обиженно буркнул Арктор. Здешняя атмосфера давила на него все сильнее.

— Мы можем и не пустить тебя назад, слизняк, — предупредил один из парней.

— Будешь умолять, — добавил другой. — В ногах валяться. И все равно не факт, что мы захотим тебя принять.

— Во всяком случае, сейчас ты нам не нужен, — подытожила девушка.

У двери Арктор обернулся и посмотрел на своих мучителей. Он хотел сказать что-нибудь, но не мог найти слов. В голове было пусто, словно все стерли. Мозг отказывался работать: ни одной мысли, ни одного сколько-нибудь подходящего ответа, даже самого примитивного. Странно, недоумевал он, подходя к машине, очень странно. Да уж, с Черным Уиксом можно распрощаться навсегда. Я сюда больше не ходок. Пора просить о новом задании. Искать кого-то другого.

Похоже, эти типы будут покруче нас с Хэнком.

Глава 4

Из костюма-болтуньи одно расплывчатое пятно, называющее себя Фредом, смотрело на другое расплывчатое пятно, известное под именем Хэнк.

— Итак, это все о Донне, Чарлзе Фреке и… — Металлическая монотонная речь Хэнка на секунду прервалась. — Так, с Джимом Баррисом тоже все. — Он сделал пометку в лежащем перед ним блокноте. — Дуг Уикс, по вашему мнению, мертв или переместил свою деятельность в другой район.

— Или лег на дно, — добавил Фред.

— Вам говорит что-нибудь имя Граф или Арт де Винтер?

— Нет.

— А женщина по имени Молли? Крупная такая.

— Нет.

— Как насчет пары негров — братья, лет по двадцать, фамилия Хэтфилд или что-то в этом роде? Работают с фунтовыми пакетами героина.

— Фунтовыми? *Фунтовыми пакетами героина?*

— Именно.

— Нет, такое я бы запомнил.

— Еще есть один швед, высокого роста, фамилия шведская. Отсидел срок, любит прикалываться, странноватый такой. Высокий, худой, имеет при себе много денег — видимо, от крупной сделки в начале месяца.

— Поищу. Да-а, фунтовые пакеты… — Фред покачал головой, и расплывчатое пятно заколыхалось.

Хэнк порылся в досье.

— Так, этот сидит… — Он поднял одну из фотографий, прочитав что-то на обороте. — Нет, мертв, тело у нас здесь, внизу… Как вы думаете, эта девчонка, Джора, работает на панели? — спросил он, покопавшись еще немного.

— Вряд ли.

Джоре Каджас было всего пятнадцать. Она уже сидела на препарате «С» и жила в Бриа, в районе трущоб, на верхнем этаже полуразвалившегося холодного домишки. Единственным источником ее дохода являлась стипендия штата Калифорния, которую она в свое время выиграла. Но на занятиях Джору никто не видел уже полгода.

— Если что, дайте мне знать. Мы привлечем ее родителей.

— Хорошо.

— Боже мой, как же быстро они катятся под гору!.. Была вчера тут одна — выглядит на все пятьдесят. Седые волосы клочьями, выпавшие зубы, глаза ввалились, тело иссохшее… Мы спросили, сколько ей лет, — говорит, девятнадцать. Проверили — точно. «Знаешь, на кого ты похожа? Посмотри в зеркало». Она посмотрела в зеркало и заплакала. Я спросил, давно ли она ширяется.

— Год, — предположил Фред.

— Четыре месяца.

— На улицах сейчас продают такую дрянь… — Фред постарался отогнать образ девятнадцатилетней девчонки с выпавшими волосами. — Смешивают черт знает с чем.

— А рассказать, как она села на препарат? Ее братья, оба толкачи, вошли к ней как-то ночью, заломили руки, сделали укол и изнасиловали. Вдвоем. Так сказать, ввели в новую жизнь.

— Где они сейчас?

— Отбывают по полгода за хранение. У девчонки еще и триппер; она даже не знала, так что и лечить теперь трудно. А братишек это только насмешило.

— Милые ребятки.

— А вот это вас проймет наверняка. Слыхали,

в фэрфилдском госпитале есть три младенца, которым надо каждый день вкалывать дозу героина. Они такие маленькие, что не смогли бы пережить ломку. Сестра попробовала…

— Меня проняло, — механическим голосом перебил Фред. — Вполне достаточно, благодарю.

Хэнк продолжал:

— Когда представишь себе новорожденного наркомана…

— Достаточно, спасибо, — повторило расплывчатое пятно по имени Фред.

— Как, по-вашему, наказывать мать, которая прикармливает младенца героином, чтобы он не орал?

— Иногда мне хочется сойти с ума. Но я разучился.

— Это утраченное искусство, — вздохнул Хэнк. — Возможно, со временем выпустят инструкцию.

— Был такой фильм в начале семидесятых, о парочке агентов, — сказал Фред. — Во время рейда один из них свихнулся и всех перестрелял, включая своих боссов. Ему было все равно.

— Выходит, хорошо, что вы не знаете, кто я. Можете достать меня только случайно.

— В конце концов, — усмехнулся Фред, — нас

всех так или иначе достанут.

— Ну что ж, в каком-то смысле это будет облегчением. Отмучаемся. — Хэнк вновь углубился в свои бумаги. — Так. Джерри Фабин. Этого можно списать. Упокоился в наркоцентре. Говорят, по пути в клинику он жаловался, что за ним день и ночь таскается наемный киллер — маленький, ростом в метр и безногий. Ездит на тележке. Он, мол, до сих пор никому об этом не рассказывал — боялся, что все сдрейфят и бросят его, так что не с кем будет даже поговорить.

— Точно, с Фабином покончено. Я видел его энцефалограмму из клиники.

Всякий раз, сидя напротив Хэнка и докладывая, Фред чувствовал в себе глубокую перемену. Он начинал относиться ко всему рационально, смотрел на происходящее как бы со стороны. О ком бы ни шла речь, что бы ни произошло, ничего не вызывало эмоционального отклика.

Сперва он приписывал это действию костюма-болтуньи — физически они с Хэнком никак не чувствовали друг друга. Потом пришел к выводу, что дело не в костюме, а в самой ситуации. Что толку от вовлеченности, если ты обсуждаешь преступления, совершенные людьми, близкими тебе и, как в случае Донны и Лакмена, дорогими?

Надо нейтрализовать себя, и они оба делали это — Фред даже в большей степени, чем Хэнк. Они говорили в нейтральных тонах, они нейтрально выглядели, они стали нейтральными.

Потом чувства возвращались, лились потоком… Возмущение, ужас, горе. Кошмарные образы и сцены прокручивались в мозгу, как кино. Внезапно, без всяких анонсов, и со звуком, который ничем нельзя было заглушить.

А пока, сидя за столом, Фред ничего не ощущал. Он мог описать все увиденное с полным безразличием. И что угодно выслушать от Хэнка. Например, он мог запросто сказать: «Донна умирает от гепатита и старается заразить своей иглой как можно больше приятелей. Надо бы надавать ей как следует по башке, чтобы прекратила этим заниматься». О своей собственной девушке… Или: «Вчера Донна наширялась дешевым суррогатом ЛСД, и половина кровеносных сосудов у нее в мозгу полопалась». Или: «Донна мертва». И Хэнк спокойно запишет сообщение, только, может быть, спросит: «У кого она купила дозу?» или: «Где будут похороны? Надо выяснить номера машин и фамилии присутствующих», — и он будет хладнокровно это обсуждать.

Перемена в Арктоpе-Фреде была вызвана необ-

ходимостью беречь чувства. Пожарные, врачи и гробовщики ведут себя точно так же. Невозможно каждую секунду восклицать и рыдать — сперва изведешь себя, а потом и окружающих. У человека есть предел сил.

Хэнк не навязывал Фреду своего бесстрастия, он как бы «разрешал» перенимать его. Фред это понимал и ценил.

— А как насчет Арктора? — поинтересовался Хэнк.

Каждый агент, находясь в костюме-болтунье, естественно, докладывал и о себе. Иначе его начальник — и весь полицейский аппарат — знал бы, кто такой Фред, несмотря на костюм. «Крысы» в Отделе не преминули бы донести своим, и очень скоро Боб Арктор, куря травку и закидываясь вместе с дружками, тоже начал бы замечать позади себя какого-нибудь безногого киллера на тележке, причем отнюдь не из галлюцинации, как Джерри Фабин.

— Арктор ведет себя тише воды ниже травы, — сообщил Фред. — Работает у себя на фирме и закидывает пару таблеточек смерти каждый день…

— Сомневаюсь. — Хэнк взял со стола листок. — Мы получили сигнал от информатора, довольно

надежного: у Арктора водятся большие деньги. Пришлось поинтересоваться, сколько он получает в своей фирме. Оказывается, совсем немного. А когда спросили почему, то выяснилось, что он вообще работает там неполную неделю.

— Так… — мрачно протянул Фред, понимая, что «большие деньги» — это как раз то, что ему платили в полицейском управлении. Каждую неделю он забирал пачку мелких купюр из специальной машины, замаскированной под автомат для продажи газировки в одном из баров. В основном шло вознаграждение за информацию, которая приводила к арестам и конфискациям товара. Иногда суммы бывали довольно солидными — в случае, если удавалось взять крупную партию героина.

— По данным нашего информатора, — продолжал Хэнк, — Арктор частенько таинственным образом исчезает, особенно по вечерам. Вернувшись домой, он ест, а потом под разными предлогами уходит опять, иногда почти сразу. — Человек в костюме-болтунье поднял глаза на Фреда. — Вы замечали что-нибудь подобное? Можете подтвердить? Что это означает?

— Скорее всего, сидит у своей цыпочки, Донны.

— Хм, «скорее всего»… Вы обязаны знать.

— У Донны, точно. Он трахает ее круглые сутки. — Арктору-Фреду было страшно неловко. — Но я проверю и сообщу. Кто информатор? Может, у него зуб на Арктора?

— Откуда я знаю? Это был телефонный звонок. Отпечатка голоса нет — звонивший говорил через какую-то электронную штуковину, самодельную. — Костюм Хэнка издал странный металлический смешок. — Но ее вполне хватило.

— Боже! — возмутился Фред. — Так это же Джим Баррис! Этот вконец ошизевший торчок просто-напросто хочет опустить Арктора. Баррис еще в армии занимался всякой электроникой. Как информатору я бы ему ни на грош не верил.

— Мы не знаем, Баррис ли это, и, кроме того, Баррис — не просто вконец ошизевший торчок. Им особо занимаются несколько людей… Но эти данные вам не нужны, во всяком случае — пока.

— Так или иначе, это один из друзей Арктора, — сказал Фред.

— И донес из мести, без всякого сомнения. Ох уж эти торчки — то и дело стучат друг на дружку. Да, Арктора он, по-видимому, знает довольно близко.

— Верный друг, — криво усмехнулся Фред.

— Ладно, нам это на руку. В конце концов, вы сами занимаетесь тем же.

— Я это делаю не из злобы.

— А из каких соображений?

— Будь я проклят, если знаю, — подумав, сказал Фред.

— Теперь так, Уикса отставляем, — распорядился Хэнк. — Пока главный объект вашего наблюдения — Боб Арктор. У него есть второе имя? Он употребляет инициал…

Фред издал сдавленный механический звук.

— Почему Арктор?

— Тайное финансирование, загадочное времяпрепровождение, множество врагов… Какое у него второе имя? — Хэнк в ожидании занес ручку над листом бумаги.

— Послтуэйт.

— Как это пишется?

— Хрен его знает, спросите что полегче.

— Так… Послтуэйт… — пробормотал Хэнк, выписывая буквы. — Что за имя, интересно…

— Валлийское, — ответил Фред. Он едва слышал, перед глазами все плыло. — Вы что, собираетесь поставить его квартиру на прослушивание?

— Установим новую голографическую систему, это еще лучше. Думаю, вам понадобятся записи и

распечатки. — Хэнк начал писать.

— Видимо, да, — пробормотал Арктор-Фред. Он чувствовал, что отключается, и мечтал о том, чтобы все скорее закончилось. И еще: закинуться бы парой таблеток…

Напротив него бесформенное пятно что-то писало и писало, заполняя бланки и требования на оборудование, с помощью которого он должен будет установить круглосуточное наблюдение за своим собственным домом, за самим собой.

* * *

…Вот уже больше часа Баррис возился с самодельным глушителем, смастеренным из подручных средств стоимостью одиннадцать центов. Он почти добился цели, располагая лишь алюминиевой фольгой и куском пористой резины.

В ночном мраке заднего двора дома Боба Арктора, среди мусорных куч и зарослей кустарника, Баррис готовился произвести пробный выстрел.

— Соседи услышат, — беспокойно проговорил Чарлз Фрек. Он опасливо косился на освещенные окна окрестных домов; должно быть, смотрят себе телик или покуривают травку.

— Здесь сообщают только об убийствах, — сказал Лакмен, держась в стороне.

— Зачем тебе глушитель? — спросил Барриса Фрек. — Глушители запрещены.

— В условиях нашего вырождающегося общества и всеобщей испорченности каждый стоящий человек должен быть постоянно вооружен, — мрачно заявил Баррис. — Для самообороны.

Он прищурил глаза и выстрелил. Раздался дикий грохот, на время оглушивший всех троих. Вдали залаяли собаки.

Баррис с улыбкой стал разворачивать алюминиевую фольгу. Ему, казалось, было забавно.

— Вот так глушитель… — выдавил Чарлз Фрек, ожидая появления полиции. Десятка полицейских машин.

— В данном случае звук скорее усилился, — объяснил Баррис, показывая Лакмену кусок прожженной резины. — Но в принципе я прав.

— Сколько стоит этот пистолет? — спросил Чарлз Фрек. Он никогда не держал пистолета. Несколько раз у него были ножи, но их вечно крали.

— Пустяки, — ответил Баррис. — Подержанный, как этот, — около тридцати долларов. — Он протянул пистолет Фреку, и тот с опаской попятился. — Я продам его тебе, ты обязательно должен иметь оружие, чтобы защищаться от

обидчиков.

— Их хоть пруд пруди, — иронично вставил Лакмен. — Видел на днях объявление в «Лос-Анджелес таймс»? Предлагают транзисторный приемник тому, кто удачнее всех обидит Фрека.

— Хочешь, я дам тебе за него тахометр Борга-Уорнера? — предложил Фрек.

— Который ты спер из гаража того парня напротив, — ехидно заметил Лакмен.

— Ну и что, пистолет небось тоже краденый, — обиделся Фрек. Почти все стоящие вещи были когда-нибудь украдены: это лишь указывало на их ценность. — И кроме того, тот парень первым его спер: эта вещь переходила из рук в руки раз пятнадцать. Наверняка очень клевый тахометр.

— Откуда ты знаешь, что он его спер? — ухмыльнулся Лакмен.

— Ха, да у него их восемь штук в гараже, и из всех торчат отрезанные провода. Откуда бы он их еще взял? Может, пошел и купил? Восемь тахометров?

Лакмен повернулся к Баррису:

— Я думал, ты корпишь над цефаскопом. Уже сделал?

— Я не могу сидеть над ним день и ночь: работа очень сложная, — объяснил Баррис. — Мне

нужно отдыхать. — Он отрезал перочинным ножиком еще один кусок пористой резины. — Этот будет совершенно бесшумным.

— Боб думает, что ты работаешь над цефаскопом, — пробормотал Лакмен. — Лежит сейчас в постели и думает, а ты тут лупишь из пистолета. Ты ведь сам соглашался с Бобом, что должен отработать долг за квартиру…

— Ага, сейчас… — надулся Баррис. — Тщательная кропотливая работа по реконструкции поврежденной электронной схемы стоит…

— Ладно-ладно, давай стреляй из своего чуда света за одиннадцать центов, — ухмыльнулся Лакмен и рыгнул.

* * *

С меня довольно, думал Боб Арктор.

Он лежал в темной спальне, слепо глядя в потолок. Под подушкой был его полицейский револьвер: он автоматически достал его из-под кровати и положил поближе, когда услышал выстрел в заднем дворе. Чисто машинальное действие, направленное против любой и всяческой опасности.

Но револьвер под подушкой не защитит от такого изощренного коварства, как порча самой

дорогой и ценной вещи. Вернувшись домой после доклада Хэнку, Арктор сразу же проверил остальное имущество, особенно машину. В такой ситуации машина — самое главное. Что бы ни происходило, кем бы ни был таинственный враг, следует быть готовым ко всему. Какой-то ополоумевший торчок старается ему нагадить, не попадаясь на глаза. Даже не человек, а скорее ходячий и укрывающийся симптом их образа жизни.

А ведь было время, когда он жил не так. Не надо было прятать под подушкой револьвер, и один псих не стрелял ночью во дворе бог знает с какой целью; а другой псих (впрочем, может, и тот же самый) не ломал невероятно дорогой цефаскоп, который всем приносил радость… В те дни жизнь Роберта Арктора текла иначе: у него была жена как все жены, две маленькие дочурки, приличный дом, чистый и прибранный. Даже газеты всегда подбирали с дорожки и относили в мусорный бак. Иногда их читали… Но однажды, вытаскивая из-под раковины электропечь для попкорна, Арктор ударился головой об угол кухонной полки. Острая боль, такая внезапная и незаслуженная, каким-то образом прочистила ему мозги. Он осознал, что ненавидит не полку

— он ненавидит задний дворик с газонокосилкой, гараж, центральное отопление, дорожку перед домом, изгородь, сам проклятый дом и всех, кто в нем живет. Он захотел уйти, он захотел развода. И получил что хотел почти сразу. И вступил постепенно в новую суровую жизнь, где всего этого не было.

Возможно, ему следовало бы пожалеть о своем решении. Однако сожаления он не испытывал. Та жизнь была слишком скучна, слишком предсказуема, слишком безопасна. Все элементы, ее составляющие, находились прямо перед глазами, и ничего неожиданного случиться не могло. Словно пластиковая лодка, которая будет держаться на плаву вечно, пока наконец не затонет, ко всеобщему тайному облегчению.

Зато в том мрачном мире, где он обитал теперь, в кошмарных неожиданностях, и странных неожиданностях, и, крайне редко, приятных неожиданностях недостатка не было. Случиться могло что угодно. Хотя бы вот варварская порча цефалохромоскопа, единственной отдушины в его жизни. Рассуждая здраво, совершенно бессмысленная. Впрочем, очень мало из того, что происходило долгими темными вечерами, можно было бы назвать здравым в точном смысле

этого слова. Загадочный акт мог совершить кто угодно и по самой невероятной причине. Любой человек, которого он знал или встречал. Любой из восьми дюжин всевозможных свихнувшихся шизиков. *Вообще любой,* совершенно незнакомый псих, выбравший наугад фамилию из телефонной книги.

Или ближайший друг.

Может быть, Джерри Фабин — еще до того, как его повязали. У Джерри были абсолютно выгоревшие мозги. Эти букашки… Обвинял Донну — и всех девчонок вообще, — что они его заразили. Но если бы Джерри решил мстить, то выбрал бы своим объектом Донну. И в любом случае Джерри вряд ли сумел бы снять нижнюю панель; скорее всего, он до сих пор торчал бы здесь, откручивая и закручивая один и тот же винт. Или попросту разбил бы все молотком. Так или иначе, будь это дело рук Джерри Фабина, кругом валялись бы яйца тли… Боб Арктор криво усмехнулся про себя.

Бедный придурок, подумал он с грустью. Еще один из длинного списка жалких существ со сгнившими мозгами. Биологический организм продолжает функционировать, однако сознание, душа — все мертво. Остались лишь механические рефлексы, как у насекомого. Интересно, каким

Джерри был раньше? Чарли Фрек уверял, что когда-то Джерри соображал прилично.

Поделиться с Хэнком? Они бы сразу разобрались, кому это нужно. Вот только что изменится? В такой работе риск неизбежен.

Она не стоит того, эта работа, подумал Арктор. Не стоит всех денег на проклятой планете. Хотя дело все равно не в деньгах. «Как вы решились?» — спросил однажды Хэнк. А что человек знает об истинных мотивах своих поступков? Может быть, скука, стремление действовать. Тайная неприязнь к окружающим. Или кошмарная причина: наблюдать человеческое существо, которое ты глубоко любишь, которое ты обнимал и целовал и, главное, которым ты восхищался, — видеть, как это теплое живое существо выгорает изнутри, начиная с сердца. Пока не защелкает, как насекомое, без конца повторяя одну и ту же фразу. *Запись*. Замкнутая петля пленки.

«Мне бы еще одну дозу…»

И будет повторять это, даже когда три четверти мозга превратятся в кашу, как у Джерри Фабина.

«Мне бы еще одну дозу, и все наладится».

Ему представилась картина: мозг Джерри Фабина в виде исковерканной схемы цефалохромоскопа — погнутые, перекушенные, спаленные

провода, оторванные концы, вьющийся дымок и едкий запах. И кто-то сидит с вольтметром, замеряет цепи и бормочет: «Да-а, надо менять почти все конденсаторы и сопротивления...» И наконец от Джерри Фабина пойдет один только белый шум. И с ним бросят возиться. Так и цефаскоп, сделанный на заказ за тысячу долларов, чини его не чини, в конце концов высветит на экране лишь тусклый серый фон, а в уголке будут мигать слова: МНЕ БЫ ЕЩЕ ОДНУ ДОЗУ... Тогда останется только взять цефаскоп, не подлежащий восстановлению, и Джерри Фабина, также не подлежащего восстановлению, и выбросить их в один и тот же мусорный бак.

Ладно, подумал Арктор, в конце концов, кому нужен Джерри Фабин — кроме, разумеется, самого Джерри Фабина? Однажды Джерри размечтался о том, как сделает шикарную телевизионную систему с двухметровым экраном и квадрозвуком и подарит своему другу, а когда его спросили, как он собирается дотащить эту махину от своего гаража к другу домой, ответил: «Нет проблем, она будет складная. Я уже купил петли — просто сложу ее, положу в конверт и пошлю по почте».

По крайней мере, усмехнулся Арктор, нам не придется больше выметать из дому тлей после

его визитов. Однажды они придумали историю (точнее, Лакмен придумал, у него это лихо получается) — психиатрическое объяснение бзика с букашками. Разумеется, все коренится в детстве.

Приходит однажды Джерри-первоклашка домой, зажимая под мышкой свои маленькие книжечки, весело насвистывает — глядь, а в гостиной рядом с матерью сидит этакая здоровенная тля размером с него самого, и мать с обожанием на нее смотрит.

— Что это? — спрашивает крошка Фабин.

— Перед тобой твой старший брат, — говорит мать. — Теперь он будет жить с нами. Его я люблю больше, чем тебя. Он способен на такое, что тебе и не снилось.

И с тех пор родители Джерри Фабина постоянно сравнивают его с этим самым братом, который на самом деле тля, и унижают как могут. По мере того как они с тлей растут, у Джерри вырабатывается комплекс неполноценности — что вполне естественно. Окончив школу, брат продолжает учебу в колледже, а Джерри идет работать на бензоколонку. Потом брат-тля становится знаменитым врачом или ученым; ему присуждают Нобелевскую премию. Джерри протирает ветровые стекла и меняет колеса за полтора доллара

в час. Отец и мать никогда не упускают случая проехаться на его счет. «Куда тебе до брата!» — повторяют они то и дело.

Наконец Джерри убегает из дома. Но подсознательно он убежден в превосходстве тли. Сперва он воображает себя в безопасности; потом ему начинает повсюду мерещиться тля — сначала в волосах, а потом и во всем доме, — поскольку комплекс неполноценности успел перерасти в сексуально окрашенное чувство вины, а тля служит как бы наказанием, которое он сам навлекает на себя, и так далее.

Теперь история вовсе не кажется смешной. Теперь — когда по просьбе его же друзей Джерри посреди ночи забрали. Они сами — все, кто был тогда с Джерри, — так решили: иного выхода не оставалось. Той ночью Джерри забаррикадировал двери дома, навалил фунтов девятьсот всякого хлама, включая диван, и стулья, и холодильник, и телевизор, и сообщил, что снаружи поджидает его гигантская сверхразумная тля с иной планеты, а сейчас она собирается ворваться и наложить на него лапы. Прилетят и другие, даже если с этой он расправится. Внеземные тли гораздо умнее людей и, если потребуется, пройдут прямо сквозь стены, тем самым обнаруживая

свои тайные способности. Чтобы уберечь себя как можно дольше, ему придется залить дом цианистым газом. И он готов к этому. Каким образом? Он уже законопатил все окна и двери и теперь откроет воду в ванной и на кухне. Оказывается, водяной бак в гараже заполнен цианидом, а не водой. Он давно это знал и берег на крайний случай. Они все погибнут, но по крайней мере не впустят сверхразумных тлей.

Его друзья позвонили в полицию. Полиция взломала дверь, и Джерри забрали в клинику. В последний момент Джерри сказал: «Принесите мне мою новую куртку — ту, что отделана бисером на спине». Он только что ее купил, она ему очень нравилась. Практически единственная вещь, которая ему нравилась; все остальное он считал зараженным.

Нет, подумал Боб Арктор, какой уж тут смех. Даже непонятно, как это вообще могло казаться забавным. Наверное, виноват страх, кошмарный страх, который все они испытывали в те последние недели. Порой Джерри ночью бродил по дому с ружьем, ощущая присутствие врага. Готовый стрелять первым.

А теперь, думал Боб Арктор, враг появился у меня. Во всяком случае, я напал на его след, на

оставленные им знаки. Еще один доходяга на последней стадии вроде Джерри. Да, если уж эта штука въедет по башке, то мало не покажется. Не хуже нового «Форда» со сверхмощным движком из телерекламы.

В дверь спальни постучали.

— Кто там?

— Ку-ку, — ответил голос Барриса.

— Входи, — сказал Арктор и включил ночник.

Баррис вошел в комнату, его глаза возбужденно поблескивали.

— Еще не спишь?

— Я видел сон, — сказал Арктор. — Религиозный. Оглушительный раскат грома, и вдруг небеса раскалываются, и появляется Господь Бог, и голос Его гремит… Что Он там наплел, черт побери?.. Ах да. «Я раздосадован, сын мой». Бог ухмыляется. Я дрожу во сне и поднимаю взор вверх. «Что я натворил, Господи?» А Он отвечает: «Ты опять не завернул тюбик с зубной пастой». И тогда я понимаю, что это моя бывшая жена.

Баррис сел, погладил руками колени, обтянутые кожаными штанами, покачал головой и посмотрел прямо на Арктора. Судя по всему, у него было превосходное настроение.

— Ну, — деловито сообщил он, — я приготовил

в первом приближении кое-какие теоретические выводы о личности, виновной в порче твоего цефаскопа, от которой, кстати, можно ждать в дальнейшем подобных же действий.

— Если ты хочешь сказать, что это Лакмен…

— С-слушай, — возбужденно раскачиваясь, перебил Баррис. — Что, если я скажу тебе, что я давно предвидел серьезное повреждение какого-нибудь нашего домашнего имущества, особенно дорогого и трудно поддающегося ремонту? Моя теория *требовала* того! И сейчас, таким образом, я получил доказательство!

Арктор не сводил с него глаз.

Медленно осев в кресле, Баррис вновь принял спокойный и насмешливый вид.

— Ты… — сказал он, указав пальцем.

— Это сделал я?.. — проговорил Арктор. — Сжег свой собственный, незастрахованный цефаскоп… — В нем закипели отвращение и ярость. Уже поздняя ночь, надо спать…

— Нет-нет, — быстро возразил Баррис, болезненно сморщившись. — Ты *смотришь* на виновного. На того, кто испортил твой цефаскоп. В этом-то я и хотел признаться, но мне не позволяли открыть рта.

— Это сделал ты? — ошарашенно спросил

Арктор, глядя на Барриса, чьи глаза сверкали каким-то неясным торжеством. — Зачем?

— Точнее, *теория* утверждает, что это я, — сказал Баррис. — Очевидно, принуждаемый постгипнотическим внушением. И блокировка памяти, чтобы ничего не помнил.

Он начал смеяться.

— Позже, — рявкнул Арктор и выключил свет.

Баррис поднялся.

— Неужели ты не понимаешь?.. Я разбираюсь в электронике и имею доступ — я тут живу. Единственно, чего я не могу понять, — это мои мотивы.

— Ты это сделал, потому что ты псих, — сказал Арктор.

— Возможно, меня наняли тайные силы… — недоуменно бормотал Баррис. — Но что ими движет? Какова цель? Посеять среди нас подозрение и тревогу, вызвать разлад и антипатию, настроить друг против друга, чтобы мы не знали, кому доверять, кто враг…

— Тогда они добились успеха, — заметил Арктор.

— Но зачем им это? — воскликнул Баррис; его руки дрожали. — Столько хлопот: снимать нижнюю панель, подбирать ключ ко входной

двери…

Скорей бы получить голографические камеры и установить их по всему дому, подумал Арктор. Он прикоснулся к револьверу и ощутил прилив уверенности. Может быть, проверить магазин? Впрочем, тогда он начнет сомневаться, не заклинило ли барабан, не стерся ли ударник, не высыпался ли порох из патронов, и так до бесконечности, с одержимостью, как маленький мальчик, пересчитывающий трещины на тротуаре, чтобы совладать со страхом. Маленький Бобби Арктор, первоклашка, возвращающийся домой со своими маленькими учебничками, перепуганный до смерти лежащей впереди неизвестностью.

Протянув руку, он начал шарить по спинке кровати, пока не нащупал наклеенную полоску скотча. Затем, не обращая внимания на Барриса, отодрал ее, и в ладонь упали две таблетки препарата «С». Арктор закинул их в рот, проглотил прямо так, без воды, и, вздохнув, бессильно упал на подушку.

— Свали, — сказал он Баррису.

И заснул.

Глава 5

Бобу Арктору надо было на некоторое время покинуть дом, чтобы там установили подслушивающую и подсматривающую аппаратуру.

Обычно за домом следят до тех пор, пока из него не уходят все проживающие и можно предположить их длительное отсутствие. Порой агенты вынуждены ждать неделями. В конце концов, если ничего не получается, жильцов удаляют под каким-нибудь благовидным предлогом, например в связи с травлей тараканов.

Но в данном случае подозреваемый Роберт Арктор очень кстати уехал сам, прихватив с собой обоих жильцов, чтобы взять напрокат цефалохромоскоп, пока Баррис не починит сломанный. Соседи видели, как все трое с серьезным и целеустремленным видом уселись в машину Арктора. Позже из подходящего места — телефона-автомата на бензоколонке — Фред доложил, изменив голос с помощью электроники костюма-болтуньи, что до конца дня в доме определенно никого не будет. По его словам, он подслушал, как жильцы втроем обсуждали предстоящую поездку в Сан-Диего, где у одного типа был дешевый

краденый цефаскоп. Всего пятьдесят баксов — за такую цену имело смысл смотаться.

Кроме того, это предоставляло властям удобную возможность пошарить по закоулкам более тщательно, чем обычно удавалось тайным агентам. Нужно было отодвинуть шкафы и проверить, не приклеено ли чего сзади. Нужно было развинтить торшеры и посмотреть, не посыплются ли оттуда сотни таблеток. Нужно было заглянуть в туалетный бачок — нет ли пакетиков, пристроенных так, чтобы легко смывались водой. Нужно было проверить холодильник, не лежат ли там замороженные наркотики в упаковках от жареной картошки и фасоли. А тем временем полицейские техники установят хитрые голографические видеокамеры и проверят, как они работают. Аудиоаппаратуру также поставят, но с ней было легче. Расположить все это незаметно в нужных местах чертовски трудно, и техникам хорошо платили — если они давали промашку и камеру потом находили жильцы, эти жильцы сразу просекали, что находятся под колпаком, и сворачивали свою деятельность. А иногда просто снимали следящую систему и с потрохами ее продавали. Доказывать факт воровства в суде весьма непросто, полиция в таких случаях может лишь

придраться к какому-нибудь пустяку. Толкачи же, напротив, реагировали в подобной ситуации куда более резко. Арктор припомнил, как один посредник, желая убрать цыпочку, запрятал в ручку ее утюга два пакетика героина, а потом сделал анонимный звонок в отдел «МЫ СООБЩАЕМ». Получилось так, что девушка сама нашла героин и продала его. Полиция, естественно, ничего не обнаружила и по записи голоса арестовала толкача за дезинформацию. Освободившись под залог, толкач ночью заявился к цыпочке и избил ее до полусмерти. На вопрос, почему он выбил ей глаз и сломал обе руки и парочку ребер, пойманный толкач ответил, что она продала принадлежавшие ему два пакетика высокопробного героина и не взяла его в долю.

Арктор высадил Лакмена и Барриса — искать парня с цефаскопом; таким образом, они не могли внезапно вернуться домой и застукать техников, а Арктору представлялась возможность повидать одну знакомую, которую он не встречал больше месяца. Он вообще редко посещал этот район. Цыпочка вроде держалась — ничего, кроме «смеси» пару раз в день и улицы, чтобы заработать на дозу. Она жила с толкачом; обычно Дан Манчестер днем дома не сидел. Он тоже употреблял

наркотики, но что конкретно, Арктор не знал. Скорее всего, разные. Так или иначе, тип был свирепый и жестокий, непредсказуемый и опасный. Чудо, что местная полиция не привлекала его за нарушение общественного порядка. Может, откупался. А скорее всего, им было просто наплевать: в районе трущоб жили одни старики да нищета. Полиция наведывалась в эти кварталы лишь в случае тяжких преступлений.

Арктор остановил машину у пропахшего мочой подъезда и поднялся к двери «Г». Перед дверью валялась полная банка «Драно», и он машинально ее поднял, подумав при этом: «Сколько детей с ней играли?..» И на миг вспомнил своих собственных детей…

Арктор заколотил банкой в дверь.

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и из-за цепочки выглянула девушка, Кимберли Хокинс.

— Да?

— Здорово. Это я, Боб.

— Что это у тебя?

— Банка «Драно».

Вялым движением она сняла цепочку; голос ее тоже был вялым. Под глазом красовался синяк, разбитая губа опухла. Арктор заметил, что окна маленькой грязной квартиры разбиты; осколки

стекла валялись на полу вместе с перевернутыми пепельницами и бутылками из-под кока-колы.

— Ты одна? — спросил он.

— Да. Мы поцапались, и Дан ушел.

Девушка — наполовину мексиканка, маленькая, некрасивая, с болезненно бледным лицом кокаинистки — безжизненно смотрела вниз, подслеповато щурясь. Арктор заметил, что голос у нее хриплый. Может, причина в наркотиках, а может, в простуде — из-за разбитых окон в комнате было холодно.

— Он тебя отделал.

Арктор поставил банку «Драно» на полку с несколькими замусоленными порнографическими журналами.

— Еще хорошо, что у него не было ножа. Он теперь носит охотничий нож на поясе, в ножнах. — Кимберли опустилась на стул с торчащими из него пружинами. — Чего тебе, Боб? Мне совсем погано, правда.

— Хочешь, чтобы он вернулся?

Она пожала плечами.

Арктор подошел к окну и выглянул на улицу. Дан Манчестер, безусловно, объявится рано или поздно. Девушка была источником денег, а Дан знал, что ей понадобится доза, как только кон-

чится запас.

— Надолго тебе хватит?

— Еще на день.

— Не можешь достать в другом месте?

— Могу, но не так дешево.

— Что у тебя с горлом?

— Простуда. Ветер задувает.

— Ты бы сходила…

— Если я пойду к врачу, он поймет, что я нюхаю. Я не могу.

— Ему наплевать.

— Нет.

Она прислушалась.

— По-моему, машина Дана. Красный «Форд Торино — семьдесят девять»?

Арктор кинул взгляд на захламленную стоянку. Туда въезжал побитый «Торино», выпуская из обеих выхлопных труб клубы черного дыма.

— Да.

Кимберли заперла дверь на два дополнительных замка.

— Он, наверное, с ножом.

— У тебя есть телефон?

— Нет.

— Нужно поставить.

Она снова пожала плечами.

— Он убьет тебя, — сказал Арктор.

— Не убьет, здесь ты.

— А когда я уйду?

Кимберли села и снова пожала плечами.

Через минуту они услышали шаги, а затем раздался стук в дверь. В ответ Кимберли закричала, что не одна.

— Ну ладно! — высоким голосом завопил Дан. — Я проколю тебе шины!

Он помчался вниз. Арктор и девушка увидели из разбитого окна, как Дан Манчестер — тощий, коротко остриженный, похожий на голубого, — размахивая ножом, подбежал к машине, при этом продолжая орать так, что слышно было по всей округе.

— Я порежу твои шины, твои сучьи шины! А потом зарежу тебя, сука!

Он нагнулся и проколол сперва одну, а потом вторую шину старенького «Доджа».

Кимберли внезапно очнулась, прыгнула к двери и стала рвать замки.

— Я должна остановить его! Машина не застрахована!

Арктор схватил ее за руки. Револьвер он, разумеется, не носил, а у Дана был нож.

— Шины не главное…

— Мои *шины!* — Исступленно крича, девушка пыталась вырваться.

— Он только и хочет, чтоб ты вышла, — урезонивающе сказал Арктор.

— Вниз, — задыхаясь, проговорила Кимберли. — У соседей есть телефон. Позвоним в полицию. *Пусти меня!* — Она с неожиданной силой вырвалась и сумела открыть дверь. — Я позвоню в полицию! Мои шины! Одна из них совсем новая!

— Я с тобой.

Арктор попытался ухватить ее за плечо, но она уже сбегала по лестнице и колотила в дверь.

— Пожалуйста, впустите! Мне надо позвонить в полицию! Пожалуйста, дайте позвонить!

Арктор тоже подошел к двери и постучал.

— Нам надо воспользоваться телефоном. Дело срочное.

Дверь открыл старик в сером свитере, галстуке и выглаженных форменных брюках.

— Спасибо, — сказал Арктор.

Кимберли протиснулась внутрь, подбежала к телефону и набрала номер. Все молчали; раздавался только голос девушки. Сбиваясь и путаясь, она тараторила что-то о ссоре из-за пары ботинок ценой в семь долларов.

— Он говорит, что это его ботинки, потому что я подарила их ему на Рождество, но они мои, потому что деньги платила я. А он стал отбирать их, и я порезала подошвы открывалкой, и тогда… — Она замолчала, потом, кивая: — Да, хорошо, спасибо, буду ждать…

Старик смотрел на Арктора. Из соседней комнаты с немым ужасом выглядывала пожилая женщина в ситцевом платье.

— Вам, наверное, нелегко, — обратился к ним Арктор.

— Ни минуты покоя, — пожаловался старик. — Каждую ночь скандалы… Он все время грозит убить ее.

— Нам надо было вернуться в Денвер, — сказала женщина. — Говорила тебе, надо вернуться в Денвер.

— Ужасные драки, — продолжал старик. Он не сводил глаз с Арктора, взывая о помощи или, может быть, о понимании. — Шум, грохот… круглые сутки, без передышки, а потом, что еще хуже, знаете, каждый раз…

— Да, скажи ему, — подбодрила пожилая женщина.

— Что еще хуже, — с достоинством проговорил старик, — каждый раз, когда мы выходим… ну, в

магазин или отправить письмо, мы наступаем… знаете, что оставляют собаки…

— Кал! — с негодованием закончила женщина.

* * *

Наконец прибыла машина местной полиции. Арктор дал свидетельские показания, скрыв, что сам служит в полиции. Сержант записал его слова и пытался расспросить Кимберли как потерпевшую, но в ее лепетании не было ни капли смысла: она продолжала твердить о паре ботинок, о том, как она хотела их забрать и что они значат для нее. Полицейский, строча в блокноте, кидал на Арктора холодные взгляды, значения которых Арктор не понял, явно недружелюбные. Наконец сержант посоветовал Кимберли звонить, если хулиган вернется и будет поднимать шум.

— Вы отметили порезанные шины? — спросил Арктор, когда полицейский собрался уходить. — Вы осмотрели ее машину на стоянке? Порезы сделаны недавно — из шин еще выходит воздух.

Полицейский снова смерил его странным взглядом и, не говоря ни слова, удалился.

— Тебе не стоит здесь оставаться, — сказал Арктор девушке. — Он должен был посоветовать тебе это и спросить, можешь ли ты куда-нибудь

перебраться.

Кимберли опустилась на ветхую кушетку в загаженной гостиной, и глаза ее сразу потускнели. Она пожала плечами.

— Я отвезу тебя, — предложил Арктор. — У тебя есть подруга, у которой…

— Убирайся к черту! — вдруг взорвалась Кимберли. Она вопила совсем как Дан Манчестер, только более хрипло. — Убирайся к черту, Боб Арктор! Пошел вон! Вон, черт побери! Ты уйдешь или нет?

Ее голос перешел на пронзительный визг и сорвался.

Он вышел и медленно спустился по лестнице, тяжело шагая по ступенькам. Что-то звякнуло и покатилось вслед за ним — банка «Драно». Сзади хлопнула дверь, защелкали замки. Тщетная предосторожность, подумал Арктор. Все тщетно. Полицейский советует звонить, если хулиган вернется. А как она позвонит, не выходя из квартиры? Или выйдет — и Дан Манчестер тут же пырнет ее ножом, словно шину. И — кстати, о жалобе стариков снизу — она сперва шагнет, а потом замертво свалится в собачье дерьмо… Арктора разобрал истерический смех: у этих стариков странные приоритеты. Не только свих-

нувшийся наркоман у них над головой каждую ночь избивает и грозит убить и, очевидно, скоро убьет молодую девушку — наркоманку и проститутку, которая, безусловно, больна гриппом и, наверное, кое-чем похуже, *но еще к тому же…*

— Собачье дерьмо… — усмехнулся он, уже сидя в машине с Лакменом и Баррисом. — *Собачье дерьмо.*

Смешная штука, если вдуматься. Забавное собачье дерьмо.

— Обгони ты этот грузовик, — нетерпеливо сказал Лакмен. — Еле плетется, сволочь.

Арктор выехал на левую полосу и набрал скорость. Но потом, когда он убрал ногу с газа, педаль неожиданно провалилась, мотор яростно взревел, и машина рванулась вперед.

— Потише! — одновременно воскликнули Лакмен и Баррис.

Машина разогналась до ста миль в час; впереди замаячил огромный фургон. И сидящий рядом Лакмен, и сидящий сзади Баррис инстинктивно выставили вперед руки. Арктор вывернул руль и проскочил фургон прямо перед носом у встречного «Корвета». Лакмен и Баррис уже кричали. «Корвет» отчаянно загудел; завизжали тормоза. Лакмен потянулся и выключил зажигание;

Арктор тем временем сообразил поставить нейтральную передачу и все жал на тормоз, уходя вправо. Наконец машина с мертвым двигателем вкатила на аварийную полосу и потихоньку остановилась.

«Корвет», уже издалека, негодующе просигналил. Проезжающий мимо гигантский самосвал присоединился к нему, издав оглушающий рев.

— Какого черта? — пробормотал Баррис.

— Наверное, сломалась возвратная пружина.

Арктор дрожащей рукой махнул вниз, и все уставились на педаль газа, беспомощно вжавшуюся в пол. Так же молча они вылезли из машины и подняли капот. Оттуда пошел белый дым, из радиатора выбрызгивала кипящая вода.

Лакмен нагнулся над раскаленным мотором.

— Это не пружина. Это линия от педали к карбюратору. Глядите. Сломан рычаг. Так что педаль газа не вернулась, когда ты убрал ногу.

— На карбюраторе должен быть ограничитель, — ухмыляясь, сказал Баррис. — Таким образом, если…

– *Почему* сломался рычаг? — перебил Арктор. — Разве запорное кольцо не держит муфту на месте? — Его рука ощупала стержень. — Как же он мог так отвалиться?

Баррис продолжал, будто ничего не слыша:

— Если линия по какой-то причине нарушается, двигатель должен сбросить обороты до холостых. А вместо этого обороты поднялись до предела. — Он наклонился, чтобы лучше видеть. — Этот винт вывернут. Винт холостого хода.

— Каким образом? — ошарашенно спросил Лакмен. — Случайно?

Вместо ответа Баррис достал из кармана перочинный нож, открыл маленькое лезвие и начал медленно закручивать регулятор, считая при этом вслух. Винт сделал двадцать оборотов.

— Чтобы ослабить запорное кольцо и снять муфту, крепящую рычаг акселератора, нужен специальный инструмент. Даже пара инструментов. Пожалуй, понадобится не менее получаса, чтобы снова все закрепить. Но у меня в ящике есть все, что надо.

— Твой ящик с инструментами дома, — напомнил Лакмен.

— Верно, — кивнул Баррис. — Значит, нам придется идти на ближайшую бензоколонку и либо попросить у них инструменты, либо вызвать сюда ремонтную машину. На мой взгляд, лучше вызвать. Надо хорошенько все проверить, прежде чем снова садиться за руль.

— Послушай, — произнес Лакмен, — это произошло случайно или кто-то нарочно подстроил? Как с цефаскопом?

Баррис погрузился в раздумье, продолжая улыбаться своей скорбно-лукавой улыбкой.

— Не могу сказать однозначно. Как правило, повреждение автомобиля, злостное, имеющее целью вызвать аварию… — Он обратил на Арктора зеленые шторки очков. — Мы едва не накрылись. Иди этот «Корвет» чуть быстрее — и всем нам крышка. Тебе следовало сразу выключить зажигание.

— Я поставил на нейтралку, — ответил Арктор. — Когда сообразил. В первую секунду я не мог опомниться.

Если бы это была тормозная педаль, подумал он, я бы сориентировался быстрее. А так… уж очень все необычно.

— Кто-то нарочно это сделал! — громогласно объявил Лакмен. Он закружился на месте, яростно потрясая кулаками. — ПРОКЛЯТЬЕ! Мы чуть не разбились! Черт побери, нас чуть не угробили!

Баррис, стоя на краю дороги, вплотную к проносящимся машинам, достал маленькую коробочку с таблетками смерти, взял несколько сам, угостил Лакмена, затем протянул ее Арктору.

— Может, это нас и доканывает, — раздраженно бросил Арктор. — Мутит мозги.

— Травка не может испортить карбюратор, — заявил Баррис, не убирая коробки. — Закинься по меньшей мере тремя, они слабенькие, хотя и чистые.

— Убери эту гадость, — устало произнес Арктор. В голове звенели громкие голоса, сливавшиеся в непонятную жуткую какофонию, — казалось, мир сошел с ума. Все вокруг — проносящиеся мимо машины, двое приятелей, его собственный автомобиль с поднятым капотом, вонь от выхлопных газов, яркий полуденный свет, — все приобрело прогорклый привкус, словно мир протух. Словно мир разлагался и смердел. Арктор почувствовал резкую тошноту, закрыл глаза и содрогнулся.

— Ты что-то унюхал? — спросил Лакмен. — Улика? Какой-то запах от двигателя…

— Собачье дерьмо… — пробормотал Арктор. Этот запах определенно исходил от мотора. Он нагнулся, принюхался, почувствовал его сильно и безошибочно. Чушь какая, дикость… — Правда, пахнет собачьим дерьмом? — спросил он Барриса и Лакмена.

— Нет, — сказал Лакмен, не сводя с него глаз. И обратился к Баррису: — В твоих таблетках был

галлюциноген?

Баррис, улыбаясь, покачал головой.

Арктор нагнулся над горячим двигателем. Он отдавал себе отчет, что на самом деле никакого запаха нет. И все же его чувствовал. А потом увидел размазанную по всему мотору, особенно у головок цилиндров, мерзкую бурую массу. Масло, подумал он, выплеснувшееся масло. Должно быть, прокладки прохудились.

Пальцы прикоснулись к вязкой липкой массе и отдернулись. Он вляпался в собачье дерьмо. Весь блок цилиндров, все провода покрывал слой собачьего дерьма. Переместив взгляд наверх, Арктор заметил дерьмо на звукопоглощающем материале капота. Его захлестнула тошнотворная вонь. Он сомкнул глаза и задрожал.

— Эй! — окликнул Лакмен, опустив ему на плечо руку. — У тебя что, глюк пошел?

— Билеты бесплатно, — поддакнул Баррис и заржал.

— Ну-ка присядь, — сказал Лакмен, отвел Арктора к сиденью водителя и бережно усадил. — Да ты прямо вырубаешься… Успокойся, никто не убит, и теперь мы начеку. — Он захлопнул дверцу. — Все нормально, понимаешь?

В окошко заглянул Баррис.

— Хочешь собачью какашку, Боб? Пожевать…

Ошеломленный Арктор широко раскрыл глаза и замер, глядя на него. Но мертвые зеленостеклянные шторки очков ничего не выдавали. Он в самом деле это сказал, мучился Арктор, или я спятил?

— Что, Джим? — спросил он.

Баррис начал смеяться. И смеялся, и смеялся.

— Оставь его в покое, — велел Лакмен, стукнув Барриса по спине. — Заткнись, Баррис!

Арктор обратился к Лакмену:

— Что он только что сказал? Дословно, что он мне сказал, черт побери?

— Понятия не имею, — ответил Лакмен. — Я не могу разобрать и половины из того, что он говорит.

Баррис все еще улыбался, но уже молча.

— Ты, проклятый Баррис, — процедил Арктор. — Я знаю, что это твоих рук дело — цефаскоп и теперь машина. Ты это сделал, ты, чертов ублюдок, псих поганый!

Арктор едва слышал собственный голос, однако чем громче он орал на ухмылявшегося Барриса, тем сильнее становилась кошмарная вонь. Он замолчал и понурился у руля, отчаянно борясь с тошнотой. Слава богу, что рядом Лакмен. Иначе

был бы мне конец. От руки сумасшедшего выродка, этого паршивого козла, живущего со мной под одной крышей.

— Успокойся, Боб, — сквозь волны тошноты донесся голос Лакмена.

— Я знаю, что это он, — сказал Арктор.

— Но зачем, черт побери?! Он бы и сам угробился. Зачем?

Запах ухмыляющегося Барриса захлестнул Боба Арктора, и его вырвало прямо на приборную доску. Тысячи тоненьких голосов звенели, вспыхивали, светились, странные, трепещущие, непонятные… Но по крайней мере он мог что-то видеть, и вонь начала уходить. Он задрожал и полез за носовым платком.

— Что там было в твоих таблетках? — подозрительно спросил Лакмен у Барриса.

— Послушай, я и сам закинулся, — ухмыльнулся Баррис. — И ты. Так что дело не в травке. Да и слишком быстро. При чем здесь таблетки — желудок не в состоянии усвоить…

— Ты меня отравил! — яростно прошипел Арктор. В голове и перед глазами стало проясняться, сохранился лишь страх. Страх — естественная реакция. Страх перед тем, что могло произойти, перед тем, что это означало. Страх, страх, кошмар-

ный страх перед улыбающимся Баррисом, и его проклятыми таблетками, и его объяснениями, и его странными словечками, и его привычками, его зловещими появлениями и уходами. Перед анонимным доносом в полицию на Роберта Арктора через самодельный голосовой фильтр… Наверняка он, Баррис.

Подонок охотится за мной, подумал Арктор.

— Никогда не видел, чтобы кто-нибудь вырубался так быстро, — покачал головой Баррис. — Хотя вообще-то…

— Как ты, Боб? — спросил Лакмен. — Это мы сейчас почистим, ничего. Садись лучше назад.

Арктор вышел из машины, нетвердо держась на ногах.

Лакмен повернулся к Баррису:

— Ты точно ничего ему не подсунул?

Баррис с негодованием воздел руки.

Глава 6

Больше всего тайный агент по борьбе с наркоманией боится не того, что его подстрелят или изобьют, а того, что ему скрытно введут бешеную дозу какого-нибудь психоделика и до конца жизни в его голове будут крутиться жуткие нескончаемые глюки. Или подсунут порцию «смеси» — героин пополам с препаратом «С». Или и то и другое, да плюс еще яду вроде стрихнина, который почти убьет его, но не совсем, и все закончится тем же: бесконечным фильмом «ужасов». И он превратится в животное, будет колотиться в стены психлечебницы или, что хуже, федеральной клиники. День и ночь будет стряхивать с себя тлю или без конца пытаться понять, почему он не может натереть пол. Вот что может произойти, если его раскусят. И поквитаются чудовищным образом — с помощью той самой дряни, которую они продают и против которой он боролся. Ибо и те и другие — и торговцы, и агенты — хорошо понимали, *что* наркотики делают с людьми. По поводу этого у них разногласий не было.

Подъехал ремонтный фургон, и машину нако-

нец починили. Других поломок вроде не было, но механик почему-то очень долго рассматривал левую переднюю подвеску.

— Что-нибудь не так? — спросил его Арктор.

— На поворотах проблем не возникало?

Арктор ничего такого припомнить не мог, а механик отказался говорить что-нибудь определенное — лишь продолжал тыкать в разные узлы и детали.

По пути Арктор размышлял о различных казусах в психологии полицейских агентов и торговцев наркотиками. Некоторые его знакомые работали под маской торговцев, продавая гашиш и даже героин. Это была хорошая легенда, но такая деятельность порой начинала приносить доход куда больший, чем официальное жалованье агента, даже с учетом премий за изъятые партии товара. Кроме того, агенты привыкали употреблять свое собственное зелье и вообще вести этот образ жизни; они становились скорее богатыми торговцами-наркоманами, чем сыщиками, и в конце концов забывали про служебные обязанности. С другой стороны, некоторые торговцы, чтобы избежать неминуемых рейдов или пытаясь избавиться от конкурентов, начинали работать на полицию и в конечном счете факти-

чески становились тайными агентами. Странные дела творятся в мире наркотиков… Все смешалось, все мутно и непонятно. А для Боба Арктора сейчас все станет еще запутанней: пока он и его дружки ехали по шоссе, ведущему из Сан-Диего, власти устанавливали в их квартире — по крайней мере, он надеялся на это — аппаратуру слежения. Зато он обезопасит себя от происшествий, подобных сегодняшнему. Ему повезло — теперь уже никто не сможет так просто отравить, пристрелить или свести его с ума, а он имеет все шансы схватить за руку таинственного врага, который сегодня чуть не добился успеха. Теперь, когда телекамеры установлены, покушений на него или его собственность будет куда меньше. По крайней мере, успешных покушений…

Виновные порой бегут, даже если их не преследуют, думал Арктор, осторожно ведя машину в густом потоке транспорта. И уж безусловно, бегут, если чувствуют за собой погоню. Бегут со всех ног и при этом не забывают о самообороне… Вот так сидит один сзади, со своим дерьмовым немецким пистолетом двадцать второго калибра и со своим дерьмовым смехотворным глушителем, а потом дождется, когда Лакмен, как обычно, заснет, и пустит мне пулю в затылок. И я буду мертв — как

Бобби Кеннеди, которого убили из оружия того же калибра. Такая маленькая дырочка…

Это может произойти сегодня, может — завтра. В любой день. Или в любую ночь.

Но отныне, с установкой аппаратуры, проверив память голокамер, я буду точно знать, что делает в моем доме каждый, и когда он это делает, и, может быть, даже почему. Включая самого себя. Я буду смотреть, как сам встаю ночью по нужде. Полный обзор всего дома двадцать четыре часа в сутки. Хотя некоторая задержка неизбежна. И меня уже не спасет, если камеры покажут, как мне в кофе подсыпают украденную из военных арсеналов нервно-паралитическую дрянь. Кто-нибудь другой увидит, как я бьюсь в судорогах, не соображая, что со мной, где я, кто я… Он увидит то, что я уже никогда не вспомню. Вспомнит за меня…

— Интересно, как там дома… Знаешь, Боб, кто-то хочет тебе серьезно напакостить, — сказал Лакмен. — Надеюсь, когда мы приедем, дом будет на месте.

— Да уж, — протянул Арктор. — Я и не подумал. А цефаскопа мы так и не нашли. — Он постарался, чтобы в голосе прозвучало уныние и разочарование.

— Я бы особенно не волновался, — неожиданно бодрым голосом заявил Баррис.

— Не волновался бы? — прорычал Лакмен. — А если нас обобрали до нитки? То есть вломились и забрали все, что есть у Боба? И убили или искалечили животных? Или…

— Я оставил маленький сюрприз для того, кто войдет в наше отсутствие, — перебил Баррис. — Наладил все сегодня утром, расстарался. Электронный сюрприз.

— Что еще за электронный сюрприз? — резко спросил Арктор, пытаясь скрыть беспокойство. — Это мой дом, Джим, и не вздумай…

— Полегче, полегче, — сказал Баррис. — Ляйзе, ляйзе — остынь, как говорят наши друзья немцы.

— Так что за сюрприз?

— Когда дверь откроется, заработает кассетный магнитофон, спрятанный под диваном. Ленты хватит на два часа. Я установил три микрофона «Сони» в трех разных…

— Ты должен был предупредить меня, — сказал Арктор.

— А если они залезут через окно? — предположил Лакмен. — Или через черный ход?

— Чтобы воспользовались самым простым

путем, а не другими, менее вероятными путями, — охотно разъяснил Баррис, — я предусмотрительно оставил дверь незапертой.

Наступило молчание. Потом Лакмен захихикал.

— А как они догадаются, что дверь не заперта? — спросил Арктор.

— Я написал записку.

— Ты меня разыгрываешь!

— Да, — услужливо согласился Баррис.

— Ты в самом деле разыгрываешь нас? — потребовал Лакмен. — Тебя фиг разберешь. Он разыгрывает нас, Боб?

— Вернемся — увидим, — отозвался Боб. — Если дверь не заперта и на ней висит записка, значит, это не розыгрыш.

— Записку могут снять, — заметил Лакмен. — Все переломают и пограбят, а дверь запрут. Чтобы мы не узнали. И мы никогда не узнаем.

— Конечно, я шучу! — с чувством воскликнул Баррис. — На такое способен только псих — оставить дверь незапертой, да еще повесить записку!

— Что ты написал в записке? — спросил, повернувшись к нему, Арктор.

— Кому она? — подхватил Лакмен. — Я даже не знал, что ты умеешь писать.

Баррис снисходительно улыбнулся.

— Я написал: «Донна, входи. Дверь не заперта. Мы…» — Баррис замолчал. — Записка адресована Донне, — смущенно закончил он.

— Все-таки он это сделал, — проговорил Лакмен. — На полном серьезе.

— Таким образом, Боб, — снова как ни в чем не бывало продолжил Баррис, — мы узнаем, чьих рук это дело.

— Если они не разделаются с магнитофоном, когда разделаются с диваном, — сказал Арктор.

Он лихорадочно соображал, какие трудности создаст очередная выдумка доморощенного электронного гения. Наверняка техники знают, что делать, — сотрут запись, перемотают ленту, оставят дверь незапертой и не тронут записку. Кстати, открытая дверь даже облегчит им работу. Чертов Баррис! Все равно как пить дать забыл включить магнитофон в сеть. Но, разумеется, если он обнаружит штепсель выдернутым…

Тогда он сочтет это доказательством, что у нас кто-то был, пришел к выводу Арктор. Начнет стучать себя в грудь кулаком и изводить нас историями, как злодеи хитроумно отключили его электронное устройство. Надеюсь, техники догадаются включить его и, более того, наладить,

чтобы он правильно работал, а потом перемотать назад, чтобы на пленке ничего не было. Иначе Баррис просто на стенку полезет.

Ведя машину, Арктор продолжил теоретический анализ ситуации. Вот одна известная истина, которую преподавали в академии. А может, про нее писали в газетах. Наиболее эффективная форма промышленного или военного саботажа — ограничиться нанесением таких повреждений, которые трудно с определенностью назвать умышленными. Если в автомобиле установлена бомба, то налицо действие врага. Если взорвано правительственное здание, это явно дело рук террористов. Но если происходит случайность или серия случайностей, если оборудование просто отказывается работать, если оно выходит из строя постепенно, за какой-то естественный период времени, с множеством маленьких неисправностей и поломок, — тогда жертве, будь то частное лицо или государство, даже не приходит мысль о защите. Наоборот, рассуждал Арктор, человек начинает думать, что никаких врагов нет, что у него мания преследования. Он начинает сомневаться в себе. Машина сломалась сама, ему просто не повезло… Друзья согласны — враг лишь померещился. И это дока-

нывает жертву куда основательнее, чем любая реальная опасность.

Правда, быстро такое не делается. Противнику надо долго ждать удобного случая. А тем временем жертва может догадаться, кто за ней охотится, и нанести ответный удар. То есть в этом случае у жертвы куда больше шансов уцелеть, чем если бы в нее, скажем, стреляли из винтовки с оптическим прицелом.

Все страны мира обучают и засылают друг к другу тучи агентов — тут ослабить гайку, там отвернуть винтик, где-то оборвать проводок или потерять документ… Маленькие неприятности. Жевательная резинка в ксероксе может уничтожить незаменимый и жизненно важный документ: вместо снятия копии стирается оригинал. Избыток мыла и туалетной бумаги, как было известно хиппи шестидесятых, может засорить всю канализационную систему здания и выдворить на неделю жильцов. Нафталиновый шарик в бензобаке автомобиля изнашивает двигатель двумя неделями позже, когда машина уже в другом городе, и не оставляет следов в топливе. Любую радио– или телевизионную станцию легко вывести из строя, если вбить в землю в нужном месте кол и повредить силовой или передающий

кабель. И так далее.

Представители старых аристократических сословий хорошо знают, какая это чума — горничные, садовники и прочая вульгарная прислуга. Одно неловкое движение — и бесценная ваза, доставшаяся от предков, лежит на полу грудой осколков. «Зачем ты это сделал, Растус Браун?» — «Э-э, что? Простите, миссус, я просто…» И ничего тут не поделаешь, или почти ничего. Однажды жена американского посла в Гватемале похвасталась на каком-то приеме, что недавнее свержение левого правительства в этой маленькой стране организовал ее «крутой» муж. Некоторое время спустя, когда посла уже перевели в другую маленькую страну, азиатскую, он, разогнавшись как-то раз на спортивной машине, внезапно обнаружил перед собой грузовик с сеном, выехавший с боковой дороги. Через мгновение от посла и его машины остались лишь мелкие клочки, разбросанные по шоссе. И вся тайная армия, подготовленная ЦРУ, оказалась совершенно бесполезной. И жене его гордиться было уже нечем. «Э-э, что? — промямлил, вероятно, владелец грузовика. — Я просто…»

Или вот моя бывшая жена, вспомнил Арктор; он тогда работал инспектором страховой компа-

нии. Она бесилась, что он засиживается допоздна, составляя отчеты, вместо того чтобы трепетать от восторга при виде супруги. К концу их совместной жизни она взяла на вооружение многие трюки и хитрости: могла обжечь руку, прикуривая сигарету, запорошить себе чем-нибудь глаза, начинала вытирать пыль в кабинете или без конца искать что-то возле его пишущей машинки. Сперва он нехотя откладывал работу и покорно предавался восторженному трепету; потом ударился головой о кухонную полку и нашел лучшее решение.

— Если они убили наших животных, — бормотал Лакмен, — я им подложу бомбу. Я их в порошок сотру. Я профессионалов найму, из Лос-Анджелеса, банду «пантер».

— Да нет, — скривился Баррис. — Какой им смысл убивать животных? Животные ничего не сделали.

— А я сделал? — спросил Арктор.

— Очевидно, они так полагают, — сказал Баррис.

– *«Если б я знала, что оно безобидное, то убила бы его сама»,* — процитировал Лакмен. — Помните?

— Так ведь она была из добропорядочных, — возразил Баррис. — Даже таблеток никогда не

пробовала и башли имела будь здоров. Таким не понять ценности жизни, где им… Помнишь Тельму Корнфорд, Боб? Коротышка с большими сиськами, всегда ходила без бюстгальтера, а мы сидели и пялились на нее. Пришла как-то к нам и попросила убить стрекозу, которая залетела в окно. А когда мы ей объяснили…

Медленно продвигаясь в потоке машин, Арктор прогнал в памяти эпизод, который произвел на них на всех неизгладимое впечатление. Изящная элегантная девушка из добропорядочных обратилась с просьбой убить большое, но безвредное насекомое, которое на самом деле приносило только пользу, поедая комаров. А потом она произнесла слова, навсегда ставшие для них символом чужого враждебного мира — всего того, чего надо бояться и что надо презирать: *ЕСЛИ Б Я ЗНАЛА, ЧТО ОНО БЕЗОБИДНОЕ, ТО УБИЛА БЫ ЕГО САМА.*

Хорошо образованная и материально обеспеченная Тельма Корнфорд сразу стала врагом. И, к ее полному недоумению, они бежали сломя голову, бежали, бросившись вон из роскошной квартиры в свою грязную конуру. Между их мирами зияла пропасть, и, как бы им ни хотелось поразвлечься с хорошенькой цыпочкой, пере-

шагнуть эту пропасть было невозможно.

Однажды, еще до перехода на тайную работу, Арктор снимал показания у зажиточной четы, в чьей квартире похозяйничали наркоманы. В те времена добропорядочные семьи еще попадались в кварталах, где рыскали банды, подбиравшие все, что плохо лежит. Он запомнил одну их фразу: «Люди, которые вламываются в ваш дом и забирают ваш цветной телевизор, ничуть не лучше тех извергов, которые калечат животных или варварски уничтожают бесценные произведения искусства». «Да нет, — возразил Арктор, оторвавшись на минуту от записи показаний, — с чего вы взяли?» Наркоманы — он это знал по опыту — редко обижают живых существ. Он сам видел, как они ухаживают за покалеченными животными, в то время как добропорядочные давно бы «усыпили» их — термин, в высшей степени характерный. Мафиози, кстати, выражались подобным же образом. Однажды он помогал двум совершенно выгоревшим торчкам освободить кота, напоровшегося на стекло в разбитом окне. Торчки, едва что-либо соображавшие и перепачканные своей и кошачьей кровью, возились больше часа, терпеливо и бережно вызволяя несчастное животное. Неизвестно, чей это был

кот: вероятно, он учуял еду и, отчаявшись что-либо выпросить, попытался прыгнуть в окно. Одурманенные торчки не замечали зверюгу, пока та не заорала; а потом позабыли ради нее свои глюки и приходы. В конечном итоге кот остался жив и почти не пострадал: они его еще и накормили.

Что касается «бесценных произведений искусства», тут тоже трудно что-либо сказать. Смотря что имеется в виду. Во время войны во Вьетнаме в деревне Сонгми по приказу ЦРУ были уничтожены 450 бесценных произведений искусства плюс без счету цыплят, рогатого скота и другой живности, не внесенной в каталог.

— Как вы думаете, — спросил Арктор, внимательно следя за дорогой, — когда мы умрем и предстанем перед Господом в Судный день, то реестр наших грехов будет составлен в хронологическом порядке или в порядке их тяжести? А может, в алфавитном? А то получится, что испускаю я дух глубоким старцем лет под девяносто, и вдруг как зарычит на меня Господь: «Ты и есть тот самый сорванец, который в тысяча девятьсот шестьдесят втором году украл три бутылки кока-колы из грузовика у универмага «7–11»?! Сейчас я с тобой разберусь!»

— Думаю, там будут перекрестные ссылки, — сказал Лакмен. — Тебе сразу выдадут компьютерную распечатку с полным списком.

— Грех, — посмеиваясь, бросил Баррис, — это всего лишь устаревший иудеохристианский миф.

— Может быть, все грехи держат в одной большой бочке для соленья. — Арктор с ненавистью взглянул на антисемита Барриса. — В бочке для кошерного соленья. А потом просто выворачивают ее на тебя, и ты стоишь, обтекая грехами. Своими собственными, ну и небось примешается парочка чужих, попавших по ошибке.

— Грехи другого человека, но с тем же именем, — добавил Лакмен. — Другого Роберта Арктора. Как по-твоему, Баррис, сколько на свете Робертов Аркторов? — Он ткнул Барриса локтем в бок. — А Джимов Баррисов?

Сколько на свете Аркторов? — подумал Роберт Арктор. Совершенно безумная мысль… Мне известны двое. Некий Фред, наблюдающий за неким Бобом. Одно и то же лицо. Или нет? На самом ли деле Фред — то же самое, что Боб? Кто знает? По идее, должен знать я, потому что только мне известно, что Фред — это Боб Арктор. Но, подумал он, что такое я? Который из них — я?

Они вылезли из машины и настороженно подошли к двери. Дверь была не заперта, и на ней висела записка Барриса, однако в доме все казалось нетронутым.

В Баррисе мгновенно проснулись подозрения.

— Ага! — буркнул он и молниеносно схватил с полки свой пистолет. Как обычно, заурчали животные, требуя еды.

— Что ж, Баррис, — промолвил Лакмен. — Теперь я вижу, что ты прав. Здесь определенно кто-то был. Об этом свидетельствует тщательное заметание следов, которые иначе бы остались… — Он демонстративно выпустил газы и поплелся к холодильнику за пивом. — Баррис, тебя накололи.

Баррис невозмутимо продолжал осматриваться, держа пистолет наготове.

Может, и найдет что-нибудь, подумал Арктор. Вдруг техники наследили? Забавно — паранойя иногда смыкается с реальностью. Бывает такое стечение обстоятельств. Например, сегодня. Тогда Баррис придет к выводу, что я специально выманил их из дома, чтобы дать возможность тайным гостям сделать свое дело. А потом сообразит и все остальное — если уже не сообразил, причем давным-давно. Достаточно давно, что-

бы осуществить диверсии против цефаскопа, машины и бог знает чего еще. Может, стоит мне включить свет в гараже, и весь дом взлетит на воздух. Но самое главное — успела ли команда из Отдела все установить и наладить? Надо узнать у Хэнка расположение камер и дисков памяти. И получить остальную необходимую информацию. Необходимую в их совместной игре против подозреваемого. Против Боба Арктора.

— Гляньте-ка! — воскликнул Баррис, нагнувшись над пепельницей на журнальном столике. — Идите сюда!

Наклонившись, Арктор ощутил тепло, поднимавшееся от пепельницы.

— Бычок, еще горячий! — изумленно проговорил Лакмен. — Точно.

Боже мой, подумал Арктор. Кто-то покурил и машинально оставил сигарету. Значит, они только что ушли.

— Погодите-ка… — Лакмен покопался в переполненной пепельнице и вытащил чинарик. — Вот что теплится! Они курили травку… Но чем они занимались? Какого черта им здесь надо было?! — Лакмен хмуро огляделся по сторонам, злой и сбитый с толку. — Боб! Черт побери, Баррис был прав! У нас кто-то копался! Чинарик горячий… —

Он сунул окурок под нос Арктору. — Внутри еще тлеет, видно, травка плохо порезана.

— Этот чинарик, — мрачно заявил Баррис, — мог быть оставлен здесь не случайно.

— То есть? — спросил Арктор. Интересно, думал он, это что же за полицейская команда, в которой есть наркоман, не стесняющийся причем курить при исполнении на глазах у всех…

— Возможно, они специально пришли, чтобы подбросить нам наркотики, — объяснил Баррис. — А потом настучать. Может быть, здесь кругом запрятаны наркотики. Например, в телефоне… или в розетках. Придется перерыть весь дом, и быстро, пока они не позвонили в полицию. Еще пара часов — и все, крышка.

— Ты займись розетками, — решительно сказал Лакмен, — а я разберу телефон.

— Погоди. — Баррис поднял руку. — Если увидят, как мы тут шуруем прямо перед рейдом…

— Перед каким рейдом? — спросил Арктор.

— Если мы начнем сейчас метаться по дому, разыскивая и уничтожая наркотики, — указал Баррис, — то не сможем утверждать — хоть это и правда, — что ничего о них не знаем. Нас возьмут с поличным. А может быть, это тоже часть их плана…

— Черт побери! — Лакмен плюхнулся на кушетку. — Вот дерьмо! Их могли запрятать в тысяче разных мест, и нам все никогда не найти. Мы влипли!

— Как там насчет твоей электроники, подключенной к двери? — вдруг вспомнил Арктор. Надо же, они совсем забыли.

— Верно! Сейчас мы получим жизненно важную информацию! Баррис опустился на колени, зашарил под кушеткой и с кряхтеньем вытащил пластмассовый магнитофончик.

— Он нам о многом расскажет… — предвкушающе бормотал Баррис. Неожиданно лицо его вытянулось. — Впрочем, какая там информация… — Он поставил магнитофон на журнальный столик. — Главное уже известно — в наше отсутствие в доме кто-то был.

Последовало молчание.

— Кажется, я догадываюсь… — покачал головой Арктор.

— Войдя, они первым делом его выключили. Я, разумеется, оставил магнитофон включенным, но посмотрите — теперь он выключен. Так что хотя я…

— Значит, ничего не записалось? — разочарованно протянул Лакмен.

— Все сделано молниеносно! — восхитился Баррис. — Через записывающую головку не прошло и дюйма ленты. Между прочим, это великолепный магнитофон, «Сони», трехголовочный, с системой шумоподавления «Долби». Я взял его на рынке, по дешевке, и ни разу не мог пожаловаться…

— Ну что, будем сидеть и ждать? — развел руками Арктор.

— Да-а… — Баррис рухнул в кресло и задумчиво стал вертеть в руках очки. — Делать нечего — нас обошли. Знаешь, Боб, тебе остается только одно. Хотя это потребует времени…

— Продать дом и переехать, — подсказал Арктор.

Баррис кивнул.

— Но, черт побери, — запротестовал Лакмен, — это наш дом!

— Сколько сейчас стоят дома в этом районе? — Баррис заложил руки за голову. — Может, ты еще останешься в выигрыше, Боб. С другой стороны, на срочной продаже обычно теряешь… Но, боже мой, Боб, против тебя действуют профессионалы!

— Вы знаете хорошего агента по недвижимости? — спросил Лакмен.

— Они всегда интересуются причиной продажи. А что я им скажу? — проворчал Арктор.

— Да, правду говорить нельзя. — Лакмен погрузился в раздумье, мрачно потягивая пиво. — Ничего не могу придумать! Баррис, у тебя есть идеи?

— Просто выложим, что по всему дому запрятаны наркотики и мы не знаем, где они, — предложил Арктор. — Поэтому решили переехать, а вместо нас пусть попадается новый владелец.

— Нет, — возразил Баррис. — Не стоит открывать карты. Пожалуй, лучше сказать, что Боба переводят на другое место.

— Куда же? — поинтересовался Лакмен.

— В Кливленд, — уверенно ответил Баррис.

— Нет, надо говорить правду, — настаивал Арктор. — Или вообще дать объявление в «Лос-Анджелес таймс»: «Продается новый дом с двумя ванными для быстрого смывания наркотиков, которые запрятаны во всех помещениях. Стоимость наркотиков входит в цену».

— Начнутся звонки. Будут спрашивать, какие наркотики, — заметил Лакмен. — А мы и не знаем.

— И еще вопрос — сколько, — пробормотал Баррис. — Покупатели будут интересоваться.

— А у нас то ли с гулькин нос какой-нибудь дрянной травки… — Лакмен пожал плечами, —

то ли уйма чистого героина.

— Я предлагаю вот что, — сказал Баррис. — Позвоним в Отдел по борьбе с наркоманией, изложим ситуацию и попросим приехать и наркотики изъять. Обыскать дом, найти их и уничтожить. Все равно на продажу дома времени нет. Я изучал этот вопрос с юридической точки зрения, как раз на подобный случай, и все авторитеты сходятся в том, что…

— Ты совсем спятил. — Лакмен вытаращился на Барриса, как будто перед ним была одна из букашек Джерри Фабина. — Позвонить в Отдел? Да здесь через пять минут будет полно…

— Это самый лучший вариант, — возбужденно перебил его Баррис. — Мы все пройдем тест на детекторе лжи и докажем, что ничего не знали. Что наркотики спрятали без нашего ведома и разрешения. И тогда нас освободят от всякой ответственности. — Помолчав, он добавил: — Потом, в конце, после рассмотрения дела в суде.

— С другой стороны, — возразил Лакмен, — у нас ведь есть свои собственные запасы, и мы знаем, где они. Что, теперь все смывать? А если что-нибудь забудем, даже чуть-чуть?

— Выхода нет, — подытожил Арктор. — Похоже, нам каюк. Из соседней комнаты появилась Донна

Хоторн в помятых шортах, с растрепанными волосами и опухшим от сна лицом.

— Я прочитала записку и вошла. Посидела немного и решила соснуть. Вы же не написали, когда вернетесь… Чего случилось? Так тут разорались, что меня разбудили!

— Ты курила травку? — потребовал Арктор.

— Ясное дело. Иначе бы мне не заснуть.

— Это ее чинарик, — объявил Лакмен. — Отдайте ей.

Боже мой, ужаснулся Арктор, я был сейчас таким же, как и они. В том же трансе, в том же глюке, вместе с ними.

Он зажмурился и встряхнул головой, отгоняя наваждение. Зная все, он тем не менее невольно переступил черту и оказался в их бредовом наркотическом пространстве, думал их мыслями, смотрел их глазами. Опять помутнение — тот же туман окутал только что и его. Туман, заполняющий мир, в котором мы все движемся на ощупь.

— Ты нас спасла, — сказал он Донне.

— От чего? — удивилась она, протирая глаза.

Не от меня самого, подумал Арктор, и не от того, что, по нашему мнению, нам угрожало. Она помогла мне, всем нам троим, прийти в себя. Маленькая черноволосая девушка в затрапезных

штанишках, на которую я стучу и которую надеюсь когда-нибудь трахнуть — стук и трах, еще одна реальность, — привела нас в чувство. До чего бы мы сегодня додумались, если бы не она? И это не в первый раз… А что будет в следующий?

— Разве можно оставлять дверь открытой? — возмущалась Донна. — Вас же могли обчистить, и вы сами были бы виноваты. Даже самые крупные страховые компании отказываются платить, если не были заперты дверь или окно. Я потому и вошла, когда заметила записку. Чтобы присмотреть за квартирой.

— Ты давно здесь? — спросил ее Арктор. Неужели она помешала установить аппаратуру?

Донна кинула взгляд на наручные часы. «Таймекс» за двадцать долларов, его подарок.

— Примерно тридцать восемь минут… Слушай, Боб! — Ее лицо оживилось. — Я принесла книжку про волков, хочешь посмотреть? Там много всяких крутых вещей, надо только вчитаться.

— Жизнь, — пробормотал Баррис себе под нос, — она вообще крутая и никакая другая. Один крутой глюк, ведущий в могилу. Для всех и каждого.

— Вы собираетесь продавать дом? Или мне померещилось? Не могу понять — я слышала

какую-то дикую чушь.

— Нам всем померещилось, — сказал Арктор.

Наркоман последним узнает, что он наркоман. Может быть, понять, всерьез ли говорит человек, тоже легче со стороны? В самом деле, что во всем том бреду, который подслушала Донна, говорилось всерьез? Что из безумия этого дня — *его* безумия — было реальным, а что — лишь навеяно контактом с психами и сумасшествием самой ситуации? Как бы он хотел ответить Донне…

Глава 7

На следующий день Фред надел костюм-болтунью и явился в Отдел.

— В доме установлено шесть голографических камер — по нашему мнению, шести пока достаточно, — которые передают сигнал в надежную квартиру в том же квартале, где находится дом Роберта Арктора, — объяснял Хэнк, выложив на металлический стол план-схему дома.

Чувствуя легкий озноб, Фред взял план и стал изучать расположение камер и микрофонов, которые обеспечивали круглосуточное наблюдение за каждым уголком его жилища.

— Значит, я буду просматривать записи в этой квартире?

— Оттуда мы ведем наблюдение за восемью, теперь девятью окрестными объектами, так что вам придется встречаться с другими тайными агентами, когда они будут приходить на контрольный просмотр. Обязательно носите костюм-болтунью.

— Эта квартира чересчур близко, за мной могут проследить.

— Да, пожалуй, вы правы, однако пока другого

места, которое подходило бы с технической точки зрения, у нас нет. Скоро освободится еще одна квартира, в двух кварталах оттуда, — там вам будет безопаснее. Потерпите недельку. А если мы добьемся удовлетворительного разрешения при передаче по кабелю…

— Я просто скажу, что встречаюсь там с цыпочкой, если Арктор или кто-нибудь из других торчков меня заметит.

Даже удобно — сократится время в пути, которое не оплачивают. В любой момент заскочить туда, прогнать запись, отфильтровать необходимую информацию, а потом быстренько назад…

В свой собственный дом, подумал он. Дом Арктора. На одном конце улицы я Боб Арктор, закоренелый наркоман, за которым тайно следит полиция, а на другом конце — Фред, бдительно просматривающий мили и мили ленты, чтобы выяснить, чем я занимаюсь в течение суток. Все это действует на нервы. Зато обеспечивает защиту и предоставляет ценную информацию личного характера. Скорее всего, камеры уличат того, кто за мной охотится, в первую же неделю.

От этой мысли у него улучшилось настроение.

— Отлично, — сказал он Хэнку.

— Запомните, где расположены камеры. Если

потребуется обслуживание, вы, очевидно, что-то сможете сделать самостоятельно, улучив момент, когда будете находиться в доме Арктора. Вы ведь вхожи в его дом, не так ли?

Черт побери, подумал Фред, тогда я попаду в запись! До сих пор он не посвящал Хэнка в детали того, откуда берет сведения об объектах наблюдения. А что теперь? Роберт Арктор с расплывшимся на весь экран лицом возится с забарахлившей голокамерой!.. С другой стороны, первым запись будет просматривать *он.* И любой кусок можно вырезать. Хотя потребуется время.

Но что вырезать? Вырезать Арктора, полностью? Нельзя, Арктор — подозреваемый. Значит, вырезать Арктора, только когда тот ремонтирует камеру…

— Я буду себя вырезать, — сказал он. — Чтобы вы меня не увидели. В качестве меры предосторожности.

— Разумеется. У вас есть подобный опыт? — Хэнк протянул ему несколько снимков. — Специальное устройство стирает любой участок изображения. Все участки, где вы появляетесь как информатор. Это что касается видеозаписи. По фонограммам определенных правил не существует. Впрочем, нет нужды беспокоиться.

Само собой, вы входите в круг друзей Арктора. Вы — либо Джим Баррис, либо Эрни Лакмен, либо Чарлз Фрек, либо Донна Хоторн…

— Донна? — Фред рассмеялся. Вернее, рассмеялся костюм, по-своему.

— Либо Боб Арктор, — невозмутимо закончил Хэнк, глядя в список.

— Мне все время приходится докладывать и о себе.

— Но если вы будете вырезать себя систематически, то, хотим мы того или нет, мы путем исключения установим вашу личность. Словом, вам надо вырезать себя — как бы это выразиться? — изобретательно, артистично, черт побери, творчески!.. Например, в те короткие периоды, когда вы обыскиваете дом, или поправляете камеру, или…

— А вы просто раз в месяц присылайте специалиста в форме, — усмехнулся Фред. — Так, мол, и так, доброе утро, мне нужно сделать технический осмотр голокамер и подслушивающих устройств, тайно установленных в вашем доме, в вашем телефоне и в вашей машине.

— Угу, тогда Арктор прикончит специалиста, а потом исчезнет.

– *Если* Арктор что-нибудь скрывает, — с нажи-

мом сказал Фред. — Это не доказано.

— Арктор, похоже, скрывает очень многое. Мы получили и проанализировали ряд новых данных о нем. Практически не остается никаких сомнений — это человек с двойным дном, *он насквозь фальшивый.* Как трехдолларовая купюра. Так что сидите у него на хвосте, пока у нас не накопится достаточно материала для ареста и обвинения.

— Подбросить ему наркотики?

— Повременим.

— Вы думаете, он близок к источнику препарата «С»?

— Что мы думаем, для вашей работы не имеет значения, — сказал Хэнк. — Оцениваем мы, а вы лишь предоставляете нам данные и собственные ограниченные заключения. Поймите правильно, вашу инициативу никто не подавляет, просто мы располагаем более обширной информацией. Перед нами полная картина, вдобавок проанализированная компьютером.

— Арктор обречен, — произнес Фред. — Если, конечно, причастен к чему-то. А судя по вашим словам, это так.

— Скоро мы соберем на него полное досье, — заверил Хэнк. — И тогда мы покончим с ним. К

всеобщей радости.

Запоминая адрес конспиративной квартиры, Фред вдруг вспомнил, что именно там жила молодая парочка, которая не так давно внезапно исчезла из поля зрения. Ясное дело, их взяли, а квартиру использовали.

Эти ребята ему нравились. У девчонки были длинные льняные волосы и красивая грудь — она не носила бюстгальтера. Однажды он ехал мимо, когда она несла сумки из магазина, и предложил подвезти. Очевидно, они или хранили, или торговали наркотиками. Хотя, если квартира была нужна, власти могли придраться и к мелочам.

А как, интересно, будут использовать замусоренный, но просторный дом Роберта Арктора, когда хозяина упрячут за решетку? Скорее всего, там расположится еще более крупный узел обработки информации.

— Вам понравится дом Арктора, — сказал он вслух. — Запущенный, типичная берлога наркомана, однако большой. Хороший двор, много зелени.

— Наша техническая группа доложила то же самое. Есть определенные перспективы.

— Что? Они доложили, что есть «перспективы», вот как? — Монотонный, лишенный интонации

голос костюма-болтуньи лишь усилил его бешенство. — Какие же?

— Ну, к примеру, окно гостиной выходит на перекресток; таким образом, можно следить за проходящим транспортом… — Хэнк стал копаться в груде бумаг на столе. — Хотя руководитель группы, Берт… как же его… предостерегает: дом настолько ветхий, что забирать его не стоит. Плохое вложение денег.

— То есть как это? Как это ветхий?!

— Крыша.

— Крыша совершенно новенькая, с иголочки!

— Покраска. Состояние полов и перекрытий. На кухне…

— Чушь! — возмутился Фред, точнее — пробубнил костюм. — Они, может, не убирают посуду или там не выбрасывают мусор, но в конце концов — трое одиноких мужчин! Это — женское дело. Если бы Донна Хоторн переехала, как того хочет, прямо умоляет, Боб Арктор, она бы этим и занялась. Так или иначе, профессионалы могли бы привести дом в идеальный порядок за полдня. Что касается крыши, это меня просто бесит, потому что…

— Значит, вы советуете использовать дом, когда Арктор будет арестован и потеряет право

собственности?

Фред застыл.

— Ну? — подстегнул Хэнк, занеся над бумагой шариковую ручку.

— Мне все равно, поступайте как угодно. — Фред поднялся, собираясь уходить.

— Не спешите. — Хэнк жестом снова усадил его и порылся в куче бумаг. — У меня тут записано…

— У вас все записано. Про всех.

— Так… Перед уходом вы должны зайти в комнату двести три.

— Если это по поводу моего выступления перед общественностью, то я уже свое получил.

— Нет, — сказал Хэнк. — Это по какому-то другому поводу. У меня к вам вопросов больше нет.

* * *

Фред оказался в белоснежной комнате с привинченными к полу стальными столом и стульями. Она походила на больничную палату — стерильная, холодная и чересчур ярко освещенная. В углу стояли весы. В комнате ждали два офицера в полицейской форме, но с медицинскими нашивками.

— Вы агент Фред? — спросил один из них, с длинными усами.

— Да, сэр, — ответил Фред. Он почувствовал страх.

— Ну-с, Фред, во-первых, я должен напомнить: как вы знаете, все ваши доклады записываются и позже изучаются, на случай если что-то было упущено. Это, разумеется, касается всех агентов, которые докладывают устно, не только вас.

Другой офицер добавил:

— Фиксируются также все ваши контакты с Отделом, такие как телефонные звонки и прочее, например, ваша недавняя речь в Анахайме на встрече с общественностью.

— Ясно, — кивнул Фред.

— Вы принимаете препарат «С»? — спросил первый офицер.

— Вопрос, собственно, излишний, — пояснил другой, — ибо в силу специфики работы вы вынуждены это делать. Подойдите сюда, агент Фред, и садитесь. Мы проведем несколько простых тестов. — Он махнул на стол, на котором лежали бумаги и какие-то странные, незнакомые Фреду разноцветные предметы. — Тесты не займут много времени и не причинят вам физического неудобства.

— Что касается моего выступления… — начал Фред.

— Проверка вызвана тем, — перебил первый офицер, усаживаясь и доставая ручку и какие-то бланки, — что в последнее время несколько тайных агентов, работающих в вашем районе, были помещены в федеральные неврологические клиники.

— Вам известно, что препарат «С» вызывает быстрое привыкание? — спросил второй.

— Безусловно, — сказал Фред. — Конечно известно.

— Итак, перейдем к тестам, — объявил офицер, сидящий за столом. — Мы начнем с…

— Вы думаете, я наркоман? — перебил его Фред.

— Наркоман вы или нет, не имеет первостепенного значения, — заявил другой офицер. — Не позже чем через пять лет Отдел химической защиты Вооруженных сил должен предоставить нам эффективный антидот.

— Эти тесты имеют отношение не к свойствам препарата «С», а скорее к… Короче, давайте начнем с базового теста, который определит вашу способность отличать очертания предметов от фона. Посмотрите на рисунок. — Первый офицер положил на стол перед Фредом листок бумаги. — Среди беспорядочных линий находятся контуры

хорошо всем знакомого предмета. Вы должны сказать мне…

В июле 1969 года Джозеф Е. Боген опубликовал свою революционную статью «Обратная сторона мозга», где процитировал некоего доктора А. Л. Вигана, который писал еще в 1844 году:

«Разум, в сущности, имеет двойственную природу, так же как и органы, на которых он базируется. Над этой идеей я размышлял более четверти столетия и не смог отыскать ни единого веского или хотя бы сколько-нибудь обоснованного возражения. Таким образом, я могу доказать: 1) что каждое полушарие мозга есть цельный и совершенный орган мысли, и 2) что полноценные процессы мышления и логического рассуждения могут проходить в каждом полушарии независимо и одновременно».

В своей статье Боген сделал вывод: «Я полагаю (так же как и Виган), что каждый из нас обладает двумя разумами в одном теле. В пользу этого можно привести множество доводов. Но в конечном

счете нам приходится столкнуться с главным возражением против виганов-ского тезиса, а именно, с субъективным ощущением, что каждый из нас – Один. Убеждение во внутренней цельности и единстве личности входит в число основ-ных ценностей европейской культуры…»

— …что это за объект, и указать, где он находит-ся на рисунке.

— К чему все это? — Фред в упор взглянул на офицера. — Наверняка из-за моего выступления.

— У многих, кто принимает препарат «С», нарушается связь между правым и левым по-лушариями мозга. Таким образом, возникают дефекты как в сфере восприятия, так и в сфере мышления, хотя на первый взгляд познавател-ьная способность не нарушается. Но поскольку информация, поступающая от органов чувств, так или иначе искажена вследствие расщепле-ния полушарий, мыслительные способности также постепенно ухудшаются. Ну, вы нашли среди линий знакомый объект? Можете мне его показать?

— Вы имеете в виду отложения тяжелых ме-таллов в нейрорецепторных центрах? — спросил

Фред. — Необратимые изменения…

— Нет, — ответил второй офицер. — Мы имеем дело не с прямым нарушением деятельности мозга, а со своего рода токсикозом, воздействующим на систему восприятия за счет нарушения связей между полушариями. Тест оценивает работу вашей системы восприятия как единого целого. Вы видите знакомый объект на рисунке? Он бросается в глаза…

— Я вижу бутылку коки.

— Правильный ответ — бутылка содовой, — сказал сидящий, заменяя листок.

— Вы что-то заметили, прослушивая записи моих встреч с руководством? Какие-нибудь отклонения? — Это все та речь, подумал он. — Может быть, мои слова, обращенные к публике, выявили двусторонние дисфункции? Поэтому-то меня и притащили сюда тестировать? — Ему приходилось читать о тестах на расщепление мозга, которые время от времени проводила администрация.

— Нет, обычная проверка. Мы понимаем, что тайный агент по долгу службы вынужден принимать наркотики: те агенты, которые попали в федеральные клиники…

— Навсегда? — спросил Фред.

— Не все. Дело в том, что токсическое поражение восприятия со временем способно само откорректироваться, и…

— Вас не беспокоят перекрестные разговоры? — неожиданно вмешался стоящий.

— Что?.. — растерянно переспросил Фред.

— Диалоги между полушариями. Порой, если левое полушарие, где расположен речевой центр, повреждено, правое полушарие пытается компенсировать, по мере сил взять на себя его роль.

— Не знаю, — промолвил он. — Не обращал внимания.

— Чужие мысли. Словно за вас думает другой человек. По-другому, не так, как вы сами. Иногда даже всплывают незнакомые иностранные слова, то есть слова, которые вы когда-то запомнили подсознательно.

— Ничего подобного. Я бы заметил.

— Вероятно, заметили бы. По опыту людей, страдающих нарушением функций левого полушария, это крайне неприятно. Ранее считалось, что правое полушарие вообще не управляет речью. Но в последнее время очень многие люди подвергли свои левые полушария разрушительному действию наркотиков, и в отдельных случаях правое полушарие имело возможность

заполнить, так сказать, вакуум.

— Теперь я, безусловно, буду начеку, — заверил Фред и услышал свой голос — голос покорного, исполнительного школьника. Готового на любое указание, исходящее сверху. Разумное или бессмысленное — не имеет значения.

Просто соглашайся, подумал он. И делай, что тебе говорят.

— Что вы видите на второй картинке?

— Овцу, — сказал Фред.

— Покажите мне овцу. — Сидящий офицер склонился над столом и повернул картинку. — Нарушение способности распознавать отличительные признаки приводит к большим неприятностям — вместо того чтобы установить *отсутствие* определенной формы, вы воспринимаете *ложную* форму.

Например, собачье дерьмо, подумал Фред. Собачье дерьмо наверняка можно считать ложной формой. По всем параметрам. Он…

> *Данные указывают, что «немое» полушарие специализируется на осознании цельных понятий, отвечая преимущественно за функции синтеза при обработке поступающей информации. «Го-*

ворящее», главное полушарие, напротив, выполняет логические, аналитические задачи, играя роль своего рода компьютера. Исследования показали, что возможной причиной разделения полушарий у человека является принципиальная несовместимость языковых функций с задачами синтетического восприятия.

...почувствовал себя разбитым и уставшим, как во время памятного выступления перед публикой.

— Значит, не овца? А что? Хоть похоже?

— Это отнюдь не тест Роршаха, где бесформенная клякса может быть истолкована поразному, — сказал офицер. — В данном случае обрисован один, и только один предмет. А именно — собака.

— Что? — испуганно переспросил Фред.

— Собака.

— Где вы тут видите собаку? — Он не видел никакой собаки. — Покажите мне.

Сидящий офицер...

Данный вывод подтверждается экспериментами. Животные с искусственно разделенными полушариями способны

после тренировки воспринимать и обрабатывать информацию независимо. У человека логические функции сосредоточены в одном из полушарий, в «той стороне» мозга, которая говорит, читает и пишет, в то время как второе полушарие, то есть «обратная сторона», очевидно, специализируется на некоем другом типе мышления, принципы которого изучены в гораздо меньшей степени.

...перевернул листок: на обороте был четко нарисован контур собаки. Фред понял, что тот же контур он видел и на лицевой стороне, среди линий. Это была не вообще собака, а вполне конкретная — борзая, такая поджарая, с втянутым животом.

— А что значит, если я увидел овцу?

— Возможно, обыкновенный психологический блок, — ответил второй офицер, переступая с ноги на ногу. — Только когда мы проведем всю серию...

— В этом и заключается преимущество данного теста перед тестом Роршаха, — перебил сидящий, доставая другую картинку. — Он не требует интерпретации. Верный ответ — толь-

ко один. Утвержденный госдепартаментом. Он верен, поскольку исходит из Вашингтона. Вы либо находите его, либо нет. Если вы постоянно ошибаетесь, мы устанавливаем функциональное нарушение восприятия и будем приводить вас в форму, пока не пройдете испытание успешно.

— В федеральной клинике? — спросил Фред.

— Да. Ну-с, что вы видите здесь, среди черных и белых линий? Город смерти, подумал Фред, рассматривая рисунок. Вот что я вижу — смерть, и не в единственно верном варианте, а повсюду. Маленькие безногие киллеры на тележках…

— Вы мне все-таки скажите, — потребовал он, — это из-за той речи?

Офицеры обменялись взглядами.

— Нет, — наконец ответил стоящий. — Нас насторожила одна беседа… ну, просто болтовня… Ваша с Хэнком. Около двух недель назад. Понимаете, при обработке записей возникает временная задержка. Таким образом, мы постоянно изучаем материал примерно двухнедельной давности. До вашей речи еще не добрались.

— Вы несли какую-то околесицу об украденном велосипеде, — подхватил другой. — О так называемом семискоростном велосипеде. Вы пытались сообразить, куда подевались еще три скорости,

не так ли? — Офицеры снова обменялись взглядами. — Вы ведь считали, что они остались на полу гаража?

— Нет, — возразил Фред. — Это все Чарлз Фрек. Он тогда совершенно задурил нам всем голову. Я просто подумал, что это смешно.

Баррис *(стоит посреди гостиной с новеньким блестящим велосипедом, очень довольный):* Поглядите, что я достал за двадцать долларов!

Фрек: Что это?

Баррис: Велосипед. Гоночный, десятискоростной, абсолютно новый. Я заметил его в соседнем дворе и поинтересовался. У них оказалось четыре таких, и я купил его за двадцать долларов наличными. У цветных. Они даже любезно передали мне его через забор.

Лакмен: Кто бы подумал, что совершенно новенький десятискоростник можно купить за двадцать долларов. Просто поразительно, что можно купить за двадцать долларов!

Донна: У одной цыпочки в прошлом месяце точно такой украли… Вы должны

вернуть его. Пускай она по крайней мере взглянет, не ее ли.

Баррис: Это мужской велосипед. Он не может быть ее.

Фрек: Почему вы твердите, что он десятискоростной, когда у него только семь шестеренок?

Баррис *(ошеломленно):* Что?

Фрек *(подходит и показывает):* Ну вот, пять шестеренок здесь и две на другом конце цепи. Пять плюс два…

С помощью операции можно добиться того, чтобы оптическая информация из правого глаза животного (например, кошки или обезьяны) поступала только в правое полушарие, а из левого – соответственно в левое. Если такое животное научить различать два символа, используя лишь один глаз, то впоследствии оно сделает правильный выбор и с помощью другого глаза. Однако если перед обучением разрушить соединения между полушариями, в особенности corpus callosum, то первоначально закрытый глаз вместе с соответствующим полушарием приходится тренировать заново. В этом

заключается суть фундаментального эксперимента Майерса и Сперри (1953).

…будет семь. Значит, это только семискоростной велосипед.

Лакмен: Верно. Но даже семискоростной велосипед, безусловно, стоит двадцати долларов. Выгодная покупка.

Баррис *(оскорбленно):* Меня заверили, что у него десять скоростей… Грабеж!

(Все обступают велосипед и пересчитывают шестеренки.)

Фрек: Теперь я вижу восемь. Шесть впереди и две сзади. Итого восемь.

Арктор *(рассудительно):* Но должно быть десять. Семи– или восьмискоростных велосипедов не существует. Во всяком случае, я о таких не слышал. Интересно, куда делись пропавшие скорости?

Баррис: Наверное, с великом возились эти цветные. Разбирали его не теми инструментами, без должной технической подготовки. А когда собирали, три шестеренки остались на полу гаража. Так, наверное, там и лежат.

Лакмен: Надо потребовать их назад.

Баррис *(со злостью):* В этом-то и заклю-

чается их план: наверняка сдерут деньги! Не удивлюсь, если они еще что-нибудь прикарманили. *(Придирчиво осматривает велосипед.)*

Лакмен: Если мы пойдем вместе, все отдадут как миленькие, не сомневайся! Ну, идем? *(Оглядывается в поисках поддержки.)*

Донна: А вы уверены, что их только семь?

Фрек: Восемь.

Донна: Семь, восемь!.. В любом случае надо у кого-нибудь спросить – прежде чем катить баллон. По мне, так не похоже, что они его разбирали.

Арктор: Она права.

Лакмен: Кого спросить-то? Кто у нас сечет в гоночных великах?

Фрек: Остановим первого встречного! Выкатим велосипед на улицу и спросим. Это будет объективное мнение.

(Выкатывают велосипед и обращаются к молодому негру, который только что вышел из своей машины. Указывают на семь-восемь? – шестеренок и спрашивают, сколько их, хотя каждому видно

– за исключением Чарлза Фрека, – что их всего семь: пять на одном конце цепи и две на другом. Пять плюс два – семь. Это ясно как божий день. Так что же получается?!)

Молодой негр *(спокойно):* Число шестеренок спереди и сзади надо не складывать, а перемножать. Видите, цепь перескакивает со звездочки на звездочку, а их пять, и мы получаем пять разных передаточных чисел на каждой из двух звездочек впереди. *(Показывает.)* Теперь, если мы повернем рычажок на руле *(показывает),* цепь перейдет на вторую звездочку и опять-таки может перескакивать на любую из пяти сзади. То есть получается еще пять. Итого десять. Имейте в виду, что передаточное число всегда рассчитывается из…

(Все благодарят его и уходят, молча вкатывая велосипед в дом.)

Лакмен: Есть что-нибудь закинуться? В здоровом теле – здоровый дух! *(Никто…*

Все данные указывают на то, что разделение полушарий приводит к образованию двух независимых систем сознания

внутри общей черепной коробки, то есть внутри единого организма. Этот вывод кажется диким тому, кто привык считать мышление цельным и неделимым свойством человеческого мозга, и преждевременным тому, кто настаивает на чисто вспомогательном и автоматическом характере функций правого полушария. Разумеется, неравенство полушарий имеет место, но оно может быть лишь особенностью личностей, подвергавшихся изучению. Не исключено, что если полушария разделить в раннем возрасте, то оба полушария, развиваясь независимо, достигнут уровня способностей, обычно наблюдаемого лишь у левого полушария.

...не смеется.)

— Нам известно, что вы были в этой компании, — сказал сидящий офицер. — Никто из вас не мог трезво взглянуть на велосипед и проделать простую математическую операцию по определению числа передач. — В его тоне Фред почувствовал доброту, даже некоторое сострадание. — Такие задачи решают в младших классах.

Вы что, все были под кайфом?

— Нет.

— Так в чем же дело?

— Забыл… — Фред помолчал. — Мне кажется, сбой восприятия тут ни при чем. Разве подобные вещи не требуют абстрактного мышления?

— Только на первый взгляд. На самом деле мышление дает сбой, поскольку не получает корректной информации. Иными словами, входные данные настолько искажены, что когда вы начинаете их анализировать, то рассуждаете неправильно, поскольку… — Офицер сделал неопределенный жест, пытаясь подобрать нужные слова.

— Но десятискоростной велосипед действительно имеет семь шестеренок, — возразил Фред. — Это мы увидели правильно: две спереди, пять сзади.

— Вы не восприняли, каким образом они взаимодействуют: пять задних с каждой из передних, как вам объяснил негр. Он был высокообразованным человеком?

— Скорее всего, нет.

— Негр увидел то, чего не смогли увидеть вы. Он увидел две независимые линии, соединяющие переднюю и заднюю системы шестеренок, а вы

увидели только одну.

— Ладно, в следующий раз буду умнее, — сказал Фред.

— Когда это? Когда купите краденый десятискоростной велосипед?

Фред промолчал.

— Давайте продолжим тестирование, — предложил сидящий офицер. — Что сейчас перед вами, Фред?

— Пластмассовое собачье дерьмо, такое продают в Лос-Анджелесе повсюду. Могу я идти?

Он испытывал бешенство. Из-за злополучной речи его замучают! Оба офицера, однако, рассмеялись.

— Знаете, — сказал сидящий, — если у вас не пропадет чувство юмора, пожалуй, вы своего добьетесь.

— Добьюсь? — повторил Фред. — Чего добьюсь? Успеха? Времени? Денег?..

Мозг высших животных, включая человека, является двойным органом, состоящим из правого и левого полушария, соединенных перемычкой из нервной ткани, corpus callosum. Около пятнадцати лет назад Рональд Е. Майерс и Р. В. Сперр-

ри из Чикагского университета сделали удивительное открытие: если отделить половинки мозга одну от другой, то каждая из них способна функционировать независимо, как самостоятельный мозг.

— …Если вы, ребята, психологи и слушаете мои бесконечные доклады Хэнку, то скажите: как подобрать ключик к Донне? То есть я хочу спросить: как это делается? С такой вот милой, ни на кого не похожей, упрямой маленькой цыпочкой?

— Все девушки разные, — рассудил сидящий офицер.

— Я имею в виду, как найти эстетический подход? — продолжал Фред. — А не просто споить ее, напичкать «красненькими» и изнасиловать, пока она валяется в отрубе на полу.

— Купите ей цветы, — посоветовал стоящий офицер.

— Что? — удивился Фред, широко раскрыв профильтрованные костюмом глаза.

— В это время года можно купить маленькие весенние цветы.

— Цветы… — пробормотал Фред. — Какие? Искусственные или живые?.. Живые, я полагаю.

— Искусственные не годятся, — сказал сидя-

щий. — Они выглядят как… подделка. Что-то фальшивое.

— Я могу идти? — спросил Фред.

Офицеры переглянулись, затем кивнули.

— Тест доведем до конца как-нибудь в другой раз, — сказал стоящий. — Не так уж это и срочно. Хэнк вас известит.

По какой-то неясной причине Фреду захотелось пожать им руки, но он этого не сделал, а просто вышел, молча покачивая головой, с гнетущим чувством тревоги. Они копаются в моем досье, пытаясь найти признаки того, что я выгорел… И что-то находят, раз затеяли эти тесты.

Весенние цветы, думал он, идя к лифту. Малюсенькие. Должно быть, едва поднимаются от земли, и люди их давят… Как они растут — сами по себе или их выращивают искусственно, в промышленных резервуарах? А может, на огромных охраняемых фермах? Интересно, каково там, на природе? Поля, незнакомые запахи и все прочее…

И где ее найти, эту природу? Куда надо ехать? Какой нужен билет и у кого его брать? Я бы с удовольствием взял с собой Донну, когда соберусь ехать. Но как предложить такое девушке, если ты не знаешь, с какой стороны к ней подступить-

ся? Если все время околачиваешься возле нее и ничего не получается?.. Нам нужно спешить, подумал он, потому что скоро все весенние цветы погибнут.

Глава 8

Чарлз Фрек ехал к Бобу Арктору — там всегда можно было словить кайф в теплой компании. По пути он придумывал, как натянуть нос старине Баррису. Вроде как расквитаться за ту подначку насчет селезенки в «Трех скрипачах». Не забывая исправно снижать скорость при виде полицейских засад с радарами (почему-то это всегда были старенькие «Фольксвагены:» тускло-коричневого цвета с бородатыми типами за рулем), он прокручивал в голове воображаемую сцену предстоящего розыгрыша.

Фрек *(небрежно):* Я сегодня купил метедриновую грядку.

Баррис *(свысока):* Дурачок, метедрин не растет на грядке. Это не органика, не травка, а таблетка, порошок, ну, как амфетамин – его синтезируют, то есть делают в лаборатории…

Фрек *(«Как я его сейчас…»):* Я пошутил… Просто мне достались от дядюшки сорок тысяч, и я приобрел метедриновый заводик, который один тип оборудовал у себя

в гараже. Грядка – это в смысле…

Фрек пока не мог сообразить, как закончить, — отвлекала дорога, — но не сомневался, что там, у Боба, сделает все в лучшем виде. Баррис непременно клюнет, особенно если вокруг будет народ. И тогда всем станет ясно, какая он жопа. Прикол будет улетный — Баррис совершенно не выносит, когда над ним смеются.

* * *

Баррис и Арктор копались в машине с поднятым капотом.

— Привет! — бросил Фрек, приближаясь фланирующей походкой. — Эй, Баррис! — Он взял Барриса за плечо, стараясь говорить небрежно-покровительственным тоном.

— Погоди! — буркнул Баррис. Он был в рабочем комбинезоне, потемневшем от грязи и заляпанном смазкой.

— Я сегодня купил метедриновую грядку…

— Большую? — раздраженно спросил Баррис.

— Что?

— Я спрашиваю, большую?

— Ну… — растерялся Фрек, не зная, что сказать дальше.

— Сколько дал? — вставил Арктор. Он тоже весь вымазался, копаясь в машине. Они с Баррисом уже успели вынуть карбюратор, фильтры и кучу разной мелочи.

— Около десяти баксов…

— Джим мог бы достать тебе дешевле, — заметил Арктор, вновь склонившись над мотором. — Да, Джим?

— Их сейчас отдают практически даром, — подтвердил Баррис.

— Черт, да это целый гараж! — возмутился Фрек. — Настоящий завод! Миллион таблеток в день! Сложнейшие агрегаты…

— И все за десять долларов? — радостно оскалился Баррис.

— А далеко это? — спросил Арктор.

— Не здесь, — смущенно ответил Фрек. — Да ну вас к черту! — надулся он.

Сделав перерыв в работе — он часто делал перерывы в работе, даже если поболтать было не с кем, — Баррис сказал:

— Знаешь, Фрек, если ты будешь злоупотреблять метедрином, то начнешь разговаривать как Дональд Дак.

— И что? — нахмурился Фрек.

— Ну и никто не разберет, что ты говоришь.

— Что ты сказал, Баррис? Никак не разберу, что ты говоришь, — включился Арктор.

Расплывшись в улыбке, Баррис залопотал голосом Дональда Дака. Фрек и Арктор весело ухмылялись, наслаждаясь представлением. Баррис продолжал лопотать, оживленно жестикулируя и указывая на карбюратор.

— Что с карбюратором? — Арктор нахмурился.

По-прежнему ухмыляясь, но уже своим обычным голосом Баррис сказал:

— Погнута ось воздушной заслонки. Карбюратор надо полностью перебирать, иначе заслонка может вдруг закрыться, когда ты будешь ехать по шоссе, — тогда мотор захлебнется и заглохнет, и какой-нибудь кретин врежется в тебя сзади. Кроме того, если топливо будет стекать по стенкам цилиндров, то в конце концов оно смоет смазку, на поверхности возникнут царапины, и двигателю конец.

— А почему погнулась ось? — спросил Арктор.

Баррис молча пожал плечами, продолжая разбирать карбюратор. Он знал, что ни Арктор, ни Чарлз Фрек ничего не смыслят в двигателях, тем более когда речь идет о таких серьезных поломках.

Из дома вышел Лакмен с книгой под мышкой

— в темных очках, модной рубашке и стильных джинсах в обтяжку.

— Я узнавал, во что обойдется переборка карбюратора. Они скоро перезвонят, так что я оставил дверь открытой.

— Можно заодно заменить этот двухцилиндровый на четырехцилиндровый, — предложил Баррис.

— Резко возрастут холостые, — сказал Лакмен. — И потом, не будет включаться высшая передача.

— Поставим тахометр, — настаивал Баррис. — Как обороты чересчур поднимутся, надо сбросить газ, и тогда автоматически сменится передача. Я знаю, где достать тахометр. Вообще-то он у меня есть.

— Ну да, — саркастически произнес Лакмен. — При обгоне газанешь, а врубится низшая передача, и обороты так подскочат, что двигатель вообще на хрен накроется!

— Водитель увидит, как прыгнула стрелка тахометра, и сразу сбросит газ, — терпеливо возразил Баррис.

— При обгоне-то?! Представь, что ты обходишь длиннющий трейлер! Да тебе надо гнать и гнать, уж сколько бы ни было там оборотов, иначе ты

его никогда не обойдешь!

— Не забывай про инерцию, — прищурился Баррис. — Такая тяжелая машина будет двигаться по инерции, даже если убрать газ.

— А в гору? — поддел Лакмен. — Не очень-то она тебе тогда поможет, твоя инерция.

Баррис повернулся к Арктору:

— Сколько весит… — Он наклонился и зашевелил губами, читая название «олдсмобиль»?

— Около тысячи фунтов, — сообщил Арктор, подмигнув Лакмену.

— Тогда ты прав, — согласился Баррис. — При таком весе момент инерции явно невелик. Хотя… — он схватил ручку. — Тысяча фунтов со скоростью восемьдесят миль в час создают силу…

— Тысяча фунтов, — вставил Арктор, — это с пассажирами, полным баком и ящиком кирпичей в багажнике.

— Сколько пассажиров? — осведомился Лакмен с непроницаемым видом.

— Двенадцать.

— То есть шесть сзади, — рассуждал вслух Лакмен, — и шесть…

— Нет, — перебил Арктор. — Одиннадцать сзади и впереди один водитель. На задние ко-

леса давление должно быть больше, чтобы не заносило.

Баррис тревожно вскинул голову:

— Машину заносит?

— Если только сзади не сидят одиннадцать человек, — ответил Арктор.

— Лучше загружать багажник мешками с песком, — назидательно произнес Баррис. — Три двухсотфунтовых мешка с песком. Тогда пассажиров можно разместить равномернее, и им будет удобней.

— А может, один шестисотфунтовый мешок золота? — предложил Лакмен. — Вместо трех двухсотфунтовых…

— Ты отвяжешься?! — гаркнул Баррис. — Я пытаюсь рассчитать силу инерции при скорости восемьдесят миль в час!

— Машина не дает восьмидесяти, — заметил Арктор. — Один цилиндр барахлит. Я забыл сказать. Вчера что-то случилось с поршнем, когда я возвращался домой из магазина.

— Тогда какого черта мы вытащили карбюратор? — возмутился Баррис. — Фактически у тебя весь блок цилиндров полетел! Вот почему она не заводится…

— Твоя машина не заводится? — спросил Фрек

Боба Арктора.

— Она не заводится, — сказал Лакмен, — потому что мы вытащили карбюратор.

— А зачем мы вытащили карбюратор? — растерянно спросил Баррис. — Я что-то позабыл…

— Чтобы заменить все пружины и всякие мелкие штуковины, — разъяснил Арктор. — Чтобы не получилось как в тот раз, когда мы чуть не накрылись. Нам посоветовал тогда механик.

— Если бы вы, ублюдки, не тарахтели все время, как обломавшиеся торчки, — обиженно бросил Баррис, — я бы давно закончил расчет. — Он выглядел очень расстроенным. — Так что ЗАТКНИТЕСЬ!

Лакмен открыл свою книгу, затем раздул грудь, расправил плечи и поиграл бицепсами.

— Послушай-ка вот это, Баррис, — объявил он и начал читать вслух: — «Тот, кому дано видеть Христа более реально, чем любую другую реальность…»

— Что-что? — удивился Баррис.

— «…этого мира — Христа вездесущего, являющего собой всеобщее предопределение и плазматический принцип вселенной…»

— Что это? — поморщился Арктор.

— Шарден. Тейяр де Шарден.

— О боже, Лакмен…

— «…такой человек воистину пребывает в той сфере, в пределах которой множественность не способна нарушить его покоя, но которая тем не менее есть наиболее эффективная мастерская всеобщей реализации». — Лакмен захлопнул книгу.

Заподозрив неладное, Чарлз Фрек втиснулся между Баррисом и Лакменом.

— Ребята, да вы что, успокойтесь…

— Уйди, Фрек, — деловито сказал Лакмен. — Ну, Баррис, — процедил он, отводя назад для удара правую руку, — сейчас я тебе зубы в глотку вобью! Будешь знать, как разговаривать с людьми, которые превосходят тебя во всех отношениях!

Заблеяв от дикого ужаса, Баррис выронил ручку и блокнот и зигзагами помчался к дому.

— Телефон! — прокричал он на ходу.

— Я просто его подкалывал, — пробормотал Лакмен, пощипывая нижнюю губу.

— А если он возьмет свой револьвер с глушителем? — спросил Фрек, совершенно потеряв самообладание, и потихоньку стал отходить к машине, чтобы сразу укрыться, как только Баррис начнет стрелять.

— Ну ладно, давай, — сказал Арктор.

И они принялись за работу, а Фрек околачивался возле своей машины, кляня себя за то, что вообще решил приехать. Сегодня здесь нет той приятной расслабленной атмосферы, как обычно. Он с самого начала почувствовал недоброе за всем этим подшучиванием. Черт побери, что же произошло? — недоумевал он, садясь в машину.

Неужели и здесь все покатится под гору? Как у Джерри Фабина в те последние недели… А ведь как хорошо оттягивалось, как сладко балделось под рок, особенно под «Стоунз»… Донна сидит в своей кожаной куртке и набивает капсулы. Лакмен скручивает косячки и разглагольствует о семинаре, который он проведет в Калифорнийском университете, — по приготовлению и употреблению травки. И о том, как набитый им однажды идеальный косяк поместят под стекло и в гелий в Музее американской истории рядом с другими реликвиями не меньшего значения… Как было тогда клево, даже совсем еще недавно, когда они сидели с Джимом Баррисом в «Трех скрипачах»!.. А все началось с Джерри — и перекинулось сюда. Странно: все вроде хорошо, и вдруг — плохо. И непонятно почему, нет никакой такой особой причины. Просто раз — и все…

— Я уезжаю, — заявил Фрек Лакмену и Арктору,

заводя двигатель.

— Слушай, погоди… — виновато улыбнулся Лакмен. — Ты наш брат, как мы без тебя…

— Не, я сматываюсь.

Из дома осторожно выглянул Баррис, сжимая в руке молоток.

— Ошиблись номером, — сказал он, опасливо приближаясь и зыркая глазами, словно крабоподобная тварь из фильма про космические войны.

— Зачем тебе молоток? — спросил Лакмен.

— Наверное, для ремонта двигателя, — предположил Арктор.

— Решил прихватить на всякий случай, — смущенно объяснил Баррис, бочком подходя к машине. — Попался на глаза…

— Самый опасный человек — это тот, — проговорил Лакмен, — кто боится собственной тени.

Чарлз Фрек услышал эту фразу, отъезжая, и задумался: не имеет ли Лакмен в виду его? Стыдно… А впрочем, какого черта здесь ошиваться, если все так стремно? И вовсе это не трусость. «Избегать скандалов» — вот мой девиз, напомнил себе Фрек. И уехал, не оглядываясь. Пусть хоть поубивают друг друга. Кому они нужны… Но на душе было хреново. Все вдруг изменилось — почему, что это значит?.. Но потом он подумал, что

дела еще пойдут на лад, — и воспрянул духом. Мчась по шоссе и машинально притормаживая при виде замаскированных полицейских, он даже прокрутил в голове коротенький глюк: ВСЕ КАК ПРЕЖДЕ.

Собрались все, даже мертвые и выгоревшие вроде Джерри Фабина. Их заливает яркий белый свет. Не дневной, но куда лучше, целое море света, и сверху, и снизу — со всех сторон. С ними Донна и пара других соблазнительных цыпочек, одетых очень легко. Слышна музыка, хотя трудно разобрать, с какой пластинки. Может быть, Хендрикс, подумал он. Да, старая вещь Хендрикса… Или нет: Джи-Джи. Джим Кросс, и Джи-Джи, и особенно Хендрикс… «Перед тем как я умру, — напевал Хендрикс, — дайте мне пожить, как я хочу…»

И тут вдруг глюк взорвался, потому что он вспомнил, что и Хендрикс, и Джоплин мертвы, не говоря уже о Кроссе. Хендрикс и Джи-Джи погибли, сидя на игле, — два великолепных человека, потрясающих распотрясных человека. Поговаривают, что менеджер давал Дженис Джоплин сущие гроши — пару сотен баксов время от времени, — а то бы она все пустила на наркотики, все, что зарабатывала… Потом в голове у него зазвучала музыка, и Дженис запела свое знаме-

нитое «Одиночество», и он начал плакать. И так, плача, ехал домой.

* * *

Роберт Арктор сидел в гостиной с друзьями и пытался решить, нужно ли брать новый карбюратор или можно обойтись переборкой старого. Всем телом он ощущал постоянный незримый контроль, электронное присутствие камер. И от этого ему было хорошо.

— Ты радуешься, — заметил Лакмен. — Я бы не радовался, если бы мне пришлось выложить сотню долларов.

— Я решил найти точно такую машину, как у меня, — объяснил Арктор. — А затем снять с нее карбюратор и ничего не платить. Как делают все, кого мы знаем.

— Особенно Донна, — кивнул Баррис. — Лучше бы ее не было здесь в тот день, когда мы уезжали. Донна тащит все, что может унести. А если сил не хватает, она звонит своим дружкам-гангстерам, и те тут как тут.

— Расскажу вам одну историю про Донну, — сказал Лакмен. — Однажды она бросила четвертак в автомат, что продает почтовые марки. Машина испортилась и давай эти марки выплевывать! В

конечном итоге — Донна со своими дружками-головорезами пересчитала — оказалось больше восемнадцати тысяч пятнадцатицентовых марок. Ну, скажете вы, здорово! Только что с ними делать Донне Хоторн, которая в жизни не написала ни одного письма?! Разве что одно — своему адвокату, чтобы подать в суд на того парня, который обул ее с колесами.

— Чего?! — удивился Арктор. — У нее есть адвокат, который выбивает деньги за некачественный товар? Как это?

— Наверно, она не говорит, за что ей должны. Должны — и все тут.

— Представляю себе письмо адвоката с угрозой подать в суд из-за неуплаты за партию наркотиков, — хихикнул Арктор, в очередной раз восхищаясь способностями Донны.

— Так или иначе, — продолжал Лакмен, — сидит она с грудой пятнадцатицентовых марок и ума не приложит, куда их деть. Не продавать же обратно почте! Тем более там уже, ясное дело, просекли, что машина пошла вразнос, и ждут, когда кто-нибудь сунется к окошку с мешком марок… Ну и стала она об этом думать — после того, как, само собой, загрузила все марки в багажник и сделала ноги. Позвонила дружкам, которые

на нее работают, и они приехали с каким-то спецобалденным навороченным отбойным молотком — вроде как с водяным охлаждением и водяным глушителем. Краденым, конечно. Вот… И среди ночи выдрали ту машину прямо из асфальта и увезли к Донне на пикапе. Который тоже, само собой, специально для этого угнали.

— Ты хочешь сказать, что она продавала марки? — проговорил ошеломленный Арктор. — Через автомат? По одной марочке?

— Они установили этот автомат — по крайней мере, так мне рассказывали — где-то на перекрестке, где полно народу, но чтобы не было видно с почтового грузовичка, и запустили его.

— Нет чтобы просто вскрыть ящик для монет, — презрительно пожал плечами Баррис.

— И так вот они продавали марки несколько недель — в общем, пока не кончился запас. Могу себе представить, как Донна ломала голову, что делать дальше. Она ведь экономная, ничего не выбрасывает: ее предки — какие-то крестьяне из Европы. Небось придумала, как из автомата газировку продавать.

— Это правда? — протянул Баррис.

— Что именно? — улыбнулся Лакмен.

— Эта женщина невменяема! — возмутился

Баррис. — Ее надо отправить на принудительное лечение! Ты понимаешь, что из-за кражи марок у нас повысились налоги?!

— Настучи властям, — неприязненно посоветовал Лакмен. — Попроси у Донны марку для письма, она тебе продаст.

— Ага, за полную стоимость, — сказал Баррис, кипя негодованием.

Камеры, подумал Арктор, накрутят десятки миль подобной белиберды на своих дорогих лентах… Вообще-то не важно, что происходит в присутствии Боба Арктора, важно (для кого важно, для Фреда?) то, что происходит, когда Боб отсутствует или спит, а остальные находятся в зоне видимости камер. Так что мне пора сваливать, как я и планировал, а их оставить здесь. Пожалуй, стоит привести сюда и других знакомых. С сегодняшнего дня мой дом открыт для всех!

А потом в голову пришла жуткая, чудовищная мысль: а вдруг, просматривая записи, я увижу, как Донна забирается в мой дом — открыв окно вилкой или лезвием ножа — и крадет или портит все мои вещи? *Другая* Донна, такая, какая она есть на самом деле, когда уверена, что за ней никто не наблюдает… Не превращается ли

внезапно милая, добрая, очень добрая девушка в нечто кошмарное? Не увижу ли я перемену, которая разобьет мое сердце? Перемену в Донне или Лакмене — в близких мне людях? Что делают домашние животные, когда хозяина нет дома? Вот кошка снимает наволочку с подушки и начинает набивать ее твоим добром: часами, приемниками, бритвами и всем прочим, — уже совсем другая, чужая, незнакомая кошка, — курит твои косяки, ходит по потолку, звонит по междугородной… И это уже другой, кошмарный мир, Зазеркалье, город отражений, населенный ужасными невообразимыми чудищами. Вот Донна крадется на четырех лапах, лакает из кошачьей миски… и реальность плывет и искажается, и все возможно в диком психоделическом глюке, смурном и непостижимом.

Черт возьми, подумал он, а может, Боб Арктор встает среди ночи и тоже выкидывает какие-нибудь дикие коленца? Трахает стену. Или впускает в дом целую банду непонятных уродов с головами, которые способны делать полный оборот, как у совы. И камеры зафиксируют, как эти шизанутые торчки плетут грандиозный заговор, чтобы непонятно зачем взорвать мужской туалет на вокзале, наполнив сливной бачок пакетами с

пластиковой взрывчаткой… Или творится что и похлеще… каждый раз, когда он якобы ложится спать или куда-нибудь уходит.

Боб Арктор, рассуждал он, может узнать такое, к чему совершенно не готов и что совсем не хочет узнать, — о милашке Донне в кожаной курточке, о Лакмене в шикарных шмотках… Даже о Баррисе… Например, что Баррис просто-напросто отправляется спать, когда никого вокруг нет. И спит, пока кто-нибудь не появится.

Нет, это вряд ли. Скорее Джим Баррис выуживает из кучи барахла в своей комнате спрятанный передатчик и посылает закодированный сигнал другой банде шизанутых торчков, тем, с которыми тайно злоумышляет… черт знает, что уж там могут злоумышлять такие типы, как Баррис. Теперь, кстати, и его комната попадает под круглосуточное наблюдение…

С другой стороны, Хэнк и его компания вряд ли будут рады, если теперь, когда камеры так тщательно и с таким трудом наконец установлены, Боб Арктор уйдет из дому и больше не вернется, не появится ни на одной пленке. Нельзя использовать аппаратуру только в своих целях и полностью похерить планы начальства. В конце концов, техника установлена за казенный счет.

Так что хочешь не хочешь, а во всех записях ему придется играть главную роль. Арктор-актер, Арктор-звезда, усмехнулся он. Великолепный Боб, преследуемый герой, дичь экстра-класса.

Говорят, когда слушаешь запись, невозможно узнать собственный голос. Или распознать себя на видео, тем более на трехмерной голограмме. Ты представлял себя высоким толстым темноволосым мужчиной, а оказываешься худенькой лысой женщиной… так, что ли? Наверняка я узнаю Боба Арктора, думал он, если не по одежде, то путем исключения. Тот, кто живет в этом доме и не является Баррисом или Лакменом, — Боб Арктор. Разве что это кошка или собака… Но будем действовать профессионально — обращать внимание только на прямоходящих.

— Мне надо идти, — сказал Арктор. — Попробую раздобыть деньжат.

Он резко остановился, якобы вспомнив, что у него нет машины. По крайней мере, попытался придать лицу соответствующее выражение.

— Лакмен, твоя машина на ходу?

— Нет, — подумав, ответил Лакмен. — Не думаю.

Арктор повернулся к Баррису:

— Можно взять твою машину, Джим?

— Ну, не знаю… справишься ли ты с ней…

Это возражение возникало всякий раз, когда кто-нибудь хотел воспользоваться машиной Барриса. Оказывается, Баррис внес кое-какие секретные изменения в: а) подвеску; б) двигатель; в) коробку передач; г) электросистему; д) рулевое управление, — а также в часы, зажигалку, пепельницу и «бардачок». Особенно в «бардачок». У Барриса он всегда был заперт. Радиоприемник тоже был хитроумно переделан, непонятно как и с какой целью. Одна из станций, к примеру, выдавала лишь странные звуковые сигналы с интервалом в одну минуту. И, как ни странно, рок-музыка не ловилась никогда. Порой, когда они вместе ехали за товаром и Баррис выходил из машины, он включал ту самую станцию на полную громкость. Если во время его отсутствия настройку меняли, он в бешенстве что-то бессвязно орал, а потом молчал всю дорогу и отказывался что-либо объяснять. Возможно, настроенный на эту частоту, его приемник вел передачу: а) властям; б) частной полувоенной организации; в) мафии; г) инопланетянам.

— То есть я хочу сказать… — начал Баррис.

— А, заткнись! — оборвал Лакмен. — У тебя самая обычная машина с шестицилиндровым

двигателем. Сторож на парковке преспокойно с ней справляется. А почему ею не может пользоваться Боб? Жмот ты проклятый!

На самом деле у Боба Арктора в машине тоже было кое-что переделано, в частности в его приемнике. Но он об этом не распространялся. Точнее, все это было у Фреда. А именно — практически то же самое, что якобы было в машине Барриса, хотя у него-то как раз этого и не было.

Любая полицейская машина передает широкополосный сигнал, который принимается обычными радиоприемниками просто как шум, вроде помех от неисправного зажигания. Однако в машине Боба Арктора был установлен приборчик, который фильтровал этот шум и позволял ему точно определить, насколько близко находится тот или иной полицейский автомобиль и к какому департаменту полиции он принадлежит: городскому, районному или федеральному. Он также мог принимать ежеминутные сигналы для согласования действий отдельных подразделений при рейдах. А одна хитрая станция безостановочно гнала стандартную десятку популярных хитов вперемежку с болтовней ведущего, который, однако, после обычного: «А эту песню Кэта Стивенса мы передаем по просьбе Фила и

Джейн…» мог выдать что-нибудь вроде: «Машина номер один находится в миле к северу от… остальным командам проследовать…» И на памяти Фреда не было случая — сколько бы парней и девчонок ни находилось в его машине, когда он был обязан — например, во время крупных рейдов — слушать эту станцию, чтобы кто-нибудь такие вещи заметил. В лучшем случае они считали, что им померещилось. И Фред всегда знал, когда какой-нибудь старый «Шевроле» с лохматым панком за рулем, раскрашенный под гоночную машину и проносящийся мимо с диким ревом, был на самом деле замаскированной полицейской машиной. А если нажать кнопку, которая якобы переключала диапазоны, то специальные устройства начинали передавать властям каждое слово из того, что говорилось в машине, в то же время отфильтровывая и удаляя всю музыку.

Это что касается радио. Но все остальное — подвеска, двигатель, коробка передач и так далее — было в машине Боба Арктора самым обыкновенным, хотя и хорошего качества. Зачем что-то еще модифицировать? Во-первых, ни к чему вызывать подозрения. Кроме того, миллионы заядлых автомобилистов снабжали свои машины всякими наворотами. Тем более что возможности

какого-нибудь «Феррари» заведомо оставляли позади любые «специальные секретные модификации», о которых так любил распространяться Баррис. А полицейские не ездят на спортивных машинах, даже дешевых, не говоря уже о «Феррари». Так или иначе, в конечном счете все определяет мастерство водителя…

Пожалуй, единственной необычной деталью машины были покрышки. Сделанные целиком из металла, они быстро снашивались, зато давали преимущество в скорости и позволяли быстро разгоняться. Стоили они немало, но Арктору достались бесплатно. Устанавливать их, однако, пришлось самому, тайно, так же как и радио, которое, кстати, доставляло ему массу беспокойства. Не потому, что кто-нибудь типа Барриса мог что-то заподозрить, а потому, что его могли элементарно спереть, а за казенный прибор пришлось бы отвечать.

Был в машине и пистолет, надежно спрятанный. Даже шизик Баррис с его психоделическими фантазиями никогда бы не додумался туда его положить. Ему бы наверняка пришли в голову разные экзотические места вроде рулевой колонки или бензобака, где пистолет можно подвесить на проволоке, как партию кокаина в одном из

фильмов. На самом деле такие тайники хуже всего — о них известно всем, кто бывал в кино. В машине Арктора пистолет лежал в «бардачке».

Та чушь, которую постоянно нес Баррис, говоря о своей машине, потому и была несколько похожа на правду, что большинство прибамбасов, о которых шла речь, были стандартными, демонстрировались в фильмах и обсуждались на телевидении в передачах с участием экспертов по электронике. Так что любой обыватель (или «среднестатистический гражданин», как любил выражаться Баррис, демонстрируя свою образованность) мог знать об этом почти все. Ну и ладно, пускай, какая разница? Другое дело, если бы всю эту мудреную технику взяли на вооружение те, за кем гонялась полиция, в особенности поставщики наркотиков, курьеры и толкачи. Тогда у наркоманов наступили бы светлые дни.

— Пойду пешком, — сказал Арктор. К этому он и вел — чтобы «пришлось» идти пешком.

— Ты куда? — спросил Лакмен.

— К Донне. — Добраться до нее пешком было почти немыслимо, а значит, ни Лакмен, ни Баррис за ним не увяжутся. Он набросил плащ и подошел к двери. — До скорого.

— Моя машина… — снова начал Баррис.

— Если б я попробовал вести твою машину, — перебил Арктор, — то нажал бы ненароком не на ту кнопку да взлетел бы над Лос-Анджелесом, как воздушный шар, и меня заставили бы тушить с воздуха пожары на нефтяных вышках.

— Я рад, что ты понимаешь мое положение, — виновато пробормотал Баррис.

* * *

Сидя в костюме-болтунье перед монитором номер два, Фред бесстрастно следил за движущимся голографическим изображением. В соседних кабинах сидели другие агенты, просматривая записи. Фред, однако, смотрел прямую передачу из дома Боба Арктора.

Баррис устроился в лучшем кресле гостиной: склонился над гашишной трубкой, которую он мастерил уже несколько дней, и виток за витком наматывал белый провод. Лакмен скрючился за кофейным столиком и жадно заглатывал ужин, не отрывая глаз от экрана телевизора. На столе валялись четыре пустые жестянки из-под пива, сплющенные его могучим кулаком; теперь он потянулся за пятой, опрокинул, пролил пиво и выругался. Баррис отрешенно поднял голову, а потом снова склонился над работой.

Фред продолжал наблюдать.

— Черт бы побрал это телевидение! — пробормотал Лакмен с полным ртом.

Внезапно он выронил ложку, вскочил, пошатываясь, на ноги и отчаянно замахал руками, пытаясь что-то сказать. Его рот открылся, и на одежду полетели куски полупрожеванной пищи. С радостным мяуканьем к нему бросились кошки.

Баррис отвел взгляд от трубки и уставился на несчастного Лакмена. Тот закачался, издавая нечленораздельные булькающие звуки, схватился рукой за столик и повалил все на пол. Кошки испуганно бросились наутек. Баррис оставался в кресле, не сводя взгляда с Лакмена. Лакмен сделал несколько нетвердых шагов к кухне — другая камера показала, как он, пошарив на столе, нашел стакан и попытался наполнить его водой из крана. Охваченный ужасом Фред отпрянул от монитора и зачарованно смотрел на сидящего спокойно Барриса. Через несколько секунд Баррис опустил голову и стал невозмутимо и сосредоточенно наматывать проволоку.

Динамики доносили душераздирающие звуки: стоны, хрипы, клокотание и грохот посуды — Лакмен сбрасывал горшки, кастрюли, тарелки,

старяясь привлечь внимание Барриса. Баррис методично работал.

На кухне, на мониторе номер один, Лакмен тем временем упал на пол — не медленно, на колени, а резко, ничком, с тяжелым стуком. Баррис продолжал мотать проволоку. На его лице, в уголках губ, появилась легкая злорадная усмешка.

Фред поднялся и застыл, парализованный и возбужденный одновременно.

Несколько минут Лакмен недвижно лежал на кухонном полу, а Баррис все мотал и мотал проволоку, склонившись над своей работой, как старушка над вязаньем, и все улыбался, и улыбался, и даже немного раскачивался. Затем Баррис резко встал, на его лице отразился ужас. Он в беспомощном испуге всплеснул руками, бестолково заметался и наконец подбежал к Лакмену.

Входит в роль, понял Фред. Будто он только что пришел.

Лицо Барриса приняло скорбное выражение. Он рванулся к телефону, схватил трубку, уронил ее, поднял… Какой кошмар, Лакмен лежит на полу в кухне, подавившись куском пищи!.. И теперь Баррис отчаянно пытается вызвать помощь. Увы, слишком поздно…

Баррис говорил по телефону медленно, стран-

ным, необычно высоким голосом.

— Девушка, куда надо звонить: в ингаляторную или в реанимационную?

— Сэр, — пропищало рядом с Фредом подслушивающее телефонное устройство, — у кого-то затруднено дыхание? Вы хотите…

— Полагаю, что это инфаркт, — рассуждал Баррис профессиональным тоном. — Либо инфаркт, либо нарушение проходимости дыхательных путей вследствие…

— Ваш адрес, сэр? — прервала телефонистка.

— Адрес? — забормотал Баррис. — Сейчас, надо подумать, адрес…

— Боже, — выдавил Фред.

Внезапно Лакмен, распростертый на полу, судорожно напрягся. Его обильно вырвало, он зашевелился и вытаращил налитые кровью глаза.

— Кажется, с ним все уже в порядке, — затараторил Баррис. — Спасибо, помощь не требуется.

Он быстро положил трубку.

— Господи… — прохрипел Лакмен, тряся головой, кашляя и хватая ртом воздух.

— Ну как ты? — участливо спросил Баррис.

— Наверное, подавился. Я что, был в отключке?

— Не совсем. Твое сознание временно перешло

на другой уровень. Очевидно, в альфа-состояние.

— Боже, я обделался!

Покачиваясь от слабости, Лакмен с трудом встал и схватился за стенку.

— Как старый пьяница, — с отвращением выдавил он и, шатаясь, направился к ванной.

Наблюдая за происходящим, Фред почувствовал, как ужас отступает. Лакмен очухается. Но Баррис! Что это за человек?! Полный псих…

— Так и окочуриться можно, — сквозь плеск воды донесся голос Лакмена.

Баррис улыбался.

— У меня очень крепкий организм… — продолжал Лакмен, хлебая воду из стакана. — Что ты делал, пока я там валялся? Онанизмом занимался?

— Ты же видел — говорил по телефону, — сказал Баррис. — С врачами. Я стал действовать, как только…

— Врешь, — горько промолвил Лакмен, продолжая пить воду. — Я знаю: ты ждал, когда я отдам концы, чтобы спереть мою заначку. Еще бы и в карманах пошарил…

— Удивительно, — задумчиво произнес Баррис, — насколько несовершенна анатомия человека — пища и воздух проходят одним и тем

же путем. Возникает риск…

Лакмен молча показал ему средний палец.

* * *

Скрежет тормозов. Гудок. Боб Арктор быстро обернулся. В темноте у тротуара спортивная машина с работающим двигателем, за рулем — девушка. Машет рукой.

Донна.

— Я тебя напугала? Ехала к вам, смотрю — ты плетешься. Сначала я даже не поняла, что это ты, а потом вернулась. Садись.

Он молча забрался в машину и захлопнул дверцу.

— Ты чего здесь ошиваешься? — спросила Донна. — Машину еще не починил?

— У меня только что было жуткое шугало, — медленно произнес Боб Арктор. — Не просто глюк, а… — Он содрогнулся.

— Я достала.

— Что?

— Тысячу таблеток смерти.

– *Смерти?* — непонимающе повторил он.

— Да, высшего сорта. Ладно, поехали.

Она врубила первую передачу и тут же разогналась до высшей. Донна всегда ездила слишком

быстро.

— Проклятый Баррис! — сказал Арктор. — Ты знаешь, как он действует? Сам не убивает, нет. Он просто околачивается поблизости и ждет, пока возникнет ситуация, когда человек отдаст концы. Сидит сложа руки, пока тот не издохнет. То есть он подстраивает все так, чтобы остаться в стороне. Но я понятия не имею, как это ему удается. — Арктор замолчал, уйдя в свои мысли. Да, Баррис не будет подкладывать бомбу в машину. Он всего лишь…

— У тебя есть деньги? — спросила Донна. — За товар? Это и в самом деле высший сорт. Мне нужны деньги прямо сейчас. Тут кое-что наклевывается.

— Конечно. — Деньги были у него в бумажнике.

— Я не люблю Барриса, — сказала Донна, ведя машину. — И не доверяю ему. Знаешь, он псих. Когда ты рядом с ним, ты тоже становишься сумасшедшим. А когда его нет, ты нормальный. И сейчас ты сумасшедший.

— Я? — удивленно спросил Арктор.

— Да, — невозмутимо ответила Донна.

Он растерянно молчал. А что говорить? Донна никогда не ошибается…

— Послушай, — с внезапным энтузиазмом предложила Донна, — ты не сводишь меня на рок-концерт? На стадион в Анахайме, на следующей неделе. А?

— Запросто, — машинально отозвался Арктор. А потом до него дошло: Донна *просит*... — Еще бы! — радостно воскликнул он. Снова — в который раз! — маленькая темноволосая цыпочка, которую он так любил, вернула ему вкус к жизни. — Когда?

— В воскресенье днем. Я прихвачу черный хаш и хорошенько забалдею. Там это раз плюнуть; торчков будут тысячи. — Она окинула Арктора критическим взглядом. — Только ты нацепи что-нибудь клевое, а то ходишь в каких-то тряпках... — Ее голос смягчился. — Я хочу, чтобы ты выглядел клево... потому что ты сам клевый.

— Хорошо, — потрясенно вымолвил он.

— Едем ко мне, — сказала Донна. — Ты отдашь деньги, закинемся парочкой таблеток и забалдеем. А может, купишь бутылочку «Услады Юга» — мы еще и напьемся.

— Здорово, — с чувством произнес Арктор.

— Больше всего я хочу сегодня вечером съездить в киношку, — продолжала Донна, загоняя машину на стоянку. — Купила газету посмотреть,

что идет, но везде одна муть. Можно, правда, податься в Торрансовскую «на колесах»... хотя там уже началось. В пять тридцать. Черт!

Он посмотрел на часы.

— Да, не успели.

— Ничего, мы не так уж много пропустили. — Она с улыбкой взглянула на него. — Там крутят все одиннадцать серий «Планеты обезьян». До восьми утра. Оттуда я завтра сразу на работу, так что сейчас надо переодеться. Будем балдеть всю ночь и пить «Усладу Юга». Ну как, идет?

— Всю ночь, — мечтательно повторил он.

— Ну да! — Донна выскочила из машины и открыла дверцу с его стороны. — Ты когда-нибудь видел «Планету обезьян» целиком? Я почти все смотрела в начале года, кроме последней серии, где показывают, что знаменитости вроде Линкольна и Нерона были на самом деле обезьянами — управляли людьми с самого начала. Обалденный фильмец, я его прозевала — отравилась бутербродом с ветчиной из тамошнего автомата. Господи, я так обозлилась!.. Поэтому, когда мы в следующий раз туда поехали — только ты ни гугу! — я засунула в тот автомат гнутую монету, и в пару других заодно. Специально. Мы с Ларри Таллингом — помнишь Ларри, я тогда с ним гуля-

ла — погнули целую пригоршню монет и уделали все автоматы. Именно той фирмы, конечно. А потом и остальные, если честно.

Они подошли к входной двери, и Донна медленно и торжественно повернула ключ в замке.

— Да, тебя опасно обижать, — улыбнулся Арктор, входя в маленькую уютную квартирку.

— На этот ворсистый ковер не наступай, — предупредила Донна.

— Как же я пройду?

— Просто стой или иди по газетам.

— Слушай…

— Только не надо, ладно? Знаешь, во сколько мне обошлось помыть его шампунем? — нахмурилась она, расстегивая кожаную куртку.

— Экономия, — проговорил Арктор, раздеваясь. — Крестьянская бережливость. Ты хоть что-нибудь иногда выбрасываешь? Например, обрезки бечевки?

— Рано или поздно, — сказала Донна, сняв кожаную куртку и встряхнув длинными волосами, — я выйду замуж, и тогда мне все пригодится, вот почему я ничего не выбрасываю. Когда выходишь замуж, нет такой вещи, которая не понадобится. К примеру, вот это большое зеркало мы увидели в соседнем дворе; еле-еле уволокли втроем, час

возились. Рано или поздно…

— Сколько из того, что у тебя есть, ты купила, — спросил Арктор, — и сколько украла?

— Купила? — Она в замешательстве посмотрела ему в глаза. — Что ты имеешь в виду — «купила»?

— Ну, как ты покупаешь наркотики, — объяснил Арктор. — К примеру, сейчас. — Он достал бумажник. — Я даю тебе деньги, верно?

Донна кивнула — сдержанно, с достоинством, слушая, очевидно, только из вежливости.

— А ты мне за них даешь товар, — продолжал он, вынимая деньги. — Под словом «купить» я подразумеваю распространение того, что мы сейчас делаем, на всю сферу человеческих отношений.

— Кажется, понимаю, — произнесла она. Ее большие глаза глядели спокойно, но с интересом. Донна всегда была готова учиться.

— Вот сколько ты стащила кока-колы с грузовика, за которым ехала в тот день? Сколько ящиков?

— Хватило на месяц, — ответила Донна. — Мне и моим друзьям.

Арктор бросил на нее укоризненный взгляд.

— Это форма товарообмена, — пояснила она.

— А что… — Он улыбнулся. — Что ты дала взамен?

— Себя.

Теперь он расхохотался.

— Кому? Водителю грузовика, который не имеет никакого…

— «Кока-кола» — это капиталистическая монополия, как и телефонная компания. Тебе известно, — темные глаза Донны сверкнули, — что формула изготовления кока-колы засекречена и веками передается из рук в руки в одной семье? Где-то в сейфе хранится запись этой формулы. Интересно где… — задумчиво добавила она.

— Твоим дружкам-головорезам ни в жизнь не найти.

— На кой черт нужна эта формула, если сколько хочешь можно утащить с их грузовиков?! У них уйма грузовиков. Куда ни плюнь — везде грузовики с кока-колой, причем еле-еле тащатся. А я, как только выпадает случай, еду следом. Они прямо бесятся от злости.

Донна улыбнулась Арктору таинственной, милой и лукавой улыбкой, словно пытаясь заманить его в свой странный мир, где она плетется и плетется за каким-нибудь грузовиком, а потом, когда грузовик останавливается, просто крадет все, что

там есть. Не потому, что она прирожденный вор, и даже не из мести. Просто она так насмотрится на ящики с кокой, что наперед решит, как ими распорядиться… Она тогда под завязку загрузила свою машину — не нынешнюю малолитражку, а ту большую, что потом разбила, — ящиками с кокой и целый месяц пила сколько хотела с дружками, а потом…

Потом сдала посуду понемногу в разные магазины. «Что ты сделала с пробками? — спросил он однажды. — Завернула и спрятала в бабушкин сундук?»

«Выбросила, — мрачно ответила она. — На что они нужны? Теперь нет никаких рекламных акций с лотереей, ничего полезного…»

Донна вышла в соседнюю комнату и вскоре вернулась с несколькими пластиковыми мешками.

— Хочешь пересчитать? Тысяча ровно. Я их взвесила на электронных весах перед тем, как платить.

— Ладно, нормально. — Арктор взял пакеты, отдал деньги и подумал: вот, Донна, теперь я еще раз могу тебя заложить, но, наверное, не заложу никогда, потому что в тебе есть что-то чудесное, радостное и полное жизни, и я не решусь это уничтожить.

— Можно мне взять десяток? — попросила Донна.

— Десяток? Десяток таблеток? — Он открыл пакет и отсчитал ей ровно десяток. А потом десяток для себя. Завязал пакет и отнес к своему плащу в прихожей.

— Представляешь, что придумали в музыкальных магазинах? — возмущенно начала Донна, когда он вернулся. Таблеток нигде не было видно, она уже упрятала их в загашник.

— Забирают, — сказал Арктор. — За кражу.

— Да нет, за кражу всегда забирали. А теперь… Ну, ты знаешь, выбираешь кассету или диск, подходишь к продавцу, и тот отлепляет ярлычок с ценой. Так что ты думаешь?! Я чуть не накололась. — Она плюхнулась в кресло, улыбаясь в предвкушении кайфа, и достала завернутый в фольгу маленький кубик, в котором Арктор сразу распознал хаш. — Оказывается, это не просто ярлычок. Там есть крошечка какого-то сплава, и, если ты обошел продавца и идешь к двери, начинает реветь сирена.

— И как же ты «чуть не накололась»? — улыбнулся он.

— Передо мной одна соплячка пыталась вынести кассету под пальто. Заревела сирена, ее

заграбастали и сдали копам.

— Сколько *у тебя* было под пальто?

— Три.

— А в машине — наркотики? — спросил Арктор. — Если б тебя взяли за кассеты, то обшмонали бы и машину, а потом пришили тебе еще и хранение. Причем спорю, что ты делаешь это не только здесь, но и…

Он хотел сказать: «И там, где тебе не могли бы помочь знакомые из полиции». Но не сказал, потому что имел в виду себя. Если Донна попадется, он из кожи вон вылезет, чтобы ей помочь. Однако ему ничего не удастся сделать в другом округе… В голове закрутился глюк, настоящее шугало: Донна, подобно Лакмену, умирает, и всем, как Баррису, плевать. Ее запрячут в тюрьму, и там ей придется отвыкать от препарата «С», просто так, без всякой помощи. А поскольку она еще и торгует, да плюс воровство, то сидеть ей долго, и там с ней много чего случится, разные ужасные вещи, так что выйдет она совсем другой Донной. Нежное, участливое выражение, которое он так любит, преобразится бог знает во что, но в любом случае во что-то пустое и слишком часто использованное… Она превратится в НЕЧТО. Рано или поздно такое случится со всеми — но она… Арктор

не хотел дожить до этого дня.

— Когда есть хаш, я обо всем забываю. — Донна достала свою любимую самодельную керамическую трубочку, похожую на ракушку, и посмотрела на Арктора широко раскрытыми, лучистыми и счастливыми глазами. — Садись. Я тебя подзаряжу.

Арктор сел, а Донна поднялась, раскурила трубку, подошла не спеша, наклонилась и, когда он раскрыл рот — *словно птенец,* мелькнула мысль, — выдохнула в него струю серого дыма. Она наполнила его своей горячей, смелой, неиссякаемой энергией, которая в то же время успокаивала, расслабляла и смягчала их обоих.

— Я люблю тебя, Донна, — сказал Арктор.

Такая «подзарядка» служила им заменой секса и, возможно, была даже в чем-то лучше, чем секс. Что-то очень интимное и очень странное… Сначала она «заряжала» его, потом он ее. Равноценный обмен, пока не кончится хаш.

— Да, ты меня любишь. — Она мягко рассмеялась и села рядом, чтобы наконец затянуться из трубки самой.

Глава 9

— Эй, Донна, — произнес он. — Тебе нравятся кошки?

Она моргнула: ее глаза были красными и воспаленными.

— Гадкие маленькие твари. Движутся очень низко над землей.

— Не над землей. По земле.

— Гадкие… Гадят за мебелью.

— Ладно, а маленькие весенние цветы?

— Да, — ответила она. — Это я понимаю — маленькие весенние цветы. Желтенькие. Появляются первыми.

— Самыми первыми, раньше всех.

— Да. — Донна отрешенно кивнула с закрытыми глазами. — Потом на них наступают, и все… их нет.

— Ты меня чувствуешь, — умилился он. — Ты понимаешь меня — всего, без остатка.

Она откинулась назад, отложив выкуренную трубку. Ее улыбка медленно погасла.

— Что не так?

В ответ она лишь покачала головой.

— Ничего.

— Можно, я обниму тебя? Я хочу приласкать тебя. А? Приголубить.

Донна заторможенно перевела на него темные расширенные зрачки.

— Нет. Нет! Ты урод.

— Что?

— Нет! — резко выкрикнула она. — Я много нюхаю коки. Мне надо быть сверхосторожной, потому что много коки!

— Урод?! — ошеломленно повторил он. — Да пошла ты!

— Оставь в покое мое тело, — не сводя с него взгляда, прошипела Донна.

— И оставлю. — Арктор вскочил на ноги и попятился. — Уж не сомневайся. — Внутри все клокотало, хотелось вытащить револьвер и прострелить ей башку, размазать ее по стенке… А потом, так же внезапно, ярость и ненависть, вызванные гашишем, прошли. — Черт побери… — безжизненно выдохнул он.

— Не люблю, когда меня лапают. Мне приходится быть начеку, слишком много коки… Когда-нибудь я перейду канадскую границу с четырьмя фунтами коки — засуну себе прямо туда… Скажу, что я католичка и девственница, и они не посмеют… Ты чего? — встрепенувшись,

спросила она.

— Ухожу.

— Твоя машина осталась там, ты приехал со мной.

Взъерошенная, полусонная Донна достала из шкафа кожаную куртку.

— Я отвезу тебя домой. Пойми, я никого не должна к себе подпускать. Слишком много коки. Четыре фунта коки стоят…

— Нет, ни хрена не выйдет, — отрезал Арктор. — Ты совсем плохая — не проедешь и десяти метров, а за руль своего паршивого самоката никого не пускаешь.

Она обернулась к нему и взбешенно закричала:

— Потому что ни один сукин сын не может вести мою машину! Никто ни черта не понимает, особенно мужики! В машинах и во всем остальном! Посмей еще совать руки мне в…

А потом он вдруг оказался в темноте на улице, без плаща, в незнакомой части города, один — и услышал, как Донна бежит за ним, задыхаясь. Слишком много курила в последнее время, в легких полно смолы, пришло ему в голову. Арктор остановился и стал ждать, не поворачиваясь, опустив голову. На душе было совсем скверно.

Приблизившись, Донна замедлила шаги и, еще не отдышавшись, проговорила:

— Прости, я обидела тебя. Я сказала…

— Да уж! *Урод!*

— Когда я проработаю весь день и дико-дико устану, я могу отключиться от первой же затяжки… Хочешь, вернемся? Или в кино? Ну что ты хочешь? Или купим вина… «Усладу Юга». Мне не продадут, — сказала она и, помолчав, добавила: — Я несовершеннолетняя, понимаешь?

— Ладно, — кивнул он.

Они пошли назад.

— Хороший хашик, да? — Донна заглянула ему в лицо.

— Он черный и липкий, — проговорил Арктор. — Значит, пропитан алкалоидами опиума. То, что ты курила, — опиум, а не гашиш. Вот почему он стоит так дорого, ты понимаешь? — Арктор в волнении остановился и почти кричал. — Ты куришь не хаш, милая моя, ты куришь опиум — ты зарабатываешь себе привычку на всю жизнь ценой… почем сейчас фунт этого хаша? Ты будешь курить и спать, курить и спать, а потом не сумеешь даже сесть за руль, и скоро ты дня не сможешь обойтись…

— Уже не могу, — перебила Донна. — Утром

перед работой, и в обед, и когда прихожу домой. Вот почему я стала торговать — чтобы иметь на хаш. Он хороший, то что надо.

— Опиум, — повторил Арктор. — Почем сейчас твой хаш?

— Десять тысяч за фунт, — ответила Донна. — Первоклассного.

— Боже мой! Почти как героин!

— Я никогда не сяду на иглу, ни за что! Как начинаешь колоться, протягиваешь от силы шесть месяцев. Что бы ни колоть, хоть воду. Сперва возникает привычка…

— Уже возникла.

— Не у меня одной. Ты глотаешь препарат «С». И что с того? Какая разница? Я счастлива. А ты разве нет? Я прихожу домой и каждый вечер курю отличный хаш… это мое. Не пытайся изменить меня. Никогда-никогда не пытайся изменить меня. Я — это я.

— Ты видела фотографии курильщиков опиума? Как в старину в Китае? Или в Индии? На кого они становятся похожи?..

— Я не собираюсь долго жить. — Донна пожала плечами. — Я *не хочу* тут задерживаться. Ты, что ли, хочешь? Зачем? Что хорошего в этом мире? А ты видел — да черт возьми, вспомни Джерри Фа-

бина! — что происходит с теми, кто долго сидит на препарате «С»? Скажи мне, Боб, в самом деле, ну что такого в этом мире? Всего лишь остановка по пути в другой мир, а нас здесь судят за то, что мы рождены во грехе…

— Это такая ты католичка?

— Нас здесь наказывают… так что если можно оттянуться время от времени, почему нет, черт побери! Вчера я едва не накрылась по пути на работу. Ехала, слушала музыку и курила хаш и не заметила «форд император»…

— Ты дура, — сказал Арктор. — Потрясающая дура.

— Знаешь, я умру рано. Так или иначе, что бы я ни делала. Может, на шоссе. Мой «жучок» почти без тормозов, за этот год меня уже четырежды штрафовали за превышение скорости. Теперь придется ходить на курсы. Вот гадство! Целых шесть месяцев.

— Значит, однажды я тебя никогда больше не увижу, да? Никогда-никогда больше не увижу…

— Когда я буду на курсах? Нет, через шесть месяцев…

— Когда ты будешь на кладбище, — объяснил он. — Уничтоженная еще до того, как по калифорнийским законам, по проклятым ка-

лифорнийским законам тебе разрешат купить банку пива или бутылку вина…

— Точно! — воскликнула Донна. «Услада Юга»! Прямо сейчас! Возьмем бутылку и поедем смотреть «Обезьян»! Осталось еще серий восемь, включая ту…

— Послушай, — сказал Боб Арктор, положив ей на плечо руку.

Донна отпрянула.

— Нет!

— Знаешь, что им следовало бы сделать один раз? Один-единственный раз? Разрешить тебе взять банку пива.

— Почему? — удивилась она.

— Подарок. Потому что ты хорошая.

— Однажды меня обслужили! — восторженно поделилась Донна. — В баре! Официантка — я была вся разодета и накрашена и с такими клевыми парнями — спросила, чего я хочу, и я сказала: водку-коллинз. Это было в Ла-Пасе, в одном потрясном местечке. Можешь себе представить? Я запомнила название из рекламы и так спокойненько ей выдаю: водку-коллинз!

Она внезапно взяла его за руку и прижалась к нему, чего почти никогда не делала.

— Это был лучший момент в моей жизни.

— Тогда, полагаю, — проговорил он, — ты уже получила свой подарок. Свой единственный подарок.

— Конечно, мне потом сказали — те парни, — что я должна была заказать что-нибудь мексиканское, вроде текилы, потому что мы были в мексиканском баре, понимаешь, в Ла-Пасе. В следующий раз непременно. У меня тут, — она постучала по голове, — все записано, на подкорке… Ты знаешь, что я когда-нибудь сделаю, Боб? Переберусь на север, в Орегон, и буду жить в снегах. Каждое утро буду чистить дорожку. Маленький домик и сад, где я посажу овощи.

— Для этого надо копить. Откладывать деньги.

Донна бросила на него смущенный взгляд.

— Это все мне даст он, — робко произнесла она.

— Кто?

— Ты понимаешь. — Ее голос был тихим, мягким. Она раскрывала душу и делилась самым сокровенным со своим другом, Бобом Арктором, которому можно доверять. — Тот, кого я жду. Я знаю, каким он будет. Он приедет на «Астон-Мартине» и увезет меня на север. Там, в снегах, стоит простой маленький домик. — Она замолчала. — Снег… это ведь считается здорово, правда?

— А ты не знаешь?

— Я никогда не видела снега, кроме одного раза в Сан-Берду, в горах. И то слякоть какая-то, я чертовски больно шлепнулась. Не хочу такого снега. Я хочу *настоящего.*

Бобу Арктору стало тяжело и тоскливо.

— Ты уверена, что так будет?

— Конечно! Мне нагадали.

Они шли в молчании. Донна погрузилась в мечты и планы, а Арктор… Арктор вспоминал Барриса, и Лакмена, и Хэнка, и конспиративную квартиру. И Фреда…

— Послушай, — внезапно сказал он. — Можно мне с тобой? Ну, когда ты соберешься в Орегон?

Она улыбнулась — грустно и с безмерной нежностью, подразумевая «нет».

И, зная ее, Арктор понял, что все решено. И ничего не изменить… Он поежился.

— Тебе холодно? — спросила Донна.

— Да, — ответил он. — Очень холодно.

— У меня в машине хорошая печка.

Она взяла его руку, сжала… и выпустила.

Но прикосновение осталось, запечатленное в его сердце. На все долгие годы жизни, которые ждали его впереди, на все долгие одинокие годы, когда он не знал, счастлива ли Донна, здо-

рова ли, жива ли… Все эти годы он ощущал это прикосновение, навеки оставшееся с ним. Одно прикосновение ее руки.

* * *

В ту ночь Арктор привел к себе домой симпатичную маленькую наркоманку по имени Конни, которая согласилась пойти с ним за десять доз «смеси».

Конни пришла к нему впервые — они познакомились на вечеринке несколько недель назад и едва знали друг друга. Она сидела на игле и, естественно, была фригидна, но это не имело значения. К сексу она относилась безразлично, сама ничего не испытывая; с другой стороны, ей было наплевать, чем именно заниматься.

Опустившись на край постели, Конни сбросила туфли, причесала свои жидкие прямые волосы и безжизненно глядела прямо перед собой — полуголая, тощая, с заколкой во рту. Ее удлиненное костлявое лицо выражало, казалось, силу и целеустремленность — видимо, потому, что под сухой кожей отчетливо выступали кости. На правой щеке горел прыщ. Она не обращала на него внимания, разумеется: прыщ, как и секс, не имел для нее никакого значения.

— У тебя есть лишняя зубная щетка? — спросила Конни, то и дело механически кивая, что-то бормоча себе под нос, как и все, кто сидит на игле. — А, ладно, зубы и зубы… — Голос ее стал чуть слышен, и лишь по движению губ можно было понять, что она продолжает говорить.

— Показать тебе ванную? — спросил Арктор.

— Какую ванную?

— Здесь, в доме.

Она поднялась, машинально продолжая расчесывать волосы.

— Что за люди у тебя так поздно? Смолят травку и болтают без умолку… Живут с тобой? Ну да, точно.

— Двое из них живут.

Остекленелые глаза Конни повернулись к Арктору.

— Ты гомик?

— Стараюсь им не стать. Потому тебя и позвал.

— И как, получается?

— Проверь.

Она кивнула.

— Если ты скрытый гомик, то, наверное, лучше мне все сделать самой. Ложись. Хочешь, я тебя раздену? Лежи, лежи, я справлюсь… — Она начала расстегивать ему брюки.

* * *

Арктор очнулся. Рядом, едва различимая в темноте, храпела Конни. Все торчки спят, как граф Дракула, подумал он: лежа на спине и глядя прямо вверх, словно готовые в любой момент резко сесть. Как автомат, робот, рывком переходящий из положения А в положение Б. «Пора — вставать — уже — день», — говорят они, вернее, динамик в их голове. Потом звучат дальнейшие инструкции. Как музыка в радиобудильнике — приятная, но предназначенная лишь для того, чтобы заставить тебя что-то сделать. Музыка по радио будит, музыка в голове торчка звучит, чтобы заставить тебя достать ему зелье. Он сам как машина — и стремится превратить тебя в свою собственную машину. Каждый торчок — как запись на ленте.

Арктор снова задремал, размышляя о том, что в конце концов торчку, если это цыпочка, остается только продавать свое тело. Вот как Конни.

Он открыл глаза, повернулся к лежащей рядом девушке и увидел… Донну Хоторн.

Он резко сел. Донна! Отчетливо видно лицо. Точно, боже мой!

Арктор потянулся к выключателю и нечаянно свалил лампу… Девушка не проснулась. Он бес-

сильно смотрел на ее лицо, смотрел, смотрел… и вдруг оно стало медленно меняться, вновь превращаясь в изможденное, скуластое лицо Конни. Конни, а не Донна. Другая, не она…

Он тяжело упал на кровать и забылся тревожным сном, то и дело просыпаясь, гадая, что все это может значить, и снова проваливаясь во мрак.

— Мне плевать, что от него несет, — сонно пробормотала девушка. — Я все равно его любила.

Интересно, кого она имеет в виду? Парня? Отца? Кота? Незабываемую детскую игрушку?.. Она сказала «все равно любила», а не «все равно люблю». Очевидно, кто бы это ни был, его сейчас нет. Может быть, подумал Арктор, они, кто бы «они» ни были, заставили ее отказаться от него, выбросить. Потому что от него несло так сильно…

Может быть. Сколько ей лет — этой хранящей о ком-то память наркоманке, которая лежала рядом?

Глава 10

Фред в костюме-болтунье наблюдал за голографическим изображением Джима Барриса. Баррис сидел в гостиной дома Боба Арктора и внимательно читал книгу о грибах. Откуда такой интерес к грибам? — подумал Фред и перемотал ленту на час вперед. Баррис все так же сосредоточенно читал, делая какие-то пометки.

Наконец Баррис отложил книгу и вышел из дома, оказавшись вне зоны просмотра. Вернулся он с коричневым бумажным пакетом и стал по одному выбирать оттуда сушеные грибы и сравнивать с цветными фотографиями в книге. Один невзрачный гриб он положил в сторону и растолок, а остальные всыпал в пакет; из кармана достал пригоршню капсул и методично стал набивать их растолченным грибом.

После этого Баррис начал звонить. Подслушивающее телефонное устройство автоматически фиксировало номера.

— Привет, это Джим.

— Ну?

— Ты не представляешь, что я достал.

— Ну?

— Psilocybe mexicana.

— Что за фигня?

— Редкий галлюциногенный гриб. Тысячу лет назад в Южной Америке его использовали в мистических обрядах. Начинаешь летать, становишься невидим, понимаешь язык зверей…

— Не надо.

Отбой. Другой номер.

— Привет, это Джим.

— Джим? Какой Джим?

— Бородатый… в зеленых очках и кожаных штанах. Мы встречались у Ванды.

— А, понял. Джим.

— Интересуют психоделики органического происхождения?

— Гмм, не знаю… — С сомнением: — Это точно Джим? Что-то не похоже.

— Есть шикарная вещь. Редчайший органический гриб из Южной Америки, использовавшийся в индейских мистических культах тысячу лет назад. Летаешь, становишься невидим, твоя машина исчезает, понимаешь язык зверей…

— Моя машина исчезает все время. Когда я не ставлю ее на стоянку. Ха-ха.

— Могу достать раз на шесть.

— Почем?

— По пять долларов.

— Обалдеть! Ты не шутишь? Надо встретиться. — Затем подозрительно: — Кажется, я тебя помню — ты меня однажды наколол. Откуда у тебя эти грибы?

— Их провезли в глиняном идоле. В партии произведений искусства для музея, тщательно охраняемой. Копы на таможне ничего не просекли. Если ты не словишь кайф, я верну деньги, — добавил Баррис.

— А если я выжгу себе мозги?

— Два дня назад я сам закинулся, — сказал Баррис. — Для пробы. Приход сказочный — богатейшая цветовая гамма… Куда лучше мескалина. Фирма гарантирует. Я берегу своих клиентов — всегда сначала пробую сам.

Через плечо Фреда заглянул другой костюм-болтунья.

— Что он толкает? Мескалин?

— Грибы, — ответил Фред. — Нашел их где-то в окрестностях.

— Некоторые грибы чрезвычайно ядовиты, — заметил костюм-болтунья.

Из соседней кабинки вышел третий костюм-болтунья.

— Грибы из рода *Amanita* содержат токсины,

которые расщепляют красные кровяные тельца. Смерть наступает через две недели, в страшных мучениях; противоядия не существует. Чтобы собирать грибы, надо отлично в них разбираться.

— Знаю. — Фред отметил этот участок записи для отчета.

Баррис набрал еще один номер.

— По какой статье его можно обвинить? — спросил Фред.

— Искажение фактов в рекламе.

Костюмы-болтуньи засмеялись и разошлись по кабинкам. Фред продолжал наблюдать.

Монитор номер четыре показал, как в дом входит Боб Арктор. Вид у него был подавленный.

— Привет.

— Здорово, — отозвался Баррис, засовывая капсулы поглубже в карман. — Ну как вы там с Донной? — Он захихикал. — По-всякому уже пробовали?

— Отвяжись, — буркнул Арктор и исчез с монитора номер четыре, чтобы тут же появиться на пятом мониторе, в спальне. Захлопнул ногой дверь и достал из кармана несколько мешочков с белыми таблетками. На секунду застыл в нерешительности, затем сунул их под матрас и снял плащ.

Некоторое время Арктор сидел на краю неприбранной кровати, мрачно глядя в пол. Лицо его было усталым и осунувшимся. Наконец он встряхнулся, встал, постоял немного, пригладил волосы и вышел из комнаты. Тем временем Баррис спрятал пакет с грибами под кровать и убрал книгу подальше на полку. Оба встретились в гостиной и на мониторе номер два.

— Чем занимаешься? — спросил Арктор.

— Исследованиями.

— Какого рода?

— Тесными микологическими исследованиями деликатного рода, — усмехаясь, ответил Баррис. — Что, не ладится у тебя с девочкой?

Арктор молча смерил его взглядом и прошел на кухню включить кофейник. Баррис ленивым шагом последовал за ним.

— Извини, Боб, я не хотел тебя обидеть.

Арктор ждал, пока вода закипит, мрачно барабаня пальцами по столу.

— Где Лакмен?

— Должно быть, собрался очистить таксофон. По крайней мере, взял инструменты.

— Инструменты… — повторил Арктор.

— Послушай, — сказал Баррис, — я могу оказать профессиональную помощь в твоих усилиях

добиться…

Фред перемотал ленту часа на два вперед, ориентируясь по счетчику.

— …либо ты платишь за жилье, черт побери, либо немедленно берешься за ремонт цефаскопа! — горячо заявил Арктор Баррису.

— Я уже заказал резисторы, которые…

Фред снова перемотал ленту. Еще два часа.

Теперь монитор номер пять показывал Арктора в спальне. Арктор валялся на кровати, слушал музыку по радио. Монитор номер два показывал гостиную — Баррис читал о грибах. Так продолжалось довольно долго. Раз Арктор потянулся к приемнику и увеличил громкость — видимо, понравилась песня. Баррис все читал и читал, застыв в одной позе. Арктор, не шевелясь, смотрел в потолок.

Зазвонил телефон, и Баррис снял трубку.

— Да?

— Мистер Арктор? — раздался мужской голос из динамика рядом с Фредом.

— Да, слушаю, — ответил Баррис.

Будь я проклят!.. Фред поспешно увеличил громкость и весь обратился в слух.

— Мистер Арктор, — деловито проговорил незнакомец, — простите, что беспокою вас так

поздно, но вы выписали мне чек с закрытого счета…

— Ах да! Я сам собирался вам позвонить, — перебил Баррис. — Дело вот в чем. У меня тяжелейший приступ кишечного гриппа с резко выраженными гипотермией, желудочными спазмами и судорогами. Я сейчас совершенно не в силах выписать новый чек. Честно говоря, я и не намерен это делать.

— Что? — грозно произнес невидимый голос.

— Да, сэр, — кивнул Баррис. — Вы не ослышались, сэр.

— Мистер Арктор, — сказал мужчина, — банк уже дважды возвращал ваш чек. А симптомы, которые вы описываете…

— Я думаю, что мне подсунули какую-то гадость, — промолвил Баррис. На его лице застыла улыбка.

— А *я* думаю, что вы один из… из… — Мужчина запнулся, подыскивая слово.

— Думайте что хотите, — любезно разрешил Баррис, продолжая ухмыляться.

— Мистер Арктор! — Собеседник Барриса тяжело задышал в трубку. — Я намерен пойти с этим чеком в полицию, и должен вам сказать, что вы…

— Не надо волноваться, это вредно. Пока! — Баррис повесил трубку.

Подслушивающее устройство автоматически зафиксировало, откуда звонил неизвестный. Фред прочитал номер на электронном табло, затем остановил запись и сделал запрос по телефону.

— Ингельсон, слесарь. Анахайм, Харбор, тысяча триста сорок три, — выдал информацию дежурный.

— Слесарь… — пробормотал Фред, списав данные в блокнот. Слесарь… Двадцать долларов — не пустяк. Очевидно, работа на выезде — например, подобрать ключ к замку.

Версия: Баррис позвонил Ингельсону, представился Арктором и попросил подобрать ключ — в связи с «утерей» — к дому или к машине. А может, и к дому, и к машине. За работу он выписал чек, взяв незаполненный бланк из чековой книжки Арктора. Но почему банк отказался платить? У Арктора кое-что имелось. Однако если бы банк оплатил чек, то рано или поздно Арктору попался бы на глаза корешок, и он сразу бы понял, что чек выписал Джим Баррис. Поэтому Баррис предусмотрительно нашел в хламе старую чековую книжку на давным-давно закрытый счет. Теперь Баррис по уши в дерьме.

С другой стороны, почему он не заплатил наличными? Разозленный кредитор непременно обратится в полицию, и Арктор все узнает. Тогда Баррису вовек не отмыться. Своим разговором он только еще больше разъярил кредитора. Баррис его будто нарочно дразнил… Более того, симптомы «гриппа» как две капли воды повторяли симптомы героинового отходняка — даже младенцу ясно. Баррис дал понять, что он отъявленный наркоман и ему все по нулям. Притворившись Бобом Арктором.

Таким образом, слесарь знает, что один торчок впарил ему тухлый чек и не собирается пальцем шевельнуть, чтобы исправить дело. Совершенно ошизевший наркоман, которому на все наплевать. А это уже оскорбление Америке. Гнусное и умышленное.

Собственно говоря, Баррис открыто бросил вызов государственной системе и всем добропорядочным. Причем в Калифорнии, где полно берчистов и минитменов, бряцающих оружием и ждущих именно таких номеров от длинноволосых бородатых подонков.

Баррис спровоцировал их на действия, подставив ничего не подозревающего Арктора. Теперь его попросту закидают бомбами. И уж как мини-

мум арестуют за фальшивый чек.

Фред поставил метку на последний участок записи и занес в блокнот все данные, включая адрес и телефон слесаря. Какого черта? Почему Баррис мстит, да еще так подло и гнусно? Что такого страшного мог сделать ему Арктор? Отчего такая лютая злоба?

Баррис… Вот ведь подонок! Он опасен, смертельно опасен.

Из сосредоточенного раздумья Фреда вывел подошедший костюм-болтунья.

— Ты знаешь кого-нибудь из этих парней? — Он показал на выключенные мониторы.

— Да.

— Надо бы их как-то предупредить. Этот клоун-толкач в зеленых очках всех перетравит. Можешь им шепнуть пару слов, не выдавая себя?

— На отравление грибами часто указывает острый приступ тошноты, — добавил другой костюм-болтунья, повернувшись в кресле.

— Вроде стрихнина? — Фред похолодел, внезапно вспомнив день посещения Кимберли Хокинс, «день собачьего дерьма», когда его затошнило в машине. — Я скажу Арктору. Он тупой, сам ни о чем не догадается.

— Он к тому же еще и урод, — добавил костюм-

болтунья. — Это ведь тот сутулый и мрачный, который в дверь вошел?

— Ага. — Фред снова повернулся к мониторам. Господи, те таблетки, что Баррис дал нам тогда на шоссе… Мысли в голове завертелись как бешеные, мозг раскалывался пополам, сознание помутилось…

Немного легче стало лишь в ванной, когда он налил себе кружку воды. Здесь можно было спокойно поразмышлять.

На самом деле Арктор — это я. Я и есть тот человек на мониторах, тот самый подозреваемый, которого подставлял Баррис, говоря по телефону со слесарем, — и при этом я гадаю, что такого страшного сделал он Баррису? Что творится с моими мозгами?! Именно Фред, без костюма-болтуньи, появляется на мониторе, и именно он чуть не сыграл в ящик от порошка из ядовитых грибов. Еще немного — и он не сидел бы здесь, просматривая записи.

Однако теперь у Фреда есть шанс. Хотя и небольшой…

Проклятая сумасшедшая работа, подумал он. Но если я откажусь, поставят кого-то другого, и все будет только хуже. Его, Арктора, подставят. Упрячут за решетку и получат награду. Напри-

мер, подбросят наркотики и обвинят в хранении. Если кому-то все равно предстоит следить за этим домом, то уж лучше пусть следить буду я, несмотря ни на что. Хотя бы смогу нейтрализовать шизанутого подонка Барриса — уже что-то.

А если кто-нибудь другой будет следить за проделками Барриса и увидит то, что вижу я, то наверняка решит, что Арктор — самый крупный наркоделец в западных штатах, и предложит — о боже! — убрать его. Тайно ликвидировать. Призовут специальных агентов, суперкиллеров со снайперскими винтовками, инфракрасными прицелами и прочими наворотами. Тех, которые даже денег не берут, как я из автомата в мексиканском баре. Черт побери, да ведь эти зверюги способны запросто взять и сбить самолет и представить все так, как будто виновата птица, попавшая в двигатель. У них спецпатроны, которые оставляют следы перьев…

Какой ужас, подумал он. Арктор-подозреваемый не должен превратиться в Арктора-мишень. Нет, я буду и дальше следить за ним — пусть Фред занимается своей работой. Можно ведь редактировать записи, и как-то выгораживать Арктора, и тянуть время, и… Решено!

Он отставил кружку с водой и вышел из ван-

ной.

— Проблемы? — спросил костюм-болтунья.

— Так, маленькая неприятность на жизненном пути. — Фред вспомнил недавний случай с прокурором округа, умершим в расцвете лет от сердечного приступа, вызванного узконаправленным ультразвуковым лучом. Прокурор как раз собирался возобновить расследование громкого политического убийства в Калифорнии. — Который чуть-чуть не прервался, — добавил он.

— Чуть-чуть не считается, — махнул рукой костюм-болтунья.

— Да, конечно…

— Садись работай, — посоветовал другой, — а то в два счета окажешься на пособии.

— Интересно, что я напишу в резюме, — начал Фред. — Квалифицированный…

Но костюмы не оценили его юмора — они уже отвернулись и возобновили просмотр. Он тоже уселся, закурил и снова пустил голографическую запись.

Что я должен сделать, решил он, это вернуться сейчас домой, прямо сейчас, немедленно, пока не забыл, без колебаний подойти к Баррису и застрелить его.

По долгу службы.

Скажу ему: «Послушай, я на нуле, дай чинарик. За мной не пропадет» А когда он даст, я его арестую, брошу в машину, выеду на автостраду и выкину перед несущимся грузовиком. Можно заявить, что он пытался бежать. Такое случается сплошь и рядом.

Потому что если я этого не сделаю, то не смогу даже есть или пить в своем доме, и Лакмен, Донна и Фрек тоже, — мы все окочуримся от ядовитых грибов, а Баррис потом будет объяснять, как мы собирали в лесу все подряд и как он нас отговаривал, но мы не слушали, потому что не учились в колледже…

Даже если суд признает Барриса полностью выгоревшим и упрячет его пожизненно, все равно кто-то уже будет мертв. Например, Донна… Забредет сюда, накурившись своего хаша и вспомнив про меня и весенние цветы, а Баррис угостит ее какой-нибудь смесью собственного изготовления, и через пару дней она будет биться в судорогах на больничной койке… Что толку тогда от суда?

Если это случится, подумал он, я брошу эту сволочь в ванну и буду варить его в «Драно», в кипящем «Драно», пока не останутся только голые кости, а потом отошлю эти кости по почте

его матери или детям, кто там у него есть, или просто выкину на корм собакам. Но Донне это уже не поможет…

«Извините, — обратился он мысленно к костюмам-болтуньям, — не посоветуете, где мне взять банку «Драно» литров этак на пятьдесят?»

Ну все, хватит сходить с ума!.. Фред обратился к записи, не желая новых комментариев со стороны костюмов-соседей.

На мониторе номер два Баррис читал нотации мертвецки пьяному Лакмену, который только что ввалился в дом и мучительно искал вход в свою комнату. Ему явно было совсем скверно и не терпелось добраться до кровати.

— Число хронических алкоголиков в США, — вещал Баррис, — превышает число наркоманов. Ущерб, наносимый алкоголем мозгу и печени…

Лакмен исчез, так и не заметив, судя по всему, присутствия Барриса. Желаю ему удачи, подумал Фред. Хотя на одной удаче далеко не уедешь. Пока этот мерзавец может действовать…

Впрочем, Фред тоже может действовать. Но Фред видит все с опозданием. Что остается? Разве только отмотать ленту назад. Тогда я успею раньше… раньше Барриса. И сделаю то, что хочу, раньше, чем он. Если он вообще сможет что-ни-

будь после меня сделать.

И тут ожила вторая половина его мозга.

— Надо успокоить слесаря, — благожелательно посоветовала она. — Завтра первым делом отправляйся к нему, заплати двадцать долларов и забери чек. Займись этим с самого утра, прежде всего. Понятно?

Да, начать надо с этого. А потом уже браться за более серьезные вещи, подумал Фред.

Он перемотал ленту вперед — судя по счетчику, до глубокой ночи, когда все наверняка спят. Подходящий предлог, чтобы на сегодня покончить с работой.

Свет в доме не горел, камеры работали в инфракрасном диапазоне. Вот спальня Арктора: Арктор рядом с девушкой, оба спят.

Так, посмотрим. Конни… забыл фамилию. На нее есть досье. Наркоманка, сидит на игле плюс толкает и выходит на панель. Конченый человек.

— По крайней мере тебе не придется смотреть, как объект занимается сексом, — заметил костюм-болтунья, проходя сзади и заглядывая Фреду через плечо.

— И на том спасибо. — Фред исправно наблюдал за двумя неподвижными фигурами в постели,

хотя мысли его были заняты слесарем и планами на завтра. — Терпеть не могу…

— Это приятно делать самому, — согласился костюм. — Смотреть со стороны — не очень.

Арктор спит, подумал Фред. Со своей подружкой. Похоже, это все: разве что они еще покувыркаются, когда проснутся.

Боб Арктор все спал и спал. Фреду казалось, что прошло несколько часов. И вдруг он обратил внимание на то, чего сперва не заметил: *в постели лежит Донна Хоторн!* Так это она спит с Арктором?!

Фред отмотал ленту назад, снова запустил проектор: Арктор с цыпочкой, но никак не с Донной! Он был прав: Арктор и Конни, сопят бок о бок.

И тут, прямо на его глазах, резкие черты лица Конни растаяли, растеклись, словно воск, и застыли в лик Донны Хоторн.

Он вырубил проектор и ошеломленно застыл. Не понимаю, думал Фред. Как будто… кинотрюк! Черт, что же это? Неужели кто-то отредактировал запись, использовав спецэффекты? Он снова отмотал ленту назад, остановил на подходящем кадре и дал увеличение, объединив все восемь мониторов в один большой. Безмятежно спящий Боб Арктор и рядом неподвижная девушка. Фред

встал, вошел в область голограммы, прямо в трехмерную проекцию, наклонился над постелью и пристально изучил лицо девушки.

Так… ни то и ни другое: наполовину еще Конни, а наполовину — уже Донна. Надо передать ленту в лабораторию, специалистам. Мне подсунули фальшивую запись. Кто? Зачем?

Фред вышел из голограммы, сел и задумался.

Кто-то вставил в пленку Донну. Наложил ее изображение на изображение Конни. Подделал доказательство, что Арктор спит с Донной Хоторн. Технически это осуществимо, так же как с видео– и аудиозаписями.

А может, просто техническая неполадка? Часть записи с одного слоя ленты пропечаталась на другой слой? Если пленку с высоким уровнем записи хранить очень долго, такое случается. Изображение Донны могло перейти сюда с предыдущей или последующей сцены, снятой, к примеру, в гостиной.

Жаль, что я мало разбираюсь в технике, подумал он. Пожалуй, стоит поинтересоваться, прежде чем поднимать шум. Бывает же, что радиопередачи на близких частотах накладываются друг на друга. «Перекрестные разговоры»… Или паразитное изображение на телеэкране.

Случайная неисправность.

Фред запустил проектор. Конни, все еще Конни.

Вдруг черты лица девушки снова стали странно растекаться. Опять Донна… Донна… И тут сопящий рядом с ней человек, Боб Арктор, вздрогнул, резко сел, потянулся к лампе и уронил ее на пол. И так и замер, глядя на спящую девушку, спящую Донну…

Когда вновь проступило лицо Конни, Арктор тяжело вздохнул, расслабился и наконец заснул. На этот раз он спал неспокойно, тревожно ворочаясь.

Значит, саботаж и неисправности исключены. Никаких наложений, никаких «перекрестных разговоров». *Арктор это тоже видел.*

Господи, подумал Фред и выключил аппаратуру.

— С меня достаточно, — произнес он хриплым голосом. — Я сыт по горло.

— Что, насмотрелся порнухи? — спросил костюм-болтунья. — Ничего, привыкнешь.

— Я никогда не привыкну к этой работе, — сказал Фред. — Никогда.

Глава 11

На следующее утро, воспользовавшись такси — теперь не только цефаскоп, но и машина нуждалась в ремонте, — он оказался на пороге мастерской Ингельсона. На сердце лежала тяжесть, в кармане — сорок долларов.

Мастерская помещалась в допотопном, но еще крепком деревянном здании, над которым висела современная вывеска. В окнах были выставлены всевозможные образцы: почтовые ящики с причудливыми металлическими украшениями, дверные ручки в виде человеческих голов, массивные декоративные ключи.

Внутри царил полумрак. Как в берлоге наркомана, усмехнулся про себя Арктор.

У стойки, над которой возвышались два станка для изготовления ключей и висели тысячи металлических заготовок, его приветствовала полная пожилая женщина:

— Доброе утро, сэр.

— Я пришел, чтобы…

Ihr Instrumente freilich spottet mein,
Mit Rad und Kämmen, Walz' und Bügel:

Ich stand am Tor, ihr soiltet Schlüssel sein;
Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt ihr nicht die Riegel.[143]

...заплатить по своему чеку, который вернул банк, — начал Арктор. — По-моему, чек был на двадцать долларов.

— Одну минуту... — Женщина достала железный ящик для документов и стала рыться в поисках ключа. Затем, обнаружив, что ящик не заперт, открыла его и сразу же нашла чек с пришпиленной записочкой.

— Мистер Арктор?

— Да, — подтвердил он, держа наготове деньги.

— Правильно, двадцать долларов. — Она отделила записку и стала усердно вносить туда запись о том, что чек выкуплен.

— Мне очень жаль, — сказал Арктор. — По ошибке я выписал чек не на текущий, а на за-

---

[143] Примечания: 143

Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины и колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой
Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той
Не отопрет замка, не разрешит вопроса!

Гёте, «Фауст». Перевод Н. Холодковского.

крытый счет.

— Ммм, — улыбнулась женщина, продолжая писать.

— Кроме того, я был бы весьма признателен, если бы вы сообщили своему мужу, который звонил мне вчера…

— Вообще-то это мой брат Карл. — Женщина бросила взгляд через плечо. — Если он говорил с вами… — Она снова улыбнулась, теперь смущенно. — Он иногда слишком переживает из-за этих чеков… Я прошу его простить, если он был чересчур… ну, вы понимаете.

— Передайте ему, — продолжил Арктор заранее приготовленную речь, — что во время его звонка я сам был не в своей тарелке и за это также прошу прощения.

— Я припоминаю, он что-то говорил, да.

Она протянула чек. Арктор вручил ей двадцать долларов.

— Какая-нибудь дополнительная плата?

— Что вы!

— Я был не в своей тарелке, — повторил он, взглянув на чек, прежде чем положить его в карман, — потому что как раз перед этим неожиданно скончался мой друг.

— О боже! — воскликнула женщина.

— Задохнулся, — помедлив, добавил Арктор, — подавившись куском мяса. Он был один в комнате, и никто ничего не видел.

— А знаете, мистер Арктор, от этого гибнет гораздо больше людей, чем можно подумать. Я где-то читала, что если во время обеда с другом он или она долгое время молчит, то надо непременно выяснить, в состоянии ли ваш друг говорить. Потому что друг может задыхаться, а со стороны незаметно.

— Да, — сказал Арктор. — Спасибо. Это верно. И спасибо за чек.

— Примите мои соболезнования.

— Спасибо. Один из лучших моих друзей.

— Так ужасно! — посетовала женщина. — Сколько лет было вашему другу, мистер Арктор?

— Чуть за тридцать... — Лакмену было тридцать два.

— Кошмар! Я скажу брату. Спасибо, что пришли.

— Вам спасибо. И поблагодарите, пожалуйста, за меня мистера Ингельсона. Огромное спасибо вам обоим.

Арктор открыл дверь и вышел, щурясь от яркого солнца и вдыхая отравленный городской воздух. Он сел в такси и отправился домой,

чрезвычайно довольный тем, что выбрался из ловушки Барриса практически без осложнений. Все могло закончиться гораздо хуже, отметил он про себя. Чек удалось перехватить и вдобавок не пришлось столкнуться с самим братцем.

Арктор достал чек, чтобы посмотреть, насколько точно Баррису удалось подделать его подпись. Да, этот счет давно закрыт. Он сразу распознал цвет корешка — счет закрыт давным-давно. Банк поставил штамп «СЧЕТ ЗАКРЫТ». Неудивительно, что Ингельсон полез на стену.

А потом, вглядевшись, Арктор понял, что почерк *его собственный.*

Ничего общего с рукой Барриса. Идеальная подделка. Он никогда бы ничего не заподозрил, если бы не помнил точно, что не выписывал такого чека.

Боже мой, подумал Арктор, сколько же моих подписей сварганил Баррис? Он, должно быть, обобрал меня до нитки! Баррис просто гений. Хотя, конечно, текст мог быть переведен с другого документа каким-нибудь механическим способом. С другой стороны, я никогда не выписывал чека на имя Ингельсона, так что с чего ему было делать копию? Надо отдать чек графологам из Отдела — пусть определят, какой тут применен

способ. Может быть, дело просто в хорошо тренированной руке… Что же касается всей этой истории с грибами, то я могу просто подойти к Баррису и сказать: до меня, мол, дошли слухи, что он пытается толкать грибную дурь, и кое-кто, понятное дело, беспокоится, так что пора завязывать.

Но не следует забывать, что это — всего-навсего случайные эпизоды, лишь слегка проливающие свет на замыслы Барриса. Слабый намек на то, с чем мне предстоит столкнуться. Бог знает, что он еще успел натворить, имея столько времени, чтобы ошиваться рядом, читать справочники и строить дьявольские планы!.. Кстати, а не проверить ли телефон? У Барриса целый ящик всевозможных электронных штучек, которые позволяют прослушивать разговоры. Так что, скорее всего, «жучок» в телефоне стоит, причем уже давно.

Плюс к тому, казенному, что установлен на днях.

Трясясь в такси, Арктор опять достал чек и стал его рассматривать. Вдруг ему пришла в голову новая мысль: а что, если все-таки я сам выписал этот чек? Что, если его выписал Арктор? Думаю, так оно и было. Наверное, распроклятый чудик

Арктор сам выписал чек. Причем в спешке — буквы прыгали, значит, он куда-то торопился. В спешке схватил старую чековую книжку, а потом забыл, забыл напрочь.

Взять хотя бы…

> *Was grinsest du mir, hohier Schädel, her?*
>
> *Als dass dein Hirn, wie meines, einst verwirret*
>
> *Den leichten Tag gesucht und in der Dämmrung schwer,*
>
> *Mit Lust nach Wahrheit, jämmerlich geirret.*[144]

…то сборище наркоманов в Санта-Ане, где он встретил симпатичную блондиночку — с кривыми зубами и толстым задом, но такую веселую и приветливую. Он тогда никак не мог завести свою машину и вдобавок был почти в отключке: они закидывались, ширялись и нюхали всю ночь, до самого рассвета. Было много препарата

---

[144] Примечания: 144

> *Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,*
> *Зубами белыми сверкая.*
> *Когда-то, может быть, как я, владелец твой*
> *Блуждал во тьме, рассвета ожидая!*
>
> ***Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.***

«С», очень много, и самого лучшего, суперкласса. Суперсуперкласса, как раз для него…

— Остановите возле заправки, — сказал Арктор, наклонившись к водителю. Расплатился, вошел в телефонную кабинку и набрал номер слесаря.

В трубке прозвучал знакомый голос:

— Мастерская Ингельсона, добрый…

— Извините за беспокойство, это опять я, Арктор. Какой адрес указан у вас в заказе, за который был выписан тот чек?

— Сейчас посмотрю, одну минуту, мистер Арктор… — Послышался стук — женщина положила трубку на стол.

— Кто там? Этот Арктор? — донесся приглушенный мужской голос.

— Да, Карл, но, пожалуйста, не вмешивайся. Он только что приходил сам…

— Дай мне с ним поговорить!

Последовала долгая пауза. Затем женщина снова подняла трубку.

— Я нашла адрес, мистер Арктор… — Она начала диктовать.

Это был его домашний адрес.

— Вашего брата вызывали туда? Чтобы сделать ключ?

— Одну минуту… Карл! Ты помнишь, куда ездил

на машине делать ключ для мистера Арктора?

— В Кателлу, — донесся голос Карла.

— Куда-то в Кателлу, мистер Арктор. В Анахайме. Нет, погодите… Карл говорит, что это было в Санта-Ане. А что…

— Спасибо. — Арктор повесил трубку.

Итак, все-таки Санта-Ана. Та чертова вечеринка. Отличный был улов — не менее тридцати новых имен и столько же номеров машин. Такое нечасто случается. Пришла большая партия наркотиков из Мексики; покупатели делили товар и, само собой, пробовали. Теперь, наверное, половина из них уже арестована… Да, ночка незабываемая, только вот детали припомнить трудно.

Но это никак не извиняет Барриса. Надо же, посмел выдавать себя за Арктора и так вызывающе себя вел! Разве что непреднамеренно… Черт побери! А если он тогда прибалдел и просто хотел приколоться? Чек выписал Арктор, а Баррис лишь случайно оказался у телефона? Ну и «подыгрывал», потому что его помутившимся мозгам это казалось отменной шуткой. Обычная безответственность, ничего больше.

Да если уж на то пошло, думал он, набирая номер вызова такси, и Арктор вел себя не слиш-

ком-то ответственно, выписывая такой чек. Сколько там прошло времени?.. Он снова вытащил чек и взглянул на дату. Силы небесные, полтора месяца! Ему ли говорить об ответственности! Да за это вполне можно угодить за решетку — слава богу, что Карл не успел пойти в полицию. Наверное, сестрица удержала.

Арктор и сам хорош: кое-какие его делишки лишь сейчас начинают всплывать. Дело не только и не столько в Баррисе. Еще, кстати, надо понять, почему Баррис так дико ненавидит Арктора: не будет человек ни с того ни с сего долго злобствовать. Ведь Баррис не старается подсидеть Лакмена, или, скажем, Чарлза Фрека, или Донну Хоторн. Он больше кого-либо другого помогал отправить Джерри Фабина на лечение, да и к животным в доме относится хорошо. Был момент, когда Арктор хотел избавиться от одной из собак — как там ее звали, Попо или что-то в этом роде, — ее невозможно было ничему научить, а Баррис проводил часы, фактически целые дни, играя с этой собакой и разговаривая с ней, так что наконец пес успокоился, начал что-то понимать и в результате остался жив. Если бы Баррис ненавидел всех вокруг, то вряд ли был бы способен так вот, по-доброму, поступать.

Служба такси ответила, и он дал адрес заправочной станции, где находился.

И если слесарь записал Арктора в отпетые наркоманы, мрачно размышлял он, ожидая прибытия машины, то в этом тоже виноват никак не Баррис. Должно быть, когда Карл подъехал на рассвете в своем грузовичке, чтобы подобрать ключ к машине Арктора, тот уже оттягивался по полной программе: лез на стену, ходил на голове и нес всякую ерунду. Так что слесарь, вытачивая ключ, наверняка все понял.

А может, Баррис и вовсе пытался загладить участившиеся промахи Арктора? Ведь Арктор даже машину свою не способен поддерживать в рабочем состоянии и выписывает фиктивные чеки — не нарочно, разумеется, а потому, что его чертовы мозги забиты дурью. А Баррис делает, что в его силах… Что ж, все может быть. Да только и у него в голове сплошной сумбур. У них у всех…

Dem Wurme gleich' ich, der den Staub durchwült,

Den, wie er sich im Staube nährend lebt,

Des Wandrers Trnitt vernichtet und

begrabt.[145]

…все помутилось. Помутившиеся ведут помутившихся. Прямиком в тартарары.

Вполне вероятно, что Арктор сам перерезал провода и устроил замыкание в цефаскопе. Встал ночью и… Но с какой целью?

Сложный вопрос: зачем? Впрочем, что с них взять, с этих помутившихся? Они могут руководствоваться целым множеством лихо закрученных — как провода — побуждений. За время работы в полиции ему всякое доводилось видеть. Так что данная конкретная трагедия далеко не в новинку, всего лишь один из файлов в памяти компьютера, очередное дело. Стадия, непосредственно предшествующая федеральной клинике, как у Джерри Фабина.

Все эти ребята — как фигуры на шахматной доске. Стоят на разных полях, на разном расстоянии от цели. Каждому осталось свое число ходов; но рано или поздно они все достигнут последней черты — федеральной клиники. Это записано у них в нервных клетках. В тех, что еще остались.

---

[145] Примечания: 145

Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый.

Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.

Что же касается Боба Арктора… Профессиональная интуиция подсказывала: дело вовсе не в Баррисе и его проделках. Не зря, видно, руководство решило сосредоточить внимание именно на Аркторе. У них наверняка есть на то свои причины, неизвестные простому агенту. Вероятно, факты подтверждают друг друга. Растущий интерес к Арктору со стороны Отдела — в конце концов, установка следящей системы обошлась в кругленькую сумму — вполне увязывается с необычным вниманием со стороны Барриса. Боб Арктор — объект номер один. Для всех. В то же время сам Фред пока не увидел в его поведении ничего особенного — такого, что могло бы вызвать подобный интерес. Пожалуй, стоит понаблюдать более пристально. И если камеры зафиксируют что-либо загадочное или подозрительное в поведении Арктора, то это будет решающим, независимым доказательством и полностью оправдает все расходы и потраченное время.

Любопытно, что же известно Баррису? Такое, что неизвестно нам. Может, его следует хорошенько потрясти? Надо собирать информацию независимо от Барриса, иначе мы просто будем дублировать его сведения, кем бы он ни был, кого

бы ни представлял.

Боже, что я несу! Не иначе как я спятил! Я же прекрасно знаю Боба Арктора — мировой парень! Ничего он не злоумышляет. Напротив, он тайно работает на полицию. Наверное, потому Баррис…

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von dem andern trennen:
Die eine hält, in dember Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen.[146]

…на него и окрысился.

Но тогда не ясно, почему Арктором интересуется полиция — до такой степени, что устанавливает аппаратуру и отряжает на слежку постоянного агента. Концы с концами не сходятся. Нет, что-то непонятное происходит в этом запущенном и

---

[146] Примечания: 146

Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые, – и жаждут разделенья!
Из них одной мила земля – и здесь ей любо, в этом мире,
Другой – небесные поля, где тени предков там, в эфире.

Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.

захламленном жилище с заросшим сорняками двором, кошками, бродящими по кухонному столу, и грудами мусора, который никогда не убирают.

Какое расточительство! Такой хороший дом — и пропадает зря. А ведь все могло бы быть иначе. Там могла бы жить настоящая семья, с детьми. Дом и рассчитан на это: три спальни… Безобразие, просто безобразие! Его давно пора конфисковать и использовать по назначению. Может, так они и сделают — дом просто требует этого. Ведь когда-то он знавал лучшие дни — давно, очень давно. И эти дни вернутся, лишь бы нашелся настоящий хозяин, который наведет здесь порядок.

Особенно во дворе, подумал он, когда такси свернуло на дорожку, усеянную брошенными газетами.

Расплатившись с водителем, Арктор вошел в дом. И тут же почувствовал на себе незримые глаза голокамер. Едва переступив собственный порог. Вокруг никого — он один в доме… Нет, не один! Сканеры — невидимые и вездесущие — смотрят на него и записывают. Записывают все, что он делает, все, что говорит.

Вспомнились каракули на стене общественного туалета: УЛЫБАЙТЕСЬ! ВАС СНИМАЮТ СКРЫТОЙ

КАМЕРОЙ! Именно так.

— Есть кто дома? — по обыкновению громко спросил он, представляя, как это записывается.

Всегда придется быть настороже — изображать, что даже не догадываешься… Словно актер перед камерой — вести себя так, будто никакой камеры нет и в помине. Иначе все завалишь.

Дубли исключены. Вместо них — уничтожение. Для него — не для тех, кто по ту сторону камер.

Чтобы избавиться от всего этого, подумал он, достаточно продать дом: все равно обветшал. Но… я люблю этот дом!

Это мой дом.

Никто не сможет меня отсюда выгнать.

Какими бы соображениями они ни руководствовались.

Если, конечно, эти «они» вообще существуют.

А ведь не исключено, что мне все мерещится. Паранойя… Что бы за мной ни наблюдало, это не человек — по крайней мере, с моей точки зрения.

Глупо звучит, но я боюсь. Со мной что-то делает не человек, а неодухотворенная вещь. Здесь, в моем собственном доме, у меня на глазах. И я сам все время нахожусь перед глазами этой твари, которые, в отличие от черных глаз Донны, никогда

не мигают. Что видит камера — проникает взглядом в голову? В сердце? Заурядная инфракрасная камера или голографический сканер, последняя новинка техники, как он видит меня — нас, — ясно или замутненно? Надеюсь, что ясно, потому что сам я не могу больше в себя заглянуть. Я вижу одну муть. Муть снаружи, муть внутри. Ради нас всех — пусть у камер получится лучше. Потому что если и для камер мутно, тогда мы все прокляты, трижды прокляты и так и сгинем в мути — зная смехотворно мало и не понимая даже этой смехотворной малости.

Из книжного шкафа в гостиной он вытащил первый попавшийся том — «Иллюстрированная книга половой любви». Открыл наугад — мужчина на фотографии блаженно присосался к правой грудке томно вздыхающей красавицы — и произнес нараспев, словно читая или цитируя слова древнего философа: «Каждый человек видит лишь крошечную долю полной истины и очень часто, практически…

Weh! steck ich in dem Kerker noch?
Verfluchtes dumpfes Mauerloch,
Wo selbst das liebe Himmelslicht
Trüb durch gemalte Scheiben bricht!

Beschränkt mit diesem Bucherhauf,
Den Würme nagen, Staub bedeckt,
Den bis ans hohe.[147]

...все время умышленно обманывает себя и в отношении этой крошечной доли. Часть человека оборачивается против него и поражает изнутри. Человек внутри человека, который совсем не человек».

Кивая головой, как будто соглашаясь с мудростью напечатанных слов, он закрыл толстую, в красном переплете с золотым тиснением «Иллюстрированную книгу половой любви» и поставил ее на место.

* * *

Чарлз Фрек, подавленный тем, что происходит

---

[147] Примечания: 147

Еще ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва заметен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь, и там,
Добыча пыли и червей.

Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.

со всеми его знакомыми, решил покончить с собой. В кругах, где он вращался, покончить с собой проще простого: берешь большую дозу «красненьких» и, отключив для спокойствия телефон, глотаешь их на ночь с дешевым винцом.

Главное — запланировать, как обставить смерть, какие иметь при себе вещи. Чтобы археологи, которые найдут тебя позже, смогли определить, к какой социальной прослойке ты принадлежал. И чем в последний момент была занята твоя голова.

На отбор вещей Фрек потратил несколько дней — гораздо больше, чем понадобилось, чтобы прийти к решению покончить с собой. Примерно столько же времени ушло, чтобы собрать достаточно «красненьких». Его найдут лежащим в постели с книгой Айн Рэнд «Источник» (доказательство того, что он был непонятым гением, отверженным толпой и в некотором роде убитым ее пренебрежением) и с незаконченным письмом, протестующим против взвинчивания цен на газ. Таким образом, он обвинит систему и достигнет своей смертью чего-то еще, помимо того, чего достигает сама смерть. Говоря по правде, он не очень ясно представлял себе, чего достигает смерть, так же как и то, чего достигнут

выбранные им артефакты. Так или иначе, все определилось, и он стал готовиться — как зверь, нутром почуявший, что пришел его конец, и инстинктивно выполняющий программу, заложенную от природы.

В последний момент Чарлз Фрек решил запить «красненькие» не дешевым винцом, а изысканным дорогим напитком. Поэтому он сел в машину, отправился в магазин, специализирующийся на марочных винах, и купил бутылку «Мондави Каберне Совиньон» урожая 1971 года, которая обошлась ему в тридцать долларов — почти вся его наличность.

Дома он откупорил бутылку, насладился ароматом вина, выпил пару стаканчиков, несколько минут созерцал свою любимую фотографию в «Иллюстрированной энциклопедии секса» (позиция «партнерша сверху»), затем достал пакетик «красненьких» и улегся на кровать. Он хотел подумать о чем-нибудь возвышенном, но не смог — из головы не выходила партнерша. Тогда он решительно проглотил таблетки, запил стаканом «Каберне Совиньон», положил себе на грудь книгу, незаконченное письмо и стал ждать.

Увы, его накололи. Таблетки содержали вовсе не барбитураты, а какой-то странный психоде-

лик, новинку; таким он еще не закидывался. Вместо того чтобы тихо умереть от удушья, Чарлз Фрек начал галлюцинировать. Что ж, философски подумал он, вот так у меня всю жизнь. Вечно накалывают. Надо смириться с фактом — учитывая, сколько таблеток он глотанул, — что его ждет глюк из глюков.

Следующее, что он увидел, было явившееся из иных измерений чудовище. Оно стояло у кровати и смотрело на него с неодобрением. У чудовища было несметное множество глаз по всему телу и ультрасовременная, супермодная одежда. Оно держало огромный свиток.

— Ты собираешься зачитывать мои грехи, — догадался Чарлз Фрек.

Чудовище кивнуло и распечатало свиток.

— И это займет сто тысяч часов, — закончил Фрек, беспомощно лежа на кровати.

Уставившись на него всеми глазами, чудовище из иных измерений сказало:

— Мы покинули бренный мир. В этой Вселенной такие низменные материальные понятия, как «пространство» и «время», лишены смысла. Ты вознесен в трансцендентальную область. Твои грехи будут зачитываться тебе вечно. Списку нет конца.

Надо лучше знать своих поставщиков, подумал Чарлз Фрек.

Тысячу лет спустя он все так же лежал в постели с книгой Айн Рэнд и письмом на груди, слушая, как чудовище перечисляет грехи. Шли грехи, совершенные в первом классе, когда Чарлзу Фреку было шесть лет.

Десять тысяч лет спустя чудовище добралось до шестого класса; в тот год Чарлз открыл для себя мастурбацию.

Он смежил веки, но это не помогло. Он по-прежнему видел перед собой огромное существо с множеством глаз, оглашающее бесконечный свиток.

— И далее… — зачитывало чудовище.

Что ж, подумал Чарлз Фрек, по крайней мере раз в жизни я выпил приличного вина.

Глава 12

Двумя днями позже Фред изумленно наблюдал на третьем мониторе, как Роберт Арктор явно наугад выбрал книгу из книжного шкафа в гостиной. Может, за ней спрятаны наркотики, предположил Фред и увеличил изображение. А может, там записан номер телефона или адрес? Ясно, что Арктор вытащил книгу не для чтения; он только что вошел в дом и даже не снял плащ. У Арктора был странный вид — напряженный и одновременно ошарашенный.

Камера показала разворот книги крупным планом: цветная фотография запечатлела мужчину, приникшего ртом к соску женщины; оба индивида были голы. Женщина, по-видимому, испытывала оргазм: ее глаза были полузакрыты, а рот открыт в беззвучном стоне. Может, Арктор использует книгу для занятий онанизмом?.. Нет, не обращая на фотографию внимания, он стал надтреснутым голосом декламировать какую-то мистическую тарабарщину на немецком — вероятно, для того, чтобы озадачить тех, кто мог его слышать. Очевидно, думал, что его дружки дома, и хотел их таким образом выманить.

Никто не появлялся. Фред знал, что Лакмен закинулся «смесью» и вырубился, полностью одетый, у себя в спальне, не дойдя несколько шагов до дивана. Баррис давно ушел.

Чем же все-таки занимается Арктор, недоумевал Фред, отмечая последний участок записи. С каждым днем этот тип ведет себя все более странно. Теперь я понимаю, что имел в виду информатор, который нам звонил.

А вдруг произнесенная Арктором фраза является командой для некоего электронного устройства, установленного в доме? Команда на включение или выключение. Может быть, на создание помех… Сомнительно. Вряд ли это вообще имеет какой-либо рациональный смысл — разве что для самого Арктора.

Нет, он точно псих. Просто повредился. С того дня, как обнаружил поломанный цефаскоп. Или с того дня, как едва не угробился в машине. Он и раньше был малость тронутый и окончательно свихнулся в «день собачьего дерьма», как выражается сам Арктор.

Вообще-то его нельзя строго судить, подумал Фред, наблюдая, как Арктор устало скинул плащ. Такое хоть кого с ума сведет. Однако большинство людей давно бы уже пришли в себя. Арктору,

наоборот, становится все хуже. Читает вслух неизвестно кому несуществующие цитаты на иностранных языках…

Если только он надо мной не издевается, тревожно подумал Фред. Может, он каким-то образом догадался о наблюдении и… Заметает следы? Просто развлекается? Что ж, время покажет… И все-таки он нас надувает! Некоторые люди просто чувствуют, когда за ними ведется наблюдение. Это вовсе не паранойя, скорее примитивный инстинкт, как у мыши или любого животного, за которым охотятся. Они знают, что их выслеживают, знают, и все… Вот он и несет чушь специально для нас, прикрываясь маской психа. Увы, наверняка сказать невозможно. Под масками могут быть другие маски, множество слоев.

Голос Арктора разбудил Лакмена, лежащего на полу в спальне. Из гостиной послышался стук — это Арктор вешал плащ и уронил его. Лакмен одним движением подобрал под себя длинные мускулистые ноги и встал, схватив топорик, который держал на столике рядом с кроватью. Затем беззвучными кошачьими шагами приблизился к двери, ведущей в гостиную.

В гостиной, на третьем мониторе, Арктор взял с журнального столика письма и начал их просмат-

ривать. Найдя рекламный проспект, швырнул его в корзину и промахнулся.

Услышав это, Лакмен напрягся и вытянул шею вперед, как будто принюхиваясь.

Арктор, читая письмо, вдруг нахмурился и выругался.

Лакмен сразу расслабился, отшвырнул топорик, пригладил волосы и открыл дверь.

— Привет. Как дела?

— Я проезжал мимо здания Мейлорской микрофотокорпорации, — сообщил Арктор.

— Да ну?

— Там проводили инвентаризацию, и один из служащих случайно унес с собой важные документы — они прилипли к каблуку. Поэтому весь персонал ползал по автостоянке возле здания корпорации с пинцетами, увеличительными стеклами и бумажными пакетиками.

— А награду назначили? — Лакмен широко зевнул и забарабанил ладонями по плоскому мускулистому животу.

— Награду они тоже потеряли. Это была такая крошечная монетка.

— И часто тебе приходится наблюдать подобные вещи?

— Только здесь, в нашем округе.

— А оно большое — здание микрофотокорпорации?

— Около дюйма в высоту, — ответил Арктор.

— Сколько оно весит, по-твоему?

— Вместе со служащими?

Фред включил перемотку вперед. Когда по счетчику прошел час, он остановил ленту.

— …фунтов десять, — сказал Арктор.

— А как же ты его распознал, проезжая мимо, если оно с дюйм высотой и весит всего десять фунтов?

Арктор теперь сидел на диване, задрав ноги на спинку стула.

— У них огромная вывеска.

Боже, подумал Фред и снова промотал ленту вперед, минут на десять.

— …похожа? — спрашивал Лакмен. Он сидел на полу и крошил травку. — Небось неоновая? Интересно, я ее видел? Она приметная?

— Сейчас покажу, — сказал Арктор и засунул руку в нагрудный карман рубашки. — Я прихватил ее с собой.

Фред снова включил перемотку.

— …а знаешь, как провезти микрофотографии контрабандой? — говорил Лакмен.

— Да как угодно. — Арктор, откинувшись на

диване, курил травку. В воздухе клубился дым.

— Нет, так, чтобы никто не допер! — горячился Лакмен. — Мне Баррис сказал по секрету. Я обещал не рассказывать, потому что он хочет вставить это в свою книгу.

— В какую книгу? «Распространенные домашние наркотики и…»?

— Нет. «Простые способы ввоза и вывоза контрабанды в зависимости от того, куда вы направляетесь: в США или обратно». Микрофотографии надо везти с наркотиками. Например, с героином. Понимаешь, они такие маленькие, что в пакете с наркотиком их не заметят. Они такие…

— Тогда какой-нибудь торчок вкатит себе дозу микрофотографий!

— Это будет самый разобразованный торчок на свете.

— Смотря что на фотографиях.

— У Барриса есть клевый способ провоза наркотиков через границу. Знаешь, на таможне всегда спрашивают, что вы везете. А сказать «наркотики» нельзя, потому что…

— Ладно, так как?

— Ну вот. Берешь огромный кусок гашиша и вырезаешь из него фигуру человека. Потом выдалбливаешь нишу и помещаешь заводной

моторчик, как в часах, и еще маленький магнитофон. Сам стоишь в очереди сзади и, когда приходит пора, заводишь ключ. Эта штука подходит к таможеннику, и тот спрашивает: «Что везете?» А кусок гашиша отвечает: «Ничего» — и шагает дальше. Пока не кончится завод, по ту сторону границы.

— Вместо пружины можно поставить батарею на фотоэлементах, и тогда он может шагать хоть целый год. Или вечно.

— Какой толк? В конце концов он дойдет до Тихого океана. Или до Атлантического. И вообще сорвется с края земли…

— Вообрази стойбище эскимосов и шестифутовую глыбу гашиша стоимостью… сколько такая может стоить?

— Около миллиарда долларов.

— Больше, два миллиарда. Сидят себе эскимосы, обгладывают шкуры и вырезают по кости, и вдруг на них надвигается глыба гашиша стоимостью два миллиарда долларов, которая шагает по снегу и без конца талдычит: «Ничего… ничего… ничего…»

— То-то эскимосы обалдеют!

— Что ты! Легенды пойдут!

— Можешь себе представить? Сидит старый

хрыч и рассказывает внукам: «Своими глазами видел, как из пурги возникла шестифутовая глыба гашиша стоимостью два миллиарда долларов и прошагала вон в том направлении, приговаривая: «Ничего, ничего, ничего». Да внуки упекут его в психушку!

— Не, слухи всегда разрастаются. Через сто лет рассказывать будут так: «Во времена моих предков девяностофунтовая глыба высокопробнейшего афганского гашиша стоимостью восемь триллионов долларов вдруг как выскочит на нас, изрыгая огонь, да как заорет: «Умри, эскимосская собака!» Мы били и били ее копьями, и наконец она издохла».

— Дети этому не поверят.

— Нынче дети вообще ничему не верят.

— Разговаривать с ребенком — одно расстройство, — заметил Лакмен. — Меня какой-то пацан попросил описать первый автомобиль… Черт побери, да я родился в тысяча девятьсот шестьдесят втором году!

— Неслабо… Меня однажды о том же самом просил один торчок, совсем выгоревший, — так ему было двадцать семь, всего на три года младше меня. Ничего уже не соображал. Позже он раз закинулся кислоткой — или чем-то вроде — и во-

обще начал ходить под себя, а когда ему говорили что-нибудь типа «Как дела, Дон?», он только и мог, что повторять как попугай: «Как дела, Дон? Как дела, Дон?..»

Наступило молчание. Двое мужчин курили травку в задымленной комнате. Долго, мрачно, молча.

— Знаешь, Боб, — заговорил наконец Лакмен, — ведь когда-то я был таким же, как все.

— Я тоже.

— Не знаю, что случилось…

— Знаешь, — покачал головой Арктор. — Это случилось со всеми нами.

— Ладно, проехали. — Лакмен глубоко и шумно затянулся.

В спецквартире зазвонил телефон. Костюм-болтунья снял трубку и протянул ее Фреду.

— Помните, на прошлой неделе вы были у нас? — произнес голос в трубке. — Проходили тестирование?

— Да, — после короткой паузы ответил Фред.

— Приходите снова. — На том конце линии тоже зависла пауза. — Мы обработали последние материалы. Теперь необходимо выполнить полную программу тестов на адекватность восприятия и другие процедуры. Вам назначено на

завтра, в три часа в той же комнате. Это займет часа четыре. Помните номер комнаты?

— Нет, — сказал Фред.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — твердо ответил Фред.

— Какие-нибудь неприятности? На работе или в личной жизни?

— Я поссорился со своей девушкой.

— Испытываете ли вы чувство растерянности? Не сталкиваетесь ли с трудностями в опознавании людей и предметов? Не кажется ли вам что-нибудь вывернутым шиворот-навыворот? И, кстати говоря, не наблюдаете ли вы у себя пространственно-временной или языковой дезориентации?

— Нет, — мрачно произнес Фред. — Нет — по каждому из поименованных пунктов.

— Итак, завтра в комнате двести три, — сказал врач.

— А какой материал…

— Поговорим завтра. Приходите, ладно? Не расстраивайтесь, Фред! — *Клик.*

Клик тебе, подумал Фред, вешая трубку.

В раздражении, что его нагружают, заставляя заниматься неприятными вещами, он включил проекторы, и трехмерные образы внутри мони-

торов ожили в цвете и движении. Из динамиков снова полилась бессмысленная и бесполезная для Фреда болтовня.

— Эту крошку, — бубнил Лакмен, — обрюхатили, и она решила сделать аборт, потому что была на четвертом месяце и живот уже стало видно. Но сама палец о палец не ударила, только канючила, как все дорого. А пособие ей почему-то не полагалось. Как-то я к ней забегаю, а там одна ее подружка твердит, что у нее *истерическая* беременность. «Ты просто хочешь верить, что беременна. Это комплекс вины. А аборт, расходы на него — это комплекс наказания». А крошка — она мне дико нравилась — и говорит спокойненько: «Ну что ж, если у меня истерическая беременность, то я сделаю истерический аборт и заплачу истерическими деньгами».

— Интересно, чья физиономия красуется на истерической пятерке, — задумчиво произнес Арктор.

— А кто был у нас самым истерическим президентом?

— Билли Фалкс. Он только *думал*, что его избрали президентом.

— В каком году?

— Он воображал, что его избрали на два че-

тырехлетних срока, начиная с 1882 года. После длительного курса лечения он признал, что срок был только один…

Фред со злостью перемотал запись на два с половиной часа вперед. Сколько они будут нести эту ахинею? Весь день? Вечно?

— …берешь ребенка к врачу, к психиатру, и жалуешься, что ребенок все время заходится в крике. — На кофейном столике перед Лакменом стояли две коробки с травкой и банка пива. — Кроме того, ребенок постоянно врет, придумывает самые несуразные истории. Психиатр осматривает ребенка и ставит диагноз: «Мадам, у вашего ребенка истерия. То есть ребенок истерический. Но я не знаю почему». И тогда ты, мать, настал твой час, ты ему эдак: «Я знаю почему, доктор. Потому что у меня была истерическая беременность».

Лакмен и Арктор покатились со смеху. Им вторил Джим Баррис; он вернулся и теперь сидел в гостиной, наматывая на гашишную трубку белую проволоку.

Фред прогнал пленку еще на час вперед.

— …этот парень, — рассказывал Лакмен, — выступал по телевидению как всемирно известный самозванец. В интервью он заявил, что в раз-

ное время представлялся великим хирургом из медицинского колледжа Джона Гопкинса, субмолекулярным физиком-теоретиком из Гарварда, финским писателем, лауреатом Нобелевской премии в области литературы, свергнутым президентом Аргентины, женатым на…

— И все это сходило ему с рук? — поразился Арктор. — Его не разоблачали?

— Парень ни за кого себя не выдавал. Просто он выдавал себя за всемирно известного самозванца. Об этом потом писали в «Лос-Анджелес таймс» — они проверяли. Работал дворником в Диснейленде, затем прочитал биографию всемирно известного самозванца — такой действительно был — и сказал себе: «Да ведь я тоже могу выдавать себя за всех этих экзотических парней!» А после подумал и решил: «На кой черт? Лучше просто выдавать себя за самозванца». Он огреб на этом деле немалую монету, как писали в «Таймсе». Почти столько же, сколько настоящий всемирно известный самозванец. Причем без всякого труда.

— Самозванцев пруд пруди. Мы сами сталкиваемся с ними на каждом шагу. Только они выдают себя не за физиков-теоретиков, — заметил Баррис, тихонько корпящий в углу над трубкой.

— Ты имеешь в виду шпиков, этих гадов из Отдела по борьбе с наркоманией? — сказал Лакмен. — Интересно, среди наших знакомых они есть? Как они выглядят?

— Все равно что спрашивать: «Как выглядит самозванец?» — отозвался Арктор. — Я как-то болтал с одним толкачом, которого взяли с десятью фунтами гашиша на руках. Ну и спросил, как выглядел обманувший его шпик. Знаете, агент полиции выдает себя за приятеля одного приятеля…

— Они выглядят точь-в-точь как мы, — бросил из угла Баррис.

– *Даже больше!* — воскликнул Арктор. — Этот толкач — его уже приговорили и на следующий день должны были отправить в тюрягу — сказал мне: «Волосы у них еще длиннее, чем у нас». Так что мораль, я полагаю, такова: держись подальше от типов, которые выглядят точь-в-точь как ты.

— Бывают и женщины-шпики, — вставил Баррис.

— Я бы хотел познакомиться с таким, — сказал Арктор. — В смысле — сознательно. Точно зная, что это шпик.

— Когда он наденет на тебя наручники, — ухмыльнулся Баррис, — будешь знать точно.

— Я что имею в виду? — продолжал Арктор. — Какая у них жизнь? Есть ли у них друзья? Знают ли жены об их работе?

— У них нет жен, — заявил Лакмен. — Они живут в пещерах и крадутся за тобой по пятам, выглядывая из-под машин. Как тролли.

— А что они едят?

— Людей, — сказал Баррис.

— Как это вообще у них получается? — спросил Арктор. — Выдавать себя за шпиков?

– *Что?!* — в один голос вскричали Баррис и Лакмен.

— Черт, я совсем обалдел, — улыбаясь, сказал Арктор. — «Выдавать себя за шпика», брр… — Он потряс головой.

— ВЫДАВАТЬ СЕБЯ ЗА ШПИКА? — повторил Лакмен, не сводя с него глаз.

— Сегодня у меня в мозгах каша, — пожаловался Арктор. — Я лучше сосну.

Фред остановил ленту. Фигуры в мониторах замерли.

— Перекур? — спросил костюм-болтунья.

— Да. Я устал. Эти бредни рано или поздно доканывают. — Он поднялся и взял сигареты. — Не понимаю и половины из того, что они несут. Я так устал. Устал их слушать.

— Когда находишься вместе с ними, даже легче, правда? — сказал костюм-болтунья. — Ты ведь вхож в их компанию? Под прикрытием, так ведь?

— Ни за что не стал бы иметь дела с такими ублюдками! — скривился Фред. — Талдычат одно и то же без конца. Какого черта они вечно вот так сидят и травят байки?

— А какого черта мы здесь сидим? Это ведь чертовски нудное занятие, если разобраться.

— Нам приходится, это наша работа. У нас просто нет выбора.

— Как в тюрьме, — кивнул костюм-болтунья. — Никуда не денешься.

«Выдавать себя за шпика», — подумал Фред. Что это значит? Одному богу известно…

Выдавать себя за самозванца. За того, кто живет под машинами и питается грязью. Не за всемирно известного хирурга, или писателя, или политического деятеля, о которых говорят по телевизору.

Дурацкая фраза Арктора снова и снова звучала в голове, несмотря на то что запись давно уже была выключена. Поскорее бы забыть эти слова. И забыть, хотя бы ненадолго, его самого.

— Порой у меня такое чувство, — проговорил Фред, — будто я знаю, что они сейчас скажут.

Слово в слово.

— Это называется «дежавю», — кивнул костюм-болтунья. — Один совет: прокручивай ленту вперед не на час, а сразу, скажем, часов на шесть, а потом возвращайся понемногу назад, пока не наткнешься на что-нибудь стоящее. Понимаешь? Назад, а не вперед. Так тебя не будет затягивать ритм их болтовни. Шесть или даже восемь часов вперед, а потом большими скачками назад. Ты быстро привыкнешь — начнешь чувствовать, когда там километры пустоты, а когда есть что-то полезное.

— Просто научишься пропускать все мимо ушей, — добавил другой костюм-болтунья, — пока не всплывет интересная фраза. Как мать, которая спит и не реагирует ни на какой шум, даже если мимо проедет грузовик, но тут же просыпается, едва ее младенец подаст голос. Даже если он пискнет чуть слышно. Это регулируется подсознанием: оно умеет работать избирательно, главное — усвоить, что нужно слушать.

— Я знаю, — сказал Фред. — У меня самого двое детей.

— Мальчики?

— Нет, девочки. Еще маленькие.

— Нормально, — кивнул собеседник. — Моей

дочке всего годик.

— Никаких имен! — вмешался другой костюм-болтунья. Они рассмеялись. Хотя и не очень весело…

Так или иначе, вот что следует передать по инстанциям — таинственную фразу «выдавать себя за шпика». Дружки Арктора тоже удивлены. Когда я завтра к трем пойду в Отдел, надо это распечатать — аудиозаписи будет достаточно — и обсудить с Хэнком вместе со всем остальным, что еще всплывет. Но даже если ничего другого не всплывет, какое-то начало уже есть. Значит, круглосуточная слежка ведется не зря.

Значит, я был прав.

Арктор проговорился. Выдал себя.

Что это значит, мы пока не знаем. Однако узнаем непременно. Мы будем преследовать Арктора, пока он не упадет замертво, подумал Фред. Как бы ни было тошно все время лицезреть и слушать его и ему подобных. И как только я мог сидеть с ними столько времени?! Не жизнь, а бесконечная пустота, как сказал этот агент. Пустота и туман: все мутно — и в сознании, и вокруг. Везде. Что за люди?!

С сигаретой в руке он прошел в ванную, запер за собой дверь и достал из сигаретной пачки десять

таблеток смерти. Налил кружку воды и запил все десять. Маловато… Ладно, подумал он, после работы закинусь еще. Сколько там времени осталось? Фред посмотрел на часы и попытался прикинуть. Мысли в голове путались. Черт! Сколько же это будет? Что-то непонятное творится с его чувством времени. Все проклятые записи — их вредно слишком долго просматривать. Потом вообще невозможно понять, который час.

Я чувствую себя так, как будто закинулся кислоткой и вошел в автомойку. Сотни гигантских мыльных щеток бешено вращаются и тащат меня сквозь бесконечные туннели из черной пены. Не самый лучший способ зарабатывать деньги.

Фред отпер дверь, вышел из ванной и неохотно направился к своему рабочему месту.

— …сдается мне, — говорил Арктор, — что Бог просто умер.

— Я и не знал, что Он болел, — усмехнулся Лакмен.

— Мой «олдсмобиль», похоже, крепко стал на якорь. Я решил его продать.

— А сколько в нем? — спросил Баррис.

Фунтов десять, подсказал про себя Фред.

— Фунтов десять, — ответил Арктор.

На следующий день, в три часа, Фред, чувство-

вавший себя еще хуже, чем накануне, явился в кабинет, где его ждали два офицера-медика — другие, незнакомые.

— Сперва левым, а потом правым глазом вы увидите ряд хорошо известных предметов. Одновременно на панели перед вами будут высвечиваться очертания сразу нескольких предметов, также вам хорошо знакомых. С помощью указки вам необходимо выбрать то изображение, которое соответствует показываемому предмету. Учтите, объекты будут чередоваться очень быстро, так что долго не размышляйте. Счет ведется и по точности, и по времени. Ясно?

— Ясно, — ответил Фред, держа наготове указку.

Перед ним побежала череда знакомых предметов, и он торопливо начал тыкать указкой в освещенные контуры на панели, смотря сначала левым, а потом — правым глазом.

— Теперь мы закрываем ваш левый глаз и мельком показываем изображение знакомого предмета перед правым глазом. Левой рукой, повторяю, левой рукой вы должны выбрать из группы предметов только что увиденный.

— Ясно, — сказал Фред.

Ему показали картинку с игральной костью; ле-

вой рукой он шарил среди россыпи безделушек, пока не отыскал игральную кость.

— В следующем тесте вы должны не глядя нащупать левой рукой буквы и прочитать сложенное из них слово, а правой рукой написать это слово.

Он так и сделал. Получилось слово «ЖАР».

— Теперь с закрытыми глазами нащупайте левой рукой предмет и назовите. После этого вам будут показаны три предмета, похожих друг на друга, и вы должны будете сказать, который из трех больше похож на тот, что вы трогали.

— Хорошо, — сказал Фред и сделал все это, а затем еще многое другое. Так продолжалось около часа. Ощупай, скажи, посмотри одним глазом, выбери. Ощупай, скажи, посмотри другим глазом, выбери. Запиши, нарисуй.

— Ваши глаза закрыты, в руках по предмету. Определите на ощупь, идентичны ли предметы в вашей правой и левой руке.

Он сделал и это.

— Вам будет быстро показана последовательность треугольников. Вы должны сказать, один и тот же это треугольник или…

Еще через два часа его заставили вставлять детали сложной формы в сложные отверстия, засекая при этом время. Он чувствовал себя снова

в первом классе, причем двоечником. Даже хуже. Мисс Фринкель, подумал он, старая ведьма мисс Фринкель. Так же вот стояла и подбрасывала мне задачки…

Тесты следовали один за другим.

— Что неправильно в этой картинке? Один из предметов здесь лишний. Назовите…

Он назвал.

Ему показали набор предметов; он должен был протянуть руку и убрать лишний, затем убрать все лишние из разных наборов и сказать, что общего было между этими лишними предметами.

Тут время вышло. Ему велели выпить чашечку кофе и обождать в приемной.

Позже — казалось, через несколько часов, — в приемную вышел один из врачей.

— Нам нужно исследовать вашу кровь. — Он протянул листок бумаги. — Найдите внизу комнату с табличкой «Лаборатория патологии». Там у вас возьмут кровь на анализ. Затем снова возвращайтесь сюда и ждите.

— Ладно, — мрачно сказал Фред и поплелся по коридору, держа в руке листок. Следы наркотиков, вот что они ищут.

Вернувшись из лаборатории в комнату 203, он подошел к одному из врачей и спросил:

— Можно мне пока сходить к начальнику? А то он скоро уйдет.

— Пожалуй, — разрешил врач. — Раз уж мы решили сделать анализ крови, для окончательного заключения потребуется время. Идите, мы позвоним. Вы идете к Хэнку?

— Да, я буду наверху, у Хэнка.

— Сегодня настроение у вас хуже, чем в нашу первую встречу.

— Простите? — сказал Фред.

— В нашу встречу на той неделе. Вы все время шутили и смеялись. Хотя чувствовалось, что внутри напряжены.

Ошарашенно глядя на него, Фред узнал одного из тех двух врачей. Но промолчал. Лишь хмыкнул и направился к лифту. Эти проверки действуют на меня угнетающе, подумал он. Интересно, с кем из них я сейчас разговаривал? С усачом или… Должно быть, с другим, с безусым. У этого нет усов.

— Вручную нащупайте предмет левой рукой, — пробормотал Фред, — и в то же время посмотрите на него правой. А затем своими собственными словами скажите нам…

Большей околесицы он придумать не мог. Разве что с их помощью…

В кабинете Хэнка находился посетитель. Он был без костюма-болтуньи и сидел в дальнем углу лицом к Хэнку.

— К нам пришел информатор, который звонил насчет Боба Арктора, — представил Хэнк.

— Да, — выдавил Фред, остановившись как вкопанный.

— Он снова позвонил нам, вызвавшись дать дополнительные сведения, и мы предложили ему явиться лично. Вы его знаете?

— Еще бы, — сказал Фред, глядя на Барриса. Тот с уродливой ухмылкой на лице вертел в руках ножницы, явно чувствуя себя как дома. Вот мразь, с отвращением подумал Фред. — Джеймс Баррис, не так ли? Вы ранее привлекались?

— Согласно документам, перед нами Джеймс Р. Баррис, — кивнул Хэнк. — Так он себя и назвал. Судимостей у него нет.

— Чего он хочет? — спросил Фред и повернулся к Баррису: — Что вы хотите сообщить?

— Я располагаю информацией, — негромко произнес Баррис, — что мистер Арктор — член мощной секретной организации, не ограниченной в средствах, располагающей арсеналом оружия и пользующейся шифрами. Организация, по всей видимости, ставит целью свержение…

— Это уже домыслы, — перебил Хэнк. — Чем она занимается? Где доказательства? Говорите только о том, что знаете наверняка.

— Вы когда-нибудь находились на лечении в психиатрической клинике? — спросил Фред.

— Нет, — ответил Баррис.

— Дадите ли вы официальные показания под присягой? — продолжал Фред. — Вы согласны явиться в суд и…

— Он уже сказал, что согласен, — перебил Хэнк.

— Доказательства, которые я могу представить, — заявил Баррис, — представляют собой телефонные разговоры Роберта Арктора, которые я записал. Тайно записал, без его ведома.

— Что это за организация? — потребовал Фред.

— Я считаю… — начал Баррис, но Хэнк раздраженно взмахнул рукой. — Она политическая и действует против нашей страны. — Баррис вспотел от волнения и даже слегка дрожал, но сохранял довольный вид. — Извне… враги Соединенных Штатов.

— Какое отношение имеет Арктор к источнику препарата «С»? — спросил Фред.

Учащенно моргая, то и дело облизывая губы и гримасничая, Баррис сказал:

— Это все есть в моей… — Он запнулся. — Изучив мою информацию… то есть мои доказательства, вы, без сомнения, придете к выводу, что препарат «С» изготавливают в иностранном государстве, которое намерено расправиться с США, и что мистер Арктор глубоко замешан в подрывной…

— Можете ли вы назвать имена других членов организации? — спросил Хэнк. — Контакты Арктора?.. Предупреждаю, дача ложных показаний является преступлением, и в этом случае вы будете привлечены к ответственности.

— Ясно, — кивнул Баррис.

— Итак, сообщники Арктора?

— Некая мисс Донна Хоторн. Под всевозможными предлогами он регулярно входит с ней в сношения.

Фред рассмеялся:

— В сношения! Что вы имеете в виду?

— Я выследил его, — медленно отчеканил Баррис. — Наблюдал за ним из своей машины. Тайно.

— Он часто ее посещает? — спросил Хэнк.

— Да, сэр, очень часто. Не реже…

— Она его подружка, — перебил Фред.

— Мистер Арктор также… — продолжал Бар-

рис.

Хэнк повернулся к Фреду.

— Каково ваше мнение?

— Определенно следует взглянуть на доказательства.

— Приносите, — велел Хэнк Баррису, — все приносите. Прежде всего нам нужны имена. Имена, телефоны, номерные знаки автомашин. Имеет ли Арктор дело с большими партиями наркотиков? С коммерческими объемами?

— Безусловно, — подтвердил Баррис.

— Каких именно наркотиков?

— Разных. У меня есть образцы. Я предусмотрительно брал пробы — для анализа. Могу тоже принести, там много всего.

Хэнк и Фред переглянулись.

Баррис, устремив вперед отсутствующий взгляд, улыбался.

— Что вы желаете добавить? — обратился Хэнк к Баррису. Затем повернулся к Фреду: — Не послать ли с ним за доказательствами полицейского?

Хэнк боялся, как бы Баррис не струхнул и не смылся, оставив их с носом.

— Вот еще что, — сказал Баррис. — Мистер Арктор — неизлечимый наркоман и без препарата

«С» не в состоянии прожить и дня. Рассудок его помутился. Арктор опасен.

– *Опасен,* — повторил Фред.

— Да! — торжествующе объявил Баррис. — У него случаются провалы памяти, которые типичны для вызываемых препаратом «С» нарушений мозговой деятельности. Полагаю, не осуществляется оптическая инверсия в связи с ослаблением ипсилатерального компонента… А также, — Баррис откашлялся, — имеет место повреждение *corpus callosum.*

— Я просил… предостерегал вас от беспочвенных высказываний. Так или иначе, мы пошлем с вами полицейского. Согласны?

Баррис ухмыльнулся и кивнул:

— Но само собой…

— Он будет в штатском.

Баррис кашлянул.

— Меня могут убить. Мистер Арктор, как я говорил…

Хэнк кивнул.

— Мистер Баррис, мы ценим ваши усилия и осознаем риск, которому вы подвергаетесь. Если информация послужит доказательством на суде, тогда, разумеется…

— Я пришел не ради денег, — вставил Бар-

рис. — Этот человек болен. Его мозг поврежден препаратом «С». Я пришел, чтобы…

— Цель вашего прихода для нас не имеет значения, — оборвал Хэнк. — Нас интересует лишь ценность вашей информации. Остальное — ваше личное дело.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Баррис.

И расплылся в улыбке.

Глава 13

В комнате 203 два полицейских психиатра излагали безучастно слушавшему Фреду результаты обследования.

— В вашем случае мы наблюдаем не функциональное нарушение, а скорее «феномен соперничества». Садитесь.

— Соперничества между левым и правым полушариями вашего мозга, — подхватил второй врач. — Мы имеем дело не с одним сигналом — пусть искаженным или неполным, — а с двумя сигналами, несущими разноречивую информацию.

— Обычно человек использует левое полушарие, — объяснил первый. — Именно там расположено его «я», его самосознание. Это полушарие доминантно, потому что в нем находится речевой центр, в то время как все пространственные навыки сосредоточены справа. Левое полушарие можно сравнить с цифровым компьютером, а правое — с аналоговым. Таким образом, они не просто дублируют друг друга, а по-разному получают и обрабатывают поступающие данные. Но у вас не доминирует ни одно из полушарий, и

они не дополняют друг друга. Первое говорит вам одно, а второе — совсем другое.

— Словно на вашей машине, — продолжил второй, — стоят два датчика уровня топлива. Один показывает, что бак полон, а второй — что пуст. Такого быть не может, они противоречат друг другу. Однако в вашем случае дело не в том, что один из них исправен, а другой — нет, тут другое… Вы как водитель полагаетесь на показания датчика; в вашем случае — датчиков, которые измеряют одно и то же — то же самое количество топлива в том же самом баке. Если их показания начинают различаться, вы полностью теряете представление об истинном положении дел. Ваше состояние никак нельзя сравнить с наличием основного и вспомогательного датчиков, когда вспомогательный включается лишь при повреждении основного.

— Что же это значит? — спросил Фред.

— Уверен, что вы уже поняли, — сказал врач слева. — Вам, несомненно, приходилось испытывать это, не сознавая причин.

— Полушария моего мозга соперничают?

— Именно.

— Почему?

— Препарат «С»… Он часто приводит к по-

добным последствиям. Мы этого и ожидали, и наши предположения подтверждаются тестами. Повреждено левое полушарие, которое обычно доминирует, и правое пытается исправить положение, выполняя роль левого. Но такое положение ненормально: организм не приспособлен к подобному дублированию функций. Мы называем это перекрестными сигналами. Помочь тут можно, лишь разделив полушария…

— Когда я перестану принимать препарат «С», все прекратится?

— Возможно, — кивнул врач. — Нарушение функциональное.

— Впрочем, оно может иметь органический характер, — заметил другой, — и тогда необратимо. Время покажет. Когда вы перестанете принимать препарат «С». Полностью перестанете.

— Что? — переспросил Фред. Он не понял — да или нет? Что они имеют в виду? Навсегда это или временно?

— Даже если повреждены ткани мозга, отчаиваться не стоит, — сказал один врач. — Сейчас ведутся эксперименты по удалению небольших областей из обоих полушарий. Ученые полагают, что таким образом удастся избежать «конкуренции» и достичь доминирования нужного

полушария.

— Однако существует опасность, что тогда субъект до конца жизни будет воспринимать лишь часть входной информации, — сказал второй врач. — Вместо двух сигналов — полсигнала. Что, как мне представляется, ничуть не лучше.

— Да, но частичное функционирование предпочтительнее нулевого, а два соперничающих сигнала в конечном счете аннулируют друг друга.

— Видите ли, Фред, вы перестали…

— Я никогда больше не закинусь препаратом «С», — сказал Фред. — Никогда в жизни.

— Сколько вы принимаете сейчас?

— Немного. — Он подумал и признался: — В последнее время больше. Из-за стрессов на работе.

— Вас необходимо снять с задания, — решил врач. — Вы больны, Фред. И никто не может сказать — по крайней мере, пока, — к чему это приведет. Может быть, вы поправитесь. Может быть, нет.

— Но если оба мои полушария доминантны и мыслят одинаково, — хрипло проговорил Фред, — почему их нельзя как-то синхронизировать? Как, например, стереозвук?

Последовало молчание.

— Ведь если, — продолжал он, — левая и правая рука дотрагиваются до одного и того же предмета, то…

— Тут возникает проблема «левого» и «правого» — в том смысле, в котором мы говорим, что в зеркале они меняются местами. — Психиатр наклонился к Фреду, который молча глядел в пол. — Как вы объясните, что такое, скажем, левая перчатка, человеку, который ничего об этом не знает? Как он поймет, которую перчатку вы имеете в виду?

— Левая перчатка… — начал Фред и умолк.

— Представьте, что одно полушарие вашего мозга воспринимает окружающий мир как бы отраженным в зеркале. Понимаете? Левое становится правым и так далее. Мы пока еще не знаем, что значит видеть мир вот так, наоборот. С точки зрения топологии левая перчатка — это правая, протянутая через бесконечность.

— В зеркале… — пробормотал Фред. Помутившееся зеркало. Помутившаяся камера.

Апостол Павел тоже говорил об отражении в зеркале, хотя и не стеклянном — таких тогда еще не было, — а в полированном металлическом.

Это вычитал Лакмен в своих книжках по теологии. Не то, что видишь через систему линз, как в

телескопе, когда картинка не переворачивается, и не сквозь стекло, а отраженное, перевернутое изображение — «протянутое через бесконечность», как они выражаются. Твое лицо, но в то же время — не твое. Камер в те времена никаких не было, так что человек мог видеть себя только так — шиворот-навыворот.

Я вижу себя шиворот-навыворот. В некотором смысле я всю Вселенную вижу шиворот-навыворот. Другой стороной мозга!

— Топология, — говорил один врач, — вообще малоизученный раздел математики. Взять хотя бы черные дыры…

— Фред воспринимает мир наизнанку, — в то же время говорил другой врач. — Одновременно и спереди, и сзади. Нам трудно вообразить, каким он ему видится. Топология — это область математики, исследующая те свойства геометрических или иных конфигураций, которые остаются неизменными, если объект подвергается непрерывному однозначному преобразованию. В применении к психологии…

— …кто знает, что там происходит с предметами? Если показать дикарю его фотографию, он не узнает себя, даже если много раз видел свое отражение в воде или в металлическом зерка-

ле, — именно потому, что в отражении правая и левая стороны меняются местами, а на фотографии — нет.

— Он привык к «перевернутому» изображению и думает, что так и выглядит.

— Часто человек, слыша свой голос, записанный на пленку…

— …совсем другое — тут дело во внутричерепных резонансах…

— А может, это вы, сукины дети, видите Вселенную шиворот-навыворот, как в зеркале, — сказал Фред. — Может, как раз я и вижу ее правильно.

— Вы видите ее *и так и эдак.*

— И какой способ…

— Говорят, что мы видим не саму действительность, а лишь ее «отражение», которое неверно, поскольку «перевернуто». Любопытно… — Врач задумался. — Нелишне вспомнить физический принцип четности: по какой-то причине мы принимаем за Вселенную ее отражение… Не исключено, что как раз вследствие неравенства полушарий…

— Фотография может в какой-то мере компенсировать — это не сам объект, зато изображение на ней не «перевернуто». Вернее, «перевернуто» два раза.

— Но фотоснимок тоже может быть напечатан «задом наперед», если случайно перевернуть негатив. Обычно видно, который из двух снимков правильный, особенно если там есть надпись. Однако, допустим, у вас две фотографии одного и того же человека: «перевернутая» и «нормальная». Не зная этого человека, невозможно сказать, которая из них правильная, хотя разницу между ними увидит любой.

— Теперь, Фред, вы видите, насколько сложно сформулировать разницу между левой перчаткой и…

– И тогда сбудется сказанное в Писании, — прозвучал голос в ушах Фреда. Похоже, больше никто его не слышал. — *Смерть будет повержена, и придет освобождение. Ибо когда написанные слова обратятся другой стороной, вы будете знать, что есть иллюзия, а что — нет. И смятение окончится, и субстанция Смерти, последний враг, будет поглощена не телом, но победившим духом. Имеющий ухо да услышит: Смерть потеряет свою власть над вами.*

Вот и ответ на вечный вопрос, подумал он. Великая священная тайна раскрыта: мы не умрем!

Отражения исчезнут. И все произойдет в один миг.

Мы все преобразимся, то есть станем нормальными, а не «перевернутыми» — вот что имеется в виду. Сразу, в мгновение ока!

Потому что, думал он, угрюмо наблюдая за полицейскими психиатрами, которые писали и подписывали свое заключение, сейчас мы все, черт побери, вывернуты наизнанку — все до одного, и все вещи тоже, и даже само время!.. Но когда же наконец тот фотограф, который случайно перевернул негатив, обнаружит это и исправит свою ошибку? И сколько времени это у него займет?

Должно быть, долю секунды…

Теперь я понимаю, что означает то место в Библии: «сквозь тусклое стекло».[148] Мутное зеркало. Понимаю, однако сам себе ничем помочь не могу — мое сознание так же замутнено, как и раньше.

Может быть, думал он, поскольку я вижу и так и эдак — и правильно, и «перевернуто», — я первый за всю человеческую историю способен представить себе, как все должно стать на самом деле. Хотя я вижу и по-другому, то есть по-обычному… А что есть что? Что перевернуто, а что нет?

---

[148] Примечания: 148

Первое послание св. апостола Павла к коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:12).

Когда я вижу фотографию, а когда отражение?

Интересно, назначат ли мне пособие? Или пенсию — пока я буду сходить с препарата «С»? — гадал он, уже чувствуя наползающий ужас и холод во всем теле. Wie kalt ist es in diesem unterirdischen Gewölbe! Das ist natürlich, es ist ja tief.[149] Надо совершенно отказаться от этого дерьма. Видел я людей на воздержании… Боже, как мне пройти через это? Как выдержать?

— …смахивает на метафизику, — увлеченно говорил врач, — хотя математики утверждают, что мы находимся на пороге возникновения новой космологии…

— …бесконечность времени, которая выражена в виде вечности, в виде петли! — восторженно вторил другой. — Как замкнутая петля магнитной ленты!

* * *

До возвращения в кабинет Хэнка, где им предстояло заниматься вещественными доказательствами, собранными Баррисом, оставался еще

---

[149] Примечания: 149

Как холодно в подземном этом склепе! Неудивительно, ведь здесь так глубоко. *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

час, и Фред пошел в кафетерий, проталкиваясь сквозь толпу полицейских мундиров, костюмов-болтуний и штатских пиджаков.

Когда он вернется, заключение психиатров наверняка уже будет у Хэнка…

У меня есть время подумать, размышлял Фред, становясь в очередь. Время… Предположим, время круглое, как Земля. Чтобы достичь Индии, плывешь на запад. Над тобой смеются, но в конце концов Индия оказывается впереди, а не сзади. Что же касается времени… Может, распятие Христа где-то там, впереди, а мы плывем и думаем, что оставили его далеко на востоке.

Впереди в очереди — секретарша. Голубой свитер в обтяжку, высокая грудь, юбочка чисто символическая. Разглядывать ее было приятно. Наконец девушка заметила его пристальные взгляды и отодвинулась вместе со своим подносом.

Первое и второе пришествие Христа — это одно и то же событие, подумал он. Время — как петля магнитной ленты… Понятно, почему все так уверены, что Он еще вернется.

Секретарша повернулась спиной. Вдруг Фред осознал, что в отличие от нее он неузнаваем в костюме-болтунье. Скорее всего, девушка про-

сто почувствовала его внимание. Видно, у нее большой опыт — да и немудрено, с такими-то ножками…

Он вообще мог бы дать ей по голове и изнасиловать, и никто в жизни не догадался бы, чья это работа. Как она его опишет? Да в этом костюме можно вытворять что угодно. Не обязательно совершать преступления, а просто — делать то, на что иначе никогда не решился бы.

— Послушайте, мисс, — обратился он к девушке в голубом свитере, — у вас просто классные ножки. Впрочем, вы это прекрасно сознаете, иначе не стали бы носить такую микроскопическую юбочку.

— О! — воскликнула она. — А я знаю, кто вы!

— Правда? — удивился он.

— Пит Уикем.

— Как?

— Разве вы не Пит Уикем? Вы всегда сидите напротив, правда?

— Значит, я тот парень, что всегда сидит напротив и разглядывает ваши ножки, замышляя сами знаете что?

Девушка кивнула.

— Так у меня есть шанс? — спросил он.

— Посмотрим…

— Может, сходим как-нибудь поужинаем?

— Я не против.

— Тогда дайте телефончик.

— Лучше вы дайте свой.

— Я дам, — сказал он, — только сейчас давайте сядем за один столик.

— Нет, меня уже ждет подруга — вон там.

— Я мог бы сесть рядом с вами обеими.

— Нам надо кое-что обсудить вдвоем.

— Ну тогда ладно.

— До встречи, Пит. — Девушка в голубом свитере взяла поднос, нагруженный тарелками, и отошла.

Фред взял кофе с бутербродом и нашел свободный столик. И сидел, роняя крошки в кофе, безучастно глядя в поднимающийся пар.

Черт побери, меня наверняка снимут с задания. И поместят куда-нибудь в «Синанон» или «Новый путь». Я буду выть от воздержания, а кто-нибудь другой поведет наблюдение за Арктором. Какой-нибудь осел, который ни черта в Аркторе не смыслит. Им придется начинать с нуля.

По крайней мере, могли бы позволить мне разобраться с доказательствами Барриса. Разобраться и принять решение.

… если бы она от меня забеременела, ребенок

родился бы без лица — одно расплывчатое пятно…

Конечно, отзовут. Но почему обязательно сразу? Я мог бы обработать информацию Барриса… да хотя бы посидеть там и посмотреть, что он принесет. Удовлетворить собственное любопытство. Кто такой Арктор? Что он затевает? Они обязаны позволить мне хотя бы это!

Фред сидел так еще долго, ссутулившись над столом, пока наконец не заметил, что девица в голубом свитере и ее подружка встали и собираются уходить. Вторая девушка, не столь хорошенькая, брюнетка с короткой стрижкой, некоторое время колебалась, а затем подошла к нему.

— Пит?

Он поднял голову.

— Я на два слова, Пит, — проговорила она сбивчиво. — Я… э-э… Элен сама хотела сказать, но постеснялась. Знаешь, Пит, она давно уже стала бы встречаться с тобой, месяц назад или даже еще в марте, если бы…

— Если бы что?

— Ну, в общем… короче, тебе бы стоило освежить дыхание.

— Буду знать, — буркнул Фред.

— Вот и все, — сказала она с облегчением, — по-

ка! — И, улыбаясь, упорхнула.

Бедняга Пит! Интересно, она всерьез? Или это просто коварный сокрушающий удар, который две чертовки решили нанести, увидев Пита — то есть меня — одного? Удар ниже пояса. Да пошли они все, подумал он, бросив скомканную салфетку и поднимаясь на ноги. Интересно, а у апостола Павла пахло изо рта? Фред медленно плелся по коридору, засунув руки в карманы. Наверное, поэтому он и просидел в тюрьме весь остаток жизни. За это его и посадили…

Удачно она выбрала момент. Мало мне сегодняшнего тестирования вперемежку с пророчествами, так теперь еще и это. Проклятье!

Он шел, едва переставляя ноги и чувствуя себя все хуже и хуже. Мысли путались, голова гудела. Освежить дыхание… Попробовать микрин? Пожалуй.

Интересно, есть ли здесь аптека? Стоит купить и попробовать прямо сейчас, прежде чем подниматься к Хэнку. Может, это придаст мне уверенности. Улучшит мои шансы… Что угодно, лишь бы помогло. Годится любой совет. Любой намек… Черт подери, *что же мне делать?!*

Если сейчас меня снимут, я никогда их больше не увижу, не увижу никого из своих друзей, тех,

кого знал и за кем наблюдал. Ни Арктора, ни Лакмена, ни Джерри Фабина, ни Чарлза Фрека, ни, главное, Донну. Я никогда-никогда, до конца вечности, не увижу своих друзей. Все кончено.

Донна… Он вспомнил немецкую песню, которую в давние времена пел его двоюродный дед: «Ich seh', wie em Engel im rosigen Duft / Sich trostend zur Seite mir stellet», что, по его словам, означало «Я вижу, как она в образе ангела стоит рядом со мной и утешает» — речь шла о женщине, которую он любил и которая спасла его. Дед, давно умерший, родился в Германии и часто пел или читал вслух по-немецки.

> *Gott! Welch Dunkel hier! O grauen volle Stille!*
>
> *Öd' ist es um mich her. Nichts lebet ausser mir…*[150]

Даже если мой мозг не выгорел окончательно, ко времени, когда я вернусь на службу, ими будет заниматься кто-нибудь другой. Или они умрут, или сядут, или попадут в федеральные клиники, или просто разбредутся куда глаза глядят. С раз-

---

[150] Примечания: 150

(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)

битыми планами, с рухнувшими надеждами… Выгоревшие и уничтоженные. Не соображающие, что же такое с ними происходит.

Так или иначе, для меня все кончено. Сам того не ведая, я с ними уже простился.

Мне остается лишь открутить ленту назад — чтобы вспомнить.

— Надо пойти в центр наблюдения… — Он пугливо оглянулся и замолчал.

Надо пойти в центр наблюдения и все оттуда унести, снова начал он, уже про себя. Пока не поздно. Ленты могут стереть, меня лишат доступа. К черту контору, пусть забирают себе остаток жалованья! По любым этическим нормам это *мои* записи: это все, что у меня осталось.

Но чтобы воспользоваться записями, понадобится проекционная аппаратура. Нужно разобрать ее и выносить по частям. Камеры и записывающие агрегаты мне ни к чему — только воспроизводящая часть, и прежде всего проекторы. Значит, справлюсь. Ключ от квартиры у меня есть. Его потребуют вернуть, но я прямо сейчас могу сделать дубликат. Замок стандартный. Справлюсь!

Им овладели злость и мрачная решимость. И одновременно радость — все будет хорошо.

С другой стороны, подумал Фред, если забрать камеры и записывающую аппаратуру, я смогу продолжать наблюдение. Самостоятельно. А наблюдение продолжать необходимо. По крайней мере пока. Но ведь все в этом мире временно… Причем необходимо, чтобы наблюдателем был именно я. Даже если сделать что-либо не в моих силах; даже если я буду просто сидеть и просто наблюдать. Крайне важно, чтобы я как свидетель всех событий находился на своем посту.

Не ради них. Ради меня самого.

Впрочем, ради них тоже. На случай какого-нибудь происшествия, как с Лакменом. Если кто-то будет наблюдать — если я буду наблюдать, — я замечу и вызову помощь. Без промедления. Ту, которую надо.

Иначе они умрут, и никто не узнает. А если узнает, то тут же забудет.

Маленькие никудышные жизни, жалкое прозябание…

Кто-нибудь обязательно должен вмешаться. По крайней мере кто-нибудь обязательно должен помечать их маленькие грустные кончины. Помечать и регистрировать — для памяти. До лучших времен, когда люди поймут.

* * *

Он сидел в кабинете вместе с Хэнком, полицейским в форме и вспотевшим, но ухмыляющимся информатором Джимом Баррисом; слушали одну из доставленных Баррисом кассет; рядом крутилась другая кассета — копия для архива.

«– А, привет. Послушай, я не могу говорить.

— Когда?

— Я перезвоню.

— Дело не терпит отлагательства.

— Ну ладно, выкладывай.

— Мы собираемся…»

Хэнк подался вперед и жестом велел Баррису остановить ленту.

— Вы можете сказать, чьи это голоса, мистер Баррис?

— Да! — страстно заявил Баррис. — Женский голос — Донна Хоторн, мужской — Боб Арктор.

— Хорошо. — Хэнк кивнул и посмотрел на Фреда. На столе перед Хэнком лежал отчет о состоянии здоровья Фреда. — Включите воспроизведение.

«– …половину Южной Калифорнии сегодня ночью, — продолжал мужской голос. — Арсенал базы военно-воздушных сил в Ванденберге будет

атакован с целью захвата автоматического и полуавтоматического оружия…»

Баррис беспрестанно ухмылялся, поглядывая на всех по очереди. Его пальцы перебирали скрепки, валявшиеся на столе, сгибая их и разгибая, — казалось, он в поте лица плетет какую-то странную сеть из металлической проволоки.

Заговорила женщина:

«– Не пора ли пустить в систему водоснабжения нервно-паралитические яды, которые добыли для нас байкеры? Когда же мы наконец…

— В первую очередь организации нужно оружие, — перебил мужчина. — Приступаем к стадии Б.

— Ясно. Но сейчас мне надо идти — у меня клиент».

Клик. Клик.

— Я знаю, о какой банде байкеров идет речь. О ней упоминается на другой…

— У вас есть еще подобные материалы? — спросил Хэнк. — Или это практически все?

— Еще очень много.

— Все в том же духе?

— Да, они относятся к той же нелегальной организации и ее преступным замыслам.

— Кто эти люди? — спросил Хэнк. — Что за

организация?

— Международная…

— Их имена. Вы опять ушли в область догадок.

— Роберт Арктор, Донна Хоторн, это главари. В моих шифрованных записях… — Баррис извлек потрепанный блокнот, в спешке чуть не уронив его, и лихорадочно зашелестел страницами.

— Мистер Баррис, я конфискую все представленные материалы. Они временно переходят в нашу собственность. Мы сами все изучим.

— Но мой почерк и шифр, который я…

— Вы будете под рукой, когда нам понадобятся разъяснения.

Хэнк жестом велел полицейскому выключить магнитофон. Баррис потянулся к клавишам, и полицейский отпихнул его назад. Баррис, с застывшей на лице улыбкой, пораженно заморгал.

— Мистер Баррис, — торжественно сказал Хэнк, — вас не выпустят, пока мы не кончим изучение материалов. В качестве предлога мы обвиним вас в даче заведомо ложных показаний. Это делается лишь в целях вашей собственной безопасности, тем не менее обвинение будет предъявлено по всем правилам. Дело передадут прокурору, но пока заморозят. Это вас устраивает?

Он не стал ждать ответа и дал знак полицейскому.

Не переставая ухмыляться, Баррис позволил себя увести. В комнате остались Хэнк и Фред, сидевшие друг против друга за столом. Хэнк молча дочитал рапорт с медицинским заключением, снял трубку внутреннего телефона и набрал номер.

— У меня тут кое-какие новые материалы. Я хочу, чтобы вы посмотрели их и установили, сколько здесь фальшивок… Килограммов пять. Влезут в одну картонную коробку третьего размера. Спасибо.

— Лаборатория криптографии и электроники, — пояснил он Фреду.

Пришли два вооруженных техника в форме с огромным стальным контейнером.

— Нашли только это, — виновато произнес один из них.

Они принялись аккуратно загружать контейнер предметами со стола.

— Кто там внизу?

— Харли.

— Попросите Харли заняться этим немедленно. Результаты мне нужны сегодня.

Техники заперли стальной контейнер и выво-

локли его из кабинета.

Хэнк бросил медицинский отчет на стол и откинулся на спинку стула.

— Ну, что вы скажете о доказательствах Барриса?

— Это заключение о состоянии моего здоровья? — спросил Фред. Он потянулся было за отчетом, но передумал. — Та малость, которую мы прослушали, кажется подлинной.

— Фальшивка, — отрезал Хэнк.

— Возможно, вы правы, — сказал Фред, — хотя сомневаюсь.

— Ладно, подождем результатов.

— Что врачи…

— Они считают, что вы свихнулись.

Фред пожал плечами, стараясь, чтобы это выглядело понатуральнее.

— Совершенно?

Wie kalt ist es in diesem unterirdischen Gewölbe![151]

— Две-три клетки в мозгу, возможно, еще функционируют. Но не больше. Остальные закоротились.

---

[151] Примечания: 151

Как холодно в подземном этом склепе! *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

Das ist natürlich, es ist ja tief.[152]

— Вы говорите «две-три»? Из какого количества? — поинтересовался Фред.

— Не знаю. Насколько мне известно, в мозгу несметная уйма клеток. Миллиарды.

— А возможных соединений между ними, — заметил Фред, — больше, чем звезд во Вселенной.

— Если так, то вы показываете не лучший результат. Две-три клетки из… шестидесяти пяти триллионов?

— Скорее из шестидесяти пяти триллионов триллионов.

— Результат даже хуже, чем показала «Филадельфия Атлетикс» в прошлом сезоне.

— А если я скажу, что пострадал при исполнении?

— Что ж, по крайней мере сможете сколько хотите бесплатно читать «Сатердей ивнинг пост» и «Космополитен», сидя в приемных у врача.

— Где?

— А где бы вы хотели?

— Я подумаю, — нахмурился Фред.

— На вашем месте, — сказал Хэнк, — я бы на-

---

[152] Примечания: 152

Неудивительно, ведь здесь так глубоко. *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

плевал на все федеральные клиники, взял ящик хорошего коньяка, отправился в горы Сан-Бернардино и жил бы там один-одинешенек, пока все не кончится, возле какого-нибудь озера.

— Но это может никогда не кончиться.

— Тогда не возвращайтесь вовсе. Вы знаете кого-нибудь, у кого есть домик в горах?

— Нет.

— Вы в состоянии вести машину?

— Моя… — Фред неуверенно замолчал. На него внезапно навалилась вялость, расслабляющая сонливость. Происходящее словно совершалось за колышущейся пеленой; исказилось даже чувство времени. — Машина… — Он зевнул.

— Вы не помните.

— Я помню, что она неисправна.

— Вас кто-нибудь должен отвезти. Так будет безопаснее.

Отвезти меня куда? — удивился Фред. В горы? По дорогам, просекам, тропинам? Как кота на поводке, который мечтает попасть либо домой, либо на свободу? *Ein Engel, der Gattin, so gleich, der*

führt mich zur Freiheit ins himmlische Reich.[153]

— Конечно, — сказал он, испытывая облегчение. Рваться с поводка, стремясь к свободе… — Что вы теперь думаете обо мне… теперь, когда я выгорел, по крайней мере на время, возможно навсегда?

— Что вы — очень хороший человек.

— Спасибо, — пробормотал Фред.

— Возьмите с собой пистолет.

— Что?

— Когда поедете в горы Сан-Бернардино с ящиком коньяка, возьмите с собой пистолет.

— На случай, если ничего не получится?

— На любой случай, — сказал Хэнк. — При том количестве наркотиков, что, по их словам, вы принимаете… Возьмите пистолет и держите при себе.

— Хорошо.

— Когда вернетесь, позвоните. Дайте мне знать.

— Черт побери, у меня не будет костюма-болтуньи.

---

[153] Примечания: 153

Ангел, супруга ведет меня на свободу в Небесное царство. *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

— Все равно позвоните.

— Хорошо, — повторил Фред.

Очевидно, это уже не имеет значения. Очевидно, все кончено.

— Когда будете получать деньги, увидите, что сумма другая, причем отличие весьма существенно.

— Я получу вознаграждение за то, что со мной случилось? — спросил Фред.

— Наоборот. Сотрудник полиции, добровольно ставший принимать наркотики и не сообщивший об этом, подвергается штрафу в три тысячи долларов и/или шестимесячному тюремному заключению. Думаю, в вашем случае дело ограничится штрафом.

— Добровольно? — изумленно переспросил Фред.

— Вам не приставляли к голове револьвер, не подсыпали ничего в суп. Вы принимали разрушающие психику наркотики в здравом уме и твердой памяти.

— У меня не было выхода!

— Вы могли только делать вид, — отрезал Хэнк. — Большинству агентов это удается. А судя по количеству, которое вы принимаете…

— Вы говорите со мной как с преступником. Я

не преступник.

Достав блокнот и ручку, Хэнк принялся подсчитывать.

— По какой ставке вам платят? Я могу рассчитать…

— А нельзя заплатить штраф потом? Скажем, в рассрочку, помесячно, в течение двух лет?

— Бросьте, Фред.

— Ладно.

— Так сколько вам платят в час?

Он не помнил.

— Ну хорошо, сколько у вас официальных рабочих часов?

Тем более.

Хэнк бросил блокнот на стол.

— Хотите сигарету? — Он предложил свою пачку.

— Я с курением завязываю, — пробормотал Фред. — С курением, с наркотиками… Со всем… Включая арахис и…

Мысли путались. Оба сидели молча, одинаковые в костюмах-болтуньях.

— Я не раз говорил своим детям… — начал Хэнк.

— У меня двое детей, — перебил Фред. — Две девочки.

— Не верю. У вас не должно быть детей.

— Пожалуй… — Он попытался прикинуть, когда начнется ломка и сколько еще таблеток препарата «С», припрятанных в разных местах, у него осталось. И сколько денег за них можно выручить.

— Хотите я все-таки подсчитаю, сколько вы получите при расчете? — спросил Хэнк.

— Да! — горячо воскликнул Фред. — Пожалуйста!

Он подался вперед и напряженно застыл, барабаня пальцами по столу, как Баррис.

— Сколько вы получаете в час? — снова спросил Хэнк и, не дождавшись ответа, потянулся к телефону. — Я позвоню в бухгалтерию.

Фред молчал, опустив голову и прикрыв глаза. Может быть, Донна мне поможет? Донна, пожалуйста, помоги мне!

— По-моему, до гор вы не дотянете, — сказал Хэнк. — Даже если кто-нибудь вас отвезет.

— Пожалуй.

— Куда вы хотите?

— Посижу подумаю…

— В федеральную клинику?

— Нет!

Наступило молчание.

Интересно, что значит: «не должно быть» детей?

— Может, к Донне Хоторн? — предложил Хэнк. — Насколько я смог понять из ваших донесений и вообще, вы близки.

— Да. Близки… — Фред кивнул и тут же резко поднял голову. — Как вы узнали?

— Методом исключения. Известно, кем вы *не* являетесь, а круг подозреваемых в группе весьма ограничен. Прямо скажем, группа совсем маленькая. Планировалось выйти через них на кого-нибудь уровнем выше; тут ключевая фигура Баррис. Мы с вами немало часов провели за разговорами, и я давным-давно сообразил: вы Арктор.

— Я… кто? — недоверчиво спросил Фред, вытаращив глаза на костюм по имени Хэнк. — *Боб Арктор?!*

Нет, это невероятно. Сущая бессмыслица. Не лезет ни в какие ворота. Просто чудовищно!

— Впрочем, не важно, — продолжал Хэнк. — Какой телефон у Донны?

— Она, наверное, на работе. — Его голос срывался. — Парфюмерный магазин. Номер телефона… — Он никак не мог справиться со своим голосом. Какой же у нее номер? Черта с два, я не Боб Арктор. Но тогда кто? Может быть, я…

— Дайте мне рабочий телефон Донны Хоторн, — велел Хэнк в трубку. — Я соединю вас с ней. Нет, пожалуй, позвоню ей сам и попрошу заехать за вами… куда? Мы вас отвезем: сюда ей нельзя. Где вы обычно встречаетесь?

— Отвезите меня к ней домой, — попросил Фред. — Я знаю, как попасть в квартиру.

— Я скажу ей, что вы там и решили завязать. Просто скажу, что я знакомый и вы попросили позвонить.

— Да-да… я понимаю, — сказал Фред. — Спасибо, друг.

Хэнк кивнул и начал набирать номер. Цифры набирались чудовищно медленно, целую вечность. Фред закрыл глаза, прислушиваясь к своему дыханию.

Все, конец! Спекся, выгорел, накрылся. Накрылся медным тазом.

Ему хотелось рассмеяться.

— Отвезем вас… — начал Хэнк, потом отвернулся и заговорил в трубку: — Эй, Донна, это дружок Боба, сечешь? Он совсем расклеился. Полный облом. Нет, точно, без балды. Слушай, у него…

Донна, поторопись! И захвати с собой что-нибудь — мне плохо, совсем плохо… Он подался вперед, хотел коснуться Хэнка, но не сумел — ру-

ка бессильно упала.

— Я в долгу не останусь. Если что, положись на меня, — пообещал он Хэнку, когда тот закончил разговор.

— Посидите, пока я вызову машину… Гараж? Мне нужна машина и водитель в штатском… Что там у вас сейчас есть?

Они прикрыли глаза и стали ждать. Два расплывчатых пятна…

— Лучше бы вам в больницу, — обеспокоенно произнес Хэнк. — Я вижу, дела совсем плохи. Может, вас отравил Баррис? На самом деле мы интересовались Джимом Баррисом, а не вами. И аппаратуру установили ради него. Мы надеялись заманить его сюда… и добились этого. — Хэнк помолчал. — Вот почему я практически уверен, что все его записи и прочие доказательства — фальшивка. Но сам Баррис замешан в чем-то по-крупному. Завяз по уши, причем это связано с оружием.

— А зачем тогда я? — неожиданно громко спросил Фред.

— Нам надо было спровоцировать Барриса…

— Вот ублюдки…

— Мы сделали так, что Баррис стал подозревать в вас тайного агента полиции, готового аресто-

вать его или выйти выше. Поэтому он…

Зазвонил телефон.

— Машина сейчас придет, — сказал Хэнк. — Подождите пока, Боб. Боб, Фред — как угодно. Не расстраивайтесь, мы все-таки взяли этого… ну, как вы выразились в наш адрес. Вы же понимаете, что игра стоила свеч, правда? Заманить его в ловушку… правда?

— Правда.

Это был уже не голос, а механический скрежет.

Два человека молча сидели в комнате.

* * *

По дороге в «Новый путь» Донна съехала с шоссе на обочину. Отсюда, с высоты, были хорошо видны городские огни. У Арктора уже начались боли, и времени оставалось совсем немного. Ей хотелось побыть с ним еще. Нельзя было так долго откладывать… По его щекам струились слезы, приступы тошноты становились все чаще.

— Посидим немного, — сказала она, ведя его за руку через заросшую песчаную пустошь, среди мусора и пустых банок. — Я…

— Твоя трубочка… ты ее взяла? — с трудом выговорил он.

— Да, — ответила Донна.

Надо отойти от шоссе достаточно далеко, чтобы не заметила полиция. Или чтобы можно было успеть выкинуть трубку, если к ним подберутся. Коп, как всегда, остановит машину поодаль, на шоссе, с выключенными фарами, и пойдет дальше пешком. Так что времени хватит.

На это хватит, подумала она. На то, чтобы уйти от лап закона. А вот у Боба Арктора времени больше нет. Его время — по крайней мере, выраженное человеческими мерками — вышло. Теперь он вступил в иной род времени. Таким временем располагает крыса: чтобы бессмысленно бегать взад-вперед. Ни о чем не думая: взад-вперед, взад-вперед… Он, по крайней мере, видит огни вокруг. Хотя ему, наверное, уже все равно.

Вот подходящее местечко, со стороны незаметно. Донна достала трубку и завернутый в фольгу кусочек гашиша. Арктор сидел, зажав руками сведенный судорогой живот. Его рвало, штаны пропитались мочой. Удержаться он не мог; скорее всего, он ничего и не замечал. Просто скорчился с искаженным лицом, дрожа от боли, и мучительно стонал, выл безумную песнь без слов.

Донна вспомнила одного знакомого, который видел Бога. Тот тоже себя так вел — стонал и

плакал, разве что не гадил. Бог предстал перед ним в одном из кислотных глюков. Этот парень экспериментировал с растворимыми в воде витаминами — принимал их в огромных дозах. По идее, ортомолекулярный состав должен был подстегивать и синхронизировать нервные возбуждения в мозгу. Однако вместо того, чтобы лучше соображать, парень увидел Бога. Это явилось для него колоссальным сюрпризом.

— Ты не знаешь, случаем, Тони Амстердама? — спросила Донна. Боб Арктор лишь замычал.

Донна затянулась из гашишной трубки, посмотрела на лежащие внизу огни, прислушалась.

— После того как он увидел Бога, примерно год ему было очень хорошо. А потом стало очень плохо. Хуже, чем когда-либо. Потому что в один прекрасный день он понял, что ему суждено прожить всю оставшуюся жизнь — и не увидеть ничего необычного. Только то, что видим все мы. Ему было бы гораздо легче, если бы он вовсе не видел Бога. Он мне сказал, что как-то раз буквально рассвирепел: ломал все подряд, разбил даже свою стереосистему. Он понял, что ему придется жить и жить, ничего вокруг себя не видя. Без цели. Просто кусок мяса — жрущий, пьющий, храпящий и вкалывающий.

— Как мы все… — выдавил Боб Арктор. Слова давались с трудом, вызывая позыв рвоты.

— Так я ему и заявила: «Мы все в одной лодке, и остальные от этого не бесятся». А он ответил: «Ты не знаешь, что я видел. Ты не знаешь».

Арктора скрутил спазм, и он с трудом выдохнул:

— Он не сказал… как это было?

— Искры. Фонтаны разноцветных искр, словно у тебя свихнулся телик. Искры на стене, искры в воздухе. Весь мир — как живое существо, куда ни посмотри. И никаких случайностей; все происходило осмысленно, будто стремясь к чему-то, к некой цели в будущем. А потом он увидел дверь. Примерно с неделю он видел дверь повсюду у себя дома, на улице, в магазине… Она была всегда одинакового размера, очень узкая и такая… приятная; Тони так и сказал — приятная. Обрисованная алыми и золотистыми лучами, будто искры выстроились в ряд. И потом ни разу в жизни он ничего такого не видел, и именно это в конечном счете его и доконало.

— А по ту сторону… что? — немного помолчав, спросил Арктор.

— Другой мир — его было видно.

— И что… он так туда и не зашел?

— Потому и переломал все у себя в квартире. Ему и в голову не пришло войти. Он просто восхищался дверью. Потом было уже поздно. Через несколько дней дверь закрылась и исчезла навсегда. Снова и снова он принимал лошадиные дозы ЛСД, глотал бешеное количество растворимых витаминов, но больше никогда ее не видел — так и не нашел нужную комбинацию.

— Что было по ту сторону? — повторил Арктор.

— Там всегда стояла ночь.

— Ночь!

— Всегда одно и то же: лунный свет и вода. Безмолвие и покой. Вода, черная, как чернила, и берег, песчаный берег острова. Он был уверен, что это Греция. Древняя Греция. Ему казалось, что дверь — это проем во времени и перед ним прошлое… Потом, после всего, он вечно выходил из себя, когда ехал по шоссе, — не мог вынести всего этого движения, шума и грохота. И все гадал, зачем ему показали другой мир. Тони и в самом деле верил, что видел дверь, хотя в конечном счете она только свела его с ума и больше ничего. Слишком он переживал, что не смог удержать ее, вот и свихнулся. Каждому, кого встречал, начинал жаловаться, что все потерял.

— Совсем как я, — проговорил Арктор.

— Еще на острове была женщина. Ну, не совсем женщина — скорее статуя. Тони говорил, что это Афродита. В лунном свете, бледная, холодная, сделанная из мрамора.

— Он должен был пройти в дверь, пока еще мог.

— Ничего он не мог. Это было лишь обещание — того, что будет, чего-то хорошего, что придет когда-нибудь. Когда-нибудь потом… — Донна запнулась, — после смерти.

— Он облажался… Каждому дается один шанс… — Арктор закрыл глаза от боли, на лице выступил пот. — А, что может знать выгоревший торчок?! Что знаем мы?.. Я не могу говорить. Прости. — Он отвернулся, съежился, зубы застучали.

Она обняла его, крепко прижала к себе и стала укачивать, как младенца.

— Ты очень хороший, просто тебе не повезло. Однако жизнь продолжается. Я очень люблю тебя. Я хочу, чтобы…

Она замолчала, продолжая обнимать его во тьме. Во тьме, которая продолжала, несмотря на все ее усилия, пожирать его изнутри.

— Ты такой хороший и добрый, и все это несправедливо, но так уж получилось. Ты просто подожди: когда-нибудь, хотя, может быть, и очень

не скоро, ты будешь видеть так, как раньше. Все вернется.

Обязательно вернется. Наступит день, подумала она, когда все, что было несправедливо отнято у людей, будет им возвращено. Через тысячу лет или еще позже, но этот день придет, и по всем счетам будет уплачено. Может, и тебе, как Тони Амстердаму, уже являлся Бог. Явился и исчез — на время. Может, в твоем выжженном мозгу с его закороченными и обугленными цепями, которые продолжают распадаться даже сейчас, когда я обнимаю тебя, уже успела сверкнуть, переливаясь всеми цветами радуги, та волшебная искра, которая проведет тебя через страшные годы, что ждут впереди. Какое-нибудь слово, не до конца понятое, что-нибудь увиденное мельком, неосознанно — крошечный осколок звезды, таящийся среди отбросов этого мира, — поможет тебе продержаться и увидеть тот день, который настанет… о, так не скоро! Трудно даже представить себе когда. Остается лишь ждать и надеяться.

Но однажды — если повезет и это повторится — он узнает, он вспомнит: нужное полушарие сможет сравнить и распознать образы. Хотя бы на подсознательном уровне, самом доступном. И тогда этот ужасный, мучительный и, казалось

бы, бессмысленный путь закончится…

В глаза ударил свет. Перед ней стоял полицейский с фонариком и дубинкой.

— Встаньте, пожалуйста! Ваши документы! Вы сперва, мисс.

Она отпустила Арктора, и тот медленно повалился на землю, даже не заметив появления патрульного, который бесшумно подкрался по склону холма. Достав из сумочки бумажник, Донна жестом предложила отойти подальше. Полицейский несколько минут рассматривал документы при свете фонарика.

— Значит, вы тайный агент федеральной полиции? — Он направил луч ей в лицо.

— Тихо! — приказала Донна. — Убирайтесь отсюда!

— Простите.

Полицейский отдал бумажник и исчез в темноте так же бесшумно, как и появился.

Донна вернулась к Бобу Арктору. Тот ничего и не заметил. Он теперь вообще ничего не замечал. Пожалуй, даже ее, не говоря уже обо всем остальном.

Снизу послышался шум отъехавшей патрульной машины. Наступила тишина. Лишь в сухом кустарнике шелестела ящерица да какие-то

жучки колыхали сухую траву. Далеко внизу светилось огнями шоссе № 91, но звуки не долетали.

— Боб, — прошептала Донна. — Ты меня слышишь?

Тишина.

Все цепи замкнуты, подумала она. Все расплавилось и сгорело. И никому не удастся починить, как ни старайся. А они будут стараться…

— Идем, — сказала Донна, потянув его за руку. — Нам пора.

— Я не могу любить, — произнес Боб Арктор. — Моей штучки больше нет.

— Нас ждут, — твердо повторила она.

— Но что же делать? Меня примут без штучки?

— Обязательно примут.

Поистине нужна великая мудрость, чтобы решать, когда поступать несправедливо. Как вообще справедливость может пасть жертвой целесообразности? Как? На этом мире лежит проклятие, и вот самое лучшее тому доказательство. Видимо, где-то, на самом глубоком уровне, главный механизм всего, первооснова всех вещей, распался на части, раз мудрость и целесообразность требуют от нас совершения такого количества грязных дел! Должно быть, все это началось тысячелетия назад, а теперь зло проникло

повсюду, пропитало все вокруг. И нас тоже… Мы не можем шевельнуться, не можем открыть рта, чтобы не свершить зла. Мне наплевать, как все это началось, когда и почему, я лишь надеюсь, что оно когда-нибудь закончится. Как с Тони Амстердамом: однажды потоки многоцветных искр вернутся, и на сей раз их увидят все. И вновь возникнет узкая дверь, за которой — мир и покой. Статуя, море и лунный свет. И ничто и никогда больше не нарушит этого волшебного покоя.

Так все было много, много лет назад. До проклятия, в золотом веке, когда мудрость и справедливость означали одно и то же и составляли единое целое. Которое потом разбилось вдребезги, на безобразные осколки, которые, как ни старайся, вместе не собрать.

Где-то внизу, среди россыпи городских огней, взревела полицейская сирена. Патрульная машина ведет преследование. Рев хищника, обуреваемого жаждой убийства. Знающего, что жертва выдохлась.

Донна поежилась — ночной воздух заметно остыл. Пора идти. Да, это не золотой век, подумала она, тогда не было таких звуков в темноте. Может быть, и я издаю такой же звериный вой, когда догоняю свою добычу? Догоняю и вонзаю

в нее когти…

Мужчина рядом с ней зашевелился и застонал. Она помогла ему встать на ноги и осторожно, шаг за шагом, повела к автомобилю.

Сирена внезапно смолкла: дичь схвачена, работа выполнена. Моя тоже, подумала Донна, прижимая к себе Боба Арктора.

* * *

На полу перед двумя служащими «Нового пути» скорчилось вонючее, запачканное собственными испражнениями, трясущееся существо. Оно обвило себя руками, словно пытаясь защититься от холода.

— Что это? — спросил один из служащих.

— Человек, — ответила Донна.

— Препарат «С»?

Она молча кивнула. И, склонившись над Робертом Арктором, мысленно сказала: «Прощай».

Когда Донна выходила, его накрывали армейским одеялом.

Выехав на ближайшее шоссе, она влилась в сплошной поток машин. Среди валявшихся на полу кассет нашла свою самую любимую — «Гобелен» Кэрол Кинг, — втолкнула ее в магнитофон и достала из-под приборной доски держащийся

там на магнитах «рюгер». Потом села на хвост грузовику с кока-колой и под проникновенный голос Кэрол Кинг выпустила по бутылкам всю обойму.

Кэрол Кинг нежно пела о людях, заплывающих жиром и превращающихся в жаб; ветровое стекло было в стеклянных крошках и подтеках кока-колы. Донне стало легче.

Справедливость, честность, преданность… Как чужды они этому миру, подумала Донна, врубила пятую передачу и, призвав на помощь небесные силы, на всем ходу ударила своего извечного врага — грузовик с кока-колой. Тот продолжал ехать как ни в чем не бывало. Маленькая машина Донны завертелась, что-то заскрежетало, и она оказалась на обочине, развернувшись в обратном направлении. Из-под капота валил пар, фары погасли; из проезжавших машин высовывались удивленные лица.

— Иди, иди сюда, ублюдок! — прошипела Донна, но грузовик уже уехал далеко вперед, разве что слегка поцарапанный. Что ж, рано или поздно она должна была начать свою маленькую персональную войну: нанести удар по символу всего того, что давило на нее извне. Теперь мне повысят страховочные взносы, покачала головой

Донна, выбираясь из разбитой машины. В этом мире за право поединка со злом приходится платить звонкой монетой.

Рядом притормозил «Мустанг» последней модели, и из окошка высунулся водитель.

— Подбросить, мисс?

Донна не ответила. Она молча шагала вдоль шоссе — крохотная фигурка, идущая навстречу бесконечной череде огней.

Глава 14

В общей гостиной Самарканд-хауса, жилого комплекса «Нового пути» в Санта-Ане, штат Калифорния, была пришпилена к стене вырезка из журнала:

> Если впавший в детство пациент, проснувшись утром, зовет свою мать, напомните ему, что она давно скончалась, что ему самому уже за восемьдесят и он живет в доме для престарелых, что год сейчас не 1913-й, а 1992-й и что следует смотреть фактам в глаза и не…

Кто-то из постояльцев оторвал остаток статьи, напечатанной на глянцевой бумаге, — очевидно, из какого-то специального журнала для медсестер.

— Самое главное в твоей работе, — сказал Джордж, служащий «Нового пути», — это туалеты. Полы, раковины и особенно унитазы. В здании три туалета, по одному на каждом этаже.

— Да, — отозвался он.

— Вот швабра. А вот ведро. Ну как, справишься?

Сумеешь вымыть туалет? Начинай, я погляжу.

Он отнес ведро к раковине, влил мыло и пустил горячую воду. Он видел перед собой только пену. Видел пену и слышал звон струи.

И еще едва доносящийся голос Джорджа:

— Не до краев, прольешь.

— Да.

— По-моему, ты не очень-то понимаешь, где находишься, — помолчав, сказал Джордж.

— Я в «Новом пути».

Он опустил ведро на пол; вода выплеснулась. Он застыл, глядя на лужицу.

— Где в «Новом пути»?

— В Санта-Ане.

Джордж поднял ведро и показал, как ухватиться за ручку и нести, чтобы не разлить.

— Думаю, позже мы переведем тебя на ферму. Хотя перво-наперво займешься мытьем посуды.

— Я это могу. Посуду.

— Ты животных любишь?

— Да, конечно.

— А растения?

— Животных.

— Посмотрим. Сначала познакомимся с тобой поближе. Так или иначе, каждый должен месяц мыть посуду. Все новенькие без исключения.

— Я бы хотел жить в деревне.

— У нас много всякой работы, посмотрим, что тебе подойдет… Здесь можно курить, хотя это и не приветствуется. Не то что в «Синаноне» — там вообще не разрешают.

— У меня больше нет сигарет.

— Мы выдаем пациентам по пачке в день.

— А деньги? — У него не было ни гроша.

— Бесплатно. У нас все бесплатно. Ты свое уже заплатил.

Джордж взял швабру, макнул ее в ведро, показал, как мыть.

— Почему у меня нет денег?

— И нет бумажника, и нет фамилии. Потом вернут, все вернут.

Это мы и хотим сделать — вернуть тебе то, что было отнято.

— Ботинки жмут.

— Мы живем на пожертвования. Потом подберем. А ты в ящике с обувью хорошо смотрел?

— Да.

— Ну ладно, вот туалет первого этажа, начинай с него. Когда закончишь — по-настоящему закончишь и блеск наведешь, — бери ведро и швабру и поднимайся. Я покажу тебе туалет на втором этаже, а потом и на третьем. Но чтобы поднять-

ся на третий этаж, надо получить разрешение — там живут девушки, так что сперва спроси кого-нибудь из персонала. — Джордж хлопнул его по спине. — Ну как, Брюс, понял?

— Да, — ответил Брюс, надраивая пол.

— Молодец. Будешь мыть туалеты, пока не выучишься. Главное, не какая у тебя работа, а то, как ты ее выполняешь. Своей работой надо гордиться.

— Я когда-нибудь стану таким, каким был прежде? — спросил Брюс.

— То, каким ты был, привело тебя сюда. Если снова станешь таким же, рано или поздно опять очутишься здесь. А может, в следующий раз и не дотянешь. Тебе и так повезло, еле-еле добрался.

— Меня кто-то привез.

— Тебе повезло. В следующий раз могут не привезти — бросят где-нибудь на обочине и пошлют к чертовой матери…

Брюс слушал и продолжал мыть пол.

— Лучше начинай с раковины, потом ванну и унитаз. Пол в последнюю очередь.

— Хорошо, — сказал он и отставил швабру в сторону.

— Тут нужна сноровка. Ничего, освоишься.

Брюс сосредоточил внимание на трещинах в

эмали раковины: втирал туда порошок и пускал горячую воду. Над раковиной поднимался пар, и он застыл в белесом облаке, глубоко втягивая теплый воздух. Ему нравился аромат.

* * *

После завтрака он сидел в гостиной и пил кофе, прислушиваясь к разговорам вокруг. Здесь все друг друга знали.

— Если бы ты оказался внутри мертвого тела, то видеть бы мог, а вот сфокусировать взгляд не мог бы, потому что тут нужны глазные мышцы. Ни голову повернуть, ни глазные яблоки; пришлось бы ждать, пока кто-нибудь пройдет мимо. Просто жуть — лежать неподвижно и ждать.

Брюс смотрел не отрываясь на пар, поднимавшийся из кружки. Какой приятный аромат…

— Эй! — Чья-то рука дотронулась до его плеча. Женская рука. — Эй!

Он на мгновение поднял глаза.

— Как дела? — спросила женщина.

— Нормально.

— Как ты себя чувствуешь, получше?

— Нормально.

Он смотрел в кружку с кофе и вдыхал пар, не обращая внимания ни на женщину, ни на осталь-

ных. Смотрел только вниз, на кофе. Ароматное тепло. Как хорошо…

— Ты увидишь кого-нибудь, только если он пройдет прямо перед тобой. А если что-то, например лист, упадет тебе на глаза, то ты будешь видеть его вечно. Только лист, и ничего больше.

— Нормально, — повторил Брюс, поднимая кружку обеими руками.

— Представь, что ты в состоянии лишь ощущать. Просто смотришь, но не живешь. Человек может умереть — и при этом продолжать существовать. Иногда из глаз человека выглядывает то, что умерло еще в детстве; умерло, но по-прежнему смотрит оттуда. И это смотрит не пустое тело, а то, что внутри него, — оно умерло, но продолжает смотреть, смотреть, смотреть и не может остановиться.

— Это и есть смерть, — сказал еще кто-то, — когда смотришь на то, что перед глазами, и не можешь отвести взгляд. Какая бы чертовщина там ни была, ты не в силах ничего изменить, посмотреть в сторону. Остается только смириться и принять то, что есть.

— А если вечно пялиться на банку пива? Не так уж плохо, а?

* * *

Перед обедом был дискуссионный час. Ведущие из числа персонала писали на доске тезисы, а затем начиналось общее обсуждение.

Брюс сидел, сложив руки на коленях, смотрел в пол и слушал, как закипает большой электрический кофейник. «Фу-фууу!» — завывал кофейник, и от этого звука делалось страшно.

«Живое и неживое обмениваются свойствами».

Рассевшись на складных стульях, аудитория принялась обмениваться мнениями. Эта тема, похоже, обсуждалась далеко не в первый раз; видимо, в «Новом пути» так было принято: думать снова и снова об одном и том же.

«Внутренняя энергия неживого больше, чем внутренняя энергия живого».

Страшное «фу-фууу» звучало все громче, но Брюс не двигался и не поднимал глаз, просто сидел и слушал. Из-за кофейника было трудно понять, о чем говорят вокруг.

— Мы накапливаем внутри себя слишком много энергии неживого и обмениваемся… Черт побери, кто-нибудь разберется с этим кофейником?!

Наступила пауза. Брюс сидел, глядя в пол, и

ждал.

— Я напишу еще раз: «Мы отдаем слишком много жизненной силы в обмен на окружающую реальность».

Обсуждение продолжилось. Кофейник умолк, и все заторопились к нему с кружками наготове.

— Хочешь кофе? — Голос сзади, рука на плече. — Нед? Брюс?.. Как его зовут — Брюс?

— Да.

Он встал и пошел вслед за всеми, ожидая своей очереди. Налив в кофе сливки и положив сахар, вернулся на место, сел на тот же самый стул и стал слушать дальше. Теплый кофе и ароматный пар. Хорошо…

«Активность не обязательно означает жизнь. Квазары активны, а медитирующий монах вовсе не мертв».

Брюс сидел, глядя в пустую фарфоровую кружку. Перевернув ее, он нашел фабричную марку. Сделана в Детройте.

«Движение по круговой орбите — абсолютное проявление неживого».

— Время, — произнес чей-то голос.

Он знал ответ: время идет по кругу.

— Верно, пора заканчивать. Кто-нибудь может кратко сформулировать вывод?

— Закон выживания — надо двигаться по пути наименьшего сопротивления. Следовать, а не направлять.

— Да, ведомые переживают ведущих, — прозвучал другой голос, постарше. — Вспомните Христа. Именно так, а не наоборот.

— Пора обедать — в пять пятьдесят Рик перестанет пускать.

— Поговорим об этом позже, во время Игры.

Скрип стульев… Брюс тоже поднялся, поставил свою кружку на поднос к остальным и присоединился к толпе выходящих. От них пахло одеждой. Приятный запах, только холодный…

Кажется, они хотят сказать, что пассивная жизнь — это хорошо. Но пассивной жизни просто не бывает. Здесь противоречие.

Что такое жизнь, в чем ее смысл?

* * *

Прибыла огромная охапка пожертвованной одежды. Кое-кто уже примерял рубашки.

— Эй, Майк, да ты клевый чувак!

Посреди гостиной стоял плечистый коротышка с кудрявыми волосами и, нахмурив брови, теребил ремень.

— Как им пользоваться? Почему не регулиру-

ется? — У него был широкий ремень без пряжки, и он не знал, как застопорить кольца. — Должно быть, подсунули негодный!

Брюс подошел к нему и затянул ремень в кольцах.

— Спасибо, — сказал Майк и, задумчиво выпятив губы, перебрал несколько рубашек. — Когда буду жениться, на свадьбу надену такую.

— Ничего, — кивнул Брюс.

Майк приложил к себе рубашку, отделанную на груди кружевами, и повернулся к двум женщинам, стоявшим у стены.

— Сегодня закачу вечеринку!

Женщины улыбнулись.

— Ну все! Обед! — громко объявил дежурный и подмигнул Брюсу. — Как жизнь, приятель?

— Нормально.

— Что дрожишь, замерз?

— Да, — кивнул он, — отходняк. Мне бы аспиринчику или…

— Никаких таблеток, — отрезал дежурный. — Иди-ка лучше поешь. Как аппетит?

— Лучше… — Он покорно поплелся в столовую. Люди за столиками смотрели на него с улыбкой.

* * *

После ужина Брюс уселся на лестнице между первым и вторым этажами. Сидел на ступеньках, сгорбившись и обхватив себя руками, и смотрел, смотрел… Вниз, на темный ковер под ногами.

— Брюс!

Он не шелохнулся.

— Брюс!

Его потрясли.

Он молчал.

— Брюс, идем в гостиную. Ты должен сейчас находиться у себя в комнате, в постели, но нам надо поговорить.

Майк спустился с ним по лестнице в пустую гостиную и прикрыл дверь. Потом сел в глубокое кресло и указал на стул напротив. Майк выглядел усталым, его маленькие глазки припухли и покраснели.

— Я встал сегодня в пять тридцать. — Стук. Дверь приотворилась. — Не входите, мы разговариваем! Слышите?! — во весь голос закричал он.

Приглушенное бормотание. Дверь закрылась.

— Тебе надо менять рубашку несколько раз в день, — сказал Майк. — Сильно потеешь.

Брюс кивнул.

— Ты из каких краев?

Он промолчал.

— Когда тебе снова будет так плохо, приходи ко мне. Я прошел через это года полтора назад. Знаешь Эдди? Такой высокий, тощий, на всех наезжает. Он меня восемь дней катал на машине, не оставлял одного. — Майк внезапно заорал: — Вы уберетесь отсюда?! Мы разговариваем! Идите смотреть телевизор! — Он перевел взгляд на Брюса и понизил голос: — Вот, приходится… Никогда не оставят в покое.

— Понимаю, — сказал Брюс.

— Брюс, не вздумай покончить с собой.

— Да, сэр, — ответил Брюс, глядя в пол.

— Не называй меня «сэр»!

Он кивнул.

— Ты служил в армии, Брюс? Там все и началось? Ты в армии подсел?

— Нет.

— Ты закидывался или кололся?

Молчание.

— «Сэр»… — усмехнулся Майк. — А я десять лет срок мотал. Однажды восемь парней с нашего этажа в один день перерезали себе глотки. Мы спали ногами в параше, такие маленькие были камеры. Ты никогда не сидел в тюрьме?

— Нет, — ответил Брюс.

— С другой стороны, я видел восьмидесятилетних заключенных, которые радовались жизни и мечтали протянуть подольше. Я сел на иглу еще совсем сосунком. Я кололся и кололся и наконец загремел на десять лет. Я так много кололся — героин с препаратом «С», — что ничего другого никогда не делал. И ничего больше не видел. Теперь я сошел с иглы и очутился здесь. Знаешь, что я заметил? Самое главное, что изменилось? Я начал *видеть.* И слышать. Например, журчание ручьев, когда нас пускают в лес, — тебе потом покажут наши фермы и все прочее. Я иду по улице, просто по улице, и вижу собак и кошек, даже маленьких. Никогда их раньше не замечал. Я видел только иглу. — Майк посмотрел на часы. — Так что я понимаю, каково тебе, — добавил он.

— Тяжело…

— Всем здесь было тяжело. Многие, конечно, потом опять начинают. Если бы ты сейчас ушел, тоже бы начал, сам знаешь.

Брюс кивнул.

— Здесь каждому есть что вспомнить. Я не говорю, что тебе легче, чем другим. Эдди — другое дело: он бы сказал, что все твои проблемы — лажа. Ничьи проблемы не лажа. Я вижу, как тебе

плохо, я сам прошел через это. Теперь мне гораздо лучше. Ты с кем живешь?

— С Джоном.

— Значит, твоя комната на первом этаже?

— Мне нравится.

— Да, там тепло. Ты, должно быть, все время мерзнешь. Я тоже постоянно дрожал и делал в штаны. Но знаешь, тебе не придется переживать это заново, если ты останешься в «Новом пути».

— Надолго?

— На всю жизнь.

Брюс поднял глаза.

— Я, к примеру, выйти отсюда не могу, — сказал Майк. — Сразу сяду на иглу. Слишком много дружков осталось. Опять на улицу — толкать и колоться, — загремлю в тюрягу лет на двадцать. А знаешь, мне тридцать пять, и я женюсь в первый раз. Ты видел Лору, мою невесту?

— Мм…

— Ну, такая хорошенькая, пухленькая?

Брюс кивнул.

— Она боится выходить отсюда. С ней всегда должен кто-то быть. Мы собираемся в зоопарк… На следующей неделе мы ведем сына директора-распорядителя в зоопарк Сан-Диего. Лора перепугана до смерти… Даже больше, чем я.

Молчание.

— Ты слышал, что я сказал? — спросил Майк. — Я боюсь идти в зоопарк.

— Да.

— Не припомню, чтобы я был в зоопарке… Что там делают? Ты не знаешь?

— Смотрят в разные клетки и вольеры…

— А какие там животные?

— Разные…

— Дикие небось. И всякие редкие.

— В зоопарке Сан-Диего почти все есть.

— А у них есть эти… как их… медведи коала?

— Есть, — кивнул Брюс.

— Я раз видел рекламу по телику, с коалами. Там они прыгают. И вообще прямо как игрушечные.

— Я слышал, что первых плюшевых медведей — тех, в которых дети играют, — делали с коал, еще в двадцатых.

— Не может быть. Их ведь, наверное, встретишь только в Австралии? Или они вообще вымерли?

— В Австралии их навалом, — сообщил Брюс. — Но вывозить запрещено — ни живых, ни шкуры. Их охраняют.

— Я никогда нигде не был, — сказал Майк. — Только возил героин из Мексики в Ванкувер.

Всегда одним и тем же путем. Жал на всю катушку, лишь бы поскорее покончить с делом. Здесь мне доверили машину. Если тебе станет невмоготу, я тебя покатаю. Покатаемся и поговорим. Я не против. Эдди и другие — их уже нет здесь — делали это для меня. Я не против.

— Спасибо.

— А теперь пора в койку. Тебе завтра на кухню? Ну там — столы накрывать и все такое?

— Нет.

— Тогда мы встаем в одно и то же время. Увидимся за завтраком. Сядешь ко мне за стол, и я познакомлю тебя с Лорой.

— Когда вы женитесь?

— Через полтора месяца. Обязательно приходи. Хотя, конечно, свадьба будет здесь, так что все и так придут.

— Спасибо.

Игра… Они орали на него что есть мочи. Вопящие рты со всех сторон. Брюс молча сидел и смотрел в пол.

— Знаете, кто он? Гомик! — Визгливый голосок заставил его поднять глаза. Прищурившись, он разглядел среди искаженных ненавистью лиц девушку-китаянку. — Гомик сраный, вот кто ты! — еще пронзительней взвизгнула она.

— Поцелуй себя в задницу! Поцелуй себя в задницу! — завывали остальные, усевшись в круг на ковре.

Директор-распорядитель, в красных шароварах и розовых туфлях, радостно ухмылялся. Крошечные глазки-щелочки весело блестели. Он раскачивался взад-вперед, подобрав под себя длинные тощие ноги.

— Покажи нам свою задницу!!! Вонючую задницу!

Это особенно развеселило директора-распорядителя, и он начал подпевать общему хору скрипучим и монотонным голосом. Казалось, скрипели дверные петли.

— Гомик сраный! — уже почти в истерике завывала китаянка. Ее соседка надувала щеки и хлопала по ним ладонями, издавая неприличные звуки.

— Иди, иди сюда! — Китаянка развернулась и выставила зад, тыча в него пальцем. — Поцелуй меня в задницу, ты ведь любишь целоваться! Иди сюда, целуй, гомик!!!

— Поцелуй нас, поцелуй! — надрывалась толпа.

Брюс закрыл глаза, но легче не стало.

— Ты гомик! — медленно и монотонно произ-

нес директор-распорядитель. — Дерьмо! Падаль! Срань вонючая! Ты…

Звуки в ушах смешивались, превращаясь в нечленораздельный звериный вой. Один раз, когда общий хор на мгновение стих, он различил голос Майка и открыл глаза. Майк сидел с багровым лицом, затянутый в тесный галстук, и бесстрастно смотрел вперед, на него.

— Брюс, зачем ты здесь? Что ты хочешь нам сказать? Ты можешь что-нибудь рассказать о себе?

— Гомик!!! — заорал кто-то, подпрыгивая на месте, как резиновый мяч. — Кто ты, гомик?

— Расскажи нам! — заверещала, вскочив, китаянка. — Ты, грязный гомик, падаль, жополиз, дерьмо!!!

— Я… — выдавил он. — Я…

— Ты вонючее дерьмо, — сказал директор-распорядитель. — Слабак. Блевотина. Мразь.

Он больше ничего не мог разобрать, все смешалось. Казалось, он перестал понимать смысл слов и вдобавок забыл сами слова. Только продолжал чувствовать присутствие Майка, его пристальный взгляд. Он ничего больше не знал, не помнил, не чувствовал. Плохо… Скорей бы уйти. В душе росла пустота. И это немного утешало.

— Вот, гляди, — сказала женщина, открывая

дверь. — Здесь мы и держим этих чудищ.

Брюс вздрогнул: шум за дверью стоял ужасающий. В комнате играла целая орава маленьких детей.

Вечером он заметил, как двое мужчин постарше, сидя в уголке за ширмой рядом с кухней, угощали детей молоком и печеньем. Повар Рик выдал им все это отдельно, пока остальные ждали ужина в столовой.

— Любишь детей? — улыбнулась китаянка, которая несла в столовую поднос с тарелками.

— Да.

— Можешь поесть вместе с ними.

— Правда?

— А кормить их тебе позволят позже, через месяц-другой… — Она замялась. — Когда мы будем уверены, что ты их не ударишь. У нас правило: детей никогда не бить, что бы они ни вытворяли.

— Хорошо.

Глядя, как дети едят, он вновь ощутил тепло жизни. Один малыш забрался к нему на колени. Они ели из одной тарелки, и им было одинаково тепло. Китаянка улыбнулась и ушла с тарелками в столовую.

Он долго сидел там, держа на руках то одного ребенка, то другого. Пожилые мужчины приня-

лись ссориться, поучая друг друга, как правильно кормить детей. Пол и столы были усеяны пятнами, крошками и недоеденными кусками. Осознав вдруг, что дети уже наелись и переходят в игровую комнату смотреть мультики, Брюс встал и, неловко наклонившись, стал подбирать мусор.

— Брось, это моя работа! — прикрикнул на него один из мужчин.

— Ладно. — Он разогнул спину, ударившись головой об угол стола, и с недоумением посмотрел на куски пищи в своих руках.

— Иди лучше помоги прибраться в столовой, — велел другой мужчина, слегка заикаясь.

— Чтобы здесь находиться, нужно разрешение, — сказал кто-то с кухни, проходя мимо. — Это для стариков, которые больше ничего не могут — только сидеть с детишками.

Брюс кивнул и продолжал стоять, озадаченный.

Из всех детей в комнате осталась только одна девочка. Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Тебя как зовут?

Он молчал.

— Я спрашиваю, как тебя зовут?

Брюс осторожно дотронулся до отбивной на

тарелке; она уже остыла. Но он знал, что рядом ребенок, и чувствовал тепло. Нежным мимолетным движением он коснулся волос девочки.

— Меня зовут Тельма. Ты забыл свое имя? — Она похлопала его по плечу. — Чтобы не забывать имя, напиши его на ладони. Показать как?

— А не смоется? Вымою руки или пойду в душ — и все…

— Действительно… — согласилась девочка. — Что ж, можно написать на стене над головой, в комнате, где ты спишь. Только высоко, чтобы не смылось. А потом, когда захочешь вспомнить…

— Тельма, — пробормотал он.

— Нет, это *мое* имя. У тебя должно быть другое. Это имя для девочки.

— Надо подумать.

— Если мы еще увидимся, я дам тебе имя, — предложила Тельма. — Хочешь?

— Разве ты не здесь живешь?

— Здесь, но моя мама уедет. Заберет нас — меня и брата — и уедет.

Он кивнул. Тепло стало рассасываться.

Неожиданно, без всякой видимой причины, девочка убежала.

Я должен найти имя, подумал он, это мой долг. Он стал рассматривать свою ладонь и тут же

удивился: зачем — ведь там ничего нет. Брюс, вот мое имя. Хотя должны быть и лучшие имена…

Тепло исчезло. Он чувствовал себя одиноким и потерянным. И очень несчастным.

* * *

Майка Уэстуэя послали на грузовике за полусгнившими овощами, пожертвованными «Новому пути» одним из местных супермаркетов. Убедившись, что за ним не следят, Майк позвонил из автомата и встретился в «Макдоналдсе» с Донной Хоторн.

Сели на улице, поставив на деревянный столик гамбургеры и кока-колу.

— Ну как, удалось нам его внедрить? — спросила Донна.

— Да, — ответил Уэстуэй. А сам подумал: парень слишком выгорел, какая от него польза. Вряд ли мы так чего-то достигнем. И все же иного пути не было.

— Он не вызывает подозрений?

— Нет.

— Вы убеждены, что препарат выращивают?

— Я — нет. Убеждены они. — Те, кто нам платит, подумал он.

— Что означает название?

– *Mors ontologica?* Смерть духа. Личности. Сути.

— Он сможет выполнить свою задачу?

Уэстуэй мрачно молчал, ковыряясь в еде и поглядывая на прохожих.

— Не знаете?

— Этого никто не может знать. Память… Несколько сгоревших клеток вдруг оживают. Словно рефлекс. От него требуется не выполнять — реагировать. Нам остается лишь надеяться. Верь, надейся и раздавай свои денежки, как учил апостол Павел.

Майк смотрел на хорошенькую темноволосую девушку напротив, видел ее умный взгляд и начинал понимать, почему Боб Арктор… нет, не Арктор, Брюс; меньше знаешь — лучше спишь… почему Брюс только о ней и думал. Когда еще был способен думать.

— Он отлично натренирован, — произнесла Донна сдавленным голосом. И вдруг на ее красивое лицо легло выражение скорби, заостряя все черты. — Господи, какой ценой… — пробормотала она и сделала глоток из стакана.

А иначе никак нельзя, думал Майк. К ним не пробьешься. Я не смог, сколько ни пытался. Туда допускают только абсолютно выгоревших, безвредных, от которых осталась одна оболоч-

ка. Вроде Брюса. Он *должен* был стать таким… каким стал.

— Правительство требует слишком многого, — сказала Донна.

— Этого требует жизнь.

Ее глаза сузились и засверкали.

— В данном случае — федеральное правительство. Конкретно. От вас, от меня. От… — она запнулась, — от того, кто был моим другом.

— Он до сих пор ваш друг.

— То, что от него осталось, — горько промолвила Донна.

То, что от него осталось, думал Майк Уэстуэй, все еще ищет тебя. По-своему.

Им тоже овладела тоска. Но день по-прежнему был хорош, люди веселы, воздух свеж. И впереди маячила возможность успеха — это придавало сил. Они многого достигли. Цель близка.

— Наверно, нет ничего ужаснее, чем жертвовать живым существом, которое даже *не догадывается.* Если бы оно понимало и добровольно вызвалось… — Донна взмахнула рукой. — Он не знает. И не знал. Он не вызывался…

— Вызывался. Это его работа.

— Он и понятия не имел. И не имеет, потому что сейчас у него нет вообще никаких понятий.

Вы знаете не хуже меня. И не будет. Никогда-никогда, сколько бы он ни прожил. Останутся одни рефлексы. Это произошло не случайно, все было запланировано. Мы на это рассчитывали. На мне тяжелейшая вина. Я чувствую на плечах… труп — труп Боба Арктора. Хотя формально он жив.

Она повысила голос. Люди за соседними столиками отвлеклись от своих гамбургеров и с любопытством смотрели в их сторону. Майк Уэстуэй сделал знак, и Донна с видимым усилием взяла себя в руки.

После некоторой паузы Уэстуэй произнес:

— Нельзя допросить того, у кого нет разума.

— Мне пора на работу. — Донна взглянула на часы. — Я сообщу руководству, что, по вашему мнению, все в порядке.

— Надо дождаться зимы, — сказал Уэстуэй.

— Зимы?

— Да, не раньше. Не спрашивайте почему. Уж так есть: либо получится зимой, либо не получится вовсе.

— Подходящее время. Когда все мертво и занесено снегом.

Он рассмеялся:

— В Калифорнии-то?

— Зима духа. *Mors ontologica.* Когда дух мертв.

— Только спит. — Уэстуэй поднялся, положил руку ей на плечо.

В голову почему-то пришла мысль, что эту кожаную куртку ей, возможно, подарил Боб Арктор. В былые счастливые дни.

— Мы слишком долго над этим работали, — сказала Донна тихим, ровным голосом. — Скорей бы все кончилось, не хочу больше. Иногда по ночам, когда не идет сон, мне кажется, что мы холоднее их. Холоднее врага.

— Я не чувствую в вас холода, — возразил Майк. — Я вижу перед собой самого теплого человека из всех, кого знаю.

— Я тепла снаружи: это видимость. Теплые глаза, теплое лицо, теплая фальшивая улыбка, черт бы ее побрал! Внутри я холодна и полна лжи. Я не такая, какой кажусь; я отвратительна. — Она говорила спокойно, с улыбкой. Глаза с расширенными зрачками смотрели ласково и невинно. — Я давно поняла, что другого выхода нет, и заставила себя стать такой. Это не так уж плохо — легче добиться своей цели. Все люди такие, в большей или меньшей степени. Что действительно кошмарно — это ложь. Я лгала своему другу, лгала Бобу Арктору постоянно. Однажды я сказала ему, чтобы он мне не верил, — и, конечно,

он решил, что я шучу. Но я его предупреждала. Он сам виноват.

— Вы сделали все, что могли. И даже более того.

Донна встала из-за стола.

— Ладно, стало быть, пока мне докладывать почти нечего. Только ваши заверения, что его приняли. И что им не удалось ничего вытянуть из него с помощью своих… — ее передернуло, — своих отвратительных игр.

— Совершенно верно.

— До встречи. — Она помолчала. — Правительство вряд ли захочет ждать до зимы.

— Придется, — сказал Уэстуэй. — Ждите и молитесь.

— Все это чушь, — бросила Донна. — Я имею в виду молитвы. Когда-то давно я молилась, и много, — а теперь бросила. Если бы молитвы действовали, нам не пришлось бы заниматься тем, чем мы занимаемся. Еще одна фальшивая легенда.

— Как и многое другое, — сказал он, делая несколько шагов ей вслед, стараясь хоть немного продлить эту встречу. — Я не думаю, что вы погубили своего друга. Вы сами жертва в той же степени. Только по вашему виду не скажешь. Так

или иначе, выбора не было…

— Я отправлюсь в ад. — Донна вдруг улыбнулась — задорной мальчишеской улыбкой. — Я ведь католичка.

И пропала в толпе.

Уэстуэй растерянно заморгал. Должно быть, так чувствовал себя Боб Арктор. Только что она была тут, живая, осязаемая; и вдруг — ничего. Исчезла. Растворилась среди обычных людей, которые всегда были и всегда будут. Она из тех, что приходят и уходят по своей воле. И ничто, никто не может удержаться с ней рядом.

Я пытаюсь поймать ветер. Как пытался Арктор. Агенты по борьбе с наркоманией неуловимы. Тени, исчезающие, когда того требует работа. Словно их и не было. Арктор любил призрак, голограмму, сквозь которую нормальный человек пройдет, не оставив и следа. Даже не прикоснувшись к ней — к самой женщине.

Функция Бога, думал Майк, превращать зло в добро. И если Он присутствует здесь, то именно этим сейчас и занимается, хотя наши глаза не могут этого увидеть. Все происходит там, глубоко под слоем реальности, и проявится лишь потом. Станет видно, может быть, лишь нашим потомкам, которые ничего не будут знать об ужасной

войне, которую мы ведем, и о наших потерях, разве что найдут несколько строк мелким шрифтом в какой-нибудь исторической ссылке. И списка павших там не будет.

Им нужно поставить памятник. Всем тем, кто погиб. И тем, кто — еще хуже — не погиб. Остался жить после смерти. Как Боб Арктор.

Донна, наверное, работает по индивидуальному контракту, не в штате. Такие наиболее неуловимы, они пропадают навсегда. Новые имена, новые адреса. Ты спрашиваешь себя: где она теперь? А ответ…

Нигде. Потому что ее и не было.

Вернувшись за столик, Майк Уэстуэй доел гамбургер и допил кока-колу. В «Новом пути» кормили неважно. Так что даже если этот гамбургер сделан из перемолотых коровьих задниц…

Вернуть Донну, найти, привязать к себе… Я повторяю ошибку Арктора. Возможно, ему даже лучше теперь, когда он не осознает своей трагедии. Любить атмосферное явление — вот настоящее горе. Сама безнадежность. Ее имя не значится ни в одной книге, ни в одном списке; ни имя, ни место жительства. Такие девушки есть, и именно их мы любим больше всего — тех, кого любить безнадежно, потому что они ускользают

в тот самый миг, когда кажутся совсем рядом.

Возможно, мы спасли его от худшей участи, подумал Уэстуэй. И при этом пустили то, что осталось, на благое дело.

Если повезет.

* * *

— Ты знаешь какие-нибудь сказки? — спросила Тельма.

— Я знаю историю про волка, — сказал Брюс.

— Про волка и бабушку?

— Нет. Про черно-белого волка, который жил на дереве и прыгал на фермерскую скотинку. Однажды фермер собрал всех своих сыновей и всех друзей своих сыновей, и они встали вокруг дерева. Наконец волк спрыгнул на какую-то паршивую бурую тварь, и тогда они все разом его пристрелили.

— Ну, — расстроилась Тельма, — это грустная история.

— Но шкуру сохранили, — продолжал Брюс. — Черно-белого волка освежевали и выставили его прекрасную шкуру на всеобщее обозрение, чтобы все могли подивиться, какой он был большой и сильный. И последующие поколения много говорили о нем, слагали легенды о его величии и

отваге и оплакивали его кончину.

— Зачем же тогда стреляли?

— У них не было другого выхода. С волками всегда так поступают.

— Ты знаешь еще истории? Повеселее?

— Нет, — ответил Брюс. — Это единственная история, которую я знаю.

Он замолчал, вспоминая, как волк радовался своим изящным прыжкам, какое удовольствие испытывал от своего мощного тела. И теперь этого тела нет, с ним покончили. Ради каких-то жалких тварей, все равно предназначенных на съедение. Ради неизящных, которые никогда не прыгали, никогда не гордились своей статью. С другой стороны, они остались жить, а черно-белый волк не жаловался. Он ничего не сказал, даже когда в него стреляли; его зубы не отпускали горло добычи. Он погиб впустую. Но иначе не мог. Это был его образ жизни. Единственный, который он знал. И его убили.

— Я — волк! — закричала Тельма, неуклюже подпрыгивая. — Уф! Уф!

Она ковыляла, прихрамывая, и пыталась хватать разные предметы, однако промахивалась. В этом было что-то странное. Вдруг его охватил ужас.

Брюс наконец понял, что ребенок — калека.

— Ты не волк, — сказал он.

Какое несчастье, как это могло получиться? Такого…

Ich unglücksel' get Atlas! Eine Welt,
Die ganze Welt der Schmerzen muss ich tragen,
Ich trage Unerträgliches, und brechen
Will mir das Herz im Leibe.[154]

…просто не должно быть.

Брюс повернулся и ушел.

А Тельма продолжала играть. Подпрыгнула, споткнулась и упала.

Интересно, что она почувствовала, подумал он.

* * *

Брюс плелся по коридору и искал пылесос. Ему велели тщательно пропылесосить помещение

---

[154] Примечания: 154

Я Атлас злополучный! Целый мир,
Весь мир страданий на плече подъемно,
Подъемно непосильное, и сердце
В груди готово разорваться.

Г. Гейне, перевод с немецкого Александра Блока.

для игр, где дети проводили почти все дни.

— По коридору направо, — сказал ему Эрл.

Подойдя к закрытой двери, Брюс сначала постучал, а потом толкнул ее. Дверь открылась. Посреди комнаты старая женщина пыталась жонглировать тремя резиновыми мячиками. Она повернула голову, встряхнула растрепанными седыми волосами и улыбнулась. На ногах у нее были гольфы и теннисные туфли. Брюс увидел запавшие глаза и пустой беззубый рот.

— Ты так можешь? — прошепелявила она и подбросила все три мячика. Они упали ей на голову, на плечи, запрыгали по полу. Старуха засмеялась, брызгая слюной.

— Не могу, — сказал он. Им овладел страх.

— А я могу. — Старуха подняла мячики иссохшими руками и прищурилась, стараясь все сделать правильно.

В дверь вошел человек и остановился за спиной у Брюса.

— Давно она тренируется? — спросил Брюс.

— Порядком. — И к старухе: — Попробуй еще. Почти получается.

Старуха хихикала, снова и снова высоко подбрасывала мячики, втягивала голову, когда они сыпались на нее, и, скрипя всеми суставами,

подбирала их с пола.

Человек рядом с Брюсом презрительно фыркнул.

— Тебе надо вымыться, Донна. Ты грязная.

Брюс потрясенно сказал:

— Это не Донна. Разве это Донна?

Он пристально взглянул на старуху и почувствовал смятение: в ее глазах стояли слезы, но она смеялась. Все еще смеясь, она швырнула в него все три мячика. Он еле уклонился.

— Нет, Донна, нельзя, — сказал человек рядом с Брюсом. — Не кидай в людей. Делай так, как учили по телевизору: бросай, лови и снова бросай. Только сначала иди помойся, от тебя несет.

— Ладно, — согласилась старуха и засеменила прочь, сгорбленная и маленькая, оставив мячи на полу.

Человек рядом с Брюсом закрыл дверь, и они пошли по коридору.

— Давно она здесь?

— До меня, а я уже шесть месяцев. Хотя жонглировать она учится всего неделю.

— Тогда это не Донна, — твердо заявил Брюс. — Потому что я приехал неделю назад.

Донна привезла меня сюда в своей малолитражке, вспомнил он. Точно, мы еще останавливались,

чтобы залить радиатор. Как она была хороша — темноволосая, темноглазая, тихая и собранная. В аккуратной кожаной куртке, в сапогах и с сумочкой, на которой висела кроличья лапка.

Он пошел дальше, продолжая искать пылесос. На душе стало гораздо легче. Но он не понимал почему.

Глава 15

— Можно я буду работать с животными? — попросил Брюс.

— Нет, — сказал Майк. — Пожалуй, я направлю тебя на одну из наших ферм. Побудешь месячишко на полевых работах, посмотрим, как справишься. На свежем воздухе, поближе к земле. Люди слишком стремятся к небу со своими ракетами и спутниками. А думать надо о…

— Я хочу быть с кем-то живым.

— Земля живая, — наставительно произнес Майк. — Она еще не умерла. Ты получишь от нее много пользы. Тебе приходилось иметь дело с сельским хозяйством? Ну там, семена, обработка почвы, сбор урожая?

— Я работал в офисе.

— Теперь будешь работать в поле. Если твой разум вернется, то только естественным путем. Нельзя *заставить* себя снова думать. Можно лишь упорно трудиться, например, сажать семена, или пахать землю на наших овощных плантациях — так мы их называем, — или бороться с вредителями. Мы опрыскиваем насекомых из пульверизатора. Однако с химическими ве-

ществами надо быть крайне осторожным, иначе они принесут больше вреда, чем пользы. Они могут отравить не только урожай и почву, но и человека, который пустит их в дело. Проесть его голову. Как проело твою.

— Хорошо, — сказал Брюс.

Тебя опрыскали, думал Майк, и ты стал букашкой. Опрыскай букашку ядом, и та сдохнет; опрыскай человека, обработай его мозги, и он превратится в насекомое, будет вечно трещать и щелкать, двигаясь по замкнутому кругу. Повинуясь рефлексу, как муравей. Исполняя последнюю команду.

Ничто новое не войдет в этот мозг, думал Майк, потому что мозга нет. Как и человека, который был в нем заключен. Которого я никогда не знал.

Но может быть, если привести его на нужное место, если наклонить ему голову, он еще сумеет посмотреть вниз и увидеть землю. Сумеет осознать, что это земля. И поместить в нее нечто отличное от себя, нечто *живое.* Чтобы оно росло. Ибо это то, чего сам он делать уже не может, — расти. Может лишь умирать дальше, пока не умрет совсем и мы не похороним его. У мертвого нет будущего, только прошлое. А у Арктора — Фреда — Брюса нет даже прошлого — лишь

только то, что перед глазами.

Майк вел грузовик, рядом на сиденье подпрыгивало обмякшее тело. Оживленное машиной.

Уж не «Новый…» ли «… путь» сделал это с ним, думал Майк: породил препарат, который в конечном итоге *вернул его к себе?*

Директор-распорядитель сказал, что их цели будут открыты ему, когда он проработает в штате еще два года.

Эти цели, сказал директор-распорядитель, не имеют ничего общего с лечением наркомании.

На какие средства существует «Новый путь» — известно одному лишь Дональду, директору-распорядителю. Но недостатка в средствах не было никогда. Что ж, думал Майк, производство и распространение препарата «С» должно приносить огромные деньги. Достаточные, чтобы «Новый путь» рос и процветал. И чтобы оставалось еще на ряд других целей.

Смотря для чего предназначен «Новый путь».

Майк знал — федеральное правительство знало — то, чего не знала ни общественность, ни даже полиция. Препарат «С» не синтезировали в лаборатории; как и героин, препарат «С» был органического происхождения.

Так что, скорее всего, «Новый путь» *рос и про-*

цветал в буквальном смысле.

Живые, думал Майк, никогда не должны служить целям мертвых. Но мертвые — он взглянул на Брюса, на трясущуюся рядом пустую оболочку — по возможности должны служить целям живых.

Таков закон жизни.

И вполне возможно, что мертвые, если они чувствуют что-то, чувствуют себя от этого лучше.

Мертвые, думал Майк, которые еще могут видеть, даже ничего не понимая, — это наши глаза. Наша камера.

Глава 16

В кухне под раковиной, среди щеток, ведер и ящиков мыла, он нашел маленькую косточку. Она походила на человеческую, и он подумал — не Джерри ли это Фабин?

Невольно вспомнилось, что давным-давно он делил дом с двумя парнями, и у них была шутка о крысе по имени Фред, которая жила под раковиной. Они рассказывали гостям, что однажды, когда их совсем припекло, бедного старого Фреда пришлось съесть.

Может, это косточка жившей под раковиной крысы, которую они придумали, чтобы было не так тоскливо?

* * *

— Парень совсем выгорел, хотя с виду было незаметно. Раз он приехал в Вентуру — разыскивал старого друга. Узнал дом, по памяти, без всякого номера, остановился и спрашивает, где найти Лео. Ему отвечают: «Лео умер». А парень и выдает им: «Хорошо, я загляну в четверг». И уехал. В четверг, наверное, вернулся — опять

искать Лео. Каково, а?

Потягивая кофе, Брюс слушал разговоры в гостиной.

— …в телефонной книге записан всего один номер, на каждой странице, и по этому номеру можешь звонить куда хочешь… Я говорю о совершенно ошизевшем обществе… И у себя в бумажнике ты носишь этот номер, *единственный* номер, записанный на разных визитных карточках и листочках. И если номер забыл, то не позвонишь никому.

— А справочная?

— У нее тот же номер.

Он внимательно слушал. Интересное, должно быть, местечко. Звонишь, а тебе говорят: «Вы ошиблись». Снова набираешь тот же самый номер — и попадаешь куда надо.

Идешь к врачу — а врач только один и специализируется на всем, — и тебе прописывают лекарство, одно на все случаи жизни. Относишь рецепт в аптеку, и там выдают единственное средство, которое у них есть, — аспирин. И тот лечит все болезни.

Закон тоже один, и все нарушают его снова и снова. Полицейский кропотливо помечает, какой параграф, какой пункт, какой раздел, — всегда од-

но и то же. И за любое нарушение — от перехода улицы в неположенном месте до государственной измены — одно наказание: смертная казнь. Общественность требует отменить смертную казнь, но это невозможно, потому что тогда, скажем, за неправильный переход вовсе не будет наказания. И так, нарушая закон, постепенно все вымерли.

Наверное, подумал он, когда люди узнали, что последний из них умер, они сказали: «Интересно, какие они были? Давайте-ка заглянем в четверг!»

Он неуверенно рассмеялся и, когда его попросили, повторил мысль вслух. И все в гостиной тоже засмеялись.

— Отлично, Брюс!

Шутка прижилась и стала общим достоянием Самарканд-хауса. Когда кто-нибудь чего-нибудь не понимал или не мог найти того, за чем его посылали — например, рулон туалетной бумаги, — то обычно говорил: «Что ж, я, пожалуй, зайду в четверг». Эта шутка приписывалась Брюсу и стала своего рода его визитной карточкой, как у комиков на телевидении.

Позже, на одной из вечерних Игр, когда обсуждали, какую каждый из них принес пользу,

решили, что Брюс принес в «Новый путь» юмор. Принес способность видеть смешную сторону вещей, как бы ни было плохо. Собравшиеся в круг дружно зааплодировали, и, с удивлением подняв глаза, он увидел со всех сторон улыбки и теплые одобрительные взгляды. Эти аплодисменты надолго остались в его сердце.

Глава 17

В конце августа того же года его перевели на ферму в Северной Калифорнии, в краю виноградников.

Приказ о перемещении подписал Дональд Абрахамс, директор-распорядитель фонда «Новый путь», по представлению Майкла Уэстуэя, служащего фонда, который принимал особое участие в судьбе Брюса. Было учтено, в частности, то, что участие в Играх не принесло ожидаемых результатов и даже ухудшило состояние пациента.

— Тебя зовут Брюс, — сказал управляющий фермой, когда Брюс неуклюже вылез из машины, волоча за собой чемодан.

— Меня зовут Брюс, — сказал он.

— Мы попробуем тебя на полевых работах, Брюс.

— Хорошо.

— Я думаю, тебе понравится здесь.

— Я думаю, мне понравится, — сказал Брюс. — Здесь.

Управляющий придирчиво осмотрел его.

— Тебя недавно постригли?

— Да, меня недавно постригли. — Брюс прикос-

нулся к бритой голове.

— За что?

— Меня постригли, потому что нашли на женской половине.

— В первый раз?

— Во второй. — Брюс стоял, не выпустив чемоданчика. Управляющий жестом велел поставить его на землю. — В первый раз меня постригли за буйство.

— Что ты сделал?

— Я швырнул подушку.

— Хорошо, Брюс, — сказал управляющий. — Идем, я покажу, где ты будешь жить. У нас здесь нет большого дома, а есть маленькие домики, в которых размещаются по шесть человек. Там спят, готовят себе пищу и отдыхают, когда не работают. Здесь нет Игры, только работа. Игр больше не будет, Брюс.

На лице Брюса появилась улыбка.

— Ты любишь горы? — Управляющий указал направо. — Гляди: горы. На их склонах выращивают отличный виноград. Мы не растим виноград. Мы растим разные другие культуры, но не виноград.

— Я люблю горы, — сказал Брюс.

— Посмотри на них. — Управляющий снова

указал; Брюс не повернул головы. — Мы подберем тебе шляпу. Работать в поле без головного убора нельзя. Пока нет шляпы, на работу не выходи. Ясно?

— Не выходить на работу без шляпы, — повторил Брюс.

— Здесь хороший воздух, — сказал управляющий.

— Я люблю воздух, — сказал Брюс.

Управляющий жестом приказал Брюсу взять чемодан и следовать за ним. Он то и дело поглядывал назад и чувствовал себя не в своей тарелке. Знакомое ощущение — ему всегда было не по себе, когда приезжали… такие.

— Мы все любим воздух, Брюс. В самом деле любим. Это у нас общее.

Он подумал: по крайней мере, *это* у нас еще общее.

— Я буду видеться со своими друзьями? — спросил Брюс.

— С друзьями из «Нового пути» в Санта-Ане?

— С Майком, и Лаурой, и Джорджем, и Донной, и…

— Сюда к нам приезжать нельзя, — объяснил управляющий. — Это закрытая зона. Но ты, возможно, будешь ездить туда пару раз в год. У нас

бывают общие встречи: на Рождество и…

Брюс остановился.

— Следующая встреча — на Благодарение, — сказал управляющий, махнув ему рукой. — Рабочие на два дня поедут туда, откуда они к нам попали. А потом вернутся — до Рождества. Так что с друзьями увидишься через три месяца. Если их самих куда-нибудь не переведут. Но учти: у нас в «Новом пути» нельзя завязывать с кем-то отдельных отношений. Тебе говорили? Мы все — одна семья.

— Я понимаю, — сказал Брюс. — Мы это учили, когда проходили Закон «Нового пути». Можно мне попить?

— Мы покажем тебе, где здесь вода. — Управляющий повел Брюса к ряду однотипных сборных домиков. — Это закрытая зона, поскольку мы выращиваем экспериментальные гибридные культуры и боимся заражения насекомыми-вредителями. Люди могут случайно пронести их сюда на одежде, обуви и даже в волосах. — Он ткнул пальцем в первый попавшийся домик. — Твой домик — «четыре-Д». Запомнишь?

— Они такие похожие… — пожаловался Брюс.

— Можешь прибить что-нибудь к стене, чтобы легче его узнавать. Что-нибудь яркое. — Управ-

ляющий толкнул дверь, изнутри полыхнуло горячим спертым воздухом. — Думаю, сперва мы поставим тебя на артишоки, — размышлял он вслух. — Тебе придется носить перчатки — они колючие.

— Артишоки, — сказал Брюс.

— У нас есть и грибы. Экспериментальные грибные фермы. Конечно, закрытые, чтобы патогенные споры не заражали почву.

— Грибы, — повторил Брюс, входя в жаркое темное помещение.

Управляющий смотрел на него с порога.

— Да, Брюс, — сказал он.

— Да, Брюс, — сказал Брюс.

— Брюс, — окликнул управляющий. — Очнись!

Он кивнул, застыв в полумраке, все еще не выпуская из рук чемодана.

Стоит им оказаться в темноте, как они сразу клюют носом, подумал управляющий. Словно цыплята. Овощ среди овощей. Грибок среди грибков.

Он включил свет и начал показывать Брюсу нехитрое хозяйство. Брюс не обращал внимания — он впервые заметил горы и теперь смотрел на них широко открытыми глазами.

— Горы, Брюс, горы.

— Горы, Брюс, горы… — повторил Брюс, не отрывая глаз.

— Эхолалия, Брюс, эхолалия, — вздохнул управляющий.

— Эхолалия, Брюс, эхо…

— Хорошо, Брюс. — Управляющий закрыл дверь домика и подумал: я поставлю его на морковь. Или на свеклу. На что-нибудь простое. На то, что его не озадачит.

А на вторую койку — другой овощ. Для компании. Пусть дремлют свои жизни вместе, в унисон. Рядками. Целыми акрами.

* * *

Его развернули лицом к полю, и он увидел хлеба, поднимающиеся, словно зазубренные дротики. Он нагнулся и заметил у самой земли маленький голубой цветок. Множество цветков на коротких жестких стеблях. Словно щетина. Жнивье. Наклонившись к цветам, чтобы лучше их рассмотреть, Брюс понял, как их много. Целые поля цветов, укрытых сверху высокими колосьями. Спрятанные среди более высоких растений, как часто сажают фермеры: одни посадки среди других. Как в Мексике сажают марихуану — чтобы не заметила полиция с джипов.

Но тогда ее засекают с воздуха. И полиция, обнаружив плантацию, расстреливает из пулемета фермера, его жену, их детей и даже животных. И уезжает, сопровождаемая сверху вертолетом.

Очаровательные голубые цветочки.

— Ты видишь цветок будущего, — сказал Дональд, директор-распорядитель «Нового пути». — Но он не для тебя.

— Почему не для меня? — спросил Брюс.

— Ты уже перебрал, достаточно! — хохотнул директор-распорядитель. — Так что хватит поклоняться. Это уже не твой кумир, не твой идол.

Он решительно похлопал Брюса по плечу, а потом, наклонившись, закрыл рукой цветы от его прикованного взгляда.

— Исчезли, — сказал Брюс. — Весенние цветы исчезли.

— Нет, ты просто не можешь их видеть. Эта философская проблема слишком сложна для тебя: она относится к теории познания.

Брюс видел только загораживающую свет ладонь Дональда и смотрел на нее целое тысячелетие. Все было закрыто и заперто, заперто навсегда для мертвых глаз по ту сторону времени. Взгляд — намертво прикованный к руке, что застыла навечно. И время застыло, и взгляд застыл,

и вселенная застыла вместе с ними, по крайней мере для него — абсолютно неподвижная и в то же время абсолютно постижимая. Все уже было, и ничего больше произойти не могло.

— За работу, Брюс, — велел Дональд, директор-распорядитель.

— Я видел, — сказал Брюс.

Я знаю, подумал он. Я видел, как растет препарат «С». Я видел, как голубым покрывалом на коротких жестких стебельках лезет из земли сама смерть.

Дональд Абрахамс и управляющий фермой переглянулись, а потом посмотрели на коленопреклоненную фигуру, на человека, опустившегося на колени перед *Mors ontologica.*

— За работу, Брюс, — сказал коленопреклоненный и поднялся на ноги.

Он наблюдал — не оборачиваясь, не в силах обернуться, — как Дональд и управляющий, переговариваясь между собой, сели в «Линкольн» и уехали.

Брюс наклонился, вырвал один стебелек с голубым цветком и засунул его поглубже в правый ботинок, под стельку. Подарок для моих друзей, подумал он. И крошечным уголком мозга, куда никто не мог заглянуть, стал мечтать о Дне бла-

годарения.

От автора

Это роман о людях, которые были наказаны чрезмерно сурово за свои деяния. Они всего лишь хотели повеселиться, словно дети, играющие на проезжей части. Одного за другим их давило, калечило, убивало — на глазах у всех, — но они продолжали играть. Мы были очень счастливы — не работая, а просто валяя дурака, — но такое короткое время, такое кошмарно короткое время! А расплата оказалась невероятно жестокой; даже когда мы видели ее, то не могли поверить. Например, в процессе работы над романом человек, с которого я писал Джерри Фабина, покончил самоубийством. Мой друг, послуживший прототипом Эрни Лакмена, умер еще раньше. Какое-то время я сам был одним из этих детей, веселящихся на улице; подобно им, я пытался играть, вместо того чтобы расти, — и был наказан. Мое имя находится в конце книги, в списке тех, кому посвящается роман.

Злоупотребление наркотиками — не болезнь. Это решение, сходное с решением броситься под машину. Скорее даже, это ошибка в суждении. Если заблуждаются многие, это уже социальная

ошибка, ошибка в образе жизни. Девиз этого образа жизни: «Лови момент! Будь счастлив сейчас, потому что завтра ты умрешь». Но умирание начинается немедленно, а счастье лишь остается в памяти. Этот образ жизни не отличается в корне от вашего, он просто быстрее. Счет идет не на десятилетия, а на недели или месяцы. «Бери деньги, а долг пусть растет», — говорил Вийон в 1460 году. Но так нельзя, если денег — грош, а расплачиваться всю жизнь.

Роман лишен назидания. Он не учит наставительно, что им следовало работать, а не играть; он всего лишь описывает последствия. В греческой драме открыли причинно-следственную связь. Немезида в этой книге — не судьба, потому что любой из нас мог принять решение уйти с проезжей части. Из глубины души я рассказываю о чудовищной Немезиде для тех, кто продолжал играть. Сам я — не персонаж; я — роман. Как, впрочем, и все наше общество. Речь идет о гораздо большем числе людей, чем я знал лично. О некоторых мы читали в газетах. Все это баклушничанье, шалопайство, болтовня с закадычными дружками под любимые записи, все это — ужасное решение шестидесятых. И природа обрушила на нас кару.

Кара, как я уже говорил, невероятно жестокая, и я предпочитаю думать о ней с безучастностью греческой драмы, по-научному, как о предопределенном следствии, неумолимо вызванном причиной.

Вот список тех, кому я посвящаю свою любовь:

Гейлин — нет в живых;

Рей — нет в живых;

Фрэнси — тяжелый психоз;

Кэти — необратимые изменения головного мозга;

Джим — нет в живых;

Вэл — обширные необратимые изменения головного мозга;

Нэнси — тяжелый психоз;

Джоан — необратимые изменения головного мозга;

Марен — нет в живых;

Ник — нет в живых;

Терри — нет в живых;

Деннис — нет в живых;

Фил — необратимые изменения поджелудочной железы;

Сью — необратимые изменения сосудистой системы;

Джерри — тяжелый психоз и необратимые

изменения сосудистой системы…

…и так далее.

Вечная память. Это все мои друзья, лучших просто не бывает. Все они живы в моей памяти, и врагу, погубившему их, нет прощения. Этим врагом была их ошибка в игре. Так пусть им будет позволено поиграть еще, как-нибудь иначе, и да будут они счастливы!